

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

НОВОЕ О БУЛАТЕ

МОСКВА
2006

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

Новое о Булате Окуджаве

Выпуск 3

Москва
БУЛАТ
2006

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
О52

Редакционная коллегия:

Н. А. Богомолов, М. Р. Гизатулин, В. А. Зайцев,
Ю. Ф. Карякин, А. Е. Крылов (гл. редактор),
А. В. Кулагин, Вл. И. Новиков, С. В. Свиридов,
В. А. Шербакова, В. Ш. Юровский

Составитель

А. Е. Крылов

Редактор

И. А. Соколова

Серийное оформление — С. Сысуев

*На 1-й с. переплёта воспроизведён портрет
работы художника П. Евладова (1964)
на 4-й — художника Н. Дронникова (1978)*

Составитель и издатель благодарят

С. Боханцева, Ю. Куликова, М. Кууск, И. Некрасова,
М. Раевскую, Ф. Тихомирова, Е. Чулкова
за помощь в подготовке книги

О52 Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 3 / Сост. А. Е. Крылов. — М.: Булат, 2006. — 544 с.: ил.

ISBN 5-98557-005-3

Основу третьего альманаха о русском писателе и барде Б. Ш. Окуджаве (1924—1997) составили воспоминания, статьи и материалы о его творчестве, публикующиеся впервые. Помимо традиционных разделов, сюда вошли и появившиеся впервые, посвящённые различным аспектам жизни и творчества Окуджавы: приезду поэта в Нижний Тагил, неопубликованным стихотворениям из его архива, а также связям его поэзии с творчеством других представителей авторской песни. Биографический аспект затронут и в других разделах выпуска, где опубликованы интервью и письма Окуджавы, а также обзор биографических статей. Книга богато иллюстрирована фотоматериалами и снабжена подробным справочным аппаратом. Для студентов, преподавателей и широкого круга читателей, любящих русскую литературу и авторскую песню.

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос-Рус)6

ISBN 5-98557-005-3

© Указанные авторы, 2006

Чем дольше живём мы,
 тем годы короче,
тем слаще друзей голоса...
Ах, только б не смолк
 под дугой колокольчик,
глаза бы глядели в глаза!

Редакция и редколлегия альманаха «Голос надежды» рады представить своим читателям его третий выпуск, посвящённый материалам и событиям окуджавоведения 2005 года.

Он традиционно открывается разделом «Из воспоминаний». Как минимум два других раздела также содержат мемуары. Один из них имеет название «По чертежам своей души» и включает в себя статьи, написанные в жанре мемуарной прозы. А под шапкой «Урал, 1964» по тематическому принципу объединены материалы, касающиеся приезда уже известного поэта Булата Окуджавы в Нижний Тагил, где был арестован, а затем расстрелян его отец и где он сам прожил с 1934 по начало 1937 года.

«Уральский» раздел, а также статья, рассказывающая о многолетней творческой дружбе Б. Окуджавы и Н. Панченко, по нашему мнению, наглядно показывают, насколько может быть ненадёжна человеческая память и как опасны бывают мемуары в качестве единственной опоры для выводов биографов. Эта же — сквозная — мысль выпуска продолжена и в других разделах, в частности в обзоре биографических статей в справочниках и энциклопедиях.

Тему Тагила и 1937 года предваряет раздел «Публикации», куда, кроме двух интервью и архивных документов семьи Смольяниновых—Живописцевых, включены письма Окуджавы к друзьям его ранних школьных лет.

Раздел «Штудии» на этот раз рассказывает о третьей переделкинской международной конференции филологов, посвящённой творчеству писателя. В преддверии выхода материалов этого форума мы публикуем статьи, основанные на некоторых понравившихся нам докладах.

Научное окуджавоведение в этом выпуске также представлено ещё одним сугубо филологическим разделом, в котором две диссертации по творчеству Окуджавы, успешно защищённые за последний год, читателям представляют их официальные оппоненты. Мы надеемся, что не раз будем на своих страницах обращаться к этим работам, тем более, что одна из них затрагивает ту же магистральную тему нашего альманаха — биографию писателя, многие детали которой, несмотря на минимальную очевидность, пока остаются не установленными и известными лишь в первом приближении — по его собственным воспоминаниям или мемуарам третьих лиц.

Ещё один из разделов альманаха, появившихся впервые, назван цитатой из окуджавской песни: «Строка из старого стиха слывёт ненастоящей». За девять лет со дня смерти поэта обнародовано чрезвычайно мало стихотворений из его творческого наследия. Хотя очевидно, что неопубликованные произведения в его архиве есть. Ведь известно, как тщательно он подходил к их отбору и что от многих текстов он в дальнейшем отказывался, — даже после их публикации. Известные в области авторской песни учёные задаются вопросом: почему Булат Шалвович сам ни разу не опубликовал — ни в периодике, ни в сборниках — три стихотворения, взятые нами из фонограммы одного его выступления 1961 года?

И третий новый раздел, который впрочем, как ожидается, станет постоянным, получил название «Контекст» и посвящён связям поэзии Окуджавы с творчеством других создателей авторской песни 1950–1980-х.

Галерея «ГН» представляет нам творчество поэта глазами учеников московского лицея № 109.

Заключают сборник традиционные библиографические материалы (на этот раз это список опубликованных стихотворений поэта, не вошедших в его собрание), обзоры и рецензии.

Все статьи книги публикуются впервые. Впервые читатель познакомится и с большинством иллюстраций выпуска.

Владимир КОРНИЛОВ

ВОСПОМИНАНИЙ ПИСАТЬ НЕ БУДУ*

Для того чтобы писать воспоминания, надо поставить себе некоторые пределы: не писать о личных делах, не выставять человека в каком-то особенном свете... Когда умерла Ахматова, — я её очень хорошо знал, встречался с ней гораздо чаще, чем с Булатом, — я не стал писать о ней, потому что знал, что не всё возможно рассказать. И даже не по цензурным соображениям, а по этическим. А когда не можешь в с ё написать, то, может быть, и вообще не надо. Это моя точка зрения.

Есенин говорил: «Что касается подробностей моей жизни, то они в стихах». По-моему, Булат сам прекрасно рассказал свою жизнь. И всё лучшее о себе сказал именно в песнях. Во всяком случае, я писать воспоминаний не буду.

Мне даже, честно говоря, было немножко жалко, когда он перешёл на прозу... Нет, проза у него хорошая, ничего не скажешь. И, конечно, когда выйдет собрание сочинений, там проза будет занимать места больше, чем стихи. Но его песни, мне кажется, — это его бессмертие. И даже в огромной мере это н а ш е бессмертие, потому что он передал то, что нам самим не удалось передать. Булат выразил то, чего не выразил никто. Причём, выразил за всех. Дух времени, дух шестидесятых, дух конца пятидесятых, время «оттепели» не Эренбург передал в своей повести «Оттепель», не даже очень хорошие и прекрасные поэты, не прозаики, а лучше всего, точнее всего передал, мне кажется, Булат. Не факты, а именно д у х. И не обязательно

* Текст основан на выступлении в Клубе друзей Булата Окуджавы (под рук. Л. Шиловой и М. Гизатулина) 14 ноября 2000 г. Ошибки памяти выступающего откомментированы в постраничных сносках.

но в своих политических песнях и стихах, а, скажем, в какой-нибудь песне — «Тьмою здесь всё занавешено...» или «Московский муравей»: щемящая незащищённость человека, но человека уже страхнувшего рабство, вылезшего из тьмы, из лагеря, — откуда угодно.

Пятидесятые-шестидесятые годы — это какое-то, с одной стороны, освобождение, какая-то появилась личная жизнь. До этого не было личной жизни, вся личная жизнь озадачивалась государственным гимном. Появилась какая-то лирическая струна...

Многие говорили, что Окуджава Вертинского возродил, некоторые — что это после приезда Монтана. Да нет... Видимо, Вертинский и Монтан какую-то роль сыграли в его песенном даре, но я думаю, что без них он тоже стал бы петь. Другое дело, что и Вертинский и Монтан н а ш и уши приспособили к этому, особенно Монтан.

Вообще, хотя поэтов очень много, даже в двадцатом веке, и очень хороших поэтов, но лирики как-то всегда не хватало. Ведь не случайно Симонов так прославился во время войны, потому что — военное одиночество, особенно много женщин, мужчины на фронте, женщины в тылу... Я помню в Москве, в сорок четвёртом году, набитые залы... Симонов выходит — и... что-то творилось, как на вечерах, наверно, Пугачёвой сейчас. Но кончилась война, изменилось время, и как-то уже Симонова стихи подзавяли, они были приспособлены к военной обстановке... И знаменитое стихотворение «Жди меня, и я вернусь» стало почти лагерным, когда уже люди из лагеря пишут: «Жди меня, и я вернусь...» А у Булата очень много лирики. Поэтому я считаю его лириком.

И, странное дело, я вообще недолюбливаю песни. Я люблю стихи. Нет, и песни я тоже люблю, конечно. Но не так, как стихи. Стих обращён к одному человеку непосредственно, он распрямляет человека. Когда стихотворение читаешь, то думаешь о том, что там написано, производишь духовную, мыслительную — какую угодно работу. А когда ты поёшь вместе со всеми, то ты п р и о б щ а е ш ь с я, возникает чувство братства, солидарности — но как личность ты немножко суживаешься. Так вот, Булат единственный из шансонье, чья песня, может быть, и объединяла, но прежде всего она обращалась к т е б е, так же, как стихи, скажем, Пастернака, Ахматовой, Тютчева, Есе-

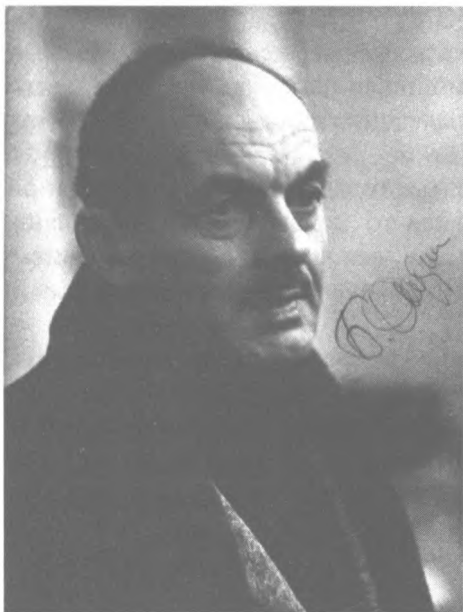

Фото М. Баранова

нина — кого угодно. Вот поэтому я его, несмотря на то, что он пел с гитарой, числю по разряду поэзии.

Я прочёл его книгу стихов, и мне она очень понравилась. Но когда проходили стихи, которые песни, — я начинал про себя петь, и это сбивало. Я к Булату хорошо отношусь, но мне нравится, когда мухи — отдельно, котлеты — отдельно. Вообще я не знаю, как его надо издавать. Я думаю, что надо издавать просто диски, а стихи, которые не стали песнями, — отдельно. И то, что многие пишут песни на стихи Булата Окуджавы, представляется мне занятием сомнительным... Как-то во время митинга у Соловецкого камня директор Сахаровского музея сказал мне, что певец Старчик написал песню на мои стихи о Сахарове. Я пришёл в ужас. А Старчик говорит про меня: «Значит, когда я начинаю петь — он уходит». Так вот, если Булат бы начинал петь, я всегда бы возвращался...

Мне кажется, что стихи Окуджавы, сами тексты, — меньше того, что получилось вместе с музыкой, — песен. И тут есть некоторая странность. Поговорим о песне вообще.

Есть разные направления песни: КСП, «В нашу гавань заходили корабли», другие песни, — это всё хорошо. Но мне каза-

лось, что Булат совершенно, как сказал Пастернак о Блоке, «другая статья»: «Блок, слова Богу, иная, // Иная, по счастью, статья». Года два назад в Клубе авторской песни, когда там уже все выпивали, меня позвали на сцену. Я сказал, что есть старый анекдот. Приходит ученик из школы и приносит табель: русский (устный) — двойка, русский (письменный) — двойка, арифметика (устная) — двойка, арифметика (письменная) — двойка, география — двойка, рисование — двойка, поведение — двойка, пение — отлично. И отец ученика говорит: «Он ещё поёт». Когда я это рассказал, там все меня возненавидели. А я помню, что лет тридцать или двадцать назад я рассказывал этот анекдот Булату — он хохотал, потому что для него это было нормально... Когда-то я даже писал стихи, но жене очень не понравились, и она отвергла это стихотворение. Начиналось оно так:

Песню тянут, чтоб не молчать,
Чтоб не думать, прав не качать
И не чуять укоров совести...

Есть замечательный фильм «Мой друг Иван Лапшин». Там буквально всё время поют. Тридцать пятый или тридцать четвёртый год, ужасное время, но люди именно поют, чтобы не говорить. А вот песни Булата — они как раз именно говорят... Почему так возненавидели их, почему так преследовали Булата? Ведь он, собственно, ничего такого особенно антисоветского там не говорил. Он говорил о достоинстве человека, о том, что сначала — человек, а потом уже — государство. А все остальные песни всё-таки рассчитаны на то, чтобы люди не думали, а пели...

Скажем, есть два текста: «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова и «Гори, гори, моя звезда». Если посмотреть глазами, то ясно, что такое «Гори, гори, моя звезда»: какое-то почти альбомное стихотворение. А ведь когда поют, получается замечательный, может быть, один из лучших романсов девятнадцатого века. А «Выхожу один я на дорогу» очень много т е р я е т в пении. Так вот: песни Окуджавы очень много о б р е т а л и. Правда, должно оговориться: они обретали только в е г о исполнении.

Когда Булата поют хором, мне тяжело слушать (кстати, он сам любил, когда его песни пели хором). Я воспринимаю его песни только в его исполнении. Может быть, я слишком нервический человек, но мне кажется, что, как стихотворение может существовать только в единственном виде, — как написал, ска-

жем, Пушкин, Лермонтов, и ничего там менять уже нельзя, — так и в пении Окуджавы исполнение состоит из трёх неразделимых частей: из текста, из голоса и из музыки.

Причём, я должен сказать, что он пел, наверно, как все... Помню, когда он появился, все говорили: «Да нет, он петь не умеет», говорили: «Он играть не умеет», а про стихи говорили: «Да нет, у него тут одна ошибка, там другая, с русским языком у него плохо». И, понимаете, всё это так, — а вместе получалось гениально. Если бы он хорошо пел, у нас был бы ещё один певец хороший, если б хорошо играл — ещё один музыкант, писал бы стихи лучше — был бы ещё один очень хороший поэт. Но всё это он делал вот так — и получилась целая эпоха по имени «Окуджава». Вот в этом — чудо, в этом — волшебство.

Когда-то Толстой говорил о Чехове, что он пишет «на чуть-чуть»: непонятно, как это сделано. То же самое Булат. Это всё было «на чуть-чуть». Он даже иногда сам над собой смеялся: я же пишу и даже не думаю! «Всегда мы в походе, и только одно отрывает от сна», «Живи по-привальному, дверь отворя¹» — это он в палатке. Где там двери? Видимо, его так несла стихия, что он не очень проявлял буквальный смысл.

Году в шестидесятом мы со Слуцким как-то встретились в центре. Для меня это был очень важный день: я принёс ему свою поэму, которую писал два года. И я считал, что уж этот-то день он будет говорить всё время о моей поэме — знаете, как бывает, с пылу, с жару. Слуцкий говорил очень хорошие фразы. Прошло два часа, всё хорошо, а потом он предложил: «Пошли в “Литературку”, к Булату» (Булат тогда заведовал стихами в «Литературке»).

Вошли в кабинет. Булата куда-то позвали. У него на столе какие-то стихи. Я посмотрел и говорю: «Смотрите, Борис, как пишут графоманы! Уже ничего стали писать, но всё равно: «Когда метель рычит, как зверь — // протяжно и сердито — // не закрывайте вашу дверь, // пусть будет дверь открыта²»... Слуцкий говорит: «Да, в общем...» — так, махнул рукой. И мы считали, что это даже стихи не Булата. Почему, если рычит, как

¹ В публикациях: «Нас время учило: // живи по-походному, дверь отворя» (Чаепитие на Арбате. М.: ПАН, 1996. С. 110). *По-привальному* — звучит на фонограммах 60-х гг., напр., на парижской пластинке 1968 г.

² Точная цитата: «Когда метель кричит, как зверь — // протяжно и сердито — // не запирайте вашу дверь, // пусть будет дверь открыта» (Чаепитие на Арбате. С. 42).

зверь, почему нужно держать дверь открытой? Наоборот, надо бы захлопнуть...

Проходит месяц, и я слышу — он поёт эту самую песню. Я совершенно растерялся. Потом сообразил, что это были его стихи. А ведь когда он вошёл тогда, я хотел ему сказать: «Смотри, какая графомань!» Слава Богу, не сказал... Воздержался.

Происходило чудо. Булат говорил, что нужно оставлять какие-то зазоры... Те стихи, которые не стали песнями, — это хорошие стихи, может быть, даже некоторые очень хорошие... Вот он написал: «Берегите нас, поэтов, берегите нас. // Остаются век, полвека, год, неделя, час...», — но, видимо, не влезала мелодия. (Это стихотворение для него не эпохальное, его не сравнить с «Виноградской косточкой» или «Музыкант под деревом...»).

И как это происходило... Однажды где-то в Коктебеле он как-то мне говорил: «Ты понимаешь, эстрада — это такое дело, без какой-то доли пошлости тут ничего нельзя, потому что если ты хочешь идти против эстрады, не выходи на неё, пиши для себя». Примерно то же самое я потом прочёл у Асеева. В последний год, уже совершенно спившийся, Есенин говорил Асееву: «Понимаешь, нужно на пуд зерна давать полпуда навоза, иначе умрёшь Пастернаком». Булат сказал это же изящней.

Окуджава, хотя и говорил об эстрадности, совершенно отстранял от себя это... Он говорил:

— Вот Евтушенко, смотри, что делает... Он измеряет, сколько этому стихотворению хлопают, а сколько тому, и старается писать, как это... Это ж нельзя! Каждый раз нужно начинать сначала.

Стихи Булата, его песни очень прозрачны. Он шёл в каком-то смысле от Лермонтова. «Выхожу один я на дорогу» — в этой вещи есть то, что потом можно найти у Окуджавы. Он умел и в прозе это написать.

Я думаю, что, как ни странно, на Булата большое влияние по форме стиха оказала Белла Ахмадулина. Она очень хорошо писала девочкой, очень энергично... Когда Булат жил в Калуге, до него не доходили московские стихи, московские поэты, а тут, видимо, знакомство сильно повлияло, на разрыхлённую почву это хорошо легло.

Когда-то Бурлюк говорил, что у Маяковского память — как дорога под Полтавой: каждый свою галошу оставляет. У Булата была такая же манера: он как-то всё брал, и как-то там у не-

го переваривалось, и уже ничьих следов не было заметно. Как говорится, гений не ворует, а завоёвывает. И он — гений, который мог взять Ахмадулину и что-то другое, и вообще следов не осталось от них — только если специально искать внимательно, можно найти чуть-чуть что-то такое. И он ни на кого не похож.

Он был настоящий труженик. Не в том смысле, что он сидел, работал всё время; хотя у него была такая амбарная книга, и я месяца два наблюдал, как он каждый день писал прямо от руки роман «Бедный Авросимов». Главный труд его был не в том, что он писал ежедневно; труд был мыслительный, была внутренняя работа — то, о чём Заболоцкий писал: «Не позволяй душе лениться...» Это сказано в том числе и об Окуджаве.

Когда я издавал книжку «Вольная поэзия России» — там стихи о девятнадцати поэтах от Державина до Бродского, — между Слуцким и Бродским я поместил и стихи об Окуджаве. Они написаны в восемьдесят седьмом году, печатались несколько раз, Булат их знал.

ГИТАРА

Б. О.

Музыки не было, а была
Вместо неё гитара —
Песнею за душу нас брала,
За сердце нас хватала.

И шансонье был немолодым,
Хоть молодым дорога,
Но изо всех только он один
Лириком был от бога.

Пели одни под шейк и брейк-данс
И под оркестр другие,
А вот с гитары на нас лилась
Чистая ностальгия.

Был этот голос нам, как судьба
Или как откровенье,
Нас он жалел и жалел себя,
А заодно — и время.

Пел своё, времени вопреки,
И от его гитары
Все мы, усталые старики,
Всё же ещё не стары.

Я впервые увидел Окуджаву в 1955 году. Он был тогда кучерявый такой, очень тонкий, мне казался он высокого роста. Очень стройный, что-то в нём было такое рыцарское, французское даже.

Он жил тогда в Калуге и приехал по какому-то делу в Москву. Я его встретил в журнале «Октябрь». Там работал один не очень хороший человек, я не буду называть его фамилии, он уже умер. Он был пьяница, но, кроме того, говорили, что он постукивает. А Булат каким-то образом его знал и пришёл по какому-то делу туда. И меня этот человек познакомил с Булатом. Я даже не мог произнести фамилию, тут же забыл, потому что *Окуджав* звучало для меня как что-то японское.

Через год, видимо, Булат уже переехал в Москву и приходил в этот журнал, даже что-то рецензировал. А потом устроился в «Молодую гвардию». Там я уже его не видел, я в «Молодую гвардию» не ходил.

Позже я его опять видел — в «Литературке». И потом мы печатались с ним в сборнике «Тарусские страницы». Он напечатал там повесть «Будь здоров, школяр», и у меня там была напечатана поэма. Поэтому мы с ним однажды ездили в Калугу и в Тарусу, и как-то встречались, на даче жили в одном посёлке — Шереметьево, бывали в каких-то ещё местах.

Я не был его другом. Мы были в очень добрых отношениях, но я вообще считаю, что литературу лучше поглощать не в живом виде, а в письменном. У меня были плёнки Булата, и я их слушал. У меня дома он никогда не был. Я у него был раз семь или восемь на обеих квартирах. В Шереметьево мы жили в разных домах.

Впервые услышал я его песни на магнитофоне, у знакомых. Булата не было. Я примерно года четыре или пять его знал, но не знал, что он пишет песни. И однажды кто-то принёс плёнку, я услышал на магнитофоне запись — меня потрясло.

А буквально через несколько дней у других знакомых — пришёл Булат, и один поэт, тогда ещё бывший мужем Инны Лиснянской, дал гитару и начал у него просить, чтобы Булат спел, а он записал и мог отвезти в Баку (они тогда жили в Баку), и Булат твёрдо сказал: «Нет, нет». Вообще он очень твёрдо умел говорить «нет», и я думаю, что это большое его достоинство.

Или, например, в Доме-музее Волошина — вдова Волошина просила Булата: «Спойте», а он: «Нет», — и не стал петь.

Он в это время писал «Бедный Авросимов», что ли... Его увлекла проза, и он даже очень сердился, когда его просили петь... Мне даже кажется, что он хотел, чтобы без песен, чтобы без музыки, без гитары, ему хотелось — вот стихи... И, кстати, стихи последних пяти лет — они выше, чем прежние.

Булат не любил, мне кажется, выступать; просто — это было одним из заработков. На сцену, как бабочка на свет или пчела на мёд, он не летел... Строчка Пастернака: «Как собой недовольный художник, отстраняешься ты от торжеств...» — это про Окуджаву. Мало о ком так можно сказать. Во всяком случае, самовольной улыбки никогда я не видел на лице, когда его хвалили.

Когда я уже отдал свои вещи на Запад и понимал, что меня исключат из Союза писателей, мне надо было заработать деньги, чтоб как-то продержаться. И я заключил в Политиздате договор на книгу о русском профсоюзном деятеле Обнорском. Я её не стыжусь, но ничего в ней особенного... И Слуцкий говорил: «Володя, не надо писать о XIX веке, не стоит. Вы пишете о том времени, о котором писал Достоевский. А вы, во-первых, даже не Достоевский, а во-вторых, вы этого времени не видите». И то же самое у Булата. Правда, Булат писал не совсем исторические вещи. Это была как бы подмена. Это что-то похожее на Лиона Фейхтвангера: когда он писал, скажем, «Лженерона», или из какого-то другого времени, — он имел в виду сегодняшнее. И мне кажется, что исторические романы Булата были направлены в сегодняшний день. Я не знаю, хорошо ли это или плохо; во всяком случае, они имели читателя, они написаны изящно. Думаю, что если бы Булат жил сейчас, он бы такой прозы не писал. Он был чем-то вынужден писать эту прозу.

Должен сказать, что Булат был удивительно изящен и артистичен во всём, он был удивительно воспитан. Я никогда не видел, чтоб он скандалил, я никогда не видел его пьяным, никогда не видел ругающимся, никогда не видел его просящим... У него был особый, очень тонкий юмор. Хотя он был учителем, я никогда не видел его учащим, учительствующим. Это был человек в этом смысле удивительный.

Хотя мы встречались в разных городах, и в Москве, и выпивали, но я всегда понимал, что при нём нельзя распускаться, потому что он сам не позволял себе распускаться. Но другие этого не понимали. Я много раз был свидетелем того, как многие его близкие друзья устраивали скандалы, чего Булат никогда себе не позволял.

Я не знал его отца, мать его однажды приезжала в Шереметьево. Она, несмотря на то, что просидела очень много, была ещё довольно красива и казалась молодой женщиной, или средних лет. Я слышал, как она ворчала. И я понял, что у Булата это не от родителей, а самовоспитание, — он сам себя таким воспитал.

А с братом его я жил некоторое время рядом. Очень недолго. Домик щитовой на три комнаты. Я там, в Шереметьево, жил зимой, и в соседней комнате жил брат Окуджавы. Мама приезжала ухаживать за ним, подметать... Брат — Виктор. Очень молчаливый, на Булата не похож, невысокого роста. Булат тогда привёз шахматный компьютер «Борис» (в честь Спасского), подарил этот компьютер брату. Брат был инженер. А мать я несколько раз видел, и однажды на дне рождения Булата.

Я должен повторить: действительно, это был самый воспитанный, самый рыцарственный поэт, которого я знал. Я не знал Пастернака, но в воспоминаниях Лидии Корнеевны есть раздражённые слова Пастернака о Симонове, ещё о ком-то, о МХАТе... А у Булата я никогда не слышал, чтобы какой-то негатив шёл... Как-то в Дубултах мы смотрели бездарнейший фильм по сценарию одного человека, которого я очень не любил. И я говорю: «Как ужасно!»

Булат говорит:

— Ну что ты хочешь? Человеку надо заработать деньги, чего ты сердишься...

Казалось бы, такое понимание и — отсутствие раздражённости. В нём не было брезгливости, не было раздражённости. И если б это было, мы бы не пели его песни.

Я дружил со Слуцким... Почему я не задружил с Булатом? Мне кажется, в нём была какая-то тайна, которую он крепко оберегал. Однажды ночью, где-то возле моря, он мне рассказал:

— Представляешь, — говорит, — вся наша семья... Дядя был первый секретарь грузинской компартии, такой знаменитый Окуджава. В истории партии пишется, что он уклонист, его расстреляли. Моего младшего дядю послали в лагерь, а там в сорок втором расстреляли из пулемётов весь лагерь. Мой отец был секретарь уральского³ горкома. Я очень отца любил... Потом я стал интересоваться, как всё это было. Я начал читать газеты уральские: мой отец пишет статьи против первого секретаря

³ Правильно: Нижнетагильского.

горькома и против второго, потом он становится вторым. Он пишет против первого, становится первым. Тут уже о нём статьи пишут другие... И так вот я понял, что это молотилка...⁴

Причём, он очень любил отца, ведь у него же: «О чём ты подумал, отец расстрелянный мой...»⁵ Видимо, что-то в нём было очень скрытое, не то чтобы больное, но он держал людей на дистанции.

Но некоторые этого не замечали, так сказать, лезли к нему в душу. Я помню один случай. Я знал его первую жену. Он развёлся с ней, и она умерла. Ей было лет около сорока, инфаркт, что ли, был... Самойлов и многие другие пришли хоронить её. А Булат пришёл в Боткинскую больницу и не мог войти, подошёл только к двери и ушёл. Все его осуждали... Я подумал: после того, что сделали со всей его семьёй, от человека нельзя требовать, чтобы он во всём был открыт... И такого человека лучше наблюдать издали. Поэтому я никогда к Булату не навязывался, и даже если звонили, то больше он ко мне, чем я к нему.

Часто приходится слышать, что поэты друг друга не любят. В общем, конечно, зависть, и всё такое — есть. Но я не знал никого, кто бы так любил чужие стихи, как любят поэты. Они знают наизусть километры стихов друг друга.

Но, конечно, не все. В шестьдесят шестом году, уже Булат был очень известен, поэт Куняев в «Нашем современнике» (он тогда не был ещё его редактором) напечатал огромную статью, где вывалил на Булата все грехи, даже доказывал, что он русского языка не знает и т. д., и т. п.⁶ Я удивился. Я знал Куняева, мы даже потом жили в одном подъезде, а до этого ему явно нравился Окуджава, он иногда пел песни Булата. Но вот такая партийная его ненависть: про строчку «в... футболочке комсомолочка

⁴ Данный пересказ по памяти, видимо, верен по основной идее, но не соответствует реальным событиям. Ср. в интервью О.: «Мне прислали вырезки из газеты "Тагильский рабочий" 37-го года. Идёт пленум горькома партии, выступает мой отец и клеймит такого-то. Ещё номер — следующий пленум, выступает заместитель моего отца и предаёт анафеме его. Третий номер — опять пленум, теперь "врагом народа" объявлен тот зам... Это какой-то кошмар!» (Окуджава Б. Терпение и вера, любовь и волшебство / Интервью ведёт И. Ришина // Лит. газ. 1990. 2 мая. С.3).

⁵ Точная цитата: «О чём ты успел передумать, отец расстрелянный мой...» (Чаепитие на Арбате. С. 61).

⁶ В действительности имеется в виду дискуссия: «Март великодушный» Б. Окуджавы: Куняев С. Инерция аккомпанемента; Красухин Г. «То грустен он, то весел он...» / [Крат. предисл. ред.] // Вопр. лит. 1968. № 9. С. 30–55.

Библиотека Б. Окуджавы.
Копия из собрания М. Гизатулина

идёт» Куняев пишет, что комсомолочка не может на фотографии идти. (Ну, вообще, может, и не может, но в поэзии — может.) И таких примеров там кучу набрал. Такая у него радость, оттого, что друг или приятель что-то сделал плохое... Получать удовольствие от печали, ошибок или неудач другого — это очень нехорошая черта.

Я могу сказать, как Булат относился к Высоцкому. Мне Высоцкий очень нравился. Но иногда бывало ощущение, что его «очень много». (Я помню, как-то зашёл к Самойлову, уже незадолго до его смерти, у него лежит книга одной поэтессы, белая такая книжка, толстая. А я знал, кто она такая, но ещё не читал. Я говорю: «Как тебе стихи?» — «Знаешь, её очень много». И потом, когда я читал — там столько белых стихов, действительно — «очень много».)

Уже после смерти Высоцкого Булат мне сказал:

— Знаешь, довольно много его, не могу.

И ведь он никогда это не показывал... Он написал прекрасную песню «О Володе Высоцком». И он никогда бы не позволил себе публично кого-нибудь обругать. Он бы промолчал. О мёртвых только хорошо или никак.

Примерно в начале шестидесятого года — Булат только начал петь — его начали приглашать в клубы, и, казалось бы, только радуйся, — поэт Луконин, лауреат Государственной премии, Сталинской тогда, какие-то посты занимал, был членом редколлегии «Нового мира», почему-то вдруг написал разгромную, большую, на лист, статью в «Знамени» против Булата. Казалось

бы: что тебе-то, чем он тебе мешает, у него только книжечка вышла, такая маленькая, в Калуге⁷. Кстати, книга была не очень выразительная...

Но как всегда бывает, сальери — если они не убивают, то способствуют славе Моцарта. Буквально через пять лет Булат, Луконин и Наровчатов поехали в Стругу. Это в Македонии, на озере, проходили такие Стружские вечера: в конце августа каждый год собираются поэты со всего мира, и кто-то там получает премию. И получил премию в этот раз Булат. Об этом подробно написал в «Юности» Юрий Левитанский, Булата он обожал в то время. Была благожелательная статья, репортаж, где он писал, как радовались премии Булата Наровчатова и Луконина⁸. Но потом Левитанский мне рассказывал, что там они жили в какой-то комнате, и, когда в душевой кабинке моются, кабинка к кабинке, то слышно. Моется Наровчатов, совершенно пьяный, и последними словами поносит Булата. Луконин — тоже последними словами. Я говорю: «Ты бы написал это». — «А ты бы напечатал?» — спрашивает Левитанский.

Сальеризма Булат был лишён начисто. Поначалу мы с Левитанским не то чтобы были «в контрах», но я всегда посмеивался над ним. А тут в «Дне поэзии» он напечатал поэму «Очередь»⁹. И я сказал Левитанскому: «Это очень хорошая поэма».

Потом Булат меня встретил недели через три и говорит:

— Тебе понравилась поэма Левитанского. Как здорово, что она тебе понравилась!

В нём совершенно не было ни зависти, ничего, — наоборот, он радовался, когда о ком-то что-то было сказано хорошее.

Думаю, что в нём было удивительное качество: он не боялся... бояться. Вот такой случай: Солженицыну должны были дать в семьдесят втором году Нобелевскую премию. Он прислал всем приглашение с чертежом, как дойти, — это на улице Горького было. То ли мне дали, то ли меня просили передать Булату, то ли... я не помню, почему, я что-то ему сказал, а он говорит: «А я не пойду». У него в это время были неприятности, и он

⁷ В действительности в статье только небольшая часть была посвящена О. (см.: Луконин М. Товарищ Поэзия // Знамя. 1961. № 2. С. 188–189), и критиковался в ней сборник О. «Острова» (М.: Совет. писатель, 1959).

⁸ Левитанский Ю. Турнир поэтов: Из запис. кн. участника // Юность. 1968. № 1. С. 109–110.

⁹ «Сколько помню себя — помню очереди...» (См.: Левитанский Ю. Мама и космос: Поэма // День поэзии 1962. М.: Совет. писатель, 1962. С. 183).

твёрдо сказал: «Я не пойду». Я знал очень многих людей, которые боялись сказать «нет» — не дай бог их назовут трусами или непринципиальными, а он твёрдо сказал: «нет» и «нет».

Некоторые рвали на груди рубашку: дескать, я такой, я всех там... пойду на смерть за правду.

А Булат говорил как-то так... с юмором:

Ну что, это человек не очень хороший, он врёт каждый день.

— А ты? — спросил я потом. — Ну, ты?

— Я — раз в месяц.

Как говорила Ахматова: «За мной дурная слава шелестела».

В Союзе писателей сменилось начальство, пришёл Сергей Сергеевич Смирнов. Человек, казалось бы, благородный. Он даже ещё не был начальником, он был секретарём партийной организации. И в это время где-то на Западе напечатали книгу Булата, без его ведома. Предисловие написал Михайло Михайлов, которого потом посадили, и что-то там было в этом предисловии¹⁰. Булата стали травить и даже исключать из партии. Это был 1972 год. Тут аккурат было сорокалетие Евтушенко, и на даче у него было человек сто, наверно. За столом были Константин Симонов и космонавт Севастьянов, сейчас член Государственной думы. Тогда он был ещё не такой исхудалый и совершенно не спившийся человек, довольно крепкий. Все довольно сильно выпили. Разговор зашёл об Окуджаве. Симонов говорит: «А зачем он вступил в партию? Его насильно никто туда не тянул. Вот меня тоже не тянули». И тогда Евтушенко разозлился и сказал: «Вы что — за то, чтоб исключили Булата?» (А Булат не пришёл, мне сказал твёрдо, что не придёт.) В общем, Евтушенко разозлился и выгнал Симонова и космонавта, и был не очень весел¹¹.

Правда, через две недели он написал в «Огоньке» стихи, которые посвятил выгнанному космонавту. А с Булатом дело было очень плохо. Сергей Сергеевич Смирнов его исключил.

¹⁰ Издания с таким предисловием не было. Видимо, имеется в виду книга самого Михайлова с главой, рассказывающей о посещении автором Окуджавы: Михайлов М. Булат Окуджава // *Лето московское*, 1964; *Мёртвый дом Достоевского и Солженицына* / Пер. с серб.-хорв. Я. Трушновича. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. С. 82–92; *См. также*: С. 21, 22, 33, 68.

¹¹ Ср. с вариантом рассказа Е. Евтушенко об этом: «Вместе с Константином Михайловичем я попросил уйти и Виталия Севастьянова, космонавта. Сейчас он, кажется, с Зюгановым. Это было на моём сорокалетии. Булата тогда хотели исключить из партии. В общем Симонов стал мне, беспартийному, объяснять, в чём Окуджава не прав, а Севастьянов ему поддакнул. Ну я обоих и попросил...» (*Соломонов Ю. Женя, Женечка и Евтух...* // *Общ. газ.* 1998. 24–30 дек. / № 51/. С. 16).

И потом Булату пришлось письмо напечатать в «Литературке»¹². Вот поэтому он тогда говорил, что врёт «раз в месяц». Не раз в месяц, а раз в пять лет.

У Бабеля есть рассказ «Мой первый гусь». Очкастый еврей Бабель приезжает в конармию. Его ставят на постой к какой-то хозяйке, где сидят казаки, которые смеются над Бабелем. И тогда Бабель говорит: «Хозяйка, дай жрать». Она говорит: «Нечего». Тогда он берёт шашку и рубит гуся, и говорит: «На, сваривот». «И казаки тогда со мной помирились». Так вот, мне казалось часто, что били Булата люди, которые хотели сказать властям: «Я с вами одной крови», «Я ваш». Поэтому и били Булата, чтобы получить какой-то лишний паёк, лишнее издание или вообще что-то, какую-то должность. Он их злил, как красная тряпка быка. Каждый говорил, что у него благородные цели, что он спасает русскую поэзию от Булата — а на самом деле добивался своих шкурных интересов.

У Булата было удивительное чувство гармонии и — чувство опасности. Вот две вещи, казалось бы, несовместимые. Он никогда на рожон не лез, но был достаточно твёрд. Это чувство гармонии — оно помогло ему остаться навсегда...

Как в живописи без тени нет объёма в рисунке, то же самое и в поэзии: всегда это какая-то борьба между личностью и природой, всегда это вызов Богу... Без этого нет личности. Без этого получается стадо. Но у Булата... Булат очень изящен. Булат — это всегда смягчено, это выражается не таким гневом, как у Лермонтова («Прощай, немытая Россия...»), а как бы немножко с улыбкой. Всё-таки он сделан был, видимо, из того теста, из которого сделаны все лучшие поэты.

Я знаю, что многие молодые не понимают Окуджаву, а мне кажется, что он сделал великое дело. Когда мы все его хоронили, и когда пение его откуда-то сверху шло — это было, как у актёров принято: когда выносят гроб, аплодировать. Мне казалось, это было выше, чем печаль, это что-то было грандиозное. И я не знаю другого случая, может быть, даже в истории, когда человек ушёл, а словно он есть. И для моего поколения, по-моему, уже ничего не убавится из того, что есть.

Подготовил и прокомментировал А. КОСТРОМИН

¹² В редакцию «Литературной газеты»: [В связи с оценкой творчества О. за рубежом / Предисл. ред.] // Лит. газ. 1972. 29 нояб. С. 9. (Текст письма см. на с. 492 наст. выпуска. — Ред.)

Владимир ДАГУРОВ

ОДИН ПОЭТ НА СВЕТЕ ЖИЛ

Булат Окуджава... Огромные в грусти тёмные глаза смотрят из-под изломанных бровей не в переполненный зал, а прямо тебе в душу. И гитара, старенькая, совсем обычная — чаще всего чужая, ему выносили её в нужный момент из-за кулис — в его руках сначала настраивалась, долго и вроде бы неумело. Длилось это минуту, две и три, он сокрушался, а люди в зале, давно уже настроенные, терпеливо ждали чуда — поэзию его песен.

На мне костюмчик серый-серый,
совсем как серая шинель.
И выхожу я на эстраду
и тихим голосом пою.

А люди в зале плачут-плачут —
не потому, что славен я,
и не меня они жалеют,
а им себя, наверно, жаль...

День поэзии — 1962

Мне в жизни повезло. Десятки раз довелось выступать вместе с Булатом Окуджавой в залах Москвы и Питера (только так называл он Ленинград!), и всегда его слушали, как в процитированном стихотворении. Мою обычную размеренную жизнь в Свердловске изменила одна публикация: в Москве вышел «День Поэзии — 1962», который открывался подборкой моих стихотворений. В декабре того же года меня, тогда ещё студента мединститута, вызвали в столицу для выступлений, посвящённых выходу этого альманаха. Тогда-то я впервые и увидел «живого» Окуджаву.

В субботу 15 декабря 1962 года в московском Театре эстрады состоялся большой вечер «К Дню Поэзии». По всей столице

*Иллюстрации
из архива автора*

были расклеены афиши. Я не верил глазам: огромными буквами моё имя стояло в ряду известных поэтов — Булат Окуджава, Михаил Дудин, Сергей Орлов, Александр Яшин, Виктор Соснора... Председательствовал на вечере Николай Доризо. Зал был переполнен, молодёжь сидела в проходах прямо на полу. Стихи слушали затаив дыхание, со светящимися глазами, реагируя на каждую удачную строчку, на любой смелый подтекст. Поэзия властвовала умами и сердцами как никогда — был настоящий бум этого жанра. Всех принимали тепло. Помню, мне даже довелось прочитать пару стихотворений «на бис», хотя имя моё москвичам было совершенно неизвестно. Но что творилось с залом, когда объявили выход Булата Окуджавы, описать словами невозможно. Люди шевелили губами, подпевая полюбившиеся песни — «Полночный троллейбус», «Лёньку-Короля», «Вы слышите, грохочут сапоги...», «Не бродяги, не пропойцы...», «Ваньку Морозова» — и, конечно, «Бумажного солдатика» и «Чёрного кота».

В комнате за кулисами я с юношеской наивностью спросил Булата Шалвовича: «Наверно, под чёрным котом скрывается Сталин?» Так воспринимало эту песню, я думаю, большинство.

Его ответ меня обескуражил:

— Напрасно, напрасно, Володя, ты так её воспринимаешь, — она никакого отношения к Сталину не имеет. Зачем так прямолинейно мыслить? А вот к жильцам она имеет отношение... — и многозначительно усмехнулся.

Поэты периода хрущёвской «оттепели» читали стихи в самых престижных залах столицы, и много раз доводилось мне выступать вместе с Булатом Окуджавой — в переполненной аудитории МГУ, в Большом зале Библиотеки им. Ленина, в Зале им. Чайковского, в Театре эстрады, в ДК на Красной Пресне, в Доме Литераторов; и был ещё апофеоз всего — «День Поэзии в Лужниках». Мне выпало выступать на этом вечере первым — перед семнадцатитысячной аудиторией, волнению моему не было предела. Булат, чуть усмехаясь, меня успокаивал:

— Выбери глазами студенточку-интеллектуалочку в первом ряду и читай стихи только ей.

Так я и поступил — увидел очкастую красавицу и читал для неё, даже вышел ещё раз на овации.

Меня всегда поражало, что и за кулисами, и на сцене Булат был одинаково естественен в своей всегдашней незлой иронии, доброжелателен к молодым поэтам, в том числе и ко мне. Вот я эмоционально читаю со сцены стихотворение о сплавщиках на Ангаре во время отдыха:

И снова сплавщики в ударе,
и снова Васька — рыжий чёрт! —
берёт на яростной гитаре
душешипательный аккорд...

Прочитав, сажусь рядом с Булатом, а он толкает меня в бок и лукаво подмигивает:

— Васька-чёрт — наверно, меня имел в виду? — Припомнил, видать, «чёрного кота» мне.

С ним всегда была охранительная ирония, которой он в данном случае и со мной поделился.

Должен отметить, что на мои первоначальные попытки называть его по имени-отчеству Булат среагировал категорически:

— Не надо, Володя, будь проще!

Так я с тех пор и звал его по имени и на «ты», хотя разница и в возрасте, и во всём остальном была большая.

Фото В. Ганчука

Спустя много лет встретились случайно в ЦДЛ, и я поприветствовал его: «Здравствуйте, Булат Шалвович!» И мгновенно услышал:

— С каких это пор мы перешли с тобой на «вы»?

Его простота происходила, конечно, от высокой внутренней культуры. Окружающие это чувствовали, и общаться с ним было легко, но допускал он к себе только тех, в ком чувствовал одну «группу крови».

Даже одевался он естественно просто — никогда (категорически!) не носил галстука, предпочитал мягкие клетчатые рубашки, свитера, любил чёрный кожаный пиджак, на голове кепку. Кожаный пиджак в начале шестидесятых среди поэтов был в моде, и однажды произошёл довольно забавный случай.

Был вечер в Политехническом. Собираемся за кулисами. Один за другим подтягиваются поэты. Входит Юрий Левитанский в чёрном кожаном пиджаке. За ним Марк Лисянский — в том же. Появляется Сергей Островой — и он в чёрном кожаном пиджаке. Юрий Ряшенцев — в точно таком же. Наконец, приходит Булат Окуджава — и он тоже в нём. Директор Бюро пропаганды Союза писателей, добрейшей души

Борис Ефремович Царёв, явно расстроен, разводит руками — ну как же так?!

Булат утешает его:

— Ничего страшного — как только я спою «И комиссары в пыльных шлемах...», они строем появляются из-за кулис и молча склоняются надо мной.

Все хохочут, обстановка разрядилась, и вечер прошёл как всегда на ура. Никто и не заметил невольной униформы — пришли не моду смотреть, а стихи слушать.

В Питере

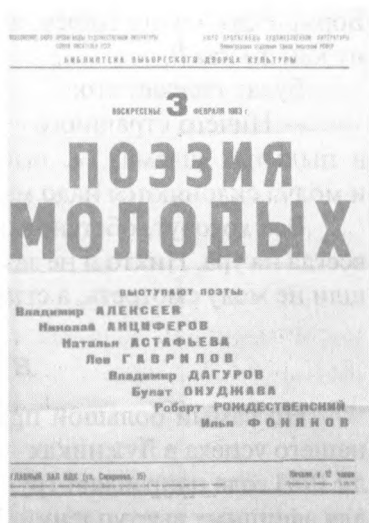
Но самый большой праздник жизни для меня был после нашего успеха в Лужниках — Бюро пропаганды в начале февраля 1963 года направляет группу московских поэтов в Ленинград для афишных выступлений. Группа состоит из четырёх человек: двоих, уже снискавших популярность, и двоих самых молодых. Афиши заранее напечатаны, и на них красным по белому: «Поэзия молодых» — Булат Окуджава, Роберт Рождественский... и я. Глазам не верю, но это так. Ещё с нами поехала Инна Кашежева, имя которой не успели вставить в афиши, а на месте к нам присоединились ленинградцы.

Садимся в «Красную стрелу» поздно ночью, размещаемся в двух купе. Роберт Рождественский был с супругой, критиком Аллой Киреевой. Утром нас встречают на перроне и везут по Невскому в шикарную гостиницу «Европейская». Каждого из нас поселили в отдельном номере. Каково мне, студенту, оказаться в двухкомнатном, обставленном старинной мебелью номере! В гостиной над кожаным диваном — большая картина в золочёной раме, голландский зимний пейзаж — подлинник XVII века. Ей бы только в Эрмитаже висеть!

Поздно вечером, после выступлений, мы и ленинградские поэты собирались у кого-либо из наших в «Европейской» и до двух-трёх ночи ужинали и читали стихи, вели беседы. Кто только у нас не побывал: внимательный ко всем «поэтический тамада» Михаил Дудин; его вечный друг с лицом, обгоревшим в танке, Сергей Орлов; не утративший учительской повадки Александр Кушнер; угловатый молчун Виктор Соснора; размышлительный, болеющий за всех и вся Глеб Горбовский; добродушный Владимир Алексеев; вития и эрудит Илья Фоня-

Ленинград, февраль 1963 г. На заднем плане: В. Дагуров, И. Кашежева.
Фото Владимира Крошилова

Афиша вечера
3 февраля 1963 г.
в библиотеке Выборгского
дворца культуры

Выступает В. Дагуров. Сидят:
Н. Анциферов, Р. Рождественский,
Б. Окуджава, В. Алексеев, Л. Гаврилов

Н. Анциферов, В. Дагуров, Б. Окуджава

ков; по-шахтёрски упрямый Николай Анциферов; улыбчивый и ироничный Лев Гаврилов; молодые красавицы и умницы Майя Борисова и Наталья Астафьева и многие-многие другие. Всех, конечно, притягивало общение с Булатом и Робертом.

Мне казалось странным, что когда Булат оказывался вблизи с Робертом, они были как бы рядом, но не вместе. Не сразу, но совершенно явственно я уловил незримую стену между ними. То есть пиетет в общении соблюдался, но и холодок отношений не заметить было нельзя. Вот и на выступления мы выезжали из гостиницы на двух «Волгах». Так и повелось — в одной сидели Царёв с Рождественским, Аллой Киреевой и Анциферовым, а в другой — Окуджава, Инна Кашежева и я.

Зато сколько интересного, каких только шуток и приколов не довелось нам услышать от Булата! Он очень любил Питер и всегда рассказывал о местах, которые мы проезжали, какие-то диковинные истории, чего не знают экскурсоводы. Нас поражало его умение в будничных подробностях представить жизнь царей, вельмож, генералов. Любая имперская напыщенность и советская фальшивость претили его духу.

— Вон, смотрите — «Слава пионерам!» За что им слава? Они ещё ничего толком не сделали, а уже им слава!

Булат тонко замечал анекдотические ситуации, словесные несурезицы, высмеивал их, и всё становилось на свои места. Не зря на каждом вечере он любил читать стихотворение «Как я сидел в кресле царя». Для него оно много значило.

Наши вечера проходили в самых лучших залах Ленинграда — в Доме работников искусств на Невском, в главном зале Выборгского дворца культуры, во Дворце культуры им. С. М. Кирова, в ДК им. Первой пятилетки, в ДК завода «Электросила» и т. д. Несмотря на то, что залы вмещали по полторы-две тысячи человек, аншлаги были всегда. Желающие достать лишний билет толпились у входа, который охраняла даже конная милиция. Однажды произошёл забавный казус. Мы гурьбой пробиваемся к служебному входу. Нас по списку пропускают милиционеры. Доходит очередь до Булата.

— Я Окуджава.

— Нет, этого не пускать! — истерически кричит милиционер администратор. — Уже пять Окуджав прошло!

И смех и грех!

В память о той «питерской» поездке у меня хранится несколько фотографий, и одна из них мне особенно дорога. Её мне подарил сам Булат — на ней он вместе с Олей, будущей женой, — а на обороте его автограф: «Володе Дагурову в память о совместных выступлениях в Лужниках и Ленинграде. Булат Окуджава».

Поездка в Ленинград нас очень сблизила. Ровно через год я снова оказался в Питере, и Булат пригласил меня в гости в свой «питерский дом». Это была квартира Оли, невероятно красивой молодой женщины, с которой у Булата был в то время роман, перешедший в супружество, длившееся до самых последних его дней. Ольга была научным сотрудником, физиком, и Булат очень гордился этим обстоятельством — они действительно как бы являли союз физиков и лириков, вопреки «мировому закону», упомянутому в знаменитых стихах Бориса Слуцкого. Оля ходила на все вечера с ним, и мы часто общались за кулисами. Умная, интеллигентная, она, мне казалось, словно бы сошла с экрана фильма «Девять дней одного года». Мы провели в разговорах, стихах и шутках незабываемый вечер, и на прощанье я подарил Булату свою первую книжку стихов с жутким названием «Моё поколение», но зато с тёплым напутствующим предисловием Беллы Дижур, матери Эрнста Неизвестного, уральской

писательницы и, как выяснилось потом, в Америке, замечательной поэтессы. Булат в ответ преподнёс мне только что изданную «Иностранной литературой» книжку — Чангмарин, «Песни Панамы» — в его переводах. На титульном листе с прищипкой ему лукавинкой написал: «Дорогой мой Володя, пока нет моих стихов, это тебе обо мне в том смысле, что я тоже поэт. С любовью Булат. 12 янв. 64 г.» Конечно, эту книгу я храню всю жизнь.

Видимо, неспроста редактор книги поэт Евгений Винокуров дал переводить стихи-

песни Чангмарина Булату Окуджаве — духовная близость стихов очевидна, к тому же поэты ровесники и оба не расстаются с гитарой. «Невысокий смуглый индеец с грустными глубокими глазами», — как отмечает в предисловии сам Окуджава. Да и многие стихи Чангмарина можно смело отнести к переводчику. Открывает книгу цикл «Пой, гитара...»:

Чтобы правду выкрикнуть в упор,
быть артистом незачем, не скрою.
Пусть одна рука с другой рукою
о добре и зле затеют спор.
Нет грустнее доли у людей —
петь, страдая, странствуя и плача,
петь, ни слёз, ни горечи не пряча,
струнами звеня среди полей...

Вообще-то это удивительная книга. Сквозь панамские строфы поэта Чангмарина нет-нет, а пробивается узнаваемая нами интонация гениального переводчика. Да и поэтическая работа была проделана огромная — всё-таки сто страниц яркого, духовно насыщенного текста! Ещё одна грань таланта Окуджавы, хотя больше я его переводов не встречал.

Как-то после одного из выступлений я сказал Булату:

— Наш Свердловск — замечательный город, там Уральский политехнический институт, двадцать тысяч студентов — крупнейший после МГУ вуз. Там мой, медицинский, и ещё много институтов, и все студенты были бы просто счастливы, если бы Окуджава приехал и выступил. И не только студенты — у нас инженеры и рабочие могучих заводов просто изголодались по живой встрече. Приезжай к нам, Булат, пожалуйста!

Окуджава выслушал меня внимательно, очень долго молчал, и вдруг я слышу в ответ совершенно неожиданное:

— Я обязательно приеду в Свердловск. Но не потому, что меня там ждут. В вашем городе расстреляли моего отца. В 37-м году...

Меня потрясло это откровение, оно переводило разговор совсем в другое русло.

— Никаких концертов, — Булат терпеть не мог это слово, потому произнёс его с гримасой, — я давать не буду, просто посидим с поэтами, познакомимся. Скоро я поеду в Новосибирск, в Академгородок. Вот на обратном пути, может быть, сделаю остановку в Свердловске. Я тебе сообщу.

Свердловск 1964

Так оно и произошло. Я получил телеграмму от Булата, где сообщалось, когда прибывает его поезд. Было это, по-моему, в начале октября 1964 года. Моросил противный холодный осенний дождь. На перроне вокзала я встречал Окуджаву со своим другом — главным редактором газеты «На смену!» Феликсом Овчаренко. Сели в редакционную «Волгу» и поехали ко мне домой, где родители мои приготовили гостю комнату и куда должны были прийти поэты — Борис Марьев, Александр Воловик, Герман Дробиз, Александр Дольский и ещё кто-то.

Мы проехали по широкой улице Свердлова и, въехав на Вознесенскую горку, я показал Булату дом, где расстреляли царскую семью. Окуджава попросил остановить машину и внимательно рассмотрел Ипатьевский особняк.

— Что там сейчас?

— Ничего, дом закрыт, никого туда не пускают, — пояснил Феликс.

— Володя, где у вас Серый дом? — спросил Булат. — Мне надо прежде всего увидеть его.

Я сразу понял, что он имеет в виду — в Питере так называют здание КГБ. И мы поехали на Ленина, 17.

Дождь усилился. Ехали туда молча, ни о каких достопримечательностях за окном не могло быть и речи — настроение Окуджавы нам было понятно. Булат Шалвович попросил остановиться напротив ворот. Именно через них въехал туда той трагической ночью 1937 года «воронок», в котором был его отец — Шалва Степанович Окуджава, парторг знаменитой нижнетагильской «Вагонки». Но эта должность была скорее «ссылным» вариантом для члена ЦК Компартии Грузии, обвинённого у себя на родине то ли в «оппортунизме», то ли в «национализме». Рассказывали, что был Шалва Степанович человеком открытой и широкой души и любил по уральскому снегу прокатиться на тройке лошадей. Он пользовался уважением рабочих на заводе и даже получил повышение — стал секретарём Нижнетагильского горкома, покуда другая «тройка» не прервала его жизненный путь. Въехав в эти роковые ворота, живым он оттуда уже не вышел.

Никогда не выветрится из памяти эта картина: напротив железных ворот стоит в тёмно-сером пальтишке сгорбленный человек, с обнажённой головой, под нудным осенним дождём.

*Свердловск,
апрель 1964 г.
Фото В. Ветлугина
из архива Л. Шилова*

Нас он попросил остаться в машине. Время, пока он стоял под струями, словно остановилось. Может, это было минут двадцать, а может, и все сорок. Одному Богу известно, о чём передумал в то время Булат. Казалось, само небо плачет над ним, пока он разговаривал с вечностью, увидев последний живой след отца.

Вернулся он к машине вымокшим до нитки, с осунувшимся лицом, погружённым во что-то неведомое нам. Весь путь по проспекту Ленина до Втузгородка, до моего дома, мы не проронили ни слова. Но, выйдя из машины, Булат как бы встрепенулся перед реальной жизнью, познакомился с моими родителями, бабушкой и братьями и со всеми приветливо разговаривал. Мы сразу организовали ему тёплую ванну, чтобы, насквозь промокший, он не простудился. Тем временем один за другим к нам подходили поэты, а в большой комнате готовилось застолье.

Конечно же, для всех нас это было событием жизни — в непринуждённой домашней обстановке пообщаться с Булатом Окуджавой и послушать его песни. Но в первый вечер поэту нужно было отдохнуть с дороги. Все это прекрасно понимали, и застолье длилось недолго. Булат Окуджава был переполнен впечатлениями от поездки в Академгородок с группой московских поэтов. Вспоминал академика Лаврентьева, поэтический

вечер в клубе «Аэлита», экскурсию по лабораториям института. Физики ему устроили горячий приём, даже спели пародии на его песни в стиле КВН. Одну из них Булат тут же исполнил под гитару (заранее нами приготовленную — свою он в поездки не брал) — причём, с явным удовольствием:

...Загоним все народы в катакомбы,
а сверху сбросим атомные бомбы!
А если что не так — не наше дело.
Как говорится, Родина велела...

Среди поэтов их делегации ему, помню, очень понравился Олег Дмитриев. Конечно, они и раньше в Москве были знакомы, но поездка сближает больше — несколько дней всё-таки провели бок о бок.

— Мне кажется, из него получится серьёзный поэт. Он настолько ясно и гармонично выражает свои мысли и настроения, что веет прямо-таки классическим слогом.

Теперь, когда я беру внушительный однотомник Олега Дмитриева, безвременно ушедшего из жизни, я часто вспоминаю эти пророческие слова Окуджавы.

Вообще-то он чувствовал людей интуитивно, но любил приглядываться к ним, вести подробные неторопливые разговоры с теми, кто ему интересен, и в его словах ничего не было лишнего, случайного. Каждая его фраза, как уральский самоцвет, сверкала многими гранями смысла, оттенками иронии, иногда упрёка, вышучивания, но всегда несла свет справедливого суждения. Друзья меня часто спрашивали, какой он в жизни, Булат Окуджава. Я совершенно чётко передавал своё ощущение: «Это Человек на букву Ч — чуткий, честный, чистый и чудотворный».

Однажды я спросил Булата, как он относится к своей всенародной славе. Он поморщился — слова *слава* он всегда избегал и шутил, что она бывает только посмертной. А затем ответил:

— Вообще-то известность часто ставит меня в неловкое положение. Мне намного приятнее всех этих аплодисментов и комплиментов, например, такой случай, который со мной произошёл в московском троллейбусе. Ехал я, стоя на задней площадке, а рядом какой-то мужчина в очках внимательно читал газету, ничего вокруг не замечая. Но когда он выходил на своей остановке, крепко пожал мой локоть и шепнул «спасибо!» так, чтоб мог услышать только я. Вот такое признание мне было по-человечески приятно.

Булат подолгу разговаривал по душам с моими родителями и находил с ними общий язык. Особенно ему было интересно разговаривать с отцом-фронтовиком. С удивлением Булат узнал, что Геннадий Владимирович не только преподаёт в Уральском университете филологию, но и сам с юности пишет стихи. В 20-е годы отец участвовал в создании писательской организации в Бурятии и стал её первым оргсекретарём. В 30-е он активно печатался и был дружен с поэтом Павлом Васильевым — они были ровесниками. Павел дневал и ночевал в его доме, вместе они печатались в журнале «Будущая Сибирь» (позже «Сибирские огни») и вместе поехали поездом из Иркутска в Москву учиться. Отец поступил в РИИН (Редакторско-издательский институт), а Павел Васильев, ворвавшись в поэтическую Москву, как метеор, познал шумную славу и об учёбе уже не думал. Отец показал Булату письма, которые ему несколько месяцев назад прислал поэт Павел Григорьевич Антокольский, одобрительно отозвавшийся на книгу стихов отца «Тараса», изданную в Бурятии. Булат этого поэта уважал. Окуджава и отец вспоминали военные годы, говорили о Гумилёве, Блоке, о современной поэзии — словом, у них нашлось много общего для беседы. Люди всех возрастов были ему интересны, и Булат одинаково живо разговаривал и с нашей бабушкой, и с моими братьями. Позже, когда мы виделись в Москве, он всегда вспоминал их и просил передать приветы.

Однажды, когда мы с ним в один из вечеров остались наедине, Булат попросил меня почитать стихи. Я стал читать одно, другое, третье, десятое, а Булат внимательно слушал и говорил только одно слово — «ещё!». Помнится, я прочитал стихотворений тридцать и был просто потрясён его долготерпением — такое в моей практике общения с поэтами случилось впервые! Я читал наугад, и стихи были неравноценные, за некоторые мне в процессе чтения становилось даже стыдно перед ним.

Когда я замолк, Булат с присущей ему деликатностью сказал всего одну фразу:

— Да, в твои годы я так ещё не писал!

Потом он спросил, почему у меня нет стихов про Урал. Я ответил, что чувствую нутром — Урал это такое могучее явление, до которого я ещё просто не дорос и не имею морального права трогать эту тему.

И тут он сказал очень важную в то время для меня вещь:

— Все твои стихи, Володя, так или иначе отражают социум, ты пишешь о взаимоотношениях между людьми, а ведь качество поэтического дара лучше всего проявляется в отношении человека к природе. Так называемые «пейзажные» стихи писать намного труднее, чем сюжетные, но зато они более ярко выражают талант поэта или его бесталанность.

Это рассуждение Булата буквально потрясло меня. Я-то ведь, наоборот, относился к пейзажной лирике как к чему-то второстепенному. И когда я впоследствии попробовал внять совету Окуджавы, убедился, насколько же он был прав. Писать о природе — высочайшее искусство, которым сам Булат владел виртуозно:

А лесу платья старые тесны.
Лесник качается на качкой кочке
и всё старается не прозевать весны
и первенца принять у первой почки...
(«Март великодушный»)

Все пять дней, что Булат прожил у меня, в доме находился японский магнитофон, одолженный мне друзьями, и мне удалось записать целую кассету его песен в авторском исполнении. Прослышав о ней, замечательный Лев Шилов, собиратель голосов писателей, работавший в студии при Бюро пропаганды Союза писателей, попросил её у меня и сказал, что запись получилась очень качественная, а главное — на ней уникальные разговоры поэта и «домашнее», а не сценическое звучание голоса.

Несомненно, во время пребывания Окуджавы в Свердловске важным событием была встреча в Союзе писателей на Пушкинской. Дипломатичный Лев Сорокин, председатель Свердловского отделения Союза, во вступительном слове умело настроил собравшихся на дружеский по отношению к гостю лад. И если в начале вечера чувствовалась какая-то настороженность, то после выступления поэта Бориса Марьева, который со свойственной ему прямоотой и искренностью признался в любви к творчеству Булата Окуджавы и сказал, что всем нам повезло встретиться с одним из лучших лириков страны, воцарилась доброжелательная атмосфера. А уж когда Окуджава сам заговорил негромким, но проникновенным голосом о творческом пути, полном сомнений, о развитии русской поэзии, все почувствовали редкую деликатность в самооценке

и в то же время твёрдость убеждений. Его доверительность буквально обаяла всех. И венцом вечера было, конечно, чтение стихов поэтом и исполнение песен. Вечер удался на славу и оставил у всех незабываемое впечатление.

Была ещё и «знаковая» встреча с партактивом Свердловска. Как правило, партийные идеологи относились к творчеству Булата Окуджавы настороженно — ну не вписывался он в рамки дозволенности! От такого то и дело жди подвоха — с его двусмысленностями и явными намёками на дураков. Но в душе, по-обывательски, каждый из них мурлыкал что-нибудь «окуджавское» — запретный плод сладок! К тому же он не совсем «чужой» — и отец был партийцем, и ведь есть же у него о «комиссарах в пыльных шлемах».

Верно, но обратите внимание — «Сентиментальный марш» называется. А сентиментальность — чувство сугубо личное, интимное почти, и «комиссары» — это его отец, родной, живой, не расстающийся с ним, переживающий за сына на том свете. И сентиментальность с маршем — сочетание несочетаемого. И в этом весь секрет поэта. «Всё куплю — сказала злато, всё возьму — сказал Булат».

Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
а для меня твои тревоги и добрый мир твоих забот.

Поэт, действительно, остался цел, потому что пронёс он в себе редчайшую цельность, неразделимую на человеческую жизнь и художественное творчество.

В целом Свердловск, я думаю, произвёл на Окуджаву более приятное впечатление, чем он ожидал. После этого приезда было ещё несколько посещений поэтом нашего города, — правда, уже вернувшего имя Екатеринбург! — и, конечно, он чувствовал пульс кипучей духовной энергии столицы Урала. Города, самой историей породнённого с Петербургом, столь любимым Булатом Окуджавой.

Дружба народов

В октябре 1969 года (смотрим по старой записной книжке) группа писателей от журнала «Дружба народов» полетела в Ереван для встреч с читателями. Возглавлял её писатель и главный редактор «ДН» Сергей Баруздин. В составе делегации было человек десять, в том числе Булат Окуджава.

Хотя осень была на исходе, в Ереване было солнечно и тепло. Жители ходили в лёгких одеждах, некоторые улицы украшала золотая листва деревьев. Из дворов с дымом доносился запах шашлыка.

Главный вечер происходил в замечательном здании оперного театра. На сцене за столом президиума сидело человек двадцать признанных мастеров слова из разных республик — всё-таки журнал «Дружба народов». Я сидел в зале рядом с молодой поэтессой, ереванской красавицей Аллой Тер-Акопян и даже испытывал к ней чувство первой влюблённости. Упомяну об этом просто, потому что в неё влюблялись буквально все поэты и писатели, в том числе и Пётр Вегин, благодаря которому я с ней и познакомился. Она — дочь известного армянского писателя, талантливо писала стихи на русском языке и сыграла заметную роль в ознакомлении русского читателя с жемчужинами западно-армянской поэзии.

Когда на сцену вышла читать стихи царственная Сильва Капутикян, зал устроил ей овацию. Ещё из армянских писателей мне запомнились Манук Мнацаканян, Грант Матевосян и поэт Паруйр Севак. Интересных выступлений было много, и, конечно, собравшиеся с нетерпением ждали появления в конце вечера Булата Окуджавы.

Когда он предстал с гитарой перед микрофоном, то, оглядев зал, вроде бы растерялся и сказал:

— Признаться, никогда в оперном театре не выступал...

Затем он воздел глаза к потолку — казалось, высота ереванского театра превосходила его глубину. Впрочем, так оно и есть. Зрители это мгновенно поняли и заулыбались — ещё до выступления контакт с поэтом сразу налажился.

А что было с реакцией зала после исполнения каждой песни — можно даже и не говорить!

Протяну я любви ладони пустые,
покаянный услышу я голос её:
— Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
я себя раздарила во имя твоё...

Такой овации, какую устроили Булату Окуджаве в Ереване, наверно, этот театр не помнил и на премьерах. Вот уж и в самом деле — вечер Дружбы народов.

Между исполнением песен и стихов поэт отвечал на запросы, которых было великое множество. Прочитав одну из них,

Булат сделал паузу, а зал в напряжённом ожидании затих. Ответа на эту записку ждал каждый.

«Булат Шалвович, как вы относитесь к творчеству Владимира Высоцкого?»

Булат ответил одной фразой:

— Я с большим вниманием слежу за творчеством этого молодого человека.

И только. И все с пониманием отнеслись к тому, что стояло за этими словами.

Зал долго не отпускал любимого поэта, и две-три песни он спел по заказу слушателей, что в принципе делал очень редко, — у него всегда была своя линия исполнения.

А потом мы отправились в его номер отмечать успех вечера.

Булат поручил мне купить вина, коньяка, шампанского и лаваш. Так как сумки не было, а пакетов тогда не продавали, я сложил ладони, и десять бутылок, как газыри, выстроились на груди, укрытые сверху тонким лавашем. Гостиница была за углом, и я намеревался таким макаром их донести.

Я аккуратно шёл вечерней улицей, ступая мягко, как пантера, свернул за угол и похолодел: навстречу шёл неверной походкой пожилой человек с головой, блестящей, как бильярдный шар, нацеленный на мои газыри. Услышав позвякивание и отпрянув, он поднял на меня огромные умные глаза и печально спросил: «Что это такое?» Я ответил: «Бутылки!» И тут он безнадежно посмотрел на меня и изрёк: «Дурак! Никогда не называй вещи своими именами! Это — фотоаппарат!» От неожиданности я чуть не выронил свою ношу. Тут догнал меня знакомый ереванский поэт, посланный мне на помощь, и сказал: «Ты знаешь, с кем столкнулся? Это наш знаменитый художник — самый остроумный человек в Ереване!»

В номере Окуджавы было уже человек двадцать гостей. Я стал разворачивать на столе лаваш, и Булат пошутил:

— Можно из него пиджак пошить!

И в этот момент мне, естественно, вспомнилась его грустная песня о портном.

Кто-то из армянских писателей посоветовал Окуджаве:

— Булат, вот тут на столе есть такая травка — она растёт в Араратской долине, — если её пожевать, можно сколько пожелаешь вина выпить, и не опьянеешь.

Помню, Булат мгновенно вскинул брови и резонно удивился:
— А зачем же тогда пить?

Все рассмеялись и в итоге обошлись без этой чудесной травки.

Красавица Алла, несомненное украшение стола, удостоилась чести сидеть рядом с Булатом и Михаилом Квливидзе, который стал тамадой и вёл стол блестяще. Он и поэтом был великолепным — не зря его переводила сама Анна Ахматова. Началось застолье, одно из самых потрясающих в моей памяти, атмосфера которого абсолютно непередаваема. Короче говоря, это была поистине дружба народов!

Буллат Огузидзе
В память о совместных
встречах и
дружбе и любви
де.
Буллат Огузидзе

Михаил БАРАНОВ

«ЗДЕСЬ ВСЁ ПРАВИЛЬНО»

Ещё будучи школьником, в старших классах, занимаясь в литобъединении у Владимира Ильича Лейбсона, я познакомился с новым тогда жанром — авторской песней. К нам приходил Юлий Ким, мы слышали песни Новеллы Матвеевой. На моём стареньком магнитофоне были записи Юрия Визбора, Булата Окуджавы, немножко Александра Галича и только-только появившегося Владимира Высоцкого.

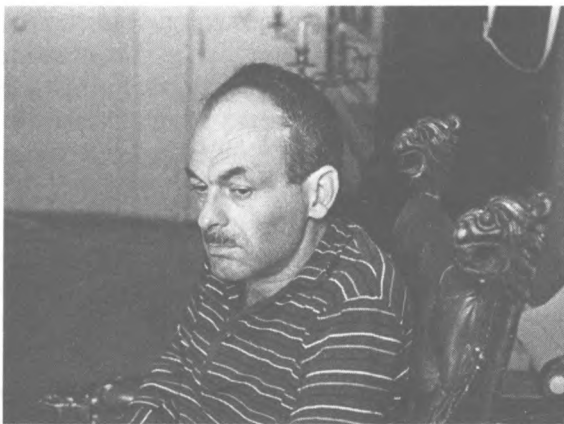
В 1964 году, после окончания школы и года работы на заводе фрезеровщиком, я был призван в ряды нашей славной советской армии. Службу проходил в железнодорожных войсках в Карельской АССР, в автобате.

Почему такое предисловие? Потому, что из всего московского призыва я был единственным окончившим среднюю школу, и меня определили служить библиотекарем. В моём распоряжении были все свежие газеты и журналы, которые я, естественно, читал «от корки до корки». В одном из журналов — в «Октябре» — я прочитал статью Юрия Андреева «Что поют?»¹. Статья меня очень заинтересовала. Тем более что она была написана доброжелательно по отношению к авторской песне, освещала многие проблемы и отвечала на многие вопросы, которые зарождались в моём юношеском сознании...

Я отправил письмо в журнал с просьбой дать мне адрес автора. Мне его прислали, и я написал Андрееву, рассказал о себе, задал ему интересующие меня вопросы, на которые не было ответов в этой статье. Завязалась переписка. Юрий Андреевич очень хорошо отнёсся ко мне как к своему читателю, очень добросовестно отвечал на мои письма. Он мне сообщал новости

¹ Андреев Ю. Что поют? // Октябрь. 1965. № 1. С. 182–192.

*В квартире
на Ленинградском
проспекте, 1968 г.
Фото автора*

из жизни авторской песни в Ленинграде, знакомил с ленинградскими бардами, что для меня, конечно, было откровением: Кукин и Вихорев, Клячкин и Полоскин, многие другие... А потом начались командировки, поскольку служил я в ленинградской железнодорожной бригаде, штаб которой находился в этом городе.

Режим мой в этих поездках был достаточно свободный. Я должен был появиться в штабе и отметить, а жить мог у родственников, а не в казарме. И Юрий Андреевич водил меня на бардовские концерты, тогда довольно редкие. На них было трудно попасть, поскольку барды и бардовская песня были явлением новым, вызывающим огромный интерес. Всё это в ещё большей степени стало очевидным потом, уже в Москве.

Позже, когда я демобилизовывался, перед тем как уехать в Москву, я провёл в Ленинграде несколько суток. И опять мы встретились с Андреевым, и он, видя, что я заинтересован этим жанром достаточно серьёзно, не просто как слушатель («В тебе виден исследователь», — говорил Андреев), дал мне рекомендательные письма к Окуджаве, Галичу, Высоцкому, Новелле Матвеевой... Это были кратенькие, на одном листочке записки, где было написано, что я возвращаюсь к себе в Москву, что буду заниматься исследованием нового явления, коллекционированием, хороший парень и т. д. На конвертах были написаны все адреса и телефоны.

Все эти письма дошли до адресатов. Причём, наиболее сухо отнёсся ко мне Высоцкий — видимо, у него тогда уже начи-

нались какие-то проблемы. Я попал к нему в театр, предварительно договорившись. Пришёл за кулисы за полчаса перед спектаклем. Он очень сдержанно меня встретил.

Почитал и говорит:

— Ну что, что я должен?..

Я отвечаю:

— Ничего вы не должны.

А тогда прошёл уже, наверное, год после написания этих писем, и я уже какой-то каталог его песен составил. Естественно, из того, что он пел, было много чужого — песни не его, а те, что ему приписывались.

Я и сказал:

— Нельзя ли посмотреть, что здесь ваше, что нет?

Он что-то посмотрел. Потом ещё несколько раз мы встречались, но всё это были встречи такого же рода. Он всё время куда-то спешил. Он очень опасливо относился ко всем новым знакомствам, и когда я ему говорил, что хочу составить новый большой каталог его песен, отвечал:

— У меня этим уже занимаются люди, — и так далее, и тому подобное. Дескать, не мешайся...

Ну, я человек не назойливый, и от него отстал.

С Юрой Визбором, вообще, и тогда и после, в общении было легко и хорошо. Он жил тогда на Садовом кольце. Он сразу меня пригласил. Однокомнатная квартирка. Там я бывал очень часто...

Володя!
"Восход" алекс
и илел тебе привет.
Есть просьба: напечи
Мини Баранову
— известному внауч
кругах знатку
авторской песни —
пробери ход в
какой-то съёмки
тогично инвентаря
зачислю твоих
песен.

Без этого, сам не
малень, история и ко
рая движения
окажутся во власти
субъективизма и
волюнтаризма.
Фалой их
"да зораветвует
тогично знание!
Salut!
Ю. Андреев

PS Слушай, что
содержатся снимать
фильм по моей
повести "Республика
Самбо",
как бы бы отнесся
к тому, чтобы мои
персонажи отняли
бы к-л твою песню,
скажем, "Про дикого
верев"?
Благодарю, писателю.
Ленинград К-51
Пр. (Литовка) 8.08.37

Письмо Ю. Андреева к В. Высоцкому сохранилось.
Такое же предназначалось и Окуджаве

Но самый интересный поход был к Галичу в конце 1968-го. Я ему по телефону что-то наговорил: что я из Карелии, что мы там его песни очень любим, что я ему привёз коллекцию значков, которые мы сами делали...

Он сказал:

— Конечно, заходи...

— Можно я приеду с магнитофоном, чтобы потом песни ваши послушать?

— Да! Конечно.

Я приехал на улицу Черняховского, мы прошли в его комнату. Он был в чёрной рубашке, под ней тельняшка, — то есть так, как он запечатлён на известной моей фотографии, которую сейчас публикуют под всевозможными фамилиями... И Галич напел мне пять или шесть новых тогда песен. Я его фотографировал, он не торопил меня, всё делал с удовольствием, — в общем, было очень хорошо.

Я вышел такой потрясённый — у меня такие записи, каких ни у кого нет... Но когда собирался уходить (Галич в это время вышел куда-то), в прихожую выскочила его супруга Ангелина Николаевна.

Она буквально на мне повисла:

— Я не знаю, как вас зовут, но я вас умоляю: сотрите всё это, никому не показывайте. Его же посадят, он этого не понимает... Его же посадят!

Он появился, увел её куда-то в комнату и сказал:

— Вы знаете, давайте сделаем так: вы пока никому переписывать не давайте. Послушать можно, но переписывать не давайте, а я вам скажу, когда можно будет распространить...

А самая первая встреча была с Окуджавой. Он жил тогда на Ленинградском шоссе, а я поблизости — можно сказать, тоже на Ленинградском шоссе. Я позвонил ему. Первый раз у нас сорвалось, второй раз тоже что-то не получилось, и наконец слышу:

— Приезжайте!

Я приехал. Маленькая квартирка, две или три — не помню — маленьких комнаты, маленький коридорчик. У него был свой кабинет. Что мне больше всего запомнилось — это его кресло — с орлами, точнее, высокое кресло с грифонами. Я сделал там фотографии.

Окуджава прочитал письмо, говорит:

— Конечно, я знаю Юру. Чем могу вам помочь?

Я не стал надоедать. Мы пообщались. Я принёс первый его сборник — «Лирику», где-то его нашёл. Он книгу подписал. (Можно было бы посмотреть дату встречи, но пока я не смог эту книжку отыскать.)

Меня, естественно, интересовали песни Окуджавы. У меня был и его маленький каталог. Много из него потом отсеклось, из того, что приписывалось ему. (Почему-то очень много песен также приписывалось Галичу, Высоцкому...) Это произошло не сразу, не в первое посещение, но Булат Шалвович вычеркнул всё лишнее, исправил некоторые даты и названия.

И потом я не раз ездил к нему в эту квартиру.

Интересно, что я знакомил с Окуджавой Володю Фрумкина. Потом оказалось, что тот, уехав в Америку, выпустил там два сборника Окуджавы. Кстати, намного позднее — уже на новую квартиру — я привёл и познакомил с Булатом Шалвовичем Андреем Крылова. Впрочем, об этом он сам рассказал в своей книге.

У меня сохранилась «Анкета автора», заполненная Окуджавой. Такую же анкету я давал заполнять всем известным на тот момент бардам.

Как-то Окуджава позвонил:

— Миша! Из деятелей Клуба я знаю только вас. Мне бы хотелось услышать молодых авторов. Все вокруг говорят, что их много, а я никого не знаю. Не могли бы вы сделать мне их записи? Только разноплановые. Не нужно, чтобы все пели про тоску по родине или ещё что-то...

Я ему записал песни четверых: Александра Дольского, Вероники Долиной, Александра Суханова, Юрия Лореса. Привёз. Он очень обрадовался.

Говорит:

— Знаете, иностранцы заказали мне статью о состоянии бардовской песни, а я-то ничего не знаю, кроме себя, кроме Володиных песен...

Долину он сразу отметил, сказав, что она «очень неординарная девочка». Впоследствии они подружились. Дольский оказался ему интересным мелодически, а вот как у поэта, по мнению Окуджавы, у него нет своего стиля. У Суханова отметил тоже только мелодии: поёт интересно, а стихов там нет.

Насколько я знаю, Булат Шалвович эту статью так и не написал.

В моё последнее посещение той квартиры на Ленинградском шоссе я попросил Булата Шалвовича написать приветствие Грушинскому фестивалю. Позвонил ему, сказал, что это самый значимый всесоюзный бардовский фестиваль и что его слово, его приветствие будут очень приятны.

— Нет проблем, — отвечает он. — Давайте не сегодня, а завтра приезжайте. Сколько нужно написать?

— Полстранички, чтобы это потом зачитать. Сами вы, наверное, туда поехать не сможете?

— Да, я не выберусь. Но давайте, давайте... Я про этот фестиваль слышал много хорошего... — и т. д.

И написал. Напечатал на машинке, подписал. Я привёз приветствие на Грушинский. Делегация Москвы этот текст зачитала со сцены.

А потом он переехал на новую квартиру.

Предварительно позвонил и говорит:

— Миша! Вы имейте в виду, что мы скоро переезжаем в дом писателей, в Безбожный переулок. Единственное, что меня смущает, — это название переулка. Я вообще-то не безбожник. Я хоть и не ношу крест, но верю, что существует какая-то сила... У меня сложное отношение к религии, но я не безбожник. Поэтому слово *безбожник* мне очень не нравится. — И сообщил номер телефона.

Потом я позвонил, он назвал адрес, подъезд. В Безбожном я тоже бывал несколько раз, но всегда по каким-то конкретным поводам.

Был ещё один его странный звонок мне:

— Вот Витя Берковский написал песню на мои стихи «Отшумели песни нашего полка...», но у меня же тоже есть песня. Мне кажется, он использовал мою музыку.

Я спрашиваю:

— А что я должен сделать?

— Ну, вы как-то разберитесь там... — Я тогда подумал: как же я буду разбираться с Берковским?

А было это где-то через полгода после того, как песня Берковского уже широко распространилась. Тогда вопрос об авторстве ни у кого не возникал. Может, у Окуджавы на основе

музыки Берковского возникла своя мелодия? Он же потом пел на свою мелодию и записал песню на диск. Может, после этого он стал думать, что Берковский позаимствовал у него мелодию?! Ведь Виктор Семёнович рассказывал, что, дескать, Булат специально начитал для него на плёнку те стихи, которые не имели музыки... Не знаю.

Но почему он выбрал *м е н я* третьейским судьёй в этом деле, я понять не мог. Был бы я, скажем, композитором, — тогда другое дело.

Я позвонил Никитину: «Сергей, у меня такая ситуация. Что делать — не знаю. Посоветуй что-нибудь». Он говорит: «Я тоже не знаю. Вите скажешь — он обидится страшно...» Вот на этом разговоре с Никитиным всё вроде и закончилось. Но своей роли в этой истории я не понимаю до сих пор.

Как-то я специально приехал к Булату Шалвовичу в связи с тем, что для очередного номера, кажется, «Огонька» или «Смены» понадобились его фотографии. Я позвонил и спросил: «Можно я к вам приеду и сделаю несколько снимков?» Он ответил: «Да, конечно». Я приехал, привёз ему какое-то старинное издание Тредиаковского и ещё какие-то книги. Сказал: «Это вам от почитателя в подарок...» Он стал рассматривать книги, а я его фотографировал. Снял две плёнки. Снимал в комнате, а в прихожей, отделённой от комнаты стеклянной дверью, всё время ходила Ольга Владимировна. И, как выяснилось позже, реагировала очень болезненно. В журнале был опубликован то ли рассказ, то ли подборка стихотворений Окуджавы, и там же напечатали его фотографию, сделанную мной.

Потом Ольга Владимировна сказала Долиной, которая часто бывала в те годы в их доме: «Вы знаете, есть такой Баранов. Вот он к нам приезжал, снимал Булата. Мало того, что он со мной не здоровается, он потом продаёт эти снимки...» Вероника удивилась: «Как продаёт? Где продаёт?...» Ольга Владимировна ответила: «Мне рассказывали...» То есть ей рассказывали, и она сразу этим рассказам (а были ли они?) поверила.

Вероника позвонила мне: «Миша! Ты на меня не обижайся, но не я это придумала...» В общем, я попал в персоны нон грата.

На празднование шестидесятилетия Окуджавы в ДК им. Горбунова я был приглашён самим Булатом Шалвовичем, но наши организаторы меня предупредили, чтобы я на глаза Ольге

*На 60-летию
Окуджавы,
15 июня 1984 г.
Фото
В. Россинского*

Владимировне не попадался: она меня вычеркнула из списка приглашённых...

Снимал я Окуджаву раза четыре. Один раз в квартире на Ленинградском шоссе, потом уже в Безбожном. Ещё — в ДК «Москворечье» и в ДК им. Горбунова, где он выступал. На сцене его снимал редко — есть только две-три фотографии, чаще — в кулуарах. Например, на праздновании его шестидесятилетия помню, тогда ещё Валя Никулин попросил меня снять его рядом с Окуджавой.

Надо сказать, что я всегда делал маленькие контрольные снимки 6x9 и приносил ему. И всё это лежало у него стопочкой...

В конце 1980 года мне довелось организовывать первый большой вечер памяти Высоцкого, на котором в числе других бардов выступал и Булат Шалвович. Концерт этот состоялся в декабре 1980 года в ДК «Прожектор». Здесь я вёл абонементный цикл концертов и был чуть ли не вторым директором. В мою работу никто не вмешивался. Весь технический персонал меня беспрекословно слушался.

Я позвонил Окуджаве и сказал, что готовится такой вечер. На него дано разрешение.

Он спросил:

— А как вам удалось его получить?

Я отвечал, что имеется официальное разрешение на проведение вечера в официальном Дворце культуры «Прожектор», приглашаются все известные московские барды... А делалось это так. В начале-середине текущего месяца утверждался план меро-

приятий на следующий месяц. Ежемесячно были один или два — я уже не помню — дня для концертов. И какой-то концерт в плане стоял, но я его заменил на вечер памяти Высоцкого. Администраторы ДК написали бумагу, пошли её подписывать в районный отдел культуры при исполкоме и получили разрешение.

Потом бумага дошла до райкома партии. Там задумались и стали звонить в горком, а оттуда сказали: «Нет!» В это время им доложили, что билеты уже разошлись. Ко мне пришли и сказали, что надо отменять. Я объясняю: «Ничего не выйдет. Билеты уже распространены, люди приглашены выступить, и в том числе такие солидные, как, например, Булат Шалвович Окуджава». Они пошушукались и говорят: «Мы примем свои меры».

И приняли. Ряды в зале «Прожектора» спускаются амфитеатром к сцене. К каждому, с краёв и в проходе, был подставлен дополнительный стульчик, на котором сидел человек в штатском. Во всех, без исключения, рядах. (Тогда горкомом руководил Гришин. Они думали, что в зале начнётся антисоветский митинг, и штатские должны были выявлять зачинщиков.) Кроме того, ДК был окружён милицейскими постами. У всех ещё на улице тщательно проверяли билеты.

Я стою у входа, мне кричат: «Окуджаву не пускают!» Я бегом в ту сторону. (А накануне меня познакомили с милическими начальниками; среди них я чувствовал себя как инструктор горкома партии, потому что распоряжался всем.) Булат Шалвович вышел из машины и шёл пешком, и какой-то кордон его остановил. Мы ведь выступающим билетов не давали, назначив им встречу у служебного входа. Я подбежал, извинился перед ним. Он возмутился... Хорошо у меня остались контрамарки... Я быстро отдал их нашим ребятам и попросил стоять возле оцепления, встречать выступающих и вести их к служебному входу. А там, на входе, уже был список. Окуджаву, как это теперь не смешно рассказывать, я провёл лично.

На этом вечере состоялось первое исполнение песни «О Володе Высоцком». Кажется, Булат Шалвович и написал эту песню накануне.

Как-то я познакомился с редактором АПН'овского журнала «Панорама». Она ведала разделом «Новости культурной жизни». АПН, как и ТАСС, направляло свои материалы в редакции газет всего Советского Союза. Она предложила мне подготовить несколько интервью с известными людьми. Я тогда проинтервью-

*Организаторы
и участники
первого бардовского
вечера памяти
Высоцкого,
26 декабря 1980 г.
за кулисами
ДК «Прожектор»:
М. Баранов,
Б. Окуджавы,
А. Дольский,
И. Каримов*

юировал Юрия Сенкевича, Аркадия Стругацкого, Михаила Ульянова, Олега Борисова, Льва Дурова. Всех сейчас не припомню, но взял я для этой «Панорамы» двенадцать или пятнадцать интервью и продержался почти два года. В среднем я делал примерно одну беседу в месяц. Редактор очень редко меня правила. Ей нравился краткий стиль моих интервью: вопрос — ответ, вопрос — ответ. Ни в какие дебри не лезли, в идеологию — ни в коем случае, никого не обсуждали. Только творчество. Поэтому в публикацию Окуджавы, к которому я обратился одним из первых, вошло практически всё. Из всех моих интервью самым растиражированным было именно это. Его печатали в течение года — с марта 1982 года до марта 1983-го в разных республиканских и областных газетах по всему Союзу. Поскольку все опубликованные интервью присылались в АПН для отчёта, то у меня собралась большая папка именно с интервью Окуджавы. Эти публикации в разных газетах я ему показывал.

Он даже мне сказал как-то:

— Я дал вам интервью, а теперь со всего Союза знакомые звонят и удивляются, что везде я мелькаю. Слышал, например, что во Фрунзе напечатали, в Башкирии...

Но самым весомым поводом, по которому мне неоднократно довелось встречаться с Окуджавой, была подготовка сборника «Я выбираю свободу»². Книга опубликована в 1990 году,

² *Высоцкий В., Галич А., Окуджавы Б. Я выбираю свободу / Сост. В. Абдулов, Н. Крейтнер, М. Баранов. Кемерово, 1990. 368 с. — Из содерж.: Окуджавы Б. Надежды маленький оркестрик. С. 245–360.*

работать над ней мы начали в начале 89-го. Сборник был задуман Ниной Крейтнер. (Она, если я не ошибаюсь, дочь последней жены Валерия Гинзбурга — брата Галича; он меня с ней и познакомил. Она собрала очень хороший архивный материал по Галичу — его присылали отовсюду, в том числе и из-за границы, и я из своего архива ей кое-что передал...)

Крейтнер и пришла в голову идея объединить в одной книге трёх поэтов. Она говорила, что Кемеровское издательство очень хотело издать Галича, но она предложила включить в книгу песни всех троих: «Есть три великих барда, и нельзя их разделять». Поначалу мне эта идея не понравилась: «Понимаешь, как получается: Галич и Высоцкий умерли, и выходит, что Окуджаву мы присоединяем к уже умершим...» Нина возразила: «Нет-нет, нет. Ты не понимаешь... Пушкина ведь тоже печатают вместе с живыми поэтами. Они все стоят в одном ряду, и каждый по-своему ценен для России. Это генофонд нашей цивилизации», и т. д.

Я говорю: «Хорошо! Что ты хочешь от меня?» — «Нужно, чтобы ты договорился с Булатом Шалвовичем о формировании посвящённого ему блока. С Севой Абдуловым о материалах по Высоцкому я уже договорилась». Она определила, какой приблизительный объём произведений нужно подобрать. Кроме того, была необходима вступительная статья. На мой вопрос о том, кто будет её писать, Нина ответила: «Ты и напиши, поскольку ты же будешь составлять раздел». В ответ на мои сомнения: «Тебе и Абдулову нужно написать предисловия об ушедших, а я-то должен о живом...» — она предложила: «А ты с ним поговори».

Мы звоним Булату Шалвовичу.

Он говорит:

— Да, интересно. Мне нравится в такой компании светлой находиться. Мне нравится эта идея. Давайте сделаем так: вы приезжайте ко мне со своим каталогом, и мы отметим песни, которые я бы хотел включить в книгу.

Я приехал. Он в каталоге всё нужное отметил, добавил ещё несколько новых песен и сказал:

— Вы готовьте тексты, а я потом обязательно прочитаю каждый.

Печатала тексты Окуджавы по моей просьбе Лена Арбузова, сотрудница нашей клубной газеты «Менестрель».

Потом я привёз корпус текстов автору. Окуджава очень внимательно всё читал и вносил правки. Какая-то новая редакция, какое-то слово, которое он пел не так, заменил на другое... Ошибка в последней строчке «Песенки о медсестре Марии»: «Нет, ты представь, офицерские *девочки...*» вместо «Нет, ты представь, офицерские *дочки...*», — возникла, видимо, уже при наборе в типографии и не была замечена при сверке, так как в беловом машинописном тексте, проверенном и подписанном автором, этой ошибки нет. Ксерокопии текстов с правкой Булата Шалвовича в моём архиве сохранились.

В книгу должны были войти только песни. Но поскольку раздел призван был дать широкое представление о всей песенной поэзии Окуджавы, в него вошли также несколько песен на стихи Окуджавы с музыкой Шварца и Левашова, звучавших в кинофильмах «Женя, Женечка и “катюша”», «Звезда пленительного счастья» и других, а также «В городском саду», музыку к которой написал Виктор Берковский.

Это было тёплое время, лето. Работали мы обычно или в кабинете, или на длинном таком балконе, точнее на лоджии. Неоднократно к нам заходила Ольга Владимировна. На меня она смотрела мимоходом и даже не отвечала на мои приветствия. Такой кивок головой, который можно было понять как: давай, мол, побыстрее выматывай... Она укоряла Булата Шалвовича, на что он говорил:

— Пожалуйста, не мешай... — Она уходила.

Как-то во время этой работы Ольга Владимировна вошла и спросила у меня: «А кто будет всё это издавать?» Я рассказал. «Так, а какой гонорар заплатят Булату Шалвовичу?» — «Знаете, я в эти дела вообще не вникаю...» — «А что, это бесплатно?» — «Нет, гонорар обязательно будет, но об этом издатели будут договариваться с автором, будут звонить Булату Шалвовичу. Сам я ни на какой гонорар не претендую, да и прав на него не имею. Когда мне звонили из Кемерово и спрашивали о размере гонорара, то я ответил, что об этом нужно говорить напрямую с автором или с Ниной Крейтнер, которая осуществляет общую редакцию этого сборника». Я подробно рассказал, кто такая Нина Крейтнер, и оставил её телефон.

Своё предисловие я, конечно, тоже показал Окуджаве. Он даже не вмешивался в текст, только сказал:

— Очень хорошая статья. Здесь всё правильно.

Когда мы всё отправили в Кемерово, у меня дома раздался звонок: «С вами говорят из Кемеровского издательства. Поскольку вы составляли раздел по Окуджаве, мы хотим вам сказать, что в нём недостаёт нескольких страниц, — это выяснилось при вёрстке. Раздел нужно дополнить». — «Я позвоню Булату Шалвовичу и узнаю, что он хотел бы ещё добавить». — «Мы с ним связались и договорились дополнить недостающее его стихами из опубликованных в последнем номере “Огонька”³». — «Как составитель, я возражаю против этого. Ведь это же сборник песен!» — «А мы воспринимаем всё включённое как стихи. Ведь стихи Окуджавы — это его песни». — «Абсолютно неправильно. Тем более что стихи из “Огонька” — это частично откровенная публицистика» — «Ну, мы с ним уже договорились...» — «Если вы договорились, то я поднимаю руки. Идти против воли автора я, конечно, не могу». — «Мы просто ставим вас в известность».

Позже оказалось, что в книгу также были включены и несколько старых непесенных стихотворений, например, «Прощание с осенью», «Письмо Антокольскому», «Мгновенно слово. Короток век...», «Путешествие в памяти» и другие — около десятка. К публикации в «Огоньке» они никакого отношения не имели, я издателям этих текстов тоже не давал. Значит, они также были добавлены кемеровской редакцией.

На определённом этапе, после того, как материалы были отосланы, я уже не мог следить за тем, что делалось с разделом. Видимо, недоставало значительно большего количества произведений, чем мне сказали в редакции, а ввиду того, что у них уже состоялся разговор с Окуджавой, они, наверное, и решили у меня ничего не спрашивать. Возможно, взяли старые сборники и договорились с Булатом Шалвовичем. Может, он посылал им ещё что-то?

Что было сделано? Что я считаю важным в этом издании? Окуджава расшифровал все посвящения, в прежних изданиях обозначенные только инициалами. Я его попросил: «Ну сейчас-то можно расшифровать?»

³ Окуджава Б. «В сопровождении медной струны»: [Стихи] // Огонёк. 1989. № 35 (26 авг. — 2 сент.). С. 9. — *Содерж.*: «Не успел на жизнь обидеться...»; Нянька; Ироническое обращение к генералу; «Восемнадцатый век из античности...»; «В земные страсти вовлечённый...».

Анкета автора

1. Фамилия, имя, отчество *Окуджала Булай Шамвович*
2. Год, месяц, число и место рождения *1924, май, 9, Москва*
3. Какое учебное заведение и когда окончил *1950 г. Тбилисский университет*
4. Профессия / по образованию/ *Филолог*
5. Место работы и занимаемая должность *гл. ОП СССР*
6. Музыкальное образование *—*
7. Первая песня / дата и название/ *"Нечего и умирать" 1946 г.*
8. Был ли лауреатом конкурсов, фестивалей, слетов / где, когда/ *—*
9. Любимые авторы песен *Брассенс*
10. Хобби / кроме песен/ *Мытье посуды.*
11. Есть ли дети *два сына*
12. Гитара / 6 или 7/ *при моей низкой удобной игре - всё равно*
13. Домашний адрес *Москва, Ленингр. шоссе 86, II, кв. 72*
Дата заполнения *27 марта 77*
Подпись *Окуджа*
14. Телефон *452 0726*

Я поздравляю вас всех с вашей любовью к песне, я уважаю вас самым злым уважением, ибо вы из тех, кто уверял, что нельзя полностью доверять кинодокументам; что мелодия и аккомпанемент всегда должны быть чуть слабее, чем стихи; что нельзя суетиться, ибо время само решит кого и во что оценить.

Желаю счастья,
а, главное, открытий!

Б. Окуджа

Москва,
июль 1977 г.

Все иллюстрации —
из архива автора

ПЕСНИ Б. ОКУЖАВЫ

177 * ПЕСЕНКА ОБ ИНТЕ *
ПОВС. Е. УРБАНСКОМУ
1974

«НЕ НАДО МНЕ ПОЦАМ, НЕ НАДО МНЕ НАГРАДЫ»

СМ. 177

К К/Ф «НОСТ» И. ШВАРЦ

МУЗ. ??

1971

А ВРЕМЯ СЧЕТ ВЕДЕТ ПОДРОБНО:
ИЗ К/Ф «СОЛОМЕННАЯ ШЛЯПКА»
МУЗ. И. ШВАРЦА

А ГОДИ ПРОХОДЯТ, ПРЕДСТАВЬТЕ
ВАР. А РОКИ ЛЕТАТ, ПРОХОДЯТ,
1958

44

А КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ - ОНА СЕ
НА ПЛ. ЛХ 74358

1962

А МЫ С ТОВА, БРАТ, ИЗ ПЕХОТЫ
МУЗ. В. ЛЕВАНЕВА

ИЗ К/Ф «ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ»

НА ПЛ. №60-41235-6 (ИСП. В. ИВ)

№60-38777-8 (ИСП. В. ИВ)

1977

А МЫ ШВЕДЦАРУ - ОТВОРИТЕ ДВЕ

1957

А ЧТО Я СКАЗАЛ НЕДЕСТРЕ МАЯ

1959

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ ОДНАМА

1982

НА АРБАТСКОМ ДВОРЕ - И ВЕСЕЛЬЕ, И СМЕХ * НАРТОВСКИЙ СНЕГ *
1958

НА ГАЛЕРНОЙ НОЧЬЮ СКВЕРНОЙ * ВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ * МУЗ. И. ШВАРЦ
ИЗ К/Ф «ВЕЩАКА ПЛЕННИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ»
1975

НА МНЕ КОСТИМЧИК СЕРЫЙ-СЕРЫЙ
1968

НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ * О ЗЕЛЕНАЯ СКАМЬЕ *
1956

НА ФОНЕ ПУШКИНА СНИМАЕТСЯ СЕМЕЙСТВО
НА ПЛ. С60-13331-32
1971

НАВЕРНОЕ, САМУЮ ЛУЧШУЮ * ГЛАВНАЯ ПЕСЕНКА *
НА ПЛ. №60-38367-68
1960

НАД НАШИМИ ДОМАМИ РАЗНОСИТСЯ НАВАТ
* ПЕСНЯ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ *
ИЗ К/Ф «БИТВА ЗА МОСКВУ»
НА ПЛ. «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ» №62-07359-60
1956

НАД СИНЕЙ УЛИЦЕЙ ПОРТОВОЙ * ЛЕНТОЧКИ * * О МОРЯКАХ

ПЕСНИ БУЛАТА ОКУЖАВА = 15

71. Песенки про маму
Т. Не песня

У маме мамыно
Как маме и дончире!
Чет, но тех, что не оглядо
Роз маме - и будь здоров.

МЕНТАЛЬНЫЕ МАМЫ *

80. О кузнечиках

Не песня

Для кузнечика солоник в траве
наполнился сидит.
Над ним спит туман по все око-
роши достиг.
Под ним красны проточки и
золотом попухи...
Для кузнечика солоник никто
белко сидит.

УКА
ДЗКА

75. Девчонка-девица

Песня!

Поме это девчонка посылит не отго-
рант,
выходите,
выходите с постели.

82. Т. Не песня

Надежда, белем тутком
Сигнал мне что-то буди твое,
Чай и кусок съжинула с зина,
Как-будто сами- от кривизна.

83. Т. Не песня

Надежда, белем одинокого по-
гого в се-оборе и копита в ро-
з. Кривизна автобуса едет черноты
Как вам, по белому гулит ве-
дос

Отдельные
листы двух
авторизованных
каталогов песен,
1968
(машинопись)
и 1982 гг. (ЭВМ;
датированный)

КАКАЯ ГЛУПАЯ ИГРА...

(для Киммерабий)

Какая

пора

А я

Крич

что

а у

И я

мн

Стихи и музыка Булата Окуджа

МАСТЕР ГРИНА

музыка, устная, сказочная
А.М., Я.К., К.М.В нашем доме, в нашем доме, в нашем доме —
благодаря. Печаль.

Стихи и музыка Булата Окуджа

РАЗЛОБИЛА МЕНЯ ЖЕНЩИНА...

О.Бабариков

Разлобила меня женщина и ушла неспеша.

Кто знает,

когда доведется опять

с ней встретиться.

А я-то предполагал, что Земля — это шар...

Не с кем мне было тогда посоветоваться.

1959

Окуджа

Авторизованная
машинопись,
1989 г.Дружба
Литература
Печать
НовостиСоветская
ПАНОРАМАМне Баранову с
признательностью за
его не легкий труд
24-1-92 Б.Окуджа«Вся моя жизнь сложилась очень удачно, потому что
она была трудной, и я эти трудности смог преодолеть.
Эти слова принадлежат Булату Шавовичу Окуджа, из-
вестному советскому писателю.
Казалось бы, не так уж и много написано им за 35
лет литературной деятельности: несколько сборников сти-
хов, две повести, два киносценария (в соавторстве), че-
тыре исторические романа, несколько рассказов для
взрослых и детей, но каждое из этих произведений лю-
бимо и дорого многочисленным почитателям его таланта.
Сначала были стихи, потом появились песни — те же
стихи, сопровождающиеся ненавязчивым музыкальным
кисельпанамом. А с 1970 года — историческая проза.Винце Баранову
с признательностью
2.11.82.АШН

Б. Окуджа

БУЛАТ ОКУДЖА: "КОГДА МОИ РАССКАЗЫ ИЛИСТИС
ДОЛЖИ — ЭТО СЧАСТЬЕ"«Вся жизнь сложилась очень удачно, потому что она была
и эти трудности смог преодолеть». Эти слова принадле-
жат Булату Окудже, известному советскому писателю.
исали шесть сборников стихов, две повести, два киносе-
исторических романа, несколько рассказов. Но, пожалуй,
известность Окудже принесли песни, музыку к которым
им и сам их исполняют.

В ЕГО ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ ОКУДЖА, КАКОВ ОЧЕРНИЛ МОИОН-

Он ответил:

— Конечно, можно. Но кто знает, тот и так знает.

— Но у вас ведь такая большая аудитория почитателей. Они хотят знать, кому посвящена та или другая песня. Многие, конечно, догадываются, но есть такие посвящения, которые не расшифровываются.

Что ещё есть в текстах этого сборника, чего не было опубликовано ранее? К заголовку песенки «Такая глупая игра...» в скобках добавлено: «Для кинофильма». По машинописи видно, что приписка эта сделана рукой Булата Шалвовича. Возможно, эту песню кто-нибудь ему заказывал для кино. Для какого — я тогда, к моему великому сожалению, уточнить не догадался.

Когда я печатал первоначальную редакцию, то взял даты в томе «Песни» из нашего казённого собрания сочинений Окуджавы. Но в процессе работы Булат Шалвович некоторые из них поправил. Это тоже видно из материалов моей папки.

После того как вышла книга, мне прислали штук десять экземпляров, а Окуджаве прислали столько, сколько он просил. Я к нему съездил за автографом, и он, когда надписывал книгу, меня поблагодарил.

Кстати, в начале того же 1989 года мы с архивистом, составителем ряда книг бардовских песен Анатолием Азаровым готовили сборник, который так и не вышел, с условным названием «Песни бардов для кино» — для издательства «Искусство». Я тогда побеседовал об Окуджаве с В. Мотылём, П. Тодоровским и И. Шварцем, подготовил на основе этих бесед статьи. Да и с самим Булатом Шалвовичем мы несколько раз подробно говорили на эту тему. Беседы эти я записывал на магнитофон. Они так и не были опубликованы⁴. Сохранился в расшифровке и монолог Окуджавы об авторской песне, который я приведу здесь (не вспомню точно, но вероятно, он тоже предполагался как часть той же несостоявшейся книги). По сути своей это своеобразное продолжение разговора на тему, затронутую поэтом в одном из давних нашумевших интервью. В нём Булат Шалвович сказал, что авторская песня «в том понимании, в каком она существовала, благополучно умерла... оставив несколько имён»⁵.

⁴ См.: «Булат Окуджава: Моя жизнь в искусстве кино» в настоящем выпуске. — *Ред.*

⁵ Окуджава Б. «Ещё в литавры рано бить...» / Беседу вёл Е. Дворников // Правда. 1988. 23 сент.

*В ДК им. Горбунова
перед концертом
12 декабря 1983 г.
Фото
В. Россинского*

...На меня посыпались всякие обиды и всякие упрёки. Ну, я, в общем, как-то попытался исправить это всё.

Я, конечно, не в буквальном смысле имел в виду. Я думаю, что авторская песня в первоначальном смысле — она утратила своё значение. В первоначальном смысле. Когда она создавалась, когда она исполнялась не за деньги, когда она исполнялась в маленьких тесных комнатах среди небольшого круга единомышленников, когда она была откровением идеологическим (не только откровением искусства), когда она была оппозиционной, — вот это всё играло большую очень роль, — она была рождением нового искусства, нового отношения к песне.

В последующем, когда она постепенно обрела свои права и ей дали б о л ь ш е прав, она стала выходить на широкие просторы, она вышла на эстраду, — она стала явлением м а с с о в ы м. Она всё больше становится массовым явлением, и она где-то утрачивает свои первоначальные функции, и она начинает сливаться с эстрадой.

Ну, лучшие представители ещё держатся, держатся, так сказать. Но <и у них песня> тоже стала средством заработка, она стала п р о ф е с с и о н а л ь н о й. И умения <нет> никаких попыток упрекнуть выступающих в этом, — это само собой происходит. Это такой процесс о б ъ е к т и в н ы й, и он происходит. Конечно, эта массовость всегда будет. Хотя есть прекрасные представители <этого жанра> и сегодня. Есть очень интересные люди. Я сейчас очень плохо это знаю, но есть некоторые песни

<Михаила> Щербакова... Это интересно, потому что он работает прежде всего как поэт. Потом, есть интересный рост, я заметил недавно, у такого исполнителя из Челябинска Олега Митяева. Я его слушал в 1986 году — он был очень поверхностный и примитивный. А потом я его послушал недавно совсем: вырос, очень вырос — и как поэт, и как исполнитель, и как личность. И мне это очень приятно. Вот.

Если говорить о совсем молодых, н а в е р н о е есть ещё море их, — я не знаю, не знаю.

(10 августа 1989 г.)

...Последний раз я видел Булата Шалвовича на панихиде в театре Вахтангова. Но вспоминать об этом до сих пор очень тяжело.

Записал и прокомментировал В. ЮРОВСКИЙ

Пауса АБЕЛЬСКАЯ

КАК Я ПОСТУПАЛА В ЛИТИНСТИТУТ

В 1986 году я решила поступать в Литературный институт. Кругом вскипала перестройка, с телеэкрана летели ошарашивающие слова, которые произносил лысый человек с чернильной кляксой на лбу, с добрыми глазами, что тоже ошарашивало, — но я ничего не замечала. Менялась эпоха, все мечты становились явью.

Конкурс в Литинститут был — тысяча человек на место. К тому же и поэтом я была не совсем настоящим, а так, бард. Кому нужны мои песенки? Правда, в бардовских кругах я лицо известное, автор с именем, но что такое «бардовские круги» с точки зрения большой литературы...

— Попробуй к Левитанскому, — подсказали всезнающие московские знакомые, — к нему можно пробиться. Попроси рекомендацию. А без этого в Литинститут и соваться бесполезно.

— Мне бы к Окуджаве, — наивно помечтала я вслух.

В ответ меня высмеяли. Ты, деточка, совсем с ума сошла. Одно слово — с Урала. Окуджава никого не принимает. Он недавно корреспондента «Шпигеля» с лестницы спустил. И рекомендаций он никому не даёт.

Набравшись храбрости, я позвонила Левитанскому и путано объяснила, чего я хочу.

— Приезжайте, — уныло ответил добрый голос в трубке. — Хотя что ж, я же не начальник, что вам даст моя рекомендация... право, не знаю...

Я схватила гитару и полетела в Безбожный переулок. Дверь открыл сам Юрий Давидович Левитанский — невысокий, в синей линиялой футболочке, с лёгкими, седыми, «богемными» волосами. Он был очень похож на свои фотографии: лицо благородного спаниеля с печальным взглядом.

*Слева направо:
Ю. Левитанский,
Д. Сухарев,
М. Поздняев
и Б. Окуджава.
Фото М. Пазия*

В комнате, куда мы вошли, не было ничего, кроме стеллажей с книгами, журнального столика и двух кресел. На единственной свободной стене висели детские рисунки и маленькая скрипочка. Он закурил «Яву» и с сомнением посмотрел на меня.

— Вот, — показал он куда-то вверх, на стеллажи, — до Пушкина всё равно никому из нас не подняться... Вы поёте? Ну, спойте, хотя что ж...

Пассаж насчёт Пушкина, честно говоря, лишил меня последней уверенности в собственных силах, но когда я начала петь, я, как всегда бывало, мгновенно успокоилась. Вернее, забыла обо всём, кроме песни.

Левитанский заволновался. Встал с кресла, достал ещё сигарету из пачки и снова сел.

— Пойте, пойте, — показал жестом в ответ на мой вопросительный взгляд.

На последних строчках он схватил телефонную трубку и, бормоча «ну, это надо звонить Булату», набрал номер — я и ахнуть не успела.

— Булат, — взволнованно и мягко зарокотал он, — у меня здесь молодая женщина с гитарой... да нет, ты не шути, ты послушай, она так поёт, — он смущённо понизил голос, — ты непременно должен, я сразу сказал — это для Булата... Стихи? В том-то и дело, что очень... Да-да, если не возражаешь, прямо сейчас.

Через несколько минут мы стояли на лестничной площадке соседнего подъезда и звонили в дверь.

Всё произошло так стремительно, что я не запомнила ни этажа, ни номера квартиры.

С тех пор прошло больше десяти лет, многие детали исчезли из памяти, но слова, сказанные мне великим поэтом XX века, я помню. Тогда я не придавала им значения, подумала: читает мораль, ничего, потерплю. Теперь-то я понимаю, сколько в них было смысла. «Писательство — дело ответственное», — вот что он мне сказал. И ещё: «Ничего и никого не бойтесь». Теперь-то я понимаю, что слово — оружие посильней огнестрельного и что единственное, чего боится зло, — это честного, открытого слова, сказанного в лицо, а не в спину. Потому что зло косноязычно.

Открыл сам Окуджава — высокий, худой, со знакомым до боли лицом. Как-то особенно нежно поздоровался с Левитанским. На меня же посмотрел, как на досадную букашку, таким равнодушным, непреклонным взглядом, что я очень ярко представила, как бедный корреспондент «Шпигеля» летит с лестницы, нелепо взмахивая руками. Душа у меня ушла в пятки. «Не понравится — выгонит», — мелькнула отчётливая мысль.

Через длинную тёмную прихожую мы прошли в комнату, занавешенную тяжёлыми мягкими шторами и утопавшую в полумраке, в то время как за окнами звенела и грохотала обычная будничная середина дня.

Стены были сплошь увешаны картинами и фотографиями в рамках. Очень хотелось рассмотреть их получше, но такой возможности мне судьба не дала. Мои высокие судьи уселись в кресла, драпированные тяжёлой мягкой тканью. Окуджава кивнул:

— Пожалуйста, пойте.

Я спела другие песни, не те, что Левитанскому. Он слушал с теми же непреклонными глазами, проронил: «Это не про вас». Левитанский сидел молча, не шелохнувшись. Прощай, Литинститут, прощай, большая литература. Я остановилась в нерешительности.

— Пойте, пойте, — сказал Окуджава. — Ничего и никого не бойтесь. — Это он меня воспитывал, оказывается. Ещё есть надежда. Не нравятся литературные сюжеты — тогда «Возок».

Отреклась от родительской стаи,
Преступила закон,
И теперь я скорлупка пустая
Под любым ветерком.

Уезжают в возочке открытом
В неизбежность, в туман,
И вдали за туманом блестит им,
Что невидимо нам.
Мы стоим и ладонями машем,
Я и сын мой вослед,
И кричит он «где наши, где наши?» —
Никого уже нет.
Даже пыль перестала крутиться —
Унеслась, улеглась.
Вы простите мне, мама, сестрица,
Что от вас отреклась.
Я давно уже с вами в расплате...

— Хорошо, — тихо, с наслаждением произнёс Окуджава, — очень хорошо. Подойдите сюда, садитесь. Вы курите? — он взял со столика пачку «Явы» и протянул мне.

Они оба уже вовсю дымили. Не то чтобы я курила, но сказать «нет», когда божество протягивает тебе пачку, было невысказано. Я взяла сигарету и села на краешек кресла, чтобы не дай бог не провалиться в его податливую глубину и не оказаться в слишком непринуждённой позе.

— Так чего вы хотите?

— Учиться в Литературном институте, — ответила я автоматически, не веря собственным глазам и ушам.

Он повернулся к Левитанскому и сказал непререкаемо спокойным тоном патриарха, которого никто не смеет ослушаться:

— Я напишу письмо Жене Сидорову, завтра мы с ним увидимся.

И повернувшись ко мне:

— Только учтите, что писательство — дело ответственное. Вам лишь кажется, что вы пишете потому, что вам хочется. Это не так. Чем больше вам дано, тем больше спросится. И, пожалуйста, не называйте свои стихи «текстами». — Он поморщился и впервые улыбнулся. — Я думаю, у вас стихи, а не «тексты».

В тот же день на каком-то концерте я встретила с Вероникой Долиной и рассказала ей о своём неожиданном визите к Б. Ш. Она выслушала меня весьма скептически и уверенно поставила крест на моих надеждах:

— Да не будет он писать никаких рекомендаций — и не надейся. Никогда он ничего такого не делает.

Я Веронике не поверила и, как оказалось, правильно сделала. Когда сдавала документы в приёмную комиссию, там уже всё знали и встретили меня с поразительным радушием. Но радовалась я тем не менее преждевременно. Поэтические семинары в том году набирали Фирсов и ещё кто-то — к сожалению, не помню кто — но столь же мне чуждый и безразличный. Ни тот, ни другой в свой семинар меня не взяли. И слава богу, что так случилось. Но это я теперь понимаю — а тогда казалось, что жизнь рушится.

Кто-то посоветовал мне поговорить с ректором — Евгением Юрьевичем Сидоровым. Я вошла к нему в кабинет, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать. Узнав о моей вселенской трагедии, он лучезарно улыбнулся.

— Ничего страшного, приезжайте в следующем году. Семинар будет набирать Межиров — или вы непременно хотите у Фирсова учиться?

— Нет-нет! — встрепенулась я, услышав имя Межирова.

Слёзы у меня мгновенно высохли. Несмотря на свою наивность, я начала смутно догадываться, что дело не в моей бездарности, а в каких-то неведомых мне отношениях там, в заоблачных олимпийских высотах. Ну что ж, в следующем, так в следующем.

Летом и осенью того же года мои пути пересеклись с Б. Ш. ещё дважды — на Первом всесоюзном фестивале авторской песни в Саратове и дома, в Свердловске.

В Саратове даже поздороваться не удалось, но он слышал моё выступление и, говорят, что-то одобрительное сказал — что именно, не знаю. В Свердловск приехала целая команда бардов — это были гастроли по стране — летел, как его тогда называли, «бардовский клин», влекомый ветром перестройки. Я пришла к Б. Ш., чтобы рассказать свою литинститутскую эпопею. Он внимательно выслушал, спросил, кто набирал семинары, кивнул. И велел режиссёру — очень бойкой девушке Жене — включить меня в концерт.

Она была страшно недовольна, но послушаться не посмела и вставила меня в середину концерта, перед популярным исполнительским дуэтом — с одной песней. Происходило всё это в са-

мом большом зале города, в киноконцертном театре «Космос». Но сидели-то в зале «свои», то есть любители авторской песни — конечно, они меня знали, слышали раньше, некоторые даже и пели что-то из моих песен. Словом, зал после моего выступления устроил овацию, дуэт уже никто не слушал, а Женя на меня разозлилась и в следующий концерт не пустила. Вот такая я невезучая. Но один раз я всё же пела на одной сцене с Б. Ш.!

Через год были экзамены. После третьего экзамена ко мне подошёл ректор Литинститута Евгений Юрьевич Сидоров и спросил:

— Как сдаёте?

— Сочинение — пять, русский устно — четыре, литература устно — пять, — ответила я, изображая мужество, так как четвёрка по истории, которую не было никакой надежды сдать на пять, означала бы провал.

— Историю надо сдавать на пять, — сказал он укоризненно, как бы мысленно ставя галочку в записной книжке. Я расстроилась, но, как выяснилось на следующий день, напрасно. На истории никто не слушал, что я отвечаю, хотя билет мне попался лёгкий и я как раз могла рассказать его на отлично.

— Достаточно, достаточно, — замахала рукой экзаменатор, — я вижу, что вы знаете.

Последним «чистилищем» было собеседование. В аудитории, где все столы были сдвинуты в один длинный стол, покрытый зелёным сукном, сидели руководители творческих семинаров, и среди них Межиров, в семинар которого я должна была попасть, если пройду собеседование; а я перед ними — на одиноком стуле, как на суде. Ни одного лица не помню, вместо лиц были белые пятна. Какие-то вопросы мне задавали, что-то про Окуджаву, про Высоцкого, про любимых поэтов, но всё это было неважно, а важно было, что думает обо мне Межиров, не проронивший ни слова, пока я отвечала, изо всех сил стараясь выглядеть уверенно.

Наконец объявили результаты собеседования — я поступила! Я буду учиться в лучшем поэтическом семинаре Литинститута — у самого Александра Петровича Межирова! В довершение ко мне подошли трое старшекурсников и спросили:

— Это тебя Межиров взял в семинар?

— Да, — ответила я нахально, потому что слово «взял» мне сильно не понравилось, — а что?

— Межиров женскую поэзию не переносит, он женщин никогда раньше не брал, ты первая.

— У меня не женская поэзия, — гордо отпарировала я.

— Да у неё рекомендация Окуджавы, — уважительно объяснил кто-то из них.

Рекомендация Окуджавы! Я же её не прочитала. Я бегу в приёмную комиссию и прошу показать мне, что он написал. Начинается лёгкая суета: все поднимают головы, парнишка, к которому я обратилась, куда-то убегает, потом возвращается. Это не рекомендация, сожалеет он, а личное письмо Евгению Юрьевичу Сидорову, поэтому никак, извините.

— Ничего, — вздыхаю я разочарованно. Но это маленькое огорчение, конечно, не может затмить моего счастья — я поступила!

Владимир ЛЕОНОВИЧ

КАК ДРОМАДЕР ЧЕРЕЗ ПЕСКИ

— Без Левина меня бы не было.

Это говорил Булат о Григории Михайловиче, создавшем «Магистраль» в конце сороковых или в начале пятидесятых. «Глоток свободы» доставался здесь каждому, кто приходил или приезжал издалека на занятия литобъединения. Меня послал к Левину Евгений Винокуров, это было в начале шестидесятых, когда Булат уже переставал или перестал ходить на занятия. Иногда только приходил с новыми песнями, а потом и с прозой. На его «Бумажного солдата» я написал пародию, злую и бездарную, так как сам забыл её начисто. Зато помню мягкую отповедь Булата, который спародировал уже... Евтушенку, выпитив ложную многозначительность пустой фразы, фразу помню: «Я иду по улице Горького». Три или четыре смысловых ударения, столько же интонаций эта фраза выдерживает, а в общем — пшик...

Студия занималась в ЦДКЖ, где была и сцена и амфитеатрик (здание полукруглое). Иногда мы там выступали. Я прочёл стихи, после которых Булат приобнял меня и что-то доброе сказал. Теперь я понимаю, почему. Вот начало стихов:

Солнце стояло высоко и жгло, словно Полная Правда.
Окаменела земля, и в степи поседела трава.
В шлеме прозрачностальном водолаза или космонавта
от горизонта ОН ШЁЛ и гнал надо степью слова.
Словно бы тучи он гнал или камни в потоке.
Был тот язык неземной, или все я забыл языки,
или мешал этот шар, этот шлем, этот обруч — но только
был этот гул, этот гром, эта весть, эта Правда всему вопреки.

Так изобразил я Пророка, а пустыней мрачной оказался — Степлаг, о чём я и думать не думал. Думал-то — Булат! В этой седой степи десять лет протомилась его мать, его *белая голубушка*. Карлаг. В другом лагере, столь же безрадостном, восемь лет

После переезда в Москву.
Литобъединение «Магистраль»,
зима 1956/57 г. Архив М. Баранова

Этим и занимался Булат. Собирали ли он д о н о с ы на себя, не знаю. Вряд ли. Но знаю, как он их переживал. Ведь они приходились на больное место — фамильное... Но ни в стихах его, ни в переводах ноток ожесточения я не помню, не слышал. На стихах, кажется, только о Сталине его прорвало, но это был эпизод. Хоть одну хрустальную вазу должен человек грохнуть об пол. Хоть одну морду набить.

Я сказал, что переводил грузин, движимый чувством исторической, если угодно, вины. Но не договорил: тут была и Л ю б о в ь. А там, где Она и сестра её разлука — там и сплетня в неизбежном родстве с первой и второй. Дело коснулось женщины, жены Булатова друга, быстро обросло чужими фантазиями.

— Это их дело, — сказал Булат, когда сплетня, и сплетня талантливая, дошла до него, и запретил об этом ему говорить.

Сношу на свой, на н а ш с Нею счёт:

Клянусь, что это любовь была.
Посмотри — ведь это её дела...

Это, конечно, не так, это не про н а с, но ведь... на фоне Пушкина всё это случилось. И надо было быть Булатом, носив-

шим в себе ужас утраты, в которой и себя он мог считать повинным, чтобы чужие *мелкие злодеяния* ещё умалились — до детской обаятельности. Я замечал, что и люди, и даже города (Питер, Смоленск) после страшных потрясений живут уже другой жизнью — достойнее, тише. Это в воздухе, в лицах людей, переживших трагедию. И наоборот, наши сытые-одетые девочки-мальчишки... Не продолжаю.

Булат был, что называется, с к и л ё м — глубоким свинцовым балластом, был назначен в плавание, где тонут суда более мелкой осадки.

На ловца и зверь бежит:

«Исторический опыт нашего поколения огромен. Идея нравственного усовершенствования и духовной независимости выстрадана нами. Особенность этой идеи в нас состоит в том, что мы не утратили чувства гражданских обязанностей» (Д. Самойлов. «Подённые записи». 6.10.63). Это как раз о Булате. Что касается поколений, то хочется думать, что н а ш е, которое младше самоейловского на Отечественную войну, больше связано именно с этим, старшим, чем со следующим, младшим. Яр-ко сказалось это в людях, подобных Игорю Дедкову, но таких мало. А руку Евтушенки, протянутую одному молодому и незнакомому, тот молодой выкручивает¹.

Продолжаю о Булате.

Из книги Вл. Буковского «Московский процесс» (Париж—Москва, 1996. С. 201), донос генерала КГБ Чебрикова в ЦК КПСС:

«В. Леонович в апреле сего года на собрании московских поэтов публично призвал пересмотреть отношение к проживающим на Западе отщепенцам Войновичу и Бродскому. В марте 1986 на вечере в музее Маяковского он высоко отозвался о творчестве антисоветчика Галича... Окуджава, выступая на семинаре учёных-славистов... назвал Галича “первым по значимости среди бардов России”... КГБ СССР проводит необходимые мероприятия по противодействию подрывным устремлениям противника в среду творческой интеллигенции».

Спасибо Чебрикову. На своём языке он сказал о том главном, что связывало меня с Булатом. Не грех перебрать некоторые жилки этой связи. Не знаю, существует ли донос, где на со-

¹ Описано п р и б л и з и т е л ь н о С. Гандлевским в «Трепанации черепа».

брании писателей Леонович предлагает создать Комиссию по литнаследству репрессированных писателей — в дальнейшем РЕПКОМ — и начинает свою подрывную деятельность. (Подрывной она будет считаться при очередном кулбите родной власти. Войнович говорит, что полиция восторжествует в 2042 году — думаю, раньше.) Комиссия создалась и мыслилась как Всесоюзная, даже Всемирная. Но родилась гора — и за 10-15 лет уменьшилась до мыши. Господа писатели в массе своей повели себя так, как и вели. В «Четвёртой прозе» Мандельштам, автор пощёчины Алёшке Толстому, всех хлеще пишет об этом сословии. Если Бабеля взяли сегодня, а завтра в Литфонд поступает десяток заявлений с претензией на о с в о б о д и в ш у ю с я дачу... Не продолжаю.

Изведая силу презренья и покинул ихний союз в день, когда дрались за трибуну в ЦДЛ Бондарев и Черниченко. Да не за трибуну — за копейку. Секретарём РЕПКОМа работала Ольга Сушкова. Пожалели господа двух сотен рублей, упразднили оклад секретаря. Это означало лишить и душевной, и деловой связи уже старых, недобитых в своё время сидельцев, доживающих своё вдаль от столиц — с издательствами и журналами, с бюрократами союза — через Оленьку Сушкову, нашего рабочего ангела. По сохранившейся переписке О. С. с талантливыми авторами запоздалых публикаций в журналах и сборниках видно, что за человек наша Ольга. Такими держится и движется жизнь. Пользуясь «свободой», ругался я почти непечатно в «Литературке» и в родной «Дружбе народов» по поводу этого свинства, напоминавшего *десять лет без права переписки*... В сердцах объявил голодовку персонально А. Н. Яковлеву, обещавшему, но не изыскавшему сотню долларов для Сушковой... «Новая» и «Общая» газеты меня не поняли... Воля одной личности — пшик! Легкомыслие необыкновенное — наш менталитет...

Булат бы встревожился, Расскажи я ему о таком решении. Естественно, не сказал. Булат бы понял. Поняли бы Приставкин, Фазиль... Не хотел я такой афиши. Мало н а м было горя... Мало было позора — и м...

И тут возникает Саша Гордон: плачу тебе эту сотню, работай Ольгой Сушковой и береги здоровье. Года два, пока не стало мне стыдно, ибо т а к работать, как Сушкова, я не мог, не умел, эти деньги я брал.

О легкомыслии, о лёгком слове, о лёгком поведении надо бы подумать отдельно. Отдельно от слов мы и живём.

На тётке Булата Ольге Степановне Окуджава был женат Галактион Васильевич Табидзе. В селении Чквииси, недалеко от городка Вани, стоят дома двоюродных братьев Тициана и Галактиона, последний поскромнее.

— Сколько моих стихотворений ты переведёшь за утро? — Галактион спрашивает Булата.

Юмор в том, что стихи грузинского гения *н е п е р е в о д и м ы*. Можно станцевать, возможен вокализ на волне подлинника и проч., и проч. У меня эта невозможность вызвала известный задорный абсолютизм: *а х т а к!* Так вот же... И семь лет я предавался этой афере: музыку — музыкой. Грузины беспечны. Они хоть и знают, что перевести Галактиона нельзя, но страсть попытки прекрасно чувствуют. А страсть была. И был Галактион, сын священника и Богом обласканный поэт, *е д и н с т в е н н ы м* человеком, кто испортил палачам и толпе праздник единодушия при очередной Голгофе. Честь русского поэта Бориса Пастернака спас грузин. Дорого яичко ко дню Христову.

Я тень — далёко — на краю — сторожевая.
Нельзя стоять, где я стою: земля кривая.
А правый небеса коптит, и нету сладу.
Галактиона тень летит — ввысь по фасаду!
Чей стыд ты искупил, старик, — и в небо?
Семь лет перевозжу твой крик: ТАВИСУПЛЕБА²!

Что сказать... Булат всё это знал, ничего мне не говорил — какая нужда? Я летал, он ездил в Тбилиси (не хотел самолётом), однажды ехали вместе. Белым полднем на перроне в Харькове я заметил, что он идёт, далеко оставляя ногу. В строю ему её бы оттоптали. Идёт походкой верблюда, плывёт —

он так плывёт и тянет ногу, как дромадер через пески,
а сколько сам — известно Богу — влачит любви и тоски...
Плыви, Булат, корабль пустыни, в тебе такая благодать,
что при тебе нельзя пустыми словами душу утруждать.

Утруждать — словечко Беллы. Мне кажется, она любила его больше чем всех своих мужей, вместе взятых. Белонька, прости, если ступил не туда. Отрубите мне голову, но язык оставьте.

² Тависуплеба — свобода (груз.).

Одной из первых моих работ в Грузии был перевод стихов, собранных Иосифом Гришашвили в «Литературную богему старого Тбилиси». Перевод есть жизнь среди подлинника — я и прожил её в духанах и двориках старого города, надышался, наслушался... Потому и говорю: Булат вышел из арбатского двора, но прошёл и через тбилисский. Здесь он останавливался перед шарманкой, здесь перекликивался с обитателями балконов, здесь сидел на камне в тени платана и, как на облачную грядку, смотрел на взбитую, широко расстеленную по булыжнику шерсть. И не отсюда ли унёс он т е п л о, которого хватило на всю Россию, на весь мир?

А вот стихи, где зашифровано нечто личное, что в переводе на прозу... О сплетниках я уже говорил.

Болит Адамово ребро, с разлукой нету сладу.
Прочти «Женитьбу Фигаро» да позвони Булату.
Но так сурово на душе, что не поможет Бомарше,
хоть с Моцартом впридачу. Как Таризл, я плачу.
Нет, не звоню — звонит Булат, хоть был с утра не в духе:
— Какой старинный снегопад! Пройдёмся до Харпухи³:
там улочки как ручейки, извилины и тупички,
как в этой черепушке, И ДОМ ОДНОЙ ХАРПУШКИ.
Из сплетен ей сплели венки, а в нём стихи и песни.
Она одна, она без ног, её катают в кресле...
На нас сквозь отсветы окна красавица глядела,
и жизнь моя — ещё одна — как молния пролетала:
забытый отроческий сон БЕЗНОГАЯ НЕВЕСТА,
и на булыжный крутосклон я вкатываю кресло.
О счастье Жертвы-без-конца! И свято мне и больно:
такого одного лица на всю судьбу довольно.
В небесных отсветах окно, и в сетке снегопада
ЛИЦО, всезнанием сожжено, — лицо Булата.

...Слово — людям знающим, а я не умею сказать, ч т о это бывает, когда умирает человек, принимая на себя ещё одно, другое какое-то и м я. «Во святом кончении?» Стыдно, не знаю. Но Булат умер, именовавшись И о а н н о м.

Душа великая и дерзкая, названный с креста сын Богородицы, брат, следовательно, и любимый ученик Христа. Младший всех. Бодрствовавший — по апокрифу — в Гефсиманскую ночь. (Как доволен был Мень, когда я читал ему стихи об этом!) Автор Четвёртого Евангелия, наиболее личного и пристрастного. Великий поэт, автор «Откровения», не проповедующий

³ Район Тбилиси.

смерть, но предостерегающий от неё. Спасший, вероятно, многих читателей этой п о э м ы. Писал орлиным пером и заживо лёг в гроб крестовидной формы, простерев руки как бы для полёта. Переведённый св. Константином на славянский, он оказался п е р в ы м в веренице русских поэтов. Русских поэтов — обхожусь без кавычек. Надо гордиться таким н а ч а л о м, иногда оглядываться на эту высоту:

Погляди же, откуда ниспал...

Вот попытка увидеть его вольную кончину — быть может, начало полёта за все пределы. Так выдержал этот художник ярчайшую свою полётную образность. Имеющий очи да видит.

Сентября двадцать шестого все семеро учеников
ведут наперстника Христова — им радуется Богослов.
Уже стоит в виду ЕФЕСА — короной — свет со всех сторон,
как та полярная завеса... И смерти радуется он.
Столетний разум твёрд и ясен. И повелел, глаза смежив,
гроб истесать крестообразен И В О Н О М ПОГРЕБЕСЯ ЖИВ.
И то, что век ему служило, спросил орлиное перо,
затем, что ВРЕМЯ СМЕРТИ ЖИВО, а не мертво.
И явственно ещё и слабо он говорил свои слова,
ЕГДА ВОЗЛЕГ КРЕСТОКРЫЛАТО. Но мы бежали от волхва...

Чтобы знать, к а к о й р а з о р в с т р а н е, мне надо было узнавать его не в библиотеках, не в самом умном общении — хоть это и обязательно — узнавать его потребовалось руками, рабоче-крестьянским потом и проч. и проч. Вся мера вандализма известна только реставратору, собирающему по кусочкам древнюю фреску, расстрелянную теми, кто и ведал и не ведал что творил. Что такое уничтоженная крестьянская Россия, соображал я с топориком, с мастерком в руках. Зная, ч т о значит *построить*, не станешь торопиться с разрушением. Россию погубили недоучки с белыми мягкими руками.

Весть о смерти Булата застала меня в деревне, как и смерть Высоцкого. Не с кем было напиться в карельской деревне, метался как зверь, чуть не воя от горя.

Во Францию не полетишь. Дал телеграмму Белле.

Вспоминаю последний вечер с участием Булата в Литмузее в Трубниках. Мы вели его с Лёвой Шиловым, бесконечно влюблённым в Булата. Помню, что был Гердт, что был Берестов, кажется, Сарнов. Оба Окуджавы сидели в первом ряду — Ольга сияла женственностью, Б у л а т у в с ё н р а в и л о с ь.

Всё его умиляло. Эту перемену в нём я наблюдал весь вечер с грустью. Обычно ему что-нибудь претило, чем-нибудь — чаще самим собой — он бывал недоволен. Но и то правда, что все говорившие, и Белла была тут, любили этого человека — навстречу этой любви он и улыбался умилённо и счастливо. Просил меня написать ему стихи, где про *д р о м а д е р а*. Я написал, дочь отдала ему их на следующем вечере⁴. Не знаю, как он прошёл. Наверно, хорошо. Наверно, *п р е к р а с н о* — это слышалось в словечке Булата.

Я люблю этот музей и, слава Богу, взаимно. И в два вечера любовь к Булату не убралась — потом здесь раскинули постоянную выставку поэту, потом была прекрасная экспозиция Андрею Платонову...

Рынок наступает и топчет, как варвар, те вещи, коих недостойн и коснуться. И люди умирают — нет Льва Шилова, нет Сергея Филиппова — их фонотека бесценна... И над Литмузеем нависает подошва мощного *х а м а* наших дней. Надо хранить святое место: здесь выступал Булат. Здесь бывали *любви счастливые моменты*. От рыночной эпохи может остаться пшик — *л ю б о в ь к п о э т у* будет вечной.

⁴ Вечера в московском Гослитмузее (Трубниковский пер., 17), посвящённые 70-летию Б. Окуджавы, состоялись 18 и 19 мая 1994 года — *Ред.*

Манана МЕНАБДЕ

1993, ПОЕЗД БЕРЛИН–ЛЕЙПЦИГ
«Надежды маленький оркестрик...»

Стоило мне удобно устроиться в кресле и взять в руки книгу рассказов Булата Окуджавы «Надежды маленький оркестрик...», подаренную им недавно мне, как затрезвонил телефон. Это звонили из Лейпцига. Предлагали отработать три концерта. Что бы я делала без этой книги?!

Выезжать надо немедленно. Наскоро всё кидаю в рюкзак... Впопыхах, чуть гитару не забыла.

...

Пулей влетаю в вагон, и поезд трогается.

Место оказалось у окна. Устраиваюсь.

Третьи сутки льёт.

Поезд мчится, оставляя позади плачущий Берлин. Дождь бьёт по стеклам. Капли задерживаются на мгновение, прежде чем броситься под колёса. С каждой каплей возникает что-то знакомо-далёкое...

Целеустремлённый немецкий поезд мчит нас по назначению. Соседи по вагону заняты — кто спит, кто курит, кто музыку слушает. Дама с собачкой просит мужчину снять с полки чемодан. Рядом — молоденькая соседка, похожая на Клаудию Шиффер, — вся в журнале «Top Model». Все чужие. И я сама себе чужая. А дождь непрестанно льёт-льёт-льёт... Время, время, времяяяя-я-я-я... Как оно пролетает — летает-летает-летает — тает-тает-таеттттт... Мотаю головой, отбрасывая мысли, и ныряю в книгу Булата:

Я познакомился с тобой, война... Ты желаешь отучить меня от всего, к чему я привык? Ты хочешь научить меня подчиняться себе беспрекословно?

Поезд всё мчится со скоростью света. И такое чувство, будто стоит на месте. В вагоне тепло, мягко, уютно. Ногам жарко.

Развязываю шнурки. «Клаудия Шиффер» небрежно скидывает с себя белоснежный пуховый жакет. Потом снимает дорогие бледно-розовые босоножки и с любовью проводит рукой по длинным ногам. Вытягивается лениво, как сиамская кошка, — сразу на двух сидениях.

Читаю дальше:

— Видал у немцев машины? — спрашивает Коля, — брезент и всё такое. Сидят, как дома. А тут...

— Я уже ног не чувствую, — говорит Сашка Золотарёв. — Я бы валенки обул. Пимы. Морда — чёрт с ней, главное — ноги...

А мне бы не валенки. Мне хотя бы сапоги. С широким голенищем. Чтобы они, как корабли. Встал в воду — ничего, встал в снег — ничего. Хоть ночь стой. Пожалуйста.

Мой взгляд как кузнечик — скок да скок... В купе просто массовый стриптиз. Все поголовно раздеваются. Я тоже скидываю куртку. «Клаудия Шиффер» почти обнажилась. Она вся шоколадная. Пристально смотрит в окно, отложив журнал, но всё же придерживает его своими длинными когтями, как любовника. Цепляясь, словно за последнюю надежду. Наверное, мерещится ей карьера у Версаче, Армани или Коко Шанель... Взгляд-кузнечик обратно в книгу:

— Вот и Ниночка...

Я оборачиваюсь. С невысокого холмика спускается она. Рядом с ней незнакомая связистка. Нина идёт легко. Шинель застёгнута на все крючки. Шапка-ушанка... ах, какая у неё ушанка!.. она немного набекрень... Все смотрят в её сторону, все. Она идёт.

— Ааа!

Это Шонгин кричит.

— Ааа! — и падает. И Сашка падает. И Коля Гринченко.

— Ложись!

...Где-то далеко-далеко разрыв.

...Мы молча поднимаемся. Коли нет. Он бежит к холму, туда, где легко шла Нина. Я вижу издалика, как она медленно поднимается с грязного снега. А та, другая, лежит неподвижно. Лицом вверх.

Капли со стёкол бросаются под колёса...

Та, другая... та... без имени... наверно, она тоже мечтала о...

«Тикет, битте!» — прерывает мою мысль требовательный голос. Контролёр — жирный и сладкий, как торт с кремом. Может быть, это его дед убил ту? Пристально разглядываю его. «Торт с кремом», ничего не подозревая, лёгким движением руки дырявит мой билет, говорит «Битте!», возвращая его мне. Я тупо уставилась на него. А он смущённо: «Мехтен зи этвас?» («Желаете что-нибудь?») — «Найн, найн, данке!» — торопливо отвечаю. «Торт с кремом» с дежурной улыбкой отходит.

Может, его дед убил ту? Вопрос пристал ко мне, присосался, — и ни на шаг от меня. Может быть, может быть...

...

«Клаудия Шиффер» — словно спящая красавица. Дама с собачкой улыбается мне. Я тоже улыбаюсь в ответ. Мучительно вспоминаю: откуда же я её знаю? А она кокетливо улыбается дальше, вправо и влево... Уже совсем отвернувшись от меня. Дама с собачкой улыбается по поводу и без повода. Прямо Мона Лиза какая-то, Джиоконда немецкая. Она дарит в последний раз свою «магическую» улыбку окружающей среде и вместе с собачкой тонет меж головами. За спиной слышу уверенный тенор: «Нох айн яр унд их верде миллионер зайн!» («Ещё один год — и я стану миллионером!»). Надо же — так точно всё рассчитывать! Завтра стану звездой! Завтра получу Нобелевскую премию! Завтра стану обладателем «Оскара»! Завтра стану! Завтра буду! Как быть сейчас? Как быть теперь?

А сейчас льёт как из ведра... Заплаканный типично немецкий пейзаж с типично немецким домиком на одно мгновение задерживается в оконной раме поезда и исчезает за вагонами. Исчезает в небытие... Там идёт своя жизнь. Там свои радости и печали... Кто-то живёт там. Он дышит, плачет, радуется, лю-

бит. У него свои мечты, свои радости, свои печали... Один миг, и он уже остался там, позади поезда, позади моего воображения. Сотни поездов, которые проехали и проедут мимо него, никогда ничего не будут знать — кто живёт в нём, в этом маленьком, одиноком, немецком домике, затерянном в холодном и дождливом пейзаже... Может быть, я встречу с ним на Монмартре, на Бродвее, или на Унтер дер Линден, или на Тверском, но мы никогда не узнаем друг друга.. Может быть, и узнаем. Узнавание ведь это такое хитрое дело. Будто не знаешь человека, никогда в жизни его не видел, а вот встретился с ним впервые и узнал! Может быть, мы уже не раз сидели рядом, стояли на остановке... Может быть, кто знает?!

Как звали ту? Какая она была, та? Та-та-та-трах-тара-рах-та-та-та-та... — слышу далеко пулемётную очередь. Шевелиться неохота. А надо... Снег, холод... В ботинках сквозняк. Пахнет вкусно, жареным и кофе... Бред какой-то... Наверно, очень жрать охота... Через переднее стекло вижу, как складывается заснеженная дорога под колёса нашего грузовика. Та-та-та-трах-тара-рах-та-та-та-та... — слышу уже совсем близко от себя пулемётную очередь... Откуда взялся «торт с кремом?» На нём тёплые валенки. Надо у гада отнять и ребятам отдать, Шонгину, Золотарёву... Как же Булат? Он так мечтал о сапогах...

«Торт с кремом» как-то странно смотрит на меня, наверное, заподозрил. И уже совсем отчётливо, прямо под ухом: та-та-та-трах-тара-рах-та-та-та-та... И вновь: та-та-та-трах-тара-рах-та-та-та-та... — протарахтела пулемётная очередь за моей спиной. Открываю глаза, поворачиваю голову и вижу полную еды железную коляску. Это просто «коляска желаний». Вагон наполнен запахом душистого кофе и тушёного мяса. В купе оживление. Подбираю под сидением книгу и читаю дальше:

Я многому уже научился. Как будто я не голоден. Как будто мне не холодно. Как будто мне никого не жалко. Только спать, спать, спать...

...

Поезд мчится со скоростью звука... а я читаю, читаю... И непонятно и странно, что там мальчишки замерзают и голодают и что красивые девочки без имени умирают в холодном снегу... И им уже ничем не помочь. И там уже ничего не изменить.

Не одеть, не обуть, не накормить, не напоить девчонок и ребят... Поезд мчится со скоростью звука... Небо так низко, — хоть платок доставай и утри его заплаканное лицо... А в Грузии небо высоко-высоко, как купол храма. Много-много солнца и хочется летать. Собачка залаяла. Дама говорит ей нежные слова, и она теперь начинает скулить. Дама берёт её на руки и с привычной джиокондовской улыбкой прохаживается с ней по вагону. Окружающей-то среде плевать на улыбку, на горе, на... Среда обедает. Среда не переносит сантиментов. Ей подавай хлеба и зрелищ. Среда довольствуется фоном. Фон — Пушкин, фон — Гёте, фон — Моцарт...

...

«Коляска желания» уже рядом: на неё взгромоздили целое царство еды. А вилок, ложек и ножей прямо пруд пруди... Так блестят — аж глазам больно. Я освежаюсь минералкой. Нахожу покинутую фразу:

Потерял я ложку как дурак. Обыкновенная такая ложка. Алюминиевая. Почерневшая. С зазубринами. И всё-таки это ложка. Очень важный инструмент. Есть нечем. Суп пью прямо из котелка. А если каша... Я даже дощечку приспособил. Щепочку. Ем кашу щепочкой. У кого попросить? Каждый ложку бережёт. Дураков нет. А у меня — дощечка.

Это просто закон подлости: когда много — не теряется. «Гебен зи битте андере лефелл. Дас ист шмутциг!» («Подайте, пожалуйста, чистую ложку. Эта грязная») — перебивает мою мысль недовольный голос «Кlaudии Шиффер». Требование, может и правильное, но чтобы избежать всего этого, лучше иметь свою, одну-единственную. Ухаживать за ней, любить и дорожить ею. А тут их вон сколько... Поди разберись и выбери себе ту, одну-единственную. Но зачем себе голову морочить? Потерял — ну и бог с ней, другая найдётся! И дорожить не надо. За единственной следить надо. Надо чистить, ухаживать, при себе иметь...

Лишнее всё это! Лучше много и на выбор!

...

Вагон пирует. «Немен зи битте, майне теллер унд лефелл мит!» («Заберите, пожалуйста, мою тарелку и ложку с собой!») — гундосит «Кlaudия Шиффер», облизывая жирные губы.

В купе становится легче — кондиционер включили.

...

Волновалась перед встречей с Булатом. Всё об одном думала — обнять его или только руку пожать? По рукам ведь многое определить можно. Боже, какие страшные пальцы у этого типа напротив...

Хочу писать, а бумаги нет. Бумага ведь — как хлеб. Её беречь надо. Интересно, существует ода о белой бумаге? Помню, в Тбилиси пятилетняя девочка Катя сочинила стихи о белой бумаге. Мне так они понравились, — я даже переписала их. Жалко, наизусть не помню. Прелестные были стихи. После этого бумагу больше жалеть стала.

Господи, как же она тонка, хрупка, чиста, невинна и доверчива — белая бумага. Все, кому не лень, насилуют её. Ей так часто приходится разочаровываться. Я с радостью посвятила бы ей оду или поэму, но, увы, ничего толкового в голову не приходит.

...

Мы обнялись с Булатом. Потом, словно занавес, опустилась между нами тишина. Мы молчали, будто вчера расстались. Будто за это время ничего не изменилось. Я заметила, что мы одинаково сидим — чуть ссутулясь, облокотив подбородок о левую руку. Вокруг нас без умолку говорили о политике, размахивая руками, что-то доказывая друг другу. Потом начали спорить о вкусах. Булат продолжал сидеть молча, видимо, вспоминал свой дом в Тбилиси, маму, отца, тётю Олю и Галактиона... А я вспоминала 81-й год, Москву, взволнованно-восхищённого Булата на сцене ЦДРИ, книгу «Путешествие дилетантов» с его подписью, подаренную мне в тот вечер.

Эту книгу у меня кто-то увёл с концами...

Был в моей жизни ещё один подобный случай. Когда увели очень дорогую для меня нотную книгу, с дарственной надписью. История была занятная. Один мой приятель попросил у меня эти ноты и, как часто бывает, не вернул их. Через пару лет уверял меня в том, что вернул. А пару месяцев спустя в библиотеке одного известного музыканта я случайно обнаружила мою пропажу. Тот сказал, что купил ноты у моего приятеля. Я была готова выкупить собственные ноты обратно,

но музыкант наотрез отказался! Я не понимаю: зачем человеку книга с чужой дарственной надписью, тем более если владелец нашёлся?!

Я оставляю эту разгадку для потомков.

...

Мы с Булатом молчали... Вдруг он попросил меня спеть. Я спела.

Он нервно поднялся с места, я почему-то вместе с ним... Он обхватил мою голову своими красивыми крепкими пальцами и поцеловал меня в лоб. Потом нас щёлкали и щёлкали... Булат рассказывал о Тбилиси, о своём брате, и его глаза влажнели и грустнели, грустнели и влажнели...

«Как помочь ему?» — думала я. Кто же в силах помочь поэту? Кто в силах одиночество его заполнить? Кому под силу прикоснуться к его чувствительной душе? Беда, что он одинок, чувствителен и печалится. Беда, что умеет летать... Ну почему же никто не возьмёт его за руку и не предложит ему что-то особенное, необыкновенное? Почему не поставить поэту памятник при жизни? Зато, когда его не станет... Нет, нет, нет... Пусть он живёт, пусть радуется, пусть дальше дерзает... Он уже сам себе воздвиг *памятник нерукотворный*. Ему от нас ничего не надо. Главное не тревожить его, оставить его в покое! Не мешать ему жить...

...

«Клаудия Шиффер» опускает свои золотые ножки на мягкий пол, царственно надевая бледно-розовые босоножки, и грациозно снимает с полки белую сумку из дорогой кожи. С завистью смотрю на шоколадную «Клаудию»... Сколько лет мечтаю загореть — и всё никак. Некогда. Уже надежду потеряла. Надежда, надежда... Хорошая штука! Чего это они все к выходу спешат с чемоданами?! «Дас ист Лайпциг?» — спрашиваю. «Дас Штимт!» — сухо отвечает «Клаудия Шиффер» и, иронично улыбаясь, плавно, как змея, ползёт к выходу. Я, спеша, собираю вещи. А то ещё не туда увезут. Среда разбрелась кто куда. «Клаудию» встретил дорого одетый и хорошо надушенный мужчина средних лет, с чёрными очками на носу. Она, свисая на руке дорогого мужчины, хохоча и ломаясь, упорхнула, как бабочка, растаяв в лейпцигском воздухе...

...

Огромный Лейпцигский вокзал встречает меня тишиной.

Беру оранжевую коляску, ставлю вещи, чуть придавливаю ручку тележки. Она скользит по зеркальному полу. Тут всё чинно.

И тележек тебе сколько хочешь. Наши непременно утащили бы домой. А зачем, спрашивается? На всякий пожарный... Да и просто так, без всякой логики. И телефоны-автоматы тебе. И автомат для денег. Камера хранения, быстро, кафе, рестораны, цветочные лавки, бутики, табачные магазины, парикмахерские... Верхние и нижние этажи. Эскалаторы... Магазины. Магазины, магазины... Они выстроены, как солдаты, готовы служить всем, всем, всем... Но ни души... Пусто. Всё вымерло. И *надежда* куда-то спряталась, затерялась, исчезла, растворилась, пропала в этой пустоте... Стоит одна большая мёртвая тишина... Как будто никто никуда не едет, никто никуда не спешит, никто никого не встречает, не звонит, никто не голоден. Всё пусто. Только случайный прохожий промелькнёт иногда... И ты рад, что кто-то дышит рядом, что кто-то ещё жив.

Господи, какая тоска... Как соскучилась по нашим шумным и суетным вокзалам, где все куда-то спешат с тяжёлыми кошелками, чемоданами, сумками в руках, потому что колясок вечно не хватает. Носильщик-барин стоит где-нибудь в укромном месте, курит «Беломорканал», словно дорогую сигару, и готов помочь только по назначенной им самим цене. У пассажиров бешеные глаза. Льёт пот со лба. Рубашка прилипает к спине. К информации подобраться невозможно. Билет не взять — не сдать. Ступать негде — везде живые трупы лежат. Ты перешагиваешь через них. Через несколько суток — уже все свои, они стали тебе родными: одни пьют, другие спят, третьи играют в карты, грудные — плачут. Обязательно находится местный «Сократ», который во всеуслышание вещает по поводу всего этого безобразия. Ты проклинаешь всё на свете. Но зато так уютно, так хорошо, потому что есть *надежда*, что скоро придёт долгожданный поезд или ты наконец-то достанешь билет.

И если произойдёт чудо, то тебе, может быть, ещё достанется место! Или, или, или... И *надежда* не покидает тебя, она греет, она обнимает, она ласкает. Наконец, она находит тебя: ты в поезде и даже сидишь, как король, в общем вагоне и — едешь! Уже неважно куда, потому что твоя *надежда* тебя не обманула! Через пару минут сосед по купе заговаривает с тобой, а через десять — вы уже большие друзья. Он приглашает тебя в гости, и вы

меняетесь адресами. Расставаясь, обнимаетесь, и у обоих на ресницах блестит слеза.

А *надежда*, что ты не один в этом мире, греет тебя...

...

Я и моя оранжевая коляска плавно скользим по зеркальному полу самого большого вокзала Европы в никуда...

И вдруг в этой адской тиши понимаю, что *надежда* — там, за плечами. Что только у себя, на родине, можно повстречаться с ней.

А может и здесь улыбнётся счастье.

Может быть, кто знает?!

А пока мы вдвоём с коляской скользим в этой тиши, в мёртвом вальсе одиночества...

Я вновь повстречался с надеждой — приятная встреча.

Она проживает всё там же, — то я был далече...

Михаил БАРАНОВ

Булат Окуджава:
МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ КИНО
Две беседы

Вниманию читателей предлагаются две беседы с Поэтом, посвящённые кинематографу. Одна из них не предназначалась для печати и потому носит характер непринуждённого разговора о составе и иллюстрациях будущей книги «Барды в кадре и за кадром», выход которой предполагался в издательстве «Искусство». Другая представляет собой своеобразный авторский монолог и, по-видимому, является заготовкой текста для той же книги. Об истории этих интервью рассказывает их автор Михаил Баранов в разделе «Из воспоминаний» настоящего выпуска нашего альманаха.

Первая часть печатается по фонограмме от 4 февраля 1989 г., вторая — по расшифровке утерянной магнитофонной записи беседы 24 января 1992 г. в посёлке Мичуринец. Как и во всех наших публикациях бесед, здесь по возможности сохранён разговорный стиль.

1.

— В интервью журналу «Театральная жизнь» (№ 6 1985 года) вы сказали: «Очень важно, когда режиссёр точно знает, чего он хочет. Недавно я смотрел фильм Динары Асановой “Пацаны”, сильнейшее впечатление он на меня произвёл...»

— Да, да, да. Я помню.

— И вы говорите, что песню, которую она просила вас написать, вы не написали, потому что она не ложилась, по-вашему, в материал фильма.

— Я считал, что песня там не должна быть...

— Тем не менее, вы пишете: «Асанова со мной не согласилась и, видите, оказалась права. А я рад — родилась прекрасная песня, которая сыграла в этом фильме. Так же сильно звучали в теат-

Михе Баранову
В честь дружеских встреч
Б. Овсиенко
24.1.92

Декабрь 1983 г. Фото Г. Шакина

ральном спектакле “Товарищ, верь...” песни на стихи Пушкина, Дельвига, Дениса Давыдова — они там несли смысловую нагрузку. — И далее: — Я очень благодарен кинорежиссёру Мотылю, который всегда использовал мои песни “по назначению”. И каждый раз попадание “в яблочко”. Первый раз это был фильм “Женя, Женечка и ‘катюша’” — песня “Капли Датского короля”, затем “Белое солнце пустыни” — “Ваше благородие, госпожа Удача”, потом мы встретились на фильме “Звезда пленительного счастья”, где песня украсила эпизод и стала полноправным действующим лицом». Вы говорили, что в большинстве случаев эти песни уже были готовы до фильма...

— Да.

— Они как-то дорабатывались для фильмов?

— Иногда, да.

— Какое-то влияние режиссёра было?

— Было, конечно...

— А в чём оно выражалось?

— Ну, он предлагал какую-то строчку заменить, видоизменить чуть смысловой акцент какой-то там... Вот.

— А в фильме *«Из жизни начальника уголовного розыска»*, где Филатов поёт *«Когда воротимся мы в Портленд...»*?

— А... нет, это не для фильма делалось. Это я делал для себя, а просто они взяли <готовое>. Я писал специально для фильма *«Белорусский вокзал»*. Это специально, я мучился, сидел... Ну, ещё, например, я написал песню, тоже для фильма *«Старый причал»*. Там музыка Гевиксмана. И ещё я написал специально для фильма песню... Вот только какой это фильм был?

— *Какая песня?*

— Сейчас я скажу... Шварца музыка... *«Расскажи мне о себе»*.

— *А вот для этих фильмов песни: «Мой папа капитан»...*

— А что там? Это взяли туда.

— *Взяли?*

— Да.

— ...*«Последнее лето детства» — «Я не богат, червонцу рад...», песня беспризорника?*

— Нет, это я специально написал.

— *Специально, то есть по заказу?*

— Нет, не по заказу. Мне сказали, что вот по Рыбакову делаем фильм и нужна туда песня для беспризорника. И я делал, как, в общем, мне бог на душу... Специально такого конкретно заказа не было.

— А *«Песня красноармейцев»* из кинофильма *«Кортик»* (*«Вслепую пушка лупит, наотмашь шашка рубит...»*), на музыку Шварца?

— Тоже меня попросили написать. Я написал слова.

— Кинофильм *«Дела давно минувших дней»*?

— Это что такое?

— *«Утихнет шрапнель, и начнётся апрель, // на прежний пиджак поменяю шинель...»*

— Тоже.

— *«Станционный смотритель»*?

— А что там?

— *«Красотки томный взор не повредит здоровью...»*

— Нет, это просто я написал стихи, а Шварц использовал...

— Просто взял стихи, которые уже были?

— Да, да.

— А вот «Бери шинель, пошли домой...» на музыку Левашова?

— Это меня просил Губенко написать для своего фильма, но потом песня не подошла к фильму. И музыку написал Минков.

— А Левашов откуда?

— А потом Левашов услышал Минкова и написал свою музыку. Это вообще... (Смётся.)

— Фильм «Лес» Мотыля. Там песня была...

— Там была песня, но она не вошла.

— «С каждым годом мы старше...» на музыку Журбина. Она не вошла, и больше она нигде не использовалась?

— По-моему, нигде...

— Её поёт Владимир Качан. Замечательная песня...

— Ну, не подошла она просто.

— А фильм «Последняя жертва» («В нашем старом саду, там, где тени густые...»)?

— Специально написал для этого фильма.

— «Расскажи мне о себе» («В нашем доме война отгремела...») — об этом мы, кажется, уже говорили?

— Да-да-да.

— И вот «Дорожная песня» из фильма «Нас венчали не в церкви»?

— Нет, это я просто стихи написал.

— Просто стихи, а музыку — Шварц?

— Нет, и музыку.

— И музыка ваша?

— «Нас венчали не в церкви»? Нет, это музыка Шварца. Ещё была одна песня на мою музыку. По-моему, даже в этом же фильме. Нет, не в «Нас венчали не в церкви», это в фильме «Неравный брак»... Там и Шварца музыка есть и моя песня есть. Или нет, — «Законный брак».

— Да-да. Вы, по-моему, там в вагоне поёте, возвращаясь из Ташкента.

— Да-да-да.

— *Булат Шалвович, может, вы кратко расскажете историю создания сценариев к фильмам «Верность» и «Женя, Женечка и «катюша»?»*

— «Верность» — замысел Тодоровского. Я просто был литературным работником и осуществлял его замысел. Да и «Женя, Женечка и «катюша»» тоже — замысел Мотыля, его драматургическая, так сказать, разработка, а я писал сцены, которые мне поручали.

— *А ещё какие-нибудь сценарии были у вас?*

— Был ещё один сценарий, но в кино он не вышел. Был ещё сценарий «Мы любили Мельпомену», написанный мной с Ольгой <Арцимович>, о Волкове. Он не снимался.

— *В некоторых фильмах вы сами снимались. Это «Храни меня, мой талисман». Какова история этих съёмок?*

— Пригласил Балаян сняться, самого себя сыграть, говорить там то, что я буду говорить. Вот и всё.

— *«Ключ без права передачи». Вы там читаете свои стихи.*

— Там не только я читаю. Там и Белла Ахмадулина читает.

— *Это как вставной кусок с праздника поэзии, посвящённого Пушкину?*

— Вставной кусок. Да-да.

— *И ещё я помню один фильм телевизионный, где вы играли белого офицера.*

— Да-да. Это Венгеров снимал такой двенадцатисерийный фильм по Маркову. «Строговы», что ли. Да, там был такой эпизодик. Я играл белого офицера.

— *(Рассматривая фотографии): Это в «Жене, Женечке и «катюше»»? Это проба?*

— Нет. Это просто шутка¹.

— *Могу я использовать эту фотографию?*

— Конечно.

— *У меня есть несколько шаржей на вас. Вот этот я могу использовать?*

— Любой можете использовать.

¹ См. иллюстрацию. — Ред.

«Это просто шутка»

— *Есть такие жуткие...*

— *Какая разница. Это на ваше усмотрение.*

— *Могу любой, да?*

— *Да, пожалуйста.*

— *Вот этот, например, жуткий?*

— *Да, я знаю. Ну, ничего, шарж есть шарж.*

— *Главное ещё стихи какие к нему. Вы не помните? Это Смирнов писал: «У гитары есть свой лад, // клёкот жара. // Не блатарьте их, Булат // Окуджава!»².*

— *Не... что?*

— *Не блатарьте?!*

— *А... (Смётся.)*

— *Жар и клёкот не блатарьте?! Замечательно! Так эпохально!.. И пародии я могу использовать?*

— *Конечно.*

² Смирнов С. В защиту семиструнной: Булату Окуджаве / Друж. шарж Н. Лисогорского // Смирнов С. Други-однополчане (в специфическом плане). М.: Совет. писатель, 1975. С. 242–243.

— Или у вас есть какие-либо любимые?

— Нет, любимых особенно у меня нет. Все они неплохие.

— Вы читали филатовскую: «Ах бывают всякие в жизни карамболи...» — про Муху Цокотуху?

— Нет. Прочтите.

— Ах, бывают всякие в жизни карамболи,
дивные события, странные дела!..
На обычной улице, а не в чистом поле
Муха — представляете? — денежку нашла!..

.....

Ах, какие славные прежде были пьянки —
вист и философия, нега и азарт!..
...Было это в Питере. В доме на Фонтанке.
В щёлке под обоями. Много лет назад.

— Ничего. Только это больше относится к Тимирязеву, чем ко мне (смеётся). Ничего...

— А пародию Феликса Ефимова «Постарайтесь, маэстро» вы тоже не знаете?

— Нет, знаю.

— А Иванова — «Песенка про поэта»?

— Знаю.

— Вот такую книжечку вы видели? Это «Первый выход» Алёшина³.

— Нет.

— В ней на первой странице обложки ваша фотография. Вы там сняты в съёмочном коллективе.

— А... у меня эта фотография есть.

— Это что за фильм?

— Этот документальный фильм снимал Виноградов. Не то «Я помню чудное мгновенье», не то, что-то такое... Я забыл название.

— А-а, это фильм «Наш Пушкин». Внутри книги подписано: «Б. Окуджава, В. Виноградов, П. Засядко⁴ на съёмках фильма «Наш Пушкин»». Вы что-нибудь можете сказать об этом фильме?

³ См.: Алёшин Л. И. Первый выход. Л.: Лениздат, 1980.

⁴ Засядко Павел Леонидович (1944–1996) — кинооператор.

— Это документальный фильм о Пушкине. Очень хороший фильм. Я там читаю стихи и немного говорю.

— *Теперь расскажите, пожалуйста, о телевизионных фильмах «Золотой ключик» и «Соломенная шляпка».*

— В «Соломенной шляпке» много песен. Мы делали их со Шварцем. Фильм мне кажется средним весьма, но наша работа мне кажется удачной. Н а ш а работа. Фильм тоже неплохой, но как-то в общем, как-то [нрзб.], но я с удовольствием работал, фантазия, голова работала. Я делал, как мог, старался, и Шварц написал хорошую музыку.

А что касается «Золотого ключика», то получилась накладка. Я написал много песен к «Золотому ключику», и с удовольствием писал, потому что в детстве любил эту вещь, а композитором был Рыбников. И он, значит, пришёл мне показывать музыку. И я вижу, что там половины слов нет. Я говорю: «А где ж это они?» А он говорит: «Я выкинул. Они мне не нужны». Тогда я ему сказал, что вообще отказываюсь с ним иметь дело. И потом уже они были вынуждены приглашать кого-то другого писать слова, ноты...

— *Но частично что-то вошло, но весь этот блок песен...*

— Не-е-ет. И потом блок этот разросся, и сейчас уже двадцать пять песен к «Золотому ключику». Мы даже собирались их в театре поставить, но потом как-то... Половина музыки сыном⁵ написана очень хорошо...

— *Сын тоже пишет музыку?*

— Пишет, да. Но не дотянули мы как-то, не дотянули. Но это надо поставить. Это должен был Корогодский в ленинградском театре ставить, но потом его сняли с работы, и ничего не получилось⁶.

— *А вы не пробовали в «Третьем направлении»⁷ поставить?*

⁵ Окуджава Антон (Булат) Булатович (1964).

⁶ Корогодский Зиновий Яковлевич (1926–2004), режиссёр, нар. артист России, профессор; в 1962–1996 гг. — главный режиссёр Ленинградского ТЮЗа, был изгнан из театра партийным руководством города. Замысел постановки осуществлён не был.

⁷ Театр-студия «Третье направление» (гл. реж. О. Л. Кудряшов), организованный на базе выпускного курса Музыкально-педагогического института им. Гнесиных, просуществовал при Союзе композиторов РСФСР с 1988 по 1996 гг. Постановка по песням О. не состоялась.

*Б. Окуджава,
В. Виноградов,
П. Засядко
на съёмках фильма
«Наш Пушкин»*

— А что такое «Третье направление»?

— *Это театр, который сейчас сделал спектакль по песням Галича, два спектакля по песням Кима...*

— Нет-нет. Я ничего о них не знаю.

— *Очень интересный песенный театр. Может, вас туда пригласить, и вы туда сходите?*

— Ну пригласите, но, видите ли, мне уже надоело показывать. Я верю, что они очень талантливые и хорошие, конечно...

— *Они просто очень здорово всё преподносят. Это не та «Зримая песня»⁸, которая, помните...*

— Нет, нет, я знаю. Я думаю, вот что нужно сделать. Если у них будет желание, если придет их руководитель, или кто-то, то я ему на кассете покажу эти песни. Они, правда, грязновато записаны, но неважно, в принципе. Если их это заинтересует — заинтересует идея, — то пусть ставят. Чего же им пропадать.

— *Хорошо, я постараюсь им это передать.*

— Это очень весёлые, озорные вещи.

— *Я знаком с половиной этих песен.*

⁸ Спектакль-концерт на основе народных, современных и бардовских песен, поставленный в 1965 г. в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии (реж. В. Е. Воробьев, Е. М. Падве, худож. руководитель Г. А. Товстоногов); с 1967 г. шёл на сцене ленинградского Ленкома, где звучали театрализованные песни О.: «До свидания, мальчики», «О Ваньке Морозове» и «О солдатских сапогах». По требованию цензуры была изъята «Песенка о дураках», входившая в студенческую редакцию спектакля.

— Нет, не с половиной, меньше, только частью.

— *У нас в этой книге...*⁹

— А, в этой книге... То есть, со стихами, но здесь с музыкой они.

— *Понятно. Булат Шалвович! Несколько слов о вашей концепции в отношении к кино и современному кино, в частности.*

— Ну, я ничего не могу сказать. Я зритель вообще. Я плохо разбираюсь в киноискусстве. Иногда я говорю, что это замечательно, а мне говорят: «Стыдно!» А иногда я говорю, что это плохо, а мне опять: «Да как тебе не стыдно?»

— *Имеется в виду роль песен в кино.*

— А о роли песен я уже говорил однажды и могу то же самое сказать, что песня должна быть в фильме действующим лицом. Она должна быть участником фильма, а не фоном. Вот это самое главное. И не всегда попадание бывает.

— *А какие примеры такого попадания?*

— Я думаю, «Белорусский вокзал», да.

— *А «Белое солнце пустыни»?*

— И «Белое солнце пустыни» — очень точно, очень точно. Там песня действующее лицо, понимаете, герой...

— *И только тогда она становится такой популярной?*

— Я думаю, что да. Тогда она и становится популярной. Или, конечно, можно и другим способом. Можно взять песню из кинофильма, где она не прозвучала, хорошая песня, потом её пустить в расхожую — значит, по телевидению, по радио, — и она станет популярной.

— *Да, это обычная практика эстрады, когда её тиражируют исполнением...*

— Да. А если говорить сразу о фильме, то тогда она должна быть действующим лицом, героем фильма. Если она хорошая. А вот как узнать, то есть, как написать хорошую песню — это вот загадка. Иногда бывает попадание, иногда не бывает.

— *Сейчас вы что-нибудь делаете для кино?*

— Нет. Давно уже ничего не делаю.

⁹ Т. е. в томе «Песни» из одиннадцатитомного собрания сочинений О., подаренного автору московским КСП к его 60-летию.

— *Вы однажды рассказывали, что вас заперли и вы должны были писать песню. Это для какого фильма?*

— Это для фильма... Это по Бондареву, по какой-то его повести...

— *«Горячий снег»?*

— Нет. Раньше ещё. Не то «Батальоны просят огня», не то... Я сейчас не вспомню. Это была музыка Вайнберга. Вайнберг — замечательный композитор. Мне нужно было на эту музыку написать «текст слов». Это была чудовищная работа. Я сел и набор слов каких-то написал, и это пошло. У меня приняли.

— *А «Аты-баты, шли солдаты»?*

— Нет. Это я для себя написал. Это я сам для себя написал.

2.

Ещё с молодых лет — наверное, как всякий в молодости, — я мечтал быть приобщённым к искусству — к театру, к кино. И поэтому, только вернувшись с фронта, стал работать в театре рабочим сцены. Но потом оттуда ушёл, стал статистом в театре — тоже ушёл, потому что чувствовал, понимал, что это не моё. Потом прошло много лет, и я занялся литературой — уже, по возможности, профессионально.

И тут меня соблазнил Тодоровский. Он предложил принять участие в создании сценария первого его фильма (как режиссёра; он до этого был замечательным кинооператором), связанного с войной, с моей юностью. Для меня это было очень лестно, и я, конечно, сразу согласился. Хотя потом понял, что у меня нет для этого таланта. С большим трудом вместе с Тодоровским мы писали. Потом появился фильм, он назывался «Верность» и был встречен довольно хорошо. Это происходило в начале 60-х годов. И я решил тогда, что на этом моя кинокарьера заканчивается.

Но в то время я уже писал песни, и поэтому некоторые киностудии начали брать их для фильмов. Тогда — очень давно это было — появился фильм «Цепная реакция», куда была включена песня «Последний троллейбус», и я сам её пел, <сидя> в троллейбусе. Это было очень интересно и лестно для меня. Потом поступали разные предложения, я давал готовые, уже имеющиеся у меня песни, — кому что подходило. Несколько

раз я написал песни специально для фильмов. Они были в основном неудачные, но одна или две получились в общем неплохо. Например, к фильму «Белорусский вокзал».

А потом со мной познакомился Владимир Мотыль и предложил мне писать сценарий к фильму «Женя, Женечка и «катюша»». Фильм замечательный и необычный, и подвергавшийся всяческим нареканиям, потому что был непривычным, не похожим ни на что. Я с удовольствием взялся за <работу>. Мы писали сценарий, потом Мотыль снимал. Там играл Олег Даль, которого долго не утверждал Госкомитет: требовал, чтобы в главной роли был блондин.

Позже я понял, что я не сценарист и не кинодраматург, — этого мне природа не дала. Но я был счастлив, что участвовал в <создании> тех двух фильмов.

Меня всегда восхищал Мотыль. Он не музыкант и не специалист в музыке, но чутьё у него, вкус — потрясающие. Он иногда просил написать песню для фильма. Вот, например, в картину «Белое солнце пустыни» я написал несколько довольно интересных текстов. Шварц должен был писать музыку. Мотыль посмотрел и сказал: «Нет, знаешь, мне это не подходит. А нет ли у тебя чего-нибудь старого в черновиках?» Я открыл папку и говорю: «Вот посмотри здесь». Там было неоконченное «Ваше благородие...». И вдруг он схватил и говорит: «Это то, что надо». Почему он так решил, я не знаю. На проверку вышло, что это действительно удачные стихи. А те, которые я предлагал, они были псевдостихами. Я — профессионал: я могу написать быстро стихотворение, но в нём нет какого-то «корня».

Бывало, что мне предлагал написать песню для кинофильма милый такой человек. Потом оказывалось, что он бездарен как доска, и всё пропадало: и фильм, и песня. Но в большинстве случаев моим песням в фильме везло — были удачные исполнители: Луспекаев, Качан, Ургант...

Потом я и моя жена написали киносценарий «Мы любили Мельпомену...» о русском актёре Волкове. Он был опубликован, его хотели снимать, но он оказался очень дорогим, и <дело> как-то замялось. Я перестал заниматься кино, иногда <просто> отдавал песни, которые у меня просили...

Балаян, хорошо ко мне относящийся, захотел меня использовать с моими старыми песнями. Пригласил сниматься

*На съёмках кф.
«Женя, Женечка
и «катюша»»*

в фильме «Храни меня, мой талисман». Там я играл самого себя. Хорошие люди были: Саша Абдулов, Миша Козаков, — хорошая компания.

А в начале Перестройки вдруг что-то произошло, и сразу три режиссёра решили снимать три моих романа. Это Владимир Венгеров, который <попытался> снимать «Похождения Шипова»; Иван Кеосашвили захотел снимать многосерийный фильм «Путешествие дилетантов»; и Сергей Соловьёв решил снять «Свидание с Бонапартом». Ну и все эти — разные — студии заключили со мной договора, началась работа. Потом всё это стало тянуться, тянуться, тянуться... и бесследно исчезло. Венгерову студия отказала в фильме, передо мной извинились; Соловьёв снимал фильм за фильмом и больше ко мне не обращался. Кеосашвили тоже занимался другими картинами. <Хотя> я получил деньги за все три фильма.

Я понял, что наступили новые времена — никому моя историческая проза в кино не нужна. Пока всем не до этого. Нужны фильмы другого характера, другие интересы обуревают общество. И режиссёры (<в моём случае> кроме Венгерова) занимаются своим бизнесом.

Когда я это понял, я успокоился, и меня больше этот вопрос не волновал. Недавно вдруг кто-то позвонил моей жене и <снова> говорил об экранизации одного из моих романов. Думаю, настанет время, когда наше общество придёт в себя, стабилизируется жизнь, наладится, и люди начнут думать о серьёзном искусстве.

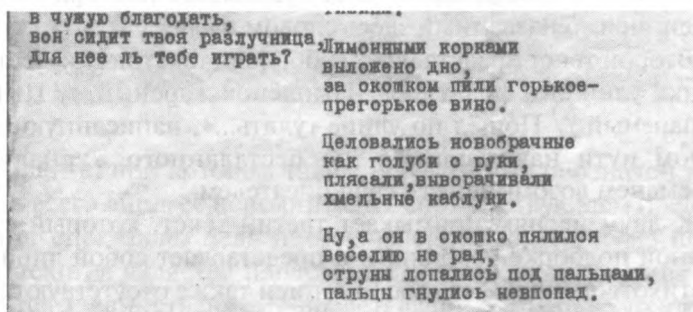
Что <ещё> касается мира кино? В нём появляются фильмы, но мне кажется, что, как и в публицистике, <в нашем кинематографе> во-первых, много длиннот, ложной многозначительности и тенденциозности, много безвкусицы, много пошлости... Потом, можно восхищаться американским кино, но уж такое низкопоклонство, которое прёт с наших экранов, из выступлений сценаристов — это уж чересчур!

Есть у меня 25 песен к «Приключениям Буратино», довольно интересных. Они использованы в театре Маяковского совершенно бездарно. Я подумал, что надо выпустить хорошо аранжированную пластинку этих песен, — как-то их двинуть в свет. Я уж тут думаю не об обогащении каком-то. Ну что же они пропадают! Я хочу, чтобы это были не песни к спектаклю, а шоу из песен к «Золотому ключику». Я уже представлял, как там всё делается, как <на сцене играет> оркестр из лягушек и как персонажи выходят один за другим и каждый поёт с о ё со своим танцем, своими движениями. Сын мой замечательно оркестровал всё это. Этим очень загорелся Зиновий Корогодский, когда был в Ленинграде. Но потом его сняли, и всё это умерло. Ну, конечно, это надо сделать.

DUBIA

Это латинское слово имеет два смыкающихся значения: *сомнительно* и *неуверенно*. Издавна литературоведы обозначают им произведения, «приписываемые какому-либо автору, принадлежность которых ему, однако, вызывает сомнение». В соответствии с двумя исходными значениями применяется этот термин в случаях различной степени доказанности: и когда у нас имеются, к примеру, всего лишь мемуарные свидетельства, указывающие на авторство сочинения, или, скажем, когда хотя в его пользу свидетельствуют множественные факты, но оно тем не менее остаётся не стопроцентно достоверным.

Есть такие проблемные тексты и в наследии Булата Окуджавы. В этом выпуске мы знакомим наших читателей с некоторыми из них. Три представляемых сегодня листка машинописи сохранились в архиве семьи Г. В. Смольянинова и И. В. Живописцевой. Все они относятся ко времени совместного проживания

Окуджавы и его жены Галины (до замужества — Смольяниновой) и напечатаны на разных пишущих машинках на стандартных листах писчей бумаги, также из разных пачек. Манера печатания части из них — та же, что и в письмах Окуджавы того периода: внутри строки он не всегда ставил пробелы после за-

пятых, точек и отточий¹. Все тексты не подписаны и не имеют ни авторских, ни каких бы то ни было вообще рукописных пометок, однако фактом своего присутствия именно в этом собрании они с большой долей уверенности могут быть отнесены к произведениям Окуджавы.

Стихи эти хранились в отдельной папочке, где были материалы, связанные исключительно с Булатом Шалвовичем (письма, конверты, автографы стихотворений). Во всяком случае, именно здесь мы их впервые и увидели, когда были в гостях у И. Живописцевой несколько лет назад.

Следует и более подробно остановиться на том, как эти материалы, в том числе и публикуемые ниже стихи, оказались у Ирины Васильевны. После смерти тогда уже бывшей жены Булата Шалвовича Галины всё это в числе прочих её вещей попало к её родителям, Василию Харитоновичу и Клавдии Игнатьевне Смольяниновым. Прошли годы, умерли и родители, и архив перешёл к их сыну Геннадию. А уже он, впоследствии, когда сестра Ирина решила писать воспоминания, переслал всё ей.

Два сочинения из представленных написаны на внутриколлективные темы (а возможно, имеют конкретный повод или конкретного адресата) и чрезвычайно похожат, например, на тексты для редакционных капустников. Все — без сомнения песенные. Первое вполне может считаться предшественником стихотворения-песни Владимира Высоцкого «Товарищи учёные». На песенность этого текста указывает повторяющийся рефрен, прямо названный здесь словом *припев*.

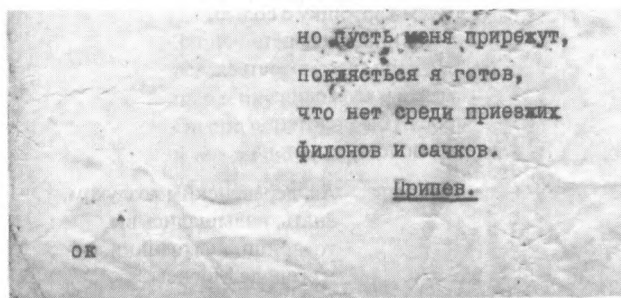
Второй текст представляет собой перетекстовку известной песенки уличного фольклора «Цыплёнок жареный, // Цыплёнок пареный // Пошёл по улице гулять...», написанную о типичном пути начинающего, но бесталанного журналиста, со временем возомнившего себя писателем.

К двум песням примыкает третий текст, который стоит в данной подборке особняком и представляет собой лирическое стихотворение. В его машинописи также отсутствуют пробелы после запятых. Судя по тому, что две его строфы впечатаны слева от других позднее, в нём может быть отражён некий процесс творчества — то есть эта машинопись близка к авторской и вряд ли может являться списком с чужого текста.

¹ Сравните также с авторизованной машинописью стихотворения «Байкал» в статье С. Свиридова в настоящем выпуске.

Кроме перечисленных, исследователи обнаружат и другие аргументы в пользу авторства Окуджавы: фольклорная основа, тематическая или образная близость другим его произведениям... Как бы то ни было, но все они не являются решающими, ибо на каждый из них легко находится соответствующий контраргумент. Описываемые листы не могут быть напечатанными кем-то из других членов семьи, поскольку своей пишущей машинкой никто из них не обладал, и лишь один Окуджава по роду своих занятий имел к ним свободный доступ в редакциях. (Напомним, что до октября 1956 года он служил в калужской газете «Молодой ленинец», а позднее — сотрудничал в «Комсомольской правде», был штатным сотрудником издательства «Молодая гвардия» и «Литгазеты».)

Однако какие-то из этих страничек могли попасть в семейное собрание извне. Или: в левом нижнем углу на листке с песенкой про горожан на сельскохозяйственной уборке² можно прочесть машинописную пометку *ок*, вполне могущую указывать на авторство Окуджавы. Но мы не можем исключать

и варианта, при котором таким образом был обозначен не автор, а всего лишь её исполнитель в соответствующем представлении, спектакле. Ведь не исключено, что что-то из первых двух текстов является плодом коллективного творчества и относится к единственному представлению «Литературного по-

² С этой малоэффективной, но распространённой при советской власти формой сельскохозяйственной повинности Окуджава был знаком ещё по работе в сельской школе Калужской области (см. документальную повесть М. Гизатулина: Шамордино (1950—1951) // Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 106—107), однако упоминание в тексте Москвы скорее предполагает иной период его возможного написания — после 1956 года, когда поэт с семьёй уже переехал в столицу.

лукритического ансамбля» (сокращённо «Липка»), который одно время существовал в ЦДЛ под руководством З. Паперного и в котором принимал участие Окуджава³. И так далее.

У читателя может возникнуть резонный вопрос: стоит ли торопиться публиковать такие тексты до полного исследования обстоятельств, сопутствующих их появлению на свет? Делается это с одной лишь целью: вынести проблему атрибуции публикуемых текстов на обсуждение и с помощью читателей альманаха — пока ещё живы многие свидетели жизни поэта — попытаться обнаружить дополнительные сведения, необходимые для её решения.

Стихотворения публикуются с любезного согласия Ирины Васильевны Живописцевой. Их орфография и пунктуация приближены к современным языковым нормам.

1.

С утра торчим на поле,
когда ж еде черёд,
жуём картошку с солью,
и чёрт нас не берёт.
Но если присмотреться,
мечта у всех одна:
росли бы полотенца
на поле вместо льна.

Припев: Ах, деревенским воздухом,
знать, надышались вы,
товарищи колхозники
из города Москвы.

А по утрам на сене
такой покой и мир,
но этого не ценит
товарищ бригадир.
Он тарахтит в окошко —
сам ростом не велик,
и кроет нас истошно,
и спать нам не велит.

Припев.

Поесть мы любим круто,
поспать подольше всех,

³ Подробнее см.: Гизатулин М. «...Только лица остаются» // Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 191–192.

у нас до чёрта шуто<к>
и лени, как на грех,
но пусть меня прирежут,
покаяться я готов,
что нет среди приезжих
филонов и сачков.

Припев.

2.

Цыплёнок маленький,
цыплёнок слабенький,
ему бы с мамкою гулять...
Его схватили,
его скрутили,
велели очерк написать.

Он удивился,
он извинился:
он не умеет ничего...
Его хвалили,
ему грозили
и ждали чуда от него.

Записчик крутится,
редактор трудится,
цыплёнку нравится почёт.
Он спит без просыпу
и тем же способом
уже трилогию печёт.

3.

Балалайка пела, пела
в сорок струн — не в три струны,
полированное тело
петь хотело,
жить хотело,
не хотело
тишины.

Балалаечка-лазутчица
в чужую благодать,
вон сидит твоя разлучница,
для неё ль тебе играть?

Лимонными корками
выложено дно,
за окошком пили горькое-
прегорькое вино.

Целовались новобрачные,
как голуби с руки,
плясали, выворачивали
хмельные каблук.

Ну, а он в окошко пиялся,
веселию не рад,
струны лопались под пальцами,
пальцы гнулись невпопад.

А она как поздний дым
выходила перед ним,
говорила, подбоченясь:
«Что посеял — то пожал...»,
и недоброго свеченья
на лице играл пожар.

Так она пожмёт плечами,
повернётся и уйдёт.
Балалаечка в отчаянье
по-бабьему вздохнёт.

Он походочкой неверной
мимо счастья своего...
Всё играет, чтоб, наверно,
не подумали б чего.

А когда во мгле утонет,
потопчется во рву —
струны дождичком с ладони
посыпятся в траву.

А трава-то вдруг запенится...
На судьбу-то вдруг печать...
Жили-были две соперницы,
одной — молчать.

Публикация и предисловие А. К. и М. Г.

Илья МАРЬЯСИН

ПЕРЕПИСКА С БУЛАТОМ

Эти письма, сопровождаемые краткими пояснениями, уже были обнародованы: частично в американском альманахе «Слово / Word» (№ 24–25. 1999. С. 196–200) и полностью в израильском «Иерусалимском журнале» (№ 7. 2001. С. 250–257). Однако в последнюю публикацию вкрался ряд неточностей. Мы решили сделать эту переписку доступной широкому кругу российских читателей и исследователей, устранив ошибки, и к тому же более подробно прокомментировать её. В процессе работы над расширенной редакцией воспоминаний выяснилось, что у их автора сохранилась рукопись довольно подробной записи его беседы с Окуджавой 1995 года. Таким образом, мы смогли представить нашим читателям и её содержание. Большинство иллюстраций также любезно предоставлены редакции нашего альманаха И. Л. Марьясиным.

Лично для меня смерть Булата — особая потеря. Нас с ним связывала сходная судьба, знакомство с ранних лет, общность взглядов на прошлое и будущее России. Дело в том, что в далёкие тридцатые годы, когда нам было по двенадцать-тринадцать лет, мы жили в Нижнем Тагиле, а наши отцы работали вместе. Его — парторгом ЦК на Уралвагонзаводе, а затем секретарём горкома партии, а мой — Лазарь Миронович Марьясин (1896–1937) — начальником строительства Уралвагонзавода.

В 1986 году в Средне-Уральском издательстве (Свердловск) вышла книга Г. М. Кузьмина и В. И. Костромина «Гордость моя — Вагонка». Вот несколько выдержек из этой книги.

...По направлению Центрального Комитета ВКП(б) её [партийную организацию Уралвагонзавода. — И. Л.] возглавил Шалва Степанович Окуджава. Парторг ЦК был молод, но уже имел богатую биографию. Он, сын кутаисского кустика, в 1918 году семнадцатилетним вступил в партию большевиков. Работал в ЦК ВЛКСМ Грузии и в Агитпропе Тифлисского горкома партии, был военкомом 2-й грузинской дивизии и секретарём Тифлисского горкома ВКП(б). Шалва Степанович учился на экономическом факультете Московского университета и курсах марксизма при ЦК

ВКП(б). Опытный, образованный человек встал во главе партийной организации, и её влияние очень скоро отразилось на делах и настроении строителей завода.

И далее:

Щедро поощряя лучших тружеников и принимая строгие административные меры к нарушителям трудовой дисциплины, Л. М. Марьясин шёл к цели. Своими средствами помогала ему партийная организация. Между начальником строительства и секретарём парткома Ш. С. Окуджава установилось полное взаимодействие. Шалва Степанович был образцовым партийным руководителем. Спокойный, уравновешенный, он никогда не повышал голоса... В его отношениях с людьми чувствовалось какое-то особое обаяние... Вообще среди руководителей стройки было немало людей ярких, запоминающихся.

Мы с Булатом не один раз встречались в те далёкие годы как у нас, так и у них дома. В памяти сохранился красивый тоненький мальчик, одетый в грузинскую национальную рубашку, подпоясанную тонким кожаным кушаком с металлическими наконечниками. Он был похож на отца, необыкновенно красивого и лёгкого человека. Мы с моим двоюродным братом Люсиком и моими родителями бывали у них, в том числе в их загородном доме. Здесь, кстати, я впервые в жизни ел приготовленный Шалвой Степановичем шашлык. Зачастую Булат оставался у нас ночевать. Тогда моя мама оставляла в его постели пижаму. Цепкая память Булата сохранила трогательные детали наших встреч. Он рассказывал мне, что не знал, для чего нужна эта полосатая вещь, ждал, когда мы с братом надевали свои пижамы.

*На вопрос моего отца, кем Булат хочет быть, он ответил:
— Писателем.*

Тогда это казалось мальчишеским бахвальством, но у него наверняка были основания для такого ответа уже тогда.

Моя относительно недолгая (1994—1996) переписка с Булатом Окуджавой началась после нашей встречи в Иерусалиме в 1992 году, когда он первый раз приехал в Израиль. Мы встретились после пятидесятилетнего перерыва — за кулисами двухтысячного концертного зала Жерар Бахар, в котором он выступал.

Булат вскоре после перенесённой операции на сердце выглядел уставшим. Выступая, иногда забывал слова своих песен. Его жена Оля, сидевшая недалеко от сцены, подсказывала. Окуджава сердечно благодарил израильтян, которые собирали деньги на оплату операции. Зал был заполнен до отказа. Поразило большое количество молодёжи, в том числе и коренной израильской. Они, безус-

И. Марьясин и Б. Окуджава в тель-авивской гостинице «Дан-Панорама», 1995 г. Фото Е. Мильвицкой

ловно, прежде никогда не видели Булата, не все понимали смысл его песен, но всячески демонстрировали глубокое уважение к Булату. Для людей же старшего поколения это была встреча со своей молодостью. Они ловили каждое слово Булата, про себя повторяли слова его известных песен. Было очень много записок.

Артистическая комната за кулисами, куда я пришёл во время перерыва, тоже была полна народу. Были там Лариса Герштейн, артист Валентин Никулин и много других, мне не знакомых людей. Мне пришлось довольно долго ждать своей очереди. Еле дождался «аудиенции». Я сильно волновался — узнает ли Булат, как встретит?

Мы обнялись и расцеловались. Его первые слова:

— Алик, — (так меня звали в детстве), — а ты знаешь, что и мой отец приложил руку к судьбе твоего?

Я это хорошо знал и раньше. На митингах в 1936 году, организованных горкомом партии, клеймили «врага народа и вредителя» Марьясина. Это не помогло Шалве Степановичу. Его постигла та же судьба... Кстати, выступая на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1937 года, Молотов говорил: «Комиссия во главе с Гинзбургом смазала факты положения дел на стройке Уралвагонзаво-

Крайний слева — Илья, справа — Булат Окуджава.

Автор фото — предположительно Л. Марьясин.

Фото из собрания М. Гизатулина

да. Достаточно сказать, что эта комиссия не привела ни одного факта вредительства на стройке. Получается, что матёрый вредитель Марьясин вместе с другим вредителем, Окуджавой, сами на себя наклеветали».

А тогда, в Израиле, как же я был благодарен Булату за это откровенное и страшное признание!

Как я уже сказал, несмотря на столь долгий перерыв, Булат сразу узнал меня. И спросил:

— А где Люсик?

Окуджава рассказал, что пишет автобиографическую книгу, что там будет и обо мне и о моей семье.

Книга эта — «Упразднённый театр» — была опубликована в 1993 году в журнале «Знамя» (№№ 9 и 10). Прочитав её, я немедленно написал Булату о своих впечатлениях. Среди прочего меня восхитила поразительная память автора, который помнил мельчайшие детали быта, имена героев, мелкие детали и факты, которые у меня абсолютно выпали из памяти. К сожалению, это письмо у меня не сохранилось.

Вскоре из Москвы пришёл ответ.

1.

<Сер. апреля 1994 г.>¹

Дорогой Алик!

Рад был получить твоё письмо. Рад был узнать, что ты прочитал «Упразднённый театр». Для меня это большая честь.

Я, конечно, не собирался заниматься жизнеописанием знакомых мне людей, но старался быть точным. Естественно, были отклонения от подлинных деталей и элемент фантазии. Мне важно было рассказать о мальчике, отравленном большевизмом.

Некоторые из давних знакомых и родственники, оказавшиеся в числе персонажей, прочитав, сетовали, говорили с досадой, что я не точен, что это не так, что он был лучше, чем я изобразил и т. п. Я пытался объяснить им, что не пишу мемуары, что главная моя задача — проанализировать печальные истоки, корешки моего героя, выяснить, откуда оно — это печальное, слепое поколение.

Когда я описывал твою семью, я решил не искушать судьбу: вдруг ты не поймёшь, обидишься, скажешь, что никакого растения в кадке не было, что домработницу звали не Катя, что кресла были не такие и т. п. Но ты понял, и я рад. Теперь жалею, что заменил фамилию, хотя, как ты понимаешь, это несущественно.

Я до сих пор вспоминаю нашу встречу в декабре 92<-го>². Жаль, что суета, связанная с выступлениями, помешала увидеться и поговорить. Будем надеяться на будущее.

Если сможешь, напиши мне о себе.

Кстати, как судьба Люсика³?

Обнимаю тебя.

Булат

Мой адрес: 129010, Москва,

Протопоповский пер., дом 16, кв. <...>.

Далее, публикуя письма Булата Окуджавы, привожу также фрагменты из своих, — они помогут прояснить его реплики.

¹ Конверт не сохранился; датируется примерно. Далее даты, приведённые в угловых скобках, за исключением случая, указанного особо, даются по почтовым штемпелям. Здесь и далее — комментарии составителя.

² На самом деле она произошла 28 ноября (см. дарственную надпись на кн. «Песни Булата Окуджавы»).

³ Лившиц Илья Львович (1922—?).

* * *

25.05.94

Дорогой Булат!

<...>

Прежде всего, позволь от всей души поздравить тебя, хоть и с запозданием, с круглой датой — твоим семидесятилетием. О нём я узнал из ТВ — из интервью с тобой, проведённого Рязановым. Полностью присоединяюсь к его пожеланиям тебе здоровья (самое главное в нашем возрасте), благополучия тебе и всей твоей семье и душевного спокойствия (по себе знаю, что это самое трудное). Я перешагнул этот рубеж на один год и один месяц раньше.

<...> Страшно подумать о том, какими молодыми и полными сил ушли из жизни наши отцы. Моему не было и сорока.

<...> Судя по деталям, твои родители посвящали тебя в некоторые свои дела. Я же в этом отношении был абсолютно в неведении того, что происходило вокруг. Я был поражён тем, какие, даже мелкие, детали сохранились в твоей памяти. Мы встречались не так уж часто, а ты сумел запомнить не только факты, но даже имена. Наверно, не в малой степени благодаря своей памяти ты и стал тем, кто ты есть. Я припоминаю, что в 56-57 году мама показала мне журнал, в котором были опубликованы стихи Б. Окуджавы. Не тот ли это Булат? Стихи ей очень понравились. Мне кажется, что она по телефону разговаривала с Аишен Степановной.

Вот что меня всегда удивляло. Сразу после возвращения из сталинского курорта мама продолжала считать усатого изверга выдающимся деятелем и проливала искренние слёзы, когда эта, погубившая всю её семью собака сдохла. Вот парадокс, который до сего времени я не могу объяснить. Она продолжала думать и неоднократно говорила, что «всё человечество движется...» Интересно, какое настроение было у твоей мамы? Ведь она была активной, убеждённой и преданной этой поганой и порочной идее. Прозрела ли она? Как-то я шутливо сказал маме: «Ты не досидела ещё два года. Обычно прозрение наступает к десятому году».

...Судя по твоему письму, я правильно уловил главную идею твоей книги — выяснить истоки заблуждений наших родителей. И всё-таки и сейчас я не могу понять, как произошло всё то, что

*С друзьями в служебной машине отца.
Фото из собрания М. Гизатулина*

произошло. Они были энергичными и умными людьми. Не представляю себе, что вера их была слепой. Про себя могу сказать вполне определённо, что с ранней юности я ненавидел этот строй и не верил всей той трескотне. Наверно, это обусловлено тем, что я попал в мясорубку в гораздо более молодом возрасте и знал «что по чём». Никогда не забуду, как в 37 году, на другой день после ареста мамы, за мной приехали тоже, чтобы, как они сказали, забрать меня в «секретное место, где находятся родители». Выйдя на улицу вместе с ними, я попытался удрать. Мы тогда жили в Большом Лёвшинском переулке в Москве. Побежал на соседнюю улицу — Мёртвый переулок. Там тогда находилось посольство Германии. Милиционер, стоявший рядом с ним, схватил меня. Какая-то бабка, выдавшая всю сцену, сказала, обращаясь ко мне: «Попался, будешь знать, как воровать».

<...> К большому сожалению, я вынужден быть менее оптимистичным в отношении будущего своей Родины. Как это ни странно сказать, но Бог (если он есть), наверно, указал перстом на эту страну и народ. Что же это за народ без памяти, который и сейчас выходит на улицу с портретами извергов и чудовищ! И молодёжь тоже. Значит, и она заражена. Может,

правы были и де Кюстин, и Карамзин, и многие другие русские классики, которые весьма пессимистически относились к «немой» России. Это не даёт мне покоя всё время.

Прости, пожалуйста, за сумбурное письмо. Я рассчитываю на твою снисходительность по отношению к моим «излияниям». Я очень горжусь тем, что у нас завязалась переписка, и признаюсь, что показал твоё письмо своим друзьям. Ещё раз спасибо тебе. К сожалению, судьба развела нас с Люсиком, и я ничего о нём не знаю. <...>

Будь здоров. Обнимаю. Алик.

2.

<03.06.94>

Дорогой Алик!

Получил твоё письмо. Очень рад. Да, юбилей был шумный, но этот шум, естественно, не для меня. Слава Богу, я давно уже перестал обольщаться на свой счёт. Это для других. Их, к сожалению, много.

Роман «Упразднённый театр» пока не вышел отдельной книгой, т. к. это была первая часть большого автобиографического романа, и я отказывал всем издателям. Но теперь я вдруг понял, что продолжать не буду, не хочется (пока, во всяком случае), и поэтому буду договариваться об издании. Пусть будет такая повесть о детстве. Когда выйдет, обязательно вышлю как участнику событий и одному из героев.

Понять до конца и объяснить психологию наших матерей действительно очень трудно. Правда, моя мама о Сталине не плакала, а когда он сдох, написала из ссылки: «Скоро мы увидимся». Но советская власть, Ленин, коммунизм, колхозы, счастливая жизнь и т. п. — всё это гудело в её голове, и весьма неукротимо. И лагеря были нужны: «А как быть с врагами?», и раскулачивать следовало: «А как бороться с кулаками?», и в Чехословакию надо было вводить танки: «Если бы мы не вошли, вошли бы немцы», и всё такое.

И мы с ней спорили до одурения. Я подбрасывал ей всякие запрещённые книжки, но она боролась отчаянно, она твёрдо верила, что Запад умирает с голоду. И за полгода до смерти, в начале 83 года, мы так же с ней однажды драли глотки, и вдруг она

посмотрела как бы на меня, но куда-то мимо, мимо и крикнула: «Что мы наделали!..»

Ах, это страшная тема. Но всё это подлежит анализу, и это вдохновляет.

Один критик написал о романе, что, несмотря на обаяние Окуджавской прозы, вызывает возмущение, что автор с любовью описывает своих родителей-коммунистов, которые творили зло!

Я думаю: болван! А как должен был описывать своих родителей десятилетний мальчик? Какими он должен был их видеть? И это написал не молоденький критик, а человек нашего возраста!

Сейчас мы живём в сумасшедшем доме, но пройдёт время, улягутся страсти, и наступит пора серьёзного анализа. Хотя, должен тебе признаться, изучая историю России, сопоставляя её с нынешними процессами, я всё больше и больше разочаровываюсь в возможности быстрой стабилизации. Это немцы могли, т. к. исповедовали культ дисциплины, японцы, американцы, но не мы.

Впрочем, это уже другая тема.

Обнимаю тебя.

Булат.

Р. С. Напиши поподробнее о себе.

⁴ Ср. в интервью Окуджавы: «...в “Упразднённом театре” к тому же все события запечатлены глазами ребёнка. Меня удивило, что такой вдумчивый, по-моему, человек, как критик В. Камянов, произнес о романе неплохие слова, поразился, что мой герой с любовью относится к своим родителям-коммунистам, которые творили то-то и то-то. А как же нормальный ребёнок может видеть иначе? Почему надо так примитивно судить? Этого я не принимаю. Это тоже крайность» (...Под управлением любви / [Беседовала] И. Ришина // Лит. газ. 1994. 11 мая. С. 3). По всей вероятности, имеется в виду следующий отзыв критика: «Но я, читатель, переходя... к роману Окуджавы, невольно задаюсь вопросом: “А что поддельвало, ну хотя бы обоняние его очаровательных партийцев?” Находясь в центре помойки (если хотите — бойни), не чуяли её ароматов? Нет ответа. А ведь тут и помойка, и террариум, и пробитая канализация. “Такую ли течь загородите горстью?” — если воспользоваться строчкой поэта. А под “горстью” я разумею опять же глагол “верили” — универсальную затычку, которая и романтистам позволяет не перетруждаться при отчерпывании сточных отбросов тоталитаризма...» (На чужой роток не накинешь платок: Взгляд на «Знамя»-93 // Знамя. 1994. № 1. С. 193–195).

* * *

14.07.94

Дорогой Булат!

<...> Ты просил написать о своей жизни. Я готов, тем более что она весьма богата событиями, что тоже свойственно нашему несчастному поколению. Начну, пожалуй, с «точки отсчёта» (жизни с родителями в Н-Тагиле). После ареста отца в декабре 1936 года (на отдыхе в Сочи) и мамы в сентябре 37 г. я стал «сиротой». Друг детей, артиллеристов, колхозников, писателей, физкультурников и всех остальных не дал мне погибнуть. Меня отправили в детский дом в г. Ардатов, не забыв при этом взять отпечатки моих пальцев (в 13 лет!). Оттуда меня забрала тётя, проживавшая в Киеве. Её фамилия Нина Яковлевна Лившиц.

Она родная сестра Бориса Яковлевича Лившица, который долго жил в Тбилиси и которому наш общий друг Берия поручил написать книгу «История большевистских организаций в Закавказье». Судьба его была типичной — он был расстрелян в 36 году. А тётя, хотя и не была посажена, но из партии была исключена «за связь с братом-троцкистом». В Киеве я прожил до начала Войны. Затем армия — артиллерия (до самого конца Войны). Поступил в Химико-технологический институт им. Менделеева (на 2-й курс). 1-й курс закончил до Войны. После окончания института был направлен на работу в г. Ангарск на Комбинат 16. Это то самое предприятие, которое было вывезено из Германии и занималось производством бензина из угля. Там заведовал химлабораторией. В 1953 г. мы уехали из Ангарска в Москву. К этому времени уже был женат (с 1949 г.) и появился сынок Сашенька. Затем аспирантура в Москве и работа в научно-исследовательских институтах. Жена долгие годы работала на химфаке МГУ и там же защищала диссертацию. В 1978 г. наш сын самостоятельно уехал в Израиль после окончания химфака МГУ. В 1979 году нас постигло страшное горе — он погиб в автокатастрофе. Так мы остались одни. Приехали в Израиль в 1988 г. и сейчас живём здесь. Вот очень кратко вся наша жизнь. Не тебе мне говорить, какими событиями были заполнены все эти годы. Помимо общих дел, относящихся также и ко всем советским людям, нас касались, как ты понимаешь, национальные проблемы полной мерой. Это главное, что привело нас сюда. Здесь мы дома, несмотря на очень сложное положение нашей страны, несмотря на многие недостатки, вид-

ные и невооружённым глазом. Об этом нужен особый разговор. Мы оба здесь работали: жена в Иерусалимском университете, а я продвигал свой проект по очистке морской воды от нефти. Сейчас оба на пенсии.

<...> По-видимому, ничего оригинального в моей биографии нет. Иногда старожилы Израиля меня спрашивают: «А за что посадили твоего отца и мать?» Не могут понять, как это «ни за что». Они, кстати, не могут понять, почему в России были затруднения с туалетной бумагой и спичками. «Что, мало леса?»

<...> Недавно видел по ТВ твой юбилей. Я очень рад за тебя и тешу себя надеждой на возможную встречу. Приезжай! <...>

Будь здоров, всего тебе самого хорошего. Алик.

P. S. Моя жена Женя⁵ просила меня передать, что она очень тебе симпатизирует как в человеческом, так и в литературном смысле. Она присоединяется к моим пожеланиям тебе и твоей семье.

3.

<Август 1994 г.⁶; отослано 15.06.95>

Дорогой Алик!

Спасибо за письмо, за жизнеописание. Теперь я в курсе твоей жизни.

Недавно побывал с выступлениями в Свердловске и Тагиле. Очень волновался, да и публика — не меньше. Принимали замечательно. Люди прекрасные, в отличие от холодноватых москвичей. Жизнь в Тагиле трудная, экология чудовищная, перспективы туманные, но сердечной теплоты в избытке. Времени было мало, но съездил на Пихтовку, на Ключики⁷, был на Вагонзаводе. Всё, естественно, переменялось, понастроилось, но, к сожалению, нелепо, сумбурно, без любви к людям, что всегда отличало Россию. Нашёл несколько зелёных брусковых двухэтажных домов, стоящих с 34 года. В этих страшных домах с обвалившейся штукатуркой живут люди и гордятся, что они старожилы!

⁵ Мильвицкая Евгения Михайловна.

⁶ Датируется по содержанию следующего письма, вместе с которым отослано и это.

⁷ Пихтовка (Пихтовые горы) — местность на территории района Вагонки; Ключики — поселение на окраине города с одноэтажными жилыми домами, практически не изменившееся с 30-х гг. По всей видимости, в районе Ключиков в середине 1930-х гг. находились служебные дачи руководителей города.

В Свердловске меня повели в гос. архив и показали «Дело» моего отца с подробными стенограммами допросов и очных ставок. Времени не было читать, но они сделают ксероксы и пришлют. Было горько, особенно, когда я узнал, что отца приговорили к расстрелу 4 августа и расстреляли тоже четвёртого августа. Я спросил, какое нынче число, и архивистка сказала, что четвёртое августа! Представляешь!

Теперь снова сижу в Переделкине и готовлюсь к следующим поездкам. Работать по-настоящему некогда.

Обнимаю тебя.

Булат

Поклон семье.

Через два с половиной года Булат посетил Израиль ещё раз.

На нашей встрече за кулисами самого большого тель-авивского концертного зала «Манн-аудиториум» 4 мая 1995 года он выглядел бодрым, весёлым. Пил горячий чай, подливая его в стакан из металлической кружки с кипятильником. Много курил и кашлял. Жаловался на лёгкие. Но был оживлён и, кажется, доволен своим выступлением. Я сделал ему комплимент, что он в ударе. Концерт и вправду прошёл с огромным успехом. На этот раз Окуджава слова не забывал. Радовался присутствию сына, который

аккомпанировал. Рассказал, что тот приехал сюда из Германии. Пригласил нас с женой в гостиницу «Дан-Панорама»; где он остановился. Сказал, что привёз для меня экземпляр «Упразднённого театра».

Мы встретились в полдень следующего дня в его номере № 1107 и провели вместе больше двух часов. Булат принимал нас с женой в отсутствие Оли, сказал, что она в церкви: «Она религиозна, а я — нет». Говорил о своей судьбе, вспоминал войну, свой 103-й миномётный полк. Рассказывал, как после ранения, когда он служил в гаубичной артиллерии РГК (тракторы-тягачи на гусеничном ходу), они собирали по деревням продукты и отдавали «в общий котёл», потом делили: «Кому?» — «Такому-то»; как многие крестьяне, в особенности на Кубани, отказывались «делиться».

Вспоминал, как его исключали из Союза писателей в 1971 году. Вызвали в партком и попросили написать письмо в ответ на предисловие к его книге, изданной в Германии, где говорилось о его «враждебном отношении к коммунизму». Булат ответил, что писать ничего не будет, что каждый волен высказывать, что думает. После этого его вызвали в Союз писателей и шестнадцать человек проголосовали за исключение. Через полтора года приехала делегация французской компартии: «Что с Окуджавой?» — «Всё в порядке, работает». — «А мы слышали, что его исключили...» — «Ничего подобного». Те же шестнадцать коллег хвалили и постановили отменить своё же решение.

Из партии он вышел сам в 1990 году:

— Завернул партбилет в бумажку и передал в Союз писателей.

Говорил, что со своим братом не общается с 1983 года⁸; будто не всё в порядке у старшего сына (от первой жены), живущего отдельно; что младший — композитор, собирается жениться на немке.

Булат много рассказывал о своих знакомых писателях. Отзывы о некоторых были довольно резкими. По приезде домой я в тот же день законспектировал по памяти то, о чём он говорил.

Юрия Домбровского, просидевшего семнадцать лет в лагерях, он называл своим другом. Но по каким источникам тот писал в романе «Факультет ненужных вещей» о деле наших отцов, Булат не знал.

О Нагибине говорил как о прекрасном писателе. В ответ на моё замечание об обилии в его творчестве «постельной» тема-

⁸ Их мать Ашхен Степановна умерла в 1983 году.

тики, рассказал, что был свидетелем встречи, на которой были все его прежние жёны: «Маша, дай домашние туфли... Вера, где мои лекарства?..» — и так далее.

Мне запомнились его отзывы о Евтушенко как о человеке, иногда совершающем не очень умные поступки (пришёл в детский сад в красном пиджаке с розами и рассказывал шестилетним детям о своих встречах с Рокфеллером), но талантливым, благородным и добрым поэте, который «никогда ни на кого не стучал» и последовательно выступал против антисемитизма. Окуджава рассказал, как Евтушенко выставил из своего дома космонавта Севастьянова, который критиковал Булата после его исключения из партии («Немедленно с женой покиньте мой дом»). Именно он взялся издать стихи Булата, когда он был никому не известен. И через три дня из редакции позвонили: будем печатать.

Нелестно оценивал Булат творчество Владимира Максимова и его самого: «средний писатель», после его смерти пресса заявила, что тот многократно сидел, а на самом деле — лечился от алкоголизма. Примерно теми же словами говорил и о режиссёре Говорухине: «средний режиссёр, хочет прославиться другим способом, говорит ужасные вещи». Возвращение Солженицына в Россию оценивал как спектакль, отзывался о нём как о человеке не умном и абсолютно лишённом чувства юмора («мнит себя мессией»).

Рассказал, что был с выступлением в Нижнем Тагиле. Посетил места, где прошло наше далёкое детство. Потом ему предложили познакомиться с «Делом» его отца в архиве Свердловского НКВД. Он попросил снять с этого «Дела» копию и переслать ему в Москву.

— Ты знаешь, там есть протоколы очных ставок наших отцов.

Я попросил Булата прислать мне копию этого «Дела».

Он говорил, что в его архиве сохранилось наше совместное фото, где мы в трусах и при пионерских галстуках. Обещал прислать... Говорил, что писать продолжение «Упразднённого театра» не предполагает («не интересно; исчерпана тема») и думает о романе-фантазии о Пугачёве: что бы случилось, если бы тот победил.

— Как «Остров Крым» Аксёнова? — спросил я.

— Точно.

О праздновании своего семидесятилетия говорил, что не хотел его, но всё устроили без его участия; отказывался выходить на балкон перед людьми, не попавшими в зал. Уговорили.

— Вышел — внизу интеллигенты.

— А как ты такое знаешь? — поинтересовался я.

— Профессионально. Одного взгляда достаточно, чтобы увидеть, кто сидит в зале.

С болью говорил Булат о тяжёлой ситуации в России, об ужасающем положении в Грузии, где его двоюродный брат — физик, доктор наук, еле сводит концы с концами:

— Выживают только те, кто имеет родственников в деревне.

Когда речь зашла о Чечне, говорил, что конфликт имеет прежде всего «экономическую подоплёку». Касаясь своих представлений о будущем России, Окуджава сказал:

— Я осторожный оптимист. Моисей водил евреев сорок лет по пустыне, чтобы вытравить из них рабов. Нам тоже нужно не меньше.

Говорил, будто где-то он сказал, что фашизм и коммунизм идентичны. Коммунисты обиделись. Радовался, что демонстрации коммунистов проходят всё реже. Он считал, что интеллигенция в России ничего не решает, как не решала и раньше, — только рабочие и крестьяне.

И ещё я записал тогда одно его определение:

— Раб — это тот, кто хочет сам иметь рабов.

4.

<15.06.95>

Дорогой Алик!

Вот что значит возраст: сижу дома и обнаруживаю письмо тебе, написанное в августе 9<4-го>⁹, но почему-то не отправленное.

Теперь вспоминаю нашу встречу в Тель-Авиве очень часто. В России пока без серьёзных перемен.

Трудно, жёстко, неопределённо.

Жара. Куда там Израиль!

20-го отправляемся в Париж. Как надоело выступать — ты не представляешь.

Должен тебе сделать замечание: ты был у меня, видимо, с женой, но не представил. Сообщи хотя бы имя, чёрт тебя возьми!

Обнимаю.

Булат

⁹ См. письмо № 3. В тексте ошибочно: 95.

* * *

27.06.95

Дорогой Булат!

Получил сразу два твоих письма. Одно — новое, июньское 1995 года, а другое — августовское 1994 г.

Упрёки твои ..., что я, якобы, не представил тебе свою жену, отвергаю. ... Ты даже книжку свою нам подписал «Дорогим Жене и Алику».

... Ты обещал мне переслать материалы, относящиеся к «Делу» наших отцов, и наше общее детское фото.

<...>

Я в ближайшее время постараюсь отпечатать фотоснимки, сделанные в твоём номере в Тель-Авиве. Я тут же переishу их тебе.

Как продвигается твоя работа над «Пугачёвым»?

Вроде прошло совсем немного времени с момента нашей последней встречи, а сколько событий...

Один Будённовск¹⁰ чего стоит! Интересно, что со сталинских времён сохранилось название этого города. Что и говорить, великая личность! Даже портреты его висят в кабинетах.

А чего стоят опереточные казаки! Свадьба в Малиновке, да и только.

Ну и страна! А президент, который во всеуслышание заявляет, что собственноручно отдал приказ о штурме, а затем создаёт комиссию для выяснения этого факта!

Боюсь, что и выборы¹¹ мало что изменят. Тут я с твоими прогнозами полностью согласен.

Как говорится в старой еврейской присказке: «А для евреев это лучше или хуже?» Так вот, и для евреев это, по-моему, тоже плохо.

<...>

Передай сердечный привет Оле.

Всего хорошего, будь по возможности здоров.

Алик.

5.

Дорогой Алик!

Получил твоё замечательное письмо. К сожалению, копии с дела ещё не сделал. Поездки, суета (живём ведь в бардаке).

¹⁰ Речь идёт о захвате заложников в больнице г. Будённовска в 1995 году.

¹¹ Речь идёт о намеченных на конец года выборах в Госдуму.

Хотя меня напрямую это не касается, но всё-таки я же варюсь во всём этом и абсолютно отвлекаться невозможно.

С президентом беда, даже обсуждать не хочется. Во что он превратился!¹² И на нового надежд нет. Дело не в президенте, а в кухаркиных внуках, которые теперь тянутся к рулю.

Вообще, Алик, мне это громадное, нелепое, дикое государство отвратительно.

В остальном всё хорошо, прекрасная маркиза. Сiju, что-то пишу, иногда выезжаем для выступлений.

Если сможешь достать «Литературную газету» за 11 октября, посмотри в ней замечательную статью Б. Стругацкого¹³.

Обнимаю, поклон Жене.

Булат

25.10.95

* * *

3.01.96

Дорогой Булат!

Прежде всего, с Новым годом тебя и всю твою мишпаху (семью)! Будьте здоровы, благополучны. Надеюсь снова встретиться с тобой у нас в Израиле. Только что получил твоё последнее (октябрьское 95 года) заказное письмо, которое шло аж 2 месяца. Спешу ответить, так как намечается скорая okazия в Москву. Посылаю тебе наше совместное фото, сделанное в твоём гостиничном номере в Тель-Авиве во время последнего пребывания в Израиле (май 1995 г.) По-моему, получилось неплохо. Булатик! Я всё ещё надеюсь получить от тебя обещанную копию «Дела» наших отцов. Для меня это святое дело, как ты сам понимаешь. Милая Лена Кешман, которая передаст тебе это письмо, любезно согла-

¹² Ельцин Борис Николаевич (р. 1931). К тому времени уже прославившийся в народе как человек пьющий и непредсказуемый, он тем не менее был избран на второй срок летом следующего года.

¹³ В монологе под названием «Железная рука, костяная нога и прочие прелести порядка», записанном корреспондентом Татьяной Путренко (№ 41. С. 3), проводится параллель между современной Россией и Германией накануне падения Веймарской республики. Мысли писателя-фантаста Бориса Стругацкого о демократии, жажде «твёрдой руки» и состоянии отечественной экономики во многом созвучны тем, что высказывал в те годы Окуджава (в частности, такая: «...Коммунизм и фашизм — «близнецы-братья», ибо растут оба эти режима из единого корня, носящего название «тоталитарное государство»).

5 мая 1995 г.
Фото И. Марьясина

силась взять эту копию с собой. Она обещала перед отъездом тебе позвонить и напомнить об этом деле. Если нетрудно, поищи наше общее детское фото, о котором ты мне говорил (там мы с тобой в трусах, кажется).

<...>

Спасибо тебе большое. Мы с Женей кланяемся Оле.

Твой Алик.

На этом наша переписка оборвалась. Булат заболел...

Но он выполнил своё обещание и передал мне копию «Дела № 5868 Ш. С. Окуджавы», начатого 19 февраля 1937 года. Теперь оно у меня. Держать его в руках страшно. В нём содержатся бесстрастные протоколы допросов, обысков, очных ставок, упомянутых Булатом.

«...Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Окуджаву Шалву Степановича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, и в силу постановления ЦИК СССР... подлежит немедленному исполнению».

В «Деле» имеется Справка о приведении приговора в исполнение. Стоит обратить внимание на то, что она написана на стан-

дартном, предназначенном специально для таких дел бланке. Как тут не вспомнить об О. Э. Мандельштаме, который, по воспоминаниям жены, пришёл в ужас оттого, что увидел в руках эсера Блюмкина, работавшего в ОГПУ заместителем Дзержинского, стопку подобных чистых бланков. Через восемнадцать лет в «Деле» появился новый документ — обращение председателя Военной коллегии Верховного суда СССР в органы милиции, в котором он просит выдать Аишкен Степановне Налбандян (матери Булата) свидетельство о смерти мужа во время отбывания наказания (!). Впрочем, чему тут удивляться. В деле моего отца, как и у многих миллионов других, всё было абсолютно идентичным.

Булат много писал о своей маме. Пройдя свой страшный путь, лишившись мужа, не зная, что с сыном, она так и не поняла до конца жизни, какие дикие ошибки совершили большевики. Лишь за несколько месяцев до своей смерти она вдруг воскликнула: «Что же мы наделали!» Этот необыкновенный феномен был полностью характерен и для моей мамы, которая после восьмилетнего пребывания в сталинских лагерях неизменно повторяла, что «всё человечество стремится к социализму».

И в заключение — ещё одна маленькая деталь, связанная с последней нашей встречей в номере тель-авивского отеля в мае 1995 года. Мне очень хотелось на память сфотографироваться с Булатом. Долго сомневался, считая это не очень тактичным.

Услышав наш разговор с женой, Булат сказал:

— Почему нетактично?! Очень тактично. С тобой с удовольствием сфотографируюсь.

Так получилось наше бесконечно дорогое для меня фото.

ДОРОГАЯ ЛЁЛЯ

Встреча через шестьдесят лет

Вот как в начале 90-х описывал Булат Шалвович свою первую влюблённость в романе «Упразднённый театр» (напомним, в нём он писал о себе от третьего лица, называя себя то Отаром Отаровичем, то Иваном Ивановичем, то и вовсе Ванванчем). Дело, как мы помним, происходит в Нижнем Тагиле¹.

Ванванч ходил в четвёртый класс. Школа размещалась в двухэтажном здании из тёмных брёвен. Их класс был на первом этаже. Посредине класса до самого потолка вздымалась кирпичная печь, парты размещались вокруг этой печи, а девятнадцатилетняя учительница, Нина Афанасьевна, то и дело поднималась из-за своего стола и обходила печь, чтобы никого не терять из виду. Когда она что-нибудь выводила на классной доске, многим приходилось высказывать из-за печки, чтобы правильно списать. Ванванча это нисколько не обременяло. Московская школа была слишком аккуратная, чтобы походить на жизнь. А в этой сказке было столько притягательного, что хотелось в ней купаться. Свобода, упавшая с небес! Колеблющаяся в пламени бересты и пропахшая её дымом... Кстати, о бересте...

Они учились во второй смене. Темнело рано. Электричество то и дело гасло. Тогда дежурные снимали с жестяного бачка из-под воды крышку, клали её на учительский стол, и Нина Афанасьевна поджигала кусочки припасённой бересты. Пылал маленький костерок, и широкоскулое лицо учительницы казалось медным, и она становилась раздражительной, и покрикивала, и ладошкой била по столу. Когда выключался свет, наступал праздник: маленькие юркие товарищи Ванванча стремительно разбежались по классу и плюхались на чужие места по тайному влечению, и Ванванч тоже не отставал и нырял во мрак, и прижимался плечом к горячему плечу Лёли Шаминой. Она не отталкивала его, и они, затив дыхание, слышали, как учительница кричала: «Ну, смотрите. Сейчас доберусь и уж так надаю... Уж так по шеям надаю!.. Хулиганы!..» А они сидели, затившись, и что-то горячее переливалось от одного плеча к другому...

¹ См. также воспоминания тагильчанина П. Ф. Качанко о встречах с Окуджавой и фрагменты их переписки в предыдущем выпуске нашего альманаха (Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 134–147). В том же материале упоминается и О. Н. Шамина.

*Такой была Лёля Шамина
после перевода Булата
в другую школу*

Внезапно вспыхивал свет, все кидались по своим местам и склонялись над распахнутыми тетрадями. В последний момент расставаясь, Ванванч успевал заметить удивлённо взлетевшие светлые Лёлины бровки. Душа была не слишком вместительна: видение лишь откладывалось ненадолго, словно маленький кирпичик — в ту самую Великую стену, которой будет суждено лишь впоследствии нами править и нас отмечать. Нина Афанасьевна всматривалась в их красные лица, вслушивалась в хихиканье, ползущее из-за печи и, откидывая со лба завитки жиденьких волос, оскорблённо кричала: «Доскачетесь у мене!.. У, козлы!..»

Это горячее плечо упоминается в романе ещё не раз:

...Зато горячее плечико Лёли Шаминой, вот оно, совсем под боком. Плечо. Рука. Локоть. И ни одного слова.

У Ашхен взлетели шамаханские брови, когда сын рассказал об этом. «Мы сидим в темноте, вот так, мамочка, а у неё такое плечико горячее!» То есть её удивило не само по себе его признание, а это вот «горячее плечико». Она никак не могла успокоиться и рассказывала об этом Шалико, нервно посмеиваясь, но когда он рассмеялся, ей стало как-то полегче, словно ответственность за сына теперь уже поделена на двоих. <...>

С Ашхен что-то произошло. Она стала исподтишка, как бы между прочим, приставать к Ванванчу, выпрашивать у него, какая Лёля, да что она, почему... Что-то материнское вдруг заговорило в ней, что-то такое проснулось, ранее неведомое. Конечно, никаких назиданий, никаких нравоучительных бесед, никаких хитроумных подходных манёвров. «А Лёля красивая девочка?» А сама вглядывается, вглядывается, что он ответит и как при этом себя поведёт. «Да, мамочка». — «А о чём вы с ней разговариваете?» — «Ни о чём...» — «Что же, всё время молчите?» — «Да». — «И что же?» — «Ну, я же тебе рассказывал: сидим рядом...» Да, да, думала она, рассказывал и про рядом, и про горячее плечико, так хочется спросить: ну, что ты при этом испытываешь? Но это уже иные сферы...

«Лёле от Булата.
1936 г. 2 янв.»
Этот автограф
с оборота
фотографии
впечатал в неё
И. Коверда.
В таком виде
она стала
известна многим

Ольга Николаевна Шамина, с которой Булат Шалвович год проучился в 40-й школе на Вагонке (так называется городской район близ Вагоностроительного завода; тогда — в двенадцати километрах от города), сегодня живёт в Челябинске у дочери и давно уже носит фамилию Мелещенко. Она любезно предоставила нам для публикации письма, полученные от Окуджавы, которые тот писал ей в Нижний Тагил в 1993—1997 годах.

Ольга Николаевна подтверждает: до этого места в романе всё описывается так, как и было на самом деле. Дальше — о том, как Ванванч и Лёля не только общались, но и ходили в цирк, — вымысел романиста.

Позже в одной из тагильских газет напишут, что Булат носил Лёле портфель. «Портфеля за мной Булат не носил, — возражает в своём письме Ольга Николаевна, — так как мы с ним никогда не разговаривали».

«А в пятом классе Булат перешёл в другую школу, и наши пути разошлись, — продолжает Ольга Николаевна. — Однажды он, уже когда учился в другой школе, шёл за мной следом переулками от школы до дома. Как-то я случайно видела его на автобусной остановке...»

Потом Окуджава прислал письмо с ошибками и без обратного адреса, туда же была вложена фотография с надписью на обороте: «Лёле от Булата». Она, конечно, не ответила, письмо с исправленными родителями ошибками куда-то затерялось. Лёлю стали дразнить, крича за спиной: «Булат! Булат!»... А фотография сохранилась. Сейчас она растиражирована и широко известна.

И ещё из письма Ольги Шаминой: «На концерте в 1994 году Булат сказал, что не был в Тагиле тридцать три года, значит, приезжал он сюда только в 1961-м². Но я тогда была в командировке и узнала о его приезде уже после возвращения. Очень жалела, что не сумела встретиться с ним в то время. Больше мы не виделись... Я рассказывала об этом кому-то из журналистов, но он не понял и написал, что я уезжала специально».

В одном из интервью Булата Шалвовича спросили, помнит ли он свою первую любовь. И он ответил так:

— Я как-то выступал на радио перед студентами, и они тоже задали мне этот вопрос. Я вспомнил школу, себя десятилетнего и девочку Лёлю, в которую был влюблён. Мы с ней никогда не разговаривали, но тогда в школе часто гасло электричество, и в эти минуты я бросался к ней. Мы сидели рядом, прижавшись плечами друг к другу. Вот и весь роман.

А потом я ушёл из этой школы, и мы больше никогда не виделись. И вот выступление моё вышло в эфир. Через какое-то время я получил письмо от Лёли. Оказывается, и она меня не забыла, но стеснялась напомнить о себе. И вдруг по радио услышала, что я помню её всю жизнь³.

Это случилось в 1993-м. Только Ольга Николаевна передачи не слышала — ей пересказали друзья. Она решила написать поэту. И получила ответ:

1.

<Весна 1993 г.>⁴

Дорогая Лёля!

Вот уж не ожидал получить от тебя весточку через шесть десятков лет! Спасибо тебе за письмо.

Тут недавно случилась одна мистическая история: я пишу автобиографический роман и как раз закончил первую книгу, где есть, конечно, и о школе на Вагонке, и о тебе. Наверное, многое и не точно, уже трудно помнить детали. И вот сидел над законченной рукописью и правил её, дошёл до эпизода, связанного с тобой, — в это время явился почтальон и вручил письмо от тебя! Представляешь, какое совпадение?

² О дате этого приезда подробно см. разделе «Урал, 1964» наст. выпуска.

³ Окуджава Б. Я был «красным мальчиком» / Подгот. А. Сотников // Комсом. правда. 2004. 6 мая. С. 17.

⁴ Здесь и далее, кроме случаев, указанных особо, в угловых скобках приведены примерные даты писем, определённые нами по воспоминаниям адресата и упомянутым событиям.

Теперь ты соберись с духом и Расскажи мне о своей жизни, а кроме того, если сможешь, пришли мне фотографии твоих тех лет и в молодости, и сейчас, и с семьёй.

Кроме того, напиши мне, есть ли у тебя мои книги.

Со здоровьем у меня как будто всё благополучно. Американцы замечательно отремонтировали сердце. Снова стал выступать и ездить по разным странам и, хотя это уже трудно да и надоело, но платят валюту — как отказаться в нынешнее-то время?

А в перерывах между поездками сижу в основном на подмосковной даче и пишу. Здесь тихо, уединённо. В Москву не хочется.

Жду письма,
обнимаю

Булат

2.

<Февр. или март 1994 г.>

Дорогая Лёля!

Долго тебе не писал: поездки, суета всякая, и вот собрался. Были с сыном в Германии, выступали с концертами. Прошло очень хорошо. Теперь предстоят Канада и Париж. Честно сказать, очень надоело выступать, да и повидал я всё в достатке, но от денег отказываться (особенно в наше время) нельзя.

Опубликовал я первую книгу романа «Упразднённый театр» в журнале «Знамя» № 9, 10 за прошлый год. Отдельной книгой пока не вышла. Выйдет — пришлю. Там и ты вспомнишь. Может быть, и не очень точно, но это ведь не просто воспоминания, а роман, и у него свои законы. Может быть, где-нибудь в библиотеке удастся найти — почитай.

Сейчас тружусь над второй книгой, но идёт трудно: возраст, видимо.

Стихи иногда пишу. Песни давно перестал.

Интересно, как жизнь в Тагиле. Тут начали забрасывать камушки оттуда по поводу моего приезда с выступлениями в Свердловске и Тагиле. Если сладится — увидимся. Буду рад.

Да, жизнь моя после детства сложилась очень тяжело, но я не сетую: хорошая была школа и многому меня научила. Может быть, не эта школа — был бы я заурядным баловнем судьбы и ничего бы не смог достичь.

Надеюсь, у вас дома всё в порядке. Желаю всего самого доброго.

Мой поклон твоему мужу⁵.

Булат

P. S. Не посылал ли я тебе книгу рассказов?

Уже не помню. Пиши.

3.

<Май — июнь 1994 г.>

Дорогая Лёля!

Случилось так, что нас пригласили выступить в Екатеринбурге и Тагиле. Значит, увидимся.

Я рад, что тебе было интересно читать «Упразднённый театр». Да, многое, как ни странно, помнится, особенно то, что было в детстве.

Книгу посылать я не буду, а привезу с собой: так надёжнее⁶.

Юбилей мой, слава Богу, отшумел. Все эти парады не для меня. К счастью, я, может быть, и честолюбив, но не тщеславен. И горжусь этим.

Очень приятно было узнать, что в вашем клубе вспоминают обо мне. Для меня это большая честь.

Будь здорова.

Булат

«Встретились мы с Булатом у служебного входа в Драмтеатр, где через 60 лет он заново познакомился со мной, — пишет Ольга Николаевна. — После концерта мы с В. И. Пироговой (она — одна из создателей литературного клуба “При свечах”) зашли за кулисы, где Булат раздавал автографы, и ждали, когда он освободится. Поговорили немного, и он согласился встретиться с членами нашего клуба.

Встречу мы организовали на следующий день в Центральной библиотеке, при которой наш клуб и существовал. Получилось так, что, согласившись на неё по моей просьбе, Булат отказал во встрече своим одноклассникам, на что мне они потом попеняли.

⁵ Скареднов Андрей Тимофеевич (1914—2004).

⁶ Имеется в виду сборник автобиографических рассказов «Заезжий музыкант» (см. ил.).

Конечно, за столь короткое время всех членов клуба собрать нам не удалось, и на встрече присутствовали посетители библиотеки. Булат был один: Ольга и Антон в это время уехали в краеведческий музей. Стол был накрыт, но к чаю никто так и не притронулся. Была дружеская беседа, вопросы Булату задавали разные: и о личной жизни, и о политике, и о планах на будущее.

Провожали Булата участники нашего клуба от крыльца библиотеки, тепло распрощались, не зная о том, что это была последняя встреча, о чём я буду сожалеть до конца своих дней».

А вечером Булат Шалвович выступал в Доме культуры Уралвагонзавода.

«На Вагонке я не была, но слышала, что там произошёл неприятный инцидент. Какая-то женщина пыталась выдать себя за его соученицу. Я догадалась, что это была одна из моих одноклассниц, с которой накануне у меня был телефонный разговор. Она, наверное, с кем-то его перепутала и пыталась меня убедить, что он тоже учился с нами уже в другой, 6-й школе, — якобы она помнила, за какой партией он сидел. Я её переубедить не смогла, и она, видимо, выступила на вечере со своими “воспоминаниями”. Булату это очень не понравилось».

4.

<Авг. 1994 г.>

Дорогая Лёля!

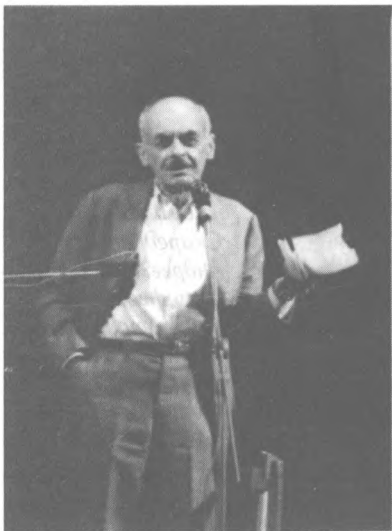
Вот и промелькнула наша уральская поездка. Я был рад тебя увидеть и твоего милого мужа, и твой литературный клуб. Жаль, что всё было так скоропалительно и ничего не удалось толком разглядеть, но, надеюсь, удастся побывать ещё без спешки.

Сейчас, вернувшись, окопался в Переделкине и хочу немного побыть в тишине с бумагой и книгами, а в конце августа отправимся в Литву.

Сын наш улетел в Мюнхен к своей невесте, вернётся к Литве, Оля (твоя тёзка) занимается всяческой бытовой суетой, как водится.

Конечно, я не узнал тебя при первой встрече, и это естественно: шестьдесят лет! Но теперь у меня впечатления, что этого разрыва во времени не было вовсе.

У меня к тебе просьба. В Тагиле живёт мой соученик по 32 школе — Володя Камшалов (Иванович). Позвони ему 22 51 47

*Здание драмтеатра.
Фото А. Крылова*

*Окуджава на сцене драмтеатра,
2 августа 1994 г.
Фото П. Качанко*

и скажи ему, что я забыл взять его адрес. Пусть сообщит мне его, а также и адрес нашего соученика Мих. Меринова⁷.

Заранее благодарю.

Пиши.

Булат

Поклон дома.

Позже об этом приезде написала упомянутая уже нами Валентина Ивановна Пирогова (на общей фотографии она стоит вторая слева). Ольга Николаевна полностью подтверждает этот рассказ:

...И вот оно, счастливое ожидание. В читальном зале Центральной городской библиотеки празднично накрыты столы. Догадливые библиотекари купили большой тагильский поднос, ведь у Булата Окуджавы в этом году семидесятилетний юбилей.

Мы все внизу, радостно-тревожно взволнованные, мечемся от окна друг к другу: придет, не придет? Обещал, конечно, но мало ли какие обстоятельства. Наконец, видим: подъезжает машина.

Не спеша вместе с гостем поднимаемся по лестнице. А всё же библиотека у нас прекрасная! На пути в зал останавливаемся перед любовно оформленным стендом. Булат с интересом разглядывает свои портреты с журнальных обложек, газетных полос, книг и брошюр, «Мне очень

⁷ Имеются в виду Комшилов Владимир Иванович (1924) и Меринов Михаил Иванович (1923), до сих пор проживающие в Нижнем Тагиле.

*С. О. Мелешенко
и её мужем
Скарёновым
Андреем
Тимофеевичем.
3 августа 1994 г.
в клубе «При
свечах» ЦГБ.
Фото Л. Мальцева*

понравился ваш роман», — произношу я. «Какой вы читали?» — спрашивает Булат. «Упразднённый театр», — отвечаю я. И в доказательство пересказываю эпизод с Жоржеткой.

Заходим в зал, торжественно рассаживаемся. Во главе стола Ольга Николаевна, слева от неё Булат, справа — муж. Аудитория собралась довольно многочисленная. Всем хочется пообщаться с высоким гостем.

Валентина Павловна Шуклина как хозяйка открывает праздник. Она поздравляет Булата Окуджаву с приездом в Тагил, со встречей, с юбилеем. Тепло говорит о том, что мы знаем, любим, поём его песни, читаем его романы и повести и высоко ценим его самого как творческую личность. После этого вступления произошло какое-то временное замешательство. Этим не преминули воспользоваться Булат с Лёлей и завели негромкий оживлённый разговор...

Затем ведущие поэты нашего клуба начали свои приветствия, поздравления. Булат критически отнёсся к обоим выступлениям. В одном случае попел на излишество комплиментов в свой адрес, во втором пояснил, что «слава» — это посмертно, он же признаёт «известность». От библиотеки прочла своё стихотворение Лариса Леонидовна Каплан. Булат похвалил, особо выделив одну строфу. Далее посыпались всевозможные вопросы. Булат охотно и откровенно отвечал. Обстановка была доверительной, непринуждённой. Булат рассказал забавный случай. Давний приятель при встрече стал усиленно расхваливать его песни. Перечислил штук десять, ни одна из которых не имела к Булату никакого отношения. «А «Надя-Наденька» ваша?» — спросили мы. «Да», — кивнул Булат. «Тогда мы вам споём», — нахально изрекли мы. И спели эту и ещё «Полночный троллейбус». Как позже выяснилось, Булат не любит слушать свои песни. Так наши попытки «ублажить» Булата Окуджаву не увенчались успехом.

Мы наслаждались, пленились обществом этого известного и в то же время такого простого, близкого человека. Мы были безмерно счастливы. Целый час пролетел как один миг. И вот все уже встают из-за стола и выходят.

За Булатом уже приехали. Но обе Ольги (жена Булата тоже Ольга) отправляются в библиотеку. Жена собирает коллекцию мягкой игрушки,

Там же. Сидят участники встречи: О. Мелещенко, Окуджава, неизвестная; стоят: директор ЦГБ Валентина Павловна Шуклина, Валентина Ивановна Пирогова, Виктория Константиновна Назарова, неизвестная, Леонид Иванович Белавин, неизвестная

и ей там что-то пообещали. Мы стоим в ожидании. Хмурое серое августовское небо. Падают редкие капли дождя. Я выговариваю Булату за то, что весь вчерашний концерт в драмтеатре он провел стоя. Я-то видела, какой смертельно усталый вид был у него после концерта. «А как же иначе? — возражает Булат, — мне так удобно». «Приезжайте ещё», — уговариваю я. «Не раньше, чем через три года». Мы молчим. Булат весь ушёл в свои мысли. О чём думал он тогда?

Наконец появляются и провожаемые, и провожающие. Прощание. Булат целуется с Лёлей. Целуются, плача, обе Ольги. И вот уже машина исчезает из вида.

Опустошённые, растерянные, возвращаемся. Почти все разошлись. Садимся за стол. «Мне хочется плакать», — говорит Ольга Николаевна. Плакать хочется всем...⁸

5.

<Апр. 1995 г.>

Дорогая Лёля!

Спасибо за письмо. Я писал тебе в январе, но, видимо, не дошло.

Жизнь моя всё та же: работаю по мере возможностей в перedelкинском уединении, а иногда выезжаем в разные места для выступлений. Теперь нам предстоит поездки в Израиль, Че-

⁸ Пирогова В. «Две вечных дороги, любовь и разлука, проходят сквозь сердце моё» // Тагил. рабочий. 1997. 1 авг.

хословакию, Париж, Германию, Швецию. Это всё до конца года. Некоторый перебор, но от денег отказываться не хочется, т. к. литературный труд пока оплачивается из рук вон.

Покуда все здоровы, а это главное.

Вспоминаю с очень тёплым чувством ваш клуб. Всё-таки так называемая провинция ещё держится и не поддаётся столичному безумию.

Кто знает, может, занесёт меня снова в Тагил. Тогда было много суеты, и я не погулял по тагильским улицам.

Всем поклон сердечный,
обнимаю

Булат

6.

<13 февр. 1996 г.>⁹

Дорогая Лёля!

Откликнись. Я писал тебе ещё в начале осени, но ответа нет. Конечно, всё случается, но хочется верить в лучшее.

У меня всё по-прежнему, если не считать, что с декабря болею. Правда, сейчас как будто выкарабкался. Тьфу-тьфу.

Конечно, в связи с болезнью не было никаких поездок: больница и дом. Даже про Переделкино пока пришлось забыть. Сажу дома и понемногу работаю. В остальном всё хорошо.

О Екатеринбурге узнаю из газет и теле. Надеюсь, что жить можно, хотя знаю, как это сегодня трудно.

Написал и подумал: а когда было легко? А было ли? Пожалуй, лишь в молодые годы, но это заслуга молодости.

Напиши, пожалуйста, и передай поклон всем общим знакомым. Сердечно

Булат

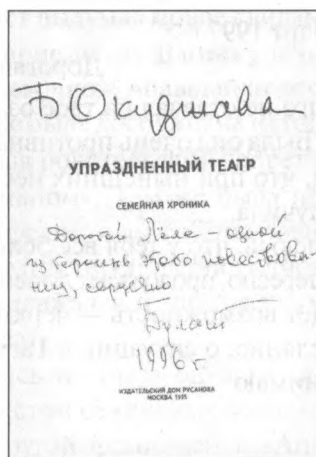
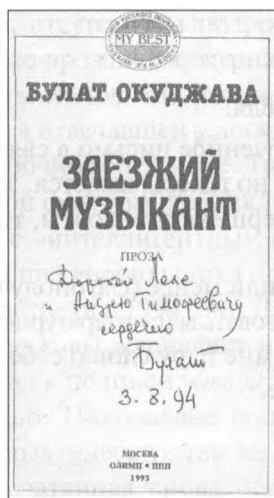
7.

<Осень 1996 г.>

Дорогая Лёля!

Получил твоё письмо, но долго не писал, т. к. лежал в больнице и было не до писем. Теперь уже получше.

⁹ Возможно, дата получения. Проставлена на письме рукой О. Мелешенко. Вероятно, с этим письмом была прислана книга «Упразднённый театр» (см. ил.).

Не помню: есть ли у тебя роман «Упразднённый театр»? Я спрашиваю потому, что сегодня мне прислали этот роман из Испании, изданный на испанском языке. Там есть и твоя фотография. И я хочу знать, есть ли у тебя на русском? Если есть, то я вышлю тебе испанский томик. Читать тебе, конечно, не придётся, но себя там увидишь. Думаю, это не помешает.

Срочно сообщи.

Обнимаю

Булат

8.

<Конец 1996 г.>

Здравствуй, Лёля!

Посылаю тебе «Упразднённый театр»¹⁰. Там есть твой портретик. Не более и не огорчайся, созерцая мир, в котором мы живём. Наше общество само во всём виновато: так оно воспитывалось столетиями. Огорчены и мы, и власть. Только она делает вид, что у неё всё получается и всё прекрасно. Это от отчаяния и недостаточной грамотности.

Передавай мой поклон тем, кто меня помнит.

Обнимаю

Булат

¹⁰ На испанском языке; книга без дарственной надписи.

9.

<Март 1997 г.>¹¹

Дорогая Лёля!

Долго не отвечал на твоё озабоченное письмо в связи с болезнью. Была она очень противная, но теперь, кажется, затухает.

Рад, что при нынешних несовершенствах почты, ты книгу мою получила.

Надеюсь, что у тебя всё более или менее благополучно.

Интересно, продолжает ли действовать ваш литературный клуб?

Будет возможность — черкни мне пару слов о себе и, если будет желание, о ситуации в Тагиле.

Обнимаю

Булат

«Я счастлива, что жила с ним в одно время, хоть оно и было очень тяжёлым, — пишет Ольга Николаевна. — Счастлива, что из мальчика, который сидел со мной рядом за партой, вырос талантливый и очень порядочный человек.

Недавно всплакнула и пожалела очень, что стеснялась раньше написать Булату и потеряла очень много в общении с этим умным и самым человеческим Человеком. Я не была на его похоронах (была в то время на операции), и он остался в моей памяти живым».

ВНИМАНИЕ, ФАЛЬШИВКА!

Необходимое послесловие

В начале 2005 года появилось сразу ещё несколько публикаций¹², в которых сообщалось, что они основаны на рассказах Ольги Николаевны Мелешенко. «Достоверность» их подтверждалась факсимильным воспроизведением писем поэта и архивными фотографиями.

В статье был пересказан эпизод из романа Окуджавы, но уже от имени самой «Оленьки». Кроме того, огорчённый,

¹¹ Единственный из всей переписки сохранившийся конверт имеет только дату доставки в Нижнетагильское отделение связи: 28 марта 1997 г.

¹² Первой нам стала известна: *Кротов Я.* Окуджава принохивался к моим волосам: Вспоминает шк. любовь знаменитого барда челябинка Ольга Мелешенко // Южноурал. панорама. Челябинск, 2005. 27 янв. (№ 11). Есть вероятность, что подобные статьи были опубликованы и другими газетами, пока не известными нам.

видимо, отсутствием подробностей детской любви, возомнив себя тоже прозаиком, журналист выдумал новое свидание Лёли и Булата. Якобы тот позднее приехал на Вагонку и наблюдал в окно за отвечающей у доски девочкой, впавшей от этого в полубморочное состояние. Также была досочинена история с полученной фотографией, включая родительский запрет на отношения с «интеллигентным пацаном». Там же была повторена и байка про «носильщика портфеля», и выдуманы новые «детали» их встречи в 1994 году. Даже при цитировании одного из писем Окуджавы журналист не удержался и ничтоже сумняшеся прибавил к подписи: *«твой Булат»*.

Ольге Николаевне попала на глаза одна из таких статей — практически с тем же текстом её мнимых воспоминаний, но напечатанная снова под другой фамилией в «АиФ Челябинск»¹³. Нам Ольга Николаевна прислала экземпляр газеты, отчеркнув те места, которые были сочинены журналистом. «В общем, вся статья — неправда, и зачем он её вообще писал — хотел заработать? — закончила своё письмо Ольга Николаевна. — Так всё это противно, что не хочу и газеты читать».

Однако она нашла в себе силы позвонить в «АиФ Челябинск», чтобы найти интервьюера, которого она «в глаза не видела». «Оказывается, это никакой не Власов, — прочли мы в очередном письме, — а девица, которая однажды явилась ко мне, отрекомендовалась, что она из Москвы, из “Экспресс газеты”, якобы собирает материал об Окуджаве. Я ей поверила...»

И действительно, просмотрев подшивку этой скандальной газетёнки, мы обнаружили первоисточник и узнали фамилию автора — Марина Кузьмичёва¹⁴. Из всех перечисленных, эта редакция статьи содержала немного меньше выдумок, чем остальные. Видимо, аппетиты и фантазия журналистки росли от раза к разу.

Тем временем Ольга Николаевна написала опровержение в «АиФ Челябинск». Через некоторое время на бланке главного редактора пришёл ответ, который мы приводим с соблюдением авторской стилистики и пунктуации:

¹³ См.: Власов Г. Первая любовь Булата Окуджавы // АиФ Челябинск. 2005. Март (№ 9).

¹⁴ См.: Кузьмичёва М. Окуджаву принюхивался к моим волосам // Экспресс газ. 2005. Янв. (№ 3). С. 10.

Уважаемая Ольга Николаевна!

Редакция нашей газеты приносит Вам искренние извинения по поводу публикации некоторых не совсем проверенных фактов из Вашей биографии, и, особенно, затрагивающих светлую память Булата Окуджавы. Автору, подготовившему этот материал навсегда отказано от сотрудничества с газетой «Аргументы и Факты».

С уважением, К. Зернов.

Казалось бы, инцидент исчерпан.

Тем не менее ещё почти через полгода, когда наш материал был уже готов, та же статья Марины-Ярослава-Германа Кузьмичёвой-Кротова-Власова с сокращениями (но повторяющая те же выдумки)... была напечатана уже в столичном выпуске той же самой газеты¹⁵. В довершение всего московские коллеги Зернова дали подпись к смонтированному ими фотоколлажу: «Сейчас Ольга Николаевна, а когда-то — Лёля», поместив на нём два портрета — Ольги Николаевны и... маленького Булата.

«А эта журналистка под псевдонимом Власов успела, наверное, уже во все газеты разослать якобы мои “воспоминания”. Их уже напечатали в местной газете “Синегорие”¹⁶», — написала нам Ольга Николаевна о новых своих огорчениях. Не переставая удивляться поступку своей столичной гостьи, она наивно размышляет: «Наверное, следовало потребовать у неё документ? Кругом сплошное мошенничество — кто где может, там и урывает».

И хотя нашему альманаху трудно тягаться в тираже с трёхмиллионным еженедельником «Аргументы и факты», когда-то передовым и «перестроечным», но давно пожелтевшим и ставшим продажно-рекламным, — мы вынуждены предостеречь наших читателей. Ибо недалёк тот день, когда в книге серии «Жизнь замечательных людей», посвящённой поэту, нам, возможно, придётся прочесть те же самые душещипательные «подробности» его первой любви, придуманные предприимчивой и нечистоплотной Мариной Кузьмичёвой.

Подготовил Кирилл АНДРЕЕВ

¹⁵ См.: Власов Г. Владелицы великих душ // Аргументы и факты. 2005. Авг. (№ 35). С. 47.

¹⁶ См.: Чева М. Её дразнили «Булат» // Синегорие. Челябинск, 2005. 2 сент. (№ 31). С. 8

Марат ГИЗАТУЛИН

«ДВА СТАРЫХ СОЛДАТИКА»
Булат Окуджава и Николай Панченко

Около года назад я договорился с Николаем Панченко о том, что он напишет для нашего альманаха воспоминания о своих встречах с Булатом. К сожалению, выполнить своё обещание он не успел — 15 августа 2005-го его не стало.

С Николаем Васильевичем мне посчастливилось встречаться не однажды. Он много рассказывал о своей калужской молодости, о работе в газете «Молодой ленинец», о тогдашней дружбе с Булатом Окуджава*, об альманахе «Тарусские страницы». А в одну из последних наших встреч, совсем незадолго до смерти Николая Васильевича, я, как будто почувствовав, что возможности больше не случится, записал на видео чтение им своих стихов. Я и рассказы его многие записывал. Но не все. Не всегда имеешь с собой диктофон, не всегда бывает удобно его включить...

Поэтому что-то из того, что он при мне вспоминал, буду вспоминать теперь я.

В жизни Николая Васильевича так получилось, что он, будучи очень увлекающимся и увлечённым человеком, всякий раз оказывался на переднем крае, в гуще событий. Так было на войне, так было и в мирные годы. И не потому, что он стремился попасть в эту самую гущу событий. Просто там, где появлялся Панченко, даже если до этого не только гущи, но и событий-то никаких не было, тут же начинались такая гуща, такие события! И, что характерно, кончалось всё это для Панченко плачевно: его «били»...

Он, наивный, всё ещё верил тогда в возможность построения социализма с человеческим лицом. Жизнь каждый раз доказывала ему обратное, но это его не останавливало, и он

* Автор статьи намеренно придерживается грузинской традиции, согласно которой подобные фамилии, в том числе и фамилия *Окуджава*, не склоняются. — *Ред.*

упорно продолжал делать то, что считал нужным, — и в жизни, и в стихах.

Я не буду здесь рассказывать обо всех заслугах Николая Панченко — для этого потребовалась бы отдельная книга. В этих же заметках мне хотелось сказать лишь несколько слов о той роли, которую Николай Васильевич сыграл в судьбе Булата Окуджава.

Познакомились они очень давно, ещё когда Булат преподавал в сельской школе в Шамордино. Тогда Окуджава безуспешно посылал свои стихи в редакцию главной калужской газеты «Знамя» (газеты «Молодой ленинец», сотрудником которой он станет через несколько лет, тогда ещё не существовало). А однажды сам приехал в Калугу и пришёл в редакцию со своими стихами. Его отправили в Калужское издательство, где работал Панченко, который тогда был председателем областного литературного объединения.

Николай Васильевич вспоминал:

Он принёс в областную газету стихотворение «Китайский солдат». Тогда был такой кинофильм, очень популярный. Стихотворение было, видимо, навеяно фильмом. Я почувствовал, что язык есть, интонация есть, слова держатся в воздухе, не падают¹.

В общем, «деревенский» автор понравился Николаю Панченко, но помочь ему тогда он не смог, ибо сам дорабатывал в издательстве последние денёчки — он уезжал на учёбу в Москву в высшую партийную школу. И Панченко отправил Булата к сотруднику «Знамени» Игорю Шедвиговскому, который вместо него теперь должен был возглавить литературное объединение Калуги.

Дальше рассказывает Шедвиговский:

Когда я увидел его в своём кабинете, густобрового, черноглазого, с густой шапкой чёрных волос, подумал: наверное, единственный грузин в Калуге.

— Меня зовут Булат, — отрекомендовался он. Фамилию я с ходу не запомнил. — Мне о вас говорил Николай Панченко.

— А мне Коля говорил о вас².

¹ Прямая речь Н. Панченко, выделенная петитом, взята из фонограмм бесед с ним, записанных мной в разное время (здесь и далее по тексту, если это не указано особо).

² Здесь и далее цит. по: *Шедвиговский И.* Меня зовут Булат // Тайна для всех. Калуга: Облиздат, 2002. С. 161–165.

*С создателями
«Тарусских страниц»
Николаем Панченко
и Владимиром Кобликовым*

Действительно, Николай уже успел позвонить Игорю и попросить, чтобы тот не выпускал молодого автора из виду, как-то поддержал его.

Поговорили немного, выяснили, что оба фронтовики, поэтому быстро преодолели все условности и перешли на «ты». Булат показал свои стихи. Стихи Шедвиговскому понравились. Правда, ему запомнилось не то стихотворение о китайском солдате, которое вспоминал Панченко, а другое:

Стихотворение было довольно длинным. Меня потрясли строки, смысл которых мучил и продолжает мучить меня, выжившего в двух войнах — германской и японской:

Лет в обрез.
И коротка немного
Жизни человеческой дорога.
И, недолгий путь свой подытожив,
Всё сполна на сердце положив,
Вдруг поймёшь,
Что ты без счёта должен
Тем, кто до сегодня не дожил.

Благодаря Игорю Шедвиговскому литературная судьба Булата в Калуге как будто бы должна была сложиться. Однако тому были серьёзные препятствия:

Булат рассказал о своём «сто первом километре» — без права ездить в Москву — и предупредил:

— Со мной у тебя будут проблемы.

Они были, эти проблемы. В редакции, как и повсюду, были свои «стукачи». Приходилось воевать, отстаивать, носить в обком «на визу»

«идеологам». Стихи его сами по себе не вызывали ни у кого сомнений, «сомнительной» была личность стихотворца.

Этот фрагмент из воспоминаний Игоря Шедвиговского объясняет, почему стихи тогда же не были опубликованы — первая публикация в газете «Знамя» состоялась лишь в январе 1953 года³. К тому времени молодой учитель шамординскую школу сменил сначала на высокининскую, а затем и на калужскую. Теперь, живя в Калуге, Окуджава мог чаще и легче общаться со своими коллегами по творчеству. Теперь, когда его стихи напечатаны в газете, пора бы ему покончить с работой школьного учителя и целиком переключиться на литературу. Но о том, чтобы сын врагов народа с л у ж и л в партийной печати, и заикаться было нечего!

Впрочем, и с публикациями было всё не так гладко, хотя начало, как будто, было положено. В городе к этому времени существовала ещё одна газета — «Молодой ленинец», первый номер которой появился совсем недавно, 1 мая 1952 года. И вот через четыре дня после публикации в «Знамени» в газете «Молодой ленинец» появилась маленькая заметка «Совещание начинающих поэтов»:

Состоялось совещание начинающих поэтов города Калуги. Информацию о творчестве начинающих поэтов сделал по поручению бюро литобъединения П. Шпилёв. Об изобразительных средствах в поэзии рассказал М. Просвирнов, о сатире в поэзии — Д. Сачков.

Совещание прослушало и обсудило стихи И. Журавлёва, В. Солдатенко, Е. Тихонова, М. Просвирнова, П. Шпилёва, А. Авдонины, Б. Окуджава, Д. Сачкова⁴.

А ещё через четыре дня состоялся и дебют Булата Окуджава в этой новой газете — 29 января 1953 года было опубликовано стихотворение «Франция». То есть, в течение чуть ли не одной недели его имя появилось в калужских газетах трижды.

Казалось бы, судьба поэта складывалась как нельзя лучше, да ещё и как стремительно! Но... следующая публикация Булата Окуджава появилась чуть ли не через полтора года.

Чем же объяснить такое странное вдруг охлаждение к молодому поэту? Осмелюсь предположить, что причиной тому было неприязненное отношение главного редактора газеты «Молодой ленинец» Ивана Синицына. В конце 1952 года Сини-

³ Окуджава Б. Моё поколение // Знамя. Калуга, 1953. 21 янв.

⁴ Молодой ленинец. Калуга, 1953. 25 янв.

цын надолго отлучился из газеты, и исполняющим обязанности редактора несколько месяцев был Александр Авдонин. Вот при нём-то в течение нескольких дней и появилось в газете дважды имя Булата Окуджавы. Но в начале апреля Синицын вернулся, и всё встало на свои места. В газете продолжались так называемые «Литературные среды», появлялись, пусть и нечасто, сообщения о заседаниях калужского литературного объединения, публиковались стихи разных авторов. Но имя Булата Окуджавы больше на страницах газет⁵ не появлялось. Впрочем, на заседания литературного объединения он и сам больше не ходил. Во всяком случае, так нам рассказывал Сергей Александрович Васильчиков в мае 2002 года. (Васильчиков был в ту пору заведующим отделом в «Молодом ленинце» и ушёл из газеты в апреле 1954 года, то есть как раз накануне возвращения в газету Булата Окуджавы — 1 мая 1954 года появилось его стихотворение «Весеннее», и не где-нибудь, а на первой полосе.)

Впрочем, я немного забежал вперёд. В середине 1953-го, после окончания ВПШ, из Москвы в Калугу возвращается Николай Панченко. Николаю Васильевичу сразу же назначают заместителем главного редактора этой молодой и молодёжной газеты. А через короткое время, в июне 1954-го, он становится её главным редактором.

Вот на этом фоне, когда Синицыну оставалось работать совсем недолго и бразды правления газетой фактически перешли к его заму, Николаю Панченко, и появилась упомянутая публикация Булата Окуджавы от 1 мая.

Возглавив газету, неугомонный Панченко решает коренным образом изменить её лицо, и ему это удаётся. Значительно чаще стали появляться литературные страницы, активнее стало работать литературное объединение. Это бы всё неплохо, но кроме этого, в газете стал отчётливо прослеживаться критический уклон, причём критиковались зачастую и высокие начальники. А это уже была скользкая дорожка, но Николай Панченко был борец, и не в его правилах было в пылу борьбы оглядываться по сторонам.

Уже 9-го мая 1954 в «Молодом ленинце» появился новый персонаж, тёзка известного в советское время сатирического

⁵ В «Знамени» его тоже перестали печатать.

журнала, — Крокодил. В заметке по этому поводу «Наш Крокодил» было написано:

...Крокодил-младший, по имени Тотоша, завершив полный курс крокодильских наук, направляется на постоянную работу в Калужскую область.

А уже через три дня «Крокодил» начинает показывать свои нешуточные зубы:

К сведению вышестоящих организаций

Безответственное отношение к письмам юнкоров, посылаемым редакцией «Молодой ленинец» для расследования и принятия мер, ПРИСТАЛО:

К Боровскому, Брятинскому, Хвостовичскому, Детчинскому, Калужскому Центральному райкомам комсомола.

Просьба помочь секретарям вышепоименованных райкомов освободиться от этого неблагоприятного качества.

Это несколько выходило за рамки обычных для критики в молодёжной газете тем. Наиболее популярными из них были плюющие шелухой от семечек на киносеансах или матерящиеся на танцплощадках хулиганы.

В общем, с первых дней работы новый главный редактор газеты стал упорно и старательно рыть себе могилу, в чём и преуспел довольно скоро. Но не буду опять забегать вперёд.

Для того, чтобы сделать д р у г у ю газету, Николаю Панченко в первую очередь нужно было набрать профессионалов. Он даже съездил в Москву, в «Московский комсомолец», и привёз оттуда пятерых журналистов. Кроме того, ему давно хотелось заполучить в газету и того молодого поэта, которого он видел-то, может, всего один раз, но не забыл о нём. Николай Васильевич рассказывает о том, как он вновь встретился с Булатом после своего возвращения из Москвы:

Оказалось, что он уже в Калуге. Пока я был замом, не решался, а как стал главным — нашёл его, позвонил и сказал: приходи, приноси что-нибудь новенькое. Он пришёл, мы поговорили, и я пригласил его в газету.

Если высказанные здесь соображения по поводу отношения Сеницына к Булату верны, тогда понятно, почему, будучи заместителем Сеницына, Панченко не решался пригласить в газету Булата Окуджава.

Да, теперь Панченко мог это сделать: времена изменились, Сталина уже год как не было, освободилась мать Булата, и не просто освободилась, а с полной реабилитацией. Однако

нужно было ещё договориться, чтобы Булата отпустили из школы. К тому времени, уже с конца 1953 года, Окуджава преподавал не в дневной, а в вечерней школе — чтобы больше времени оставалось на творчество, на общение с друзьями, которые работали в газете «Знамя», а теперь уже и в «Молодом ленинце».

Задача была трудная, но настойчивый Николай Панченко пошёл к заведующей школьным отделом обкома партии Нине Румянцевой, которая когда-то его самого учила ещё в школе. Он принёс ей какой-то рассказ молодого автора⁶.

Я Булата чуть не на коленях выпросил...

Я к ней пришел:

— Вот рассказ Булата Окуджава, почитайте. Очень прошу, разрешите работать в газете. Отец его расстрелян, ещё не реабилитирован, мать выпущена, участвует в комиссии по реабилитации. Я даю ему рекомендацию в партию. Очень прошу...

Румянцева попросила его подождать в коридоре, пока прочтёт рассказ. Читала ли она рассказ, пока он томился в коридоре или звонила куда-то, но через некоторое время позвала Панченко и сказала:

— Забирай своего Окуджава.

Так в январе 1955 года Булат стал сотрудником газеты «Молодой ленинец»⁷.

⁶ Я несколько раз переспросил Панченко: проза это была или всё же стихи? Но Николай Васильевич был непреклонен: именно рассказ. Это очень интересно. Оказывается, уже в то время, помимо стихов, Окуджава увлекался и прозой. Общеизвестно, что ещё он писал с самого раннего детства, но принято считать, что вернулся к ней после большого перерыва, уже в зрелом возрасте, причём не ранее 1960 года, когда написал повесть «Будь здоров, школяр». Видимо, и она была далеко не первым прозаическим опытом зрелого писателя. Похоже, что и повесть «Фронт приходит к нам» была написана раньше «Школяра», хотя и опубликована значительно позже, в 1967 году (об этом см.: Гизатулин М. «Гордых гимнов, видит бог, я не пел окопной каше...»: Из истории «Школяра» // Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 231). А если учесть, что «огромный роман о гражданской войне» Окуджава писал во время студенчества, то получается, что и перерыва-то никакого не было. И тогда формулировка «поэт приходит в прозу» к нему никак не применима. Он всегда был и прозаиком, и поэтом, просто та, ранняя, проза до нас пока не дошла.

⁷ Здесь необходимо указать на ошибку (далеко не единственную) в диссертации О. Розенблюм, отзыв Н. А. Богомолова на которую помещён в этом же выпуске альманаха. В тексте диссертации, в частности, необоснованно утверждается, что в газете «Молодой ленинец» Окуджава работал с 1953 года. К сожалению, на этой неверной дате основываются некоторые дальнейшие положения главы 5.3. — *Ред.*

Сотрудники «Молодого ленинца» Булат Окуджава, Николай Панченко, Александр Авдонин, Павел Шпилёв

Но ещё до этого Булат становится одним из ведущих поэтов Калуги. Его стремительный взлёт занял совсем немного времени, и новый главный редактор газеты очень тому способствовал.

В июле 1954-го в рамках подготовки ко второму съезду писателей СССР в Воронеже состоялась межобластная конференция писателей средней полосы РСФСР. От каждой области на совещание посылались по два литератора, прозаик и поэт. От Калужской области на совещание поехали Нина Усова и Булат Окуджава. Семинаром поэтов там руководили В. Журавлёв, М. Львов и С. Орлов. Произведения Булата на совещании были отмечены и рекомендованы к изданию отдельной книгой. По возвращении из Воронежа Окуджава написал статью в «Молодой ленинец» о впечатлениях от конференции⁸.

А знакомство с Панченко быстро переросло в настоящую дружбу. Даже какие-то статьи писали вдвоём⁹. Теперь не только на работе, — они и в выходные не разлучались. Смеялись, дурачились, — дело молодое. Однажды даже такое случилось. Гуляли они по лесу и надумали побороться. Боролись, боролись, и этот борец, «медведь» Панченко, пытаясь положить Булата на лопатки, увлёкся и сломал ему ключицу. Тут нелишним будет

⁸ См.: Конференция молодых литераторов // Молодой ленинец. 1954. 5 авг.

⁹ См.: Окуджава Б., Панченко Н. Против опошления поэзии // Молодой ленинец. 1956. 28 марта; Из письма в редакцию // Лит. газ. 1956. 12 апр. В ст.: [Б. п.]. Писатель в газете.

заметить, что Панченко был профессионалом, он имел первый разряд по борьбе. А Булат, хоть и был много тщедушнее соперника, сдаваться не хотел и предпочёл перелом ключицы поражению. Пострадавшего отвезли в больницу, и там он потерял сознание. Жена Галя тогда была в отъезде, а Булат нуждался в уходе, и целую неделю ему пришлось прожить в семье Николая.

...На посту главного редактора молодёжной газеты Панченко в полной мере смог проявить свою кипучую неутомимую натуру. Он расцвёл. Его начинания буквально всколыхнули жизнь провинциального города. При газете был организован молодёжный клуб «Факел», призванный объединить молодёжь и увлечь её разными хорошими делами. В то время Панченко был настоящим — идейным — коммунистом, прозрение к нему, как и к Булату Окуджава, приходило постепенно, с годами. Но уже тогда честные партийцы подспудно, подсознательно начинали чувствовать, что что-то не так. И хотя идеей нового клуба не могла быть какая-либо альтернатива изжившему себя комсомолу, однако невольно, естественным образом, клуб стал именно такой альтернативой.

И вот тогда собрались мы всей молодёжной редакцией (где мой родной Булат был ещё не из первых), и решили к нашей газете какое-нибудь дело прицепить. Чтобы и дело было, и не очень скучно.

В то время, лет сорок пять назад, в воздухе носилась идея клубов. За идею и ухватились мы, добавив к слову «клуб» — «по интересам». То есть — чтобы каждому интересно было¹⁰.

Обсудив идею в редакции, объявили через свою газету, что создаём клуб: «Если у вас есть какие-то интересы и вы их не можете реализовать, — приезжайте к нам, мы поможем. Хотите научиться играть в шахматы, футбол или хоккей — приходите, хотите стать народным артистом — приходите, хотите повысить разряд по основной специальности — приходите».

О клубе «Факел» Николай Васильевич вспоминал с удовольствием:

Одновременно мы обратились к людям, которые могут научить чему-либо, бесплатно, на общественных началах: зарплаты не будет, но способными учениками мы вас обеспечим. И люди пошли. Пришёл старый фотограф, который вёл кружок любителей фото, пришли преподаватели иностранных языков, даже пришла одна старая народная артистка.

¹⁰ Панченко Н. «Как погасили факел» // Панченко Н. Слово о великом стоянии: Стихотворения 1941–2003; Поэмы конца века; Проза. [М.: Б. и., 2004]. С. 324.

И молодёжь потянулась к ним. Вскоре в редакции отбоя не было от желающих принять какое-то участие во всё новых и новых начинаниях клуба:

Раньше я уходил из редакции последним, сам закрывал на ключ двери. А теперь я как-то шёл по Ленинской площади поздним вечером, город спал, а во всех окнах редакции горел свет,

— со смехом вспоминал Панченко.

Факеловцы уже не просто занимались в кружках, — они всё активнее вмешивались в жизнь города.

Тогда в городе было очень распространено мелкое хулиганство: резали диваны в кинотеатрах, ломали стулья, утаскивали из скверов скамейки... Милиция справиться с этим не могла. И решено было прийти ей на помощь. Создали мобильную группу быстрого реагирования — «лёгкую кавалерию», как они её называли. Вместо лошадей у них было около полутора десятков мотоциклов и два автомобиля: редакционный «Москвичок» и — машина¹¹ заместителя председателя облисполкома, чей сын и был командиром этой группы. По вечерам несколько десятков активистов-дружинников, вооружённых пятнадцатикопеечными монетами, расходились по разным частям города. В случаях обнаружения «нештатной ситуации» они немедленно звонили по ближайшему телефону-автомату в штаб и вызывали «лёгкую кавалерию». Результаты не заставили себя долго ждать. Через неделю главному редактору газеты позвонил начальник милиции:

— Слушай, может, нам подавать в отставку? Нам же нечего делать!

Пойманных хулиганов добровольные помощники милиции отводили в школьные мастерские и заставляли чинить то, что те сломали. Как-то поймали воришек, которые стащили скамейки из парка. Их заставили не просто вернуть украденное, а сначала пройти по главной улице с этими скамейками и с плакатами: «Мы — воры». А потом отвели провинившихся в мастерскую, чтобы они сами сделали скамейки для своих дворов и чтобы впредь у них не возникало желания воровать чужие.

¹¹ В своих воспоминаниях Панченко ошибочно называет этот автомобиль «Волгой» (Там же. С. 326). В то время (события происходят в 1955 году) этой машины ещё не было. В устном же рассказе Николай Васильевич называет марку автомобиля правильно: «Во главе “кавалерии” был “ЗИМ”».

И нарушители безропотно соглашались на такие наказания, лишь бы их не сдавали в милицию. Как ни странно, подобные меры оказались гораздо более действенными по сравнению с наказанием, которое их там ожидало бы и которого они так боялись.

Но карательными функциями далеко не исчерпывалась деятельность клуба, его участие в жизни города и области.

Решили построить бани в деревнях, там, где люди испокон только летом в речке купались. Повесили в штабе большую карту области, воткнули в центре, обозначающем областной центр Калугу, гвоздик со стрелкой и крутили его. Там, где стрелка останавливалась, выбирали ближайшую деревню и строили баню.

Потом решили библиотеки в деревнях открывать. Дали объявление, стали собирать у горожан ненужные им книги и развозить по деревням. Выбирали деревни тем же способом, только для бань гвоздик по часовой стрелке крутили, а для библиотек — против. И уже созданное торжественно отмечали на карте флажками. В работе клуба активное участие принимали все сотрудники газеты, в том числе, конечно, и Окуджава.

К сожалению, были в их работе и серьёзные перегибы. Даже через тридцать пять лет в одном из интервью Булат Шалвович вспоминал о них с горечью:

Как-то даже в рейд с милицией ходил: ворвались ночью в общежитие, выволакивали из постелей любовников. Жуткая история! А потом стало страшно. Стыдно стало...¹²

И ещё он вспоминал, как они своей дружиной ловили так называемых стилиг и ножницами разрезали их узкие брюки.

...Конечно, теперь Булат должен был стать членом партии, тем более, что в газете он заведовал отделом пропаганды. И конечно, Панченко, вступивший в её ряды ещё на фронте, дал ему рекомендацию.

(Впрочем, почему *должен*? Неужели ради карьеры журналиста можно поступиться принципами и забыть о растоптанных судьбах — родительских и своей? Да не поступался он ничем! Он по-настоящему был предан «делу коммунизма» и верил, что теперь, когда маму освободили и выяснилось, что она ни в чём

¹² Окуджава Б. Ивана Ивановича в самом деле звали Отаром Отаровичем: [Встреча в ред.] // Молодой ленинец. 1990. 8 дек. (№ 49). С. 3.

не виновата, восторжествует, наконец, справедливость, поправленная некоторыми нехорошими людьми, пробравшимися в окружение Ленина, который-то уж точно знал, что хорошо, а что плохо... Нужны были ещё годы, чтобы окончательно понять сущность и самого Ленина, и его идей.)

РЕКОМЕНДАЦИЯ

*Булату Шалвовичу Окуджава
для вступления в члены КПСС
от Панченко Н. В., члена КПСС с 1944 г.*

Я, Панченко Н. В., знаю Б. Ш. Окуджава по совместной работе в литературном объединении, а затем в газете «Молодой ленинец» с 1951 года.

Знаю его как человека политически преданного интересам партии и народа, как добросовестного и инициативного труженика. Тов. Окуджава всегда пользовался авторитетом в коллективе, в моральном отношении выдержан.

Считаю, что тов. Окуджава достоин быть членом Коммунистической партии и высокое доверие товарищей оправдает.

20.08.56

*Панченко Н. В.
член КПСС с 1944 г.¹³*

Понятно, что многие идеи клуба не могли осуществиться без помощи начальства. Панченко обивал разные пороги, просил чего-то, требовал и многого добивался — директора разных организаций помогали ему, хотя бы для того, чтобы не быть «пропечатанными» в газете. Но постепенно своей чрезмерной активностью клуб всё больше и больше раздражал высокое начальство.

В Калуге несколько лет строили, но никак не могли достроить кинотеатр «Спартак». Начинали, бросали — в общем-то, обычный советский долгострой. Заброшенная стройка всё больше приходила в упадок. Факеловцы выяснили, кто ответственный за это. Оказалось, начальник ремстройконторы и председатель горисполкома. Прислали к ним фотографа из газеты — дескать, для газеты нужны их портреты. Сфотографировали также развалины кинотеатра и опубликовали фельетон в виде сценария фильма...

Этого, конечно, Николаю Панченко и его друзьям простить не могли.

И такие скандалы были далеко не единичны.

В конце концов горком партии выдал такую формулировку для характеристики деятельности клуба: этот враждебный клуб увёл нашу славную молодёжь из-под контроля партии и комсо-

¹³ Печ. по ксерокопии из архива автора.

мола. И от Панченко быстро все «открестились». А вскоре его вызвали на бюро горкома и исключили из партии.

Я виноват.
Я снова — виноват.
Вина моя растёт, не убывает.

Но не таков был Панченко, чтобы сдаваться без боя. Он написал письмо в Москву, озаглавил его «Унтер-пришибеевы из Калуги», собрал своих мотоциклистов и отправил с ними письмо сразу в четыре инстанции: в ЦК комсомола, в ЦК партии, в «Комсомольскую правду» и в «Правду». И письма возымели действие.

Через два дня его вызвали в обком для утверждения решения горкома об исключении из партии.

Только мы уселись, секретарь обкома Постовалов требует, чтобы я встал. Я говорю, тогда вы тоже вставайте, и будем стоя разговаривать, если вам так удобнее. И тут телефонный звонок по особому аппарату, из Москвы.

Постовалов судорожно хватает трубку:

— Да, товарищ Московский... Да... да... да... Хороший парень! Хороший! Мы тут как раз с ним сидим, обсуждаем... Да... Всё хорошо!.. Инспектора пришлёт? Очень хорошо. С удовольствием примем.

Тут же, конечно, Панченко вернули с извинениями партбилет.

Действительно, через некоторое время из Москвы приехал инспектор ЦК по фамилии Анисимов и, как выразился Панченко, «накрутил хвоста» всем:

— Что же вы, как крысы, разбежались, ведь вместе делали хорошее дело?

Моментально для клуба выделили помещение в здании политехнического училища, подальше от неблагодёжной газеты, сотрудников, назначили директора с характерной фамилией Сачков, всем положили зарплату... и всё умерло. Никто ничего не делал, просто получали зарплату.

В общем, как обычно: хотели как лучше...

Так закончилась эта история с «Факелом». Панченко и его друзья вышли как будто бы даже победителями, но Анисимов, перед отъездом в Москву, напоследок по-дружески посоветовал Николаю Васильевичу покинуть Калугу...

— Уезжайте! Хотя в ту же «Комсомолку». Здесь от вас не отстанут... — Я хотел возразить ему. А он: — Тогда уже не успеете нам написать. Вы ещё не знаете, как это бывает...¹⁴

¹⁴ Панченко Н. Указ. соч. С. 328.

Времена после XX съезда партии изменились, и Николаю Васильевичу показались сильно преувеличенными опасности, о которых говорил инспектор из ЦК. Но тут как раз происходят так называемые венгерские события, и вот-вот начнётся откат к сталинизму и закручивание гаек. И Панченко послушался совета — в конце ноября 1956 года он ушёл из газеты¹⁵.

Однако через две недели после этого в Москве в «Комсомольской правде» появилась беспрецедентная критическая статья молодого корреспондента Бориса Панкина «Как погасили «Факел»»¹⁶. В статье рассказывалось о том, что в городе Калуге был замечательный молодёжный клуб и как расправилось с ним руководство комсомола.

И «Молодой ленинец» — деваться некуда — был вынужден тут же перепечатать эту статью вышестоящего органа¹⁷.

Статья заканчивалась словами: «Не любят и боятся нового перестраховщики. А без поисков нового, увлекательного невозможна комсомольская жизнь». Не зря рассылал Панченко мотоциклистов в разные инстанции — вот и «Комсомолка» среагировала.

Беспрецедентность статьи была в том, как и на кого были направлены её критические стрелы. Тогда не принято было, чтобы в комсомольской газете ругали работников руководящего аппарата, независимо от должности. Здесь же сокрушительной критике были подвергнуты не только все главные комсомольские функционеры города и области, что само по себе было грандиозным скандалом, но и сам секретарь Калужского горкома партии.

Борис Панкин (в будущем дипломат, последний министр иностранных дел СССР) вспоминал многие годы спустя обстоятельства появления той его статьи:

— Чьи это у тебя тут «старшие товарищи»? — не спросил — рывкнул он [Д. П. Горюнов, главный редактор «КП». — М. Г.]. Не уверен, впрочем, звал ли он уже меня на «ты», или стал так называть после всей этой эпопеи. Я-то «выкал» до конца его дней. В тот момент не это меня занимало, разумеется.

— Старшие товарищи? — переспросил я, уже почти не сомневаясь, что статью мою сейчас зарубят, если уже не зарубили. — Первый секретарь Калужского обкома партии Павлов.

¹⁵ Последний номер «Молодого ленинца», подписанный Н. Панченко, вышел 23 ноября 1956 года.

¹⁶ Комсом. правда. 1956. 9 дек.

¹⁷ См.: Молодой ленинец. 1956. 12 дек.

Горюнов издал уже хорошо знакомый мне звук:

— Так почему так и не написал?

Меньше всего я ожидал этого вопроса. И воспринял его как предлог, как удобный повод снять статью из номера. Ещё со времён ареста и казни знаменитого генсека комсомола Косарева молодежные газеты в тех далеко не частых случаях, когда они отваживались поднять голос на партийного деятеля, какого бы ранга он ни был, прибегали к эвфемизмам типа «старшие товарищи», «окрик сверху» или что-нибудь ещё в этом духе.

Можно было, Богу помолясь, с духом соберясь, раскритиковать даже министра, хоть он наверняка был аж членом ЦК КПСС, но не партийного секретаря какой-нибудь сельской первичной организации. То есть можно было, но лишь назвав его «старшим товарищем» или вообще без чина — по фамилии. Иначе будет противопоставление комсомола партии. Самый страшный грех на свете¹⁸.

Панкин подробно написал и о том, как в редакцию «Комсомольской правды» пришло письмо из Калуги (то самое, которое Панченко послал с мотоциклистами), как потом пришли в газету двое сотрудников «Молодого ленинца», один из которых, Валентин Жаров, был хорошо знаком Панкину ещё по университету, а вот второй, заведомо пропаганды «Молодого ленинца», выглядел необычно, и фамилия у него была необычная — Окуджава. «Высокий, чернявый, гибкий», он произвёл впечатление на Панкина своей отрешённостью, в разговоре участвовал мало, «ограничился парой реплик юмористического плана».

Жаров подробно изложил историю клуба, а Окуджава резюмировал:

— Вот и оказались мы с этим клубом в прямом и переносном смысле в противоестественном положении. Зачать зачали, а родить не дают¹⁹.

Кстати, Панкин вспоминает, что разговор тогда не ограничился только клубными делами. Оказывается, и вообще к газете имелись серьёзные претензии у руководителей города и области. Оказывается Окуджава (заведомо пропаганды!) написал статью в газете о формализме в сети политического просвещения комсомола, вызвавшую большое недовольство начальства. И их даже вызывали на ковёр в обком, и автора, и главного редактора Колю Панченко, и стажировавшегося на пост ответственного секретаря редакции Валентина Жарова. Впрочем, о крамольной статье Булата Окуджава чуть ниже. Сначала закончим с «Факелом».

¹⁸ Панкин Б. Как всё-таки не погасили «Факел» // Панкин Б. Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. М.: Воскресенье, 2002. С. 68–75.

¹⁹ Там же.

В зале областной библиотеки. Выс

14 октября. Воскресенье. В Калуге День поэзии. Обложки советских поэтов, вымпелы, украшенные литературными, стразами, афиши сообщают о большом вечере поэзии в библиотеке имени Беллинского.

В Калугу приехали московские поэты. Сергей Наровчатов, Владимир Львов, Наталья Астафьева, Нина Бялосинская.

Поэт С. Наровчатов подписывает свой автограф

В центральном магазине бо. «Сегодня» До час два витает поэзия читаются стихи крывается г. гавля. Бол. ходно издан «День поэзии» хая, поку стиков Эдуго. Николае других совет

После выступления моск. лужские поэты. дельская т. дония, где

успехом читали свои стихи. Семь часов вечера. В переполненном зале областной библиотеки имени Беллинского начинается вечер по

тесе жизни рад. подпер. дили, кто советская поэзия на крутом подъеме и что слово настоящего поэта дорого нашему читателю.

За прилавком книжного магазина

**ЛЬНОВОДЫ
И СЛОВО**

группами разгруппировались со

День поэзии
в Калуге,
14 октября
1956 г.

Так рассказывал Николай Васильевич об истории с клубом в своей автобиографической прозе, так рассказывал он и мне. Каково же было моё удивление, когда, листая подшивку «Молодого ленинца» в библиотеке, мы вдруг обнаружили, что первое упоминание о калужском «Факеле» появилось в газете лишь 12 октября 1956 года, то есть когда «активному участнику» «Факела» Булату Окуджава оставалось служить в газете всего двадцать дней, фактически же он уже жил в Москве. Мало того — самому Панченко оставалось работать там чуть более двух месяцев.

Так что же, всё это выдумал Николай Васильевич: и бани, и библиотеки, и «лёгкую кавалерию», и борьбу с начальством? А как же история с долгостроем кинотеатра «Спартак»? Неужели это тоже всё придумано? Не может быть!

Листаю полуистлевшие страницы газеты и вижу: было. Всё было так, как рассказывал Николай Васильевич. Вот только не в рамках клуба. Всеми этими делами занимались сами газетчики задолго до клуба «Факел», — да, собственно, с тех пор, как в газету пришёл новый главный редактор. С этого времени на её страницах стал появляться «Крокодил» — сатирический раздел, где зачастую бичевались не только какие-то низовые работники, но и так называемые «ответственные».

Вот 27 апреля 1956-го фельетон «Аплодисментов не надо» о многолетнем строительстве кинотеатра «Спартак». Здесь же фотоколлаж с портретами председателя Калужского горисполкома и управляющего трестом «Калужстрой», о которых рассказывал Панченко. Вот 11 мая хлёсткий материал о рейде «лёгкой кавалерии», и — на первой странице, на самом верху, выше газетной шапки. Через две недели отчёт ещё об одном рейде... В общем, всё было. Почему же хронологически не стыкуются все эти дела с «Факелом»?

Возможно, что эти «хулиганства» Николая Васильевича остались в его памяти как деяния некоего молодёжного клуба, ведь участие в них принимало много молодых добровольных помощников, взять хотя бы тех же «лёгких кавалеристов». И оформлять этот некий актив молодёжи при газете в какую-то отдельную организацию до поры до времени не было необходимости. Пока в связи с деятельностью этого актива до предела не накалилась обстановка вокруг газеты. И возможно, именно для того, чтобы вывести из-под удара газету, в последний момент был придуман «Факел», не зависящая от газеты, самостоятельная организация, со своим Уставом.

Вот теперь, после появления статьи в центральной печати, и пожалуй бы Николаю Васильевичу, что поторопился уйти из газеты, — ан нет, прав был инструктор из Москвы. Вскоре после статьи состоялся очередной Пленум ЦК ВЛКСМ, на котором «Комсомольская правда» была подвергнута сокрушительной критике за то, что покусилась на святая святых — партийное руководство, и всё встало «на свои места».

Теперь вернёмся, наконец, к «страшной» статье Булата Окуджавы. О ней вспоминает не только Панкин. Вот что примерно рассказывал о ней Николай Панченко.

Чего только стоило одно её название: «Нужна ли нам политучёба?» И после того, как автора вместе с главным редактором газеты «на ковре» в обкоме комсомола заставили напечатать что-то, опровергающее эту вредную статью, появилась новая публикация: «Нужна ли нам *такая* (курсив наш. — М. Г.) политучёба». Статья была подписана секретарём Лев-Толстовского райкома комсомола Трубицыной и призвана была стать полемическим ответом на предыдущую. Однако скандал получился ещё больший, чем от первой. Дело в том, что статья Трубицыной создавалась не без помощи того же Окуджавы, и из неё выходило, что ни т а к а я, ни с я к а я — никакая политучёба нам не нужна.

Открываем газету. Действительно, в конце 1956 года и в начале 1957-го на её страницах шла оживлённая дискуссия «Как улучшить политучёбу?». А начало ей положила статья с громким названием «Об этом молчать больше нельзя!»²⁰. И подзаголовок соответствующий: «Давайте поговорим откровенно: кому нужна такая политучёба?». (Правда, подписана статья была не Булатом Окуджава и не Руфиной Трубицыной, а С. Мальцевым, к слову сказать, членом Бюро горкома ВЛКСМ, пропагандистом кружка текущей политики.) В статье говорилось, что на занятиях по политпросвещению, куда насильно загоняются комсомольцы, молодёжи скучно, и пользы от таких кружков никакой нет. Это было чересчур — на дворе всё-таки не 1986-й, а 1956 год! Но автор идёт дальше. Одна из глав статьи озаглавлена «А нужна ли вообще политучёба?», и в ней ответ:

Мне, например, представляется, что можно было бы вместо занятий малых политических кружков организовать своеобразные объединённые вечера-диспу-

²⁰ Молодой ленинец. 1956. 19 окт.

ты молодёжи. Начинать такие вечера можно было бы танцами, кончать тоже танцами или небольшим концертом самодеятельности²¹.

Да, за такую «самодеятельность» должны были получить «по шапке» и автор статьи, и руководство газеты!

И ещё приписка под статьёй:

Редакция газеты «Молодой ленинец» выносит статью т. Мальцева на обсуждение и предлагает пропагандистам, слушателям политкружков, комсомольским работникам, всем читателям принять участие в обсуждении этой важной проблемы на страницах газеты.

Именно об этой статье рассказывал Панченко как о написанной Булатом. О ней же, как написанной самим Булатом, рассказывал мне и Константин Михайлович Афанасьев, в то время сотрудник другой калужской газеты «Знамя», который накоротке был с соседями и был в курсе их дел. То же рассказывали и некоторые другие очевидцы событий...

Конечно, Окуджава имел к этой публикации самое непосредственное отношение. Даже если он и не принимал участия в написании злополучной статьи, то как заведующий отделом пропаганды он нёс за неё полную ответственность.

Поэтому не приходится удивляться, что обоих — и Панченко, и Окуджава — тут же вызвали в обком и устроили страшный нагоняй. Собственно, именно это и стало той последней каплей, которая решила судьбу Панченко как главного редактора.

В следующем после судилища в обкоме номере вынуждены были опубликовать письмо С. Мальцева «От автора статьи “Об этом молчать нельзя”»:

Считаю нужным сделать следующее уточнение: когда мною в статье говорилось, что слушателям кружка было неинтересно, то я, конечно, имел в виду, что обо всём, что я им говорил на занятиях, они уже хорошо знали из газет.

Это уточнение необходимо, чтобы избежать в ходе дискуссии неверного истолкования моей статьи и бесполезного спора о том, интересны ли для нашей молодёжи международные события и внутренняя жизнь

²¹ Там же. Тут вспомнилось, что произнёс секретарь обкома Павлов корреспонденту «Комсомольской правды» Б. Панкину, когда тот приехал в Калугу разбираться с клубом: «В Уставе клуба, говорят, Окуджава привёз его из московских салонов [Какие уж такие “московские салоны” в 1956 году примерещились функционеру, остаётся только гадать. — М. Г.], упустили вопрос о руководстве комсомолом. В программе написали: диспуты по всем вопросам?! Вы же понимаете, надеюсь... Стали декларировать отмену политзанятий, заменили их танцульками...».

нашей Родины. Ясно, что наша молодёжь с огромным интересом следит за международными событиями и за внутренней жизнью нашей страны.

Одновременно приношу извинения читателям за недостаточно чёткое изложение этой мысли²².

Это «покаяние», наверняка целиком написанное самим заведующим отделом пропаганды, с двукратным повторением фразы о «международных событиях и внутренней жизни» нашей страны звучало несколько издевательски. Читателю было ясно, что молодёжь, о которой шла речь в основной статье Мальцева, газет вовсе не читает.

Тут же, рядом с этой заметкой, помещено якобы письмо читателя в «Комсомольскую правду» с подлыми и хамскими нападками на главного редактора Панченко. И, так как «письмо» было опубликовано в вышестоящем органе, Панченко был обязан перепечатать этот пасквиль на себя в своей же газете. Поводом для «письма» стало стихотворение Николая Васильевича «Про это», опубликованное 14 октября в «Молодом ленинце». Автор (или авторы) этого письма за подписью «М. Гдалин, инженер-экономист» вырвали из стихотворения фрагмент, из которого нельзя понять, о чём это стихотворение, и упражняется в остроумии:

Тщетно я пытался разобраться в мыслях и чувствах автора. Не полагаясь на свой вкус и своё понимание поэзии, я обратился за помощью к товарищам. Но и сообща мы не смогли выяснить, действительно ли стихотворение про это, или про то, а может быть, и не про то и не про сё...²³

Конечно, получилось смешно: за неделю с небольшим после публикации стихотворения «инженер-экономист» из Калуги прочитал его, возмутился, написал письмо из Калуги в Москву, там его напечатали, и после этого ещё и в Калуге успели перепечатать. Конечно, с этим «письмом» авторы и исполнители этой акции очень торопились, уж очень момент был хороший свалить редактора.

Теперь вернусь к упоминавшейся Руфине Трубицыной. Кто это, и откуда она взялась? Почему история с крамольной статьёй Булата ассоциируется в памяти Панченко с её именем? Снова откроем газету. Вот, 20 мая всё того же 1956 года начинается огромный, на несколько номеров материал «О некоторых наболевших вопросах комсомольской работы». Он представ-

²² Молодой ленинец. 1956. 24 окт.

²³ Там же.

лен как беседа корреспондента газеты Александра Авдонина с секретарём Лев-Толстовского райкома комсомола, той самой Р. Трубицыной. Материал, действительно, очень острый. Речь в статье идёт о формализме и бюрократизме в комсомоле. Но при чём здесь Окуджава? Да собственно, при том, что в момент появления статьи он продолжал заведовать в газете отделом пропаганды и нёс ответственность за её содержание тоже.

Впрочем, К. М. Афанасьев предполагает, что автором статьи мог быть сам Окуджава, а Авдонин, близкий друг Булата, подписал её, чтобы разделить эту ответственность на двоих. К тому же он был уже членом партии, а Булат только кандидатом в члены, и его подпись под такой статьёй могла серьёзно навредить ему. Но, думаю, что Панченко мог и перепутать, рассказывая об этой публикации и приписывая её Булату, ведь столько лет прошло...

Как бы там ни было, задерживаться Булату Шалвовичу в Калуге резона не было. Того, что он натворил, вполне хватило бы, чтобы его «скушали» без всякого клуба «Факел». И хотя он только-только получил первую в своей жизни собственную квартиру, точнее, комнату в коммунальной квартире в новом районе города под названием Малинники, пожить в ней ему не довелось.

Николай Панченко:

Он остро выступал в газете. Он не удержался бы там. Над всей газетой сгустились тучи, и я сказал ему: «Мотай отсюда».

И осенью 1956 года Булат «умотал» в Москву. Благо теперь ему уже можно было жить там, и было где жить — маму реабилитировали и дали ей двухкомнатную квартиру в новом доме на Краснопресненской набережной.

...И ещё одну очень интересную историю рассказал мне Николай Васильевич. Она находит своё подтверждение в автобиографической повести Булата Окуджавы «Приключения секретного баптиста», хотя в деталях есть отличия. Это о том, как наши славные органы пытались завербовать его в осведомители.

История эта случилась вскоре после того, как Окуджава стал сотрудником газеты. И хотя его предупреждали, чтобы он никому ничего не рассказывал, Булат сразу всё рассказал своему другу Коле Панченко. И тот придумал выход из создавшейся ситуации. В день, когда должна была состояться очередная встреча Булата с чекистом, Панченко велел ему на встречу

не ходить, на работу тоже не выходить, а купить бутылку водки и выпить, сколько сможет. Тот так и сделал. Когда в назначенный час на конспиративной квартире Булат не появился, в кабинете главного редактора раздался звонок, и приятный мужской голос поинтересовался, нельзя ли поговорить с сотрудником газеты Булатом Окуджава. Главный редактор со вздохом поведаль, что нет, мол, не получится.

— А что ж так? — спросили на том конце провода.

— Да не вышел он на работу! — отрубил Панченко.

— Может, с ним случилось что? Не заболел ли?

— Да что с ним может случиться? Напился, вот и не вышел!

— Как напился? — удивился собеседник. — Да он разве пьющий?

— Запойный! — плохо скрывая радость, закричал Николай Васильевич. — Теперь уж неделю на работу не выйдет. И когда мы только от него избавимся... — с горечью закончил он.

Приятный мужской голос торопливо попрощался.

Больше Булата Окуджава из органов не спрашивали.

Конечно, несмотря на многочисленные рассказы Булата Шалвовича о том, что после первого студенческого опыта песен он больше не писал целых десять лет и вернулся к ним только в Москве в 1956 году, я расспрашивал Николая Васильевича, не было ли песен тогда, в Калуге. И Николай Васильевич рассказал, что были, а одну даже вспомнил:

Песни он писал уже тогда. Когда я из Тбилиси ехал в Калугу через Туапсе, они с Галей там (в Туапсе — *М. Г.*) отдыхали. Там он написал песню «...Эх, если б вам служить на суше, да только б ленточки носить». Это была одна из первых песен, о которой он официально заявил. Но были и другие.

Кстати, о поездке Булата с семьёй в Туапсе хорошо помнит Ирина Васильевна Смольянинова-Живописцева:

Следующая встреча с Булатом состоялась через год в Туапсе, куда был назначен мой муж после Ленинградских спецклассов. Он снял маленький домик на склоне горы у старой одинокой польки, которая переселилась во времянку. Летом съехалось всё наше семейство, не было только мужа (его подводная лодка перебазировалась в Балаклаву). Приехали мама, брат и Галка с Игорушей, они гостили у мамы в Тбилиси, где мама жила, пока брат не закончил институт. Отец — из Свердловска, куда его назначили после Перушкова и где он жил один, ожидая квартиру. Булат приехал из Калуги²⁴.

²⁴ Здесь и далее цит.: *Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия... СПб.: Б. и., 1998. С. 28, 29.

Это было лето 1955-го. О том, как Булат однажды решил вместе с рыбаками уйти на несколько дней в море, вспоминает та же Живописцева:

Вернулся Булат дней через пять-семь, почерневший, похудевший, очень усталый. Стихов о море и об этом походе я не помню, но в одном из стихотворений он описал маленький греческий дворик, мощённый каменными плитами и укрытый от солнца виноградной лозой.

Туапсинский дворик —
Игрушечный такой.
Синее Чёрное море
Прямо под рукой.
Гребешками играя,
Волны о берег бьют.
И это зовётся раем,
И я

живу
в раю.

А Николай Панченко запомнил ещё и песню, которую он услышал тогда и там от Булата:

Над синей улицей портовой
всю ночь сияют маяки.
Откинув ленточки фартового,
всю ночь гуляют моряки.

Кричат над городом сирены,
и птицы крыльями шуршат,
и припортовые царевны
к ребятам временным спешат.

Всё здесь — и ленточки на головных уборах, и сирены над городом — указывает на то, что речь идёт о каком-то приморском городке, где есть какие-то военно-морские части. Да ведь он и в гости-то сюда приехал к военному моряку. Знакомство с военными моряками, а ещё и собственные впечатления от недельного пребывания в море с профессиональными рыбаками, навели такие «морские» мысли:

Ведь завтра, может быть, проститься
придут ребята, да не те...
Ах, море — синяя водица!
Ах, голубая канитель!

Там, в море, ему пришлось не очень сладко, может быть, даже в шторм попали («Вернулся... почерневший, похудевший, очень усталый...»). И вполне возможно, именно в море рождались и эти строки той же песни:

Его затихнуть не умолишь —
взметнутся шепками суда.
Земля надёжнее, чем море, —
так почему же вы туда?

Волна солёная задушит —
её попробуй упросить... —
Эх, если б вам служить на суше
да только б ленточки носить!

Однако не удивительно, что вспоминая свои первые песни «после большого перерыва», Булат Шалвович первой называет песню «На Тверском бульваре». В общем-то, в Москве, похоже, она действительно была первой. Да и тематика той, морской, в Москве была бы непонятной.

И в конце рассказа о поездке в Туапсе приведу ещё одно стихотворение, видимо, навеянное этой поездкой. Оно было опубликовано в «Молодом ленинце» через год, 8 августа 1956 года и начиналось так:

Я успел полюбить
до корней просолённый,
в гулкие горы берущий разгон,
этот, утопающий
в синем и зелёном,
городок на берегу морском.

Вспоминал Николай Панченко и другую песню Булата, ещё более раннюю, возможно, самую первую:

Он пел тогда часто «Однажды Тирли-Тирли...», и мы знали, что это его песня.

...Закончилась их совместная деятельность в Калуге, но не закончилась дружба. Затем ещё были знаменитые «Тарусские страницы», отцом-вдохновителем которых был всё тот же неуёмный, битый, но недобитый Николай Васильевич Панченко. Но это уже совсем другая история, о которой, впрочем, я уже вспоминал в предыдущем выпуске нашего альманаха²⁵.

Потом, когда уже оба стали жить в Москве, встречались, конечно, реже. «Москва — разлучница»... Но всегда эти редкие встречи были тёплыми.

Вспоминал Николай Васильевич незадолго до смерти и бывшую жену Булата, умершую молодой Галю, когда рассказывал,

²⁵ Гизатулин М. Указ. соч. С. 224–236; См. также: Панченко Н. Тарусские страницы // Панченко Н. Указ. сб. С. 338–365.

*Н. Панченко
руководит спуском
на воду судна,
которое он
построил своими
руками*

как Булат знакомил его со своей новой невестой Олей в начале шестидесятых годов:

Хотел я ему напомнить, что была у меня когда-то такая попытка, и он меня отговорил. Я увидел эту девочку и понял, не по себе она срубилась, не потянет она его. Пытался ему это сказать, но чувствовал, не слышит он меня. Не удалось.

А с Галочкой незадолго до её смерти мы встретились возле охраны авторских прав, обнялись, расцеловались, я спросил: как ты сейчас живёшь? «Да ничего, честно говоря, легче мне стало».

Одно время Панченко был очень увлечён строительством яхты. Младший брат Булата Виктор тоже заинтересовался этим делом и довольно долго помогал ему.

Когда Николай Васильевич узнал о смерти Виктора Шаловича, очень огорчился:

Я не знал, что Виктор умер. Хороший парень был. Мы с ним часто с Химкинского водохранилища заходили к Булату, когда он на «Речном вокзале» жил, выпивали по рюмочке, рассказывали ему о том, что мы сделали сегодня.

...Прошло много лет, и Советский Союз рухнул, а из-под обломков его за клубилась пыль, расплескалась коричневая грязь в разные стороны... И снова они, как старые мушкетёры, сорок лет спустя, были вместе, снова на переднем крае. Только теперь с фашизмом бороться им приходилось внутри своей страны. Булат Окуджава и Николай Панченко стали активными участниками писательской организации «Апрель». На одном из собраний «Апреля» в ЦДЛ ворвавшиеся молодчики общест-

ва «Память» устроили скандал, спровоцировали драку. Старые солдаты не остались в стороне — оказались в эпицентре скандала. В газетах даже писали, что некий юнец пытался вывернуть руку Булату Окуджава.

После очередного инцидента с национал-шовинистами весной 1992 года в газете «Известия» вышло «двойное» интервью с Окуджава и Панченко. На вопрос корреспондента: «Как избежать прямого конфликта с правыми, не идя на недопустимые компромиссы, не доводя общество до раскола?» — Николай Васильевич Панченко ответил:

Я умышленно иду на обострение с ними. Вот вчера их было много, яблоку негде упасть, и мы с Булатом — два старых солдата²⁶.

Два «старых солдата» снова приняли неравный бой.

Надо бы,
Да худо звать подмогу
На братоубийственной войне.
Предки-праведники,
Те, что ближе к Богу,
Помолитесь о моей стране.

(Николай Панченко)

И не их вина, что их уже нет, а соотечественники либеральным ценностям предпочли авторитаризм, от которого рукой подать и до фашизма.

²⁶ Окуджава Б., Панченко Н. Опасность таится в возбуждённом невежестве / Беседовал К. Кедров // Изв. М., 1992. 8 апр.

Андрей КРЫЛОВ

В ПОИСКАХ ОДНОЙ ДАТЫ

По материалам нижнетагильской прессы

Как ни странно, но нам не удалось найти ни одной фонограммы встреч Окуджавы со зрителями Нижнего Тагила не только в 60-е, когда с техникой было сложновато, но и в напичканном электроникой 1994-м. Нет их и у организаторов последней поездки. Кто-то вспоминает, что катушки из радиорубки с записью одного из вечеров увезла с собой Ольга Владимировна Арцимович, жена поэта. Так что, определяя дату первого послевоенного приезда Булата Шалвовича в этот город, мы вынуждены отталкиваться от воспоминаний Ольги Шаминой-Мелешенко, публикуемых в этом номере альманаха.

Как читатель уже мог заметить, она приводит фразу поэта, который упоминает срок *33 года*, в течение которого тот не посещал город, где когда-то жил. Кому как не Окуджаве знать, когда состоялся его предыдущий приезд! Значит, и мы вслед за ним можем сделать вывод о том, что то посещение датируется 1961 годом?

Правда, в одном из интервью, данном поэтом в той же поездке, звучит цифра *30*. Однако контекст сказанного («возвращаться в Нижний Тагил мне было тяжело не сейчас — 30 лет назад»¹) вполне допускает и её округлённость.

Но обратимся ещё к одним воспоминаниям — о том самом приезде Окуджавы в Тагил в начале 60-х. На начало наших поисков это был чуть ли не единственный и уж во всяком случае наиболее подробный рассказ о тех событиях. Его автор — журналист местной газеты Тамара Багаутдинова.

¹ Окуджава Б. «Мне крайне интересно жить» / [Беседовала] И. Татаринова // Тагил. рабочий. 1994. 6 авг.

*Окуджава
в Нижнем Тагиле.
Двойной портрет.
Фото И. Коверды*

В начале шестидесятых годов я заведовала отделом культуры в газете «Тагильский рабочий». Редакция тогда размещалась в типографском здании, а окна моего кабинета выходили на шумную Газетную улицу.

...Говорю по телефону, и мой собеседник никак не может закруглиться. В этот момент в кабинет вошёл молодой человек и как-то неловко, даже робко стоит у порога. Я ему делаю знак рукой — дескать, присаживайтесь, пожалуйста. Стоит...

Косясь на него одним глазом, замечаю немодное потёртое пальто, стоптанные башмаки и тонкие-тонкие бледные руки. Наконец-то кладу трубку, прошу извинения и спрашиваю, в чём дело. Станный посетитель молча протягивает мне членский билет Союза писателей СССР. Булат Окуджава... В его взгляде вопрос: знаю ли я такого?

— Знаю. И не только я. Вас, Булат Шалвович, читают и любят в Нижнем Тагиле. Мы очень рады вас видеть. Вы в нашем городе проездом или как?

Он остаётся замкнутым и молчаливым. В лице непонятная неуверенность. По-моему, у него есть какая-то просьба. Но о чём может просить поэт, пришедший в редакцию! Конечно же, о напечатании своих стихов.

— Видите ли, — выдавливает из себя столичный гость, — у меня совсем нет денег на обратную дорогу, я приезжал взглянуть на памятные места в Нижнем Тагиле (где он мальчиком жил с отцом и матерью, которые были репрессированы в годы жесточайшего террора), да вот поистратился, — он окончательно смущается и замолкает.

Мне страшно хочется вывернуть свой кошелёк наизнанку, отдать всё до копейки, но разве возьмёт — кто я ему? Нет, надо всё сделать иначе...

Бегу в редакторский кабинет. В те годы его занимал Александр Дмитриевич Ермаков (сейчас он живёт в Екатеринбурге), человек сердечный, далёкий от всякого административного занудства. Он тотчас разрешил все проблемы. Во-первых, печатаем стихи Булата Окуджавы. Зачем подборку? Целую полосу! Во-вторых, устраиваем платный вечер встречи поклонников поэта прямо сегодня, в здании редакции.

Правда, у нас обоих не было уверенности, что придёт много людей (откуда тагильчанам знать, что в редакцию внезапно появился известный

*Здание типографии
на Газетной улице,
где в 1964-м
располагалась
редакция «ТР».
Фото А. Крылова*

поэт), но уж журналисты-то будут все. «И ещё детдомовцы — сколько надо», — подумала я.

Но откуда только земля слухом полнится! В зале, довольно большим, располагавшемся на первом этаже здания, яблоку некуда было упасть. Из моего детдома пришли человек двадцать. Слава Богу, ребятам будет интересно.

На лице Булата Окуджавы сквозь хмурость и замкнутость проглянула какая-то очень осторожная, но добрая улыбка. Ему было приятно! Он пел и рассказывал весь вечер. Не захотел взять деньги за этот замечательный импровизированный концерт. Сказал, что на дорогу ему вполне хватит гонорарных денег — Ермаков, при всей нашей редакционной бедности, не поскупился.

Мне Окуджава того дня и вечера так ясно запомнился: чуть склонив худую шею, сидит на неудобном деревянном стуле, глядя в никуда...

Пока земля ещё вертится,
Пока ещё ярок свет...

Он пел про «Синий троллейбус», пел о своей тоске, о любви, о жизни и смерти. Слушая Булата Окуджаву, я поняла, что страдания, выпавшие на долю этого симпатичного человека, не сделали его злым, жестоким, чёрствым, что по своей сути этот поэт — проповедник добра, что его обязательно признают и в стране, и за её пределами, потому что мир должен знать настоящих поэтов.

<...> Интересно, помнил ли поэт ту поездку скверной холодной осенью в Нижний Тагил, где его мучило проклятие страдающей памяти и угнетающее безденежье? Помнил ли он мимолётное знакомство с провинциальной журналисткой, которой он на прощание шутиливо сказал:

— А я вначале подумал, когда вошёл в ваш кабинет, что вот сидит молодая бюрократка, которая очень любит говорить по телефону и не очень любит посетителей.

Улыбнулся, протягивая руку, такой широкой белозубой улыбкой, что мне ещё раз подумалось: прекрасный человек, добрый человек Булат Окуджава. <...>

Кстати, он много рассказывал о своих друзьях-поэтах Белле Ахмадулиной, Роберте Рождественском, Евгении Евтушенко. Он считал нужным подчеркнуть, что вот они-то талантливые поэты. Скромнен. Независтлив.

Очень много читал Пушкина — любимейшего своего идола в поэтическом мире. Между прочим, прозвучали пушкинские строки как будто неизвестные, ни у кого не бывшие на слуху. Я тогда подумала: надо заглянуть в собрание сочинений классика. Да так и забыла.

Сделала это только сейчас, когда услышала горестную весть о смерти Булата Окуджавы. Он читал стихи «К моей чернильнице»... Там есть такие строки:

Когда навек уснёт
Перо, моя отрада,
И ты, в углу пустом
Осиротев, остынешь...²

Сразу бросается в глаза начало этой истории. «В начале шестидесятых», как определяет время действия журналистка, Окуджава был уже довольно известным поэтом, много ездил по стране с выступлениями и заехать в Тагил без денег на обратный билет вряд ли смог бы. К тому же роль просителя, пришедшего в редакцию «с улицы», не очень вяжется с гордым обликом Булата Шалвовича. Ну да чего не бывает...

Если Т. Багаутдинова права и Окуджава действительно побывал в Тагиле осенью, то в 1961-м он ещё не мог предъявить членскую книжку Союза писателей — до его приёма туда³ оставались один или два месяца. Не думаем, что журналистка спутала пусть и холодную осень с уральским декабрём, когда Булат Шалвович эту книжку получил. Может быть, описанные события происходили осенью 1962 года?

И. Т. Коверда, педагог и краевед, известный в Нижнем Тагиле, уверенно относит этот приезд поэта к 1962 году, но только... не к осени, а к л е т у. Вот его краткие воспоминания, включённые им в «прощальную» статью 1997 года, в которых тоже говорится об импровизированном концерте Окуджавы в газете «Тагильский рабочий»:

...Летом 1962 года мои друзья Алексей Николаевич Кирпиков — художник редакции, и Юрий Андреевич Хренов — фотокор «ТР», «по се-

² Багаутдинова Т. «Когда навек уснёт перо, моя отрада»: Записи на полях блокнота // Горный край. Ниж. Тагил, 1997. 19 июня. (Впервые: Я говорила с ними, смотрела им в глаза: Булат Окуджава // Тагил. рабочий. Ниж. Тагил, 1993. 13 мая).

³ Это единогласное решение было принято на приёмной комиссии СП 27 ноября 1961 г.

крету» сообщили мне, что к ним в редакцию приехал Булат Окуджава — «тот самый». Песни его мы уже слышали в некачественных магнитофонных записях. Сами магнитофоны были тогда редкостью, тяжёлые и ненадёжные в работе.

— Только никому не говори об этом, — почему-то предупредили меня. — Пофотографируй потихоньку, ненавязчиво.

«Красный уголок» в здании типографии по улице Газетной. Сюда же переселилась и редакция «ТР». Зал небольшой. В первом ряду сидят Кирпиков, Хренов, красавица Ада Владимирцева (позднее она перешла в областное телевидение), Николай Сергеевич Боташев, Владимир Бе<ж>ков — спортивный репортёр. Стол для президиума отодвинут в угол «сцены», посередине — стул. Возле него стоит с гитарой не крупный худощавый человек лет 35–40 с высоким лысеющим лбом и вьющимися волосами. Чёрный костюм, модная тогда «ковбойка» — клетчатая рубашка. Меня предупредили, что встреча эта полулегальная.

После вступительных слов, сказанных, кажется, А. Д. Ермаковым — тогдашним редактором, Булат Окуджава спел «Полночный троллейбус», «Лёньку Королёва», «Ах, Арбат, мой Арбат». Между песнями откладывал на стол гитару — кстати, очень рядовую семиструнку, и отвечал на записки. Меня поразила — до сих пор осталось глубоким это ощущение — абсолютная искренность ответов. А может быть, вопросы были достаточно «аккуратны»?

Кто-то (кажется, В. И. Комшилов) прямо из зала обратился:

— Булат!

Тот взглянул на него внимательно и сказал:

— Здравствуй. А где твой брат?

Удивила его память — ведь 25 лет прошло с тех пор, как он уехал (вернее, его уехали) из Тагила...⁴

Заметим, что И. Коверда не поясняет, кто такой В. И. Комшилов, в редакции не работавший, но заговоривший с поэтом прямо из зала. Но это именно тот одноклассник (и так на самом деле пишется его фамилия), которого упомянул Булат Шалвович в своём письме к Шаминой-Мелешенко⁵. Отметим также, насколько совпадают подробности только что приведённого свидетельства с реалиями воспоминаний Багаутдиновой: местоположение зальчика, в котором выступал Окуджава (в здании типографии на Газетной), деятельное участие в описываемых событиях главного редактора газеты Ермакова... Расхождения в этих независимых друг от друга источниках — только в оценках размеров зала. Но согласитесь, понятия *большой* и *маленький* — довольно относительные: организаторы, переживающие за возможную малую заполненность, и зритель, пришедший

⁴ Коверда И. «Пока ещё ярок свет...» // Тагил. рабочий. Ниж. Тагил, 1997. 4 июля.

⁵ См. ст.: «Дорогая Лёля» в наст. выпуске.

на выступление, вполне по-разному могут оценивать вместимость одного и того же помещения. Даже то, что поэт сидел на стуле (Багаутдинова) и стоял возле стула (Коверда), могло быть в течение того же вечера.

Сомнений нет, речь в обоих случаях идёт об одном и том же выступлении.

И ещё один комментарий. Предупреждение «никому не говорить» о встрече с поэтом понятно, если вспомнить о кампании в прессе против автора «песенок» и пацифистской повести «Будь здоров, школяр», которая началась в конце 1961 года и практически не затухала до середины 60-х⁶. Утечка информации в сторону вездесущего партийного ока могла привести и к отмене внутривыпускного мероприятия. Ведь проходила не обычная для того времени встреча с авторским коллективом популярного органа⁷, а сольное выступление, на которое требовалось отдельное разрешение «инстанций».

По той же причине высока была вероятность того, что не только «целая полоса», но и одно-два стихотворения Окуджавы вполне могли не пройти сквозь цензуру. Багаутдинова о судьбе публикации после выплаты автору гонорара — не упоминает.

И действительно, сплошной просмотр всех номеров «Тагильского рабочего» за 1961 и 1962 годы ничего не дал. Следов каких бы то ни было стихотворений Окуджавы не обнаружилось. Для полноты картины добавим, что в уральской прессе в этой же связи недавно прозвучал и 1963-й⁸. Однако к тому времени, когда нам стала известна эта публикация, был закончен просмотр газеты и за этот год. И тоже безрезультатно.

Если верить воспоминаниям Т. Багаутдиновой, поэт посетил город именно *п р о е з д о м*. Мы обратились к недавней журнальной подборке воспоминаний о приездах Булата Шалвовича в Свердловск. И тут нас ожидал ещё один вариант искомой даты: «Он был на Урале четыре раза: в середине тридцатых

⁶ Подробно об этом см.: Вспомним их поимённо / Публ. и коммент. К. Андреева // *Голос надежды*. Вып. 2. М., 2005. С. 237–284.

⁷ Об участии Окуджавы в таких «творческих десантах» см., например, воспоминания Е. Храмова и И. Волгина (*Голос надежды*. Вып. 2. С. 10–29), а также В. Дагурова (в наст. выпуске).

⁸ *Кротов Я.* Окуджава принимался к моим волосам: Вспоминает шк. любовь знаменитого барда челябинка Ольга Мелешенко // *Южноурал. панорама*. Челябинск, 2005. 27 янв. (№ 11). О недобросовестности этой статьи см. в послесловии к материалу «Дорогая Лёля» в настоящем томе.

годов, в 1964, 1986 и 1994 годах», — пишет в начале своего материала Лев Зонов⁹.

Значит, не 1961, 1962 или 1963, а 1964-й? Там же, во вступительной части к главе о посещении Урала в 1964 году, Зонов среди прочего пишет: «Булат приезжает в Свердловск... по пути из Новосибирска в Нижний Тагил (! — А. К.), где он собирался писать киносценарий о своём отце».

Подтверждения приезда в Свердловск в 1964-м приводятся не только мемуарные (об этом вспоминают В. Дагуров, В. Ветлугин, П. Евладов и сам Л. Зонов), но и документальные: там же факсимильно воспроизведены дарственные надписи Окуджавы на фотографиях, сделанные тогда. Место, где они появились, также не вызывает сомнений:

Владиславу Ветлугину в память о совместных литературных сражениях в Свердловске. 13.4.64 г. Б. Окуджава,

— гласит первая. Это же подтверждает и другая:

Петру Евладову с благодарностью. Булат Окуджава. Свердловск 14/IV-64 г.

К тому же вот, что печатает свердловская молодёжная газета «На смену!» в качестве редакционного вреза к стихам поэта 9 апреля 1964 года:

В творчестве участника Отечественной войны, в прошлом работника комсомольской газеты, ленинградского поэта Булата Окуджавы видное место занимает тема воспоминаний, лирических раздумий о месте человека в жизни, о любви и долге. Пусть порою эти воспоминания окрашены в грустные тона. Но, думается, не это в целом определяет их смысл и значение. В лучших своих стихах поэт ищет путь к сердцу читателя через жизненноутверждающее восприятие действительности. И такие стихи находят отклик. Достаточно вспомнить «Песню о весёлом барабанщике»...

Сейчас поэт совершает поездку по Сибири и Уралу...¹⁰

Отметим, что всё это предисловие — упоминания и об участии поэта в войне, и о работе в калужском комсомольском

⁹ Здесь и далее цит.: Зонов Л. «Пока Земля ещё вертится...»: Булат Окуджава на Урале // Грани Урала. Екатеринбург, 2002. № 5 (май–июнь). С. 135–145.

¹⁰ Окуджава Б. «Закрывают старую пивную...»; Часовые любви: [Новые стихи] / От ред. // На смену! Свердловск, 1964. 9 апр. Попутно отметим: данная публикация не отражена в известной библиографии И. Ханукаевой 1994 г. Соответственно не учитывалась она и при датировке стихов В. Сажиним при подготовке кн. «Стихотворения» в «Новой библиотеке поэта» (СПб., 2001). Меж тем публикация текста песни «Часовые любви» в этой газете — первая.

оргane, и о своеобразном «паровозе», коим являлся пионерский вариант песни про барабанщика, прозвучавший в фильме, — безусловно является попыткой «оправдать» перед властью поддерживающими повсеместно критикуемого поэта, прокричать: «Он наш, советский!» И слова о жизнеутверждающем начале поэзии Окуджавы — тоже дань идеологии, попытка отвести возможные нападки, характерные для советской «партийной» критики. Даже сообщение о поездке по стране призвано показать местному начальству: выступает — значит не запрещён.

Сведения о выступлениях в Сибири — и в частности приезд в Свердловск именно из Новосибирска — тоже вполне достоверны. Помимо газетной публикации, об этом говорит московский поэт Владимир Дагуров, встречавший коллегу на свердловском вокзале. Кроме того, названный месяц апрель совпадает с датой новосибирских выступлений. По нашим достоверным сведениям, Окуджава 30 марта 1964-го подарил художнику Н. Грицюку, жившему в этом городе, автограф «Песенки о художнике Пиросмани», текст которой довольно известен:

Николаю Грицюку

Что происходит с нами,
когда мы смотрим сны?
Художник Пиросмани
выходит из стены...

К тому же в прошлом выпуске альманаха мы опубликовали фотографию, надписанную Окуджавой одному из коллег по новосибирской поездке:

Игорю Волгину, товарищу по оружию. С радостью Булат Окуджава.
Новосибирск, 1/IV-64 г.¹¹

Следовательно, поездке на Урал действительно предшествовала Сибирь. Так что всё, касающееся посещения Окуджавой Свердловска, поддается проверке либо задокументировано.

Но «вернёмся» в Нижний Тагил. Отметим только, что материал Л. Зонова содержит первое из обнаруженных нами в связи с этим городом упоминание именно 1964 года.

Есть и другие.

...Где-то году в 64-м, — писала научный сотрудник Музея истории Уралвагонзавода Н. Ф. Борщ, — неутомимые заводские комсомольцы

¹¹ Голос надежды. Вып. 2. С. 23.

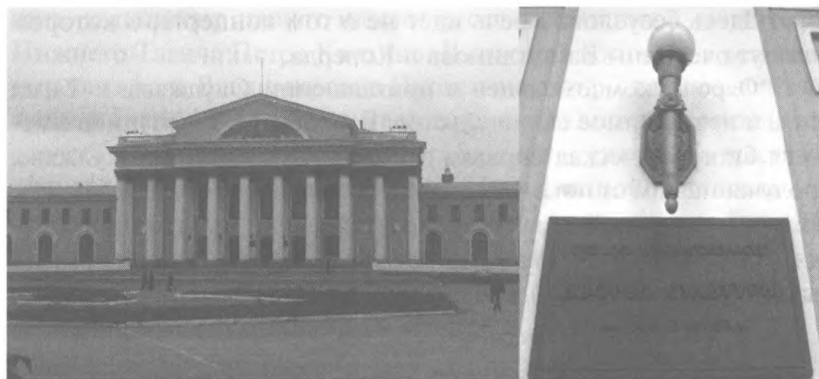

Фото А. Крылова

при поддержке ветеранов стали настойчиво приглашать Булата в Нижний Тагил, и хотя наши городские партийные власти были не в восторге от этой затеи, поэт приехал.

Ему отвели для выступления малый зал заводского Дворца культуры, но оказалось, что там не только сидеть, а стоять было негде, и гостя чуть ли не на руках перенесли в большой зал. Он вышел на сцену и, прежде чем петь, сказал:

— Я ехал сюда, очень волновался, но на Вагонке даже музея нет. А ведь здесь когда-то положили головы люди, те самые, которые построили этот завод! Может, когда-то это поймут, но будет уже поздно...¹²

А в статье, напечатанной год спустя, говоря о нападках на творчество поэта, нынешний директор того же музея Алла Пислегина пишет:

...Именно в этот сложный для Булата период в 1964 г. ветераны, комсомольская организация Уралвагонзавода пригласили его в Нижний Тагил. Поэт хотел увековечить имя отца в городе. Горком партии, руководство города отнеслись настороженно к опальному поэту-барду. Тогдашний секретарь горкома не принял Булата Шалвовича. Жил Окуджаву у Чевардиных¹³. Единственный его концерт в городе предполагалось провести в малом зале Дворца культуры вагоностроителей, но народу пришло так много, что в зал перестали пускать, а желающие попасть на концерт всё прибывали. Тогда Булата просто на руках перенесли в Большой зал¹⁴.

¹² Борщ Н. Ф. «Простить и то, чего прощать нельзя» // Урал. рабочий. Екатеринбург, 2002. 20 февр.

¹³ Михаил Васильевич Чевардин (1903—1975) был заместителем секретаря парткома (т. е. Шалвы Степановича Окуджавы) на стройке Уралвагонзавода.

¹⁴ Пислегина А. Булат, сын Шалвы Окуджавы // След на Земле: Сб. Екатеринбург: СВ-96, 2003. С. 214—215.

Здесь безусловно речь идёт не о том концерте, о котором пишут очевидцы Багаутдинова и Коверда.

О роли комсомольцев в приглашении Окуджавы в Тагил есть и независимое свидетельство. В архиве М. Гизатулина имеется биографическая справка о Шалве Степановиче Окуджаве, полученная им от покойного брата поэта — Виктора Шалвовича. В частности, в ней в качестве характеристики их отца приводится «выдержка из письма руководителей комсомольской организации Уралвагонзавода в редакцию “Комсомольской правды”»:

В 30-х годах секретарём парторганизации нашего завода, а затем секретарём Н.-Тагильск<ого> горкома партии работал т. Окуджав Ш. С.

Старые коммунисты, работа<вш>ие с ним, вспоминают о нём как о глубокопартийном человеке — энергичном, обаятельном, проницательном. Т. Окуджав погиб в 1937 г.

Недавно мы узнали, что поэт Булат Окуджав — его сын. Нам хочется, чтобы Булат Окуджав приехал в Н. Т<агил> и посмотрел, каким крупным культурным и промышленным центром стал город, который строил его отец. Просим передать наше приглашение тов. Окуджаве.

Справка с цитатой из письма комсомольцев подписана Ашхен Степановной Налбандян, вдовой Шалвы Окуджавы и матерью поэта. И написана она 8 января 1964 года!

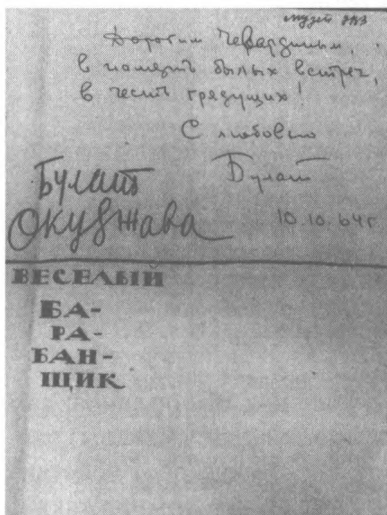
Может, и впрямь Окуджава побывал в начале 60-х на Урале дважды: проездом в 1962-м и — по приглашению комсомольцев — в 1964-м? В первый раз выступил полуподпольно в «красном уголке» редакции газеты, а во второй — дал большой концерт в большом зале ДК УВЗ?

Поверить в это очень трудно. Ведь сам Булат Шалвович вспоминал только одну поездку.

А что, если срок *33 года*, который запомнился Ольге Мелещенко, в устах поэта звучал как сказочная метафора: *тридцать лет и три года* (в смысле «очень долго»)? Может, ошибаются журналистка Тамара Багаутдинова и краевед Иван Коверда? Может, это была не «скверная холодная осень» 1962-го, а такая же холодная уральская весна — апрель 1964-го? Ведь многолетний работник свердловской «Вечёрки» П. Евладов, провожавший Окуджаву на поезд, не вспоминает, к у д а и м е н н о уезжал поэт из его города. Зато В. Дагуров заверил нас, что тоже присутствовал на вокзале и что Булат Шалвович уезжал из Свердловска именно в Москву.

Имеющиеся публикации завели нас в тупик? Иными доступными материалами мы не располагали. Пришлось подклю-

чить к поискам нашего постоянного помощника — жителя Нижнего Тагила Петра Качанко. В ответ на вопрос, на основании чего Алла Владимировна Пислегина датирует приезд Окуджавы в Тагил 1964 годом, в разговоре с ним директор музея сослалась на сборник «Весёлый барабанщик», уже давно выставленный в экспозиции музея, с такой дарственной надписью:

Дорогим Чевардиным в память
былых встреч, в честь грядущих!
С любовью, Булат. 10.10.64 г.

Именно по этой документальной надписи все годы определяли сроки приезда поэта работники музея. Следовательно, вот она, искомая дата? Октябрь (по Багаутдиновой, «холодная осень») 1964-го? И значит, оба выступления — в редакции «Тагильского рабочего» и в Доме культуры Уралвагонзавода — состоялись в одну и ту же поездку?

Всё равно наш «пасьянс» не сходился. Заметьте: по версии Зонова, Окуджава посетил Тагил в тот же апрель, что и Свердловск. Но ведь Владимир Дагуров называет в своих воспоминаниях *октябрь 1964 года*¹⁵. Так что если опираться на дарственную Чевардиным и мемуары Дагурова — в октябре, то есть на полгода позднее.

Но кроме множащихся вопросов, в процессе поисков у нас появились и новые факты. В беседе с тем же П. Качанко Юрий

¹⁵ Публикация отрывка в «Гранях Урала» содержит вполне логичное редакционное исправление на *апрель*.

*На строительстве
Уралвагонзавода.
В центре
Шалва Окуджавы
и Михаил Чевардин
с сыном Юрой*

Чевардин (сын упомянутого выше Михаила Васильевича; сам Юрий Михайлович на три года моложе Булата Окуджавы) рассказал, что в начале 60-х, приезжая в их город, поэт действительно останавливался именно в их доме. Он вспомнил также, что поэт приезжал в Тагил... с беременной женой, которая родила сына примерно через полгода после этой поездки.

Но время рождения Антона (Булата Булатовича) — середина сентября 1964-го. Нехитрые арифметические действия помогли нам вычислить дату пребывания Окуджавы в Нижнем Тагиле по версии Ю. Чевардина — получается, она приходится на весну 1964-го. Но ведь мы опять во многом основываемся на мемуарном свидетельстве, а таковые, как читатель уже заметил, источник — если это касается датировки — мягко говоря, не вполне надёжный. К тому же до этого момента никто не вспоминал такой детали, как присутствие в городе жены поэта...

Впрочем, весна — это лишний довод в пользу «апрельской» датировки Л. Зонова. Да и беременность — деталь более чем объективная, напутать здесь что-либо трудно.

Так или иначе, нам оставалось проштудировать «Тагильский рабочий» за 1964 год. Может быть, следы поэтической подборки, описанной Багаутдиновой, отыщутся там?

...Нет. Незвестной библиографам публикации стихов Окуджавы мы снова не обнаружили. Зато открытие всё-таки ожидало нас.

Вот какую статью (также не попавшую ни в одну библиографию) опубликовала газета «Тагильский рабочий» 11 апреля 1964-го за подписью В. Свалова:

ПОЭТ БУЛАТ ОКУДЖАВА

Он 27 лет не был в нашем городе. В городе, с которым связаны и светлые мечты детства, и горькие воспоминания пережитой трагедии. Он с волнением бродил по знакомым и неузнаваемо изменившимся улицам города, нашёл школу, где учился, дом, где жил, ребят, с которыми дружил: сорокалетних ребят, в висках которых заметны блёстки седины. Он из нашего поколения, юность которого была опалена войной, он из тех, что в 17 лет ушли по Смоленской дороге в тяжёлую военную годину, выросли до поры в боях, гнали, били врага, сами были битыми, но, отлежавшись в госпиталях, снова били и добились незваных.

Отец Булата Окуджавы был одним из первых, кто закладывал Уралвагонзавод, радовался новым улицам на посёлке вагоностроителей. А в 1937 году секретарь горкома Окуджава был необоснованно арестован и расстрелян, жена его сослана на север, а сыновья отправлены в детские дома. Отвлечённое для некоторых понятие «культ личности» для этой семьи обернулось реальной трагедией, да и не только этой семьи.

Вернувшись с войны, Булат окончил Тбилисский государственный университет, учительствовал на селе. После XX съезда партии его отец был посмертно реабилитирован. В эти годы принят в члены партии коммунистов Булат Окуджава. Вскоре он стал известен и как поэт.

Стихи Булата Окуджавы не сразу встретили признание. Одни находили их несколько пессимистичными, другие относили его к числу камерных поэтов, неинтересных для широкой публики, третьих шокировало, что поэту вроде бы не пристало свои стихи напевать под гитару на свои же мотивы. Поэту ставили в укор, что в его стихах звучат есенинские нотки.

Но никто не мог сказать, что это слабые, не оставляющие никакого впечатления, отвлечённые строки.

Поэтическое лицо Булата Окуджавы действительно очень своеобразно. Он не копирует Есенина. Но не могла не оказать влияния на его творчество полная трагических событий судьба. В его стихах есть и скорбь, и грусть, но они не безысходны, пессимизма в его стихах нет.

Давно уже печатаются в «толстых» журналах произведения нашего земляка, выходят в ближайшее время два сборника его стихов. Но к нам он до сих пор не приезжал, хотя комсомольцы Уралвагонзавода его и приглашали.

— Трудно было решиться, — говорит поэт. — Слишком много связано тяжёлых воспоминаний с Тагилом. Но теперь эти тревоги позади. Возвращаясь из поездки по Сибири, я всё же заехал в город своего детства.

На встрече с журналистами города в редакции нашей газеты Булат Окуджава рассказал о своих впечатлениях, прочитал свои новые стихи, ответил на многочисленные вопросы. Он обещал вторично приехать в Нижний Тагил уже не проездом, а специально, пожить здесь некоторое время¹⁶.

¹⁶ Курсив в тексте данной статьи — наш.

*Фото Ю. Хренова
из газеты
«Тагильский
рабочий»
от 11 апреля 1964 г.*

Всё сошлось: и Т. Багаутдинова, и И. Коверда в 1964-м продолжали сотрудничать с той же газетой. Значит, память действительно подвела их обоих: описанное ими выступление, по всему, состоялось именно в апреле 1964 года. Окуджава мог отлучиться из Свердловска ещё до выступлений в этом городе — по всей вероятности, накануне публикации В. Свалова, а именно 9 или 10 апреля и оставаться там ещё 11-го и даже 12-го. И уже потом, вернувшись, 13 и 14-го он подписывал фотографии свердловчанам В. Ветлугину и П. Евладову. Подтверждением тому служит и ещё один факт: в процитированной выше статье Свалова помещён фотопортрет Окуджавы работы Ю. Хренова (вспомним, это он пригласил на встречу в редакции Коверду).

Ошибся и сам поэт, который в 1994-м — возможно, под влиянием чьих-то воспоминаний — датировал свой предыдущий приезд в Тагил 1961 годом.

В части датировки приезда оказались точными лишь свидетельства Л. Зонova и Ю. Чевардина. А сборник «Весёлый барабанщик» с надписью «дорогим Чевардиным», очевидно, Окуджава прислал по почте или с оказией. По всей вероятности, с книгой к Чевардиным пришло и известие о пополнении в семье Булата Шалвовича¹⁷.

Что же касается поэтической подборки, о которой пишет Т. Багаутдинова, то вполне вероятно, что её и вовсе не планировалось. Помните, хоть и риторический, но отчасти обра-

¹⁷ Забегая вперёд скажем, что такого письма в семейном архиве Чевардиных не сохранилось.

щённый к самой себе вопрос мемуаристики: «Но о чём может просить поэт, пришедший в редакцию!...» Нельзя исключать, что её память не сохранила истинного повода появления Окуджавы в редакции, и ей пришлось как-то восполнить в тексте это недостающее звено.

Сколько дней Окуджава пробыл в городе и где, кроме дома старого товарища его отца и редакции газеты, он побывал, предстояло ещё выяснять. Как и то, что за «памятные места в Нижнем Тагиле» он посетил, кроме «школы, где учился, дома, где жил». Не известны нам были и обстоятельства попытки поэта встретиться с партийным руководителем города, о чём упоминает Пислегина.

Но пока эти вопросы ещё долго оставались бы невыясненными, если бы, как писали в советских газетах, «письмо не позвало бы в дорогу». С Урала пришёл ответ на нашу просьбу выяснить имена-отчества и даты жизни одноклассников Окуджавы, упомянутых им в письмах к Ольге Мелешенко. Наш незаменимый представитель в Нижнем Тагиле сообщал, что оба эти человека находятся в добром здравии и живут там же.

И мы с Маратом Гизатулиным в прямом и переносном смысле полетели туда.

Собранное там мы частично печатаем в этом, а также непременно опубликуем в следующих выпусках нашего альманаха. А к вопросу установления датировки вернёмся в послесловии к разделу.

Анна ЛЫТКИНА

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРИЕЗД В 1962-М Из писем к Чевардиным¹ (1961–1965)

Анна Михайловна Лыткина (1908–1977) — гражданская жена журналиста и поэта Леонида Вилкомира, корреспондента газеты «Уралвагонстрой», затем «Красной звезды», который погиб на фронте в 1942 году. Она много лет проработала с ним в тех же газетах секретарём-машинисткой.

Уехав из Нижнего Тагила, Анна Михайловна практически всю свою жизнь переписывалась со своими друзьями — семьёй М. В. Чевардина, бывшего заместителем Шалвы Степановича Окуджавы по работе того в парткоме Уралвагонзавода. В конце 70-х переписка попала в создававшийся в те годы музей этого завода.

За любыми письмами современников встаёт История. Но эти, кроме всего прочего, насыщены подробностями из жизни Б. Ш. Окуджавы, причём подробностями разного уровня: из них мы узнаём, и где он выступал, куда ездил в командировки, и что о нём говорят сослуживцы, родные, и наконец, какие слухи о нём распространены в столице. В целом они повествуют о попытке пригласить поэта в Нижний Тагил ещё в 1962 году.

Письма А. М. Лыткиной любезно предоставлены нам для публикации Музеем истории ПО «Уралвагонзавод» (директор А. В. Пислегина). Они публикуются в отрывках, касающихся темы альманаха.

1.

25 ноября 1961 года.
г. Москва

Дорогие мои друзья!

<...> Но это письмо я затеяла совсем не для того, чтобы писать о себе. Хочу вам написать о Булате Окуджаве².

¹ Чевардины: Михаил Васильевич (1903–1975) — заместитель Ш. С. Окуджавы по работе в парткоме Уралвагонзавода, после ареста в 1937 г. — токарь, позднее — экономист одного из цехов завода; Любовь Васильевна (1903–1976) — его жена, бухгалтер; Юрий Михайлович (1927) — их сын; Елена Леонидовна (1928) — жена сына; Игорь Юрьевич (1946) и Евгений Юрьевич (1953) — внуки.

² Склонение фамилии Окуджавы здесь и далее не унифицировано и везде соответствует оригиналам.

А. М. Лыткина,
1942;
с дарственной
Ю. Чевардину

За последнее время я всё чаще и чаще стала слышать его имя: в библиотеке — говорят о нём, в столовой за соседними столами — говорят о нём, всюду слышу его имя. Тогда я поинтересовалась, где он работает. Мне сказали, что в «Литературной газете». А в этой газете у меня полно знакомых. И вот что я о нём узнала. Он сейчас самый модный поэт Москвы. Он пишет стихи, сочиняет к ним музыку и сам исполняет под гитару. Голосок у него, говорят, небольшой, но очень приятный. Молодёжь, студенчество сходят с ума. Его характеризуют так, что он в себе сочетает Вертинского — музыкальность, Блока — его стихи символичны и Есенина — произведения его упадочны. Он не пишет в стихах ни о трудовом энтузиазме, ни о целине, ни о семилетнем плане, короче говоря, ни о чём том, чем сейчас живёт наша страна. Его произведения сугубо лирические, построенные на собственных переживаниях, эмоциях и т. д. и т. п. Выступает он очень много — в институтах, в библиотеках (встреча поэтов с читателями), в клубах, домах культуры. Если в афише есть его фамилия среди других поэтов, то на этот вечер начинается паломничество. Вот какой случай мне рассказали недавно.

В одной из библиотек Москвы (на Октябрьском поле) должна была состояться встреча поэтов с читателями. Там должен был выступать и Окуджава. Всех желающих попасть на этот вечер, но не состоящих читателями этой библиотеки, не впустили. И на улице около здания библиотеки собралась огромная толпа молодёжи — парней и девушек с гитарами. Очевидец этого рассказа тоже была в этой толпе. Тогда ребята говорят: давай-

те раскачивать дверь. Все налегли и выломали дверь. Вся толпа бросилась в зал, повалили стеллаж с книгами, был вызван милиционер, и всех выгнали обратно на улицу. Но концерт уже там начался, а среди поэтов Булата не было. Толпа осталась стоять (Булат просто запаздывал). И вот появился Булат Окуджава в сопровождении двух милиционеров. Когда его увидели, то все начали скандировать: Булат Окуджава, Булат Окуджава! Есть гитары, есть гитары! Спой! Он шёл очень серьёзный, но увидев такую встречу — заулыбался. Милиция оттеснила толпу, и он прошёл в библиотеку. И до конца вечера милиция не отходила от здания. Ребята же на улице стали петь под гитару его песни.

Рассказывают ещё о таком случае. В одном из институтов наряду с другими поэтами должен был выступать и Булат. Когда он пришёл, то студенты не дали ему возможности пройти на сцену, где сидели все остальные поэты, а затащили его в одну из аудиторий и заставили его там читать стихи и петь, а на остальных поэтов наплевали (так и говорят).

Булат недавно выпустил книгу стихов³. Его песни записываются на магнитофонные плёнки и распеваются по Москве. Мне уже двое (со мной вместе работают, тоже поэты) читали его стихи и напевали его песни. Мне понравилось.

На днях мне из «Литературной газеты» позвонила знакомая и говорит, что у Булата неприятности: его снимают с работы — он там заведовал отделом поэзии. Недавно он пропустил стихотворение очень популярного ныне поэта Евтушенко «Бабий яр»⁴. Оно было раскритиковано во многих газетах и дело дошло даже до ГК⁵. Но всё-таки ходят слухи, что снятие с работы

³ Окуджава Б. Острова: Лирика. М.: Совет. писатель, 1959.

⁴ Стихотворение, впоследствии получившее огромный общественный резонанс и взбудоражившее официальную критику, было написано автором в августе. 19 сентября оно было опубликовано «Литгазетой».

⁵ Городской комитет КПСС. Легендарно ортодоксальная газета того времени выступила, в частности, с политическими обвинениями в адрес и самой «Литературки»: «Сейчас дружба народов крепка и монолитна, как никогда. Почему же сейчас редколлегия всесоюзной писательской газеты позволяет Евтушенко оскорблять торжество ленинской национальной политики такими сопоставлениями и «напоминаниями», которые иначе как провокационными расценить невозможно? <...> Источник той нестерпимой фальши, которой пропитан «Бабий Яр», — очевидное отступление от коммунистической идеологии на позиции идеологии буржуазного толка. Это неоспоримо» (Стариков Д. Об одном стихотворении // Лит. и жизнь. 1961. 27 сент.). Публикация в «ЛГ» действительно проходила по отделу поэзии, которым заведовал О.

Булата по этой причине только предлог. Все считают, что он, вернее его популярность и его произведения, имеют дурное влияние на молодёжь. Говорят также, что ему выступать в широкой аудитории не разрешат, что многие его выступления (ранее намеченные) снимаются. Сам он как будто говорит, что он уходит потому, чтобы работать дома, как это делает большинство поэтов.

Всё, что я написала вам, — это только вступление. Самое главное впереди.

Как я уже говорила, 8 ноября ко мне зашли Филипчуки. За столом мы разговорились о Булате. Саша⁶ говорит: а я его знаю, я был у него и оставил свои стихи. А я говорю, что я его мальчишкой тоже знала, а отца знала хорошо. Ну, и всё, что я знала — рассказала ему. Он начал уговаривать меня, чтобы я к нему пошла. Тем более, что я показала три фотографии, которые у меня сохранились, связанные с Окуджавой-отцом. Одна это та, что я посылаю вам (у меня был негатив, и я попросила отпечатать), вторая, где вы с Мишей, я с Лёней⁷, Семён Хайкин, Окуджава, кажется Романовы — на прогулке и третья — работники «Тагильского рабочего» во главе с Серго Шароевым (там сняты Орлов, Михайлов, Гудсон). Но самый убедительный довод он привёл, чтобы я при встрече упомянула о нём как о тагильчанине, который тоже жил там и тоже помнит его отца. Сам он этого при встрече с Булатом не сказал, говорит, что при той ситуации было неудобно. Но чего не сделаешь для друга? Я не долго раздумывала и согласилась.

Булат долго был в командировке, а затем болел, и я с ним встретиться не могла. Наконец, мне позвонили, что он в редакции и что я могу придти. Но, как водится, мне не повезло. Ян Островский⁸, который должен был меня представить Булату, был вызван на совещание в Союз писателей. Тогда решила меня представить моя приятельница — а это было уже менее авто-

⁶ Филипчук Александр Владимирович — журналист, в 1931 году работал в «Тагильском рабочем», затем — в «Московском комсомольце» и в АПН; автор статьи о Л. Вилкомире в московском «Дне поэзии 1960».

⁷ Вилкомир Леонид (Леон) Вульфович (1912–1942) — поэт, с 1938 года — корреспондент газ. «Красная звезда», погиб в воздушном бою; муж А. М. Лыткиной. Его стихи и биограф. справку о нём см.: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / Сост., подгот. текста, биограф. справки и примеч. В. Кардина и И. Усок. М.; Л., 1965. С. 97–109. (Б-ка поэта: Большая сер.).

⁸ Островский Ян Исаакович — журналист.

Партактив Уралвагонзавода, 1933 г. Две фотографии из одной серии, но с разной судьбой. Первая — кем-то сохранённая и многократно переснятая, из заводского музея: в центре — Ш. С. Окуджава, правее от него Чевардины, перед ним полулежит А. Лыткина. Вторая — из архива Чевардиных: в заднем ряду — они сами и Л. Вилкомир, обнимающий А. Лыткину; от фигуры парторга стройки осталось лишь плечо: репрессированных «врагов народа» в целях безопасности принято было заштриховывать, а ещё надёжнее — отрезать

ритетно! Но выхода не было. Когда мы открыли дверь в его кабинет, то из-за клубов табачного дыма мы всё же смогли рассмотреть, что там полно народу. Я не пошла, решила подождать в холле (кстати, очень красивом, с круглым столом и мягкими креслами), когда от него все выйдут. Моя же приятельница, подумав, что я смогу просидеть очень долго, не предупредив меня, позвонила от себя и сказала, что в холле сидит Анна Михайловна, её большая приятельница, тагильчанка, и хочет его видеть. Вдруг я вижу, что открылась дверь его кабинета и по направлению ко мне идёт худой-худой человек, в дешёвом клетчатом пиджаке и чёрных брюках. Не доходя до меня, он сказал: это вы будете Анна Михайловна? Пришлось признаться. Мы поздоровались. Он говорит: а знаете, мне ваше лицо знакомо (я думаю, что он это сказал просто из учтивости). Я растерялась и не знала, что говорить. Вот это самое я ему и сказала, что очень хотела его видеть, что за последнее время очень много слышу о нём, а сейчас даже не знаю, что сказать. Но разговор понемножку завязался. Я отдала ему фотографии и негатив, сказав, что я чело-

век одинокий, пожилой, что всё это со временем могут выбросить, как никому не нужное, а что, может быть, у них этих снимков не сохранилось и что им будет приятно их иметь. Он взял фотографии в руки и когда смотрел ту, что я вам посылаю, он сказал: это Люба Чевардина, это Миша, про отца ничего не сказал, спросил, кто остальные. Я сказала о Хайкине⁹, о том, что его отец любил этого человека, кратенько рассказала о нашем житье-бытье в первые дни стройки, о нашем знакомстве с его отцом. Он спросил, знакома ли я с его матерью. Я сказала, что нет, что я её внешне знаю, что однажды была на прогулке вместе со всеми, но чтобы считать себя знакомой — не могу. Он спросил: вы не знаете, помнит ли меня Юрка¹⁰? А я помню, как я его тащил на спине, когда он напорол ногу о гвоздь. Он знает, что вы, будучи в Москве, заходили к ним и никого не застали. Я сказала, что я была вместе с вами тогда. Долго мы разговаривать не могли, так как в пять часов начиналось партийное собрание. Ещё поболтали о том о сём. На прощанье он мне сказал: я хотел, чтобы вы зашли к нам в гости, мама будет очень рада. Спасибо, сказала я, но я пришла к вам не для того, чтобы завести с вами знакомство. Я просто хотела передать вам фотографии и посмотреть на вас. Он всё же настоял, чтобы я оставила свой телефон. Мы распрощались, так как все уже шли на собрание.

Что сказать о его внешности? Он среднего роста, очень худой, болезненный. Чёрные взлохмаченные волосы и усы, сам смуглый. Чтобы он был сильно похож на Окуджаву — сказать не могу, но в манере, в разговоре, в жестах, походке есть что-то отцовское. Кстати, напишите, как зовут Окуджаву, — Шалико Степанович¹¹? Я при разговоре избегала его называть — говорила: ваш папа. Мать я знаю, что зовут Ашхен Степановна¹², а как зовут отца?

В «Литературке» ходит слух, что он очень долго не жил с женой, затем снова сошёлся. Что своего сына он уже узнал большим мальчиком, почти школьного возраста. Говорят также, что

⁹ Хайкин Семён (1908–1941) — первый редактор газеты «Уралвагонстрой», позже — специальный корреспондент УралТАСС; перед войной учился в Литинституте, погиб на фронте.

¹⁰ Чевардин.

¹¹ По-видимому, Лыткиной запомнилось лишь его уменьшительное, домашнее имя — Шалико.

¹² Налбандян Ашхен Степановна (1903–1983) — начальник отдела кадров Уралвагонзавода, позднее — второй секретарь Нижнетагильского горкома КПСС.

он очень пьёт — бутылку коньяка в один присест¹³. Оказывается, он был на фронте и был там ранен. Скажите, сколько ему примерно лет. Мне кажется, что ему близко к сорока. Вы, наверное, знаете более точно.

Вот какие новости мне хотелось вам сказать. Вы в своё время были им очень близкими людьми, и мальчиком Булат жил с вами. Любу и Мишу он узнал сразу. Поэтому, я думаю, вам интересно было узнать всё о сыне Окуджавы. <...>

2.

12 марта 1962 г.
г. Москва

Дорогие тагильские друзья!

<...> Ещё раз хочу вернуться к Булату. Те стихи, что я послала с Симой, без исполнения Булата действительно не звучат, поэтому я постараюсь достать магнитофонную плёнку и послать её вам. И я уверена, что вам это доставит удовольствие. Извините за откровенность, я иногда даже всплакну.

Я думала, что на моём посещении Булата в «Литературной газете» всё кончится, но не тут-то было. Начну издаека.

В наш дом несколько лет назад переехала семья, состоящая из матери и дочери, которая вскоре сдружилась с моей соседкой по площадке Надеждой Николаевной. (Этой Надежде Николаевне я по гроб жизни обязана. Когда болела моя мама, они проявляли такую заботу обо мне, как никто. Сейчас они уехали за город, обменялись на более обширную комнату, о чём я очень жалею. Такие они были хорошие.) И вот эта самая Надежда Николаевна рассказала мне, что это очень интересные люди, что они отпрыски лермонтовской ветви, любят поэзию, литературу, хорошо во всём этом разбираются. Моё же <общение> с Тamarой Александровной и Аней ограничивалось шапочным знакомством.

И вот когда Надежда Николаевна уезжала от нас за город, она мне посоветовала держаться этой семьи и в свою очередь, видимо, просила об этом и Тамару Александровну. Сближение было не сразу, постепенно, но мы попривыкли. И сейчас я частенько забегаю к ним, а они ко мне.

¹³ На полях напротив этого абзаца допечатка: «Это, конечно, между нами».

Когда они узнали, что я была у Булата, они с ножом к горлу пристали ко мне, что я должна обязательно добиться, чтобы он пришёл ко мне и чтобы в небольшом тесном кругу прочитал свои стихи (его книжки стихов — он их выпустил две¹⁴ — нигде не найдёшь), пропел их. Короче говоря, устроить вроде небольшого землячества. Что все расходы они берут на себя, моё дело только добиться его согласия.

У нас в редакции тоже очень многие увлекаются Булатом, особенно комсомольцы. Я некоторым из них перепечатала его стихи. И вот однажды секретарь комсомольской организации, с которым очень дружу, несмотря на разницу в возрасте, приносит мне приглашенный билет в Министерство сельского хозяйства, где будет выступать Булат. Я, конечно, пошла. Там выступали два поэта, но первый не имел никакого успеха, все ждали Булата. Среди публики было много разговоров: одни говорили, что он татарин, судя по имени, другие говорили, что осетин, одни хвалили, другие ругали, но все ждали его выступления. Он, видимо, очень нервный, так как курит не переставая. Он вышел и сказал, что ввиду того, что он не умеет читать свои стихи так превосходно, как предыдущий поэт, то он их пропоёт — и ушёл за сцену. Бурные аплодисменты. Выходит с гитарой. (Его ведь ругают за гитару и в порицание зовут «человек с гитарой». В выступлении по радио сказали: есть поэт Булат Окуджава и есть «человек с гитарой».) Бурные аплодисменты. Он пропел несколько своих стихов. А в это время на сцену летели записка за запиской с заказами любимых стихов. Затем он сказал: я сделаю небольшой перерыв, чтобы ответить на записки. Вот мне пишут, что удастся ли меня выжить из «Литературной газеты»? — А почему меня должны выжить? Я ничего плохого не сделал. Я сам на днях ушёл из «Литературки» и очень этому рад, так как полтора года мечтал заняться самостоятельной работой. Вторая записка: нам очень нравится ваша проза. Я признателен и благодарю за этот комплимент. Третья записка: не обращайтесь внимания на критиков. — А почему мне не обращать на них внимание? Я не мальчик. То, что в критике есть правильное — я воспринимаю, то, что я считаю неверным — отвергаю и т. д. и т. п. Он снова пел и пел. Затем

¹⁴ Кроме упомянутого сборника «Острова», см.: *Окуджава Б. Лирика*. Калуга: Изд-во газ. «Знамя», 1956.

раскланялся и ушёл. Его дико вызывали. Он снова вышел и сказал: я не тенор, мне петь трудно. И я ушёл не потому, чтобы вызвать ваши аплодисменты, а потому, что я закончил цикл стихов, которые должен был сегодня исполнить. Я не профессионал, петь мне трудно. Но всё-таки исполнил ещё несколько вещей. Те вещи, за которые его ругали в печати, он не исполнял, как его ни просили. Он говорил: нет; я не могу.

Когда я узнала, что он ушёл из «Литературки», то я пришла в уныние: как же я его теперь раздобуду? Раньше у него было место и телефон, а где я его найду сейчас? Звонить Ашхен у меня не было никакого желания. Я ведь её не люблю. Я всё вспомнила: мне казалось, что с приездом Ашхен и Шалико Степанович изменился, он не стал таким простым, обаятельным. Я это относила на счёт Ашхен. Я не любила также всю её родню — и её сестру, и зятя, и Серго Шароева. Но все настаивали, чтобы я позвонила ей и пригласила её также. Я всё же позвонила в «Литературку», нет ли у него телефона за городом¹⁵. И вот моя приятельница, работающая там, пошла на разведку. И оказывается, в это время Булат зашёл в редакцию, и она лично у него спросила телефон для меня, сказав, что я его хочу видеть у себя.

И как она мне рассказывает, он охотно дал телефон и сказал, что придёт с удовольствием, но что до него за город дозвониться очень трудно, пусть она лучше позвонит маме и договорится о дне встречи.

В один прекрасный день я позвонила Ашхен. Никто не отвечает. Второй, третий раз — тоже никого нет. Тогда я решила позвонить по загородному телефону. На третий раз я добилась ответа. Мне ответил очень симпатичный женский голос. Она сказала <а>, что Булат ещё в Москве, не приезжал. На вопрос, кто это говорит, я даже не знала, что сказать, и просто сказала: Анна Михайловна. — Из Тагила? — Да. — А что ему передать? — Я замаялась, я не знала, в каких они отношениях (здесь ходят разные кривотолки — одни говорят, что он с женой не живёт, другие, что живёт), а потому уклончиво сказала, что я звонила Ашхен Степановне, и её нет, и потому позвонила сюда, попробую ещё раз позвонить ей. Распрошались и на этом кончили разговор.

¹⁵ После увольнения из «Литературной газеты» О. некоторое время продолжал жить на даче в посёлке Шереметьево.

На другой день я твёрдо решила не звонить Ашхен, а добиться самого Булата. Но сколько времени я ни потратила, а дозвониться до него не могла (накануне была приятная случайность), и потому пришлось всё-таки звонить Ашхен. Она была со мной любезна, сказала, что знает, что я ей звонила. Я тогда ей выложила, что очень бы хотела и её и Булата видеть у себя. — А что, у вас какое-то событие? — Нет, сказала я, — просто хочется встретиться, повидаться, поговорить в узком кругу моих друзей. (Я боялась, что если скажу — событие, то <им> ещё придётся нести какие-то подарки.) Она мне говорит, что она-де человек свободный и может ко мне придти, а вот Булат очень занят, что у него нет минуты свободной, что она его просила сегодня заехать хоть на полчаса, но он этого сделать не сможет. К тому же заболела Галина¹⁶, и ей придётся поехать к ним за город, так как сейчас Вити¹⁷ нет, он в командировке. Я с Булатом поговорю, позвоните в среду на той неделе и т. д. Поздравляю с наступающим женским днём. Ну, и остальное — ерунда.

Из этого разговора я поняла, что всеми приглашениями ведаёт, видимо, Ашхен. Моя приятельница ещё раз подтвердила, что он очень охотно изъявил желание быть у меня. А она, видимо, считает, что не такая я персона, чтобы отнимать у Булата время. На сей раз она даже не пригласила меня навестить её. И не спросила, почему я до сих пор к ней не зашла. А она ведь меня приглашала.

Выход из создавшегося положения нашла Галина¹⁸. Она говорит, что у них в Доме культуры (Галина всё ещё не бросает общественную работу) по плану в этом месяце должен быть проведён День поэзии, а потому она через Бюро пропаганды Союза писателей пригласит Булата и ещё пару поэтов на этот вечер, куда мы прибудем полным составом, ещё раз познакомимся и пригласим его непосредственно сами. Вот на этом пока мы и успокоились.

Скажу по совести, мне эта волынка надоела до чёртиков. И я бы пальцем не шевельнула, если бы меня не подталкивали каждый день. Мне ведь этого ничего не надо. Я его видела пару

¹⁶ Смольянинова Галина Васильевна (1926–1965) — учитель-словесник; первая жена О.

¹⁷ Окуджава Виктор Шалвович (1934–2003) — брат О.; инженер-радиоэлектронщик по профессии.

¹⁸ Подруга Лыткиной.

раз — ну и хватит. Я, конечно, на него смотрю другими глазами, чем окружающие. Я в нём вижу что-то от Шалико Степановича, мне становится и приятно, и грустно, и трогательно. Когда я вышла с его концерта и закурила, то у меня ослабли ноги, начали подкашиваться. Я смотрела и слушала с большим напряжением. Но ведь Булату-то на это наплевать, что ему мои-то переживания, у него их, наверное, у самого через край.

Галина меня жалеет, что мне дали такую непосильную нагрузку, и хочет меня выручить. <...>

Да, забыла. Достаньте книгу под названием «Тарусские страницы». В ней напечатана первая прозаическая работа Булата, забыла название, но вы там её найдете¹⁹. Её очень ругали в печати, а мне <она> понравилась. У него, конечно, своя манера письма, непохожая на других. Но, читая, я его ругала. В наше время так никто не пишет. Это он описывает себя во время войны. Книга написана так искренне, по-детски чисто, откровенно. Ни один писатель в наше время на это не отважится. Он не придерживался никаких канонов, и в этом её прелесть. Обязательно найдите и прочтите. Не помню точно, как она называется, вроде «До свидания, школяры!» или что-то в этом роде.

Целую вас всех крепко.

Ваша Аня

3.

12 июня 1962 г.

г. Москва

Дорогие мои друзья!

<...> Много я в последних письмах писала вам о Булате Окуджава, а сейчас о нём сказать нечего. Знаю только одно, что я с ним так и не встретилась. Не хотелось мне больше звонить Ашхен, а сам он сейчас нигде не работает, пишет дома, и добраться до него трудно. Вскоре после того, как я вам писала, были две разгромные статьи о Булате — в «Вечерней Москве» (целый подвал), в «Советской России» и даже в нашей «Красной звезде» по поводу повести «Будь здоров, школяр!»²⁰. Сейчас он

¹⁹ Будь здоров, школяр: [Повесть] // Тарусские страницы: Лит.-худож. сб. / Сост. Н. Оттен. Калуга: Кн. изд-во, 1961. С. 50–75.

²⁰ Правильно: «Будь здоров, школяр». Имеются в виду статьи: Лисочкин И. О цене «шумного успеха» // Комсом. правда. 1961. 5 дек.; Брянский С. Испуганные школяры // Крас. звезда. 1962. 6 февр.; Адов И. Бремя славы // Веч. Москва. 1962. 20 апр.

с гитарой нигде не выступает. Буквально на днях он выступал в зале имени Чайковского на вечере эстонской литературы, где читал переводные стихи с эстонского. Встречали его хорошо. Этот вечер передавали по телевидению. Я работала и потому не видела, но мне рассказывали. Галина хотела пригласить его к себе в Дом культуры на вечер поэзии, но он отказался, сказав, что сейчас не выступает, пригласите других поэтов, хотя за месяц до этого обещал. У меня есть собственная плёнка, на которой записан Булат, я бы могла вам её послать, если бы у вас был магнитофон. Запись сделана на рижском магнитофоне. Если можно у кого-то достать, то я бы послала плёнку, чтобы вы прослушали её и вообще могли время от времени прослушивать. Поверьте мне, он бы вам понравился. Может, кто приедет из вас, тогда увезёт с собой. <...>

4.

6 августа 1962 г.

г. Москва

Дорогие мои друзья!

<...> На второй же день по получении письма я позвонила Ашхен. Эта лукавая женщина мне сразу же сказала: «Куды это вы делись? Я вас потеряла». Конечно, терять меня она не теряла, да и найти меня очень легко, когда у неё есть и мой адрес и мой телефон. Но дело не в этом. Она говорит, что письмо из Тагила с приглашением Булата²¹ действительно недавно пришло, так как ей звонила Галина (жена Булата) по этому поводу, так как Булат сейчас в Ленинграде и об этом письме ещё ничего не знает. Я просила её уговорить Булата поехать, а вместе с ним и поехать самой, что вы были бы рады с ней повидаться и т. д. Она говорит, что сейчас вряд ли кто помнит отца, т. е. Шалико. Я уверяла её в обратном, что и Окуджаву помнят многие и что Булату там будут очень рады, что она должна повлиять на Булата в его поездке в Тагил. Сама она сейчас болеет, по телефону <я> не поняла, что с ней. Говорит, что было три приступа, что завтра идёт на комиссию и по всей вероятности придётся ехать на специальное лечение. Просила передать вам

²¹ По-видимому, о таком письме сообщили Лыткиной Чевардины. О письме из Нижнего Тагила в «Комсомольскую правду» с приглашением, а также о контексте письма см. в воспоминаниях В. Грузмана «Человек живёт, пока живы люди», публикуемых ниже.

сердечный привет и наилучшие пожелания. Меня в гости больше к себе не приглашала!!!

В разговоре я узнала, что сыну Булата 9 лет, что его зовут Игорь²². Виктор же холост, семьи не имеет. Вот пока об Окуджавах всё. Как только приедет Булат, я ему сама позвоню, хотя дозвониться до него (за город) очень и очень трудно, в крайнем случае позвоню ещё Ашхен. И что будет принято Булатом — вам сообщу. <...>

[Дописка на полях л. 1:] С Игорем²³ пришлю вам плёнку со стихами Булата. Приготовьте магнитофон.

Я уверена, что Любе очень понравится.

Я иногда даже плачу!

5.

16 августа 1962 г.

г. Москва

Дорогие Миша, Люба, Юра, Лена, Женя!

<...> Сегодня опять звонила Ашхен. Первый раз был дома только Витя, который разговаривает не очень любезно, но всё же сказал, что Булат у них будет ночевать, чтобы я позвонила часов <в> 10 вечера. Второй раз я позвонила и застала Ашхен Степановну (к моему величайшему огорчению), а Булата ещё нет. Разговор был вполне любезный, в конце она опять приглашала меня зайти. Вот что она мне сказала.

Письмо от тагильских комсомольцев очень хорошее, тёплое²⁴. Булат приедет в Тагил, но когда — ещё сам не знает. В скором времени он должен поехать в Одессу, где ставится какая-то кинокартина, к которой он должен написать песни²⁵. Сколько там пробудет — трудно сказать, но после этого он отправится в Тагил, наверное, это будет в сентябре.

Я сказала, что он, конечно, заедет к вам, что вы ему будете очень рады. Она сказала — да, обязательно. Я ей дала ваш адрес.

²² Окуджава Игорь Булатович (1954–1997), в последние годы работал звукорежиссёром в московском театре «Сфера», книгопродавцом.

²³ Игорь Чевардин гостил в то время у Лыткиной в Москве.

²⁴ О его содержании см. в этом же разделе альманаха — в статье А. Крылова и в воспоминаниях автора письма В. Грузмана.

²⁵ Возможно, речь идёт о кф. «Шурка выбирает море», вышедшем на экраны в 1963 г. (режиссёр — Я. Хромченко). В фильме звучит песня на музыку Д. Михайлова «Нас море ждёт» («Рыбак, рыбак...»).

Сказала также, что я посылаю вам в подарок плёнку с песнями Булата²⁶. Она смеётся.

Спросила я её также относительно её мамы²⁷. Оказывается, она умерла в 1948 году, через год после освобождения Ашхен. Её сестра Саркисова (помните, они жили на Вагонке) живёт в Москве. Дочке её уже 25 лет²⁸.

Дальше был разговор о болезнях, об отдыхе и т. д. Под конец — приглашение в гости. Но я-то, конечно, не пойду. Что я там буду делать... Меня вполне устраивают телефонные разговоры. Жаль только, что я никак не нарвусь на Булата.

Теперь о магнитофонной плёнке. Люба, запись в ней не очень хорошая, так как она списывалась, может быть, десятым экземпляром. Затем её брали кто только мог, я её еле вырвала. В некоторых местах она склеена. Я Игорю сказала, как нужно её ремонтировать, так что в отдельных местах слова будут проглочены. Но это не так уж страшно. Вам же советую эту плёнку никому из дома не отдавать, так как записать её очень трудно... для этого надо одновременно два одинаковых магнитофона. Прослушайте несколько раз, и вы поймёте прелесть его песен. А слова в них чудесные! Если кто желает слушать, пусть принесёт магнитофон и слушают у вас.

И ещё что хочу сказать. Может, вам купить плёнку (пусть даже с чьей-то записью) на всякий случай. Когда будет у вас Булат, он напоёт, а вы запишете. Это уже будет хорошая запись, с точным его голосом. А я думаю, что для вас он напоёт, если к этому ещё будет соответствующая тёплая обстановка. Маленький секрет: Булат любит коньяк.

Нужно всё-таки, чтобы те ребята, которые были у вас, сразу вам сообщили о приезде Булата, так как его могут закрутить и ему трудно будет вырваться к вам.

Да, забыла, Булат играет на семиструнной гитаре. Он с собой гитару никогда не носит, нужно, чтобы она у вас была. Учитите всё это. А для записи нужен ещё и магнитофон, попросите у кого-нибудь, чтобы записать.

Если он к вам зайдёт, а я думаю, что он это сделает обязательно, скажите ему, что он со мной обошёлся нехорошо. Он

²⁶ *Дописка на полях л. 1: «Плёнку с записью песен Булата презентую лично Любе, она любит Булата и разберётся в его искусстве. Любовь может сделать всё!!!» (выделено автором).*

²⁷ Налбандян Мария Вартановна (ум. в 1948-м).

²⁸ По-видимому, речь идёт о Сиро Саркисовой и о её дочери Аиде.

прекрасно знал, что я его хотела видеть, ему об этом говорили, но он не сделал ни малейшей попытки к этому, а я ведь всё-таки уральская и к тому же очень любила его отца. А ведь таких-то уже осталось немного... А я ведь старуха сердитая — не хочет, не надо. Звоню сейчас только для вас, для себя бы этого делать не стала. <...>

6.

3 сентября 1962 г.

г. Москва

Дорогое семейство Чевардиных!

Пару дней назад получила письмо от Любы. Я его внимательно прочла и всё поняла, что требуется от Булата, — побыстрее приехать. К тому же я возмущена его поведением. Это такое свинство, что он не ответил тагильским товарищам, что слов нет выразить. Элементарный долг каждого человека ответить на письмо, а тем более людям, которые с такой сердечностью и теплотой приглашают его приехать. И делают это не столько для него самого, сколько в память отца.

Я снова звонила Ашхен Степановне. Дважды подходил к телефону Виктор и говорил, что мамы нет. Во второй раз я звонила так поздно, что в третий раз звонить не решилась. От Виктора же я узнала, что Булата в Москве нет, он в Одессе. Так что разговаривать сейчас бесполезно. В конце недели я позвоню ещё, а сейчас решила написать письмо на его домашний адрес. Когда придет, то сразу прочтёт. Постараюсь написать всё внушительно: и о том, как лучше ехать, и о том, чтобы остановился у вас, и о том, что его ждут пораньше, короче говоря — обо всём.

Я должна вам сказать, что если я не люблю Ашхен, то Виктор у них просто противный-препротивный. С ним не очень-то поговоришь. Более нелюбезного человека я не встречала. Отвечает односложно, очень сухо. В подробные разговоры не вступает.

Так вот, Люба, как только Булат будет в Москве, я нажму на все педали. Об этом вы не беспокойтесь. <...>

7.

13 сентября 1962 г.

г. Москва

Дорогие мои тагильчане!

Я знаю, что вы ждёте от меня письмо. Но, к сожалению, обрадовать вас пока ничем не могу. Я последнюю неделю жила

без телефона, так как редакция переехала в новый комбинат, который «Красная звезда» выстроила по последнему слову техники на Хорошёвском шоссе. А ведь из автомата много не поговоришь! Вот только сегодня установили телефоны, и я тут же позвонила Ашхен Степановне. Люба, я ей всё подробно-преподробно рассказала, что было в вашем письме, — и о маршруте поездки, и о том, что вы его встретите, и о том, чтобы он остановился у вас. Я рассказала также о ребятах из райкома комсомола, которые его так ждут и которые в конце сентября должны уехать. Спросила также, почему Булат им ничего не ответил. Ашхен Степановна говорит, что письмо было послано в «Комсомольскую правду», а не ему лично (что, видимо, его в какой-то степени обидело), что он не мог точно указать время приезда, так как должен был поехать на киносъёмку в Одессу. Булат и сейчас находится ещё в Одессе, будет в Москве, как говорит Ашхен, дней через 5-6. Я очень просила её, чтобы Булат не тянул с поездкой. Она говорит, что он поедет обязательно. Правда, ему нужно устроить какие-то дела финансового порядка, что он сейчас в затруднительном положении, но она рассчитывает, что всё будет хорошо. Я передала ей ваше приглашение, на что она сказала: посмотрю, может и поеду, сейчас решить трудно.

И ещё вот что сказала Ашхен: что Булату буквально через день звонят из Мосфильма²⁹. Что там снимается новая картина и, видимо, хотят его пригласить для написания стихов и песен.

Вот, примерно, мой с ней разговор. Но я через неделю (думаю, что к этому времени Булат всё же вернётся из Одессы) позвоню ещё, может быть поймаю самого Булата. Он ведь живёт за городом, там есть у него телефон, но его там никогда не застанешь. Я звонила несколько раз, но даже его жена не подходит к телефону. У Булата растёт сынишка — Игорь, ему 9 лет.

Вот что дорогие! Если это возможно, то пусть товарищи из райкома комсомола — инициаторы этого дела — пошлют телеграмму лично Булату по адресу: Москва, Краснопресненская набережная, дом 1/2, квартира 129 — Булату Окуджаве. Я думаю, что это возымеет своё действие и заставит его поторопиться с приездом.

Ашхен Степановна собирается написать вам письмо. <...>

²⁹ К тому времени О. участвовал в трёх фильмах этой киностудии. По-видимому, в этот раз сотрудничество с Мосфильмом не состоялось, поскольку следующий кф. «Июльский дождь» с песней О. вышел на экраны только в 1966 г.

8.

27 сентября 1962 г.

г. Москва

Дорогие мои земляки!

<...> Сейчас о главном — о Булате Окуджаве. Вернулся он из Одессы 23-го числа. Я несколько раз звонила ему домой и разговаривала только с его сыном — дома всякий раз никого не было. Пришлось всё-таки снова позвонить Ашхен. Она говорит, что Булат сейчас приехать не может, он долго отсутствовал в Москве, и потому у него накопилось очень много дел. Поездка же в Тагил ломает все его планы, а стоит ли это делать из-за желания двух человек (ему, видимо, хотелось, чтобы к нему с просьбой о приезде обратились все жители Нижнего Тагила!). Плюньте вы на него и перестаньте ждать. Я уверена, что если бы ему поездка была оплачена — он бы приехал, а то ведь нужно тратить свои деньги. А здесь он работает, получает авторские, если куда едет, то получает командировочные и опять-таки авторские. И вообще он дерьмо. Память об отце его, видимо, нисколько не трогает. Я же вам писала, что я его хотела видеть, он знал об этом и не откликнулся ни одним звуком. А ведь он мимо меня, по Каляевской улице³⁰ ездит каждый день! Я лично отбросила всякую мысль о встрече с ним. Не хочет — не надо! Правда, Ашхен сказала, что он этим товарищам напишет. Может, действительно напишет, не обманет. Популярность ему вскружила голову, и он всецело занят собой. Успокойтесь и не ждите его, он просто этого не стоит.

Люба! Если бы вы знали, что со мной сделали мои знакомые, которые записали Булата на плёнку! Они меня чуть не убили. Говорят, что мы по крупичам собирали все песни, а вы даже не предупредили и отправили, мы хотя бы снова его переписали, так как все песни сейчас собраны на одной ленте. А потому у меня к вам есть просьба: если в ваших условиях это можно, то купите плёнку и перепишите мне. Там у вас есть, наверное, товарищи, которые это умеют делать. Для этого нужно только два магнитофона и микрофон, а то меня живьём съели. Когда узнали, что я эту плёнку послала, то все ахнули (хотя она была записана специально для меня!), как же я, не предупредив никого, её

³⁰ В то время на Каляевской улице (близ редакции «Красной звезды») жила Лыткина.

*Окуджава в своём кабинете
заведующего отделом поэзии
«Литгазеты».
Собрание И. Каримова*

отправила, что они могли бы записать для себя. Они считали меня хранительницей этой ценности, <и думали,> что я с ней никогда не расстанусь, и потому были спокойны. Я ведь вам писала, что она всё время ходила по рукам, что я её с трудом доби-
лась обратно. Так вот, Люба, сделайте это, пожалуйста. Или за-
пишите для себя, мою плёнку возвратите (может, поедет Юра
или ещё кто), или вновь записанную — как вам будет удобнее.
Об этом тоже кончаю. <...>

9.

24 октября 1962 г.
г. Москва

Дорогие Миша и Люба!

Получила я письма и от Лены и от вас. Думала даже не отве-
чать, так как здесь будут Юра и Лена, с которыми, наверное, обо
всём переговорим. Но меня письмо ваше взволновало, и я реши-

ла в последний раз позвонить Ашхен. Звоню сегодня утром — никто не отвечает. Думаю, дай позвоню домой Булату (за город), может дозвонюсь. И, представьте, меня очень быстро соединили. Подошёл сам Булат. Я ему сказала, как его ждали в Тагиле и как были огорчены несостоявшимся его приездом. Пишу подробно, что он мне сказал.

Что в сентябре он приехать никак не мог, так как перед этим два месяца его не было в Москве, что он написал ребятам, что он может приехать *в декабре*. Но ответа он от них не получил. Он говорит, что его решение твёрдо и что *он может приехать хоть в первых числах декабря*³¹. Ни весной, ни летом он приехать не сможет. Я ему сказала, что к первому числу жду Юру и Лену³², и что если бы он не был таким гордецом, то мы бы хотели его видеть у себя. Он меня всячески уговаривал, что он совсем не гордец и что он с удовольствием повидает Юру и меня. Для этого я должна позвонить Ашхен, так как он в скором времени из-за города уезжает в Москву, говорит, что купил в кооперативе комнату. Так что связь мне нужно держать только с Ашхен, она будет о нём знать всё. Я также сказала, что я на него очень обижена, что если бы не Юра, я бы никогда уже не выразила желания его видеть. «Я старуха сердитая, — сказала я ему. — Вас ведь приглашать страшно, вы человек избалованный, а я живу скромно». Он говорит, что он совершенно не избалован, что у него всего одни штаны. Ну, тогда, — говорю я, — это подходит. У меня тоже ничего нет.

Так вот, мои дорогие, наверное, как приедут Юра и Лена, мы скромненько соберёмся у себя и пригласим Булату и — придётся — Ашхен, хотя я бы её совсем не желала. Она наверное меня скуёт своим величием. Как будут обстоять дела — ребята расскажут. <...>

Люба! Ведь один-то парень остался на Вагонке, он ведь только уезжал в отпуск. Может, вы с ним поговорите о Булате и придёте к какому-то решению. А если примете решение, то напишите ему — ехать ему или не ехать. На декабрь он согласен с удовольствием. Я ему намекнула, что материальная сторона была предусмотрена. Напишите мне по этому вопросу.

³¹ Выделено автором письма.

³² Чевардиных.

10.

3 декабря 1962 г.
г. Москва

Дорогие тагильские друзья!

<...> Относительно Булата. Я ведь писала Любе, что он в декабре приехать согласен, но, видимо, ему никто больше приглашения не посылал, да и Люба что-то по этому поводу ничего не пишет. Я им больше не звонила. Вот пока о нём всё. Он выступает сейчас много, его любят. <...>

11.

15 апреля 1963 г.
г. Москва

Дорогие мои Чеварины!

<...> О себе писать совершенно нечего. Живу как и прежде. Новостей никаких. С Окуджавами не имею никакой связи. Ни они мной, ни я ими не интересуемся. Даже со стороны о них ничего не слышу. <...>

Как теперь уже известно, Булат Окуджава в апреле 1964 года всё-таки побывал в Нижнем Тагиле и выступил перед горожанами. Об этом, видимо, Л. Чевардина сообщила Лыткиной. Косвенно об этом свидетельствует последний публикуемый нами отрывок из её письма 1965 года, да и сама плотность всей переписки говорит в пользу этой версии.

К великому сожалению, нам не удалось обнаружить следов архива Лыткиной, где могло содержаться это драгоценное для истории письмо Чевариных. Анна Михайловна умерла в одиночестве, наследников у неё не было. По тогдашнему закону её ведомственная квартира вернулась издательству «Красная звезда» и позже была заселена посторонними людьми. Вероятно, как всегда в таких случаях, домашние бумаги закончили своё существование на свалке...

12.

15 февраля 1965 г.

Дорогие мои друзья!

<...> Что нового у вас? Пишет ли Вам Булат³³? Я только знаю, что он сейчас в Одессе, где снимается картина по его сце-

³³ В апреле 1964 г. О. с будущей женой О. В. Арцимович посетил Нижний Тагил и останавливался у Чевариных. Об этом см. в других материалах этого раздела.

нарию, которая будет называться «Пусть всегда будет солнце»³⁴. Это я прочла в «Советском экране»³⁵. Ни с кем из них я сейчас дел не имею, хотя книжечку стихов Лёни³⁶ послала на имя Аш-хен Степановны для Булата. Ещё читала письмо в журнале «Юность». Это советские ребята, работающие на Кубе, написали Булату письмо с просьбой написать для них песню. В этом же журнале напечатаны его маленькое письмо и песня с нотами, посвящённые «кубинцам»³⁷. Вот, собственно, и все сведения о нём. <...>

Крепко обнимаю и целую Вас.

Ваша Анна

Подготовил и прокомментировал А. К.

³⁴ Рабочее название кф. «Верность» (реж. П. Тодоровский, выход на экраны — 1965 г.). «Режиссёр был и одним из авторов сценария. Второй автор именовался неким Андреевым. Эта фамилия сопровождала прохождение сценария через множество инстанций, продержалась на титульном листе весь съёмочный период, и только в титрах готового фильма появилось подлинное имя — Булат Окуджава» (*Львовский М.* Будет месяц май // Совет. культура. 1988. 8 дек. С. 5).

³⁵ См.: Пусть всегда будет солнце! / Без подп. // Совет. экран. 1964. № 22 (нояб.). С. 20; *Сиркес П.* [О съёмках] // Совет. экран. 1965. № 3 (февр.). С. обл. 2.

³⁶ Видимо, имеется в виду сб.: *Вилкомир Л.* Дороги. М., 1964.

³⁷ См.: *Окуджава Б.* Далёким москвичам («По Сокольниковкам октябрь пробирается поздний...») / Муз. Б. Окуджавы; Муз. обраб. В. Гнутова // Юность. 1965. № 1. С. 107: нот. (Землякам на Кубу).

Александр ЕРМАКОВ

РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ С ЗЕМЛЯКОМ

Булат Окуджава приехал в 1964 году уже в новую редакцию «Тагильского рабочего». И чтобы понять истоки щедрого приёма его, надо рассказать, что это была за новая редакция и чем она отличалась от старой.

Перемены начались ровно с половины прошлого века. Сотрудниками газеты были тогда в основном выпускники ЦПШ — церковно-приходских школ. Ездит такой сотрудник по городу и его окрестным посёлкам, а информацию привезёт — с гулькин нос. Тираж газеты был всего около десяти тысяч, и никакие парткомы, завкомы и партвзыскания не могли помочь поднять его.

Назначили нового редактора — бывшего горняка, фронтовика, редактора дивизионной газеты Серафима Павловича Мелентьева — отца Юрия Мелентьева, будущего министра культуры РСФСР. Позвал однажды мудрый отец Серафим меня, ставшего его заместителем, на беседу. Состоялся мужской разговор.

Редактор неторопко размышлял и вслух высказывал мысли свои:

— Вот раньше, когда в бардаке дела шли плохо, хозяин менял не простыни и даже не кровати, а девочек. Может, и нам поменять? У тебя там в университете — друзья. Пусть подберут нам самых способных выпускников. Хотя бы с десятком.

Действительно, на факультете журналистики и декан, и заведующий выпускающей кафедрой Валентин Андреевич Шандра — мои соученики, друзья. Да и заведующий сектором печати обкома партии Иван Галактионович Новожилов — бывший сотрудник «Тагильского рабочего». Проблем с отбором, понятно, не будет.

— Хорошо, — подумав, ответил я, — привезу. А как с квартирами?

*Апрель 1964 г.
Зрители.
В первом ряду —
художник
А. Н. Кирпиков
(1921–1971),
четвёртый —
Ю. А. Хренов
(1924–1974),
за ним — краевед
Н. С. Боташев.
Фото И. Коверды*

— Это моя забота, — твёрдо заверил Серафим Павлович.

Он сходил в горсовет, встретился с директорами заводов. Ни один не отказался помочь. А мне удалось «сосватать» тринадцать выпускников — чёртову дюжину. В их числе Арнольд Уряшев, получивший диплом с отличием, будущий редактор «Уральского рабочего», Владимир Туболев, ставший в Тагиле писателем, известный всему университету юморист Юрий Зырянов, бойкие девчонки Маргарита Литвинова и Тамара Багаутдинова, лауреаты журналистских премий, Андрей Тереб — будущий ответсек газеты, и другие.

«Чёртова дюжина» начала перекраивать газету. Тираж её пошёл вверх. Переехали в новое здание из старого домика с печным отоплением на улице Карла Маркса; установили телетайп и информацию стали получать не по радио, как раньше, что вело неизбежно к ошибкам, а вместе с областными и центральными газетами. Купили быстроходную ротацию и весь тираж прокручивали за пару часов. Это давало возможность засылать самые оперативные материалы почти до полуночи — городскую, союзную и международную информацию. Пока-то областные и центральные газеты привезут в город, а своя «Тагилочка», как её называли, тут как тут — в шесть утра уже в киоске. Идешь на работу — бери за три копейки и читай на здоровье.

Тираж взлетел: 20, 30, 40, 50 тысяч. Дошло до 80-ти. Вытеснили все другие газеты. Для сравнения: «Уральский рабочий» выписывали в городе всего три тысячи экземпляров — для парткомов, завкомов и библиотек. Соответственно вырос и бюджет

*Выступление
в редакции.
Фото Ю. Хренова
из первого ряда.
Архив автора*

газеты — на её счету в банке всегда было не менее 300 тысяч рублей. Можно хоть что купить, правда получив разрешение управления по печати облисполкома. Но об этом позже.

А пока — вот в такую популярную в городе газету и богатую редакцию в новом здании на улице Газетной и приехал Булат Шалвович. Зашёл вначале в отдел культуры и предъявил удостоверение члена Союза писателей.

Заведующая отделом Тамара Багаутдинова — одна из «чёртовой дюжины» — возбуждённая прибежала ко мне и выпалила:

— Окуджава приехал!

— Попроси его зайти сюда, — говорю ей.

В редакторский кабинет он зашёл тихо, даже робко. Познакомились, хотя заочно были давно знакомы. Ведь мы почти ровесники, учились в параллельных классах тагильских школ. Хоть и разных, но хороших учителей в городе все знали, да и ребят тоже. Поэтому сразу начались воспоминания о тридцатых годах. Тогда подростки часто играли «в Чапаева», ватагами ходили улица на улицу, посёлок на посёлок. Временами войны прекращались, заключались перемирия и даже составлялись мирные договоры.

Словом, шёл дружеский разговор. Булат рассказал, что решил побывать в знакомых местах, где проходили годы его детства, жила его семья. Я спросил, может ли он встретиться с коллективом. Он согласился. Я вызвал секретаря и сказал ей, чтобы сообщила всем сотрудникам, что на сегодня рабочий день окончен (был полдень), будет встреча с Окуджавой. Она раззвонила немедленно — и не только в редакции.

Дело в том, что тогда был создан при газете университет рабочей печати с тремя факультетами: рабкоров, стенной печати и литобъединение. Занятия шли регулярно, читать лекции и вести семинары мы приглашали учёных, писателей и т. д. Хорошо платили им. Были и деканы. Вот им и позвонили и сообщили о встрече с Булатом. Пока мы с ним беседовали, примчались многие. Конечно, принесли гитару.

В зале на третьем этаже сдвинули бильярдный стол, на котором сотрудники в перерывах делали разминку от сидячей работы, расставили стулья. Зал был полон. Земляк рассказывал откровенно, образно, интересно. Читал стихи и пел песни, которые не исполнял на концертах. В их числе запомнилась «Песня о дураках» — о правительстве.

— Пою её впервые, — признался Булат. — Только вы меня не подводите.

Все смеялись и обещали это сделать. И выполнили обещание: никаких неприятностей по этому поводу у него не было.

Был среди слушателей один человек, которого персонально я просил пригласить на встречу, — начальник механического цеха металлургического комбината и краевед по призванию Боташев Николай Сергеевич. Это ему принадлежит знаменитая «Пушкинская находка» — письма Карамзиных о последних днях А. С. Пушкина. Она вначале была напечатана (будто атомная бомба взорвалась!) в «Тагильском рабочем», потом в журнале «Новый мир», оттуда перепечатана в журнале русской эмиграции во Франции «Посев». Его сотрудник Струве в Париже, во время нашего круиза вокруг Европы, разыскал уральскую группу, встретился со мной и попросил рассказать об авторе находки Николае Боташеве.

Затем мы с Николаем Сергеевичем и двумя героями соцтруда ездили к Михаилу Александровичу Шолохову с рукописью книги «Новые были горы Высокой», которая потом была издана в Москве. А ещё позже подготовили и опубликовали серию очерков о последних днях царской династии на Урале — раньше, чем появились «23 ступеньки вниз». Тогда ещё были живы те, кто охранял царскую семью в Тобольске, кто вёз её в Екатеринбург и кто расстреливал, в том числе мой однофамилец и оппонент Пётр Захарович Ермаков. За эти очерки меня чуть не сняли с работы.

Булату Окуджаве было интересно познакомиться с Николаем Сергеевичем. Поэтому после встречи в редакции, когда мы решили поколесить по городу, взяли Боташева с собой. Ездили на нашем редакционном «вездеходе». История его тоже интересна. До него у нас была старая «эмка». А ещё раньше ездили на лошадке, санях и телеге. «Вездеход» — полувоенную «Победу» с обеими ведущими осями — «М-72» получили при содействии нашего депутата в Верховный Совет СССР Георгия Константиновича Жукова, через горком партии.

Никакие ухабы и грязь не были страшны «вездеходу». Новый город Булата не интересовал. Побывали на Вагонке, где его отец Шалва Степанович был парторгом ЦК ВКП(б) на заводе (а потом — будучи первым секретарём горкома партии — расстрелян). Мой отец тоже работал на Уралвагонзаводе и ушёл оттуда на войну в Уральском добровольческом танковом корпусе, — дошёл до Берлина. Нам было о чём поговорить. Заехали попутно на посёлки «Тагилстрой» и «Коксострой», на плотину демидовского завода. Побывали на Гальянке, где жили рабочие завода — потомки беглых и каторжан (Демидов всех брал и заставлял работать). Про гальянцев говорили, что ходят они босиком, но носят нож за голенищем, — смеялись с Булатом.

Конечно же, посмотрели дом, где жила семья Окуджавы.

Проголодались. И потому закончили поездку в ресторане «Северный Урал» — он в одном здании с гостиницей. С рестораном у нас отношения были особые. Ведь у редакции всегда было много гостей. Журналисты «Магнитогорского рабочего» и «Кузнецкого рабочего», с которыми мы очень дружили, выпускали совместные номера газет (на их материалах я потом защитил кандидатскую диссертацию об опыте металлургов), «Вечернего Свердловска», окружной военной газеты «Красный боец» (писали тогда на встречах стихи: «...И дружба без конца — “Тагильского рабочего” и “Красного бойца”...»). Приезжали писатели, редактора журналов, гости из Чехословакии, города-побратима Хэба и других городов. Всех надо было встречать, кормить, возить, провожать. Никакой зарплаты не хватит. А в редакции деньги были... но когда я подписывал финансовые документы на оплату услуг бухгалтерша, которая была в штате редакции, заставляла поставить вторую подпись, что означало: «Я не согласна, но он начальник», — снимала с себя ответственность.

Однажды я пригласил её к себе и спросил:

— Галина Иосифовна, вот когда меня посадят, вы придёте с сухарями на свидание?

Она смутилась, но ответила:

— То, что вы делаете, — незаконно.

— Может, мне отправить чехов обратно домой? Я — не финансист. Научите, как сделать законно.

— Хорошо. Только вы меня не выдавайте. Ресторан даёт нам часто рекламу. Мы не будем выставлять им счёт. А они пусть не выставляют счета за ваших гостей.

Встретились с директором ресторана. Он попросил: «Называй мне две цифры: сколько гостей и по какому разряду встречать — чайку попить или посидеть основательно. Остальное — моя забота».

Булата я велел встречать по высшему разряду. А после закрытия ресторана загрузили багажник коньяком и закусками.

Ещё заранее я попросил начальника городского радиокomiteта Лиду Старцеву зарядить плёнкой бобину и подготовить студию для радиозаписи. Радиокomiteт был неподалёку от ресторана на улице Карла Маркса, рядом со старым домом «Тагильского рабочего». Туда и переселились. Говорили, вспоминали, «всю ночь гуляли до утра...» Булат пел под гитару. Всё это записалось на плёнку. Но летом приехал практикант с журфака. С плёнкой было туго, и он стирал и использовал старую, в том числе и с записями того вечера. Осталось лишь кое-что в памяти.

Давал ли я Булату деньги? Если и давал, то не помню, сколько точно, а врать не хочу. Тут бывали разные варианты, порой курьёзные. Дело в том, что в редакцию приезжали литераторы, такие как критик Константин Боголюбов, Александр Исетский, Олег Коряков, Владимир Новосёлов и другие — читать лекции в университете, проводить занятия в литобъединении. И почти у всех с деньгами было туго, особенно у писателей. Выписывали им аванс «под рукопись». Или даже под обещание прислать рукопись. Они могли и не прислать, и тогда аванс списывали, так как рукопись устарела якобы по вине редакции.

А за стихи Булата и общение с ним можно любой аванс простить. Не помню, был ли он. Но все расходы по его пребыванию в Тагиле мы, конечно, погасили.

А затем судьба перебросила меня в Свердловск. Судьба эта была тогда — обком КПСС. Позвонили оттуда и сказали: «Сда-

С гостями. Слева — В. М. Свалов и А. Д. Ермаков, справа — Н. С. Боташев и один из членов литобъединения. Фото Ю. Хренова из архива автора

вай свои дела в “Тагильском рабочем” и принимай “Вечёрку”. Два дня сроку». «Вечерний Свердловск» тогда редактировал Женя Панфилов — родной брат кинорежиссёра Глеба Панфилова. Что-то у него не ладилось.

Приехал, много было тут проблем. Пришлось хорошо поработать тринадцать лет (опять «чёртова дюжина»!). Факультет журналистики тут рядом, к «девочкам» можно присмотреться — тем более что зачислили туда доцентом по совместительству. Хотел провести ту же, что в Тагиле, «операцию» по изгнанию из города других газет. Не дали. Запрещали подписку уже в августе, и весь сентябрь я посылал просителей, в основном — авторов и известных в городе людей в «Союзпечать», с записками и просьбой подписать «в порядке исключения».

И тираж увеличивать запретили. Поэтому у киосков к моменту привоза туда «Вечёрки» выстраивалась очередь, и не всем газета доставалась. Всё! Дела мои застопорились. Перешёл в штат факультета журналистики, тем более что и возраст подошёл. А после УРГУ уговорили меня возглавить пресс-центр Екатеринбургского Совета ветеранов, чем и занимаюсь ныне.

И ещё об одной встрече с Булатом. Мой друг, земляк и однопольчанин, с которым командовал на зенитной батарее соседними орудиями, Герман Мокроносов, в детстве был с Булатом

в одном пионерском лагере в Висимо-Уткинске, на реке Утке — притоке Чусовой. Случилось так, что во время купания Булат стал тонуть. Герман был постарше на два года, хорошо плавал и вытащил Булата на берег, сделал ему искусственное дыхание и выпустил из живота воду, которой тот наглотался. Приехавший на другой день отец мальчугана Шалва Степанович подарил Герману коробку конфет — за спасение сына. Об этом эпизоде они вспоминали с Булатом уже в Москве, о нём писали в газете «Уральский рабочий».

Сейчас Герман Викторович — почётный профессор Уральского политехнического университета. Сорок лет возглавлял кафедру философии. По праздникам, в частности в дни 60-летия Победы и другим, встречаемся с Германом Викторовичем и поём песни нашего земляка Булата Окуджавы. И вспоминаем счастливые часы общения с ним.

Вячеслав ГРУЗМАН

ЧЕЛОВЕК ЖИВЁТ, ПОКА ЖИВЫ ЛЮДИ

Я учился в аспирантуре, работал в литейном цехе и писал стихи. Как и многие тогда, был романтиком, разумеется, советским, революционным. Пожар революции освещал все мои помыслы и представлялся грандиозным праздничным фейерверком. А творцы этого праздника бескорыстными, твёрдыми, как скалы, героями. В то благословенное время я был холост, и у меня было много друзей, за что я благодарен судьбе и могу вполне достоверно уточнить древний совет «не имей сто рублей...» утверждением «...а имей сто друзей». Одна из моих друзей — журналистка, работала в заводской многотиражке. Обычно после ночной смены (спать после ночной, утверждаю по праву, практически невозможно) я приходил к ней, читал свои стихи и беседовал с пожилым секретарём газеты Ильёй Жемчуговым. Стихи собеседникам нравились, а редакциям московских изданий — нет. Оттуда приходили предельно вежливые отказы, где совершенно справедливо указывалось на слабость моих произведений, в частности на обилие реминисценций; да и назвать их полностью искренними было нельзя. Например, такие: «Я время прихода в цех люблю, как любят вино. // Мне жаль становится тех, кому оно не дано». Это — про огромный, неотопливаемый цех, куда к двенадцати часам ночи я долго добирался зимой на списанном в Ленинграде деревянном трамвае времён Октябрьской революции, тоскуя, что мне не придётся согреться и по приезде. Через год-два, так и не прославившись, стихи я писать перестал. А зря:

Стихи писать и неумело надо,
Хотя при этом славы не дожидаться.
Зато получите умение в награду
Поэзией высокой наслаждаться.

*На выступлении
в большом зале
ДК им. Окунева
Уралвагонзавода,
1964 г.
Архив автора*

Я понял это много лет спустя, когда меня попутал тот самый бес и стихи вернулись. Но теперь на стихи провинциального, но гордого профессора московские редакции не отвечали, несмотря на то, что, отрекомендовавшись, я просил объяснить несколькими словами, в чём их неумелость. Молчание московских редакций особенно толстых журналов при их сегодняшних тиражах можно расценить (да простит меня мой уважаемый редактор) как выражение психологического изуверства. И дело не в личной обиде, а в сопереживании. Любой стихослагатель, даже самых уродливых виршей, слагает их сам. Это часть его души, как ребёнок часть матери, его дети, которых он посылает на консультацию в столицу, а они там бесследно исчезают.

Итак, я ухаживал за девушкой и беседовал с пожилым секретарём. Он работал в редакции ещё до войны, когда, по моим предположениям, ещё ходили по стране настоящие коммунисты. (Среди моих современников настоящие мне не встречались). Однажды Илья рассказал об одном из них — парторге строительства Вагонзавода Окуджаве, который был личным другом Сталина (у него были семейные фотографии с Иосифом Виссарионовичем). Дескать, перед казнью он написал кровью на стенах камеры: «Товарищ Сталин! Погибаем без вины!»

Во всём виноват Сталин: и в исчезновении старых большевиков, и в сегодняшних наших проблемах (а не Чубайс).

Спустя короткое время (ну, как тут мистиком не стать!) на четвёртой странице «Комсомолки» я обнаружил разгромный подвал о пошляке с гитарой по фамилии Окуджава, разлагаю-

шем своими упадническими песнями нашу славную советскую молодёжь. Сердце ёкнуло: а не сын ли это Шалвы Окуджавы? «Сын, сын!» — уверил меня Илья, и что-то содрогнуло мою душу. Что — тогда я не осознавал, теперь понимаю: ощущение нелинейности бытия. В молодости жизнь представляется прямой восходящей линией. Как так? Отец — идейный коммунист, а сын декадент. Надо помочь!

И я написал в «Комсомолку» письмо примерно такого содержания:

«В тридцатые годы на нашем заводе партторгом ЦК работал Шалва Окуджава. Старшие товарищи вспоминают его как настоящего коммуниста — убеждённого борца за светлое будущее. Недавно из ваших публикаций мы узнали, что его сын Булат сбился с пути отца: бродит по Москве с мешанской гитарой и поёт унылые песни. Мы хотим помочь Булату и приглашаем посетить наш завод коммунистического труда. Пусть посмотрит, как трудится молодёжь на прекрасном заводе, который строил его отец».

Свою фамилию не ставил, а ввиду общественной значимости письма подписал его у секретарей комсомольской организации завода без каких либо затруднений. Меня знали; совместно с художником Веней Карлиным я выпускал сатирическую газету БОКС (Боевой орган комсомольской сатиры), пользовавшуюся среди трудящихся завода большой популярностью. Настолько большой, что спустя некоторое время её закрыли. Удивительно, что не сразу. Первый номер открывался таким предупреждением:

Завод есть завод, а не светский раут,
И с вами у нас не может быть мира.
Хватать за горло, валить в нокаут
Отныне мы будем руками сатиры.

Я отправил письмо и, не дожидаясь приезда Булата, начал поиски информации о нём. В результате, когда у меня появилась бобина с записью песен Окуджавы и магнитофон «Астра», я обнаружил, что Булат — наш человек: «Я всё равно паду на той, на той далёкой, на гражданской», — и что песни его совсем не упаднические. Они (как я тогда сформулировал) — вечные. «Бывало часами стоишь во дворе, слушаешь: где-то играет скрипка», — вспоминал поэт Луговской. А я вспоминаю, как приходил с работы, тут же включал магнитофон и часами

слушал Окуджаву. На фоне многочисленных тогдашних барабанов звучала скрипка. Он пристально и сочувственно рассматривал отдельные деревья в марксистском социальном лесу, не противопоставляя их лесу. Он первым крикнул солдатскому строю: «До свидания, мальчики!.. Мальчики...» И он же призвал: «Ах, не прячьтесь вы, будьте высокими!» Он впервые увидел *мозолистую руку у страсти*, а не у представителя героического рабочего класса Ваньки Морозова.

Всем своим знакомым (как много их тогда было!) я рассказывал о записях Окуджавы. Оказалось, что многие знают о нём и сами имеют его записи. А на моё письмо из «Комсомолки» никакого ответа так и не пришло. И я уже забыл о нём, когда в апреле 64-го года одна знакомая Вени Карлина, которую он почему-то звал Пантера Ивановна, сообщила, что в Тагил приехал Булат Окуджава — в гости, к её соседям Чевардиным, и дала их номер телефона.

Мы позвонили — ответила женщина. Представившись комсомольцами, сообщили о желании молодёжи завода встретиться с Булатом. «Знаю, — сказала она, — Ашхен Степановна писала, что из “Комсомольской правды” ей передали приглашение Булату, однако он не желает встречаться, но вы приходите завтра, к 12 часам, и мы его уговорим».

В назначенное время Булата у Чевардиных не оказалось: где-то задерживался, и мы получили возможность познакомиться с ними поближе. Михаил Васильевич в тридцатых был секретарём партийной организации Уралвагонзавода и, разумеется, вскоре за это поплатился. Теперь он предпочитал молчать. Во всяком случае, при нас. А у Любви Васильевны полностью отсутствовал комплекс «мясорубки» тридцать седьмого. Она была открыта, словоохотлива, спокойна и доброжелательна. Л. В. рассказала, какие прекрасные люди были родители Булата, по прибытии на стройку поселившиеся с ними в одной квартире; какое идейное, честное было то время. Запомнилось, что Ашхен Степановну звали «Женщина счастливой наружности» (северная «наружность» Л. В. тоже явно не была обделена счастьем), что она работала бухгалтером и зарабатывала больше, чем Михаил Васильевич — из-за партмаксимума. Также запомнилось, как на стройку приезжал секретарь обкома Кабаков и сиделся в кружок где-нибудь на лужайке беседовать с рабочими и какой образцовой была семья Чевардиных. Отец — рабочий,

*Современный вид
малого зала.
Фото А. Крылова*

участник революции 1905 года — буквально молился на Советскую власть, все три сына его стали активными коммунистами. Отца и одного из трёх сыновей — секретаря обкома комсомола Челябинска — расстреляли, остальных — не успели: произошла смена палачей. Новые палачи заменили старые жертвы новыми, разыграв при этом сцены торжества справедливости.

Наконец, пришёл Булат с женой, и Л. В. вышла в прихожую.

— Ну, как погуляли?

— Неплохо, — ответил Окуджава, — да только у подъезда к нам приставали какие-то собачники. Но увидели, что мы люди, и отстали.

(По дороге к Чевардиным мы видели неподалёку Пантеру Ивановну и несколько таких же дамочек с невостробованной страстью).

— А у нас ещё двое, — сообщила Л. В. (Я чуть было не проглотил окурочок. Тогда курение не считали опасным, и мы с Михаилом Васильевичем смолили вовсю, не выходя из комнаты.) Но добавила: — Они хорошие, они комсомольцы.

От волнения я толком Булата не рассмотрел, и сейчас совершенно не помню первого впечатления от его облика. Помню только его спокойную неприветливость.

— Я приехал в Тагил навестить близких моим родителям и мне людей, — сказал он. — В мои планы не входит публичная встреча, тем более что память о моём отце здесь утеряна. Мы зашли в кинотеатр, где в фойе фотография трёх руководителей Вагонстроя — двое названы, а мой отец нет.

Я ответил, что мы в этом не виноваты. Наоборот, пытаемся что-то сделать, например предложили переименовать проспект Сталина в проспект Окуджавы. За нас горячо вступилась Л. В., и Булат согласился назавтра вечером выступить. Оговорив, чтобы пригласили только простых любителей поэзии, без всяких официальных лиц. Денег никаких не надо, нужна простая семиструнная гитара.

Окрылённые, мы прибежали к нашей доброй знакомой Нине Черемных, великолепной рыжеволосой девушке и художественному руководителю Дворца культуры. Тут же, без оговорок, без звонков к вышестоящему начальству она подписала двести пустых приглашений, а Веня к утру заполнил их каллиграфическим почерком. В первую половину дня все билеты были розданы, а вечером с гитарой я зашёл к Чевардиным за Булатом.

По дороге во Дворец он ничего у меня не спрашивал. Вероятно, после общения с молодыми учёными новосибирского Академгородка, откуда он приехал в Тагил, ему был неинтересен заводской комсомольский работник, за которого он меня принимал. Я тоже не приставал к нему с вопросами — из-за опасения показаться навязчивым.

Мы зашли в кабинет Нины, но её там не оказалось, зато вдоль стен сидело всё идеологическое начальство завода во главе с секретарём парткома Иваном Хромовым. (После выступления Булата на мой вопрос о впечатлении он ответил: «Нытик!») Мы оказались в кругу молчаливых зрителей, с любопытством разглядывающих Окуджаву. Нам не предложили присесть, никак не обратились, и мы, естественно, поспешили выйти в коридор, где и дождались Нину.

Я подготовил вступительное слово. Хотел сказать о вечности стихов Окуджавы. Однако за кулисами оказался солидный человек, которому пришлось уступить свою роль. Что он говорил, не помню. Кажется, о том, что Булат учился вместе с ним в школе.

Булат начал не спеша, как бы нараспев, негромко с того, что он гулял сегодня по этому прекрасному городу и вспоминал море бараков и землянок на его месте и людей, которые приехали из благоустроенной Москвы совершенно бескорыстно, отдавая все силы созиданию нового. А про них забыли. Когда-нибудь вы вспомните их, захотите создать свой музей, но кроме кости мамонта и старого молотка, поместить в него вам будет нечего.

А потом он читал стихи. О, как он их читал! Он читал без гитары, но ритм и мелодия его голоса преумножали богатство образов и мыслей его поэзии. Симпатичный мне и уважаемый мною поэт Юлий Ким почему-то заявил: «Не ищите в поэзии мысль». Я не могу с ним согласиться, я уверен:

В поэзии есть место мысли,
Но не ищи её заранее.
Её слова к стиху причислят
Откуда-то из мироздания.

В крайнем случае:

«Не ищите в поэзии мысль».
Не тратьте разума свечи!
Она, как таёжная рысь,
Сама вам прыгнет на плечи.
И двинетесь вы вместе с нею
Сквозь годы, подъёмы и спады.
И будет она, не старея,
Укором для вас и отрадой.

Прошло сорок лет, а образы и мысли стихов, которые он читал, я всё ношу на плечах моей памяти. Как отрадно было слушать в его исполнении напечатанные в свежем номере «Юности» стихи: «Уважайте маляров...»:

О, были б помыслы чисты! А остальное всё приложится.

Он читал спокойно, без поэтического придыхания, акцентируя на согласных:

И ммыльнице молюсь и ммельнице...

Насколько глубже проникали в сердце и голову эти строки, недавно довольно спокойно читанные. А потом были прекрасные стихи, ранее мне не знакомые и больше никогда не встреченные, пропитанные мыслями и образами:

...как чёрствый хлеб,
который в спирту намок.

Разумеется, я не помню их полностью, но отдельные строки запомнились навсегда с того вечера.

Повар Иван Иванович ненавидит всякую снесь.
Жена ему пророчит голодную смерть...
И лежат караси в сметане,
как французские гренадёры на московском снегу...

Майор, товарищ Сергеев, ненавидит строевой шаг...

Я, нижеподписавшийся, ненавижу всякие слова... — и т. д.

А постоянным, периодически возникающим мне укором, когда гнев захлёстывает душу и я начинаю вести себя не как положено настоящему профессору, стали прочитанные тогда Булатом в малом зале Дворца культуры стихи о Павле I. В них рассказывается, как на дворцовой лужайке перед Павлом разыгрываются слащавые пасторали. Его тошнит от этой сладости, ему хочется встать и обложить всех крутым матом. И он уже встает в кресле, но тут же вспоминает: «Нет, не могу, я — Павел первый», и снова садится. Эта единственная запомнившаяся из стихотворения строка иногда помогает мне.

К концу первого отделения и приставные стулья не смогли вместить всех слушателей в малом зале, люди заполнили прилегающий коридор, и Нина Черемных открыла большой зал.

Здесь Окуджава уже пел, предварительно объяснив, что многие представляют его таким юнцом, шатающимся по значным местам с гитарой.

— На самом деле, — сказал Булат, — мне сорок лет, я участник войны. Я поэт, а гитара и музыка лишь дополнительные средства реализации поэтического замысла.

Исполненные им со сцены большого зала песни я уже слышал в записи, и, наверно, поэтому каких-либо нюансов тогдашнего впечатления в моей памяти не сохранилось. Вопросы после выступления было немного, касались они в основном жизни Булата в довоенном Тагиле: «Вы помните?..» Один мужик с галёрки, уточнив отцовство Шалвы Окуджавы, сообщил, что охранял его в свердловской тюрьме, но и сейчас и тогда в его вину не верил.

Кто-то спросил о месте работы Булата.

— К счастью, нигде не служу, — ответил он.

Я всё-таки прорвался на сцену (стереотип судьбы, сэр!) с заключительным словом, в котором от имени собравшихся выразил восторг и благодарность Поэту.

За кулисами собралось довольно много народу, большинство просили автографы. Булат спрашивал имя и всем писал: «Имяреку с удовольствием». Я тоже попросил автограф, и он написал на развороте «Юности» со своими стихами: «В память о встрече на Вагонке. С благодарностью. Булат Окуджава». За абсолютную точность автографа не ручаюсь. Эта «Юность» вскоре таинственно исчезла. Но благодарность, разумеется, я запомнил навсегда, а то, что в автографе не было моего имени,

*На выступлении
в «Тагильском
рабочем».
Фото И. Коверды*

свидетельствует его копия, профессионально выполненная моим другом художником Веней Карлиным на сборнике «Тарусские страницы» с повестью Булата «Будь здоров, школяр», хозяин которого до сих пор не знает, что у него копия. (Кстати, отдельное издание этой повести на чешском языке Булат подарил Чевардиным; других отдельных изданий его работ в то время не было.) Отсутствие имени на автографе объясняется просто: Булат его не знал. Любовь Васильевна представила нас просто как комсомольцев, а за относительно продолжительное предыдущее общение он почему-то не счёл нужным познакомиться ближе. Спрашивать имя, перед тем, как надписать автограф — как у всех — было неудобно: только что он отрекомендовал меня кому-то как специалиста по Окуджаве.

Оживлённый разговор в кулуарах закончился пожеланием поэта завтра вместе с женой посетить завод и сфотографировать для него ещё не снесённые к тому времени довоенные бараки. Вызвался выписать пропуска молодой румяный общественник Юра Феофилактов, он работал в отделе кадров, а сфотографировать — конструктор Дима Розенштейн.

Назавтра утром тем же путём, к Дворцу и далее на завод, я повёл Булата и Ольгу. Но рядом шёл совсем другой Окуджава: он был необычно приветлив и словоохотлив. Я узнал многие подробности из литературной жизни, но помню только: какой негодяй редактор «Октября» Кочетов... и какой славный парень Женя Евтушенко.

У проходной нас встретил Феофилакт и сообщил, что пропуск выписали только Булату, а Ольге — нет. Тогда Окуджава отказался без жены посетить завод, и мы тут же пошли обратно. Впоследствии, уже будучи женатым, я часто вспоминал этот поступок и с горечью понимал, что сам не догадался бы так поступить.

Прощаясь, он, насколько я помню, сообщил, что до отъезда выступит в редакции «Тагильского рабочего»: если у меня есть возможность и желание, то могу поприсутствовать. А также сказал, что переезжает в Ленинград и не знает, где будет жить, поэтому дал только телефон Ашхен Степановны в Москве.

На встречу в редакции, которая проходила на день или на два позже, я выбрался. К Булату не стал подходить (боялся и боюсь быть навязчивым), а тихо устроился на задних стульях. Булат был без гитары и, мне кажется, даже не читал стихи. Он опять говорил о критике в его адрес, но первым делом предупредил аудиторию, что он не композитор и не певец, и пошёл профессиональный журналистский разговор, от интереса к которому тогда я был далёк.

А телефоном Ашхен Степановны я воспользовался только в двух случаях. В 1967-м с помощью Ашхен Степановны я в составе чешской делегации оказался на панихиде И. Г. Эренбурга в Центральном доме литераторов. В 1980 году я написал первый вариант докторской диссертации и рассказ, в котором пытался предупредить о развале милого моему сердцу СССР. Прочитав его знакомой детской писательнице, почему-то очень напугал её. «Слава, — сказала она, — никогда больше об этом не пишите». Я, конечно, не согласился и решил обратиться к Окуджаве. Ашхен Степановна сообщила, что сегодня у неё будет Булат, дала свой адрес и пригласила к этому времени приехать к ней. А я завяз в командировочных делах и не приехал.

В 1988 году я привёз в Москву пачку фотографий барачников, снятых по заказу Булата после посещения им Тагила. Где-то в то же время Дима передал их мне, но я забыл о них. Ашхен Степановны к тому времени не стало. Недалёко от нашего министерства располагалась редакция «Юности», и я зашёл туда.

В одной из комнат с открытой дверью я обнаружил поэта Натана Злотникова, рассказал про себя и фотографии, и он дал мне телефон Булата! Я тут же позвонил ему из ближайшего автомата, и 16 октября 1988 года мы встретились на его квартире в Безбожном переулке.

Фотографии очень понравились, но меня и подробности тогдашнего пребывания в Тагиле он забыл. Я напомнил, а когда рассказал, как он без жены не пошёл на завод, Ольга нежно обняла его со словами: «Вот ты у меня какой!» И тут же ушла, а мы беседовали ещё не менее часа.

И я, наконец, (опять стереотип судьбы, сэр!) не стесняюсь, смог задать ему множество вопросов. В первую очередь: «Что происходит?» (Шёл второй год перестройки.)

— Организм омертвел, — ответил Булат. — Даётся укол реанимации, после которого он или оживёт, или умрёт.

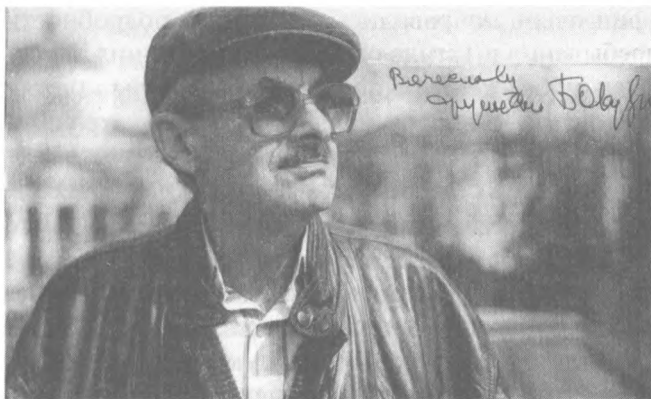
Какой точный диагноз (я привожу его по сделанной тогда записи), не правда ли?! Кто мог тогда представить, что мы скатимся в дикий капитализм. И покатимся дальше в средневековье с колдунами, гадалками, коммунистами со свечечками на государственном телевиденье.

Стирались белые пятна истории, и я, конечно, спрашивал про Сталина: «Был ли он провокатором? Не поэтому ли он уничтожал старых большевиков?»

— Нет, — сказал Окуджава, — ему надо было намертво укрепить личную власть, а для этого уничтожить всё оригинальное и мыслящее. И дело по сути не в Сталине, а в системе. — (Впервые услышал я такое). — Не было бы Сталина, система породила бы такого же людоеда, неважно с какой фамилией — Иванов или Петров.

С детства меня волновал вопрос, зачем Сталин ввёл в армии царские погоны. Как красноармеец Окуджава прореагировал на это? Рассказывали, что многие молодые фронтовики, воспитанные на ненависти к золотопогонникам, отказывались надевать погоны. К моему удивлению, Булат ответил, что, выйдя из госпиталя, воспринял выданную ему одному из первых новую форму не как царскую, а как более нарядную: на погонах появилась золотая пуговица. Все ему на всякий случай козыряли.

С началом гласности мир литераторов раскололся. Я беспокоился за гласность, и меня интересовали её противники, их антиперестроечная мотивация. Главного её противника Лигачёва (в моей записной книжке зафиксированного, на всякий случай, под именем Урфин Джюс, отрицательного героя детской книги Волкова) он охарактеризовал одним словом — старообрядец, а Бондарева — как заболевшего комплексом неполноценности: уровень литературы благодаря ранее запрещённым публикаци-

ям поднялся, а он не дотягивается. Астафьев — очень способный литератор, но озлобленный человек. Распутин — не очень умный человек, но хороший литератор. Анатолий Иванов — ничтожество, однако Бондарев блокируется с ним.

Я с детства обожал Максима Горького, а в это время появились статьи, в которых отсутствовало не только обожание, но и элементарное уважение. К моему огорчению, и в отношении Булата к Горькому пиетета не наблюдалось.

— Горький, — сказал Булат, — начал терять популярность на Западе — тиражи его книг упали. А привычный широкий образ жизни требовал денег, терять его не хотелось, и он переехал в СССР. За деньги здесь он платил безоговорочной лояльностью. У него дома собирались вожди и решали там свои подлые дела.

Хвалил Булат Коротича («сильная, практичная личность»), Тендрякова — за вскрытие истоков борьбы с космополитизмом, Горбачёва — за крестьянскую мудрость. Конечно, я спросил об отце.

Булат рассказал:

— Отец проходил по делу Уральского повстанческого центра. Два коммуниста, посланные на Урал, доложили, что никакого контрреволюционного центра нет. Однако Молотов проигнорировал эту докладную, и отца расстреляли в Свердловске.

— Если бы он остался жив, — добавил Булат, — то тоже, как и другие, по горло вымазался бы в крови. Некоторые друзья пытаются оправдать своих расстрелянных отцов: мол, они были не такие, как их палачи. Такие. Такие. Система других не выращивала.

Задавал вопросы и Окуджава.

В частности:

— Улучшилась ли экология в Тагиле после массовых митингов?

— Как выглядят сейчас окраины города: Гальянка и Выя? Мы с мальчишками часто убежали туда.

Я, разумеется, пригласил его приехать и посмотреть, какими современными стали эти районы.

— На приезд сейчас нет времени, со всех сторон просят материал. Берут всё подряд, не глядя на то, что ещё недавно и смотреть не хотели. Хо-ро-шо! — сказал Булат и как-то по-мальчишески озорно улыбнулся.

Хотя он много курил и часто кашлял, для своих лет выглядел совсем неплохо.

К сожалению, когда я встретился с ним в третий раз, он выглядел уже не так. И встреча была не такая. Окуджава приехал в Тагил на этот раз и за деньгами.

На дворе 1994 год. Стоящая на раскорячку ельцинская Россия, охваченная эпидемией шкурничества. Государственное телевидение ежечасно забрасывает в незащищённые души потоки своих вирусов: какой-то пацанчик непрерывно хвастается, что он выиграет миллион, известный телеведущий, изображая рыбака, гордится: «Вот сидим, а денежки идут». После пальбы девяносто третьего года — гульба пропущенных в нувориши в обнимку с криминальными авторитетами. В нашем городе один из нуворишей, одурманенный внезапным обогащением, вообразил себя талантливым художником. Злые языки рассказывали, что на подготовленном холсте он делал несколько мазков, а затем нанятый профессионал дорисовывал картину. При таком способе творчества картины плодились, как кролики, и возникла потребность в галерее. Искать помещение долго не пришлось, администрация города давно пыталась продать кому-нибудь детский кинотеатр «Искра», посещаемость сеансов в котором упала до одного-трёх человек. Детвора разбежалась по видеосалонам.

Узнав о предстоящем закрытии детского кинотеатра, я бросился его спасать. Знакомый редактор немедленно опубликовал мой страстный призыв к разуму власть имущих. Считаю необходимым привести здесь некоторые выдержки, ибо и сегодня, к сожалению, они не потеряли актуальности. Я писал: «Сегодня

совершенно ясно, что народ Белинского и Гоголя н и к о г д а с базара не понесёт. Вместо Блюхера и Милорда глупого сегодня понесут Маринину с Донцовой, потому что они леденцы, а Белинский с Гоголем — лекарства. Лекарства широкие здоровые массы добровольно принимать не будут. Вспомним, как народ не хотел и даже бунтовал против такого лекарства от голода, как картошка. Что бы с нами случилось в двадцатом веке без него, если бы в XVIII веке эти бунты не подавили». Я предложил городу выделить несколько автобусов и всех детей от детсадовцев до школьников по разработанным годовым графикам непрерывно привозить в «Искру», где и показывать детские советские фильмы, пропагандирующие самоотверженный труд и гражданственность. Посещение кинотеатра должно стать обязательным дополнением к школьным завтракам. В Тагиле, где каждый двор буквально пропитан воровской романтикой, это особенно необходимо для сохранения не только физического, но и морального здоровья поколения. Статья на некоторое время защитила «Искру»: появились отклики, некоторые ответственные работники выступили за сохранение кинотеатра.

Но вскоре — к приезду Окуджавы — процесс приватизации опять пошёл, и я, естественно, обратился к поэту за помощью. Но сделал это очень неуклюже. Мне до сих пор неудобно перед Ольгой. Незадолго до начала выступления Булата я прорвался за кулисы в комнату, где он с женой и сыном готовился к выходу на сцену. Меня сначала не хотели пускать: я очень мешал им, но вскоре вспомнили, и я попросил Окуджаву заступиться за детский кинотеатр перед городским начальством.

— И с городским, и с любым начальством дел не имел и не имею, — отрезал Булат и добавил: — Но делать что-то надо.

Он задумался, моё мешающее пребывание в комнате затягивалось. Выручила Ольга: она предложила изложить проблему в записке и передать Булату в числе других. По окончании выступления Булат прочтёт её и выскажет своё мнение. Из-за опасения не успеть передать записку я находился в напряжённом состоянии и не смог полностью отдалиться очарованию песен Булата, уловить их новые оттенки благодаря музыкальному сопровождению фортепиано. Но, слава богу, записку я передал, Булат мне дружески улыбнулся.

Мне помнится, что, прочитав её, он сказал:

— Сейчас по всей стране и в Тагиле идёт большая работа по восстановлению памятников старины, восстановлению раз-

рушенных храмов, но зачем при этом разрушать другие менее старые памятники? Детский кинотеатр, созданный при советской власти, — это тоже храм, он воспитывал веру в справедливость, дружбу, в силу своей страны. И неизвестно, что подлее: взорвать храм или устроить в нём капище. Не надо продавать кинотеатр, не тушите Искру.

К сожалению, и заступничество Окуджавы не помогло: детский кинотеатр закрыли, и произошло это сразу после смерти Булата. Ну, как тут мистиком не стать!

Человек живёт, пока живы люди. Душа его — как прекрасная хрупкая чаша разбивается на множество осколков, и они пронизывают многие и многие открытые сердца живущих. Один из таких осколков чаши Булата часто поворачивается во мне, но вызывает не боль, а веру в благородство, мужество и человечность. Мне кажется, что если собрать вместе всех, знавших Булата, то они смогли бы оживить его многогранный образ.

Прежде чем поставить точку в написанном, в воскресный день я поехал к бывшему детскому кинотеатру. На месте его сейчас два магазина, и оба называются «Искра». В художественном магазине, с которого началось преобразование кинотеатра, за полчаса побывало не более трёх человек. Никто ничего не купил. Судя по хмурым, полусонным лицам продавщиц, торговля здесь идёт не очень успешно. А детского кинотеатра в Тагиле нет. Но я надеюсь, что будет, — ведь пожелания настоящих поэтов в этом мире материализуются.

ВОРОТЯСЬ ИЗ ТАГИЛА

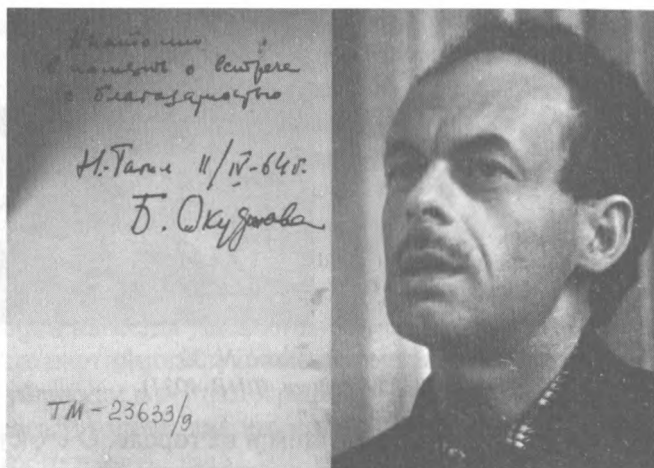
К сожалению, документально подтверждённых сведений о количестве дней, проведённых Окуджавой в Тагиле, а также точных дат его выступлений на Уралвагонзаводе и в редакции «ТР» нам и на месте обнаружить не удалось. Однако в итоге «пасьянс» практически сошёлся — выстроилась версия, которая не противоречит всем имеющимся на сегодня данным.

Вроде бы поначалу казалось, что победа близка. В фондах Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» довольно легко обнаружилась дарственная надпись Булата Окуджавы фотографу «Тагильского рабочего» Анатолию Горькову на снимке, сделанном Анатолием Витальевичем как раз на том самом — неоднократно описанном выше — выступлении в их редакции. Сам Горьков, который до сих пор работает в той же газете, засвидетельствовал, что видел Окуджаву и его спутницу только один-единственный день. Не дожидаясь окончания выступления, он спустился в лабораторию, проявил плёнку, отпечатал и подарил поэту пачку его фотопортретов. Один из отпечатков тот по собственной инициативе тут же надписал автору снимка и... поставил дату (см. иллюстрацию).

Так вот оно, искомое число выступления в газете: 11 апреля!

...Однако радость наша была недолгой. Опять воспоминания вошли в конфликт с документами.

Не мог же в самом деле Окуджава днём или вечером выступить в газете, да ещё подписать свежий снимок... в то время как ещё утром того же дня вышел номер, сообщивший об этом самом редакционном событии! Следовательно, Анатолий Витальевич путает: он виделся с Окуджавой вторично, и возможно, тогда, когда поэт снова появился на Газетной улице, чтобы забрать там экземпляры с публикацией о себе?

То есть, мы снова пришли к исходной точке. Нам опять оставалось лишь делать предположения о дате этого выступления. По-прежнему было ясно только, что состоялось оно не позднее 10-го.

Кстати, в городском историческом архиве, расположенном в том же здании, что и музей-заповедник, нам показали любопытный документ (см. на фото). Оказывается, ещё в 1989 году городские власти приняли решение назвать именем Шалвы Степановича Окуджавы улицу. Но в те смутные времена то ли руки не дошли, то ли строить перестали... В общем, по-прежнему нет такой улице в городе.

Попутно расскажем о том, как нам довелось разрушить несколько легенд, связанных с именем поэта в Нижнем Тагиле.

Каждый третий, с кем мы беседовали, спрашивал, встречались ли мы с двоюродным (по иным сведениям, троюродным) братом поэта — Нодаром Григорьевичем Окуджавой, старейшим работником Metallургического комбината, Почётным ста-

Ул. Карла Маркса. Городская средняя школа № 32, 2005 (фото А. Крылова) и 1935 гг. (ед. хр. ФНВ-4031)

леваром СССР, и поныне живущим в их городе. О его существовании мы знали давно от нашего тагильского «корреспондента» Петра Качанко. Ещё в начале 80-х Пётр задавал Булату Шалвовичу вопрос об их родстве. Окуджава сначала засомневался и решил справиться у мамы — Ашхен Степановны. Их общим ответом было: такого родственника у нас нет. Читали мы и местную публикацию, в которой Н. Г. сетовал на то, что редко видится со своим именитым братом.

В свой приезд мы заранее предполагали лично встретиться с Нодаром Григорьевичем, чтобы окончательно прояснить это недоразумение. Ведь биограф Окуджавы Марат Гизатулин изучил его родословное древо гораздо подробнее, чем могла его знать даже вдова Шалвы Степановича. Не исключено просто, что она не была знакома с какой-то из ветвей рода мужа.

Нодар Григорьевич от встречи уклонился. Но Гизатулину хватило и телефонного разговора с ним. По имени деда и по месту его рождения (с. Мерхиули) легко было установить, что тагильский Окуджава принадлежит совсем другому — абхазскому — роду, имеющему с Шалвой Степановичем (и соответственно, с Булатом Шалвовичем) только общую фамилию. Подробнее об их непересекающихся кланах можно прочесть в книге Паты Цхакая «Фамилии и фамильные поселения в Мингрелии» (Тбилиси, 2000).

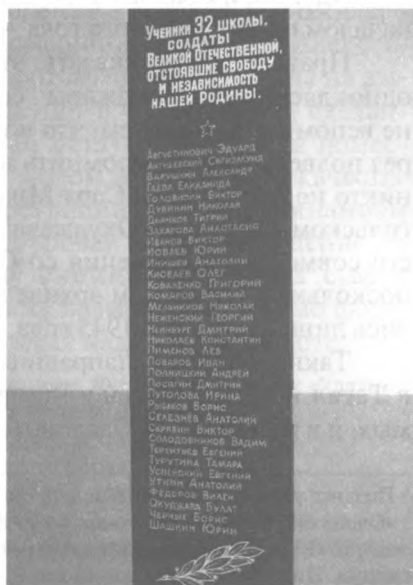
Другую легенду, напротив, удалось опровергнуть совсем случайно. Когда мы сфотографировали мемориальный список учеников школы № 32, участвовавших в Отечественной войне, кто-то из учителей, провожая нас к выходу, с гордостью сообщил, что одинокий тополь, растущий перед фасадом этого

учебного заведения, по преданию, был посажен юным Булатом. И более того, дескать, школе удалось отстоять это дерево, когда городские коммунальщики хотели его срубить.

По иронии судьбы в тот же вечер мы работали в хранилище кинофотодокументов «Горнозаводского Урала», где надеялись найти старые снимки несуществующего ныне здания школы на Вагонке, в которую сразу по приезде пошёл учиться будущий поэт. Поиски успехом не увенчались. Зато нам предоставили снимок... строительства школы № 32 — той последней в Тагиле, из которой навсегда ушёл юный Булат в день, когда все узнали об аресте партийного руководителя города — его отца...

Публикуем и эту фотографию. Читатель легко заметит, что упомянутый тополь, как это ни прискорбно, рос там ещё до начала стройки.

Впрочем, вернёмся к блоку опубликованных выше воспоминаний. Главное, что привлекло наше внимание, это утверждение Вячеслава Грузмана о том, что, выступая на Уралвагонзаводе, Окуджава у же з н а л о своей предстоящей встрече с коллективом «Тагильского рабочего». Эта информация опровергает и без того сомнительную версию о поэте, наугад зашедшем в редакцию местной газеты, где ему сходу предложили вы-

*Так выглядит сегодня
Мемориальный список
учеников этой школы,
участвовавших в войне.
Фото А. Крылова*

ступить. К тому же, дескать, он сразу же согласился, — хотя, вспомним, на уговоры встретиться с заводчанами долго не поддавался. (Свои сомнения относительно рассказа Т. А. Багаутдиновой высказывали нам также другие свидетели тех событий — журналисты М. Н. Литвинова и А. В. Горьков.)

Ключом к разгадке этого несоответствия послужила фамилия одноклассника, предвоявшего выступление Окуджавы на Вагонке, которую при переписке (уже после написания воспоминаний) вспомнил В. Грузман в ответ на наши дополнительные вопросы. Этим человеком оказался уже знакомый нам Свалов — автор публикации в «ТР» от 11 апреля 1964-го (он есть на фотографии, напечатанной в воспоминаниях А. Д. Ермакова). Этот человек, судя по всему, и явился связующим звеном между двумя встречами поэта с читателями. Конечно, его мы, будучи в Тагиле, тоже пытались найти, но нам сообщили, что он вскоре после описываемых событий уехал из города, и к тому же его давно уже нет в живых. (Мало что смог пояснить по делу и его внук Никита, волею той же судьбы оказавшийся аспирантом Грузмана.) Но то, что Владимир Моисеевич Свалов мог быть одноклассником Булата, мы не подозревали. Найденная дата его рождения (8 октября 1923 г.)¹ укрепила нас в том, что Грузман не ошибался: несмотря на разницу в год рождения, и Свалову и Окуджаве семь лет исполнилось перед началом одного учебного года — в 1931-м.

Правда, следует сказать, что немногочисленные живущие одноклассники Окуджавы соученика с такой фамилией не вспомнили. Впрочем, это и не мудрено: мало кто из нас через полвека сможет упомянуть всех своих однокашников. Ведь никто не вспомнил и Сару Мизитову, о которой говорил в тагильском интервью Окуджава². Доподлинно проверить факт его совместного обучения со Сваловым мы также не смогли, поскольку в городском архиве школьные документы сохранились лишь начиная с 1945 года.

Таким образом, напрашивался вывод: Окуджава, приехав в Тагил и поселившись у Чевардиных, обзвонил своих знакомых, и в разговоре со Сваловым родилась идея выступить перед

¹ Позднее удалось установить и дату смерти В. Свалова: 24 апреля 1982 г.

² «Очень бы мне хотелось узнать о судьбе соученицы Сары Мизитовой» (Окуджава Б. «Великодушным мне нельзя не быть» / [Беседовала] Н. Петрова // Консилиум. Ниж. Тагил, 1994. 11–18 авг. С. 4).

журналистами газеты, где последний работал ответственным секретарём редакции. Видимо, тем же путём попал на это выступление и другой одноклассник Окуджавы — упоминавшийся во вступительной статье к разделу Владимир Комшилов (сам он, к сожалению, не смог вспомнить этого момента). В свою очередь Окуджава пригласил Свалова на другое своё предстоящее выступление — в ДК Окунева. И договорённость о вступительном слове перед этим выступлением была достигнута заранее.

В редакции же об инициаторе встречи с журналистами просто-напросто забыли за давностью лет. Прав был Корней Чуковский, говоря, что в России надо жить долго. С глаз долой — из сердца вон, — эта объективная реальность в данном случае подтвердилась ещё раз.

Так или иначе, пользуясь датировкой Грузмана — «на день или на два позже», — мы можем предположить, что если в редакции Окуджава выступил 10 апреля, концерт в ДК состоялся 8 или 9-го. Соответственно разговор с комсомольцами дома у Чевардиных происходил 7 или 8 апреля. И, по всему, это был не первый день пребывания Булата Шалвовича в городе. (Если же выяснится, что статья Свалова отстояла от самой редакционной встречи не на день, а на два, то возможный срок приезда поэта в Тагил соответственно отодвигается ещё на более раннее время.)

...И тут, тоже уже по возвращении в Москву, нас ожидало ещё одно открытие. Разбирая домашний архив Льва Алексеевича Шилова³, мы обнаружили фотографию Окуджавы на вы-

ступлении в Свердловске, сделанную В. Ветлугиным (её мы поместили в этом же выпуске в качестве иллюстрации к воспоминаниям В. Дагурова). Но особую ценность этому снимку прибавляла старая (того же времени, что и само фото) авторская надпись на обороте:

С уважением. Фотокорреспондент «Уральского рабочего» Вл. Ветлугин.
г. Свердловск, 6 апреля 1964 г.,
Дом работников культуры.

³ Мы сердечно благодарны Нине Григорьевне Шиловой за участие и неоценимую помощь в работе.

Сам же Ветлугин, вспоминая о выступлении, на котором сделана эта серия свердловских снимков, писал: «Через *два дня* я встретился с Булатом Окуджавой в редакции газеты «На смену!» и вручил ему несколько фотографий. Они ему понравились, и на одной из них он оставил свой, очень дорогой для меня автограф...»⁴ (этот автограф от 13 апреля мы тоже цитировали во вступительной статье). То есть, *два дня*, отложившиеся в памяти фотографа, в действительности оказались... неделей. И сроки эти удивительным образом совпали с нашими расчётами.

Получалось, что, прибыв из Новосибирска в Свердловск и, как минимум, выступив там в Доме работников культуры, а также оставив для публикации стихи в редакции «На смену!», поэт уехал в Нижний Тагил и снова возвратился в областной центр через шесть или семь дней (между 6-м и 13-м), когда вновь направился в газету.

Надо сказать, что ещё тагильчане Юрий Михайлович и Елена Леонидовна Чевардины в беседе с нами утверждали в один голос, что Окуджава со своей спутницей прожили у них в доме чуть ли не «две, ну никак не меньше одной недели». Сначала мы, признаться, не очень в это поверили. Во-первых, обычно сроки такого плотного ежедневного общения человеческая память значительно увеличивает. Во-вторых, мы сами подсознательно поддались соблазну уместить это пребывание в Тагиле между свердловской публикацией стихов от 9 апреля и свердловскими же автографами. Теперь, обладая примерным тагильским «расписанием» и понимая, что публикация в газете «На смену!» могла готовиться к печати и не один день, мы можем смело утверждать, что недельный срок, названный «младшими» Чевардинами, оказался вполне реальным.

(Заодно стало понятно, почему Владимир Дагуров провожал Окуджаву не на тагильский, как может показаться из статьи Зюнова, а на московский поезд.)

Более точная датировка событий требует дальнейших исследований, и не исключено, что окончательно определить её смогут свердловчане. Ведь неоднократно цитируемая нами ста-

⁴ Цит. по ст.: Зюнов Л. «Пока Земля ещё вертится...»: Булат Окуджава на Урале // Грани Урала. Екатеринбург, 2002. № 5 (май—июнь). С. 138. Курсив наш. В этой — поздней — публикации Ветлугин несколько иначе называет место выступления — Дом работников искусств; однако речь идёт об одном и том же зале.

*Подъезд дома
по ул. Орджоникидзе,
где в семье Чевардиных
Окуджава прожил неделю.
Фото А. Крылова*

тья в «Гранях Урала» кончается призывом редакции журнала к читателям — общими силами подготовить книгу о пребывании поэта на Уральской земле. Со времени публикации прошло три года, и хочется верить, что благородная идея не завяла, как это часто бывает, на корню...

Но вернёмся на Вагонку.

Конечно, история с переносом поэта из зала в зал на руках (об этом опять см. вступительную статью), как мы и предполагали, тоже оказалась красивым мифом. Нина Алексеевна Гудова, бывшая в те годы методистом, а затем заведующей культмассовым отделом ДК Окунева и непосредственно отвечавшая за это мероприятие с его стороны, рассказала нам и об этом. Действительно, когда пришло столько народу, что все не могли поместиться в малом зале, хозяева ещё до начала вечера попросили всех переместиться в большой зал, находящийся в другом крыле здания. Зрители перешли через первый этаж, а выступающего организаторы провели прямо за кулисы более коротким путём — по служебной лестнице.

Гудова также вспоминает и про «высокие» звонки: в ДК звонили из парткома завода, из райкома и горкома партии — с одним вопросом: «Кто и почему разрешил?» До этого ведь все артисты у нас имели какие-нибудь путёвки: от филармонии, от Ленконцерта... Но к счастью, выступление Окуджавы

не отменили, а лишь предупредили: мол, если что — отвечайте вы! И, как вспоминает В. Грузман, почтили вечер своим молчаливым присутствием.

Вечер отменять не пришлось. Но эта суэта перед выступлением в ДК Уралвагонзавода отразилась на атмосфере вокруг встречи с журналистами «Тагилки». Отсюда, видимо, и возникла та таинственность, которой было окружено приглашение на встречу молодого И. Коверды. Остроты добавила история с несостоявшимся посещением Окуджавой завода. Отсюда и ещё одна легенда — о том, что Окуджава не был принят местным партийным начальством («горком партии, руководство города отнеслись настороженно к опальному поэту-барду»; «городские партийные власти были не в восторге от этой затеи»).

Вот один из ответов А. Д. Ермакова на дополнительные вопросы, которые мы, как и Грузману, задали уже после написания им воспоминаний: «Я был сам членом бюро горкома. И очень дружен с первым секретарём горкома Колбиным. Так что изъяви Окуджава желание с ним встретиться, я бы это организовал мигом. Но он не высказал такой просьбы».

Мы сердечно благодарны Петру Феофановичу Качанко за постоянную неоценимую помощь; Анжелике Анатольевне Коваленко, взвалившей на себя работу по просмотру в РГБ газетных подшивок сорокалетней давности; телестудии «Тагил-ТВ» в лице И. Панфиловой за информационную поддержку; работникам музея истории ПО «Уралвагонзавод», музея-заповедника «Горнозаводской Урал», городского исторического архива, редакций городских газет «Тагильский рабочий», «Горный край» и журнала «Пульсар», а также всем тагильчанам (названным и не названным в этом разделе), которые поделились с нами своими бесценными семейными реликвиями и воспоминаниями.

А продолжение темы, как уже было сказано, следует.

СТРОКА ИЗ СТАРОГО СТИХА СЛЫВЁТ НЕНАСТОЯЩЕЙ

А. КУЛАГИН

СТИХИ ОБ ОЗОРСТВЕ

Фонограммы некоторых выступлений Окуджавы 60-х годов содержат авторское чтение «Стихов об озорстве» (1961?)¹:

Пожалуйста, не разоряйте гнёзда галочки,
не доставляйте галкам лишней горечи.

А если вам непривычно сдерживаться,
а если рогатки ладони жгут —
приходите, когда сумерки забрезжуются,
в Новодевичий, — там вас не ждут.

Приходите, не страшитесь быть незваными, —
там воздух ладаном пропах,
там колокола, будь неладны, названивают
и слюнявые мальчики ходят в попах.

Уже из этих первых строф видно, что пишет их человек, далёкий от религии — как, впрочем, были далеки от неё подавляющее большинство людей советской эпохи, отличавшейся настойчивой антирелигиозной пропагандой. Но здесь атеизм лирического героя, мы бы сказали, — вызывающе-эпатажный. Резко отрицательное отношение вызывают у него и запах ладана (невольно вспоминаются строки позднейшей песни «Моя цыганская» младшего товарища Окуджавы по бардовскому цеху — Владимира Высоцкого: «В церкви — смрад и полумрак, // Дьяки курят ладан... // Нет, и в церкви всё не так...»), и звон колоколов, и священнослужители, уничижительно названные *слюнявыми мальчиками*. Всё это и оказывается потенциальной мишенью для *рогатов*. Нам думается, что именно эта резкость не позволяла Окуджаве впоследствии обращаться к стихотво-

¹ Факт чтения их со сцены отмечен и в печально известной статье Лисочкина «О цене шумного успеха» (см.: Веч. Ленинград. 1961. 29 ноября).

рению, включать его в авторские поэтические подборки и сборники. По свидетельству В. Ш. Юровского, участвовавшего в подготовке одиннадцатитомного, отпечатанного на множительной технике энтузиастами московского КСП собрания сочинений поэта (1984), автор отнёс «Стихи об озорстве» к текстам, которые он в числе десятков других хотел бы изъять из книги при её тиражировании. (Поначалу был изготовлен только один экземпляр тома; затем их число было доведено до ста.) Сократить верстку оказалось невозможно по техническим причинам, и стихотворение в ней осталось; но показательно само нежелание автора оставить этот текст в собрании.

Это не означает, однако, что поэт перестал быть атеистом. Отвечая в 80-е годы на вопрос о том, верит ли он в бога, Окуджава говорил: «Нет, я атеист. Я считаю, что в этом моя вера, и я хочу, чтобы меня за это уважали так же, как я уважаю всякого верующего человека»². В том-то и дело, что давние воинственно-атеистические стихи должны были казаться зрелому поэту проявлением чуждого ему неуважения к верующим. Между тем, они (как, например, и «Сентиментальный марш», который поэту уже в новейшее время не раз ставили в упрёк из-за поэтизации «комиссаров в пыльных шлемах») остаются поэтическим памятником эпохе 60-х годов, когда пафос социалистического созидания, покорения космоса, высокий общественный интерес к физике, вообще устремлённость в будущее сами собой предопределяли восприятие религии как чего-то отсталого, не отвечающего современной жизни. Конечно, не прошла бесследно и многолетняя атеистическая пропаганда.

Следующие строки есть только на одной из авторских фонограмм (1961):

Там сидят на скамейках разные кумушки
и швыряют в открытые комнаты камушки.

И скушно, как в сумерках, всем идущим,
и сонно смотрят там из окон.

И камешки летят в чужие души,
словно бабочки на огонь.

Строки интересны аллитерацией на *к* и *ш*, эффект которой усилен и повторением гласного звука *у* (*кумушки*, *камушки*,

² Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...» / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 277.

скушно, души). Такое созвучие передаёт ощущение скуки и бездуховности, которыми для поэта овеван образ старого монастыря. Эти шесть строк очень выразительны, но их восприятие на слух требует известного напряжения: здесь сказано сразу и о *кумушках*, и о тех, кому они бросают в окна *камушки* и кто затем *сонно* смотрит из окон, и о тех, кто проходит в это время мимо и кому тоже *скушно*. Слушателю трудно не запутаться в этих персонажах. Возможно, поэтому строки и исчезли. Не исключаем и другое: поэт заметил, что выражение *словно бабочки на огонь* здесь не совсем уместно, ибо оно означает гибель бабочек, а в стихотворении эти самые бабочки выступают, напротив, в роли губительной силы, ибо с ними сравнены метафорические *камушки* чуждой лирическому герою веры.

Заключительные строфы стихотворения, как нам кажется, приоткрывают поэтические истоки такого «нигилизма» лирического героя:

И живут, покрытые прахом и солью, —
вы подумайте! — до конца концов
старухи, помнящие Софью,
и вороны, клевавшие стрелцов.

Приходите — посмеёмся в лица им,
приходите — рогатка ладони жжёт,
приходите, а если нагрянет милиция —
мы смоемся.

Нас ночь убережёт.

Пренебрежительное отношение к старому миру — причём, не только к религии, но и к истории вообще — напоминает о революционном радикализме Маяковского, которого молодой поэт очень хорошо знал и любил, даже писал в университете дипломную работу о нём³: «Довольно жить законом, // данным Адамом и Евой. // Клячу истории загоним» («Левый марш») и так далее. В духе Маяковского (особенно раннего Маяковского) выдержан и откровенный эпатаж лирического героя «Стихов об озорстве». В стихах молодого футуриста такое встречалось постоянно — по отношению к толпе или к той же религии: «...я захохочу и радостно плюну, // плюну в лицо вам // я — бесценных слов транжир и мот» («Нате!»); «Я думал — ты всесильный божище, // а ты недоучка, крохотный божик. // Видишь,

³ См., например: Гизатулин М. Шамордино (1950–1951) // Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. [Вып. 1]. М., 2004. С. 99.

я нагибаюсь, // из-за голенища // достаю сапожный ножик» («Облако в штанах»). *Рогатка* в стихах Окуджавы, конечно, вполне стоит этого *сапожного ножика*. Любопытно при этом, что в зрелые годы поэт не называл Маяковского среди своих учителей: нетрудно представить, что поэтический радикализм «агитатора, горлана, главаря» стал со временем чужд ему. Возможно, такое переосмысление косвенно объясняет и нежелание автора публиковать впоследствии «Стихи об озорстве», «маяковскую» линию в которых он сам не мог не ощущать.

Показательно и то, что стихотворение подключается к «уличной» теме, характерной для городского фольклора эпохи оттепели, и соответственно — для сформировавшегося тогда жанра авторской песни (достаточно вспомнить первые песни Высоцкого)⁴. Начало песенного творчества самого Окуджавы тоже не осталось в стороне от этой тенденции: назовём такие песни как «А мы швейцару...» или «Из окон корочкой несёт поджаристой...», стилизующие уличный фольклор. «Стихи об озорстве» лишний раз показывают, что демократичность поэзии (прежде всего, конечно, песенной поэзии) Окуджавы опирается во многом на эту традицию. Заметим, что герой Окуджавы хотя и владеет рогаткой и собирается *смыться* от милиции, — но знает при этом русскую историю (*Софья, стрельцы*). Это сочетание вполне отвечает духу распространённого тогда — и зачастую сливавшегося с уличным фольклором — фольклора интеллигентского, обычно иронического, герой которого мог, скажем, представлять себя таким одесским маргиналом («Ах, больше мне не пить твоё вино — ой-вэй! — // И клёшем не утюжить мостовые») и при этом знать греческую мифологию и русскую литературу: «Был Одиссей бесспорно одессит, // За это вам не может быть сомненья! // А Саша Пушкин тем и знаменит — ой-вэй! // Что здесь он вспомнил чудного мгновенья» и так далее («Песня про Одессу-маму» Е. Аграновича и Б. Смоленского)⁵. Преимущество стихотворения Окуджавы по отношению к этой традиции напоминает, кстати, о существенной дистанции между его автором и лирическим героем: понятно, что Булат Шалвович не стрелял по монастырям из рогаток и не

⁴ См. подробнее: Соколова И. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М., 2002. С. 104–126.

⁵ Агранович Е. Избранное: В 2 кн. М., 2001. Кн. 1. С. 144.

призывал делать это других. Короткая судьба этого стихотворения может объясняться поэтому ещё и тем, что оно не стало у Окуджавы песней: в песенном варианте стихи могли бы оставаться в творческом активе поэта дольше (как, скажем, «Из окон корочкой...»), ибо песня, подобно интеллигентскому фольклору вообще, не требует идентификации автора и героя, а лирическое стихотворение провоцирует на такую идентификацию гораздо ошутимее. Поэту же едва ли хотелось, чтобы в герое стихотворения видели именно его, Булата Окуджаву.

В «Стихах об озорстве» узнаются и некоторые другие характерные особенности лирики Окуджавы, к началу 60-х годов уже определившиеся и убеждающие нас, что, будучи в итоге отвергнуто самим автором, стихотворение вовсе не стоит совсем особняком в его творчестве. Это, прежде всего, обращение к конкретному московскому топониму (Новодевичий монастырь — в ту пору, кстати, уже давно никакой не монастырь!), придающее лирическому переживанию ту же конкретность и убедительность. Напомним для сравнения хотя бы названия некоторых произведений поэта второй половины 50-х годов: «На Тверском бульваре» (см. нашу статью в этом выпуске альманаха), «Весна на Пресне», «Песенка об Арбате»... В литературе о поэте не раз отмечалось, что такие топонимы делают окуджавскую Москву не городом вообще, а городом дорогих и узнаваемых улиц и районов (хотя здесь *Новодевичий* дорогим для поэта, конечно, не назовёшь).

Показательно и присущее лирике поэта обращение к читателю / слушателю — обращение непременно на «вы», не отменяемое уличной тематикой стихотворения: *А если вам непривычно сдерживаться; вы подумайте!* Даже стрелять из рогатки этот герой призывает с присущей ему вообще интеллигентностью. Здесь опять вспоминаются уже написанные к этому времени произведения, где звучит подобное обращение: «Подумайте, простому муравью // вдруг захотелось в ноженьки валиться...»; «На Тверском бульваре // вы не раз бывали...». Характерная для поэзии Окуджавы вежливо-доверительная интонация звучит даже в «Стихах об озорстве», при всей их внешней экзотичности, проявляющейся, в частности, и в отборе лексических средств (разговорные выражения *будь неладны, слюнявые, смоемся*).

Стихотворение интересно своей поэтической техникой. Разговорная интонация достигается во многом за счёт дольни-

ка, которым поэт широко пользуется уже в 50-е годы, то и дело отказываясь от «гладкого» классического стиха («Лес таинственный лиственный...», «Я уйду от пули, делаю отчаянный рывок...»); при этом ритмика Окуджавы порой даже приближается к тоническому стиху Маяковского, где расстояние между ударными слогами составляет не один-два, как допускает дольник, а три-четыре и даже пять слогов (например, в «Сапожнике»: «Постукивает под крыльцом, позёвывает»). Любопытно, что пятисложный интервал встречается и в «Стихах об озорстве»: «Пожалуйста, не разоряйте...». Рифмует автор «Стихов...» тоже мастерски — большинство рифм здесь являются ассонансными, неточными, и потому ощущение разговорной интонации усиливается: *галочки — горечи; сдерживаться — забрезжуются; незваными — позванивают; окон — огонь; кумушки — камушки; солью — Софью; в лица им — милиция*. Мастерство Окуджавы в области рифмы отмечалось⁶. Заметим, что оно очевидно уже в стихах 50-х годов (*бульваре — бывали; прошлое — непрошеным; живу — жену* и так далее). Возможно, что и эта особенность поэтики Окуджавы связана с его творческим интересом к традиции Маяковского, такую рифму ценившего и постоянно использовавшего.

⁶ См.: Богомолов Н. Булат Окуджава и массовая культура // Булат Окуджава: его круг, его век: Материалы Второй междунар. науч. конф. М., 2004. С. 93.

Станислав СВИРИДОВ

БАЙКАЛ И ОКРЕСТНОСТИ

«Байкал» — это стихотворение Б. Окуджавы, написанное, предположительно, в 1961 году и зафиксированное на записи одного из концертов летом 61-го (дата также предположительная)¹. Текст невелик — 28 строк, написан четырёхстопным хореем, в песенном исполнении не известен.

Поэт-пришелец из далёкой России познаёт Байкал. Поскольку для писателя постигнуть значит назвать, познание выливается в поиск верного образа, а сюжет стихотворения представляет собой путь от чувства к высказыванию.

Путешественник изумлён огромностью Байкала, поэтому начинается стихотворение с гипербол:

Осушить не хватит силы
этот каменный бокал...
О, Байкал, какой вы сильный
и бездонный,
мой Байкал!

Но эти стихи служат лишь прологом, лирический сюжет настоящего завязывается во второй строфе, где поэт переходит к качественным характеристикам (*чистота, красота*) и делает

¹ Кроме фонограммы, есть ещё один источник текста — авторизованная машинопись, сохранившаяся в архиве И. Живописцевой. Судя по поэтической логике замен, автограф отражает более ранний вариант текста. В машинописи песня озаглавлена, в концертном исполнении — нет, но после вступительного комментария заглавие прозвучало бы как повтор («Я недавно был в Сибири, и я там написал небольшое стихотворение о Байкале. Вот я вам шас его прочту»). В автографе заглавие не зачёркнуто. Поэтому представляется возможным сохранить его при позднейшем (концертном) варианте текста. Графика и пунктуация приводятся по машинописи с восстановлением пропущенной запятой перед словами *сравнением доволен* и исправлением в последнем катрене, где Окуджава изменил синтаксическую форму («я учусь» вместо «и учусь»).

два жеста, выражающих благоговейный восторг, — это обращение на *вы* и земной поклон:

Перед гулким наводнением
чистоты и красоты
низко кланяюсь с волнением,
не решаюсь я на «ты».

Да, именно поклон до самой земли, так как автор-герой, склонённый ниц, на время перестаёт видеть «собеседника» и осязает его лишь *с л у х о м и п а м я т ь ю*. Он познаёт Байкал не глазами, как турист, но по-художнически, вслушиваясь в себя. А воображение писателя говорит на языке условной литературности, в котором для «темы родины» имеются испытанные «народные» образы:

Напрягаю слух и память
среди кедров и полян...
О, Байкал, вы — славный парень,
на груди у вас — баян.

Вы то ласковы, то властны,
то задумчивы опять,
вы как сказочник скуластый —
вам бы сказки бормотать.

Славный парень с баяном и сказочник скуластый — это крепкий сибиряк в двух возрастных вариантах. Герой-поэт доволен своим мастерством: он прекрасно знает художественный канон. Но, открыв глаза, видит, что реальность сложнее и прекраснее поэтических клише:

И, сравнением доволен,
подымаю я глаза...
О Байкал, вы — грозный воин,
а в глазах у вас — слеза.

Конечно, *воин* со слезами на глазах — поэтический родственник *парня* и *сказочника*, но отличается от них почти как фольклорный «третий брат». Этот Байкал — ратник, а не крестьянин; он исполнен заботы, а не беспечности; он внутренне сложен, он защитник, болеющий душой за человеческие беды и тревожащийся за хранимых им людей. Теперь образ, нужный Окуджаве, найден, дальше он не изменится. Перед поэтом предстал сибирский бог-воитель, и автор спешит прибегнуть к нему с просьбой об учительстве и защите.

Все слова свои и просьбы
я готов унять в груди,
только вы меня не бросьте
ненароком на пути.

Я учусь у вас покою,
я учусь у вас страстям,
только будьте под рукою,
остальное всё — к чертям!

Вполне завершённое, ничем не способное смутить цензора, свободное от биографических деталей, это произведение

БАЙКАЛ

Осушить не хватит сил
этот каменный бокал...
О Байкал, какой вы синий
и бездонный,
мой Байкал!

Бегини

Перед волнами наводнением
чистоты и красоты
низко кланюсь с волнением,
не решаюсь я на "ты".

Напрягаю слух и память
среди кедров и полей...
Ах Байкал, вы — славный парень,
на груди у вас — баян.

Вы в рассвет неугоасимый
преклоняете голову,
вы как будто лебедь синий,
исчезнувший в траву.

Вы то ласковы, то властны,
то задумчивы опять,
вы как сказочник скуластый —
вам бы сказки бормотать.

И сравнением доволен,
открываю я глаза...
О Байкал, вы — грозный воин,
а в глазах у вас — слеза.

Все слова свои и просьбы
я готов унять в груди,
только вы меня не бросьте
пароходом на пути.

Я учусь у вас покою
и учусь у вас страстям,
только будьте под рукою,
остальное всё — к чертям!

не было опубликовано Окуджавой. Почему? Вопрос далеко не праздный, ведь логика работы писателя проливает свет на его художественное мышление и языки его творчества. А ответ, как нам кажется, нужно искать в «окрестностях» — литературных контекстах стихотворения. На трёх из них мы остановимся подробнее.

1. Реки, моря, Нева Петровна

В 1964 году Б. Окуджава говорил поэту В. Дагурову: «Все твои стихи, Володя, так или иначе отражают социум, ты пишешь о взаимоотношениях между людьми, а ведь качество поэтического дара лучше всего проявляется в отношении человека к природе. Так называемые “пейзажные” стихи писать намного труднее, чем сюжетные, но зато они более ярко выражают талант поэта или его бесталанность»². Мы не знаем, какие формы и примеры имел в виду Окуджава, но его собственные стихи о природе являются скорее сюжетными, чем «пейзажными» и тоже говорят о «взаимоотношениях», но не социального, а скорее мифологического порядка. Поэт придаёт природе антропоморфные черты, чтобы затем склониться перед олицетворённой стихией со словами восхищения, любви, благодарности... Именно так построено стихотворение «Март великодушный», которым В. Дагуров проиллюстрировал пейзажное мастерство Окуджавы. Так же написаны стихи «Подмосковье», «Родина», «Нева Петровна...», «Прощание с новогодней ёлкой»... Олицетворение — стратегия, которой следует большинство стихов и песен Окуджавы, посвящённых природным и городским пространствам.

Автор «Байкала» мог бы назвать себя не только пейзажистом, но и маринистом. Водоёмы занимают не последнее место в его образности, выступая, как правило, в роли коррелирующего члена метафоры или сравнения. Вспомним: «Ты течёшь, как река. Странное название! // И прозрачен асфальт, как в реке вода» /50/³; «Тверская улица течёт, // куда не знает» /195/; «Полночный троллейбус плывёт по Москве, // Москва, как ре-

² См. публикацию в настоящем изд. С. 34.

³ Стихи и песни Окуджавы (за искл. «Байкала») цит. по изд.: Окуджава Б. Стихотворения. М.: Совет. писатель, 1985. Курсивы в цитатах принадлежат автору настоящей статьи.

ка, затухает»⁴ /6/; «Надейся, надейся, голубка, // свои паруса пораскинь, // ты хрупкая словно скорлупка, // по этим морям городским» /93/. С маленьким корабликом сравнивается городская шарманка /151/, с большим кораблём — литературное призвание («Письмо Антокольскому»), вся жизнь — с океаном («Не бродяги, не пропойцы...»).

Наконец, многие тексты Окуджавы, в том числе «пейзажи», написаны в форме обращения.

Эти три характерные черты языка Окуджавы мы отметили потому, что «Байкал» и «Нева Петровна...» находятся на их пересечении. Они написаны в личной форме второго лица, множественного числа (*вы*), построены на образах-олицетворениях и посвящены водоёмам. Причём водоём, обычно выступающий у Окуджавы как коррелят художественного тропа (агент сопоставления), здесь является референтом (предметом изображения). В этом смысле, оба текста могут прочитываться как путешествие поэта вглубь собственного образного мира. Проще говоря, поэтическое самопознание.

Такая степень родства свойственна произведениям, образующим микроциклы. Стремился ли к этому поэт — другой вопрос. Для нас важно, что «Нева Петровна...» и «Байкал» могли бы составить тематическую пару. И более того, оказавшись рядом, не и з б е ж н о образовали бы её, независимо от прямого авторского намерения. Два объяснения двум водным стихиям — западной реке и восточному озеру... Смысловые «половинки» совпали бы безупречно, и цикл зазвучал бы как многоплановая антитеза: мужского и женского, Европы и Сибири, культурного и народного, литературного и фольклорного и т. д. А главную его оппозицию образовали бы два чувства. Первое — неразрешимая вековая влюблённость

⁴ Интересно признание поэта В. Сикорского, что некогда ему хотелось подправить песню Окуджавы «Последний троллейбус», сделать её «безукоризненно точной», без увидевшихся ему ошибок: «Непонятно и даже дико, что пассажиры троллейбуса, кружащего по аллеям, вдруг становятся матросами! И там же не очень внятна строка: “Москва, как река, затухает”» (Сикорский В. Встреча с памятником // Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 14). Но на языке Окуджавы это сказано как раз «безукоризненно точно»: улицы у него являются реками, следовательно, троллейбусы — кораблями, а пассажиры — матросами. Поэтому В. Сикорскому и не удавалось улучшить стихи: «Но сколько я ни придумывал вариантов, к моему удивлению текст не только не улучшался, а даже ухудшался. В конце концов я осознал: изменять органичное для Окуджавы словесное изделие нельзя!» (Там же).

в духе «Чудесного вальса» (ср.: «Целый век играет музыка. / Затянулся наш роман»; «...Ваше платье цвета белой ночи // мне третий век забыться не даёт»). Второе — надежда на защиту и спасение.

Лю б о в ь и н а д е ж д а... Своего рода «формула» поэзии Булата Окуджавы, два её нераздельных лейтмотива. И поэту ничего не стоило свести их в воображаемом микроцикле. Отчего же он не сделал этого? Рискнём предположить, только по одной причине: не хотел. Нечаянно сложившаяся антитеза не отвечала его поэтическому видению вещей.

В самом деле, ведь конфликтное построение текста, поэтика бинарных контрастов не характерны для Окуджавы. Чаще его тексты строятся на перечислении, соположении элементов, а не на их столкновении. И уж конечно, его поэтическая философия не противопоставляет надежду и любовь. Они функционально равны, близки вплоть до бытийной слитности в качестве вечных *кредиторов* человека. Позже Окуджава признаётся в своей мечте не разделить, а соединить два величайших переживания: «Когда бы любовь и надежду / связать воедино, // какая бы (трудно поверить) / возникла картина!» /231/. Не удивительно, что поэту не пригодилась их случайно складывающаяся антитеза.

2. Днепр-отец река и советская песня

Избежав, казалось бы, неизбежного, Окуджава не допустил в своём стихотворении ни одной переклички с прототипическим «гимном» Байкала — песней «Славное море...» А также и с другими фрагментами «байкальского текста» русской поэзии. К концу 50-х в ходу было несколько шаблонов для сложения стихов о Байкале. Первый, мифологический, основан на региональных мифах, приспособленных к делу гидами и экскурсоводами. Это легенды о богатыре Байкале и его дочери Ангаре, бежавшей к возлюбленному Енисею; о Шаманском камне, защищающем Сибирь от потопа; о катастрофическом рождении озера, о Пегом быке и проч. (М. Кривошеин в XVIII веке, В. Михеев в XIX, А. Каршин, Г. Вяткин, А. Оборин в начале XX и другие). Второй шаблон, «бродяжий», рисует Прибайкалье как страну беглых каторжников — нищих, но гордых свободолюбцев. Образцом для него послужили песни «Славное море...» и «По диким степям Забайкалья», а катализатором — революционный энтузиазм 1920-х (см. стихи И. Луговского, М. Скуратова, П. Накрапа, А. Ольхона). Соцреалистический канон, упрямо сводивший любую тему к сценам труда и образам тру-

дового коллектива, превращал Байкал в страну рыбколхозов (В. Непомнящих, А. Ольхон, И. Луговской, П. Реутский, М. Сергеев, И. Молчанов-Сибирский). И наконец, в 50-е годы начал складываться экологический стандарт, видящий в Байкале природную святыню и предмет защиты от неразумной и / или святотатственной деятельности человека (А. Твардовский, позднее А. Румянцев, В. Забелло, А. Кобенков)⁵.

Вряд ли эти клише могли быть неизвестны Окуджаве, если только что он побывал на Байкале, где слышал, вероятно, и «экскурсионный минимум» легенд, и стихи местных поэтов. Но в его «Байкале» как будто специально нет ни беглянки Ангара, ни рыбацкой артели, ни бочек с арестантами, ни экологии. Что ж, любой самокритичный поэт сторонится штампов (ср. оригинальные стихи о Байкале Ю. Левитанского, И. Северянина). Однако один приём, не менее старый, чем «баргузин» и «омулёвая бочка», Окуджава не отверг, а, напротив, положил в основу своего текста. Мы говорим о традиции поэтических обращений к Родине или представляющим её природным ландшафтам — рекам, озёрам, горам, полям. В упрощённой, плакатной форме этот приём был канонизирован советской массовой песней. Окуджава не был её адептом, а напротив, боролся с соцреалистическим каноном. Но, чтобы победить противника, нужно сойтись с ним на одном поле, а не прятаться от него. Как это часто бывает в искусстве, полемически ополчаясь на массовую песню, Окуджава не сторонился её приёмов, а нередко отбирал их у «противника», как боевые трофеи. В эстетическом поле *присвоить* значит *переконструировать* — чужой приём подстраивается под свои языковые условия, свои стратегии и референтные потребности и тем самым оживляется, очищается от канонического сора. Повторим, это логика, характерная для поэтической эволюции вообще⁶.

⁵ Упомянутые здесь и далее стихотворения о Байкале см.: Козлов И. И., Степанцов М. В. Поэзия Байкала: (Байкал в стихах и фотографиях). Иркутск, 2001. Цит. по: www.baikalfoto.ru.

⁶ Освоение авторской песней поэтического языка массовой песни отмечалось в ряде научных работ. См.: Абельская Р. III. Ах, это, братцы, о другом...: Совет. песня и её значение для формирования поэтики Булата Окуджавы // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы Третьей междунар. науч. конф. Москва, 17–20 марта 2003 г. М., 2003. С. 265–278. Нам также приходилось касаться этого вопроса: Свиридов С. В. Жанровые свойства реабилитации и пародирования в авторской песне В. Высоцкого на тему труда // Студенческая научная конференция: Тез. докл. Калининград: КГУ, 1994. С. 105.

Так вышло и с традицией «ландшафтных посвящений»: Окуджава реформирует её, меняя личную форму текста с единственного числа на множественное. Не зря он подчеркнул своё поэтическое решение: «Не решаюсь я на “ты”». Это значит, в числе прочего, ‘не хочу следовать песенной традиции, использующей форму единственного числа’. Вспомним: «Волга, русская река, // Не видала *ты* подарка...»; «Эй, баргузин, пошевеливай вал» (народное). «Сибирь, страна прозрачных рек, // Окрепла *ты* в борьбе» (Е. Долматовский). «Мне понятна *твоя* вековая печаль, // Беловежская пуша»; «Усть-Илим, над Москвой *твои* ветры поют, // Усть-Илим, *твои* ветры в дорогу зовут...»; «Друг *ты* мой, Ямал, Ямал! // Я, как сказку, *тебя* открывал» (Н. Добронравов)⁷.

Может быть, Окуджава просто более вежлив, чем поэты Долматовский и Добронравов? Нет, помня о многофункциональности местоимения *ты*, мы не сможем их упрекнуть. Ведь *ты* к а ю т не только приятелю, но также царю, властелину, богу. Среди значений *ты* есть и фамильярное, и сакральное. Например, в английском языке устаревшие местоимения второго лица, единственного числа *thou, thy, thine* имеют поэтическое возвышенное значение (примерно такое, как в русском языке у старого звательного падежа), подсвеченное мотивами библейского текста. Сходный архаико-поэтический оттенок есть и у русского *ты*. Советская песня, апеллируя к антропоморфным образам городов, рек, озёр и других ландшафтов, говорит им *ты* в сакральном, а не фамильярном смысле.

Близкое культурное значение может иметь и *ты* в обращении сына к отцу. Думается, в исторической перспективе оно обозначает не бытовую близость, а скорее сакральность родительской власти и авторитета. Здесь уместно вспомнить, что советская песенная поэзия традиционно решает «географические» образы русской земли с помощью метафор родительства: «Волга, Волга, *мать* родная» (народное); «Ты увидел бой, Днепр-*отец* река»; «Ничего нет на свете красивей, // Ничего нет на свете светлей // Нашей *матери*, гордой России, // И не счесть у неё *сыновей*»; «Под небом прозрачным и синим // Зем-

⁷ Советская песня и фольклорные тексты цит. по следующим источникам: Долматовский Е. Избранные произведения: В 2 т. М., 1971. Т. 2.; интернет-сайты: www.lib.ru («Библиотека Мошкова»), www.pakhmutova.ru («Александра Пахмутова в интернете»).

ля — словно сон наяву. // Зови меня *дочкой*, зови меня *сыном*, // А я тебя *матерью* с детства зову» (Е. Долматовский). «Здравствуй, Русское поле, // Я твой тонкий колосок» (И. Гофф). «Малая земля — священная земля, // Ты моя вторая *мать*»; (Н. Добронравов). В годы войны к «Песне о Днепре» было добавлено интересное народное четверостишие: «Бьёт фашистский сброд Украина-*мать* // Партизанкою по Днепру, // Скоро выйдет вновь *сыновей* встречать, // Слёзы высохнут на ветру!»⁸. Фольклорная стихия, с присущим ей безукоризненным чувством традиции, «достроила» мифологический текст песни: Днепр — божественный отец-прародитель, Украина — мать, народ — их несметное племя.

Не то у Окуджавы. Байкал представляется ему мудрым учителем и защитником. В стихах пятого катрена есть, возможно, прямая перекличка с «Песней о Днепре» (ср.: «О, *Байкал*, вы — грозный воин, // а в глазах у вас — *слеза*»; «Ой, *Днипро*, *Днипро*, ты течёшь вдали, // И волна твоя, как *слеза*»). Но это диалог на разных языках, а вернее, диалог самих языков. *Вы* Окуджавы противопоставлено слишком однозначному мифологизаторскому *ты* песенной традиции, так как слово Окуджавы вообще направлено против эпико-мифологического характера «культуры-2». *Я* он противопоставляет советскому *мы*, своего маленького человека — советскому «культурному герою», сентиментальность — героическому пафосу, интимность — публичности; об этом много говорено критиками и литературоведами.

Более лоялен Окуджава к мифологизации, так сказать, по блоковской «модели» — опирающейся не на первобытный архетип, а на философскую и литературную фантазию. В этом плане характерно противоречивое стремление поэта, с одной стороны, мифологизировать жизнь, формируя мифопоэтическими средствами образы абсолюта, красоты, совершенства, — *создать себе богиню*; а с другой стороны — гуманизировать идеал, одеть его в *пальтишко лёгкое* и *старенькие туфельки*. На пересечении этих стремлений обретаются столь характерные персонажи Окуджавы, «красивые и мудрые, как боги, // И гру-

⁸ Нам нельзя без песен / Сост. Ю. Г. Иванов. Смоленск: Русич, 2004. (Цит. по сайту: <http://a-pesni.narod.ru>). К слову, Долматовский использовал в песне и форму звательного падежа *Днипро*, которая звучит здесь как поэтизм и украинизм одновременно.

стные, как жители земли» /67/. Таков и Байкал — божественно грозный, но с грустью землянина в глазах.

Важно и то, что Окуджава «назначает» Байкал не отцом своим, а учителем и защитником. Как известно, для мифа наиболее характерны и органичны отношения родительства или супружества. Окуджава же предпочитает оставаться в рамках аллегории, с её несложной рациональностью, сдерживает дрейф образа в сторону мифа. Поэтому его олицетворённые персонажи характеризуются через социальные отношения (*часовые любви* /49/, *дежурный по апрелю* /80/, *кредиторы* /59/, *торопливые судьи* /231/, *учитель мой* /20/) либо через отношения братского, а не сыновнего родства («Ты наша сестра, / мы твои непутёвые братья» /230/). В крайнем случае, герой бывает представлен в галантных отношениях, которые являются скорее культурно-эстетическими, чем эротическими (*Нева Петровна*, *Ваше благородие госпожа разлука* и др.) Кстати, во все эти связи человек входит один, как существо индивидуальное, личность. А советская песня, в дискурсе которой голос *я* обязательно поддержан (и *з а в е р е н*) голосом массы, моделирует отношения племени и сакрального прародителя, далёкие от какой-либо духовной индивидуации. Поэтому язык соцреалистического мифа референтно несовместим с таким Байкалом, каким узнал его Окуджава.

Выбирая Байкал в учителя и защитники, певец зовёт божественное сибирское море низойти с метафизических небес и войти в исторический мир автора и слушателя. Байкал Окуджавы — это сильный заступник, почвенный мудрец, на которого герой хотел бы надеяться, как на маяк в житейском море. Образ ярок, контрастно прорисован на фоне традиции и обогащает образную парадигму Окуджавы — кажется, ничто не мешало «Байкалу» в его праве на жизнь...

Разве что какое-то другое произведение могло конкурировать с ним, претендовать на его место в поэтическом ряду?

Если так, то первый кандидат на эту роль — песня «Не бродяги, не пропойцы...»

3. Семь морей и «размер-удачник»

Песня «Не бродяги, не пропойцы...» расположена рядом со стихотворением «Нева Петровна...» — примерно там, где мы ожидали бы увидеть «Байкал». И не только в «Стихотворениях» (1984), но и в «Избранном» (1989), и в «Чаепитии на Арбате»

(1996) — во всех прижизненных изданиях, включающих о б е эти вещи. После 1984 года песня была опубликована отдельно от «Невы...» только в одном издании — нотном⁹, куда стихотворение попасть просто не могло.

Это соседство не кажется случайным: два текста сближает «водная» тема, форма обращения, мотив преклонения перед высшей красотой, взгляд в глаза... Однако всё это есть и в «Байкале»! И этим его сходство с песней не исчерпывается. Оба текста имеют «анакреонтический» зачин (*за столом, осушить бокал*), а ближе к концу — восклицание *к чертям!* В обеих вещах — надежда на помощь и поддержку. Если учесть отброшенное четверостишие «Байкала», в обоих текстах есть эпитет *синий*: *синий лебедь, синие маяки*¹⁰. Но главное, они имеют один стихотворный размер — четырёхстопный хорей с чередованием женских и мужских клаузул.

Правда, это один из самых популярных размеров русской поэзии. М. Л. Гаспаров даже назвал его «удачником», указывая на его вездесущность. «В 1820-х годах он занимал в русской лирике третье место по употребительности (после 4-ст. и вольного ямба), а в 1830-х годах — второе (после 4-ст. ямба)»¹¹. Хотя к 1960–1970-м годам он отступает на шестое место (6,5%), но всё равно опережает большинство трёхсложников¹². Наконец, 4-ст. хорей исходно связан с песней¹³. Значит, его частотность у Окуджавы не удивительна и не может дать нам какой-либо существенной информации?

Это только на первый взгляд. Дело в том, что у Окуджавы 4-ст. хорей *жм* в с т р е ч а е т с я р е д к о и, что удиви-

⁹ Песни Булата Окуджавы / Сост. Л. Шилов. М.: Музыка, 1989.

¹⁰ «Вы в рассвет неугасимый // преклоняете главу, // вы как будто лебедь синий, // опустившийся в траву». Строфа сохранилась в машинописи, зачёркнута рукой Окуджавы. Здесь же вариант третьего стиха: «О Байкал, какой вы *синий*».

¹¹ Гаспаров М. Л. «На воздушном океане...»: (4-ст. хорей с окончаниями Ж, М: размер-удачник) // Гаспаров М. Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2000. С. 192.

¹² По данным кн.: Гаспаров М. Л. Очерк истории рус. стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 316.

¹³ Вездесущность 4-ст. хорей подчеркивается множеством шуточных центонов, сочинённых на его основе. Один из них (К. Чуковского) приводит Гаспаров в качестве эпиграфа к упомянутой статье. В известном песенном центоне катрены различных песен и стихотворений совмещены с рефреном и музыкой песни из фильма о трёх мушкетёрах; при хорошей эрудиции поющих эти хорей могут тянуться без конца, как докучная сказка.

тельно, всего в одной из песен основного репертуара — «Не бродяги, не пропойцы...» («Я пишу исторический роман» vyplнена 4-ст. хореем с иной строфикой).

Причину холодности певца к 4-ст. хорю косвенно указывает тот же М. Л. Гаспаров. По его мнению, связь хоря с песней «объясняется тем, что песня для чёткости ритма предпочитает размер с сильным местом на первом слоге, без затакта»¹⁴. Но Окуджава как раз любил затактовые начала. Многие характерные, «знаковые» его песни имеют двусложную анакрузу — «Грузинская песня», «О Володе Высоцком», «По Смоленской дороге», «Опустите, пожалуйста, синие шторы...», «Песенка об Арбате», «До свиданья, мальчики»... А в хорее, ямбе — Окуджава-исполнитель может редуцировать первый икт стиха (или строфы) до едва ощутимой силы, тем самым создавая длинный безударный период, предшествующий первому сильному месту, в котором звук произносится открыто и долго. Так поются строки «Я много лет пиджак ношу», «Когда метель кричит как зверь», «Гордо и неторопливо», «Слова, как ястребы ночные». «Затактовый» зачин является одним из самых узнаваемых маркёров индивидуального песенного стиля Окуджавы¹⁵.

Семантически 4-ст. хорей Окуджавы архаичен, обращён к традициям пушкинского времени (вместе со стилизаторским интересом поэта¹⁶). В 1820–1830-е годы 4-ст. хорей тяготеет к значениям любви и дружбы, тревожных дум, экзотики¹⁷. В послепушкинской традиции он служит знаком бурного пафоса, который был мало свойствен Окуджаве. Традиция 1920-х годов,

¹⁴ Гаспаров М. Л. «На воздушном океане...». С. 193.

¹⁵ Следует отметить, что хорей уступают трёхсложникам в авторской песне вообще (См.: Смит Дж. Метрический репертуар рус. гитарной поэзии // Смит Дж. Взгляд извне: Ст. о рус. поэзии и поэтике. М., 2002. С. 330; Фомина О. А. Стихосложение В. С. Высоцкого и проблема его контекста. Дис... канд. филол. наук. Самара: СГУ, 2005. С. 181 и далее). Затактовое начало любил не только Окуджава, но и Высоцкий (см.: Томенчук Л. Я. О музыкальных особенностях песен В. С. Высоцкого // В. С. Высоцкий: исследования и материалы. Воронеж, 1990. С. 164). Но и на этом фоне «затактовый» стиль Окуджавы индивидуален и всегда узнаваем. Он служит двойным знаком: и коллективной, и частной художественной идентичности.

¹⁶ Возможно, в «Байкале» он мотивирован стихотворением Пушкина «Дон». Отметим также сходство со стихами Блока «Пушкинскому дому»: перекликаются размер, «водная» тема, форма обращения, просьба о защите («Дай нам руку в непогоду, // Помог в немой борьбе»), финальный поклон («...Тихо кланяюсь ему»). Впрочем, само стихотворение Блока есть отклик на «Пир Петра Велико-го» А. С. Пушкина.

¹⁷ См.: Гаспаров М. Л. На воздушном океане... С. 196–202.

связывающая 4-ст. хорей с детскими стихами, первозданной простотой, художественным примитивом (например, у Заболоцкого) отзывается косвенно только в «Считалочке для Беллы». Хореические стихи Окуджавы тяготеют к пушкинскому кругу значений. Во-первых, это «любовь, вино, дружба, скромный бытовой фон», при которых характерна «побудительная интонация, обычно с обращением»¹⁸; к этому типу относится песня «Не бродяги...». Во-вторых, это уют простого быта (*мирной жизни торжество*), нередко в противопоставлении анакреонтической модели (так, «*Чаепитие* на Арбате» — антитеза традиционным поэтическим «винопитиям»). Ретроспективная природа таких хореев открыто выявлена в «Считалочке для Беллы», с её апелляциями к «Александру с Михаилом», шутливой стилизацией и игровыми отсветами альбомного стиха. Наконец, в-третьих, Окуджава придаёт своему хорею окраску тревожную, медитативную: «Мы стоим — крестами руки...», «Глас трубы над городами...» (ср. у Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...», «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы», «Бесы»).

В этом семантическом спектре «Байкал» и «Не бродяги...» оказываются рядом. Для них актуальны одни и те же значения размера — дружба, просветлённая взволнованность. Они оба окружены знаками поэтической традиции «золотого века», в числе которых и размер, и «застольно-тостовый» обертон, и форма обращения. О словесных перекличках песни и стихотворения уже говорилось. Ещё немного — и они покажутся нам даже не диптихом, а двумя вариантами одного текста¹⁹.

Неудивительно, что из двух произведений удержалось в творческом репертуаре Окуджавы только одно, и к тому времени, когда «Нева» и песня «Не бродяги...» стали регулярно включаться в печатные сборники, «Байкал» ушёл из концертов и книг Окуджавы. В верности авторского выбора, думаю, мало кто усомнится. И хотя его мотивы наверняка мы не узнаем, сходство двух произведений вполне могло стать препятствием к их соседству на печатных листах²⁰.

¹⁸ Там же. С. 196.

¹⁹ А вот соседство с «Невой Петровной» более удачно: песня поэтически и тематически подсвечивает предыдущий текст, не споря с ним и не перифразируя его.

²⁰ Мы не ставим вопрос о хронологии написания трёх рассматриваемых текстов. Во-первых, нет данных, чтобы достоверно судить о ней. Во-вторых, к моменту выхода «Стихотворений» все три вещи были уже написаны, и не столь важно, в какой последовательности. Если «Байкал» создан раньше двух других текстов, то автор мог счесть его «эскизом», если позже других — то самоповторением.

* * *

На рубеже 1950-х и 1960-х годов, отталкиваясь от закосневших традиций, Окуджава нашёл свой поэтический язык, небывалый и неповторимый, — и целый денотативный материк, до того неизвестный миру, обрёл слово. Теперь певец спешит выговорить всё, что составляет эту страну и другим языкам неподвластно. Новый замысел обгоняет прежний, поэтическая идея едва успевает облечься в слово... В стихах о сибирском озере, и о поэте, замороженном сибирским озером, и о желании замороженного поэта найти защиту в могучей силе *чистоты и красоты* Окуджава использовал поэтические ходы, составлявшие на тот момент «копилку» его открытий. Но каждую находку он, вероятно, испытывал в нескольких контекстах и вариантах, подбирая наилучший. Повторения при этом неизбежны. «Байкал» вышел слишком похожим на другие вещи того же времени и выглядел рядом с ними избыточным — либо как повтор, либо как нежелательная «рифма». Поэтому, можно предполагать, Окуджава не включил его в тесный объём своих первых публикаций и сборников, а затем мог просто позабыть. Что, конечно, не делает «Байкал» менее достойным внимания потомков.

Вл. НОВИКОВ

ДВЕРЬ, КОТОРАЯ НЕ ВЫДЕРЖАЛА СМЫСЛОВОЙ НАГРУЗКИ

У Булата Окуджавы мало неудачных произведений. Тем ценнее каждое из них для исследователя. Шедевры с трудом поддаются аналитическому разрезанию, а вещи «недотянутые» наглядно демонстрируют направление творческого усилия, реальную работу художественного приёма.

Речь пойдёт о сохранившемся в фонограмме стихотворении, предположительно оно датируется 1961 годом. Приведём запись с того места, где автор представляет своё произведение и декламирует его. Пронумеруем при этом строфы для удобства разбора.

<...> Некоторым оно бывает почему-то не понятно, сразу некоторые не могут его воспринять, они его воспринимают как сказку. Оно называется

ДВЕРЬ, КОТОРАЯ УШЛА В ТАЙГУ

1. Глухарь токует на току
тайком в такую ночь.
Уходит дверь моя в тайгу
от разговоров прочь.
2. Сама уходит, верь не верь,
шагает наугад
моя распахнутая дверь.
Лишь петельки звенят.
3. Она, как женщина, спешит
на новый свой ночлег.
И белой ниткою прошит
её капризный бег.
4. Уходит дверь моя в тайгу,
не сыщешь след порой.
Лишь комары поют в кругу
над солкою сырой.

5. Лишь вьётся, вьётся налегке
болотный аромат.
А дверь гуляет по тайге.
А петельки звенят.
6. О, чем старше, тем мудрей
(на том стоит земля) —
Жильё какое без дверей?
Нет без дверей жилья.
7. Сидишь ли дома у окна,
идёшь ли в дальний путь —
всегда с собою дверь нужна,
чтоб можно распахнуть.

Немудрено, что это стихотворение не могли в о с п р и -
н я т ь первые его слушатели. Оно и сейчас вызывает много во-
просов, на которые сам текст отвечает не очень внятно. О чём
сия «сказка»? Кто это — *дверь моя*? Явно не комсомолка, от-
правляющаяся в тайгу с геологической или туристской целью.
Может быть, это взыскующая душа поэта, жаждущая свободы и
бегущая *от разговоров прочь*, то есть от обыденной мещанской
болтовни? «Она, как женщина, спешит...» Так, может быть,
речь о женщине, отважной в любви, не боящейся *разговоров*,
спешащей к любимому человеку, как Маргарита к Мастеру?
«Лишь петельки звенят» — самая эмоционально убедительная
строка. Она создаёт настроение, но не вносит логическую яс-
ность. *Капризный бег* — способ поведения, присущий как самим
поэтам, так и женщинам, их вдохновляющим.

Сравнение, выстроенное в первых трёх строфах, начинает
буксовать. Четвёртая и пятая строфы — явный провал, и в со-
держательном и в формальном отношении. *Комары, сопки, бо-
лотный аромат* — всё это из готового риторического набора
«таёжной» поэзии. «Не сыщешь след порой» — язык расхожий
и совсем не окуджавский. Не спасает дело и повтор удачной
строки о *петельках*.

Главный образно-композиционный приём Окуджавы —
расширение смысла, о чём мне писать уже доводилось. Но, ока-
зывается, такое расширение — рискованная творческая опера-
ция. Здесь возможны и неудачи. После смыслового «простоя»
четвёртой-пятой строф философический нажим в шестой стро-
фе работает вхолостую: «Жильё какое без дверей? Нет без две-
рей жилья». На место *дверей* подставляется что угодно. В том
числе, конечно, и женщины, без которых, даже согласно опере-
точному афоризму, жить нельзя.

Слишком много потенциальных смыслов оказалось нагружено на бедную дверь. К финалу образная конструкция просто обрушивается. «Всегда с собою дверь нужна, чтоб можно распахнуть» — явный языковой срыв. Понятно, что это анаколуф, что в последней строке в угоду размеру редуцирован глагол *было* («чтоб можно *было* распахнуть»). Но бывают анаколуфы, оправданные эмоционально-смысловым контекстом, а бывают и просто немотивированные. Потому, наверное, Окуджава и оставил данное стихотворение в забвении, а потом вернулся к *двери* как образному материалу в своей гениальной «Песенке об открытой двери»¹:

Когда метель кричит как зверь —
протяжно и сердито —
не запирайте вашу дверь,
пусть будет дверь открыта.

А если ляжет дальний путь,
нелёгкий путь, представьте,
дверь не забудьте распахнуть,
открытой дверь оставьте.

И, уходя, в ночной тиши
без долгих слов решайте:
огонь сосны с огнём души
в печи перемешайте.

Пусть будет тёплой стена
и мягкой — скамейка...
Дверям закрытым — грош цена,
замку цена — копейка!

Вот уж где предельная художественная экономия, абсолютная композиционная точность. Слово *дверь* встречается в первой, второй и четвёртой строках, причём в буквальном значении. В третьей оно отсутствует, зато здесь присутствует слово *душа*. Так и рождается образующее песню сравнение. «Песенка об открытой двери» — это стихи об открытой душе, что явлено как бы само собой. Даже как-то неудобно дидактически это разъяснять — все и так понимают правильно.

Наверное, без первой «Двери» не была бы сочинена и вторая. Побывав в творческой лаборатории Окуджавы, вновь вспоминаешь слова Тынянова о неудачах, которые приближают возможность удач.

¹ Впервые опубли.: День поэзии. М., 1962. С. 143.

Полагаю, что в будущем академическом издании Окуджавы текст «Дверь, которая ушла в тайгу» не стоит включать в основной корпус стихотворений. Место ему — в дополнении, там же, где должны быть, к примеру, калужские газетные стихи, коими так неразумно и текстологически безответственно открыт злополучный том в «Библиотеке поэта». А может быть, данное стихотворение стоит лишь процитировать в комментарии к «Песенке об открытой двери». Оставим решение этого вопроса текстологам.

Но стихи, о которых шла речь, интересны ещё в одном отношении. Образ *женщины-двери* не состоялся поэтически, но он значим психологически, поведенчески. Смелая и самоотверженная женщина в житейской биографии поэта играет двоякую роль. Она — надёжная защита от внешнего мира: «Нет без дверей жилья». Вместе с тем она бывает нужна и для того, чтобы её *распахнуть* (то есть на житейском языке — оставить), чтобы начать новый этап жизни, с новой спутницей и вдохновительницей. Таково «подсознание» недоволощённого Окуджавой лирического сюжета.

Многие, даже слишком многие биографии больших художников соответствуют этой схеме. И, как мне кажется, честный биограф не может обойти вниманием этот «неправедный изгиб» (выражение Баратынского) творческой натуры, особенно если он проявился в самой фабуле житейской судьбы поэта. Биографический жанр сейчас переживает бурный подъём, причём в прошлое уходит советская традиция пририсовывать живым и сложным людям некое нормативно-безупречное «облико морале».

Создание биографии Окуджавы — это трудная работа, которая «будет сделана и делается уже». Наверное, дело не ограничится одной книгой. Возможны и разные методы, и разные творческие версии. «Материалы к биографии» могут быть строго документальными и научно выверенными, но целостное биографическое повествование, по моему убеждению, не может не быть беллетристическим. И не только потому, что «там, где кончается документ», приходится прибегать к вымыслу. А ещё и потому, что, когда пишешь о поэте, волей-неволей выстраиваешь сравнение поэтического мира и житейски-биографической фабулы. Избежать этого, художественного по своей сути сравнения

можно только одним путём — не упоминать ни одного стихотворения, не цитировать ни одной поэтической строки. Что невозможно.

Перед биографом возникает соблазн подмены героя биографической книги лирическим героем его поэзии. Был ли лучший певец душевной открытости человеком душевно открытым? Ох, не знаю. Многочисленные рассказы литераторов-современников о простом и доступном «Булате» представляются не то чтобы неправдивыми, но какими-то поверхностными. Мои собственные разговоры с Булатом Шалвовичем в Гренобле и Париже в 1988 году не дают какой-то существенной зацепки на этот счёт. Могу только вспомнить его горестное признание: «Ничего нового не могу сочинить, нет фантазии». Приняв это за чистую монету, я потом даже настороженно относился к стихам и прозе Окуджавы 90-х годов. Однако по зрелом размышлении понимаю, что это было некоторое лукавство или даже кокетство, вполне извинительное для мастера такого масштаба. Во время прогулки по авеню Ош и авеню Фош я также был посвящён в несколько историй о парижских приключениях поэта. Отработав их на многих слушателях, Окуджава впоследствии опубликовал их как «Автобиографические анекдоты».

Окуджаву своим другом считали многие. Он сам однажды насчитал у себя целых двух друзей, причём оба не были литераторами. Открывал ли кому-то он душу нараспашку, делился ли лично-любовными проблемами?

Вопрос.

А может быть, для того, чтобы так пронзительно и точно выразить нашу общую душу, поэту необходимо было свою собственную душу стараться держать за закрытой дверью? Чтобы энергию сконцентрировать.

Тоже вопрос.

Будем ждать от биографов творческих ответов.

Евгений ЯМБУРГ

ШКОЛЯРЫ РИСУЮТ ОКУДЖАВУ
(Педагогический проект длиной
почти в четверть века)

Счастлив дом, где пенье скрипки
наставляет нас на путь
и вселяет в нас надежды...

23 марта 1985 года в нашей школе № 109 был дивный вечер. На подмостках школьной сцены шла литературно-музыкальная композиция «Дилетант — значит влюблённый», посвящённая жизни и творчеству Б. Ш. Окуджавы. За год до этого события мы со старшеклассниками решили прервать печальную отечественную традицию — «они любить умеют только мёртвых» — и создать спектакль о живом поэте, пригласив его самого на премьеру. Легко сказать — создать. Стихи, песни и проза Окуджавы тогда были более или менее доступны, но где было искать биографические материалы — документальные свидетельства друзей и коллег по цеху поэта?

К счастью, я знал, куда обратиться. Выручил Лев Алексеевич Шилов: он дал необходимые адреса и телефоны людей, чей жизненный путь пересекался с судьбой Булата Окуджавы, и порекомендовал подробно записывать интервью с ними. Так в один из вечеров мы оказались в квартире Натана Яковлевича Эйдельмана. Охватив мнущуюся на пороге толпу весёлыми глазами, он энергично представил нас супруге: окуджавия!

«Моей маме скоро девяносто, и она влюблена в стихи Булата, с восторгом слушает его и моя дочка. Вы подумайте: его знают и любят люди, рождённые в девятнадцатом и двадцатом веке, и наверняка будут слушать в веке двадцать первом», — начал он рассказ об отношении к творчеству Окуджавы...

Имя поэта, как пароль, открывало все двери. Ю. Левитанский, Н. Бялосинская (член литературного объединения «Магистраль»), актёры театра «Современник», участники спектакля «Вкус черешни» — никто из них не отказал во встрече.

Вечер был заведомо «обречён» на успех. Хотя бы потому, что на дальнюю окраину Москвы в обычную школу приехал сам Булат Шалвович, а позже, чуть опоздав, в переполненный зал протиснулся З. Е. Гердт. Атмосфера вечера была наполнена любовью. Подробнее об этом вечере можно прочитать в книге А. Крылова¹.

Прошли десятилетия, и сегодня мы уже учим в школе детей тех мальчиков и девочек, кто были действующими лицами и исполнителями того памятного спектакля. За истекшие годы я не раз возвращался мыслью к предсказанию Н. Я. Эйдельмана о том, что творчество художника по-прежнему будет волновать и людей нового тысячелетия. Так ли это? Не скрою, временами охватывало сомнение. Много, слишком многое переменялось в мире, стране и в нас. Один за другим уходили из жизни многие из тех, у кого мы когда-то брали интервью. Казалось, что звёзды-идолы навсегда стали кумирами всех без исключения молодых, а грохот шоу-концертов навечно заглушил тихий голос поэта.

Но прозорливый историк, как тому и положено быть, оказался прав. Доказательством служит графика юных художников, представленная в этом альманахе. Мальчики и девочки двадцать первого века рисуют по мотивам творчества Б. Окуджавы. Случайно ли это? Вопрос не праздный, но приобретающий самое широкое культурное и педагогическое звучание. Дети, оглушённые потоком информации, не могут быть виноваты в том, что порой слушают не то и не там. Ответ за это несут растерявшиеся взрослые, деморализованные обрушившимися на них переменами, забывшие о своей ответственности в культуре перед новыми, вступающими в жизнь поколениями. Если пускать всё на самотёк, то творчество поэта останется притягательным только для пожилых людей и будет в лучшем случае вежливо восприниматься юношеством лишь в качестве символа поколения шестидесятников, уходящего со сцены жизни. Разумеется, «неистов и упрям», горит огонь, зажжённый поэтом. Но кто-то, более

¹ Крылов А. Е. Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ. М.: Булат, 2005. С. 20–22.

скромный, должен его постоянно поддерживать, не уставая подбрасывать хворост. Таков закон хранения и передачи культуры. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить торжество, устроенное в память поэта на главной площади Кракова, где собрались тысячи молодых людей и исполнители песен Окуджавы из многих стран мира, и наши скромные, милые, камерные посиделки для «своих». И то и другое транслировалось по телевидению. Нет сомнения в том, что рано или поздно «на смену декаблям приходят январь», но опыт показывает, что автоматически, без участия людей, причастных к культуре, это не происходит.

Нашим воспитанникам повезло. Во-первых, с родителями, которые в своё время получили прививку творчеством поэта. Поэтому усилия педагогов, обращающих детей к стихам, песням и прозе Б. Окуджавы, получали поддержку дома. А во-вторых, с учителями, совсем молодыми преподавателями изобразительного искусства: Олегом Васильевичем и Мариной Валерьевной Кармазиными. Они в содружестве с учителями литературы сделали многое для того, чтобы погрузить детей и юношество (рисовали ученики с шестого по одиннадцатый класс) в атмосферу стихов и песен поэта. На это ушли месяцы. А затем настал момент, когда ребята созрели для поездки ко Льву Алексеевичу Шилу в Дом-музей К. И. Чуковского, директором которого он был до самой смерти. К нему же мы ездили с родителями некоторых из ребят два десятка лет назад — по аналогичному поводу.

Так случилось, что в тот день был сильный мороз. Идти пришлось пешком километров семь. Все страшно замерзли. В тот раз я был страшно занят и, к сожалению, не смог сопровождать эту группу. На следующее утро педагоги рассказали мне, как переживали за ребят, опасаясь, что они прямо с мороза попадут на лекцию. Но надо было знать Льва Алексеевича. Первым делом детям был предложен горячий чай, пряники и конфеты. Прямо за столом завязался разговор о доме, в котором оказались ребята, о посёлке Переделкино, где каждый уголок дышит воспоминаниями о великих русских писателях. Тонкий исследователь и хранитель архивов, Лев Алексеевич, безусловно, (рука не поднимается писать) *был* замечательным педагогом. Найдя верные интонации, в беседе за чаем он делал самое главное: погружал детей в контекст культуры. Постепенно разговор перешёл на творчество Булата Окуджавы. Тихая

камерная беседа не расслабляла ребят, но всё больше захватывала, держала в напряжении. Почему, за счёт чего? С мороза, да за чашкой горячего чая всякое могло случиться. Чего греха таить, — бывает, что они и на уроках дремлют. Секрет Шилова заключался не в специальных методических приёмах, поддерживающих внимание детей. Он до последних дней горел любовью к литературе, и его горение не могло не передаваться. Такая вот педагогика — горение. Обо всём этом наперебой рассказывали на следующий день педагоги и дети. С тех пор они протоптали дорожку в этот дом.

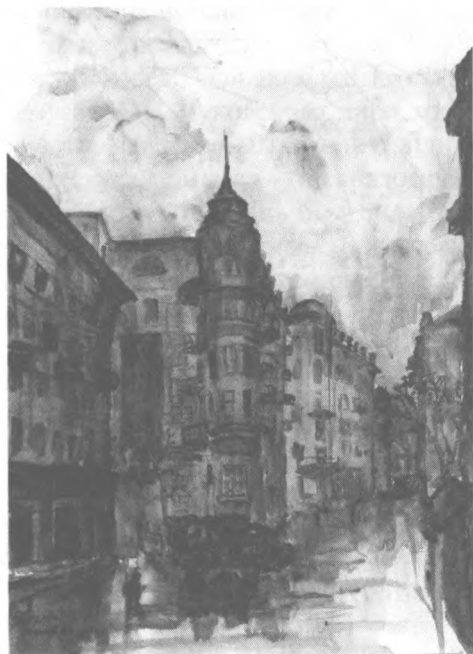
А спустя некоторое время в школе возникло особое место, которое называется «Арбат на Юго-Западе». Арбат как символ интеллигентности, духовности в память «дворянина с арбатского двора» Б. Ш. Окуджавы. Там теперь и выставлена графика юных художников. Небольшая часть работ попала в эту серьёзную, взрослую книгу. Для всех нас это большая честь.

Маша Русакова, 15 лет

Нина Вилкул, 14 лет. «Арбатский дворик»

Дима Гусев, 15 лет. «Арбат, 43»

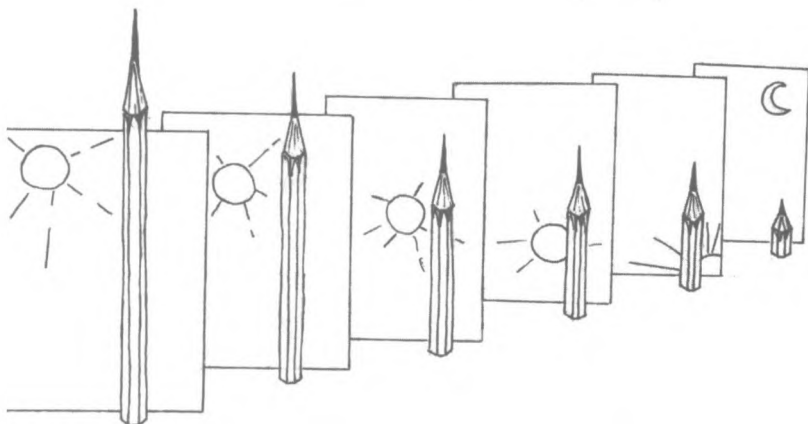
Д. Гусев. «Дача в Переделкине»

Оля Майорова, 15 лет

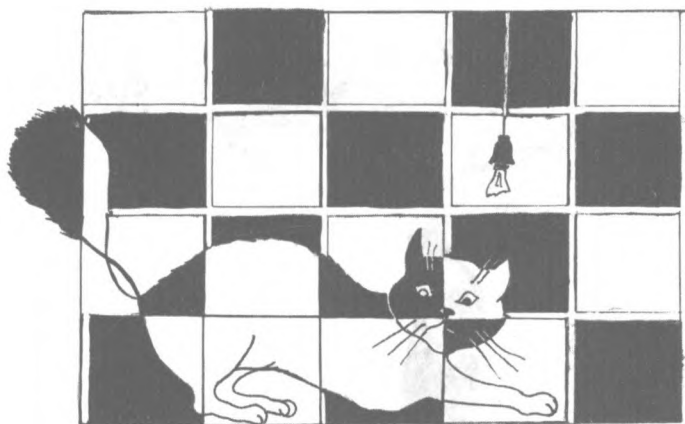
*М. Русакова. «Сто раз я нажимал курок винтовки,
а вылетали только соловьи»*

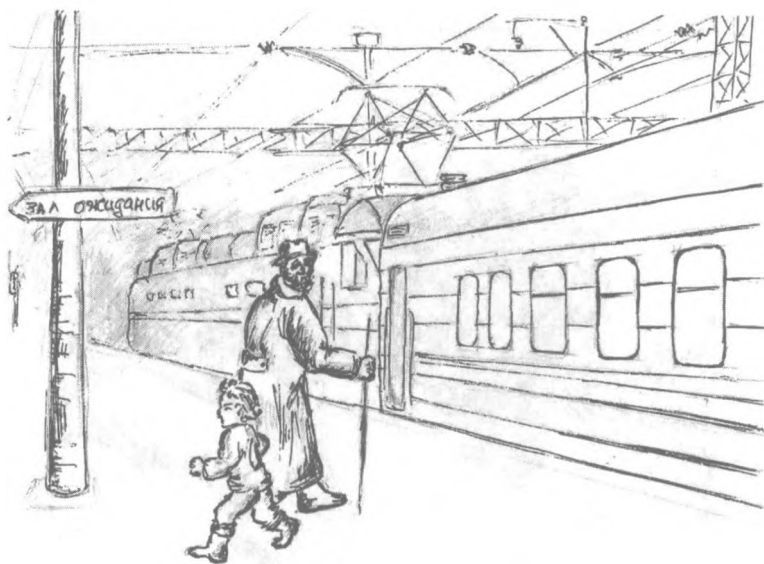
Аня Козлова, 14 лет. «Карандаш желает истину знать...»

Алексей Комиссаров, 15 лет. «Вобла»

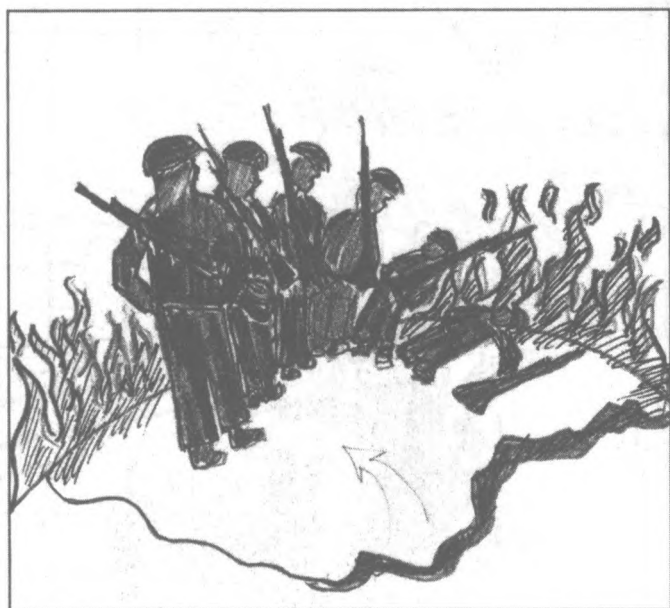
Лиза Мерперт, 13 лет. «Песенка про Чёрного кота»

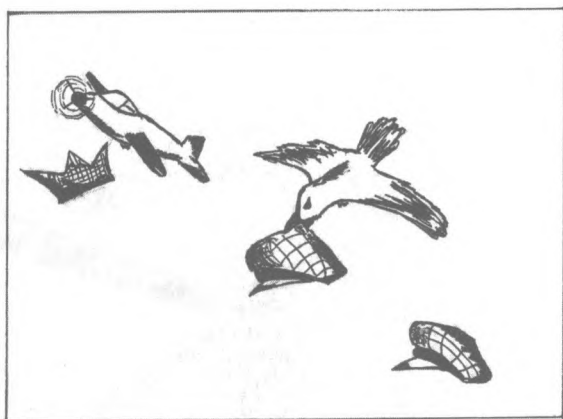
Алиса Фокина, 16 лет. «Наша жизнь — это зал ожидания...»

Н. Вилкул. К рассказу «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова»

Андрей Малахов. «Нам нужна одна победа»

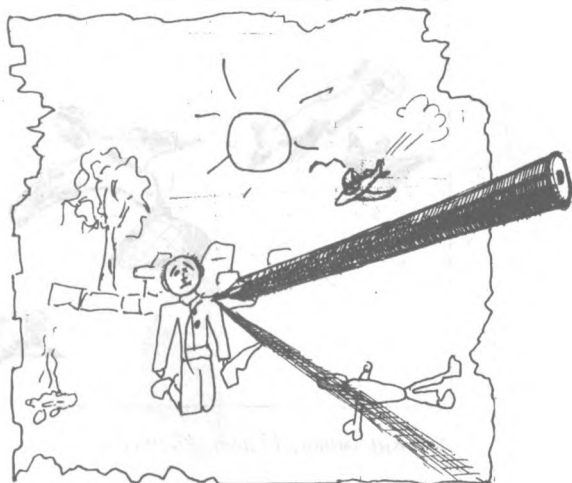

Аня Кирамова, 13 лет. «Король»

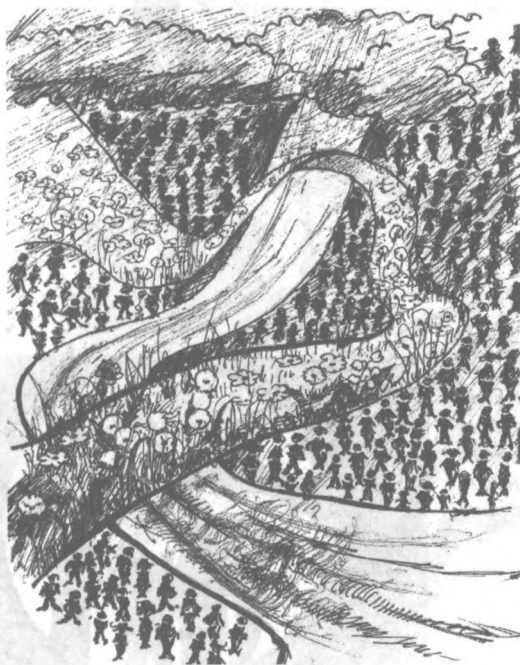

Игорь Ковалёв,
16 лет.
Диптих
«Надежды
маленький
оркестрик»

Маша Щеначёва, 13 лет. «Ах, что-то мне не верится,
что я, брат, воевал...»

Катя Любимова, 14 лет. «Две дороги»

Катя Еремеева, 15 лет. «И когда упал в бою, эти два великих слова,
словно красный лебедь, снова прокричали песнь твою»

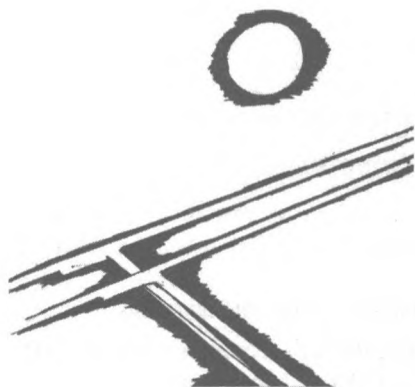
Д. Гусев. «Год сорок первый. Зябкий туман.
Уходят последние солдаты в Тамань...»

Юля Бубликова, 12 лет. «...А шарик вернулся, а он голубой»

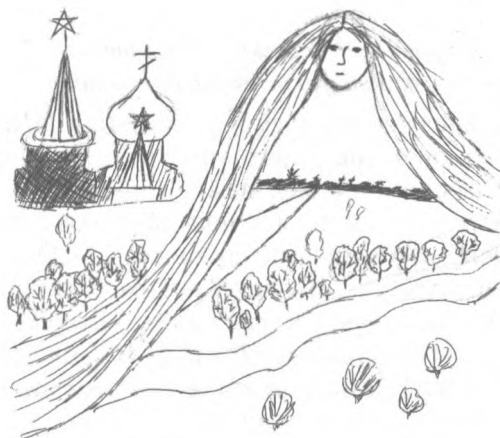
Ксения Гаврилова, 11 лет. «Ванька Морозов»

Евгения Эбралидзе, 15 лет.
«Полночный троллейбус»

Лена Волкова, 11 лет.
«Бумажный солдатик»

Юля Гайсина, 10 лет.
«В саду Нескучном тишина.
Встает рассвет светло и строго.
А женщину зовут Дорога...
Какая дальняя она!»

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

По материалам Интернета-2005

Анонсы

Булата Окуджаву поставят на Малой Бронной

...Весной Театр на Бронной отметит шестидесятилетие Великой Победы новой постановкой «Будь здоров, школяр». Инсценировку повести Булата Окуджавы о молодых москвичах, которые в годы Великой Отечественной войны со школьной скамьи уходили на фронт, осуществит Марк Розовский.

26 января

Национальн. информ. группа «Newsinfo»

<http://www.newsinfo.ru>

В Перми пройдёт 6-й открытый городской конкурс патриотической авторской песни им. Булата Окуджавы

Конкурс посвящается шестидесятилетию Победы в Великой Отечественной войне и проводится в целях гражданско-патриотического воспитания молодёжи, возрождения национального достоинства, пропаганды лучших образцов патриотической авторской песни. Мероприятие состоится 23–24 апреля. Среди номинаций конкурса — «Лучший автор», «Лучший исполнитель», «Лучшее музыкальное решение», «Лучшее исполнение песен о войне», «Поющий педагог» и др. В конкурсе могут принимать участие авторы-исполнители в четырёх возрастных категориях: до 14 лет, с 14 до 18 лет, с 18 до 30 лет, с 30 лет и старше. Городской оргкомитет возглавляет начальник департамента по культуре, спорту и молодёжной политике В. Б. Стариков.

22 марта

Официальный сайт Администрации города

<http://www.gorodperm.ru>

***В апреле ветераны войны и труда
могут бесплатно побывать на всех концертах
Органного зала Башкирской государственной филармонии***

В преддверии празднования юбилея Великой Победы в Башкирской государственной филармонии 1 апреля стартует супер-акция. Всем ветеранам войны и труда будет предложена стопроцентная скидка на все концерты Органного зала БГФ.

Репертуар на апрель изобилует разного рода программами. <...> 27 апреля он представит вниманию любителей поэзии ещё один концерт — по творчеству Булата Окуджавы.

*24 марта
Алия Давлетишина
Башкиринформ, г. Уфа
<http://www.bashinform.ru>*

***Вахтанг Кикабидзе представит сегодня в зале «Россия»
свою новую большую программу —
первую в Москве за прошедший год***

Вахтанг Кикабидзе представит сегодня в зале «Россия» свою новую большую программу — первую в Москве за прошедший год. Она называется «Я жизнь не тороплю».

«Сегодняшний концерт будет вечером музыкальных премьер и воспоминаний», — рассказал Кикабидзе в интервью ИТАР-ТАСС. В финале он впервые исполнит «Молитву» Булата Окуджавы. Кстати, вскоре Вахтанг Кикабидзе намерен записать диск песен Окуджавы.

*8 апреля
Радиостанция «Эхо Москвы»
<http://www.echo.msk.ru/news>*

Вечер памяти Булата Окуджавы пройдёт в Тюмени

14 апреля в Тюменской городской юношеской библиотеке пройдёт мероприятие, посвящённое творчеству Булата Окуджавы и 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сотрудники библиотеки назвали эту встречу вечером-портретом и подготовили литературно-музыкальную композицию, которая будет разделена на блоки в соответствии с этапами творчества

Булата Окуджавы: песни о войне, о любви к малой родине — Арбату и просто о любви.

Зрители увидят записи последних концертов поэта. Прозвучат песни из кинофильмов «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья», «Белорусский вокзал», сообщило ИА «Тюменская линия».

13 апреля

ИА «REGNUM»

<http://www.pda.regnum.ru/news>

К 60-летию Победы

Пермский драмтеатр выпустит спектакль

Пермский театр драмы представит спектакль «Лирическая хроника боевых действий расчёта гвардейского миномёта «ПМ-38» в честь шестидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне. Автор инсценировки, созданной по повести Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр», — Борис Цейтлин. Он же и автор спектакля. Премьера состоится 8, 10 и 11 мая.

18 апреля

ИА «Новый регион», г. Пермь

<http://www.nr2.ru/perm>

Фестиваль, посвящённый Булату Окуджаве

«И друзей созову...»

Московский театр «Школа современной пьесы» и Комитет по культуре Москвы с 8 по 25 мая проводит фестиваль, посвящённый Булату Окуджаве «И друзей созову...», в честь шестидесятилетия Победы.

День Булата Окуджавы, который каждый год 9 мая проводит театр «Школа современной пьесы», в этом году по предложению Комитета по культуре Москвы и в связи с празднованием шестидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне, пройдёт по новому сценарию.

Имя Булата Окуджавы неразрывно связано в сознании людей с Днём Победы, а его песни — самый лучший способ передать молодому поколению память о войне. Традиционная программа, состоявшая из «уличного» бардовского концерта на Трубной площади и вечера в театре, будет разбита на два отдельных больших мероприятия, объединённых общей темой —

творчеством одного из самых ярких представителей военного поколения Булата Шалвовича Окуджавы. 8 мая на Поклонной горе состоится открытие фестиваля «И друзей созову...», посвящённого Булату Окуджаве.

Фестиваль, в рамках которого в театре проходят творческие вечера известных исполнителей авторской песни, впервые состоялся в прошлом году, и его участники единодушно пожелали сделать его ежегодным. В гала-концерте, задуманном как единое театрално-песенное представление, примут участие Галина Хомчик, Виктор Луферов, Борис Кинер, Михаил Цитриняк, Александр Дулов, Юрий Лорес, группа «Редкая птица», детские музыкальные коллективы, артисты театра Альберт Филозов, Юрий Чернов, Владимир Шульга, Саид Багов, Владимир Качан, Максим Евсеев, Ольга Гусилетова, Анжелика Волчкова, Вадим Колганов, Олег Долин, Татьяна Фасюра и другие.

Прозвучат песни и стихи Окуджавы, фрагменты его прозы. Начало концерта в 13 часов.

9 мая в театре «Школа современной пьесы» состоится вечер в честь поэта. На сцену выйдут артисты театра и кино, любящие, поющие и читающие Окуджаву: Валерий Золотухин, Иван Бортник, Дмитрий Межевич, Виталий Шаповалов, Дмитрий Щербаков, Юрий Васильев, Валерий Баринов и, конечно же, артисты «Школы современной пьесы».

Начало вечера в 20 часов.

С 10 по 25 мая в рамках фестиваля «И друзей созову...» в театре будут проходить творческие вечера друзей Булата Окуджавы.

Программа фестиваля «И друзей созову...», посвящённого Булату Окуджаве:

8 мая Открытие фестиваля на Поклонной горе — концерт с 13 до 16 часов

9 мая Вечер, посвящённый Булату Окуджаве

10 мая Александр Городницкий

11 мая Сергей Юрский

12 мая Галина Хомчик и Владимир Качан

13 мая Александр Дулов и Юрий Лорес

17 мая Юлий Ким

18 мая Тимур Шаов

19 мая Борис Кинер и Михаил Цитриняк

22 мая Виктор Луферов

23 мая Вероника Долина
24 мая Виктор Берковский
25 мая Елена Камбурова...

22 апреля

ИА «Мосинформ», г. Москва
<http://www.mosinform.ru/news>

***Память жертв сталинских репрессий
почтят в Екатеринбурге***

Панихида по тем, кто погиб в годы сталинских репрессий, пройдёт 18-го в Мемориальном комплексе на 12-м километре Московского тракта Екатеринбурга. Именно там в 1937 и 1938 годах хоронили тех, кого расстреливали по 58-й статье, сообщает корреспондент ИА REGNUM. На памятной плите высечено более восемнадцати тысяч имён. Покоится там, в том числе, и отец Булата Окуджавы — Шалва Окуджава.

По словам председателя общества «Мемориал» Анны Пастуховой, на специальной открытке, выпущенной в память о погибших, запечатлён участок плиты именно с его именем: «На этой открытке мы даже воспроизвели фрагмент мемориальной плиты с именем Шалвы Окуджавы, который тоже похоронен на этом месте. Я помню, когда приезжал Булат Окуджава знакомиться с делом своего отца, он сказал, что «по мистическому совпадению он открыл дело 4 августа, и в деле написано, что день расстрела отца тоже 4 августа». Анна Пастухова также отметила, что вдова известного поэта обещала безвозмездно разрешить опубликовать на Урале стихи Булата Окуджавы, посвящённые жертвам репрессий. Родственники погибших приезжают к этому мемориалу дважды в год. Осенью — в официальный день памяти жертв политических репрессий — и в родительскую субботу летом...

17 июня

ИА «REGNUM»

<http://www.regnum.ru/news>

***В нижегородском театре «Вера»
состоится премьера спектакля «Будь здоров, школяр»***

Премьера спектакля «Будь здоров, школяр» состоится в нижегородском театре «Вера» 22 июня в 18:00 мск¹, сообще-

¹ По московскому времени. — Ред.

ла агентству «НТА-Приволжье» заведующая литературной частью театра Галина Казакова.

По её словам, эту пьесу в одном действии по мотивам военной прозы Булата Окуджавы написала и поставила режиссёр Ирина Лаптиева. Художник спектакля — Владимир Ганин, автор музыкального оформления — Владимир Зырянов. Роли исполняют Михаил Жулёв, Владимир Ганин, Константин Еремеев, Сергей Голышев, Мария Митрофанова, Александра Трушкина.

Военная проза Булата Окуджавы автобиографична, рассказала Г. Казакова, в спектакле показаны восемнадцатилетний солдат, смешной и неуклюжий, а также его товарищи-однополчане.

20 июня

НТА-Приволжье

ИА «REGNUM»

<http://www.regnum.ru/news>

***Тамбовчанка споёт Окуджаву и Ротару
на языке жестов***

В пятницу в Архангельске открывается пятый межрегиональный фестиваль жестового пения «Поющие руки». В нём будет участвовать тамбовчанка Наталья Дорофешина. Она — учитель труда местной школы-интерната для глухих детей. Дорофешина повезла в Архангельск две песни — «Я ж его любила» Софии Ротару и «Ах, война, что ж ты, подлая, сделала!» Булата Окуджавы. Об этом корреспонденту Агентства национальных новостей сообщила замдиректора тамбовской школы-интерната для незрячих детей Ольга Безрукова.

Наталья Дорофешина плохо слышит и будет исполнять эти композиции с помощью рук и мимики — под фонограмму. Также, как и остальные участники фестиваля. В конкурентах у тамбовчанки — вся слабослышащая Россия. В том числе «певицы» из Москвы, Уфы, Омска, Санкт-Петербурга, Магнитогорска, Тамбова, Пензы, Брянска, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Северодвинска, Архангельска. Уже в пятницу Дорофешина выйдет на сцену. Гала-концерт под открытым небом состоится 26 июня...

23 июня

Сергей Поводов

Агентство национальных новостей, г. Тамбов

<http://www.annews.ru>

Музей Окуджавы празднует семилетие

Эта крошечная переделкинская дача стала большим домом для всех, кто любит поэта, для кого приезд на улицу Довженко, 11 посёлка писателей Переделкино — праздник.

Многие знают, что в музее хранится растущая коллекция колокольчиков. Однажды Булат получил от Беллы Ахмадулиной колокольчик и весёлые строки в придачу, дескать, позвони, я всегда прибегу. Булату очень понравился подарок.

Когда весть об этом дошла до людского уха, стали гости привозить поэту свои колокольчики. Сейчас их больше трёхсот, пишет «МК».

27 августа в 15 часов всех почитателей таланта Булата Окуджавы приглашают на День колокольчика в Переделкино, в музей поэта.

27 августа

ИА «Русский Север»

<http://www.yoki.ru/news>

Музей Булата Окуджавы перейдёт в ведомство Московской области²

Государственный мемориальный музей Булата Окуджавы, который располагается в Одинцовском районе Подмосковья, перейдёт из федеральной собственности в ведомство Московской области. Постановление о приёме в собственность мемориального музея приняло во вторник правительство региона.

Напомним, что музей Булата Окуджавы (1924–1997) возник поначалу как общественный в конце августа 1998 года в посёлке Переделкино. Организовали его члены общественных организаций «Клуб друзей Булата Окуджавы» и «Региональный фонд Булата Окуджавы». Статус государственного музей получил в 1999 году.

Расположился музей в дачном домике, где поэт жил последние 10 лет. Экспозиция размещается в двух комнатах — гостиной и рабочем кабинете. Здесь же — коллекция колокольчиков, подаренных поэту друзьями (первый подарила Белла Ахмадулина), топчан и книжные полки, собранные его руками. Во флиге-

² О соответствующем распоряжении премьер-министра РФ М. Фрадкова уже сообщалось 21 декабря 2004 г. (см.: *Голос надежды*. Вып. 2. М., 2005. С. 393). — *Ред.*

ле, построенном для сына Антона, есть «комната друзей», где выставлены фотографии всех, кого знал поэт, стихи, пластинки и книги представителей литературного поколения 60-х годов.

Во дворе музея регулярно проходят концерты авторской песни. Так, недавно там прошёл концерт памяти выдающегося отечественного барда Виктора Берковского.

6 сентября

РИА «НОВОСТИ», г. Москва

<http://www.rian.ru>

Окуджаву споёт для Буратино

В Екатеринбургском театре кукол (ул. Мамина-Сибиряка, 143) определились с датой премьеры нового спектакля «Буратино». Вечную сказку о приключениях деревянного мальчика и его друзей юные зрители смогут увидеть 16 декабря. Пока же в цехах кипит работа — к новой постановке нужно изготовить около тридцати кукол.

«Все куклы в “Буратино” будут планшетными. Они сейчас находятся на разной стадии готовности. Одни уже отшиваются, над другими ещё работают бутафоры, а третьи только-только завершаются в конструкторском цехе», — рассказала «Апельсину» завлит театра Елена Ильина.

Напомним, спектакль выполнен в жанре комедии «дель арте», или комедии масок. Постановкой занимается Александр Борок. Главные роли в нём исполнят куклы, а вспомогательные — живые актёры. Это будет театр в театре. Роль Буратино отдана Андрею Ефимову, Пьеро и Арлекина сыграет Алексей Пожарский, Карабаса-Барабаса — Николай Бабушкин, Дуремара — Евгений Сивко, а Мальвину мы увидим в исполнении актрис Татьяны Жвакиной и Александры Шолик.

В спектакле много музыки, танцевальных и пластических номеров, песен Булата Окуджавы, Юлия Кима, Микаэла Таривердиева.

«Многие уже сейчас спрашивают, как пришла в голову мысль соединить историю Буратино и Окуджаву. Но в этом и заключается своеобразие юмора Борока», — смеётся Ильина.

Спектакль будет идти с 16 по 18 декабря дважды в день. Интересно, что все билеты на него уже проданы.

14 ноября

г. Екатеринбург

<http://www.apin.ru>

Человек, как остров, ранимый и одинокий...

Булату Окуджаве посвятил новую постановку литературный театр Череповца. Постановка называется — Булат Окуджава «Любовь и разлука». По словам исполнителя постановки Татьяны Дурновой, Булат Окуджава — своего рода независимое островное государство, независимость и одиночество. «Любовь и разлука» — это жизнь и судьба, стихи и песни. Это произведения, которые, однажды услышав, невозможно не полюбить. Премьера постановки состоится 4 декабря, в 17.00, в филармоническом зале.

2 декабря

ИА «ВОБЛА.RU», г. Вологда

<http://www.wobla.ru/news>

*Post faktum**Как вырастить сабр, говорящих по-русски*

На фоне неутешительных прогнозов о гибели русского языка в Эрец-Исраэль эта новость вселяет надежду в сердца тех, кто сохраняет привязанность к великому и могучему «языку галута».

В Израиле под эгидой Министерства просвещения вышел в свет учебник русского языка как второго иностранного для 7—8 классов израильских школ под названием «А теперь — по-русски». Книгу создали д-р Т. Яцюк, д-р И. Розентулер, М. Виньяр и д-р О. Коваленко под руководством д-ра Ю. Златопольского и д-ра Яэль Гарусси <...>

В качестве учебных текстов используются произведения русских классиков: Л. Толстого, А. Чехова, С. Аксакова, А. Куприна, Е. Шварца, М. Зощенко, Л. Кассиля, К. Паустовского и др. <...> В поэтических рубриках — стихи Пушкина, Лермонтова, Хармса, Маршака, Чуковского, Овсей Дриза, Булата Окуджавы и других поэтов, на которых выросли родители нынешних школьников...

7 марта

<http://www.jnews.co.il/art>

О творчестве барда замолвили слово

Десятидневная выставка «Тверская книга в Кимрах» завершилась в Центральной библиотеке райцентра 20 марта. В рамках декады в библиотеке прошло десять мероприятий, в которых

участвовало более четырёхсот человек. Самой посещаемой признана литературно-музыкальная композиция по творчеству Булата Окуджавы «Давайте понимать друг друга с полуслова...», прошедшая в ЦБС 16 марта. Главными зрителями этого вечера были старшеклассники и учащиеся профтехучилищ города. Перед юной публикой выступили актёр Кимрского театра драмы и комедии Иван Поляков и местный автор Игорь Мылов. Они исполнили стихи и песни знаменитого барда.

24 марта

Афанасий биржа.

Рос. экономич. еженедельник, Тверская обл.

<http://www.afanasy.biz.ru>

Шаги на сцене

Первый международный фестиваль детских и юношеских любительских театров с успехом прошёл с 25 по 27 марта в Центре русской культуры в Таллинне.

<...> Россию на фестивале представлял петербургский Музыкальный театр детей «Радуга», а Белоруссию — Образцовый театр «Потешник» из минского Центра творчества детей и молодёжи «Эврика». Об условиях конкурса можно судить и по номинациям, в которых были названы лауреаты.

«Радуга» (режиссёр Мария Ланда) получила диплом за лучшее драматическое решение музыкального материала («Виноградная косточка» на песни Булата Окуджавы).

28 марта

Владимир Фридлянд

«Молодёжь Эстонии»

<http://www.moles.ee>

Мелодия из кинофильма «Белорусский вокзал» заввучала с колокольни собора Петропавловской крепости³

Знаменитая мелодия Булата Окуджавы из кинофильма «Белорусский вокзал», зазвучавшая 28 апреля с колокольни собора Петропавловской крепости, стала подарком ветеранам войны и всем петербуржцам в честь шестидесятилетия Великой

³ См. также далее: «Бельгия: открылся фестиваль культуры “Европалия-Россия”». — *Ред.*

Победы от мастера карильонной музыки из Фландрии Йо Хаазена, сообщает корр. «Портала-Credo.Ru».

Директор бельгийской Королевской школы карильона репетирует концерты, которые подготовил к светлому празднику Пасхи. На единственном в России колокольном органе собора Петропавловки, который он восстановил к трёхсотлетию северной столицы, профессор играет ногами и кулаками, извлекая звук из пятидесяти одного колокола. Популярная песня Окуджавы в колокольном переложении зазвучала здесь мягко и изысканно-мелодично...

28 апреля

ИА «Портал-Credo.Ru»

<http://www.portal-credo.ru>

Менты за Ходорковского

26 июня с. г. у памятника Маяковскому на Триумфальной площади Москвы группа демшизы⁴ примерно в сто человек собралась для того, чтобы «отпраздновать» день рождения Михаила Ходорковского. В разгар «празднования» в толпе появились четверо членов Евразийского Союза молодёжи, в том числе Председатель Секретариата ЕСМ Павел Зарифуллин и Председатель Московского отделения ЕСМ Юрий Горский. Евразийцы пришли только для того, чтобы, приняв участие в митинге, заявить о своей поддержке Российского правосудия и о протесте против антироссийской позиции Запада, поддерживающего «пятую колонну» в нашей стране.

«Покиньте нашего Маяковского, отправляйтесь к своему Окуджаве!» — скандировали молодые евразийцы. А затем начали читать стихи Маяковского. В ответ на это участники митинга стали требовать от евразийцев, чтобы они, наконец, закричали «Хайль Гитлер!». Не услышав желаемого, демшиза набросилась на молодых людей, в результате чего оказалось порвано несколько плакатов с той и другой стороны...

26 июня

Сайт «Правая.ru»

<http://www.pravaya.ru/news>

⁴ Так на этом сайте именуют представителей демократических сил. — Ред.

**В Госдуме РФ снова продают
шовинистическую литературу**

В книжном киоске Государственной Думы РФ появилась в продаже новая шовинистическая книга одиозного псевдоисторика Олега Платонова «Еврейский вопрос в России», издательство «Яуза». МБПЧ неоднократно отмечало, что подобные издания продаются в нижней палате российского парламента регулярно. <...>

МБПЧ направляет письмо генеральному прокурору РФ В. Устинову с требованием дать правовую оценку деятельности О. Платонова и издательства «Яуза». По мнению правозащитников, налицо грубое нарушение конституционных норм, разжигание межнациональной розни.

Приводим несколько цитат из книги О. Платонова: <...>

«Ностальгические нотки по ушедшей эпохе 20–30-х олицетворялись у еврейских литераторов в понятии “Арбат”, певцом которого при хрущёвском режиме стал сын видного еврейского большевика Б. Окуджава. “Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия”, — пел, брэнча на гитаре, этот еврейский бард, тоскуя по временам, когда его соплеменники чувствовали себя полными господами великой страны» (С. 258)⁵.

«Еврейские литераторы создали свои организации в духе “Апреля” и ушли из рядов бывшего Союза писателей СССР. Многие из них, уже не скрываясь, раз и навсегда выбрали для себя круг литературных тем и сюжетов, близких им по своему менталитету талмудических истин: “бери от жизни всё, не дай себе засохнуть”, “всё и сразу, ведь ты этого достоин...” Для этой группы литераторов, как и в эпоху еврейских большевиков, доминирующими стали темы разрушения христианской культуры, воинствующего безбожия, сатанизма, антипатриотизма, воспевания свободного секса, описания ненормальной психики, смакования зверств, жестокостей, развратных действий и натуралистических сцен» (С. 283).

7 июля

Московское бюро по правам человека

[http://www.Jewish.ru](http://www.Jewish.ru;);

То же: <http://for-ua.com/news>

⁵ Необходимо добавить, что такая характеристика Окуджавы уже десяток лет кочует из книги в книгу этого довольно плодовитого автора. — *Ред.*

На интернет-аукционе выставлены «звёздные» вещи

Сделаны первые ставки на интернет-аукционе «Все звёзды». На торги выставлены уникальные лоты: фотографии из личного архива Леонида Утёсова, подпись Владимира Высоцкого, гитара лидера группы «Воскресение» Алексея Романова, куртка Глеба Самойлова из известного клипа «Агаты Кристи» «Два корабля», сценические вещи солиста группы «Токио» Ярослава Малого и пиджак HandMade работы участников группы, а также вещи из популярных фильмов производства REN TV «Холостяки», «Боец» и «Солдаты». <...> Перечень лотов постоянно пополняется. В ближайшее время на торги будут выставлены вещи из архива Булата Окуджавы и некоторых популярных исполнителей: Валерии, Кати Лель и других.

Подлинность каждого лота подтверждается специальным аукционным сертификатом с описанием вещи и подписью передавшего её на аукцион владельца...

20 июля

По материалам пресс-центра

«Музыкальная газета», г. Минск

<http://www.nestor.minsk.by/mg/news>

Сезон собачьих свадеб, партий и охоты

Перед выборами в органы местного самоуправления Чувашии разрастаются политические аппетиты у различных партий, пишет «АиФ-Чувашия».

<...> По всем Чебоксарам развешаны щиты с изображением лидера партии «Родина» Д. Рогозина, который без ссылки цитирует знаменитые строчки Булата Окуджавы: «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Нюанс заключается в том, что, согласно орфографическим словарям русского языка, «поодиночке» пишется слитно, а в партийной рекламе почему-то — раздельно. Непатриотичная орфография у «Родины» получается. Хотя кто знает, вдруг словари составляли скрытые враги русского народа, подчёркивает издание.

22 августа

ИА «REGNUM»

<http://www.regnum.ru/news>

Песни бардов о войне выпущены на одном диске

Компания «Бомба-Питер» выпускает сборник песен бардов о войне под названием «Когда была война...» Его настроение очень лирично, мелодии бардовских песен лишены помпезности, они тихие, задушевные, простые, но каждая нотка в них пропета, а не проговорена.

Каждая песня — дань тем, кто погиб на войне. Ансамбль «Поёт Санкт-Петербург» — коллектив питерских бардов — Михаила Канэ, Валерии Авдеевой, Николая Простакова, Валерия Чечета, Алёны Чугуновой — отдал дань уважения всем героям Великой Отечественной, спев для нас песни о войне.

Это песни, написанные разными людьми, среди которых Булат Окуджава, Юрий Визбор, Сергей Никитин и другие — после войны. Они отличаются от военных, в них уже нет той тревоги, и трагизм, которым они наполнены, скорее напоминает «шрам», оставшийся от тяжёлого прошлого, а не живую, ещё не затянувшуюся рану.

22 августа

KM RU — Музыка

***В Государственном Русском музее
проходит выставка фотографа Андрея Райзера***

Андрей Райзер, внук известного русского литературного критика Альфреда Бема, родился в 1949 году в Словакии, где учился фотографии в пражской графической школе. В 1968 году он эмигрировал в Западную Германию, где продолжал занятия фотографией у профессора Отто Штайнера и Вилли Флекхауза. После окончания школы стал работать для больших немецких журналов. В 1983 году Райзер создал фотоагентство «Бильдерберг — архив дер фотографен», которое вскоре стало крупным объединением фотографов в Европе. В 1994 году Райзер переехал в Чешскую республику, где до сих пор живёт в Праге. <...>

Вторая часть экспозиции — портреты таких известных деятелей мировой культуры, как Жорж Сименон, Булат Окуджава, Астрид Линдгрэн, Альфред Шнитке, Гюнтер Грасс и другие. Автор, стремясь передать особенности личности портретируе-

мого, раскрыть его внутренний мир, представляет своих героев без окружения, лишь лицо и фигура на белом фоне.

13 сентября

РИА «Ореанда», г. Санкт-Петербург

<http://www.oreanda.ru/ru/news>

***Бельгия: открылся фестиваль культуры
«Европалия — Россия»***

В бельгийском городе Мехелен, название которого по-французски звучит как Малин, в воскресенье состоялся концерт колоколов, всемирно известный как «малиновый звон».

Концерт приурочен к проведению в Бельгии широкомаштабного фестиваля культуры «Европалия — Россия», который торжественно откроется 3 октября в Брюсселе.

На колокольном органе — карильоне, представляющем собой набор клавишных колоколов, были исполнены аранжировки произведений Петра Чайковского, Александра Бородина, Сергея Рахманинова, других великих русских композиторов, а также российского барда Булата Окуджавы.

Своей виртуозной игрой многочисленных слушателей заворожил директор Королевской школы карильона в Мехелене, знаменитый бельгийский карильонист Йо Хаазен (Jo Haazen)...

2 октября

Александр Шишло

РИА «НОВОСТИ», г. Москва

<http://www.rian.ru>

Прелестные приключения Булата Окуджавы

...Издание, которое только-только появилось на прилавках книжных магазинов, это первая книга с оригинальными рисунками автора. На мой вопрос, кому принадлежат права на это издание, вдова Булата Шалвовича Ольга Окуджава ответила:

— Эта замечательная мысль — придумать нам такой праздник, пришла в голову главе издательства «Вадим-синема» Вадиму Головне. Сейчас он директор Фонда Окуджавы, президентом которого я являюсь. Мы рука об руку всё делаем вместе, и все авторские права отданы ему.

Ольга Владимировна считается одним из самых строгих критиков в переиздании наследия Окуджавы. К тому же, после

того, как она получила патент на его творчество, её одобрение можно считать практически гарантом качества. В рамках презентации «Прелестных приключений» прямо на ступеньках Дома книги на Новом Арбате прошёл фестиваль детского рисунка «Какое небо голубое». В конце презентации в небо были запущены сто голубых воздушных шаров. Они улетели, но когда-нибудь обязательно вернуться.

12 октября

Радиокомпания «Маяк»

Поддержка сайта — Дирекция интернет-вещания ВГТРК

<http://www.radiomayak.ru/culture>

Обзор культурной жизни регионов России

Академии российского искусства исполняется десять лет. Она была создана в 1995 году по принципу французской Гонкуровской Академии. Возглавляет Академию пианист Николай Петров. По его словам, Академия была создана для того, чтобы «объединить нашу культуру». В Академию входят: писатели Фазиль Искандер, Вацлав Михальский, Григорий Бакланов и Эдвард Радзинский, балетмейстер Игорь Моисеев, актёры Элина Быстрицкая и Сергей Юрский, балерина Екатерина Максимова, певица Елена Образцова, танцовщик и балетмейстер Владимир Васильев, музыкальный критик Святослав Бэлза, дирижёр Павел Коган, кинорежиссёр Пётр Тодоровский, дирижёр Олег Лундстрем, музыкант Георгий Гаранян и многие другие. Также в состав учредителей Академии входили поэт Булат Окуджава и академик Дмитрий Лихачёв. В четверг, 20 октября, в Москве в зале Академии состоится торжественный приём и концерт, на котором выступит оркестр Георгия Гараняна и впервые приезжающая в Россию джазовая звезда Джей Ди Уолтер.

14 октября

Агентство национальных новостей

<http://www.annews.ru>

Калуга: открытие музея в 5-й школе

5-я школа — одна из немногих, кто к своей истории относится с трепетом. Сейчас, как преподаватели, так и учащиеся готовятся к празднованию стасорокапятилетнего юбилея со дня основания. На торжество будут приглашены все выпускники,

начиная с 40-х годов. Некоторые приедут из стран СНГ. В этом году их есть чем удивить. Ведь сегодня после прошлогодней реконструкции открылся музей истории школы. Изменился не только состав выставки, но и её концепция. Ранее выставленная экспозиция повествовала о выпускниках школы. Сегодня все выставленные экспонаты разбиты на стенды, представляющие различные этапы развития школы, начиная со дня основания. <...> История школы пестрит личностями, знаменитыми в любой области. Например, музыка: солистки Большого театра Фаина Петрова, Александра Матова, бард-поэт Булат Окуджава, преподававший здесь русский язык и литературу и, конечно же, композитор Серафим Туликов, который, кстати, учился с бабушкой руководителя музея Анны Костенко.

2 декабря

Калужская обл. спутник. телерадиосеть «Ника ТВ»

<http://www.nikatv.ru>

Подготовил В. ЮРОВСКИЙ

Яков НИКИТСКИЙ

В КАДРЕ И ЗА КАДРОМ

«Песни из кинофильмов на стихи Б. Окуджавы»¹ — это три компакт-диска («До свидания, мальчики...», «Пожелание друзьям», «Часовые любви») с песнями и мультимедийный CD-ROM-приложение, содержащий фильмографию (справку о датах выхода кинофильмов, об их режиссёрах и авторах музыки), тексты песен и стихотворений (как включённых в диски, так и не попавших туда), а также навигационно-справочную систему.

Без сомнений, рассматриваемое издание, вышедшее в конце прошлого года, представляет большую ценность для всех любителей творчества Окуджавы. Дело в том, что оно значительно расширяет и дополняет предшествующую ему аналогичную запись (тоже песни на стихи Б. Окуджавы из кинофильмов), состоявшую также из трёх дисков (*L-Junction*, 1997) и включавшую 69 позиций.

Новая работа содержит уже 96 произведений. Дополнения сделаны составителями за счёт фонограмм, обнаруженных в последние годы и ранее никогда на дисках не представлявшихся. Важно также, что в мультимедийном приложении приводятся тексты звучащих в издании песен, которые можно просмотреть как в привязке к отдельным кинофильмам, перечисленным в помещённой там же фильмографии, так и в отдельном разделе «Стихи и песни», где они размещены в алфавитном порядке. Кроме того, в этот раздел составители включили ещё двенадцать песенных произведений Окуджавы, исполнявшихся в ки-

¹ Песни из кино- и телефильмов на музыку И. Шварца, Б. Окуджавы, М. Вайнберга, В. Левашова, А. Журбина, Н. Сидельникова, Л. Шварца, И. Цветкова, Ю. Щуровского, С. Пожлакова, В. Гевиксмана, Е. Глебова, М. Мееровича, А. Рыбникова, В. Чистякова: Коллекц. издание / Вып. продюсер А. Барабанова; консультант проекта В. Босенко. М.: АРК-Систем-Record, 2004.

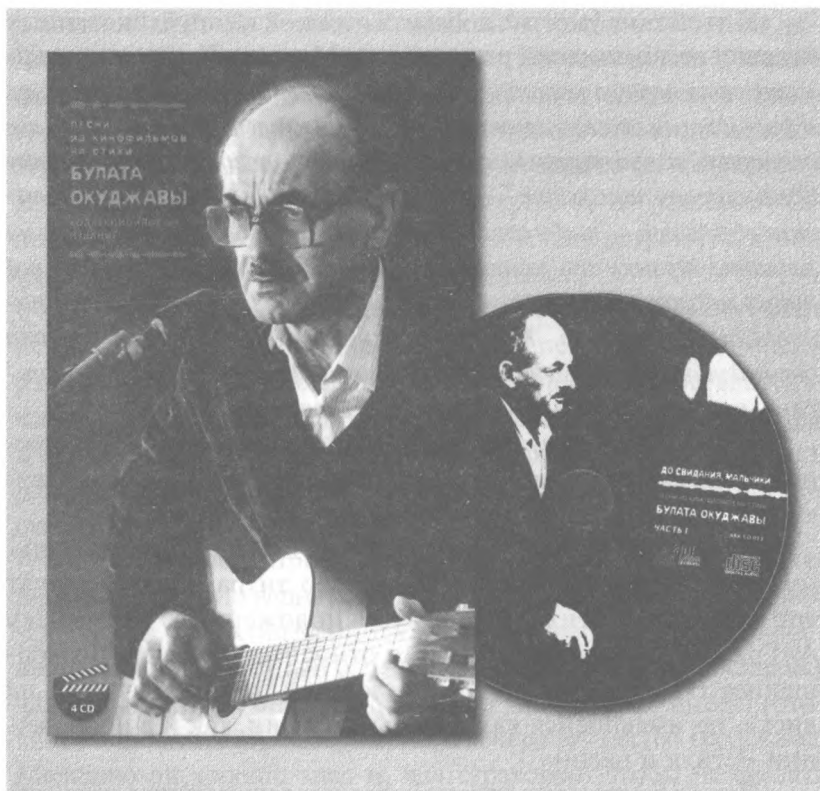
нофильмах, но не записанных на дисках данного CD-издания — возможно, из-за ограниченного объёма дисков. Наряду с собственно песнями, в приложении представлен список киносценариев, в создании которых участвовал Б. Ш. Окуджавы, и перечень художественных (игровых) и документальных фильмов, в кадрах которых он запечатлён.

Из справочных материалов издания видно, что отдельные песни Окуджавы звучали в нескольких разных, совершенно не схожих по содержанию кинофильмах. Так двенадцать песен исполнялись в двух разных фильмах, а три песни — в трёх кинолентах. Это «Ночной разговор» (кф. «Если это случится с тобой» — 1972, «На ясный огонь» — 1975, «Расколотое небо» — 1979), «Сентиментальный марш» (кф. «Застава Ильича» — 1963, «На ясный огонь», «Воспоминание» — 1986), «Союз друзей» (кф. «Начало неведомого века» — 1967–1987, «Мои современники» — 1984, «Непрофессионалы» — 1986).

Очень жаль, что в число звучащих с дисков песен не попали полностью авторская «Ленинградская музыка», прозвучавшая в двух фильмах, но известная только как стихотворение, и «Песенка об Одессе» (музыка В. Гевиксмана), текст которой, ранее нигде не публиковавшийся, представлен в мультимедийном диске-приложении.

Обратная сторона большой информационной насыщенности рассматриваемого издания — ряд обнаружившихся фактических неточностей и ошибок. Вероятной причиной их возникновения является недостаточность имеющихся фильмографических данных, не всегда позволяющих однозначно установить авторство звучащих в том или ином фильме произведений. Из-за этого в CD2 «Пожелание друзьям» ошибочно попала песня «Хоровая шепталка» («У Карабаса страшный бас...») на стихи Ю. Энтина с музыкой А. Рыбникова². Кроме того, фильмографические сведения могут быть и просто ошибочными. Например, из-за ошибки, допущенной в титрах к кинофильму «Друг мой Колька», пионерская песня «Над морем, над сушей...» (муз. Л. Шварца) была включена составителями и в данное (CD1 «До свидания, мальчики»), и в предыдущее, 1997 года, музыкальные издания песен из кинофильмов на сти-

² См.: Рыбников А. Л. Приключения Буратино: Музыка из фильма. Челябинск: МРТ, 2004. С. 26–27. Под названием «Песня о страшной тайне».

хи Окуджавы. Предположения, ставящие под сомнение авторство Окуджавы в этой песне, опубликованы³. В частности, автор статьи приводит фрагмент из сохранившейся фонограммы, сделанной в год выхода кинофильма (1961), в которой Б. Ш. Окуджавя поясняет: «...Я специально для фильмов песен не пишу. Просто... те песни, которые им нравятся, они [кинематографисты — А. К.] берут. Вот так же им понравилась “Песня о последнем троллейбусе”. Но в последнюю минуту эта песня была вырезана, как не соответствующая детскому фильму...» Из-за этой срочной замены, предполагает А. Крылов, титры остались неизменными, то есть ошибочными, а в фильм была вставлена песня с музыкой Л. Шварца на слова до сих пор неизвестного автора.

³ О версии авторства песни «Над морем, над сушей...» см.: Крылов А. Е. О задачах и особенностях текстологии поэтических произведений Окуджавы // Окуджавя: Проблемы поэтики и текстологии. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. С. 169—170.

К этой теме уместно добавить отрывок из опубликованных недавно воспоминаний режиссёра А. Митты: *«Когда я стал снимать свою первую картину “Друг мой Коляка”, я решил вставить в фильм песни этого калужского парня. Две песни наверху сразу же выкинули, а про третью сказали: “Пусть поёт, только музыку композитору закажите”.* Тогда всё должно было быть по правилам: если поэт — пиши слова, если композитор — музыку. И ни-ни мешать! Музыку мы заказали композитору Льву Шварцу, он всё никак не мог выговорить фамилию Окуджава и называл его японски — Окинава. Кстати, он поступил с музыкой Булата очень деликатно, изменив всего две ноты. Но в титрах было написано, как положено: музыка Шварца, слова Окуджавы»⁴.

Впрочем, составители, включая в диск эту песню, возможно, по-своему правы, поскольку исходили из реально существующих о ф и ц и а л ь н ы х сведений.

Сомнительны также версии авторства песен к кинофильму «Романс о влюблённых». Согласно титрам, в нём звучат три песни на стихи Окуджавы, положенные на музыку А. Градским. В особенности это относится к песне «Возвращение» («Загу... загу... загулял, загулял...»), не звучащей на диске, но имеющейся как в фильмографии, так и в приложении «Стихи и песни»⁵.

Выход в свет рассматриваемого коллекционного издания, к сожалению, оставил ещё много работы специалистам-киноведам, его готовившим. Судя по описанию дисков, предстоит установить исполнителей десяти включённых песен. Кроме того, лишь частично определены исполнители ещё в пяти песнях, поющих дуэтом или совместно с хором («Дождик осенний», «Наш городок Парижу не уступит», «Прощание с Польшей», «Скорлупка», «Счастливый жребий»). Непонятно только, почему в описании напротив этих произведений не указано, скажем: «соисполнителей определить не удалось», как это сделано после упомянутого десятка? Кстати, одного соисполнителя можно подсказать составителям без больших усилий. В кинофильме «Законный брак» песню «Счастливый жребий» вместе

⁴ Митта А. «Мои приятели вместо цветов вручили невесте по венуку» / Беседовала И. Зайчик // Караван историй. 2003. № 6. С. 23.

⁵ См.: Крылов А. Е. Указ. ст. С. 169.

с автором поёт Н. Горленко, известная исполнительница романсов и автор многих песен. Она отчётливо видна в кадрах фильма, а характерный её голос отчётливо слышен в фонограмме на диске. Также странно, что против «Песенки мушкетёров», которую поёт А. Колпашников, названа также фамилия Е. Ветловой. Если это ошибка из материалов телефильма «Соломенная шляпка», то вполне можно было её устранить, чтобы не вводить в недоумение слушателей диска.

Если неточности в фильмографии со временем могут быть исправлены, то положение с текстами песен, приведёнными в приложении, гораздо сложнее. Выяснилось, что составителями иногда ставится знак равенства между песней Окуджавы и одноимённым стихотворением. Как правило, действительно, различий не наблюдается, но исключений также имеется достаточно много.

И хотя в рассматриваемом издании текст песни «Примета» набран абсолютно верно, стоит привести характерную историю, так сказать, «практической текстологии», рассказанную её очевидцем. Один известный бард (фамилию не называю, поскольку для темы истории она существенного значения не имеет) готовился исполнить на мемориальном вечере эту песню Окуджавы. Мелодию он хорошо знал и, для страховки, чтобы не сделать ошибок, попросил у организаторов вечера текст «Приметы». Получив от них стихотворение с одноимённым названием, скопированное из авторского сборника стихов, и попытавшись его озвучить, он понял, что спеть его невозможно, поскольку «мотив со стихом не сходилась». На выручку призвали компетентного человека, знавшего п е с н ю «Примета», который и напомнил барду-исполнителю строки, исключённые автором из песни при публикации стихотворения.

Другой пример — песня «Батальное полотно». Её фонограммы на дисках нет, но стихотворение с таким названием, приведённое в разделе «Стихи и песни» мультимедийного приложения, имеет четыре строфы, что соответствует одной из его ранних редакций. Хорошо известно, что Окуджава последнюю строфу (куплет) п е с н и «Батальное полотно» никогда не пел. Более того, в последних прижизненных стихотворных публикациях эта строфа отсутствует, то есть это тот случай, когда

стихотворение автором было сокращено. Уверен, что эта песня в кинофильме также исполнялась без дополнительного куплета, и приведение «полного текста» совершенно излишне.

Названные упущения легко исправимы при переиздании (допечатке) дисков и не снижают полезности и нужности для всех интересующихся творчеством Окуджавы дополненного свода песен на его стихи к кинофильмам.

В целом же нельзя не согласиться с утверждением, что некоторые отечественные кинофильмы сохранились в памяти современников только благодаря тому, что в них прозвучала та или иная песня Б. Ш. Окуджавы.

ГОСТИ РАДИО «ЭХО МОСКВЫ» О БУЛАТЕ ОКУДЖАВЕ (Обзор материалов 2004–2005 гг.)

В обзоре представлены фрагменты некоторых программ ведущей российской информационной радиостанции «Эхо Москвы», в которых упоминалось имя Булата Окуджавы. Выборка не носит системного характера, поскольку не все программы «Эха Москвы» распечатываются на её сайте в Интернете и — естественно — не всё мы смогли записать с эфира. Тем не менее, полагаем, что публикуемые ниже материалы, раскрывающие отдельные стороны творчества и биографии Б. Ш. Окуджавы, представляют интерес для читателей нашего альманаха.

Публикуется с любезного разрешения ведущих программ.

Программа «Человек из телевизора»

28 августа 2004 г.

Ведущие — Ксения Ларина и Майя Пешкова.

Гость — Валентина Леонтьева.

— ...*То есть вы приехали к тётушке в Москву, — это к жене архитектора Щуко на Арбат?*

— Да. <...>

— *Была ещё одна встреча тогда на Арбате. Была ваша юношеская компания. И среди тех молодых людей, с которыми вы общались, встречались, разговаривали, был будущий великий русский поэт. Булат Шалвович...*

— Окуджава! Вы знаете, мы были такими друзьями! Мы каждый день встречались. Он ходил ко мне, я к нему, потому что я жила — Серебряный переулок, а так — Арбат. А вот с той стороны — он живёт. «Ах, Арбат, мой Арбат...» Это, вот, он пел всегда эти мне песни. И я всегда его кормила, с тётей Лёлей, с моей тётей. Удивительный человек! Маленького роста...

— *Вы ведь — высокая, стройная.*

— Всё равно он такой... Даже не могу сказать. Вот, например, я его всегда пихну в столовую и уйду, потому что я понимаю, что он будет стесняться. И я уходила в кухню.

Программа «Дифирамб»

19 февраля 2005 г.

Ведущая — Ксения Ларина.

Гость — Михаил Козаков.

— <...> Десятого числа была дата гибели Александра Сергеевича, и был концерт в моём родном Ленинграде, в Питере, в Санкт-Петербурге, и, казалось бы, вы правы, полный зал был. Ну, правда, зал на четыреста мест, но пришли люди, замечательная публика, и я там начал с Окуджавы, этот вечер... Тем более, что это стихотворение... когда-то было, похвастаюсь, мне посвящено, чем я горжусь. ...Мы снимались в картине «Храни меня, мой талисман», — была такая картина. Мы там играли самих себя. И в помещении, где мы вели там спор, можно ли играть гения, там Янковский... Но они играли персонажей, а мы были такой интеллектуальной массовой.

— *Замечательно, кстати, сцена сделана.*

— Сцена хорошая.

— *Просто в стиле «Июльского дождя».*

— Она снята как бы скрытой камерой. Мы забыли про камеры. И вот там висел портрет Линёва — ну копия, вот этот самый изумительный портрет, трагический, Пушкина, и вот Булат вот так написал и принёс, подарил мне эти стихи. (*Звучит стихотворение «Приносит письма письмоносец...»*)

Очень хорошие стихи. Булат никогда не пел их. Это именно стихи. <...>

Вот когда я был молод, и, Боже мой, мы бегали на концерты, — питерцы я имею в виду, в филармонию, где читал Дмитрий Николаевич Журавлёв, и читал Кочерян орнаментальные такие вещи, читал «Шахеразаду» и «Калифа». И Аксёнов, — такой был актёр, и с оркестром он давал «Пер Гюнта» и читал. Кто только не читал! И был Антон Шварц, брат Евгения Львовича Шварца. Это было искусство в сороковые-пятидесятые годы, ну, рассвет, и на этой волне возникали молодые чтецы: Юрский

Сергей, ваш покорный, Рафа Клейнер и так далее, так далее, так далее. И Наташа Журавлёва, дочь Дмитрия Николаевича. Да многие, многие. Это были полные залы: Библиотека Ленина, Политех, там, я не знаю, в филармониях, в зале Чайковского, и постепенно, постепенно потеснили это чтение кто, интересно? Барды. Они стали теснить. Однажды я спросил Булата: «Скажи, если бы ты не пел...». Он говорит: «Не продолжай, если бы я не пел, я был бы поэтом, известным узкому кругу людей». И они потеснили нас. А их потеснила эстрада.

— Ну, они сами с удовольствием в эстраду впились, сегодняшние барды.

— Возможно. Но их потеснила сильно эстрада, а потом и попса.

Программа «Детская площадка»

9 октября 2005 г.

Ведущие — Ксения Ларина и Майя Пешкова.

Гость — Ольга Окуджава.

— Сегодня мы представляем книжку, которая вышла совсем недавно. Вчера была её презентация, вчера была её премьера. Книжка, которая как раз издана Фондом Булата Окуджавы — «Прелестные приключения». Это сказка Булата Шалвовича с рисунками автора. Эту книжку мы сегодня подарим нашим юным слушателям, а для начала, может, Ольга Владимировна несколько слов об этой книжке скажет. Откуда она взялась?

— Я скажу сперва не про книжку, но как каждый дорвавшийся до микрофона, я скажу о себе. Я себя ещё прославлю. Я думаю, ребятам будет интересно. Я ещё директор, вот уже двенадцать лет, маленького, крошечного, кукольного музея, музея кукол, который называется «Кукольный дом» и находится на Варварке. <...>

Я кликнула клич. Был роскошный благотворительный концерт, который вёл Эльдар Рязанов, на котором выступали все: и Никулин, и Гердт, и Окуджава. Там были все. Роскошная была афиша. Она существует. Сделали концерт благотворительный. Принесли кукол в подарок, и началось, и началось, и началось... Булат Шалвович написал нам два стишка, очень милые. И все нам дарили куклы. И его имя: мы спекулировали этим, как могли... Нам дарили, давали, что-то мы покупали. Но я не

миллионерша, в отличие от некоторых дам, которые потом уже последовали моему примеру, увлѣвшись этой темой. Но, тем не менее, у нас три тысячи кукол, у нас есть антикварный отдел, у нас есть отдел, где есть куклы пятого века до нашей эры. <...>

И я мечтаю, чтобы нам дали, ну, я не знаю, в Кремле, может быть, помещение роскошное...

— *Кукольный дом в Кремле. Вау!*

— Да. Я не знаю, как это сделать. Как-то... как-то пролезть, достучаться, докричаться, дошептаться до Людмилы Путиной. Я думаю, её бы это только украсило. Такая акция! В мире этого нету. Сделать особняк, сделать кукольный дом. На фронтоне лежала бы кукла роскошная, развалившись. И там были бы персонажи. Сделать рубрику на телевидении, — и дети, приходя в кукольный дом, видели бы персонажей, которых они видят с экрана. На экране они видели бы приключения персонажей, которые сидят там в кукольном доме. Когда я начинала, то Норштейн придумывал экспозицию для этого кукольного дома. В дверях он ставил стул огромного размера, под которым, между ножками, должны были бы проходить [в музей]. Вообще была масса идей прекрасных. И ради такой идеи можно сплотить людей. Можно сделать потрясающее чудо. Потрясающее. Ну, конечно, нужна какая-то властная рука. Нужен кто-то, кто... опять же — *money, money, money...*

— <...> *Но мы должны про книжку рассказать, поскольку это событие. Да, Ольга Владимировна?*

— Да, такое мелкое вообще-то событие...

— *Ну, как же не событие... Тут и рисунки автора.*

— Событие, событие... Я вот говорила до эфира, что сколько книжек Булата Шалвовича выходило прелестных — и не «Прелестные приключения», а прелестные романы, прелестная проза, прелестные стихи, в прелестных обложках, с прелестными иллюстрациями Галины Ваншенкиной, по-моему, просто потрясающими. Никогда никто вообще не заметил этого.

— *И вдруг...*

— И вдруг вот эта шуточка, эта хохмочка, эта семейная такая реликвия маленькая, вдруг она выходит, и ей уважаемые люди уделили какое-то внимание и время выделили, так что я очень тронута.

— *Вчера на Новом Арбате был праздник в Доме книги. Собра-
лось столько ребят...*

— Нашлись люди, которые умеют устраивать такие вещи, но...

— *Дети рисовали, пришли с папами и мамами, звучали песни
Булата Шалвовича по Арбату, то есть это было целое действо.
Я думаю, что это запомнится.*

— Дай бог. Хорошая сказка. Милая, маленькая сказочка. Вообще, она не сказка. Это действительно правда. Она писалась специально. Никакой сказки не было, а просто был маленький мальчик. Вот то, что я вчера тоже рассказывала, — маленький кудрявый мальчик, очаровательный совершенно, которого надо было заставить читать, читать, читать. В доме уважалась книга. Извините, компьютеров ещё не было...

— *И что было дальше?*

— А что было дальше? Папаша, обладавший некоторыми литературными способностями, отъехавший в Ялту, решил научить своего детёныша читать таким нехитрым и доступным ему способом. Единственное, что он мог. И вот он стал писать ему письма. Квадратными буквами, на бумажечках, на листочках тетради в клеточку. Письмо за письмом. Да ещё пририсовывал какие-то нехитрые рисуночки. А персонажи были из семейного быта. Какой-то керамический баран, который стоял в кухне на шкафу...

— *(Смотря в книгу:) Вот он, вот он, вот он.*

— Да, но он превратился в Крэга Кутенейского Барана, и он был очень горд этим. Наша Добрая Змея, которая была когда-то из заграничной поездки привезена, такая обыкновенная, из каучука или, я не знаю, из чего там... Какая-то резинка. Она тоже превратилась в героиню этой штучки. И, значит, начались вот эти письма. Печатными буквами, с рисуночками, и каждый раз, как детектив, они кончались чем-то вроде: «а вдруг...».

— *На самом интересном месте?*

— Да. И надо было читать дальше. И ребёночек читал, папаша писал и писал. Вошёл во вкус. Написал штук двенадцать или тринадцать, четырнадцать писем. И собраты по перу тоже умилялись и говорили: «Ах, как ты придумал хорошо». И Белла Ахатовна сказала: «Да публиковать надо». Но никто не публиковал, и, вообще, об этом не думалось. А потом тоже кто-то

из друзей просто сказал, что была такая идея. И в Грузии... Вышла в Грузии, и потом вышла в Польше, в Чехии, в Японии, в Израиле. А потом вышла у нас один раз, но с иллюстрациями художницы молодой. А потом вот в первый раз вышла у нас с иллюстрациями, с роскошными рисунками.

— По стилистике, — а я эту книжку не читала, но надеюсь обязательно прочесть вместе со своим сыном, — мне она почему-то напоминает «Маленького принца». Может, я ошибаюсь, Ольга Владимировна?

— Ну я не знаю. Я не смею такие лестные для Булата Шалвовича сравнения проводить...

— Первое, что пришло в голову, — конечно же, «Маленький принц». Когда я увидела барашка... конечно...

— Что-то, наверное, может быть, может быть, может быть.

— «И что жизнь их спасти может только дружба, тогда, когда мы все возьмёмся за руки...»

— И любовь. <...>

— Я вот вспоминала, какие произведения у Булата Окуджавы связаны с детьми, и вспомнила про нереализованный, к сожалению, проект — «Приключения Буратино».

— Да. Я держу его у сердца и жду. Я должна была сказать о довольно трагической истории в моей жизни, когда Иосиф Райхельгауз пригласил, для того чтобы написать пьесу... Есть двадцать шесть песен Булата. Я думаю, что это лучшее из того, что он сделал. Вы их не знаете. Их никто не знает. Вы знаете «Какое небо голубое...» и там... «Не прячьте ваши денежки...». Это из этого цикла. Ну, ещё Никитины поют одну, две.

— Да. Я впервые от Никитиных слышала.

— Но их двадцать шесть. И музыка потрясающая.

— То есть, готовый мюзикл?

— Да, готовый мюзикл. И, конечно, Булат Шалвович представлял себе... и были кое-какие заходы при нём, но так ничем это и не кончилось, потому что это всё-таки должен быть мюзикл на высоком уровне. На настоящем, а так — дешёвку, ерунду — не хочется. И когда уже не было Булата Шалвовича, Райхельгауз пригласил Гришу Горина. И мы собрались в театре. Я поставила эту плёнку. Я никому не даю её в руки.

Я её поставила. Мы её слушали. Это замечательно: Булат сам исполняет их. Булат и наш сын. Они вдвоём поют. Прелестно совершенно. И Гришу, конечно... Ну, в общем, не буду я говорить. Короче говоря, он согласился. Он согласился, и вот с тех пор прошёл, наверное, месяц. Мы созванивались пару раз. Он обдумывал. Он серьёзно к этому отнёсся. И потом он мне позвонил и сказал: «Ты живёшь на даче в Переделкино?» Я сказала: «Нет. С тех пор как Булата нет, я ни одной ночи там не провела». Он спросил: «А ты не разрешишь мне провести одну ночь на этой даче?» Я ахнула. Вот драматург: как он хотел войти в материал, как он хотел понять Булата. И он попросился переночевать на даче в Переделкино, одну ночь побыть одному там, в этих стенах. Поразительная совершенно была просьба. И я сказала: «Конечно, конечно, конечно. Вот приезжай, у нас будет “День колокольчика”». Как раз была осень. «Приезжай! Мы увидимся». Назначила ему день. Он приехал с бутылкой вина для меня, со своими книжками, с букетом цветов, с женой и собакой, и с трубкой. Очень важно прошествовал и спросил: «А где все?» Ему сказали: «А у нас всё завтра, вы перепутали...» Там у нас двенадцатого, а сегодня одиннадцатое, что-то так. И он очень огорчился, и все огорчились и сказали: «Может завтра?» Он сказал: «Нет. Завтра мне тяжело будет, я что-то не очень хорошо себя чувствую...» Он умер через день. Он умер через день, не переночевав на нашей даче. И записок никаких, фактически, не осталось. Поэтому рухнула эта... А я никому больше не дам. Потому что должен быть вровень... Идея была сделать не «Буратино», а сделать что-то иное, но как бы... что-бы была аллаверды реминисценция какая-то.

— *Почему эти песни в фильм не вошли именно с окупджавской музыкой?*

— Этого я не знаю. Этого я не знаю¹.

— *Там, конечно, стилистика совсем другая. Я просто помню, когда первый раз услышала (напевает): «Какое небо голубое...»*

— Они простые, доходчивые, их все знают, конечно. А спойте другие песни оттуда — они сложные, для того чтобы их петь. Разный принцип, разный подход, и композитор счёл...

¹ Об этом Б. Окупжава рассказал в интервью М. Баранову, публикуемом в этом выпуске. — *Ред.*

— Ну, очень хочется услышать их ещё при нашей жизни.

— Опять-таки, ничего не дам.

— А почему вы не сделаете альбом? Тем более, ведь они уже записаны, и у Вас есть такие уникальные записи?

— Ну, может быть, может быть. Да жалко отдавать вот так. Хотелось бы, конечно, сделать вот то... Булат Шалвович — он сам придумал очень много для этого спектакля. Столетие Карабаса-Барабаса отмечать...

— (Смеётся) Замечательная идея, да, Майя?

— Ольга Владимировна, я хотела спросить о музее. С какого возраста можно приводить детей в ваш музей, и как он работает?

— В мой какой: в Переделкино или...

— В переделкинский, в булатшалвовический...

— В Переделкино... Булату Шалвовичу теперь оказана честь — он попал в хрестоматию, поэтому к нам привозят вот этих пофигистов великовозрастных: восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый класс. Они все приезжают, и мы стараемся в их бронированные такие головы и души что-то засунуть, какую-то каплю любви и добра. Вообще можно когда угодно, но, конечно, маленьким я не думаю, что это интересно. Нет-нет. Это в сознательном возрасте. Вот в кукольный можно с четырёх лет...

Программа «Дифирамб»

15 октября 2005 г.

Ведущая — Ксения Ларина.

Гость — Андрей Макаревич.

— Поскольку Андрей принёс новый альбом с песнями Булата Окуджавы... Я помню, что впервые услышала вашу одну из версий окуджавских в концерте «Оркестра Креольского танго».

— С этого всё и началось.

— Хочется послушать побольше песен, давайте сразу начнём с первой. Это у нас что? Или не будем говорить?

— А вот не будем говорить, пусть её узнают. (Программа перемежается песнями, здесь и далее.)

— Узнали, конечно, одну из самых известных песен, хотя тут, как ни крути, любая песня Окуджавы известная. Уж московской аудитории совершенно точно. Да, Андрей?

— Как выяснилось, не все, — я специально подбирал 50:50. Тут половина песен очень известных, половина — не очень.

— *То есть такое возвращение к старым святыням. Вот что для вас это значит — время Окуджавы и сам Окуджава и его поэзия? Я просто сначала не понимала смысла, сейчас я для себя его попытаюсь сформулировать. В чём смысл возвращения к известным вещам? В данном случае, мне кажется, для того хотя бы, чтобы услышать поэзию, которую мы заболтали. Она у нас звучит так монотонно, привычно. Вдруг сейчас я услышала стихи Окуджавы в этом исполнении.*

— Ну, слава богу, если так происходит. У меня было несколько причин этим заняться. Во-первых, я раздаю долги, потому что я услышал эти песни совсем маленьким. И вообще это первое, что на меня из музыки и поэзии произвело впечатление. До этого всё, что звучало из магнитофона и по радио, волновало мало. Во-вторых, мне стало жалко, что молодые не знают Окуджавы: не потому что он не устарел, — стихи его не устареют ещё сто лет, а музыкальная форма, к сожалению, которой он пользовался, осталась в прошлом веке. И им это на уши не ложится никак. Это нам привычно, это наша молодость какая-то. А мимо них это пролетает просто. И я очень надеюсь, что какая-то новая жизнь получится у этих песен таким образом.

— *Аранжировками вы занимались?*

— Аранжировки делал Женя Борец, наш пианист из «Оркестра Креольского танго», за что ему спасибо большое, и помимо музыкантов оркестра были приглашённые музыканты. Таня Ларина играла на флейте, есть замечательная команда «А капелла-экспресс» — вокальная. Бутман Игорь играет в одной песне и ещё несколько приглашённых ребят.

— *А мелодии, проигрыши, — как вы думаете, насколько они были бы приняты Булатом Окуджавой? Вы вообще кому-то показывали из тех, кто хорошо знает...*

— Я показывал Ольге Владимировне, естественно.

— *Это жена Булата Шалвовича.*

— Да, которая очень строго к этому относится. И, между нами говоря, не все исполнения одобряет. Ей понравилось это дело, я вздохнул с облегчением, потому что, зная её строгий нрав, волновался. Но, вообще говоря, и идея пластинки ей при-

надлежала, потому что когда она услышала одну песню — «Музыкант» — в нашем исполнении, она говорит: а чего бы вам не записать целую пластинку такую? И я долго довольно готовил, и с её помощью мы, кстати, разыскали какие-то песни, и не самые известные тоже. И они сюда тоже вошли.

— *Кстати, когда впервые прозвучал «Музыкант» в том самом альбоме «Оркестра Креольского танго», то я помню, как разделилось общественное мнение: одни говорили, что хорошо, другие говорили: да как он мог посягнуть на святое!*

— А сейчас ещё больше разделится. Потому что я показал эту запись своему другу Лёне Ярмольнику одному из первых, и он пришёл в очень негативное состояние и сказал, что вообще нельзя Окуджаву трогать, он должен звучать, как он звучит, и никак больше. Я так не думаю. Уж не могу я себя заподозрить в каком-то небрежном отношении к его музыке, стихам. Просто мне кажется, что песня — это такая вещь, которую можно прочитать так, можно иначе.

— *Давайте так. Если объективно, если на весы положить все за и против... Я говорю то, что я слышала первое, — стихи. Во-вторых, меня сегодня очень раздражает, что Окуджаву раз и навсегда присвоили так называемые барды и только в их исполнении это допускается. Такое негласное разрешение на исполнение песен Окуджавы. Мы это наблюдаем каждый год, когда с гитарами люди встают на улицах и начинают петь Окуджаву. Это всё принимается без обсуждения. И, в-третьих, что очень важно, — что Окуджаву сегодня если воспринимают молодые, то как песню у костра, такое хоровое пение.*

— Да, такой не очень хороший гитарист...

— *Да, а это, во-первых, не хоровые песни, точно совершенно. Они очень монологичны, индивидуальные.*

— Во-первых. Во-вторых, мне кажется, уж совсем нет смысла его перепевать так, как делал он, потому что в той-то манере у него явно это лучше получалось. Если это пытаться делать, то как-то иначе, по-своему. <...>

— *Всё равно, даже по ощущениям эмоциональным, даже если бы я не видела перед собой Андрея Макаревича, не знала бы, что он молод, хорош собой, по-прежнему привлекателен как артист и как мужчина, мне бы подумалось, что есть некое проща-*

ние с молодостью. Не знаю, насколько я права в своих эмоциональных ощущениях.

— Бог его знает, я об этом не задумывался совершенно. Мне хотелось как-то угадать интонацию, которую эта песня требует. Вот и всё.

— Вы понимаете, как говорят, все рано или поздно приходят к Пушкину. Наверное, про Окуджаву тоже можно в какой-то мере так сказать. Потому что у каждого есть своя степень, мера восприятия. Вы говорите, что первое, что услышали в своём детстве практически...

— Слово *все* меня порадовало. Хотелось бы, чтобы все. Увы, не все, конечно.

— Потому что другое всё равно было ощущение. Всё, что писалось вами в качестве лидера группы «Машина времени», — совсем другая культура. Другая музыка.

— Музыка другая. А если говорить о культуре слова, не такая уж она другая.

— О стихах, о восприятии. Наши слушатели уже пишут свои отзывы, большинство говорят вам огромное спасибо, спасибо, очень хорошо, аккуратно, красиво, но справедливости ради вспоминают одну исполнительницу, которую конечно надо отметить особо, — это Елена Камбурова.

— Согласен. Я в своё время слышал, как она спела «Пулями пробито днище котелка», вообще без музыки, она палочкой тихонечко стучала по проводу микрофона. Это было самое тонкое исполнение, которое я слышал в своей жизни.

— А какие его песни вы пели сами дома?

— Первое, что слышал, это была очень затёртая плёночка, там было «По Смоленской дороге», «Вы слышите, грохочут сапоги...», «Лёнька Королёв», «Последний троллейбус», ещё пара песен. Вот на них я учился играть на семиструнной гитаре. <....>

— Вот, наверное, немногие узнали эту песню, пока не начались слова.

— Слава богу.

— Что это за группа? Потрясающе совершенно. «Вокал-бенд»?

— «А капелла-экспресс». Это не «Вокал-бенд». Я единственный что могу сказать: если вы где-то увидите в клубах эту афишу, сходите, и вы получите бешеное удовольствие.

— Они а капелла действительно поют.

— Да, их шесть человек. И они фантастические музыканты.

— Ещё один вопрос задам, который пришёл на пейджер, — естественно я его ждала: что, как только послушаются этих песен, сразу вспомнят, а не замахнуться ли вам на Владимира Семёновича Высоцкого?

— Нет.

— А почему?

— Потому что мне кажется, что вот он меньше поддаётся трактовке, потому что он, будучи актёром... его эмоциональная составляющая исполнения часто бывает сильнее литературной. Во всяком случае, это настолько вместе, что разорвать это трудно. И все, кто пытались его петь, они неизбежно срывались на его манеру, и кто лучше хрипел, у того и более похоже получалось. По-другому пока я не слышу и не уверен, что это даже нужно. Бывают такие вещи, которые хороши как самородок, в таком единственном экземпляре.

Я, кстати, хочу сказать по поводу того, что мы сейчас слушали, чтобы вы сразу не бросались в магазины её искать, потому что она выйдет недели через две, не раньше. Я принёс то, что сейчас на завод поехало. <...>

Слушатель: Здравствуйте. Почему-то вы не вспоминаете Окуджаву в исполнении Жанны Бичевской. Это же было очень оригинальное...

— Верно, это было очень по-своему и здорово. Это я тоже помню. Но она пела, по-моему, несколько песен, всего две или три.

— Я даже не вспомню. Хотя могу предположить, как это было.

— Это было всё очень своеобразно — как всё, что она делает.

— Алло. Здравствуйте.

Слушатель: Здравствуйте. Андрей, я вами восхищаюсь, я совершенно с вами согласна по поводу Высоцкого, и мне кажется именно так и нужно. Мне не нравится ни в чьём исполнении. И ещё по поводу Окуджавы. То, что поёт ваш оркестр, я немножко не понимаю этого. А я считаю, что песня звучит, прежде всего, за счёт вашего голоса.

— То есть вам это мешает? Эти аранжировки?

Слушатель: Да, мне это мешает. Мне кажется, что именно голос Андрея... он чем-то похож на голос Окуджавы, и просто за счёт его же артистизма это звучит.

— Спасибо. Я не старался, совсем не старался выглядеть на него похожим, и вообще мы с ним поём по-разному совсем. Я вообще не знаю ни одной работы, которая бы понравилась всем без исключения. Так не бывает.

— *Но человек тут ищет наоборот каких-то сочетаний.*

— Тогда лучше послушать оригинал просто, и всё.

— *А мы, кстати, совсем не говорили об Окуджаве как о личности, как о человеке в вашей жизни. Вы же встречались.*

— Мы встречались несколько раз. И даже я ему...

— *Пели?*

— Да, на день рождения. Был в театре у него день рождения, на Трубной, в Школе современной пьесы, и я спел песню, ему посвящённую, написанную много лет назад. И она ему понравилась, — я это видел. И мне было страшно приятно. Почему, почему-то мы всегда посвящения пишем после кончины тех, кому посвящаем. Тут как-то при жизни получилось.

— *Ну и как вы разговоры какие-то вели?*

— Немного. Один раз я приезжал в Переделкино к нему. Как-то так немного обо всём. Я не могу сказать, что мы какими-то откровениями делились. Потому что я страшно стеснялся, и он был, по-моему, застенчивым человеком.

Подготовил В. ЮРОВСКИЙ

Мария АЛЕКСАНДРОВА

ТРИ ДНЯ В МИРЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Третья международная научная конференция, посвящённая творчеству Б. Ш. Окуджавы, состоялась в Переделкине 18–20 марта 2005 года. Организаторы предложили в качестве заглавия-темы широкую по возможностям интерпретации метафору: «Миры Булата Окуджавы». Заметна тенденция: названия конференций становятся всё более поэтичными, «настроенческими» (сравним: «Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века», 1999; «Булат Окуджава: его круг, его век», 2001), в то время как тексты участников эволюционируют от свободного эссе в лирической тональности к филологическим штудиям. Противоречия здесь, на наш взгляд, нет. Необходимость научного подхода обусловлена тем, что Окуджава естественным образом занял своё место «в ряду русских поэтических классиков»¹. С другой стороны, и по прошествии времени «поэт ещё остаётся участником нашей жизни»², а жизнь в строгие формулы не укладывается (вот и автор этих заметок не удержался от образного заголовка).

На конференции 2005 года монологи и реплики мемуарного характера — О. В. Арцимович-Окуджава, А. Г. Битова (видеозапись), Е. Б. Рейна, Ю. Ф. Карякина, Б. А. Ахмадулиной, Б. А. Мессерера, К. Я. Ваншенкина — определяли традиционную ностальгическую атмосферу (и каким-то удивительным созвучием личным воспоминаниям, прямо-таки поэтической

¹ Новиков Вл. И. Место Окуджавы в ряду русских поэтических классиков // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы. 19–21 ноября 1999 г. Переделкино. М.: Соль, 2001. С. 23–25.

² Кулагин А. В. Барды и филологи: Авт. песня в исследованиях послед. лет // Новое лит. обозрение. [Вып.] 54. 2002. № 2. С. 350.

цитатой из мира Окуджавы был поздний мартовский снег). К несчастью, в прошедшем времени участникам конференции пришлось говорить о Галине Андреевне Белой, чьё имя связано с Окуджавой неразрывно. Боль этой утраты тоже переживалась сообща.

Ещё до начала работы среди приглашённых в Переделкино были распространены тексты для последующего обсуждения: тезисы Г. С. Кнабе «Арбатский миф и его эволюция в творчестве Окуджавы», эссе В. И. Тюпы «Булат Окуджава и “шестидесятничество”», доклад Вл. И. Новикова «Дар и жертва в поэзии и судьбах Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и Александра Галича», прочитанный ранее на международной конференции «Дар и жертва» в Ольденбурге. Особенно близки участникам конференции оказались проблемы *мифа* в разных его преломлениях: биографических («миф Окуджавы» и «миф об Окуджаве», авторефлексия по этому поводу), культурно-исторических (в диапазоне от Арбата до «золотого века»), поэтических (спор как с официальным, так и с либеральным образом Пушкина, Лермонтова, Высоцкого, собственный миф Окуджавы о *счастливишке*, когда доминантой, по слову Вл. И. Новикова, становится не смерть поэта «в борьбе», под «ударами судьбы», а «его полнокровная жизнь, жизнь как дар»).

На этом фоне по-особому воспринималось сообщение В. И. Босенко «“Ату его!” Окуджава как объект общественно-политической травли за минувшие полвека». Восстановленные докладчиком обстоятельства повседневного, так сказать, перманентного конфликта власти с поэтом (именно так, а не наоборот), побуждают вспомнить строки:

Всё утрясается мало-помалу,
чтобы ожить в поминанье людском...

В докладе Л. С. Дубшана «*Декабри и январь*, или Песни школяров» (характерно пристрастие автора к «чтению метафоры» как своеобразному исследовательскому сюжету³) новое освещение получила традиция студенческой песни в лирике Окуджавы. А. В. Кулагин на примере раннего стихотворения-песни «На Тверском бульваре» показал закономерности становления

³ Ср.: Дубшан Л. С. «Зелёные крылья погон»: Опыт чтения метафоры // Булат Окуджава: его круг, его век: Материалы Второй междунар. науч. конф. 30 нояб. — 2 дек. 2001 г. Переделкино. М.: Соль, 2004. С. 104—111.

творческой индивидуальности поэта. С. Н. Бройтман в развитие своей концепции диалога, «внутреннего двуголосия», «едино-раздельности» *я* и *другого* в лирике Окуджавы⁴ поставил проблему гротеска в широком экзистенциальном плане (драма существования и «роли» в ней). Иной подход к отношениям субъекта и объекта (адресата) — в аспекте традиции А. Григорьева и А. Блока, в связи с «театрализацией» лирической системы Окуджавы — продемонстрировала Л. Ф. Алексеева. Н. Н. Кякшто предложила ряд ценных наблюдений в области «московского текста», показав, в частности, что составляющими его становятся у Окуджавы музыкальные жанры (речитатив, романс, «песенка», танго, вальс); чрезвычайно плодотворным представляется осмысление неожиданного, казалось бы, в контексте арбатского цикла античного мотива («...да и Гомер туда не заходил»): тяготение к старой Москве, ностальгия по миру детства как вечное «возвращение на Итаку». Е. М. Петрушанская сопоставила развитие «королевского» мотива у Окуджавы и Бродского на фоне поэзии серебряного века. Н. М. Малыгина выявила образы-архетипы в поэзии Окуджавы, акцентировав индивидуальное их преломление. Всеобщий интерес вызвал доклад М. М. Гельфонд «Мандельштам и Окуджава: мир и лирический герой».

Особая тема в рамках конференции — поэт как посредник в диалоге национальных культур. В. Д. Оскоцкий осветил деятельность Окуджавы-переводчика (более шестидесяти имён), подчеркнув также значение этого опыта для творческого самоопределения поэта. Нумано Мицуёси рассказал о восприятии творчества Окуджавы в Японии. О переводах стихов-песен Окуджавы на иврит сообщил Г. Б. Гонтарь, сопроводив свой рассказ музыкальными иллюстрациями.

Если на предыдущей конференции преимущественное внимание было обращено на лирическое и песенное творчество Окуджавы, то теперь и проза поэта получила достаточно разностороннее освещение. Л. С. Трус в докладе «“Свидание с Бона-

⁴ Бройтман С. Н. «Я» и «другой» в лирике Булата Окуджавы // Булат Окуджава: его круг, его век. С. 190–195. (Доклад стал одной из последних работ скончавшегося в декабре 2005 года доктора филологических наук, профессора РГГУ Самсона Наумовича Бройтмана — известного исследователя, автора книг и статей по проблемам теории и истории русской лирики, исторической поэтики, научного наследия М. М. Бахтина. — *Ред.*)

партом”: жанр и смысл» развил идеи своей статьи «Философия ответственности», так удачно (прямо к двадцатилетнему юбилею публикации романа) возвращённой читателю первым выпуском «Голоса надежды»⁵. Полемический тон выступления — независимо от конкретных доводов автора против существующих трактовок романа — в очередной раз подтвердил, насколько остро до сих пор стоит вопрос о жанре, в котором работал Окуджавы-прозаик, сколько противоречий накопилось здесь. Эту проблему затрагивали так или иначе многие участники конференции: С. С. Бойко («Б. Окуджавы и Ю. Тынянов: опыт исторической прозы»), А. И. Смирнова («Архитектоника романа Б. Окуджавы “Путешествие дилетантов”»), С. В. Уварова («“Путешествие дилетантов”: особенности сюжета»), Н. М. Щедрина («Муза лирической поэзии в романе Б. Окуджавы “Бедный Авросимов”»), М. А. Александрова («Лермонтовский миф в лирике Окуджавы и романе “Путешествие дилетантов”»). Следует ожидать, что исследовательский интерес к исторической прозе Окуджавы будет расти.

Остаётся пожелать скорейшей публикации сборника материалов конференции.

Не дожидаясь этого момента, наш альманах представляет своим читателям несколько упомянутых докладов, публикуемых с любезного разрешения их авторов.

⁵ Трус Л. С. Философия ответственности: (Попытка психолог. анализа одного романа Б. Окуджавы) // Голос надежды. Вып. [1]. М., 2004. С. 202–211.

А. КУЛАГИН

«НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ»
О первой песне «нового» Окуджавы¹

Песня Окуджавы «На Тверском бульваре» не относится к числу самых известных произведений поэта. Он не исполнял её на концертах, до 90-х годов не публиковал в печати — в общем, не придавал ей особого значения. Как будто забыл о ней.

А между тем о с о б о е з н а ч е н и е у неё есть.

В 1984 году, после многократных высказываний о том, что первой песней его является «Ванька Морозов»², Окуджава вдруг признался в интервью стенгазете московского КСП «Менестрель», что первой была именно «На Тверском бульваре»³. Первой — если не считать, конечно, некоторых юношеских опытов, после которых поэт целое десятилетие песен не сочинял, хотя стихи по-прежнему писал⁴. Признание это крайне любопытно, ибо текст интервью, которое нам придётся сейчас обильно цитировать, запечатлел сам процесс воспоминания, и значит, оно (воспоминание) психологически достоверно.

На вопрос о первой песне Окуджава отвечает сначала неуверенно:

Я не помню... Видимо, это была «На Тверском бульваре». Но мне почему-то кажется, что до этого уже что-то было.

¹ Автор благодарен А. Е. Крылову и В. Б. Альтшуллеру, чьи ценные консультации и советы использованы в работе над статьёй.

² См., например: *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...» / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 29–30.

³ Все цитаты по: *Окуджава Б.* Самое начало / Беседу вели В. Акелькин и И. Зимин // Менестрель: Стенная газ. Моск. КСП. 1984. № 2–3. С. 6.

⁴ См.: *Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия... СПб., 1998. С. 9; *Гизатулин М.* Его университеты. М., 2003. С. 32–33.

Ещё бы не *казаться*, если много лет называть другую песню! Далее тон становится чуть более уверенным, версия получает творческий «аргумент»:

А может быть, это первая и есть. По стиху — я думаю, что первая, потому что она как раз самая слабая. Я не придавал этому значения: текст есть — и всё. Вторую такую я бы не смог себе позволить.

И затем начинает уверенно вспоминать о появлении песни как песни именно первой — никакого сомнения на этот счёт ни у автора, ни у читателя интервью уже нет:

Я даже помню, как осенью мы стояли около станции метро «Краснопресненская» с Женей Храмовым и Володей Львовым. Мы разошлись поздно вечером, и я им напел... Она родилась сразу как песня — и стихи, и мелодия. Мне хотелось написать именно песню.

Так можно говорить действительно только о первой песне.

Я подумал, как интересно было бы написать о Москве, городе, который я так люблю. Но — не похожее на «и мосты над твоею рекой» (песня, в своё время очень хорошая, но обычная, гимн), а какую-то интимную песню...

И далее Окуджава говорит о том, что именно эта песня открыла собою серию песен о Москве («Лёнька Королёв», «Полночный троллейбус» и другие) и что своим появлением она обязана впечатлению, которое произвели на русского поэта «сердечные песни» Ива Монтана о Париже⁵.

Примерно через год после этого интервью, 7 марта 1985 года, Окуджава впервые после четвертьвекового перерыва записал (с аккомпанементом М. Виноградова — вторая гитара) известную прежде лишь по единичным ранним фонограммам песню «На Тверском бульваре» в студии звукозаписи МХАТ, где он пропел в ту пору целую антологию своей песенной поэзии (до сих пор, кстати, не изданную)⁶. Может быть, ему «напомни-

⁵ Несколько иначе (Окуджава не напел стихи, а *прочёл* их) выглядит этот эпизод в воспоминаниях Е. Храмова, вместо В. Львова называющего А. Аронова (см.: Храмов Е. Из «Записок десантника» // Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 11–12). Символично, что о своей первой песне Окуджава вспоминал в последние дни жизни, в парижском госпитале, работая над автобиографическим рассказом. В тексте его *Женя Храмов* говорит прочитавшему стихи «На Тверском бульваре» автору: «Ой, даже песенка получилась!» (см. факсимиле автографа: Булат Окуджава: Спец. вып. [«Лит. газ.»] / Отв. ред.-сост. И. Ришина. [М., 1997]). С. 2. См. также свидетельство Ст. Рассадина об этой песне как первой со слов самого поэта: *Рассадин С.* Судьба барабанщика // Век. 1994. 6–12 мая.

⁶ Подробно об этой записи см.: Крылов А. Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ. М., 2005. С. 51–63.

Стихи и музыка Булата Окуджавы

НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ...

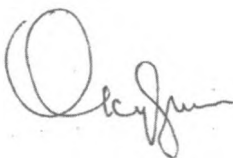
На Тверском бульваре
вы не раз бывали,
но не было, чтоб места не хватило
на той скамье зеленой,
на перенаселенной,
как будто коммунальная квартира.

Та зеленая скамья, -
я признаюсь без вранья, -
даже в стужу согревала
непутевого меня.

А ^в той скамьи зеленой,
с перенаселенной,
случается и при любой погоде -
одни уходят парами
дорожками бульварными,
другие в одиночестве уходят.

Та зеленая скамья, -
я признаюсь без вранья, -
для одних - недолгий берег,
для других - дымок жилья.

Ноябрь-декабрь 1956

ли» о ней интервьюеры «Менестреля», а также наличие этой песни в одиннадцатитомном, напечатанном на ротапринте, собрании сочинений, подготовленном московским КСП к шестидесятилетию поэта: песня вошла в его второй том с авторской датировкой «Ноябрь–декабрь 1956»⁷. Это, кстати, единственная песня 56-го года: позднейшие сам поэт датировал начиная уже с 57-го.

Что касается процитированного нами интервью, помимо признания влияния творчества Монтана⁸, здесь любопытно для нас то, что песня «На Тверском бульваре» воспринималась самим поэтом как начало московской темы в его песенном творчестве. А поскольку она была вообще первой песней н о в о г о Окуджавы, то это автоматически должно означать, что от неё тянутся нити не только к «московским» песням, но и ко всему зрелому творчеству художника, отсчёт которого ведётся как раз со второй половины 50-х годов. Поэтому любопытно вслушаться в эту песню и вчитаться в её стихи, попытаться понять, с чего и как начинался большой поэт Булат Окуджава.

Но сперва напомним её начало:

На Тверском бульваре
вы не раз бывали,
но не было, чтоб места не хватило
на той скамье зелёной,
на перенаселённой,
как будто коммунальная квартира.

Та зелёная скамья,
я признаюсь без вранья,
даже в стужу согревала непутёвого меня...⁹

⁷ См.: Окуджава Б. Собрание соч.: В 11 т. [Т. 2]. Песни. М., 1984. С. 7.

⁸ См. об одном аспекте этого влияния: Зайцев В. А. «Когда солдат уходит на войну...»: Ив Монтан и Окуджава, Высоцкий, Галич // Зайцев В. А. Окуджава. Высоцкий. Галич: Поэтика, жанры, традиции. М., 2003. С. 49–60. Что касается песен Монтана о Париже, то любопытно впечатление известного художника, современника Окуджавы, обнаруженное как раз в год написания песни «На Тверском бульваре»: «...И слова, и музыка, и, главное, исполнение оказались пронизаны таким трепетным, таким личным, таким сегодняшним отношением к этому прошлому (Парижа — А. К.), что баллада прозвучала как чудесный монолог, только адресованный не женщине, а городу» (Образцов С. Певец Парижа: [Предисл.] // Монтан Ив. Солнцем полна голова / Пер. с фр. М., 1956. С. 10). Эти слова вполне можно было бы отнести к ещё не существовавшим тогда песням Окуджавы о Москве.

⁹ Здесь и далее песня цит. по кн.: Окуджава Б. III. Стихотворения. М., 2001. С. 127. Далее поэтические произведения Окуджавы цитируются нами по этому же изданию с указанием в тексте /в косых скобках/ только номера страницы.

В этой песне сразу обращает наше внимание своей непривычностью для тогдашней лирической поэзии и особенно для советской песни конкретный топоним: Тверской бульвар. Тогдашнее воспевание Москвы обычно обходилось отвлечёнными формулами типа «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!»; кстати, именно эту песню М. Лисянского и И. Дунаевского поэт процитировал в своём интервью как пример показательного для тех лет отвлечённого гимна о столице: «Я люблю подмосковные рощи // И мосты над твоею рекой»¹⁰. Спрашивается, какие рощи, какие мосты — все подряд? И над какою именно рекой? Москвой? Яузой? Окуджава же, в отличие от Лисянского и других авторов подобных сочинений, сразу помещает лирическую ситуацию в конкретное городское пространство.

Более того — речь идёт именно о бульваре, и в этом тоже есть свой смысл. Бульвар — это не проспект и не площадь, с их парадностью и официальностью. На бульваре гуляют, знакомятся, признаются в любви... Для поющего поэта, возводившего своё творчество к традиции городского романса (его интонации, кстати, ощутимы в песне 56-го года), естественно обращение к теме бульвара в самом начале пути: и бульвар, и городской романс — выразительные приметы частной жизни горожанина (из русской классики вспомним хотя бы «Бесприданницу» Островского, где есть и то и другое), а как раз она-то и интересует Окуджаву, отражение её во многом и делает его поэзию крупным явлением отечественного искусства.

Важно и то, что бульвар — Тверской. В поэзии Окуджавы он больше не появится (появится в прозе, о чём — чуть ниже), зато в некоторых программных песнях будет фигурировать улица, на которую он выходит и по имени которой назван: Тверская. Тогдашнего официального названия её — улица Горького — поэт словно не замечает (вспомним его позднейшие стихи о «Безбожном / Божественном» переулке), и это не поверхностная — в советское время нередкая — интеллигентская бравада стариной, а творческое противопоставление советскому официозу «главной улицы» всё той же частной жизни, простых человеческих чувств — тех же, что и столетие назад¹¹.

¹⁰ Цит. по изд.: «Я вас люблю, столица!»: Песни о Москве и москвичах / Сост. М. Н. Заячковский. М., 1997. С. 5.

¹¹ Пристрастие поэта к старой московской топонимике отмечено в ст. 1979 г.: Жолковский А. К. «Рай, замаскированный под двор»: Заметки о поэте мире Булата Окуджавы // Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005. С. 123.

Первая из этих песен — «Живописцы», где Тверская упоминается вслед за любимым поэтом Арбатов:

Окуните ваши кисти в голубое,
по традиции забытой городской,
нарисуйте и прилежно и с любовью,
как с любовью мы проходим по Тверской /178/.

Здесь Тверская оказывается местом единения людей, которые вроде бы не имеют отношения друг к другу; но поэт знает об этом больше нас: «Ничего, что мы — чужие. Вы рисуйте! // Я потом, что непонятно, объясню». Ещё отчётливее прозвучит этот мотив, и тоже в связи с Тверской, в песне «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину», которая, по словам самого поэта, «имеет ко всем нам отношение» (концерт в Париже, 23 июня 1995 года):

Все счёты кончены, и кончены все споры.
Тверская улица течёт, куда, не знает.
Какие женщины на нас кидают взоры
и улыбаются... И птичка вылетает /336/.

И ниже: «На веки вечные мы все теперь в обнимку // на фоне Пушкина!...» Так к «тверскому тексту» Окуджавы подключается имя Пушкина, и подключается неизбежно, ибо как улица Горького была для поэта исключительно Тверской, так и Пушкин для него, росшего в довоенной Москве, стоял, конечно, не на Страстном бульваре, где он оказался после реконструкции Пушкинской площади, а на Тверском, где его видели и каким его воспели Есенин и Маяковский. Сама же Тверская в этой песне поражает своим непредсказуемым, иррациональным поведением: как же это — *течёт, куда, не знает?* Течёт «главная улица» к Кремлю или от него — ведь «начинается земля, как известно, от Кремля». Но нет: состоящая из живых, любящих людей, она и сама подобна такому человеку и вовсе не обязана давать никому отчёт. Да ведь на то она и Тверская, а не Горького...

Даже в прозе Окуджавы Тверская появляется — хотя и неожиданно, парадоксально — именно в таком контексте. Герои романа «Путешествие дилетантов» во время своего бегства проезжают Москву, и как раз на Тверской князь Мятлев видит из гостиничного окна своих петербургских знакомцев, не зная, что они ищут его и Лавинию. А затем, уже на юге, один из них, жандармский полковник фон Мюфлинг, без особой охоты выполняющий обязанности преследователя, говорит князю: «Вы

не поверите, как всё вообще связано меж собой... на этом свете. Какие ниточки между нас <...> Как всё хитро, остроумно, безвыходно и оскорбительно...»¹² И уж совсем уникален поворот ситуации в рассказе «На Тверском бульваре» из серии «Автобиографические анекдоты», в котором намечается было знакомый нам мотив единения (неожиданное взаимопонимание героя-водителя, здесь — самого Окуджавы, и инспектора ГАИ) — на проверку, правда, мнимого.

Так вот, этот мотив, столь важный в позднейшей лирике (и прозе) поэта, заявлен как раз в таком ключе именно в песне «На Тверском бульваре». *Перенаселённая* скамья сравнивается здесь с коммунальной квартирой — а в таких квартирах жила тогда чуть ли не вся Москва, да и вся Россия. Это впоследствии поэт будет скептически высказываться о ностальгии по коммуналкам¹³, а в 56-м они — повсеместная реальность, и как раз они-то воплощают в быту человеческое единение. Вот такую символическую коммунальную квартиру поэт «помещает» на Тверском бульваре, вблизи одноимённой улицы, впоследствии ставшей в его лирике улицей человеческого братства — не официально-показного, а подлинного, основанного на взаимопонимании и любви: «...как с любовью мы проходим по Тверской». Поэтому нам кажется, что объяснение упоминания в песне Тверского бульвара тем, что на нём «находится Литературный институт им. А. М. Горького, где в это время учились некоторые друзья Окуджавы»¹⁴, сужает смысл этого образа, если вообще не уводит в сторону от него.

Здесь уместно вспомнить одно стихотворение, стоящее вроде бы в стороне от нашего разговора, но на деле имеющее к нему отношение. Примерно в одно время с песней о Тверском бульваре поэт пишет стихотворение «В музее Революции» (опубликовано в 1957 году), где тоже упомянута Тверская. Лирический герой при посещении музея мысленно переживает события революционного прошлого: «...По Тверской народ шагает, // по Тверской // снег играет, // след стирает // воровской. // А молодой парнишка // болен хлебом и Москвой, // болен хлебом, // чистым небом // тот парнишка городской. // У него шинель вразлёт. // Руку на руку кладёт // и в глаза мне смотрит долго: //

¹² Окуджава Б. Ш. Путешествие дилетантов: Романы. М., 2004. С. 438.

¹³ См.: Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...». С. 215. (Из выступления 21 апреля 1985 г.)

¹⁴ Сажин В. Н. Примечания // Окуджава Б. Ш. Стихотворения. С. 613.

“Подведёт — не подведёт?” // Я по прошлому иду. // Я гляжу его глазами, // я горю его огнями... // Я по прошлому иду — // я его не подведу» /131–132/. Стихотворение это не отнесёшь к числу лучших у поэта: бесспорная искренность сочетается в нём с высокопарностью и риторичностью (*я его не подведу*); отмечалась и зависимость от литературного источника («Двенадцать» Блока). Но любопытно, что ощущаемое лирическим героем внутреннее родство с московским *парнишкой* революционной эпохи обеспечено именно Тверской улицей, где тот, видимо, и был запечатлён фотографом (*благодаренье снимку!*); теперь этот снимок рассматривает пришедший в музей лирический герой. Между тем и сам музей находится на Тверской, и эффект присутствия, конечно, обостряет поэтическое переживание.

Так разные произведения поэта выстраиваются в единый «тверской текст», где Тверские бульвар и улица образуют символический поэтический перекрёсток разных человеческих судеб: «мы все теперь в обнимку...» (лёгкая тень иронии в «пушкинской» песне не отменяет глубокого серьёзного смысла этих слов). Нам даже кажется, что район Тверских у Окуджавы больше располагает к такому единению, чем любимый поэтом Арбат — место более интимное, с которым связано «к прогулкам в одиночестве пристрастье»¹⁵ /318/.

Но вернёмся к *той скамье зелёной*. Поэтическое указание на конкретное место (*на той*), несколько раз в песне повторённое и усиленное уверенным обращением к конкретному слушателю, как бы знакомому автору (*вы не раз бывали*), создаёт эффект доверительности, ставший впоследствии доминантой поэтического мира Окуджавы (да и авторской песни в целом). Не будем много цитировать — примеры и так на слуху. Достаточно и строк из уже упоминавшихся нами песен: «Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтётся...»; «Мы будем счастливы...» Отсюда — давно ставшее общим местом представление о пении поэта как о беседе с конкретным слушателем, именно с о м н о й. В песне «На Тверском бульваре» оно достигается обращением к конкретному личному опыту слушателя, который должен сразу узнать и бульвар, и *ту скамью*...¹⁶

¹⁵ Здесь и далее курсив в цитатах — наш. — А. К.

¹⁶ На доверительный тон этой песни в связи с отмеченной особенностью лирики поэта обращает внимание Г. А. Белая (см.: *Белая Г. А. Творчество Булата Окуджавы в контексте идей М. М. Бахтина* // Булат Окуджава: его круг, его век: Материалы Второй междунар. науч. конф. М., 2004. С. 66).

В поэзии Окуджавы встречаются московские топонимы, как нам кажется, двух типов. В тех случаях, когда поэт воссоздаёт условное, обобщённое городское пространство, условны и легко заменяемы и сами топонимы: «Часовые любви на Смоленской стоят. // Часовые любви у Никитских не спят...» /151/¹⁷; «Звенел за Сретенкой трамвай, светало над Мясницкой» /439/. Ясно, что *часовые любви* стоят на любой улице, и светает не только над Мясницкой. Любопытно, между тем, что Тверская даже в таких стихах имеет чуть более конкретный портрет, чем другие улицы: «А Тверская, а Тверская, // сея праздник и тоску, // от себя не отпуская, // провожала сквозь Москву»; ср. в этом же стихотворении, где поэт по-прежнему «не помнит» советских названий: «На Покровке я молился, // на Мясницкой горевал» («Гомон площади Петровской...» /416/).

В других же случаях поэту важен конкретный топоним, конкретный московский адрес: «Там, за поворотом Малой Бронной, // где окно распахнуто на юг...» /182/¹⁸; «Но песня тридцать первого трамвая // С последней остановкой у Филей...» /337/. *Та скамья* из первой песни «нового» Окуджавы открывает именно этот ряд лирических переживаний любимых московских мест. Похоже, что автор песни отталкивается здесь от конкретного источника — очень популярной в середине 50-х годов песни М. Блантера на стихи А. Фатьянова «В городском саду», где тоже есть поэтический мотив скамейки:

В городском саду играет
Духовой оркестр,
На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест <...>
По морям, по океанам
Мне легко пройти,
Но к такой, как ты, желанной,
Видно, нет пути¹⁹.

¹⁷ Впрочем, автор при исполнении порой и сам варьировал топонимы в этой песне. В фильме М. Козакова «Покровские ворота» в неё совершенно безболезненно было включено упоминание тех самых «Покровских», отсутствовавшее в оригинальном авторском тексте.

¹⁸ Малая Бронная выходит, кстати, на Тверской бульвар. Литературной семiotике этого района посвящена статья Г. Кнабе, написанная по поводу цитируемой песни Окуджавы «...И когда под вечер над тобою...» (см.: Кнабе Г. «Там, за поворотом Малой Бронной...» // Булат Окуджава: его круг, его век. С. 146–151).

¹⁹ Знакомые песни: 100 песен советских поэтов. М., 1964. С. 77.

Отсутствие *свободных мест* на скамейке в стихах Фатьянова явно предвосхищает окуджавскую *перенаселённую* скамью. Но и различие, даже полемика не менее явны. В одном случае мест нет — и значит, подсесть к девушке невозможно. В другом — скамья тоже вся занята, *но не было, чтоб места не хватило*. Это почти как на соседней Тверской, где *мы все теперь в обнимку*. Соответственно, и сама скамья у Фатьянова имеет чисто предметное значение, у Окуджавы же — символическое. Вообще этот пример хорошо показывает принципиальную разницу между песней эстрадной и песней авторской. В 1980 году Юрий Визбор в заметке памяти Высоцкого обозначил эту разницу контрастными цитатами: «Вспомните дебильное: “Не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить...”». Высоцкий: “...А мне плевать, мне очень хочется!”»²⁰ Здесь, конечно, случай несколько иной, но всё равно похожий. Окуджава словно спрашивает фатьяновского героя: как это нет свободных мест? Есть, обязательно есть, если только не понимать всё слишком буквально. Такова поэтическая диалектика его образа, недоступная автору эстрадной песни: скамейка одновременно и конкретна, узнаваема (*та*, на Тверском), и условна, ибо вмещает всех и каждого²¹.

Песня Окуджавы полемична, кажется, по отношению не только к песне Фатьянова и Блантера (с которой у Окуджавы, кстати, перекликаются название стихотворения 1963 года «В городском саду» и лейтмотив позднейшей песни «Счастливый жребий»: «*В городском саду — флейты да валторны*»; «снова встретимся *в городском саду*»). Нам слышится здесь скрытое возражение и Степану Щипачёву, с его широко известными в ту пору стихами: «Любовь — не вздохи на скамейке // И не прогулки при луне» («Любовью дорожить умеете...», 1938). Окуджава словно реабилитирует *скамейку*: как же без неё, с нею связано так много — и встречи, и разлуки... Пресной, риторической сентенции Щипачёва поэт противопоставляет личное переживание, сильное как раз (повторим вновь) конкретностью и потому точное и убедительное.

²⁰ Визбор Ю. Он не вернулся из боя // Визбор Ю. Сочинения: В 3 т. М., 2001. Т. 3. С. 129.

²¹ Генетическое родство раннего песенного творчества Окуджавы и советской массовой песни отмечено в ст.: Абельская Р. Ш. Ах, это, братцы, о другом...: Совет. песня и её значение для формирования поэтики Булата Окуджавы // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы Третьей междунар. науч. конф. М., 2003. С. 265–277.

В песне «На Тверском бульваре» показательна и необычна для лирики тех лет — в том числе и для эстрадной песенной лирики — фигура лирического героя. Он называет сам себя *непутёвым* (хотя это, скорее, мнение окружающих о нём), а ведь герой тогдашних песен, в том числе и цитированных нами выше, таковым не бывает. За его плечами — большой жизненный опыт, оцениваемый им самим позитивно: «Прошёл чуть не полмира я...» («В городском саду...»); «Я по свету немало хаживал, // Жил в землянках, в окопах, в тайге, // Похоронен был дважды заживо, // Знал разлуку, любил в тоске» («Моя Москва»). На таком фоне «маргинальность» окуджавского героя особенно выделялась и готовила почву и для его будущего «Ваньки Морозова», и для *грустных солдат*, а в каком-то смысле — и для других *непутёвых* героев авторской песни, например, в творчестве Юрия Кукина или Евгения Клячкина.

Но в системе персонажей песни любопытны и другие обитатели *перенаселённой* бульварной скамьи. Процитируем вторую, финальную часть:

А с той скамьи зелёной,
с перенаселённой,
случается, и при любой погоде,
одни уходят парами
дорожками бульварными,
другие в одиночестве уходят.

Та зелёная скамья,
я признаюсь без вранья,
для одних недолгий берег,
для других дымок жилья.

«Действующие лица» поделены на две группы: *одни уходят парами — другие в одиночестве уходят*. Жизненная удача, счастье словно раскладываются надвое — почти как при гадании на ромашке: любит — не любит. Лучше сказать: кого-то любят — кого-то не любят (можно предположить, что *непутёвый* лирический герой скорее из числа вторых, хотя скамья *согревала* и его)... Это совсем не то, что встретится нам в эстрадных песнях, с их банальными сентенциями типа «Кто-то теряет, кто-то находит». Там будет отвлечённая риторика, здесь, у Окуджавы — опять-таки поэтическая конкретика.

Нам думается, что именно от песни «На Тверском бульваре» потянутся нити к таким произведениям барда как, скажем, «Дежурный по апрелю», где возлюбленная *забыла* героя и *знать*

не хочет /202/, или «Он, наконец, явился в дом...» с неожиданной, на первый взгляд, «редуцированной» концовкой («...и он повернулся, чтобы уйти, // и она не припала к его груди», хотя *это любовь была!* /321/). В альтернативном поэтическом мире Окуджавы отсутствие счастья имеет равные права с самим счастьем, ибо таковы законы бытия: «Две вечных подруги — любовь и разлука — // не ходят одна без другой» /389/. Можно напомнить и другое, позднейшее: «Между удачей, с одной стороны, // и неудачей жизнь моя мечется...» /449/.

Поэтическая убедительность творческого подхода Окуджавы становится особенно заметна, если сравнить его песню с появившейся позже, уже в 60-е годы, песней С. Острового на музыку А. Долуханяна «Московские бульвары». Припев её звучал так:

Бульвары... Бульвары... Бульвары...
Шумят тополя надо мной...
И ходят за парами пары
По этой дорожке цветной²².

Любопытно само совпадение мотивов (*пары, дорожка*) и даже рифмы (*бульвары — пары*; впрочем, ассонансная рифма Окуджавы *парами — бульварными* богаче и интереснее). Мы не думаем, что это плагиат: слишком узок был круг слушателей песни Окуджавы, певшейся им ещё в домагнитофонный период, чтобы в этот круг мог попасть такой далёкий и заметно более старший человек как Сергей Островой. Но важнее смысловое различие: в типично советской песне Острового царит идиллическая картина любви и взаимопонимания («И ходят за парами пары»), в то время как у Окуджавы, и мы это уже видели, *парами* уходят с бульвара далеко не все. Кстати, насколько динамичнее и содержательнее его глагол *уходят*, чем вневременное и потому по-своему статичное *ходят* эстрадного песенника. В этом слове *уходят* ощущается, как нам кажется, зерно будущих «Часовых любви», где дважды звучит как лейтмотив строка: «Часовым полагается смена» /151/.

Но и «позитивный» вариант судьбы (*одни уходят парами*) дан в песне Окуджавы очень неказённо, по-домашнему: *дымок жилья*. Впоследствии мотивы домашнего очага, домашних запахов станут важнейшими в лирике поэта: напомним песню «Батальное полотно» («Всё слабее запах очага и дыма, // моло-

²² Цит. по изд.: Песня — наша спутница: Сб. песен. М., 1964. С. 70.

ка и хлеба...» /343/) или стихотворение «Последний мангал» («А тот мангал, словно пёс, на запах // орехов, зелени, бастурмы, // качаясь, шёл на железных лапах // к столу, за которым сидели мы» /241/.

На фоне массовой песни послевоенных лет непривычным казался и язык первой песни «нового» Окуджавы. Он нёс в себе немыслимую для тогдашних песенных текстов, тем более для романсов (даже городских), разговорную лексику: *без вранья, непутёвый*. Любопытно использование некодифицированной речи (*не было* [случая], *чтоб* [кому-то] *места не хватило*), тоже свидетельствующее об ориентации автора на разговорную манеру. Такой же эффект имеет и произношение поющего поэта, когда он рифмует *зелёной* — *перенаселённой*: в первом слове у него звучит долгое *н* («зелённой»), и созвучие оказывается более ощутимым, хотя и за счёт нарушения орфоэпической нормы. Но это тот случай, когда норму как раз и не жалко.

Поэт пользуется и разговорной интонацией, по-своему выразительно оттеняющей романсовую мелодию песни, особенно в запеве. Так, после строки *на той скамье зелёной*, исполняемой автором особенно традиционно, распевно, следует строка, состоящая, не считая предлога, всего из одного слова, слова длинного, как бы с трудом «втискивающегося» в стих: *на перенаселённой*. Во втором запеве звучание ещё более затруднено, ибо стихотворный ритм теряет один слог, хотя и требует прежней метрической схемы: *с перенаселённой*. Подобный приём нарушения стихотворного метра за счёт разговорной интонации (в том числе — за счёт длинных слов) встретится впоследствии у Окуджавы не раз, и встретится уже в первых песнях — «Король» («...и присвоили ему звание короля» /139/), «Ванька Морозов» («Она по проволке ходила» /143/; поэт так и пел: «по проволке»), но и в последующие годы тоже, например: «извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается» («Былое нельзя воротить...» /284/). Как видим, и эта особенность поэтики Окуджавы «отрепетирована» в песне 1956 года.

Песня «На Тверском бульваре», как нам представляется, отделяет прежнее творчество Окуджавы от нового, принесшего ему заслуженную славу и любовь. Показательно, что как раз в 56-м году вышел первый сборник Окуджавы «Лирика»: с появлением песни он стал для самого поэта событием вчерашнего дня. Хотя в книге «черты канона социалистического реализма» сочетались

с «чертами новой поэтики»²³, всё же составившие её стихи не имели той поэтической конкретности, того героя, той языковой свободы, которые появятся в лирике Окуджавы начиная с «Тверского бульвара», и на фоне его последующих творческих открытий будут восприниматься как содержащие некие общие места («Полжизни промчалось в походах. // И вот, от разлуки устав, // торопишься к дому, на отдых. // Ползёт за составом состав» /102/ и т. п.). Не случайно Окуджава, в том же 56-м году переехавший в Москву и прошедший через строгое обсуждение книги в литобъединении «Магистраль», после этого какое-то время, по его собственному признанию, не писал стихов. Он называл в разное время то *год*, то *полтора*, то *несколько лет*²⁴; но теперь-то нам ясно, что перерыв не был большим, если в том же 56-м написана «На Тверском бульваре».

Но почему всё же поэт многие годы не вспоминал эту песню? Авторское определение её как *слабой* убеждает плохо: мы как раз и пытались показать, что автору вряд ли было в чём упрекнуть своё сочинение (он, кстати, называл песню и *сентиментальной*²⁵, хотя едва ли она более *сентиментальна*, чем многие другие его песни²⁶).

Приблизиться к разгадке нам может помочь творческий опыт других крупнейших бардов. Когда, например, Высоцкий в самом начале пути сочинил шуточную песню-фельетон «Пока вы здесь в ванночке с кафелем...», он, по воспоминанию М. В. Розановой, «безумно стеснялся» её и даже выдавал за чужую²⁷. Галич никогда не признавался, что его первая авторская песня, «Леночка», появилась как пародия на популярную песню «Танечка» из фильма «Карнавальная ночь» — ему, видимо,

²³ Розенблюм О. М. О некоторых темах и образах книги «Лирика» // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 51. Вот пример такой переходности: «Зима отмела, отсугробилась. // И вот переулками, улицами // такой долгожданный и тёплый // апрель начинает прогуливаться» /109/. Здесь поэт «опробовал» замечательную рифму из будущей песни «Былое нельзя воротить...» (см. выше), но в контексте совершенно нейтральных, общих городских мотивов, не дающих ощущения конкретного городского пространства. О стихах первой книги см. также: Дубшан Л. О природе вещей: [Предисл.] // Окуджава Б. Ш. Стихотворения. С. 17–19.

²⁴ См.: Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...». С. 23, 25–26, 28.

²⁵ См.: Рассадин С. Указ. соч.

²⁶ Об этой особенности творчества Окуджавы см.: Дубшан Л. Указ. соч. С. 33–37.

²⁷ См.: Синяевский А., Розанова М. «Для его песен нужна российская почва» / Беседу вела Н. Уварова // Театр. 1990. № 10. С. 146.

казалось, что это принизило бы в глазах слушателей её значение как п е р в о й песни Галича²⁸. Первые сочинения бардов казались им самим несерьёзными, ибо возникали они в узком кругу (И. А. Соколова называет такие песни «кружковыми»²⁹) как сиюминутный отклик на какое-то событие или произведение, и потому впоследствии можно было стесняться их самих или того повода, по которому они написаны, и даже (как в случае с Окуджавой) забыть о том, что они — п е р в ы е. Любопытно, что даже после того самого интервью «Менестрелю», которое мы цитировали в начале статьи, поэт, говоря о начале работы над песнями, эту песню опять не вспоминает, а под первой подразумевает вероятнее всего всё того же «Ваньку Морозова»: «...осенью 56-го года <...> я спел своё шуточное стихотворение под аккомпанемент»³⁰.

Нам представляется глубоко символичным тот факт, что пора творческой зрелости наступает для Окуджавы именно в 1956 году, в год Двадцатого съезда и начала оттепели. В этом смысле он разделил судьбу едва ли не всех крупных поэтов своего поколения — Александра Межирова, Юрия Левитанского, Давида Самойлова... Все они начали писать стихи в юности, но большими мастерами стали сравнительно поздно — ближе к сорока годам. Им словно нужно было дожидаться общественных перемен, столь благотворно сказавшихся на их творческом становлении. Песня Окуджавы «На Тверском бульваре» оказалась одной из первых поэтических «ласточек» начинающейся оттепели и открыла собою настоящего, классического Окуджаву. Он стал таковым благодаря прежде всего п е с н е, а уж песня, в свою очередь, обновила впоследствии и весь поэтический мир художника.

²⁸ См. подробно: Кулагин А. В. Об источнике первой авторской песни Галича // Галич: Новые ст. и материалы. М., 2003. С. 6–16.

²⁹ См.: Соколова И. А. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М., 2002. С. 126–149.

³⁰ Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...». С. 41.

Мария ГЕЛЬФОНД

МАНДЕЛЬШТАМ И ОКУДЖАВА: МИР И ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

На первый взгляд, имена Мандельштама и Окуджавы в истории русской поэзии XX века представляются максимально отдалёнными друг от друга. С творчеством Мандельштама неизменно связывают представление о высшей сложности поэтического слова, с лирикой Окуджавы — о его высокой простоте. Истоки творчества Окуджавы видятся, скорее, в поэзии символизма, возможно, — в лирике Пастернака. Несмотря на это, мандельштамовские ассоциации при чтении Окуджавы естественны — и почти неизбежны. С. С. Аверинцев, определяя бытование поэтического — произносимого и пропетого — слова Окуджавы, вспоминает неметафорический, по его мнению, образ «шевелившихся губ» у Мандельштама¹. Словами Мандельштама «Серная спичка» назвал свою статью, посвящённую памяти Булата Окуджавы, Г. С. Померанец². Ряд подобных ассоциаций неоднократно возникал в статьях Г. А. Белой, С. Н. Бройтмана, Л. С. Дубшана³ и других исследователей творчества Окуджавы. Насколько обоснованны эти ассоциации?

При несомненном различии творчества названных поэтов можно выделить хотя и неширокую, но очень значимую сферу

¹ Аверинцев С. С. Поэзия, сохраняющая тепло человеческого дыхания // Булат Окуджава: его круг, его век. Материалы второй международной научной конференции. 30 ноября — 2 декабря 2001 г. Перedelкино. М., 2004. С. 30–32.

² Померанец Г. С. Серная спичка // Лит. обозрение. 1998. № 3. С. 23.

³ Белая Г. А. Моцарт в неволе // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века. Материалы первой международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения поэта. 19–21 ноября 1999 г. Перedelкино. М., 2001. С. 37–38; Бройтман С. Н. «Я» и «другой» в лирике Булата Окуджавы // Булат Окуджава: его круг, его век. С. 193; Дубшан Л. С. О природе вещей // Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. С. 4. (Новая 6-ка поэта).

их непосредственного соприкосновения. Это «московский» цикл Мандельштама 1931 года и ряд «московских» стихов Окуджавы, главным образом, второй половины 1950–1960-х годов. Нити, протянутые от этих стихов к автобиографической прозе обоих поэтов и к поздней лирике Окуджавы, открывают новые смысловые пространства их творческих пересечений.

«Московский» текст в русской литературе явился, в отличие от «петербургского», главным образом, порождением XX века⁴. Быстрая перестройка Москвы, изменение её архитектурного облика и внутренней атмосферы обращали писавших о ней к осмыслению проблемы временного и неизменного, эпохи и человека. Открытие Москвы как особого мира требовало её личностного освоения. Такой попыткой лирического «вживания» в своё и одновременно чужое московское пространство представляются и названные поэтические циклы Мандельштама и Окуджавы. Город — это тот мир, в освоении которого и в контакте с которым проявляется сущность сознания лирического героя. Урбанизм каждого из рассматриваемых поэтов был естественным, органическим; «городолюбие, городострастие, городоненавистничество» (слова Мандельштама о Данте) в обоих случаях определяли спектр взаимоотношений поэта с миром. Этим, в значительной степени, объясняется неожиданная близость названных лирических циклов (в данном случае речь не идёт об осознанном следовании Окуджавы мандельштамовской поэтической традиции)⁵.

Исходная ситуация создания «московских» стихов для каждого из поэтов — это возвращение автора в Москву после многолетней разлуки и более чем серьёзных перемен, произошедших за это время с ним, городом и страной.

Для Мандельштама — петербуржца, долгое время не принимавшего уклада московской жизни и всего «московского» периода русской истории («Всё чуждо нам в столице непотреб-

⁴ См.: *Сухих И. Н.* Двадцать книг XX века. Эссе. СПб., 2004. С. 262.

⁵ Эта проблема ставится и отчасти рассматривается в следующих работах: *Бойко С. С.* Этот остров музыкальный: Тема музыки и образ музыканта в творчестве О. Мандельштама и Б. Окуджавы // *Вагант-Москва*, 1997. № 4–6. С. 21–27; *Розенблюм О. М.* К вопросу об эволюции образа поэта в лирике Булата Окуджавы (50–60-е гг.) // *Булат Окуджава: его круг, его век*. С. 114. Некоторые мандельштамовские реминисценции у О. были отмечены: *Сажин В. Н.* Примечания // *Окуджава Б. Ш.* Стихотворения. С. 616, 635, 649, 654.

ной...», 1918) — Москва была чужим миром, и всё же переезд в неё был осмыслен именно как *в о з в р а щ е н и е* к миру, себе и стихам:

В год тридцать первый от рожденья века
Я возвратился, нет, читай, насильно,
Был возвращён в буддийскую Москву... /3; 56/⁶

По словам Н. Я. Мандельштам, «летом 31-го года в полной изоляции, на Полянке, обольстившись рекой, суетой, шумом жизни, он поверил в грядущее, но понял, что он уже в него не войдёт»⁷. Следствием этого обольщения стала постоянно повторяемая Мандельштамом болезненная попытка примириться с настоящим, согреться его «серной спичкой». Значим сам факт временного соседства «московского» цикла с «волчьим»: вызов века на смертельный поединок и неудержимое тяготение к нему — два полюса сознания, реализованных в мандельштамовской лирике начала 1930-х годов.

Обстоятельства возвращения Окуджавы были иными уже потому, что Москва была для него миром изначально своим, обжитым, сокровенным («арбатство, растворённое в крови» — позднейшая формула родства, почти аналогичная мандельштамовским словам о Петербурге: «город, знакомый до слёз, до прожилок, до детских припухлых желёз»). Но возвращение было болезненным — Москву заново узнавал человек с обрётённым вне родного города жизненным опытом и многолетней болью отверженности: «Замереть на маминой груди, позабыв всё на свете: и Калугу, и горькие годы разлуки, и вчерашнюю войну...» («Приключения секретного баптиста»)⁸. Вживание в московский мир, вхождение в него (в прямом и переносном смысле) осложнялось ощущением неустойчивости, смутной надеждой и неясной «мелодией утрат». Другой стала и Москва. «Всё переменилось, и Москва тоже. Открылись глаза, и стали заметнее, всплыли из небытия её закоулки, клопы и тараканы, её пивные в чаду и при тусклом свете, *и страх в глазах, и ненадёжность бытия* (выделено мной — М. Г.). И всё это не уравно-

⁶ Здесь и далее тексты Мандельштама (с указанием номеров тома и страниц) цит. по изд.: Собрание соч.: В 4 т. М., 1993—1997.

⁷ Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930—1937 гг. // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания; Материалы к биографии; «Новые стихи»; Комментарий; Исслед. Воронеж, 1990. С. 214.

⁸ Окуджава Б. III. Заезжий музыкант: Проза. М.: Олимп, 1993. С. 198.

вешивалось ни Кремлём, ни Красной площадью, ни новыми проспектами и мостами. Напротив, в Москве как бы сосредоточилась затяжная беда и не выветривалась. Нет, Иван Иванович не анализировал всего этого, не обобщал. Он был составной частью большого города, он приспособился к этому быту. Но, видимо, человеческое в нём не было побеждено окончательно, вот оно и выплёскивалось, и протестовало, и маячило, как бельмо на глазу» («Подозрительный инструмент»)⁹.

Неотделимый от плоти и крови Москвы, лирический герой и Мандельштам и Окуджавы, по сути своей, — «маленький человек» с присущей ему болезненной уязвимостью, постоянной оглядкой на отсутствующего собеседника, ожиданием реакции *другого*¹⁰. Возводивший свою родословную к Макару Девушкину и капитану Голядкину, Мандельштам одновременно осознаёт себя «маленьким человеком» и силится отделить себя от него. Наиболее отчётливо подобное раздвоение проявляется в прозе конца двадцатых годов, в судорожном восклицании «Египетской марки»: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него!» /2; 481/.

В автобиографической прозе Окуджавы сознание «маленького человека» раскрывается в его постоянной попытке увидеть себя со стороны, чужими глазами. Условием такого взгляда нередко становится временная дистанция, когда перед нами возникает своеобразная «очная ставка» ироничного автора и его незащитного героя (подобные отношения связывают в «Египетской марке» Мандельштам и Парнока). «Представляю, как смешно я выглядел: расставленные ноги, и руки в карманах шинели, и пилотка, натянутая на уши... Мне бы только шапку-ушанку, и я не выглядел бы таким жалким» («Будь здоров, школяр»)¹¹. «Трудно сейчас представить, как я всё это проделывал? Я ли то был, тот кривоногий солдатик с оттопыренными ушами, выброшенный из домашнего убогого тепла прямо в ожесточённые пятерни лейтенанта Ланцова?» («Уроки музыки»)¹².

Тщедушность, малость, болезненная уязвимость лирического героя (отнюдь, кстати, не соответствующая реальным внешности и поведению авторов) становится предметом посто-

⁹ Там же. С. 269–270.

¹⁰ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 275–276.

¹¹ Окуджавы Б. Ш. Заезжий музыкант. С. 8.

¹² Там же. С. 227.

янной рефлексии обоих поэтов. Движения, внешность, походка — всё оценивается пристрастным взглядом стороннего наблюдателя, причём его роль может принимать на себя и иронически оценивающий себя и свои былые иллюзии автор:

Бывали дни такие — гулял я молодой,
глаза глядели в небо голубое,
ещё был не разменян мой первый золотой,
пылали розы, гордые собою /253/¹³.

Бывало, я, как помоложе, выйду
В проклеенном резиновом пальто
В широкую разлапицу бульваров...
И пахло до отказа лавровишней...
Куда же ты? Ни лавров нет, ни вишен... /3; 52/

Особым знаком вхождения героя в мир, его причастности к «суровой эпохе» становится одежда — нескладная оболочка, позволяющая отрешиться от своей отчуждённости, хотя бы на время забыть о ней и раствориться в мире. Одежда становится обоснованием собственного я, её выбор — выбором судьбы. Осознание себя современником века невозможно у Мандельштама вне описания нелепого пиджака, делающего его неотличимым от собратьев по городу и веку:

Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвее, —
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею! /3; 53/

Подчёркнутая декларативность этого восклицания — внешняя сторона напряжённой неуверенности героя. Своё право быть неотъемлемой частью века («Попробуйте меня от века оторвать, — // Ручаюсь вам — себе свернёте шею!») Мандельштам готов отстаивать в поединке со всеми, кто усомнится в его причастности времени.

Так же — со стороны, чужими глазами, скользящими по человеку, фиксирующими внимание на одежде, а не на сущности, оценивает своего героя и Булат Окуджава. «Серый костюмчик» в его ранней песенке — это утверждение себя частью мира и просьба о жалости к себе; благодаря невыразительной простоте одежды здесь стирается граница между *я* и *другими*, между *поющим* и *слушающими*:

¹³ Здесь и далее стихотворения Окуджавы (с указанием номера страниц) цит. по изд.: Окуджава Б. *Ш. Чаепитие на Арбате: Стихи раз. лет.* М.: РАН, 1996.

На мне костюмчик серый-серый,
совсем как серая шинель.
И выхожу я на эстраду
и тихим голосом пою.

А люди в зале плачут-плачут —
не потому, что славен я,
и не меня они жалеют,
а им себя, наверно, жаль /65/¹⁴.

Позже особым знаком судьбы становится у Окуджавы старый пиджак:

Я много лет пиджак ношу.
Давно потёрся и не нов он.
И я зову к себе портного
и перешить пиджак прошу /90/.

Вместе с потёршимся пиджаком стареют надежды лирического героя и его попытки *перекроить всё иначе*. В предполагаемом диалоге со старательным портным рождается особая мудрость — «надежда на счастливый исход и сознание её необоснованности»¹⁵. К теме старого пиджака Окуджава возвращается и в поздних стихах, в то время, когда надежда уже окончательно вытеснена мудрой самоиронией и трезвым знанием времени:

Поистёрся мой старый пиджак,
но уже не зову я портного:
перекройки не выдержать снова —
доплетусь до финала и так /511/.

Архетипический сюжет, связывающий приведённые стихи Окуджавы и Мандельштама, — конечно же, гоголевская «Шинель», осмысленная в трагикомических реалиях XX века. По словам С. Г. Бочарова, «история новой шинели — это словно попытка Акакия Акакиевича воплотиться в формы мира, войти в его измерения»¹⁶. Подобная попытка всегда обречена на неудачу, и печальный эпилог дописывает здесь сама жизнь.

Особым предметом авторской рефлексии одежда становится и в прозе каждого из рассматриваемых авторов: сюжет

¹⁴ Подробнее о поэтике и документальной достоверности этого поэтического текста: Дубшан Л. С. О природе вещей. С. 3–4.

¹⁵ Жолковский А. К. «Рай, замаскированный под двор»: Зам. о поэт. мире Б. Окуджавы // Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ, 2005. С. 111.

¹⁶ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 127.

«Шинели» сходным образом варьируется в «Египетской марке» Мандельштама¹⁷ и в «Искусстве кройки и житья» Окуджавы. Рубашка Парнока, доставшаяся ротмистру Кржижановскому, и так и не сшитое кожаное пальто в автобиографическом рассказе Окуджавы воплощают мечту об иной жизни — возможной, но нереализованной. Насмешка над своим героем и печаль о несовершенстве мира определяют смысловой и интонационный фон обоих произведений.

Обоснованием своей связи с эпохой и, соответственно, миром новой Москвы становится для каждого из поэтов и утверждение исторической причастности к произошедшим переменам. Подобно тому, как Мандельштам сохраняет верность разночинским идеям («Для того ли разночинцы // рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?»), Окуджава утверждает свою преемственность по отношению к *комиссарам в пыльных шлемах*. Подобное отношение к прошлому отнюдь не предполагает его идеализации (в чём нередко упрекали Окуджаву); оно является, прежде всего, утверждением верности идеям своей юности и, опосредованно, своего права на настоящее.

Созвучны и ключевые образы двух «московских» циклов — метафорические проекции лирического я. От *трамвайной вишенки* Мандельштама («Я трамвайная вишенка страшной поры // И не знаю, зачем я живу» /3; 48/) тянется нить к *московскому муравью* Булата Окуджавы («Но я — московский муравей, и нет покоя мне — // так было триста лет назад и будет так всегда» /44/). В основе каждой из этих метафор лежит осознание себя болезненно малой частью целого, причём целого хаотического и нелепого, любимого и отторгающего.

Несомненно при этом и различие. *Трамвайная вишенка* Мандельштама — исключительный в контексте его «московского» цикла трагический образ. Москва в стихотворении «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» — это воронка, сулящая смерть. Её аморфность зловеща, а московский трамвай везёт героев в небытие:

Мы с тобою поедem на А и на Б
Посмотреть, кто скорее умрёт,
А она то сжимается, как воробей,
То растёт, как воздушный пирог /3; 48/.

¹⁷ См.: Полякова С. В. «Шинель» Гоголя в «Египетской марке» Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. Исслед. и материалы. М.: Наука, 1991. С. 457–459.

Поэзии Окуджавы подобное обострённо трагическое восприятие жизни несвойственно. В его «московских» стихах звучит иная интонация — мудрой печали, грустного знания. Его лирический герой — *московский муравей*, — сознавая свою малость, создаёт и обживает свой мир. Он не только бессловесная жертва времени, но и творец своего мира, одновременно Господь и Адам, создающий себе богиню «по образу и духу своему». В жестоких противоречиях эпохи он пытается сотворить своё будущее и судьбу и с радостью обнаруживает, что не одинок в этих попытках:

...Мы сами себе сочиняем и песни и судьбы,
и горе тому, кто одёрнет не вовремя нас... /314/

Вернёмся к Мандельштаму. Трагическое в его лирике — это оборотная сторона всеохватной причастности к бытию. Диапазон состояний героя «московского» цикла резко контрастен. Мировосприятие Мандельштама в период его возвращения в «буддийскую Москву» глубоко и точно описывает Л. М. Видгоф: «Надо было жить, и хотелось жить, а Москва с её безалаберностью, пестротой, простором, неистребимой естественностью волновала некоей домашней и наивной прелестью»¹⁸. За исключением приведённых стихов о трамвайной вишенке «московский» цикл Мандельштама наполнен обострённой, нескончаемой радостью бытия. В стихи попадают все впечатления внешнего московского мира в их хаотическом нагромождении: китайская прачечная, уличный фотограф, турецкий барабан и струя из бочки для поливки улиц. Герой Мандельштама постоянно стремится ощутить свою связь с миром и мучается отторгнутостью от него. Связь с миром других призрачна, едва уловима, полузапретна, но тем не менее нерасторжима:

Когда подумаешь, чем связан с миром,
То сам себе не веришь — ерунда!
Полночный ключик от чужой квартиры,
Да гривенник серебряный в кармане,
Да целлулоид фильмы воровской /3; 54/.

Подобная болезненность вхождения в московский мир (несмотря на изменения, произошедшие с городом) ощутима и в лирике Окуджавы. Её герой торопится приобщиться к Москве, надышаться её воздухом, ощутить подлинную радость воз-

¹⁸ Видгоф Л. М. Москва Мандельштама: Кн.-экскурсия. М., 1998. С. 133. (Зап. Мандельштам. о-ва; Т. 9).

вращения, но осознаёт вместе с тем её жестокость и неизбежность предстоящего разрыва. Единственное, что в его силах, — умолить Москву об отсрочке:

Время идёт, хоть шути — не шути,
как морская волна вдруг нахлынет и скроет...
Но погоди, это всё впереди,
дай надышаться Москвою.

Мало прошёл я дорогой земной.
Что же рвёшь ты не в срок пополам моё сердце?
Ну не спеши, это будет со мной,
ведь никуда мне не деться.

Видишь тот дом? Там не гасят огня,
там друзья меня ждут не больным, не отпетым...
Да не спеши! Как же им без меня?
Надо ведь думать об этом.

Дай мне напиться воды голубой,
придержи до поры и тоску и усталость...
Ну потерпи, разочтёмся с тобой —
я должником не останусь /15/.

Важным моментом в лирике и Мандельштама и Окуджавы становится пешее освоение пространства, «впечатывание» себя в него как способ закрепления своего места в московском мире. Лирический герой каждого из рассматриваемых циклов — это московский пешеход, гуляка с волшебною тростью (эти слова Мандельштама о Батюшкове являются одновременно и автохарактеристикой), дежурный по апрелю. Москва воспринимается им как последовательно раскрывающийся в одиноких долгих прогулках мир, и это оставляет в стихах почти физическое ощущение от соприкосновения с московским асфальтом («Люблю разъезды скворчащих трамваев // И астраханскую икру асфальта» — Мандельштам; «И прозрачен асфальт, // как в реке вода» — Окуджава). Сходный — едва ли не до тождественности — мотив стёртых башмаков обусловлен буквальным восприятием расхожей метафоры «жизненного пути»: пройти город не менее трудно, чем пройти жизнь:

Ещё он помнит башмаков износ,
Моих подметок стёртое величье... /3, 120/

Ещё моя походка мне не была смешна,
ещё подошвы не поотрывались,
за каждым поворотом, где музыка слышна,
какие мне удачи открывались! /253/

С московскими улицами связаны воспоминания о прошлом и неясные надежды на будущее. «Я хожу по улицам московским, — писал О. Э. Мандельштам жене, — и вспоминаю всю нашу милую трудную жизнь» /4; 80/. Город неисчерпаем и нескончаем — как река, как поток времени («Никогда до конца не пройти тебя»). Рядом с лирическими героями рассматриваемых поэтических циклов в этом потоке плывут другие московские пешеходы, и стук их каблучков рождает музыку «рояля Москвы». Эта метафора Мандельштама — своеобразное предвестие великой метафоры Окуджавы *надежды маленький оркестрик*:

Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето.
С дроботом мелким расходятся улицы в чоботах узких
железных /3; 52/.

Пешеходы твои — люди не великие,
каблучками стучат — по делам спешат /82/.

Сквозь будничный перестук шагов пробивается иная — подлинная, высокая музыка. Здесь звучат мелодии Шуберта («На Москве-реке почтовым пахнет клеем, // Там играют Шуберта в раструбы рупоров» /3; 61/) и Баха («Но вышел тихий дирижёр, но заиграли Баха, // и всё затихло, улеглось и обрело свой вид» /182/). Москвичом оказывается в поэтическом мире Мандельштама и Моцарт, а «Песенка о Моцарте» Окуджавы, внешне не связанная с «московским» циклом, скреплена с ним целым рядом потаённых мотивов — надежды, судьбы, «грехов нашей родины вечной»:

К Рембрандту входит в гости Рафаэль,
Он с Моцартом в Москве души не чает... /3; 53–54/

Моцарт на старенькой скрипке играет.
Моцарт играет, а скрипка поёт.
Моцарт отечества не выбирает —
просто играет всю жизнь напролёт /255/.

«Малость» московского героя в поэзии Мандельштама и Окуджавы — это внешняя сторона его неосязаемого другими и робко осознаваемого им самим величия. Подтверждая его, «высокими собеседниками» московских прогулок становятся для обоих великие поэты «золотого» — пушкинского — века: Батюшков, Языков, Лермонтов и даже сам Александр Сергеевич. Их — нежных, насмешливых, прощающих — можно встретить на улицах Москвы, и встречи с ними становятся естественным воплощением мечты о поэтическом бессмертии. Описание подобной встречи — это не литературная условность,

а подлинное её переживание: сбивчивый диалог с поэтами прошлого рождает у Мандельштама счастье благодарности и дарит Окуджаве весть о последнем прощении:

Словно гуляка с волшебной тростью,
Батюшков нежный со мною живёт.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Дафну поёт.

Ни на минуту не веря в разлуку,
Кажется, я поклонился ему,
В светлой перчатке холодную руку
Я с лихорадочной завистью жму.

Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.
И не нашёл от смущения слов:
— Ни у кого — этих звуков изгибы...
И никогда — этот говор валов... /3; 65—66/

Насмешливый, тщедушный и неловкий,
единственный на этот шар земной,
на Усачёвке, возле остановки,
вдруг Лермонтов возник передо мной,
и в полночи рассеянной и зыбкой
(как будто я о том его спросил)
— Мартынов — что... —
Он мне сказал с улыбкой. —
Он невиновен.
Я его простил /217/.

Общение с «высокими собеседниками» прошлого не сокращает, а ещё более усугубляет разрыв между поэтом и его современниками. Потому и рождается страстное желание: сократить этот разрыв, найти собеседника, взять его за руку, спасти, спастись...

И до чего хочу я разыграться,
Разговориться, выговорить правду,
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду,
Взять за руку кого-нибудь: будь ласков,
Сказать ему: нам по пути с тобой /3; 55/.

То, о чём мечтает в своих «московских» стихах лета 1931 года Мандельштам, в какой-то мере удаётся Окуджаве четверть века спустя: набитый московский трамвай в стихах Мандельштама вёл к смерти, полночный троллейбус Окуджавы спасает и дарит надежду:

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье /37/.

Пауса АБЕЛЬСКАЯ

«НЕ БРОДЯГИ, НЕ ПРОПОЙЦЫ,
ЗА СТОЛОМ СЕМИ МОРЕЙ...»
(Окуджава, Киплинг, Гумилёв и другие)

В сфере бытования авторской песни Киплинг — одна из культовых фигур. Со времён Великой Отечественной войны широкой популярностью пользовалась песня, сочинённая Е. Аграновичем на слегка подправленное стихотворение «Пыль» в переводе А. Оношкович-Яцыны. Среди песен, распевавшихся под гитару в 1970—1980-е годы в молодёжных компаниях, обязательно всплывали «На далёкой Амазонке» (стихи Р. Киплинга в пер. С. Маршака, муз. В. Берковского), «Солдат Киплинга» Ю. Кукина, «Песня шагом, шагом...» (стихи Н. Матвеевой, муз. В. Берковского).

Ю. Визбор и А. Городницкий признавались, что в начале творческого пути находились под влиянием Киплинга и подражали ему¹. Имя британского поэта воспринималось в студенческой и интеллигентской среде как туманный символ чего-то волнующего, романтического, экзотического. С одной стороны, стремление к романтике «дальних странствий» свидетельствовало о новой «оттепельной» раскрепощённости, с другой — через увлечение Киплингом осуществлялась преемственность от довоенного поэтического поколения — к «шестидесятникам», и далее — к поколению 70—80-х.

Б. Окуджава неоднократно упоминал Киплинга в числе тех немногих поэтов, которые оказали на него наибольшее влияние в молодости:

¹ Соколова И. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М.: Благотворит. Фонд В. Высоцкого, 2002. С. 215.

«Что касается любимого писателя и поэта, я могу вам сказать. Из поэтов люблю я Пушкина, Кипплинга, Франсуа Вийона, Пастернака... (лето 1969)»;

«Кто из поэтов оказал на Вас большое влияние в пору поэтического становления? — Пастернак, Киплинг, Ахматова (4 мая 1985)»;

«Я могу просто коротко сказать о своих учителях в литературе... Если говорить о поэзии, это — Пушкин, Пастернак, Киплинг. Так приблизительно (1985)»².

Исследователи творчества Б. Окуджавы в поисках истоков его поэзии обращались, в первую очередь, к русским источникам, фольклорным и литературным. С тех пор как появились первые исследовательские работы на эту тему, в той или иной степени проанализированы или хотя бы обозначены его связи с творчеством самых разных поэтов, в том числе и советских поэтов 1930–1950-х годов, таких как М. Светлов, Я. Смеляков³, Н. Заболоцкий⁴, Л. Мартынов, К. Симонов, Б. Слуцкий⁵.

К перечню имён советских литераторов — предшественников Б. Окуджавы, — более или менее значимых для его становления как поэта, можно прибавить ещё ряд имён, но, думается, ряд этот так длинен потому, что существенным было влияние эпохи в целом, импульса её энергии, её своеобразного песенно-поэтического «камертона».

А камертон эпохи с готовностью отзывался на поэзию Кипплинга. Советскую литературу в 1920–1930-е годы буквально завоροжил его «твёрдый прямой почерк»⁶. По воспоминаниям В. Шкловского, в конце Гражданской войны петроградские поэты «увлекались сюжетным стихом и Кипплингом»⁷. Последователем Кипплинга был, как известно, Н. Тихонов, в чьих балладах 20-х годов отчётливо слышатся интонации и ритмы «железного

² Соответственно: *Окуджава Б.* Я никому ничего не навязывал / Сост А. Петраков. М.: Вагант-Москва, 1997. С. 170, 176, 177.

³ *Паперный З.* За столом семи морей // *Вопр. лит.* 1983. № 6. С. 34–35, 40–41.

⁴ *Зайцев В.* Булат Окуджава и поэты-современники // *Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Булата Окуджавы.* М.: Соль, 2001. С. 66–68.

⁵ *Чудакова М.* Возвращение лирики // *Булат Окуджава: его круг, его век: Материалы Второй междунар. науч. конф.* М.: Соль, 2004. С. 16–25.

⁶ *Паустовский К.* Рассказы о Бабеле // *И. Бабель. Воспоминания современников.* М.: Совет. писатель, 1972. С. 11.

⁷ *Шкловский В.* Жили-были. М.: Совет. писатель, 1966. С. 370.

Редьярда» — речь, правда, идёт не об оригинале, а о Киплинге стихотворных переводов Ады Оношкович-Яцыны, которые были изданы в 1922-м⁸ и, вместе с переводами ещё нескольких авторов, переизданы в 1936 году⁹. За этими переводами встаёт и запретная тень Гумилёва — русского кипплингианца, учителя талантливой переводчицы (о том, что имена Киплинга и Гумилёва были тайно связаны в сознании советских поэтов, невольно свидетельствует К. Симонов¹⁰).

Для Э. Багрицкого, В. Луговского, К. Симонова и других поэтов Киплинг стал «одним из главных литературных наставников, у которого они находят столь созвучное их поискам сочетание точной, подчас жестокой натуральности изображения с романтическим пафосом борьбы и героического деяния»¹¹.

Литературовед Д. Мирский, вернувшись в Россию в 1930-е годы из Лондона, где он долго преподавал русскую литературу, был поражён тем, что советские поэты так увлечены Киплингом, ибо в среде интеллектуалов, в которой он вращался в Англии, Киплинга глубоко презирали, как апологета антигуманной имперской идеи. «Товарищ князь», как в шутку называли убеждённого ленинца Мирского в литературных кругах, посчитал это увлечение результатом непонимания «классовой сущности» произведений Киплинга и в своей статье о британском поэте, опубликованной в «Знамени» (1935. № 10), попытался проанализировать, что представляет собой Киплинг и в чём причины столь различающихся оценок его творчества в России и на Британских островах.

Презрение английских и американских интеллигентов он объясняет антиэстетством Киплинга и его грубой прямоотой в пропаганде британской имперской идеологии. Советский же любитель Киплинга, с точки зрения Мирского, ценит в нём как раз «отсутствие потуг в потустороннее, известную мужественность, прямооту и тягу к некоторому, хотя и ограниченному, реализму». Кроме того, Д. Мирский находит у со-

⁸ Киплинг Р. Стихотворения и баллады. Пг.: Мысль, 1922.

⁹ Киплинг Р. Избранные стихи. Л.: ГИХЛ, 1936. Далее, если это не указано особо, стихи Киплинга с указанием номера страницы цитируются по этому изданию.

¹⁰ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3. С. 27.

¹¹ Долинин А. Редьярд Киплинг, новеллист и поэт // Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. Л.: Худож. лит., 1989. С. 5.

ветских поэтов мотив, который он называет «потребностью достойного врага»¹².

Сам Мирский, по соображениям более политическим, чем эстетическим, оценивал поэзию Киплинга как посредственную. Тем не менее, его статья содержит ряд глубоких суждений, на которые опираются позднейшие исследователи.

Со времени выхода этой давней статьи произошла переоценка творчества Киплинга и у него на родине, и в российском литературоведении. Советские же поэты довоенной эпохи чрезвычайно высоко ценили Киплинга, невзирая на рассуждения критики. И думается, дело было отнюдь не в «потребности достойного врага». Сегодня мы обладаем преимуществом оглянуться и сформулировать — в чём суть глубокого родства киплинговского мировоззрения и мироощущения молодых советских поэтов 1920–1930-х годов.

«Высший закон» Киплинга («бремя белых», как он его понимал) состоял в самоотверженном служении имперской идее, в которой, в сущности, не было ничего национального. Это была идея служения надличному Богу государства, Богу высокого общественного долга Великой Империи. Если вынести за скобки советскую революционную фразеологию, то останется всё та же невербализованная идея империи, несущей народам высшие духовные ценности коммунистической цивилизации.

Но чтобы прославить идею — нужен язык, нужны образы, нужны герои. Киплинг дал советской поэзии 1920–1930-х годов образ солдата, преодолевающего нечеловеческие тяготы солдатской службы, ощущающего рядом плечи товарищей, постоянно идущего вперёд, навстречу опасности и смерти — настоящего героя действия. А то, что этот герой зачастую проклинает свою службу, болеет, погибает, воспринималось в плане «жестокости натуральности», сообщало стихам горький, пронзительный привкус, придавало эмоциональную достоверность. Этот образ прежде всего и привлёк впоследствии Б. Окуджаву.

Образы Киплинга очень хорошо согласовывались с советской метафорой жизни как героического похода. Вероятно поэтому произведения Киплинга издавались в довоенные годы и в периодике, и отдельными изданиями — и стихи, и проза,

¹² Мирский Д. Поэзия Редьярда Киплинга // Мирский Д. Статьи о литературе. М., 1987. С. 146.

в изданиях для взрослых и детей (в частности, в журнале «Молодая гвардия», № 5, 1939, были опубликованы замечательные «вольные переводы» К. Симонова). Тем не менее последним поэтическим сборником оставались «Избранные стихи» 1936 года.

Всё изменилось в 1950-е годы в связи с новой политической конъюнктурой. Ни возобновившаяся в 1955 году «Иностранка», ни «Знамя», когда-то охотно публиковавшее стихи Кипплинга, не напечатали о нём ни строчки ни в 1955-м (год девятидесятилетия со дня рождения Кипплинга), ни в 1956-м (двадцатилетие смерти поэта). Правда, выходили его сказки, в основном, в книгах для чтения на английском языке для школьников. Ситуация стала меняться с 1976 года — очередной даты, связанной с биографией Кипплинга, — когда вышел том во Всемирной библиотеке с новыми переводами¹³.

Между тем первые окуджавские песни, несущие на себе явный отблеск кипплинговской поэзии, появились в 1957 году, что позволяет сделать предположение, что кипплинговские даты предыдущих двух лет не остались для поэта незамеченными и послужили поводом для обращения к поэзии Кипплинга.

К Б. Окуджаве, как и к другим поэтам 1960-х, стихи Кипплинга могли приходить двумя путями: во-первых, непосредственно в опубликованных переводах, во-вторых, от старшего поэтического поколения, передававшего любовь к Кипплингу по наследству — и «из уст в уста», и через свои произведения. В воспоминаниях И. Живописцевой есть эпизод, где Булат читает наизусть стихи Н. Тихонова в студенческой компании¹⁴. Увлечение балладами Тихонова — ученика Гумилёва и страстного кипплингианца — могло привести к Кипплингу уже в студенческие годы. Позднее Окуджава общался с К. Паустовским и П. Антокольским — представителями поэтического поколения, выросшего под знаком Кипплинга. Наверное, можно говорить о таком явлении в довоенной литературе, как «советский писатель Редьярд Кипплинг».

Авторитетный переводчик и составитель книг Кипплинга А. Долинин даёт следующую знаменательную характеристику стихам Кипплинга: «В поэзии... Кипплинг опирается на жанры

¹³ Уайльд О. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремная исповедь; Киплинг Р. Стихотворения. Рассказы. М.: Худож. лит. 1976.

¹⁴ Живописцева И. Опали, как листва, десятилетия... Воспоминания. СПб., 1998. С. 7.

периферические, находящиеся на “задворках литературы”». Он смело вводит в свои баллады солдатский сленг, использовавшийся прежде лишь в юмористических журналах; он обращается к рифмам и интонациям популярных комических опер Гилберта и Салливана; он строит стихи как подтекстовку к мелодиям распространённых песен, маршей и романсов...»¹⁵. Чтобы продолжить аналогию с авторской песней, сформировавшейся в 60-е годы, заметим, что рассказчик в балладах Киплинга — это всегда маска, роль, сказовый повествователь, — что прямо приводит нас к ролевой лирике Высоцкого и Галича.

То что авторская песня 60–70-х словно училась у Киплинга, уже замечено переводчиками Киплинга. «Ни один из прямых подражателей Киплинга не подошёл к нему так близко, как подошли Владимир Высоцкий, Александр Галич, Юз Алешковский. Вот где в чистом виде господствует стихия прямой речи, сказа, монолога, вот где в дело идёт всякое слово без деления на высокое и низкое. И не важно, влиял ли Киплинг на этих поэтов... Главное, у них были общие с Киплингом истоки — городской романс, блатная и лагерная песня — золушки поэзии, вдруг преобразившиеся и затмившие своих старших и надоевших сестёр»¹⁶.

Переводчик, назвав имена бардов, «близко подошедших к Киплингу», не включил в этот ряд Окуджаву — и это вполне объяснимо. У перечисленных поэтов, действительно, имеется типологическое родство с Киплингом, которое проявляется в «весомой, грубой, зримой» опоре на маргинальные песенные жанры. Кроме того, у этих авторов ярко выражена сказовая природа песен, чего нет у Окуджавы. Связи Окуджавы с Киплингом гораздо тоньше и в силу этого труднее определимы. Окуджавский Киплинг более литературен, как бы «окончательнее» переведён с кокни¹⁷ и грубого солдатского сленга на литературный русский язык — что более органично для Окуджавы, но что, наряду с другими особенностями окуджавской поэтики, затрудняет поиск непосредственных связей.

Поле наибольшего сближения двух поэтов — это стихи и песни о войне. В «Казарменных балладах» Киплинга есть

¹⁵ Долинин А. Указ соч. С. 11.

¹⁶ Дымишиц В. Редьярд Киплинг // Киплинг Р. Стихотворения. СПб.: Северо-Запад, 1996. С. 21.

¹⁷ *Cockney* — просторечие, говор лондонских низов.

черты, представлявшие необыкновенную привлекательность для Окуджавы, которого война «не отпускала» в течение всей жизни, — и, возможно, подсказавшие некоторые жанровые особенности, образы и поэтические приёмы, ставшие для поэта основополагающими именно в песнях о войне.

В первую очередь, это сам жанр «солдатской» лирической песни-баллады, данный Киплингом в завершённом и оформленном виде. Этот жанр использовали и Высоцкий, и Галич, и, реже, Окуджава. Пример такой откровенно киплинговской ролевой лирики у Окуджавы — «Песенка весёлого солдата» (1960–1961) (её родство с тональностью киплинговской баллады «Томми» отмечено М. Чудаковой¹⁸).

Тональность, в данном случае, складывается из определённых стиховых приёмов. Это как бы насвистываемый мотивчик солдатского марша, который задаётся в обоих произведениях сходной метрикой: разухабистым 4-строчным ямбом с парной рифмовкой и настойчиво повторяющимся рефреном. Отличия окуджавского «Солдата» направлены в сторону общей гармонизации по сравнению с киплинговской балладой: в замене мужских окончаний строк на женские, в сокращении рефрена до одной строки, в отсутствии грубых «словечек» и жестоких откровений. При этом грохот барабана, присутствующий в рефренах «Томми» и на образном, и на фонетическом уровне, в окуджавских рефренах передаётся только средствами фонетическими, с помощью аллитераций на звонкие «ударные» согласные: *б, д, р* и их сочетания.

У Киплинга:

О, Томми то, и Томми сё, и как с грехами счёт?
Но мы «стальных героев ряд», лишь барабан забьёт, —
О, барабан забьёт, друзья! О, барабан забьёт!
И мы «стальных героев ряд», лишь барабан забьёт.
«Томми», пер. Е. Полонской /154/

У Окуджавы:

Возьму шинель и вещмешок, и каску,
в защитную окрашенные краску.
Ударю шаг по улицам горбатым...
Как просто быть солдатом, солдатом.
«Песенка весёлого солдата» /106/¹⁹

¹⁸ Чудакова М. Указ соч. С. 27. (см. сн. 5 — с. 6–25)

¹⁹ Здесь и далее (если это не указано особо) стихи Окуджавы цит. с указанием номера страницы по изд.: Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. М.: ПАН, 1996.

«Песенка весёлого солдата», как и «Томми», представляет собой смысловой оксюморон: её бодрый бесшабашный мотивчик исполнен скрытого трагизма, а шуточный стихотворный текст отмечен цинизмом и горькой иронией — и в этом главное родство двух стихотворений.

Окуджаву учил у Киплинга лиризм в изображении трагической солдатской судьбы, окрашенному, в конце концов, в пацифистские тона, как это ни парадоксально звучит, когда речь идёт о Киплинге.

И лиризм, и пацифизм Киплинга заметил ещё Д. Мирский. Он называет лиризм киплинговских баллад «глубоко пассивным», никуда не ведущим, «не открывающим никаких горизонтов». Почти то же самое писали через тридцать лет о «солдатских» песнях Окуджавы.

При всей своей нелюбви к «империалисту» Киплингу, Мирский вынужден признать: «Отдельно взятые, некоторые его стихи могут показаться даже антимилитаристскими»²⁰. Добавим к этому, что антимилитаристскими можно назвать чуть ли не все «казарменные баллады», начиная с «Томми», «Мандалея» и кончая «Пылью», «Пикником вдовы» и «Дэнни Дивером» — всё зависит от точки зрения на стихи Киплинга²¹.

Киплинговский мотив в стихах Б. Окуджавы отмечен исследователями, хотя и не рассматривался подробно. Так, на общую киплинговскую интонацию в «Песне о солдатских сапогах» Б. Окуджавы указывает Марран²². Возможная связь между словом *вороньё* в «Песне о солдатских сапогах» Б. Окуджавы и в стихах Киплинга «Марш хищных птиц» (пер. И. Грингольца) и «Добровольно пропавший без вести» (пер. К. Симонова) отмечена В. Сажиным (без указания хронологической последовательности появления текстов)²³.

²⁰ Мирский Д. Указ. соч. С. 157, 155.

²¹ Например, «Словарь» Брокгауза и Ефрона, изданный задолго до кристаллизации официального советского взгляда на Киплинга, даёт его творчеству совершенно иную трактовку: «...Резкая критика английского режима и неподражаемое изображение солдатской жизни ставят К. наряду с Диккенсом. Он смело опрокидывает традиционные английские идеалы добропорядочности и чопорной добродетели и противопоставляет им возвышенный буддизм дикарей-туземцев...» (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 29. М.: Терра, 1991. С. 85.).

²² Марран. Булат Окуджава и его время // Континент. 1983. № 36. С. 333.

²³ Сажин В. Примечания // Окуджава Б. Стихотворения. Спб.: Академический проект, 2001. С. 616–617.

М. Чудакова в статье «Возвращение лирики» высказывает осторожное предположение, что «Песня о солдатских сапогах» Окуджавы «имела одним из источников или, во всяком случае, импульсов русскую версию песенки на слова Киплинга»²⁴ (имеется в виду уже упоминавшаяся «Пыль»). Автор статьи отмечает сходство ключевого образа (сапоги) и акцентированные лексические повторы, которые даже графически записаны одинаково (через дефис); ср.: *пыль-пыль-пыль* у Киплинга — *туман-туман-туман* у Окуджавы.

С осторожностью этого предположения трудно не согласиться — вероятно, песенная форма «казарменных баллад» не случайно именно на русской почве и в послевоенные годы подтолкнула молодое поколение запеть одну из этих баллад на вновь обретенную мелодию, а поэт — откликнуться на неё; но этот отклик столь же скрыт и таинствен, как и все другие аллюзии в окуджавских текстах. Иногда поэт сам подсказывает ключ к ним (как в «Письме Антокольскому», о котором речь пойдёт ниже), иногда мы можем судить об источниках этих аллюзий только по косвенным признакам.

Всё же думается, что в данном случае, помимо песенного импульса, было и внимательное чтение поэтом Киплинга — иначе как объяснить появление одинаковой графики? Кроме того, в «Песне о солдатских сапогах», как и в некоторых других песнях Б. Окуджавы, есть аллюзии не только на «Пыль» — каждая из них в отдельности трудно вычленима, но вкуче они делают «киплинговский мотив» в окуджавском творчестве более явственным.

Начнём с лирического субъекта «Песни о солдатских сапогах» — знаменитого окуджавского *мы*, природа которого обсуждалась в окуджавоведении²⁵. Касался этой проблемы и автор данной публикации, пытаясь вывести происхождение коллективного лирического героя окуджавской поэзии из советской песенной традиции²⁶. Это краткое энергичное местоимение по-

²⁴ Чудакова М. Указ. соч. С. 27.

²⁵ Кнабе Г. Булат Окуджава и три эпохи культуры XX века: проблема «мы» // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века. С. 8–15.

²⁶ Абельская Р. «Ах, это, братцы, о другом...»: (Совет. песня и её значение для формирования поэтики Б. Окуджавы) // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы Третьей междунар. науч. конф. М.: ГКЦМ В. Высоцкого, 2003. С. 266, 268–269.

пало в песенную поэзию, во-первых, из солдатских и революционных песен, во-вторых, из стихов В. Маяковского, Э. Багрицкого и других — через молодёжные марши 1930-х годов (самый известный из них — «Авиамарш» П. Германа и Ю. Хайта). В этих песнях говорится «о простых советских людях, словно об одном гигантском существе»²⁷. *Мы* — это общее тело, общее плечо, могучий коллективный сверхорганизм, у которого «стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор»²⁸.

Внёс свою лепту в формирование этого образа и поэт А. Прокофьев. По мнению Д. Мирского, стихи А. Прокофьева «Мы» и «Разговор по душам» «написаны под несомненным формальным влиянием Киплинга»²⁹. К моменту, когда создавалась «Песня о солдатских сапогах», этот совокупный лирический субъект уже был неотъемлемой частью советской поэзии и с такой «советской» семантикой использовался Окуджавой в ранних стихах (далее везде курсив наш — Р. А.):

Ты води нас по жизни строго,
жаркой молодости дорога...³⁰

Чтение Киплинга в подобной ситуации могло стать ещё одним импульсом, чтобы использовать этот образ для написания солдатской песни, так же как это сделано в большинстве «казарменных баллад» Киплинга, и уже не в советском, а в киплинговском смысле.

У Киплинга:

Но «мы стальных героев ряд», лишь барабан забьёт...
«Томми», пер. Е. Полонской /154/

Мы сломили Царя, мы свершили дела,
Там здание Суда, где дивизия шла...
«Пикник Вдовы», пер. А. Оношкович-Яцыны /158/

В наш лагерь холера пришла — она ста боёв злее,
И мы умираем в пустыне, как древние иудеи...
«Холерный лагерь», пер. Г. Фиша /162/

²⁷ Минералов Ю. Так говорила держава: XX век и русская песня. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 1995. С. 101.

²⁸ Славим победу Октября: Избр. рус. совет. песни 1918–1940 гг. М.: Музыка, 1987. Вып. 1. С. 55.

²⁹ Мирский Д. Указ. соч. С. 153.

³⁰ Окуджава Б. Лирика. Калуга: Изд-во газ. «Знамя», 1956. С. 44.

День-ночь-день-ночь — мы идём по Африке...
«Пыль», пер. А. Оношкович-Яцыны /165/

Таким образом, коллективный герой кипплинговских стихов — строитель и завоеватель Империи — дважды имел реальный шанс подсказать Б. Окуджаве его собственный образ — во-первых, через стихи А. Прокофьева, Э. Багрицкого, молодёжные марши 1930-х, преобразившись в молодого бойца революции и строителя социализма, во-вторых, непосредственно через кипплинговские баллады. Так или иначе, в окуджавском творчестве растворились оба лирических героя — став частью третьего, окуджавского, *мы* (не монолитный коллектив, а избранные личности, не народ, а отдельные его представители).

Ещё один кипплинговский образ в «Песне о солдатских сапогах» — грохочущий барабан. *Барабан, барабанищик, барабанищица* — мотивы ранней окуджавской лирики, генеалогия которых, казалось бы, легко просматривается в советских пионерских песнях, откуда родом (пусть и с интенцией отталкивания) «Весёлый барабанищик» Б. Окуджавы. На самом деле между этим персонажем и героем окуджавских солдатских песен лежит непересекаемая граница — Война. Реальная война пошатнула юношеский романтизм, воспитанный советской поэзией 1930-х, зато открыла взору трагическую правду баллад Кипплинга — Война же как поэтический образ разграничила художественное пространство на две части. Весёлый барабанищик — персонаж романтического мира, освещённого отблесками светлых надежд, герои которого уходят вдаль не оглядываясь и не сожалея о доме. Герои же солдатских песен Окуджавы и «казарменных баллад» Кипплинга рвутся назад, центр их пространства — дом, и уходят они в мрачный и трагический мир Войны и Смерти. Соответственно, и грохот барабана в этих песнях существует в другом семантическом поле — он вестник не надежды, а безысходности и гибели.

У Окуджавы:

Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней...
«Песня о солдатских сапогах» /29/

У Кипплинга:

Но мы «стальных героев ряд», лишь барабан забыёт...
«Томми», пер. Е. Полонской /154/

Жизнь окончил Денни Дивер — слышишь звонкий барабан?
«Денни Дивер», пер. А. Оношкович-Яцыны /157/

Нам не до шуток с бабами, нет охот, и никто не пьян;
Нам остаётся лишь думать, шагая под барабан...
«Холерный лагерь», пер. Г. Фиша /162/

В «Песне о солдатских сапогах» и ещё в некоторых «солдатских» песнях Окуджавы рассыпаны и другие «осколки» кипплинговских образов, которые с трудом поддаются анализу и потому остаются спорными. Но мы на них всё же укажем.

У Кипплинга:

Братцы, братцы, вы с войны?
Не видали моего дружка?
«Братцы, братцы...», пер. А. Оношкович-Яцыны /160/

Слово *дружок*, настойчиво повторяющееся в рефрене кипплинговской песенки, в поэтическом творчестве Окуджавы встречается единственный раз — в «Песне о солдатских сапогах», одном из самых «киплинговских» его произведений — и встречается, хотя и с несколько сдвинутой семантикой, в контексте, перекликающемся с контекстом «Братцев...» (в обоих случаях речь идёт об измене возлюбленному, ушедшему на войну). Песенка Кипплинга заканчивается призывом солдатского хора к героине, чей возлюбленный не вернулся с войны:

Старый! Новый!
Бери себе дружка,
Мёртвым не помочь, вытри слёзы прочь
И лучше-ка возьми его в дружки!
«Братцы, братцы...», пер. А. Оношкович-Яцыны /160/

Ср. у Окуджавы:

А где же наши женщины, дружок,
когда вступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
но в нашем доме пахнет воровством...
«Песня о солдатских сапогах» /29/

С конца 1950-х появляется в стихах и песнях Окуджавы и словечко *братцы*:

Ах, это, братцы, о другом!
«Песенка о комсомольской богине», 1957/53/

Спите себе, братцы, — всё начнётся вновь...
«Старинная солдатская песня», 1972/271/

В «Старинной солдатской песне» многое, начиная с названия, отсылает к источнику XIX века, а именно, к стихам Дениса Давыдова — в частности, упоминающиеся в песне реалии: *звонкие копыта, маркитантка*, излюбленное давыдовское *братцы* (см. об этом в нашей работе³¹). Но если в 1970-е годы Б. Окуджавы, как известно, серьёзно интересовался поэзией XIX века, то для 1957-го, когда создавалась «Песенка о комсомольской богине», такой интерес ещё не был характерен, в то время как поэзия Киплинга была, по-видимому, в сфере его внимания. Таким образом, русское солдатское *братцы*, выбранное А. Оношкович-Яцыной для перевода вышеназванной песенки, могло прийти в окуджавские песни и через киплинговские стихи.

Но и в «Старинной солдатской песне», создававшейся, казалось бы, в период изменившихся литературных предпочтений поэта, просматривается «киплинговский след».

И по настроению, и по маршевому ритму, и по теме и облику лирического героя песня перекликается с киплинговским «Томми». Фатальность гибели, фатальность подчинения «командирам» на века вперёд — суть обоих произведений. Антитеза, на которой построена вся баллада Киплинга (Томми — презренное существо, «серая скотинка», но как только начинается война, его объявляют героем), отзывается у Окуджавы латентно — как намёк, отзвук, аллюзия — но тем не менее остаётся узнаваемой:

Живы мы покуда, фронтовая голь,
а погибнем — райская дорога...

«Старинная солдатская песня» /271/

Начинаясь как стилизация под солдатскую песню XIX века, «Старинная солдатская песня» от строфы к строфе всё более абстрагируется от определённого исторического времени и приобретает всё большую степень обобщённости:

Спите себе, братцы, — всё начнётся вновь,
всё должно в природе повториться:
и слова, и пули, и любовь, и кровь...
Времени не будет помириться.

Пули в одном ряду с вечными ценностями — *словами, любовью и кровью* — тоже окрашиваются семантикой вечного и символического. Война как вечное убийство; абстрактные враги,

³¹ *Абельская Р.* Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности. Дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 113.

фатальная повторяемость цикла «жизнь — долг солдата — гибель в бою» — каждый образ песни приобретает обобщённый символический смысл.

Но в этой логике такая деталь, как *песок* («Для чего мы пишем кровью на песке?») также должна рассматриваться вне какой-либо конкретики. Между тем *песок* кажется «чужой» реалией и в песне, стилизованной под солдатскую Д. Давыдова (более логичным был бы, наверное, *снег*), и в песне обобщённо-символической. *Песок* перестаёт восприниматься как конкретная деталь, если рассматривать его не просто в качестве ворвавшегося в старинную русскую песню воспоминания о реальном *песке моздокском* /63/, а как экзотический образ далёкой, почти мифической, а потому превратившейся в символ — Войны Киплинга («День-ночь-день-ночь мы идём по Африке»³²).

В целом, если поэты 30-х взяли у Киплинга — автора «казарменных баллад» — пафос коллективного действия и подчинения долгу, романтику жертвенного служения идее, то у Окуджавы акцентируется другое — горечь, неизбежность подчинения жестокому закону Войны, протест против отношения общества к солдату как к необходимой жертве, агнцу, обречённому на заклание. В результате, преодолеть романтизм военного похода («Товарищ мужчина, а всё же заманчива доля твоя...» /110/), отказаться от него в песнях о войне Окуджаве помог не кто иной, как романтик и милитарист Киплинг.

Если об отзвуках киплинговских «казарменных баллад» в поэзии Б. Окуджавы имеется несколько упоминаний в исследовательской литературе, то «морские баллады» Киплинга, кажется, никем под таким углом зрения не рассматривались. Между тем романтизм киплинговских «морских баллад», столь созвучный мироощущению «оттепели», оказался востребованным и в ряде песен и стихов Б. Окуджавы, которые, в отличие от его «солдатских» песен, можно с полным правом назвать романтическими.

Таково «Письмо Антокольскому», где единственный раз в стихах Б. Окуджавы имя британского поэта называется прямо и для которого был выбран ритм, метр и образный ряд одной из самых известных «морских баллад» Киплинга «Мэри Глостер».

³² Прочитированная и неоднократно упоминавшаяся «Пыль» осталась в культурном сознании поколения прежде всего как символ последней правды в изображении солдатского походного бытия. Не оттого ли у комиссаров в «Сентиментальном марше» *пыльные шлемы*?

У Киплинга:

Я платил за твои капризы, не запрещал ничего.
 Дик! Твой отец умирает, ты выслушать должен его.
 Доктора говорят — две недели. Врут твои доктора.
 Завтра утром меня не будет... и... скажи, чтоб вышла сестра.

.....
 Капитан в двадцать два года, в двадцать три женат,
 Десять тысяч людей на службе, сорок судов прокат.
 Пять десятков средь них я прожил и сражался немало лет,
 И вот я, сэр Антони Глостер, умираю — баронет!

«Мэри Глостер», пер. А. Оношкович-Яцыны и Г. Фиша /31/

Ср. у Окуджавы:

Здравствуйте, Павел Григорьевич! Всем штормам вопреки,
 пока конфликты улаживаются и рушатся материки,
 крепкое наше судёнышко летит по волнам стрелой,
 и его добротное тело пахнет свежей смолой.

.....
 Киплинг, как леший, в морскую дудку насвистывает без конца,
 Блок над картой морей просиживает, не поднимая лица,
 Пушкин долги подсчитывает, и, от вечной петли спасён,
 в море вглядывается с мачты вор Франсуа Вийон!

«Письмо Антокольскому» /209/

Мы находим в стихотворении почти тот же ряд имён, что и в ответах на записки слушателей на выступлениях Б. Окуджавы. Первым назван Киплинг, затем вместо Пастернака — Блок, далее Пушкин и «вор Франсуа Вийон», основная «профессия» которого подчёркнута не случайно: герои «морских баллад» Киплинга, как правило, пираты, бродяги, изгои общества — изображённые в романтическом свете (Пастернаку, как олицетворению «домашности», не место в этой «маргинальной» компании).

То что «ключом» к стихотворению является имя Киплинга, в данном случае не вызывает сомнений. Во-первых, стиховая структура «Письма...» почти в точности повторяет структуру «Мэри Глостер». Метр киплинговской баллады — 6-ударный тактовик с цезурой после 3-ей стопы, с женским окончанием 1-го и мужским окончанием 2-го полустишия — не принадлежит к числу «ходовых» в русской поэзии и достаточно сложен, чтобы признать подобную метрическую близость двух стихотворений случайной. Окуджавский метр повторяет метр «Мэри Глостер» в первых двух строфах — за исключением характерной окуджавской попытки его гармонизировать посредством

удлинения окончаний 1-х полустиший (дактилические и гипердактилические вместо женских). Затем тактовик «Письма...» становится 7-ударным (цезура из-за этого сдвигается), но в последней строфе возвращается к исходному рисунку. Оба стихотворения имеют парную рифмовку и идентичную строфику. В жанровом отношении стихотворение Окуджавы стилизовано под балладу.

Во-вторых, в «Письме...» использован тот же приём, что и в «Мэри Глостер», — приём «драматического монолога», обращённого к молчаливому собеседнику. Воспроизвёл поэт и грубоватую матросскую интонацию кипплинговского героя, и ключевую метафору баллады — судьба человека как плавание по бурному морю жизни. Б. Окуджава эту метафору трансформирует — в его стихотворении море жизни тождественно морю поэзии.

Поэтическое обращение к Антокольскому, аранжированное под «Мэри Глостер», содержит условный код, понятный и отправителю, и адресату. И, скорее всего, код этот двойной. От Киплинга тянется ниточка к запретному имени Гумилёва, к его «Капитанам», гордо стоящим на мостике, «отряхая ударам трости // клочья пены с высоких ботфорт»³³.

Не потому ли в последнем стихе «Письма...» появляется единственный безымянный персонаж — капитан:

Но перед бурей всегда надёжней в будущее глядеть...
Самые чистые рубахи велит капитан надеть!

Мы рискнём назвать «киплинговской» и песню «Не бродяги, не пропойцы...». В одной из своих работ³⁴ мы предположили, что загадочная строчка этой песни («за столом семи морей») восходит к ветхозаветной метафоре всемирности «семь морей», но не смогли найти убедительных доказательств знакомства поэта с соответствующими библейскими текстами. «Морские баллады» Киплинга помогают обнаружить недостающее звено в этой цепи.

Часть «морских баллад» вошла в переводах в упоминавшиеся выше «Избранные стихи» (1936), в частности, туда попали «Баллада о ночлежке Фишера», «Женщина моря», «Береговые маяки».

³³ Гумилёв Н. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1991. С. 116.

³⁴ Абельская Р. О еврейских мотивах в поэзии Б. Окуджавы // Булат Окуджава: его круг, его век. С. 164–166.

«Баллада о ночлежке Фишера» повествует о «бродягах и пропойцах» всех морей, пирующих в ночлежке Калькутты, и о смертельной драке из-за женщины:

Шли к Фишеру в ночлежный дом
Одни лишь моряки,
Со всех концов, из всех портов,
Кто с моря, кто с реки,
И были щедры на враньё, окурки и плевки.

.....
*Без австриячки Анны здесь
Никто не пьёт вина...*

.....
Жизнь — бой, ну что ж! бой — это нож
И в Ховра и кругом,
И до заката тот умрёт,
Кто шёлкал пробкой днём.
*В ночлежке Фишера горим
Мы все любви огнём... /83–84/*

«Береговые маяки» — песня Маяков, олицетворяющих зов Англии, берег и свет родины, куда всегда возвращаются корабли, посланные на завоевание колоний «Женщиной моря» — Британской империей:

Увенчанные пеной и в траве морской по грудь,
Мы молча озираем морскую кипящую муть.
С утёсов, шхер и мысов, с аванпостов крутой земли
Мы смотрим, как Каналом ползут и ползут корабли!

.....
*Домой, домой с востока плывите поскорей!
Домой спешите с запада, цыгане всех морей!
Вы ткёте ткань Империи, морские челноки,
Вас Англия встречает, и с ней её Маяки! /128/*

Образ *береговых маяков*, посылающих лучи морским странникам, плывущим домой, и стал ключевым в песне «Не бродяги, не пропойцы...» — образ этот совершенно по-окуджавски очеловечен: вместо глобального и имперского ему придан личный, интимный смысл. Основная сема киплингковского текста растворена в последней строфе песни Б. Окуджавы:

Просто нужно очень верить
этим синим маякам,
и тогда неожиданный берег
из тумана выйдет к вам /23/.

Образ Маяков, соединяющих своими лучами влюблённых, как коннотация основного образа тоже присутствует в стихотворении Киплинга:

Мы горящею свяжем цепью, как бы яростен ни был шквал,
Любимого, что морем взят, с подругой, что он целовал... /128/

И, наконец, «В неолитическом веке» — стихотворение, которое не является «морским» (оно представляет собой монолог доисторического поэта, поющего гимн творческой силе и ярости первозданного мира). Но именно цитата из этого стихотворения дала название поэтическому сборнику Киплинга, в котором собрана большая часть «морских баллад» — «Семь морей» (1896):

Мир ещё огромный дом — *семь морей* лежат на нём,
И не счесть народов разных стран... /214/

Интересно, что образ мира как *плоскости*, на которой лежат *семь морей* — появился только в переводе М. Фромана (в оригинале: *Still the world is wondrous large — seven seas from marge to marge*³⁵ — «мир всё ещё удивительно велик — семь морей от края до края»), но именно этот образ стола-мира и оказался востребован в окуджавской песенке. Если исходить из предположения о «киплинговском» происхождении песни «Не бродяги, не пропойцы...», смысл загадочной строки «за столом семи морей» становится прозрачным и легко укладывается в «оттепелый» контекст с его жаждой свободы и открытости мира: «хотя мы не бродяги и не пропойцы, мы, подобно вольным пиратам Киплинга, пьём вино за столом в огромном прекрасном мире, и я хочу, чтобы мы, как вольные пираты, пропели славу моей женщине и сравнили её с близким берегом, а её глаза — с синими маяками».

Источник киплинговской метафоры *семь морей* сомнений не вызывает — это Ветхий завет (именно там названы семь морей, которые древние евреи считали *всеми имеющимися морями ойкумены*)³⁶. Представление Киплинга о британцах как об «избранном народе» — иудеях современности — подкреплено множеством ветхозаветных образов в его стихах, множеством цитат, демонстрирующих глубокое знание библейских текстов и библейской символики — что отмечалось переводчиками его поэзии³⁷. Даже в таком небольшом сборнике, как «Избранные стихи», содержится несколько метафорических «библейских»

³⁵ Киплинг Р. Стихотворения. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 312.

³⁶ Подробнее см.: Абельская Р. III. О еврейских мотивах в поэзии Булата Окуджавы. С. 164–165.

³⁷ Долинин А. Указ. соч. С. 15; Дымищ В. Указ. соч. С. 15.

стихотворений («Гимн перед битвой», «Слава Сада», «Сион» и т. д.) и множество библейских аллюзий. Таким образом, строка *стол семи морей* в песне «Не бродяги, не пропойцы...» через стихотворение Киплинга в конечном счёте восходит к Библии — что не мешает ей, разумеется, иметь и другие коннотации (и сказочно-фольклорную, и, например, морскую — *роза семи ветров*, и московскую — *порт пяти морей*).

Морская и пиратская тема у Б. Окуджавы как тема тоски по свободе и мужеству (этот киплинговский смысл метафоры пиратства сохранён поэтом) возникает неоднократно — в таких произведениях, как «Письмо Антокольскому», «Не бродяги, не пропойцы...», «Последний Пират», стилизованная «Пиратская лирическая». На двух последних мы не будем останавливаться, отметим только их гумилёвско-киплинговское происхождение. Их образы перекликаются с образами гумилёвского (написанного под явным обаянием Киплинга) цикла «Капитаны» (ср.: у Окуджавы: «В ночь перед бурей на мачте // горят Святого Эльма свечи...» /320/; у Гумилёва: «Но, знак печали и несчастий, // Огни Святого Эльма светятся, // Усеяв борт его и снасти...»³⁸) и киплинговских «морских баллад», таких как «Баллада о Боливаре», «Стихи о трёх котиколовах», «Купцы» и других — в которых Киплинг создал «подлинный героический эпос пиратства»³⁹.

Помимо аллюзий на «казарменные» и «морские» баллады, можно отметить ещё некоторые точки соприкосновения двух поэтов. Как видно на примере «Письма Антокольскому», Б. Окуджава легко адаптировал понравившиеся ему метры и ритмы к собственным поэтическим замыслам. Эхо киплинговского стиха можно обнаружить и на уровне отдельной окуджавской строки. Вот строчка из знаменитой песенки Окуджавы, ритмическая и рифмическая организация которой почти идентична одной «мускулистой» киплинговской строчке, что, с нашей точки зрения, исключает случайное совпадение:

В огонь? Ну что ж, иди! Идёшь?

И он шагнул отважно...

«Бумажный солдатик» /74/

³⁸ Гумилёв Н. Указ. соч. С. 119.

³⁹ Миллер-Будницкая Р. Поэзия Редьярда Киплинга // Киплинг Р. Избранные стихи. С. 7.

У Кипплинга (пер. А. Оношкович-Яцыны):

*Жизнь — бой, ну что ж! бой — это нож
И в Ховра и кругом...
«Баллада о ночлежке Фишера» /85/*

Стихотворение Кипплинга «Когда намалюют картину» могло подсказать поэту идею «Живописцев», рисующих не обычными красками на обычном холсте, но — окуная кисти в палитру вселенского пространства («в суету дворов арбатских и в зарю» /81/), рисующих «наши судьбы» на живом — «очнувшемся» — пространстве Тверской улицы.

В стихотворении Кипплинга повествуется о том, как после библейского конца света мистические художники будут рисовать на холсте Мироздания, используя не краски и кисти, а будут:

Холсты многомилые мазать летящей кометы хвостом...
.....
Никто ради денег и славы стараться не будет тогда,
Но каждый за счастье работать, с планеты отдельной своей,
Напишет все Вещи, как видит, для Господа Сущих Вещей.
«Когда намалюют картину», пер. М. Фромана /215/

Окуджавские живописцы — свои, «домашние», — не осознают мистического смысла происходящего, тайну знает только поэт («Я потом, что непонятно, объясню»).

Кипплинговский приём сквозного диалога, на котором построены, например, баллады «Денни Дивер», «Братцы, братцы...», «Пикник вдовы», Б. Окуджава использовал в стихотворении «Дерзость, или Разговор перед боем» (отмечено М. Чудаковой⁴⁰) и в «Ночном разговоре».

И, наконец, фирменный кипплинговский приём — приращение образу абстрактного или глобального смысла с помощью прописной буквы — мы находим и у Окуджавы.

У Кипплинга это выглядит так:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землёй на Страшный господень суд...
«Баллада о Востоке и Западе», пер. Е. Полонской /46/

Великие вещи, все, как одна:
Женщины, Лошади, Власть и Война.
«Баллада о царской шутке», пер. А. Оношкович-Яцыны /58/

⁴⁰ Чудакова М. Указ. соч. С. 27.

...Стояли вечером тогда
 На якоре у Лондона Трёх капитанов суда...
«Стихи о трёх капитанах», пер. А. Оношкович-Яцыны /77/

Жгучий полдень, мрак полночи, Боль, Печаль иль Смерти час?
«Галерный раб», пер. М. Фромана /95/

У Окуджавы:

Вот стоят у постели моей кредиторы
 молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.
«Три сестры» /72/

В районной пивной, на сквозном ветерке,
 гуляет Последний Пират...
«Последний Пират» /178/

У полковника Смерти ошибки...
«Из фронтового дневника» /282/

...не разглагольствуя, не помышляя о Зле и Добре...
«Летняя бабочка вдруг закружилась...» /355/

...что станут профессией Боль, и Надежда, и Даль...
«Звезда Голливуда» /609/

Поэтическое слово иногда отзывается самым неожиданным образом. Во «взаимоотношениях» поэтических наследий Киплинга и Окуджавы в 1970-е годы возник дополнительный аспект. Бардовские песни «оттепели», по мнению одного из переводчиков британского поэта, с которым мы не можем не согласиться, «позволили заново и по-новому прочесть Киплинга, сделали возможным появление таких переводов, как замечательные переводы недавно скончавшегося Грингольца. Такого Киплинга на русском ещё не было...»⁴¹.

И хотя речь в приведённом высказывании идёт о песнях Высоцкого, его можно с полным правом отнести и к песням Окуджавы. В переводах Киплинга, сделанных И. Грингольцем в 1970–1980-е годы, можно обнаружить характерные параллели с окуджавскими песнями, уже широко известными в то время; и эти параллели, на наш взгляд, позволяют ставить вопрос о влиянии Б. Окуджавы на переводчиков Киплинга.

У Окуджавы:

⁴¹ Дымищ В. Указ. соч. С. 21.

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит и острый локоть ответёт...
«Сентиментальный марш» /12/

Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней...

.....
А по полям жиреет вороньё,
а по пятам война грохочет вслед.
«Песня о солдатских сапогах» /29/

В стихах Кипплинга (переводы И. Грингольца):

Эй, Томми, так тебя и сяк, ступай и не маячь!
Но — мистер Аткинс, просим Вас! — когда зовёт трубач,
Когда зовёт трубач, друзья, когда зовёт трубач...
«Томми»⁴²

«Товсь к погрузке!» Пусть малюют чёрта —
Хвост трубой! Ещё гульнем, солдат!
И кончай о ней. Любовь, браток, — до борта.
.....
Коршуньё и вороньё
Налетит урвать своё.
Марш «хищных птиц»⁴³

Творчество Булата Окуджавы, в силу способности автора вбирать и почти бесследно растворять в своей поэтике самые разнородные элементы «чужих» поэтик, является сложным объектом для исследовательского поиска. Как всякое крупное художественное явление, его поэзия представляет собой поток, питавшийся одновременно множеством разнообразных литературных и фольклорных источников. Чтобы выявить связи его творчества с какой-либо конкретной поэтикой (в данном случае, Редьярда Кипплинга), приходится терпеливо собирать крошечные осколки «чужого» художественного мира, инкорпорированные в собственно окуджавскую поэтическую ткань. Но когда число этих «крупинок» становится значительным, появляется основа для предположений об истоках тех или иных тем и мотивов, а значит, и возможность приблизиться к тайне становления художника.

В заключение нам представляется уместным процитировать строфу Кипплинга, содержащую два символа, которые име-

⁴² Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. Л.: Худож. лит., 1989. С. 395.

⁴³ Там же. С. 314.

ют важное значение для всей последующей поэзии Б. Окуджавы и потому, несомненно, были им замечены в годы увлечения Киплингом (конец 1950-х — начало 60-х). Доказательством тому служит окуджавское стихотворение «Два великих слова» (1962), представляющее собой развёрнутый парафраз этой киплинговской строфы, которая вполне могла бы принадлежать перу Булата Окуджавы или, по крайней мере, могла бы стать эпиграфом к его творчеству:

Великие вещи, две, как одна:
Во-первых — Любовь, во-вторых — Война.
Но конец Войны затерялся в крови —
Моё сердце, давай говорить о Любви!

*Р. Киплинг «Баллада о царской шутке»,
пер. А. Оношкович-Яцыны /60/.*

Вл. НОВИКОВ

«...ВСЁ ДАЛ — КТО ПЕСНЮ ДАЛ»

*Дар и жертва в поэзии и судьбах Булата Окуджавы,
Владимира Высоцкого и Александра Галича*

«Окуджава — Высоцкий — Галич» — эта триада объективно сложилась в отечественной истории, и не только литературной. С проектом комплексного коллективного исследования на эту тему я выступил на международной конференции в ГКЦМ в 1998 году¹. Зов был услышан, и пароль «ОВГ» объединил многих исследователей. Достаточно назвать сборник статей В. А. Зайцева «Окуджава. Высоцкий. Галич»², главу об авторской песне в школьном учебнике, написанную А. В. Кулагиным³. В альманахе «Мир Высоцкого» появился соответствующий раздел, и в обзоре «Треугольник будет...» мне уже довелось подводить предварительные итоги развития новой науки — ОВГ-ведения⁴. В ноябре 2001 года в ГКЦМ прошли научные чтения под грифом «ОВГ», материалы которых опубликованы в различных сборниках. У «Мира Высоцкого» возникли своеобразные «дочерние» издания — сборники исследований об Окуджаве и Галиче. Недурные намечались перспективы, однако волей обстоятельств коллективная работа была остановлена. Верится, что она может возродиться теперь «под крылом» Окуджавы, в «Голосе надежды». Тем более, что приоритет Окуджавы, его «патриаршество» сомнения не называет. В треугольнике ОВГ главная вершина — О. И. Высоцкий и Галич нас бы в этом мнении поддержали.

¹ Новиков Вл. И. Окуджава — Высоцкий — Галич: Проект исслед. // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. III. Т. 1. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. С. 233–240.

² Зайцев В. А. Окуджава. Высоцкий. Галич: Поэтика, жанры, традиции. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003.

³ Впервые: Кулагин А. В. Авторская песня // Русская литература XX века: 11 кл. Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений: В 2 ч. / Под общ. ред. В. В. Агеносова. М.: Дрофа, 2000. Ч. 2. С. 423–436.

⁴ Новиков Вл. И. Треугольник будет...: ОВГ в науке, критике и поэзии послед. лет // Мир Высоцкого. Вып. V. М., 2001. С. 559–569.

Фотографии М. Баранова

В основу нижеследующего текста положено выступление на международной конференции «Дар и жертва» (Ольденбург, 2–4 декабря 2004 г.). Отсюда — некоторый немецкий акцент, шуточные термины *опферист* и *габист* (*Opfer* — жертва, *Gabe* — дар) и объяснение реалий, очевидных для русского читателя. Тем не менее заданная немецкими коллегами антитеза *дара* и *жертвы*, как мне кажется, помогает по-новому взглянуть на саму связь биографии и творчества трёх великих бардов.

1. ОВГ в истории России и в истории поэзии

В январе 1926 года Марина Цветаева откликнулась на смерть Сергея Есенина следующим четверостишием:

...И не жалость — мало жил,
И не горечь — мало дал, —
Много жил — кто в наши жил
Дни, всё дал — кто песню дал⁵.

Эти строки — идеальный эпиграф к жизни и творчеству трёх легендарных русских поэтов: Булата Окуджавы (1924–1997), Владимира Высоцкого (1938–1980) и Александра Галича (1918–1977). Все трое работали в жанре авторской песни — жанре, который старательно отлучался от высокой поэзии — как партийно-правительственными властями, так и околосредств массовой информации. Тем не менее именно творчество трёх бардов дало русскому читателю «всё», то есть такую полную картину российской жизни, какой не могла дать «письменная» поэзия. С другой стороны, Окуджава, Высоцкий и Галич по своему масштабу отчётливо выделяются среди мастеров авторской песни, ставшей с начала 60-х годов широким общественно-эстетическим движе-

⁵ Цветаева М. Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 286.

нием. Известному писателю и историку Натану Эйдельману принадлежит такое суждение: «Высоцкий есть исторический деятель, никуда от этого не денешься»⁶. Определение *исторический деятель* из всех бардов применимо также к Окуджаве и Галичу и ни к кому более. Это и дало автору настоящей работы поставить в 1998 году на международной конференции «Владимир Высоцкий и русская культура 1960—1970-х годов» вопрос о комплексной научной проблеме «Окуджава — Высоцкий — Галич» и предложить для удобства обозначить единство трёх бардов аббревиатурой ОВГ⁷. Этим обозначением с тех пор пользуются многие исследователи авторской песни.

ОВГ — явление не только социально-идейное, но и эстетическое. Стих, язык, образная структура песен трёх поэтов вписываются в контекст русского поэтического модернизма, его второго периода (вместе с творчеством таких поэтов, как Тарковский, Бродский, Кушнер, Соснора, Ахмадулина, Вознесенский и ряда других). Причём у каждого из трёх бардов есть своя связь с поэтикой модернизма классического (именуемого также серебряным веком).

Поэтика Окуджавы с её не только интонационной, но и семантической музыкальностью содержит ощутимый отзвук символизма. Ключевые слова-символы Окуджавы: *надежда, любовь, дорога, женщина, музыка, судьба* по своей многозначности перекликаются со *звёздной, снежной* и *ночной* образностью Блока. Можно привести пример и словесно-ритмической переключки *Блок — Окуджава*, релевантной независимо от того, была ли она осознанной. Вспомним блоковское восьмистишие 1909 года:

Кольцо существования тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять — любить Её на земле
И изменить ей на земле⁸.

⁶ Эйдельман Н. О личном счастье // Старатель: Ещё о Высоцком. Сб. / Сост. А. Крылов, Ю. Тырин. М., 1994. С. 356.

⁷ Новиков Вл. Окуджава — Высоцкий — Галич: Проект исслед. // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. III. М., 1999. Т. 1. С. 233—240.

⁸ Блок А. Полное собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. М.: 1997. С. 50.

А вот финал «Песенки кавалергарда» Окуджавы (1975):

Крест деревянный иль чугунный
назначен нам в грядущей мгле...
Не обещайте деवे юной
любви вечной на земле⁹.

Можно ещё заметить, что соленизм *любви* (вместо правильного *любви*) также восходит к Блоку: «И любви цыганской короче...» («К Музе», 1912).

Поэтический почерк Галича формировался под влиянием поэтики акмеизма. Не случайна особенная любовь этого поэта к творчеству Ахматовой и Мандельштама, его стремление к «вещности» и «вечности», к геометричности ритмического узора:

Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!
(«Петербургский романс», 1968)¹⁰

Наконец, Высоцкий — явный наследник футуризма, с первых шагов осваивавший опыт Маяковского, учившийся у него интонационному стиху, технике развёрнутой метафоры-метаморфозы, образному гиперболизму, владению звуковыми повторами, ассонансной и каламбурно-составной рифмой. Есть у Маяковского и Высоцкого общие образно-сюжетные мотивы. Так, тема любви у обоих нередко разрабатывается гиперболически, с выходом в глобально-мировой масштаб. Персонажами любовных историй у Маяковского, к примеру, иногда становились корабли: миноносец и *миноносица*, десантные суда «Красная Абхазия» и «Советский Дагестан». Так и у Высоцкого в песне «Жили-были на море...» (первоначальное название — «Кораблиная любовь») тянутся друг к другу *два красивых лайнера*. Маяковский мог интимно разговаривать с целым миром: «Земля! Дай исцелю твою лысеющую голову...» — и у Высоцкого наша планета тоже предстаёт в образе очеловеченном:

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки — как раны зияют.
Обнажённые нервы Земли
Неземное страдание знают.

⁹ Окуджава Б. Стихотворения. СПб., 2001. С. 353. (Новая б-ка поэта). Далее ссылки на это издание даются в тексте с указ. страниц.

¹⁰ Галич А. Возвращение. Л., 1989. С. 211. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

Она вынесет всё, переждёт, —
 Не записывай Землю в калеки!
 Кто сказал, что Земля не поёт,
 Что она замолчала навеки?!
 («Песня о Земле», 1969)¹¹

Возрождение в поэзии ОВГ творческого опыта трёх основных школ классического модернизма — один из важных внутренних сюжетов истории русской поэзии XX века.

2. Два «опфериста» и один «габист»

Противопоставление «дароцентричности» и «жертвоцентричности» (по Р. Грюбелю) предстаёт в контексте ОВГ весьма актуальным: для всех трёх поэтов *дар* и *жертва* — не просто тематические мотивы, но категории поэтического мышления. При этом лирические миры Высоцкого и Галича строятся по принципу «жертвоцентричности», а лирический мир Окуджавы — по принципу «дароцентричности». Прибегая к шутливым окказионализмам, Высоцкого и Галича можно назвать трагическими «опферистами», а Окуджаву — философским «габистом». Отчётливее всего это проявилось в произведениях ОВГ о поэтах и поэзии.

Высоцкому принадлежит песня «О фатальных датах и цифрах» (1971), произведение необычное по ритму (тонически организованный семистопный ямб) и сложному развитию мысли:

Кто кончил жизнь трагически, тот — истинный поэт,
 А если в точный срок, так — в полной мере:
 На цифре 26 один шагнул под пистолет,
 Другой же — в петлю слазил в «Англетере».

А в 33 Христу — он был поэт, он говорил:
 «Да не убий!» Убьёшь — везде найду, мол.
 Но — гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
 Чтоб не писал и чтобы меньше думал.

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель, —
 Вот и сейчас — как холодом подуло:
 Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
 И Маяковский лёг виском на дуло.

¹¹ *Высоцкий В.* Сочинения: В 2 т. / Сост. А. Е. Крылов. Екатеринбург, 1999. Т. 1. С. 214. Далее сноски на это образцовое в текстологическом отношении издание даются в тексте с указ. страниц.

Задержимся на цифре 37! Коварен Бог —
 Ребром вопрос поставил: или-или!
 На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо, —
 А нынешние — как-то проскочили.

Дуэль не состоялась или — перенесена,
 А в 33 распяли, но — не сильно,
 А в 37 — не кровь, да что там кровь! — и седина
 Испачкала виски не так обильно.

«Слабо стреляться?! В пятки, мол, давно ушла душа!»
 Терпенье, психопаты и кликуши!
 Поэты ходят пятками по лезвию ножа —
 И режут в кровь свои босые души!

На слово «длинношее» в конце пришлось три «е», —
 Укоротить поэта! — вывод ясен, —
 И нож в него! — но счастлив он висеть на острие,
 Зарезанный за то, что был опасен!

Жалею вас, приверженцы фатальных дат и цифр, —
 Томитесь, как наложницы в гареме!
 Срок жизни увеличился — и, может быть, концы
 Поэтов отодвинулись на время! /280–281/

Здесь обыгрываются хронологические символы, связанные с трагическими уходами поэтов из жизни. Так, Лермонтов погиб на дуэли в возрасте 26 лет, а Есенин совершил самоубийство накануне наступавшего 1926-го года¹². Высоцкий не ограничивается примерами из русской поэзии, к Пушкину, погибшему в тридцать семь лет, и к Маяковскому, покончившему самоубийством на тридцать седьмом году жизни, добавляются Байрон (умер на тридцать седьмом году) и Рембо (умер в тридцать семь лет). В ряд поэтов включается и Иисус Христос. В мифологии русской интеллигенции цифра *тридцать три* неоднократно сакрализована, и всерьёз и иронически: «Мне тридцать три года, возраст Христа», — рефлектирует Остап Бендер в «Золотом телёнке» Ильфа и Петрова, та же дата обыгрывается в рассказе Набокова «Занятой человек» (1931).

Но это только первый семантический слой. После смысловой кульминации («Терпенье, психопаты и кликуши!») все эти хронологические суеверия предстают обывательским мифом. Толпа ждёт новых очередных жертв, но Высоцкий решительно от неё отстраняется: по его мнению, говорить о жертвенности

¹² Подробнее об этом см. в ст.: Крылов А. Заметки администратора на полях высоцковедения // Вопр. лит. 2002. Июль–авг. (№ 4). С. 360–385.

поэзии имеют право только сами поэты, которые *режут в кровь свои босые души*. Это своеобразная гипербола самой идеи жертвенности поэзии, возведение идеи поэтического мученичества в эмоциональный абсолют.

Последовательным «офферистом» выступает и Галич, который как бы продолжает в своих песнях мартиролог русской поэзии, начатый Ходасевичем в эссе «Кровавая пища» (1932). К классическому набору поэтов-мучеников у Галича добавляются Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Хармс. Песни о них вместе с песней о Зощенко он объединил в цикл «Литераторские мостки» — по названию той части Волкова кладбища в Петербурге, где похоронены многие писатели. На самом деле герои цикла похоронены в других местах: Пастернак — в Переделкине, Зощенко — в Сестрорецке, могилы Мандельштама и Хармса неизвестны. «Литераторские мостки» в данном случае — символ жертвенности и мученичества литературы как таковой.

Своеобразен ход лирической мысли Галича в песнях о русских поэтах (ещё один такой цикл он назвал «Александрийские песни», поскольку его герои: Пушкин, Полежаев, Вертинский, — как и сам автор, носили имя Александр). Галич испытывает здесь не жалость, не сочувствие, а *зависть*, желание разделить с предшественниками их трагическую судьбу. Вот выразительный пример из «Гусарской песни», где речь идёт о Полежаеве:

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В чёрной бурке на коне.

Тёзка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная, «летальная»,
Как сказали бы врачи /42/.

Совсем иначе разворачивает эту тему Окуджава, неизменно отрицавший жертвенность как таковую (достаточно вспомнить песню «Бумажный солдатик» 1959 года). Для него поэт — воплощение не «летальности», а витальности. Таково стихотворение «Счастливчик Пушкин», написанное в 1967 году:

Александру Сергеичу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
боль угасла,

баба щурится из избы,
в небе — жаворонки,
только десять минут езды
до ближней ярмарки.

У него ремесло первый сорт
и перо остро.
Он губаст и учён как чёрт,
и всё ему просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти.

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы его стихи
на память заучивали!

Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потрепаться о том о сём
с таким поэтом.

Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Чёрной речки /302–303/.

Окуджава спорит и с официальным советским мифом о Пушкине как «борце с самодержавием» и «жертве царизма», и с общепринятыми либеральными представлениями о классике. Конечно, идеализация судьбы Пушкина носит здесь иронический характер: не стоит буквально понимать слова о жандармах, царе и *красивом* Дантесе. Но в целом ясно одно: доминантой пушкинской судьбы становится здесь не смерть поэта, а его полнокровная жизнь, жизнь как дар.

Не менее показателен поэтический отклик Окуджавы на смерть Высоцкого в 1980 году. Это событие вызвало сотни стихотворных некрологов, как профессиональных, так и самодеятельных. Высоцкий в них неизменно представал как жертва советского режима, как борец за правду, как пророк, осмеянный и униженный при жизни и достойно оцененный только

после смерти. Окуджава же как бы выносит все эти трюизмы и общие места за скобки, создавая сложное катартическое ощущение ценности поэтического дара Высоцкого и ценности прожитой им жизни:

О Володе Высочком я песню придумать решил:
вот ещё одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает Природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон,
ну а мы вместе с ним посмеёмся и вместе поплачем.

О Володе Высочком я песню придумать хотел,
но дрожала рука и мотив со стихом не сходилась...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
чёрный аист московский не чёрную землю спустился /383/.

И свою собственную судьбу Окуджава осмысливал в «дароцентрическом» направлении: иллюстрирующий это положение пример будет приведён ниже, в самом конце данной работы.

3. Три судьбы

Адекватное восприятие поэзии ОВГ вполне возможно без учёта и даже без знания биографий трёх поэтов. Однако эти биографии сами по себе обладают высокой смысловой значимостью и являются сюжетами русской культурной мифологии. Главный герой русской литературы XX века — Поэт. Это относится и к романной прозе (Годунов-Чердынцев в «Даре» Набокова, Юрий Живаго в романе Пастернака, да и булгаковский Мастер и по складу характера и по способу творчества — скорее поэт, чем прозаик), и к биографическому контексту поэзии. «Культурными героями» русской интеллигенции стали Велимир, Борис, Осип, Анна, Марина, Сергей — именно так, как литературных персонажей, можно назвать Хлебникова, Пастернака, Мандельштама, Ахматову, Цветаеву, Есенина, — и причастный к духовным ценностям собеседник поймёт, о ком идёт речь. (Блок не попал в такую парадигму из-за омонимического совпадения имени Александр с пушкинским). Во второй половине двадцатого века таким героем стал Иосиф (так именовали и именуют Бродского многие, в том числе и не состоявшие с ним в близком знакомстве). И, конечно же, в этот мифологи-

ческий ряд прочно вошли Булат и Володя. «*Булат*» — имя редкое, а «*Володя*» — чрезвычайно распространённое, тем не менее произнесённое с определённой интонацией, оно вызывает в сознании именно образ Высоцкого. В 60–70-е годы в кругах либеральной интеллигенции слово «*Саша*» также было в первую очередь связано с Галичем. Впрочем, дело не столько в именах, сколько в той «персонажности», которая свойственна житейскому облику трёх легендарных бардов, чьи биографии сакрализировались уже при их жизни.

Как же можно интерпретировать эти сложные и многозначные биографические сюжеты, исходя из антитезы дара и жертвы?

Жертва — дар — жертва, — такова формула судьбы Галича. До сорокадвухлетнего возраста он был благополучным советским драматургом и киносценаристом, а также автором бодреньких песен для спектаклей и фильмов. Правда, в его творческом багаже имелась крамольная пьеса «Матросская тишина», запрещённая властями, но как поэт Галич по-настоящему состоялся только в 1962 году, сочинив свою первую *авторскую* песню «Леночка». Тогда и произошла с ним метаморфоза, описанная в пушкинском «Пророке» («...и вырвал грешный мой язык, // И празднословный, и лукавый...»). Чтобы открыть в себе истинный дар, Галич принёс в жертву своё благополучное литературное и житейское положение. Важно заметить, что по натуре он отнюдь не был ни аскетом, ни монахом: любил комфорт и роскошь, пользовался успехом у женщин, был завсегдатаем элитных ресторанов, — словом, принадлежал к советской литературно-театральной богеме, которой позволялся свободный образ жизни при условии творческого конформизма.

Ни одна из *авторских* песен Галича при его жизни в СССР опубликована не была, запрещались и его концерты. Основной формой творческой коммуникации для него стали домашние встречи со слушателями, иногда пение записывалось на магнитофон, о чём он сам писал с горечью в песне «Желание славы»:

Непричастный к искусству,
Не допущенный в храм,
Я пою под закуску
И две тысячи грамм /189/.

Однако и этого было достаточно, чтобы вызвать возмущение властей. В 1971 году Галич был исключён из Союза писателей. Это сопровождалось публичной расправой, по ходу которой

коллеги Галича обнаружили примечательное непонимание самой идеи Жертвы. Драматург Арбузов поставил в вину Галичу освещение темы сталинского террора, цитируя песню «Облака», которая написана от имени бывшего заключённого, хотя сам Галич «никогда не сидел». Поэт потом так прокомментировал этот эпизод в автобиографической повести «Генеральная репетиция»: «Правильно, Алексей Николаевич, не сидел! Вот если бы сидел и мстил — это вашему пониманию было бы ещё доступно! А вот так, взваливать на себя чужую боль, класть “живот за други своя” — что за чушь!»¹³ Заметим, что в споре с циничной позицией Арбузова Галич цитатно апеллирует к евангельскому обоснованию жертвы.

В 1974 году Галич вынужден был принести ещё одну жертву — уехать из своей страны. Эмиграция для него была катастрофой, журналистская работа на радиостанции «Свобода» не могла дать творческого удовлетворения, новые песни у него, разлучённого с житейской и духовной «почвой», уже не сочинялись. 15 декабря 1977 года Галич ушёл из жизни в возрасте 59 лет. Причина смерти — несчастный случай, удар электрическим током, постигший поэта в его парижской квартире. Догадки о «подстроенности» этой гибели, о возможном «убийстве» основательны не более, чем популярные в современной России версии об «убийствах» Есенина и Маяковского. Тем не менее смерть Галича была «слишком закономерной»¹⁴, пользуясь формулой Тынянова, прозвучавшей в связи с кончиной Блока. Галич в момент разлучения с жизнью предстал жертвой Рока, а Рок — это категория, вбирающая в себя и политические гонения, и творческие кризисы, и проблемы со здоровьем, и фатальную роль бытовой техники. Те, кто ценит дар Галича, неизменно ощущают жертвенность его судьбы.

Жизнь как жертва — такова суть судьбы Высоцкого. Обладая фантастическим творческим темпераментом, он успел за сорок два с половиной года прожить несколько жизней — не только как поэт, но и как актёр театра и кино, на сто процентов отдававшийся каждой из своих профессий. Его жизненный путь — это беспощадное самосожжение. Ни беспрецедентная слава, ни любовь женщин, ни алкоголь и наркотики не доставляли ему удовольст-

¹³ Галич А. Генеральная репетиция. М., 1991. С. 358.

¹⁴ Тынянов Ю. Н. Промежуток // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: Избр. тр. М., 2002. С. 417.

вия сами по себе — всё это было топливом для поддержания того жертвенного костра, на который он всходил вновь и вновь.

Лично я осознал это с особенной отчётливостью, работая над книгой «Высоцкий» для серии «Жизнь замечательных людей»¹⁵. Выбрав форму романизированного повествования, строя его в форме внутреннего монолога, я вынужден был пережить огромные душевные мучения. Иным путём перевоплотиться в героя было просто невозможно. Надо отметить, что написанию этой книги предшествовал ряд моих статей о Высоцком и одна сугубо литературоведческая книга о нём. Изучение поэтики Высоцкого было занятием почти гедонистическим: новизна темы, богатство материала, контакт с широким читательским кругом. А погружение в биографию потребовало серьёзной эмоциональной жертвы, которую не компенсировали ни завершение книги, ни её благополучная издательская судьба (два издания общим тиражом тридцать тысяч экземпляров). Это навело меня на мысль о глубоком различии между работой «чистого» филолога и работой биографа, пишущего о писателе. Филолог получает творчество исследуемого автора как *дар*, а биограф приносит себя в *жертву* герою (не случайно на книгах серии «Жизнь замечательных людей» имя героя написано большими буквами, а имя автора — мелкими, даже если этот автор — Булгаков, написавший о Мольере). Несомненной «жертвенностью» отмечены, кстати, все три романа Ю. Тынянова: «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и неоконченный «Пушкин». Самоотверженно перевоплощаясь в своих героев, Тынянов не успел зафиксировать художественными средствами свой собственный и чрезвычайно оригинальный человеческий характер. Утешением писателю-биографу может служить только надежда, что его книги, возможно, станут даром для новых поколений читателей.

Не жертва, но дар — такую формулу я предложил бы для единого смысла биографии Окуджавы. Судьба упорно навязывала ему участь жертвы: в годы сталинского террора был казнён его отец, сослана его мать, сам он чудом не попал в лагерь для детей «врагов народа». Вернувшись с войны, он не имел права жить в столице и вынужден был работать в Калуге. Оказавшись в Москве, занимался неинтересной редакторской работой, долгое время воспринимался не как поэт, а как «гитарист», испол-

¹⁵ Новиков Вл. Высоцкий. М., 2002; 2-е изд. 2005.

няющий «сомнительные песенки». Постоянно находился на подозрении у властей, подвергался нападкам в печати. При этом Окуджава по натуре своей не был активным борцом, его личность могла раскрыться только в творчестве, доминантой которого всегда являлась пронзительная эмоциональность. Отчётливо понимая природу своего дара, Окуджава сумел пронести его через свою полувековую творческую жизнь (первый из шедевров авторской песни — «Неистов и упрям» — был написан ещё в 1946 году). В итоге Окуджава оказался «понят своей страной» (несбывшаяся мечта Маяковского), дожил и до гармоничной недвусмысленной славы, и до заслуженного общественного признания. А главное — решил свою таинственную творческую задачу. В последние годы жизни Окуджава не раз спокойно повторял: «Я выполнил своё предназначение».

В 1986 году Окуджава написал короткое стихотворение, в котором убедительно раскрыл своё понимание самой феноменологии дара. Первые две строфы — сдержанно-ироничное отрицание самой идеи жертвы: поэт предстаёт своеобразным «эгоистом», живущим и творящим исключительно «для себя»:

У поэта соперников нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.

Ручки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас — за себя /419/.

А вторая половина — о том, как после ухода поэта всё им созданное становится даром, подарком читателям. Основной приём Окуджавы — расширение смысла по ходу стихотворения. Третья и четвёртые строфы уже в полной мере применимы не только к самому Окуджаве, но и к Высоцкому с Галичем, да и к предельно обобщённому образу поэта как такового:

Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.

То ли мёд, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Всё, что было его, — нынче ваше.
Всё — для вас. Посвящается вам /420/.

Ю. И. МИНЕРАЛОВ

Р. АБЕЛЬСКАЯ.
«ПОЭТИКА БУЛАТА ОКУДЖАВЫ:
ИСТОКИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ»^{*}

Диссертационная работа Р. Ш. Абельской состоит из двух глав («Генеалогия песенности», «В диалоге с русской поэзией») и обширного приложения («Песенное и поэтическое стремление к гармонии»). При чтении быстро становится ясно, что реальное содержание работы заметно шире того, что определено рамками темы. Так, например, диссертант подробно обсуждает жанровую природу *авторской песни*, исходя из того, что именно Б. Окуджава стоял у её истоков.

Как пишет Р. Ш. Абельская, «Жанровые особенности культурного феномена 1960–1970-х гг. — авторской песни — выкристаллизовались отчётливее всего в творчестве трёх поэтов: Булата Окуджавы, Александра Галича и Владимира Высоцкого. Авторская песня — явление многогранное и по-разному понимаемое, и мы присоединяемся к тем исследователям, которые склонны считать авторскую песню жанром поэзии, при том, что произведения, принадлежащие к этому жанру, создаются и исполняются одним человеком».

В своих суждениях диссертант опирается в основном на публикации С. Владимирова, Г. Красухина, З. Паперного, Г. Белой, Вл. Новикова, Р. Чайковского, С. Бойко, подчёркивая также, что, по её мнению, «Для понимания феномена авторской песни большое значение имеет работа М. Петровского “Езда в остров Любви, или Что есть русский романс”».

В диссертации намечаются основные вехи истории обсуждаемого жанра: «Термин “авторская песня” появился в 1970-е

^{*} Дис... канд. филол. наук. Екатеринбург: Урал. госуниверситет, 2003. Защита состоялась 10.12.03.

годы, то есть много позднее самого явления: по одним свидетельствам — в статьях журналистки Аллы Гербер на страницах журнала “Юность”, по другим — в сценических высказываниях Владимира Высоцкого о своём творчестве¹. Диссертант оговаривается при этом, что сам «Б. Окуджаву не соглашался причислить свои произведения к жанру авторской песни»: поэт «настойчиво подчёркивал, что он пишет стихи, а не тексты песен, и слово *текст* по отношению к своим произведениям счёт бы неприемлемым».

Введённый в диссертации термин *текст*, в своё время активно использовавшийся в работах Ю. М. Лотмана и его учеников, специально обосновывается Р. Ш. Абельской, признающей необходимость дифференцировать его смысл и характерные для вокально-музыкального обихода значения слов наподобие *текстовик*, *текст*: «В последнюю треть XX века, в связи с развитием структуралистско-семиотических теорий и проникновением философии постмодернизма в литературоведческие исследования, слово “текст” приобрело совершенно иной смысл, чем в период “оттепели”, когда формировалась поэтика Б. Окуджавы. В новом значении, не содержащем обидных для поэта коннотаций, мы и будем использовать эту лексику».

Р. Ш. Абельская делает экскурс и в традиции русской песни XX века, от которых невозможно оторвать песни на стихи Б. Окуджавы. В частности, она говорит:

«Во второй половине 1920-х и в 1930-е годы советская песня из военизированной хоровой постепенно превращается в эстрадную, соединяя в себе казавшиеся ранее несоединимыми поэтико-музыкальные жанры: марш с жестоким романсом, вальсом или частушкой; или — что характерно для советской

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

На правах рукописи

Абельская Раиса Шоломовна

ПОЭТИКА БУЛАТА ОКУДЖАВЫ:
ИСТОКИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.01.01 – русская литература

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Быков Л.П.

ЕКАТЕРИНБУРГ
2003

¹ Обе эти легенды опровергнуты в главе «О терминах и определениях» диссертации И. А. Соколовой (см. также: Соколова И. А. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. С. 43–45). — *Сост.*

деревенской песни — создавая гибрид песни распевной и частушечно-плясовой. Обновление жанров коснулось и формальной, и образной, и смысловой стороны песенных текстов.

Предчувствие такого «смешения жанров» можно найти уже в поэме А. Блока «Двенадцать», где народно-распевные и романсовые интонации и ритмы чередуются с частушечно-плясовыми и маршевыми».

Здесь можно уточнить только, что так называемая «массовая» советская песня 1930-х годов (прежде всего, те же марши на стихи В. Лебедева-Кумача, Д'Актиля и других) принципиально дистанцировала себя от современной ей *эстрадной* песни (см. об этом, например, в работах о советской песне известного музыковеда А. Сохора). Даже в 1940-е годы и позже «вальсовый» ритм песни на стихи М. Исаковского «В лесу прифронтовом» вызывал резкую критику («несоответствие» героической темы и её музыкального воплощения). (Иной вопрос, что в поколении А. Блока такие принципиальные счёты ещё не поднимались, а в поколении Б. Окуджавы о них в основном уже забыли.) Наконец, в ряде случаев корректнее, как представляется оппоненту, говорить не о «смешении жанров», а об их *синтезе* — в том строго терминологическом смысле, который имеет слово *синтез* в современном литературоведении.

В диссертации есть также попытка сформулировать точку зрения на жанровое различие *песни* и *романса*. Р. Ш. Абельская отмечает: «“Поэтический словарь” дает ещё один жанровый признак: тему», заключая затем, что «Самая, пожалуй, содержательная литературоведческая работа о русском романсе “Езда в остров Любви, или Что есть русский романс” М. Петровского опирается, в первую очередь, именно на этот признак». Здесь, по мнению оппонента, можно и нужно было бы обратиться и к работам иных авторов, по-другому исследовательски интерпретирующих данное различие (исторически же первоначально в России романс — просто вокальное произведение на одном из *романских* языков, а песня — произведение с русским текстом).

Переходя непосредственно к творчеству Б. Окуджавы, диссертант делает целый ряд зорких и литературоведчески ценных наблюдений. Р. Ш. Абельская не просто прекрасно знает творчество Окуджавы — она любит и глубоко понимает его.

Как отмечается в диссертации, «можно утверждать, что Б. Окуджава использовал в своём песенно-поэтическом творчестве множество разнообразных элементов поэтики блатных

песен, которые органично вошли в его ранние лирические произведения. Блатной фольклор, будучи неизбежным “музыкально-смысловым сопровождением” сталинской эпохи, просто не мог не соприкоснуться с творчеством поэта с таким чутким слухом, как Б. Окуджавы, и не сыграть важной роли в формировании его поэтического мира».

Вместе с тем данный пласт фольклора — явление специфическое и никак не исчерпывающее темы творческих контактов музы поэта с традициями устного народного творчества. Р. Ш. Абельская говорит, что «“элементы фольклорной традиции” в поэзии Б. Окуджавы в ряде случаев могут оказаться восходящими к литературным источникам. По этой и по другим причинам... нам представляется оправданной осторожность, с которой Л. Шилов, С. Владимиров и другие исследователи говорят о сближении поэзии Б. Окуджавы с традиционным русским фольклором. Мы полагаем, что это сближение является в большой степени опосредованным, воспринятым через общеевропейскую культурную парадигму, к которой принадлежат и бытовой романс, и русская поэзия XVIII–XX вв.». С данным выводом, как и с большинством других выводов диссертанта, нельзя не согласиться.

Среди «литературных источников» и типологически однородных поэзии Окуджавы явлений называется творчество целого ряда русских поэтов разных времён. Диссертант предпринимает тонкие, основанные на сравнительном анализе текстов сопоставления Окуджавы с Д. Давыдовым, И. Мятлевым, Л. Трефоловым, затем с Б. Пастернаком, А. Блоком, Б. Ахмадулиной, Д. Самойловым, Ю. Левитанским и другими. Р. Ш. Абельская показывает, насколько многообразны и в каждом случае различны фиксируемые ею творческие связи. Например, она отмечает в этой связи, что «Ратному энтузиазму Давыдова Б. Окуджавы противопоставляет глубокий трагический фатализм» (на внешнем, «тематическом» уровне сходство, на уровне глубинных пластов семантики едва ли не полная противоположность). Как правило, яркие и литературоведчески самобытные также обобщающе-концептуальные суждения диссертанта — например, идея, что для «поэтического мира Б. Окуджавы» глубоко характерен «сплав романтического и сентименталистского мироощущений».

Остаётся сказать, что сделанные нами по ходу изложения материала замечания не отменяют положительной в целом оценки диссертации и носят характер позитивной творческой полемики...

Н. А. БОГОМОЛОВ

О. РОЗЕНБЛЮМ.

«РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО БУЛАТА ОКУДЖАВЫ
(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ)»*

В первую очередь хочется сказать об этой диссертационной работе слова, которые к трудам подобного типа применяются очень редко: её интересно читать. При всём том, что работа написана в рамках научного стиля и выдержаны все требования, предъявляемые к сочинениям подобного рода, она воспринимается с неослабевающим интересом на протяжении всех 373 страниц текста.

Как кажется, главным образом это объясняется замыслом диссертации (создать научную биографию одного из наиболее популярных и достойных писателей советского и раннего постсоветского времени) и способом его исполнения.

Прежде всего — о замысле.

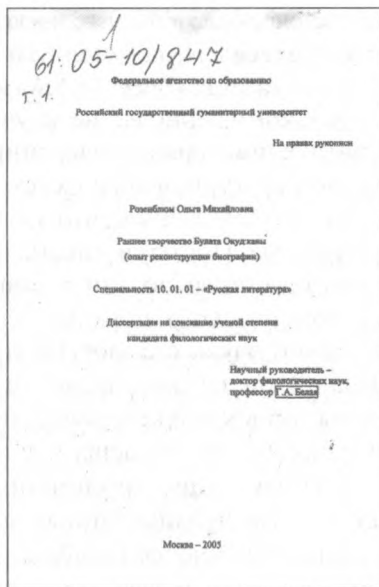
От Булата Окуджавы осталось немало автобиографических текстов: роман «Упразднённый театр», ряд рассказов, опубликованные интервью, устные выступления с более или менее развёрнутыми воспоминаниями, ответы на многочисленные записки из зала во время концертов и встреч с читателями. Плюс к этому — многочисленные мемуары, рассказывающие о тех или иных периодах его жизни. Но автор совершенно верно почувствовала, что за всеми этими текстами кроется ряд более или менее существенных загадок. Подобно многим писателям советской эпохи, Окуджаве было что скрывать, и потому не только в его официальных и полуофициальных биографиях есть оставленные пробелы, но даже и «документы врут, как люди» (Ю. Тынянов). О. М. Розенблюм взялась за заполнение лакун в ранней биографии Окуджавы со страстью це-

* Дис... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2005.

нителя его творчества и с умением литературоведа. Такова внутренняя пружина замысла, заставляющая его безостановочно развиваться на протяжении всей работы.

Способ же исполнения, вроде бы бесхитростный, заставляет нас говорить о том, что в современной историко-литературной науке он, к сожалению, применяется достаточно редко. О. М. Розенблюм стремится использовать абсолютно все имеющиеся источники, как уже опубликованные, так и впервые обнаруженные ею самой, для создания подлинной биографии писателя. Обычно разыскания подобного рода ведут (конечно, в тех случаях, когда изучению подвергается жизнь известного человека), отталкиваясь от заранее выработанной на основании предварительных штудий концепции, под которую подгоняются и последующие находки. В этой же работе диссертант подходит к материалу непредвзято, не им украшая концепцию, а её создавая на основании обнаруживаемого. И до известной степени это делает работу во многих отношениях первоисточником, к которому отныне будут обязаны обращаться все исследователи жизненного и творческого пути Б. Окуджавы. Некоторые исключения, конечно, есть, и мы не преминем их ниже указать, но количество впервые введённых в научный оборот, критически проверенных и осмысленных в общем контексте творчества документов несравненно превосходит число несправедливо пренебрежённых.

Следует, пожалуй, остановиться на формулировке темы диссертации: «Раннее творчество... (опыт реконструкции биографии)». Казалось бы, речь идёт о различных вещах, но чтение работы показывает, что в данном конкретном случае биография и творчество оказываются неразрывно сплетёнными, причём творчество того периода, о котором идёт речь (вплоть до первых московских песен, 1956–1957 годов), совершенно явно биографией определяется. Поэзия в это время ещё не приобрела подлинной самостоятельности, она остаётся порождением личности

не творческой, а эмпирической. И стихи тбилисского периода, писавшиеся для себя самого и немногих друзей, и ранние публикации в газетах «Боец РККА» и «Ленинское знамя», и сочинения калужского периода, не случайно подвергнутые столь резкой критике при первом появлении Окуджавы в московском литературном кругу, при всей их несхожести свидетельствуют, как нам представляется, о том, что это лишь зерно будущего «серьёзного» творчества. Попытки писать «для себя» и попытки освоения канона советской поэзии в равной степени остаются факторами биографического порядка, а ещё не собственно творческого. Конечно, также они могут быть рассмотрены (и это в работе проделано) как слабые предвестия будущей поэтики зрелого Окуджавы, но в контексте выбранной для диссертации темы важнее и существеннее тот аспект, о котором мы сказали выше.

Новизну диссертации определяет прежде всего её материал — 73 неопубликованных источника, среди которых 19 представляют собою записи бесед, проведённых автором диссертации (в одном случае совместно с Д. П. Баком) с различными людьми, знавшими Окуджаву, преимущественно в тбилисские и ранние московские годы. Об объёме этих бесед даёт некоторое представление приложение к диссертации, куда вошли две трети из них (13 из 19), и заняли их расшифровки 134 страницы текста. При этом следует отметить, что из бесед довольно тщательно устранялись повторы уже ранее опубликованных воспоминаний, которые мемуаристы склонны делать. Во-вторых, это официальные документы (следственное дело отца Окуджавы, университетское личное дело его самого, архивы школ, где он работал). И, наконец, это разнообразные материалы из частных архивов. Уже одного этого было бы довольно для квалификации диссертации как исследования, обладающего принципиальной новизной. Однако к этому прибавляется ещё и редко используемый газетный материал, причём не только из газет центральных и потому находящихся более или менее на виду, но и из газет гораздо менее распространённых, в том числе ранние и никогда, насколько мы знаем, не перепечатывавшиеся¹

¹ См. их посмертные перепечатки: До свиданья, сыны!; Мы встречали; Девушке-солдату; Не позабыть жестоких дней; В край родимый; Кавалерист; Декабрьская полночь / [Из газет 1945–1946 гг.] // Лит. вести. № 36. 1999. Апр. С. 6–7; До свидания, сыны; Не позабыть жестоких дней; В край родимый...: Стихи / Из фронтовых газ. 1945 г. // Страж Балтики. Калининград, 1999. 7 мая. — *Ред.*

стихи 1945 года из уже упомянутых тбилисских газет. Впечатляют и хронологические рамки основного массива газетных публикаций. Они охватывают период 1976–1999 годов, а учитывая мемуары — до 2004 года. Те, кто работал с газетами, знают, что такой хронологический и топографический (Тбилиси, Калуга, Нижний Тагил, Ульяновск) разброс чрезвычайно затрудняет работу.

Что же касается самого исполнения поставленной задачи, то и здесь новизна совершенно очевидна: впервые на основании точных, документированных данных, известных на нынешний день, написана научная биография Б. Окуджавы 1924–1956 годов. При этом восстановлены перипетии жизни его родителей (которые и сам писатель, и автор диссертационной работы понимает как значимые свидетельства истории нашей страны советского времени), обстоятельства жизни Окуджавы на Арбате (что нередко становится предметом спекуляций сегодня: читатели «Литературной газеты» поляковского периода помнят гневные обвинения в его адрес), его фронтовая биография, годы учения в Тбилисском университете, работа в школах Калужской области, в газете «Молодой ленинец», переезд в Москву, связь с литературным объединением «Магистраль». Всё это выполнено в высшей степени корректно, с убедительными сопоставлениями автобиографических свидетельств, мемуаров современников и документами, автор нигде не переходит грани между твёрдо установленными фактами и гипотезами.

Известные на сегодняшний день произведения Окуджавы избранного для изучения периода (отметим при этом, что в научный оборот впервые введены 4 стихотворения, автографы которых хранятся у Ф. М. Тер-Микаэляна, и 5 стихотворений, zapomненных К. М. Маркман) проанализированы достаточно полно, выводы автора оригинальны и обоснованны.

Всё сказанное выше заставляет нас говорить о том, что работа О. М. Розенблюм представляет собою в высшей степени оригинальное научное исследование...

Однако это вовсе не значит, что изучение биографии Б. Окуджавы после появления данной диссертации окончательно завершено. Открывая большой новый материал, автор диссертации тем самым заставляет нас осознать то, что им, то есть материалом, порождаются новые вопросы, на которые ещё предстоит ответить. Основательность О. М. Розенблюм и её

тщательность в работе с источниками, стремление максимально заполнить существующие лакуны заставляют верить, что ответы на эти вопросы она будет искать сама, потому мы решимся здесь сформулировать хотя бы часть их.

Довоенная биография Окуджавы в диссертации исследована, пожалуй, образцово, и добавить к тому, что сказано, нам нечего. Однако там, где речь идёт о биографии военных лет, уже явно видны некоторые неясности, требующие пояснения.

Диссертант ввёл в биографию этого периода много нового материала, позволяющего иначе взглянуть на неё. Однако, поскольку использованы документы уже послевоенного времени, остаётся некоторая приблизительность относительно точных сроков пребывания Окуджавы в тех или иных частях, госпиталях, отпусках. В данном случае, видимо, было бы весьма полезно обратиться к центральному армейскому архиву, так как хотя документация военных лет и находится, судя по всему, в состоянии достаточно хаотическом, всё же с помощью опытных архивистов можно попытаться обнаружить следы прохождения Окуджавой службы. Конечно, работа эта чрезвычайно сложна, но когда-то должна быть выполнена, хотя бы для того, чтобы дать отрицательный результат.

Ещё больше новых сведений мы узнаём о тбилисском периоде жизни Окуджавы, и здесь, пожалуй, приходится пожалеть, что автор недостаточно развернул свои находки в дополнительные экскурсы. Так, было бы весьма полезно дать общую характеристику культурной жизни Тбилиси этого периода. Интервьюируемые мемуаристы, как кажется, склонны характеризовать город как вполне провинциальный, где возможности культурного общения сравнительно невелики, особенно в том случае, если речь идёт о культуре русской (а с культурой грузинской отношения Окуджавы, несомненно, были ограничены недостаточным знанием языка да и самой его национальной самоидентификацией как русского). Однако, как кажется, впечатления мемуаристов могут оказаться обманчивыми, потому полезно было бы, пусть кратко, напомнить о «Фантастическом городе», как его назвала Т. Л. Никольская в специальной монографии и культурной жизни Тифлиса первых пореволюционных лет.

Впервые мы сравнительно подробно узнаём о кружке Георгия Крейтана, в который входили многие друзья Окуджавы,

да и он по крайней мере однажды был на его собрании. Формулировка автора: «О Крейтане мы знаем очень мало» (с. 193), — вполне справедлива. Однако всё-таки не так мало, как это представлено в диссертации. Настоящая его фамилия действительно была Попов, он родился 17 (30) мая 1900 года в Петербурге и скончался 11 февраля 1951 года (по всей видимости, в Тбилиси). Список его поэтических книг без особого труда отыскивается в библиографии Тарасенкова-Турчинского, ещё один сборник вышел уже посмертно, в 1958 году. Таким образом, путей для хотя бы приблизительной реконструкции творческого облика этого немаловажного в контексте работы автора не так уж безнадёжно мало. Видимо, заслуживало бы чуть более внимания упоминание имени Вл. Эльснера (с. 190—191), знакомство которого с Блоком было, конечно, мимолётным, и он заслужил нелестную характеристику «выездной лакей», но стоило бы вспомнить, что Эльснер был шафером на свадьбе Ахматовой и Гумилёва. Небезразличен для русской поэзии и упоминаемый Н. Г. Шахбазовым Колау Чернявский. Несомненно, стоило бы уделить некоторое внимание личности Александра Цыбулевского, контакты Окуджавы с которым неоднократно фиксируются, однако каких бы то ни было подробностей о нём в работе нет.

Слишком поверхностны, на наш взгляд, рассуждения автора о литературных влияниях, которые испытывало творчество Окуджавы тбилисских лет. Если встреча с Б. Л. Пастернаком (отметим убедительную её передатировку) справедливо рассматривается как мимолётный эпизод, не оказавший существенно-го влияния на становление творчества Окуджавы того времени, то вряд ли можно согласиться с излишне беглым анализом контактов с П. Г. Антокольским (с. 243—245), а также с тем, что вообще остаётся в стороне чрезвычайно ценное воспоминание И. В. Живописцевой: «...он любил и В. Маяковского, и Н. Асеева, и В. Луговского, и И. Сельвинского и с удовольствием читал. Я помню вот это “Баллада о тигре” <...> у Сельвинского...» (с. 240). Понятно, что автору диссертации этот круг поэтов может казаться не самым значительным для понимания эволюции творчества Окуджавы, однако, как кажется, обойти его вниманием нельзя. В официальной советской поэзии все названные авторы находились на весьма заметных местах и хотя бы отчасти представляли поэзию неканоническую, не полностью под-

чинённую жёстким идеологическим стеснениям. Во всяком случае, отголоски поэзии Маяковского и Антокольского в творчестве Окуджавы, причём не только раннем, но и позднем, несомненны. Стоило бы поискать и следов его увлечения Асеевым, Луговским, Сельвинским, особенно последним, незаслуженно обойдённым вниманием историков литературы как советского времени, так и уже постсоветского. Тут, как нам кажется, проявилась недостаточность стремления автора (в других случаях плодотворная) опереться на понятие *канона*. Уже в начале работы читаем: «При анализе ранних произведений Окуджавы, прежде всего его первой книги “Лирика”, то есть при анализе литературных образцов, в соответствии с которыми начинал писать Окуджава, мы пользуемся понятием “канона” в том значении, в котором оно употребляется для изучения советской культуры создателями проекта и сборника “Соцреалистический канон”» (с. 15). И действительно, «калужские» стихи поэта вполне могут быть рассмотрены как постижение официально одобрявшегося творческого метода через освоение топики, тематики, выбора героев (и так далее, вплоть до метрики) наиболее штампованных образцов. Но в то же время дальнейшая эволюция Окуджавы показывает, что воспроизведением канона его поэзия ограничиться не могла. И в этом контексте размышление о генезисе его поэтического творчества должно, на наш взгляд, включить и анализ творческих взаимосвязей с упомянутыми выше авторами.

Что касается собственно биографии, то здесь, как кажется, стоило бы несколько подробнее сказать о семье Окуджавы, первой жене и первом сыне. Деликатность, присущая автору в разговоре об интимных проблемах, даёт основания надеяться, что и при таком напрашивающемся разговоре чувство меры будет соблюдено.

Более подробного анализа хотелось бы и от рассказа про возвращение Окуджавы в Москву осенью 1956 года и то чтение стихов в литобъединении «Магистраль», после которого он, по собственным словам, «год приблизительно ничего не писал в отчаянии» (в другом месте: «Года полтора я не писал ничего»). Вряд ли удастся установить дату этого выступления, хотя очевидно, что никакого года, а тем более полутора лет молчания не было, но, как справедливо пишет О. М. Розенблюм, «Окуджаве

было важно зафиксировать эту разницу между “до” и “после”, обозначить, что разница между ними огромная» (с. 356). Но опять-таки, как и в случае с тбилисским литературным кругом, здесь, как кажется, недостаёт разговора о настроении, господствовавшем в «Магистрали» и складывавшемся из творческих интенций наиболее заметных его участников. Перечисленные на с. 359 имена участников объединения и его гостей вполне позволяют сделать хотя бы предварительные наблюдения над этой проблемой. Столь же немаловажным представляется нам анализ того влияния, которое оказали на Окуджаву гастрولي Ива Монтана в Москве. Гастрولي эти широко транслировались, В. А. Зайцев вполне убедительно показал, что по крайней мере в «Песенке весёлого солдата» влияние одной из песен Монтана очевидно, так что проблема явственно обрисовывается.

Вообще очевидно, что проблема песенного творчества Окуджавы должна быть развёрнута значительно более подробно уже в другом исследовании. Здесь только намечены самые первые подходы к ней. Хотелось бы обратить внимание автора на то, что существует один источник, касающийся хронологии песен, который пока что не использован: это том «Песни» из машинописного издания, подготовленного московским Клубом самодеятельной песни к 60-летию Окуджавы в 1984 году. Большинство томов этого издания самостоятельного научного значения не имеют, однако именно том песен текстологически выверен (хотя самокритично стоит заметить, что в то время ещё не были выработаны принципы текстологии авторской песни, почему наверняка и в этих текстах есть ошибки), в первоначальный оригинал, местонахождение которого нам неизвестно, была внесена авторская правка, а датировка песен была установлена И. М. Зиминым совместно с поэтом. Они несколько раз вели продолжительные беседы, после чего Зимин составил таблицу различных упоминаний последовательности написания и хронологических указаний (эта таблица должна храниться у него), и на её основании датировал песни. На сегодняшний день из всех нам известных попыток датировки песен Окуджавы эта является наиболее совершенной, и пренебрегать ею невозможно.

В приложенной к диссертации библиографии, весьма тщательной в части того, что касается жизни и творчества Б. Окуд-

жавы, к сожалению, не слишком полно представлены теоретические работы, посвящённые самой проблеме создания биографии деятеля культуры. А между тем существует посвящённый этой проблеме специальный библиографический указатель (*Беленький И. Л.* Биографика в системе наук о человеке: Указатель литературы. М., 1999), блок статей «*Studia biographica*» был помещён в биографическом альманахе «Лица» (М.; СПб., 1995. Т. 6), есть вполне солидная и содержательная монография: *Валевский А. Л.* Основания биографики (Киев, 1993), и т. д.

Однако практически всё, написанное выше, и на самом деле представляет собою перечисление проблем, поставленных самой рецензируемой диссертацией, и не относится к сфере очевидных упущений автора. Без диссертации О. М. Розенблюм эти вопросы вообще, скорее всего, не возникали бы, и необходимо отдавать себе в этом отчёт.

В ЗЕРКАЛЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И ПИСЕМ СОВРЕМЕННОКОВ (Обзор опубликованного)

...Окуджава упомянул в песне Беллу — это уже факт литературы независимо от достоинств песни. Я могу писать мемуары об этом вечере, пересказывать разговоры, слова — когда-нибудь их опубликуют и будут читать с жадностью: не ради меня, а ради этих имён...

Марк Харитонов. Из дневников

В первом выпуске «ГН» мы уже публиковали подобный библиографический обзор упоминаний имени и произведений Булата Окуджавы в современной печати¹. Не всех, конечно, а тех, которые составители посчитали значимыми для биографии или оценки творчества писателя со стороны его современников. Редакция, кстати, получила упрёк одного из рецензентов в несущественности некоторых цитат предыдущего обзора. Но в действительности они не несут полезной информации лишь на первый, непросвещённый взгляд. Нам в таких случаях важны не только интерпретации произведений писателя, развёрнутые их оценки, подробности каких-либо событий с участием Окуджавы, но даже следы прижизненной творческой полемики, теоретические рассуждения, затрагивающие его творчество, или такие детали, как круг его чтения или круг общения (включая факты даже случайного знакомства, не приведшего к последующим встречам). И здесь необходимо повторить: мы считаем своей задачей сконцентрировать и сохранить в наших обзорах подобные фрагменты. Ведь иначе из-за малого объёма информации такие «упоминания» обычно не включают в библиографии, и потому они легко могут затеряться в безбрежном море опубликованного.

Однако нынешняя подборка имеет одно коренное отличие от предыдущей. Здесь собраны дневниковые свидетельства, интересные

¹ См.: Мнения. Оценки. Факты. Легенды: По материалам печати / Сост. А. Крылов, В. Юровский // Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 305–337.

тем, что в массе своей записаны они по свежим следам, а значит лишены позднейших наслоений, нанесённых далеко не совершенной человеческой памятью, как это бывает в мемуарах, создание которых значительно отстоит во времени от описанного в них.

Правда, и здесь читателя могут ожидать «подводные камни», поскольку не все цитируемые нами дневники и письма готовились к печати специалистами. Подготовка части таких изданий осуществляется наследниками, не знакомыми с принципами научной подготовки текстов умершего автора. Это иногда приводит к тому, что при печати, как минимум, не показываются принятыми в таких местах отточиями — пропуски; и даже к ситуации, когда различные издания — журнальные и книжное — печатают один и тот же фрагмент дневника... в совершенно разных редакциях. Так произошло, например, с текстом дневника Н. Эйдельмана². В последние годы многие дневники подготовлены и изданы самими авторами (Ю. Нагибин, Я. Голованов, Л. Левицкий и др.) — также без обозначения купюр и без разграничения основного, «старого» текста и необходимых позднейших пояснений, что тоже снижает ценность публикации (не для обычного читателя — но для науки, которой утрачиваемые нюансы сверхважны). Известно, к примеру, что драматург А. К. Гладков вовсе переписывал свои подлинные дневники для публикации. Заново.

«И всё же, всё же, всё же...»

Как и в предыдущей подборке, некоторые из приводимых нами цитат могут показаться неподготовленному читателю лишними. Пусть какие-то хоть и косвенно, но свидетельствуют о присутствии Окуджавы на вечерах, о которых рассказывается, какие-то отражают всего лишь интерпретацию произошедшего, связанного с именем поэта, — всё это может оказаться недостающей каплей, которая, возможно, укрепит уверенность биографа в подлинности факта. Кто-то зафиксировал всего лишь дату, когда он у з н а л то или иное стихотворение (она, естественно, не всегда совпадает со временем его написания, — но в каких-то случаях тоже сможет помочь исследователю — в определении верхней границы датировки). А что-то из записанного отражает ходившие во времена написания слухи или просто «присутствие» писателя в мыслях, в беседах и в жизни его современников (такие независимые друг от друга свидетельства в совокупности создают портрет «эпохи Окуджавы»). И уже сегодня ясно: все собранные здесь материалы, наряду с другими источниками такого же рода, могут послужить хорошей основой для составления летописи жизни Булата Окуджавы.

Записи расположены в хронологическом порядке. Наравне с ними в обзоре цитируются равнозначные им по степени достоверности докумен-

² Ср., напр.: «Интерес к жизни — высшая интеллигентность» // Экран и сцена. 1990. 16 авг. (№ 33). С. 14–15; Несколько дней из жизни / Подгот. текста и коммент. Ю. Мадоры-Эйдельман // Евр. слово. 2002. 17–23 апр. (№ 15). С. 13.

ты, напечатанные в тех же источниках: ответ Окуджавы на анкету Р. Орловой и выписка из протокола редколлегии альманаха «Весть». Нами комментируются (при первом упоминании) только те события и лица, которые, исходя из контекста, могут иметь отношение к поэту. В случаях, когда комментарии заимствованы из цитируемых нами источников, они снабжены инициалами, соответствующими их авторам (см. список источников в конце обзора); в них сделаны специально не оговоренные сокращения в соответствии с тем же принципом минимальной необходимости для настоящего материала.

Здесь также унифицированы способы написания дат и примечаний публикаторов, а также исправлены явные опечатки. В косых скобках даются ссылки на номера томов и страниц цитируемых нами изданий.

Шестидесятые

Александр ГЛАДКОВ³:

26 декабря 1961 г.

Только что пришёл с заседания бюро секции поэтов, где происходило обсуждение стихов и песен Булата Окуджавы. Мне утром по телефону Боря Слуцкий⁴ сказал, что готовится разгром, и пригласил придти на выручку. В старом здании клуба наверху собралось человек тридцать-сорок: кроме членов «бюро» — молодые поэты и пр. Вокруг стола сели организаторы собрания; остальные тут же рядом, у стен. Окуджава пришёл с гитарой в чёрном чехле, явно волнуясь. Он только на днях был принят в члены ССП. Сперва он читал. Потом стал петь. Ему Смеляков, Луконин⁵ и др. бросали недружелюбные реплики, вроде: «Нет, ты спой, что на этих своих вечерах поешь!» Окуджава, бледный и нервный, отвечал: «Я всё спою»... И постепенно произошло чудо: талант поэта-исполнителя, обаяние его

³ Гладков Александр Константинович (1912–1976) — драматург, автор пьесы «Давным-давно», по которой снят кф. «Гусарская баллада»; участник легендарного сб. «Тарусские страницы» (Калуга: Кн. изд-во, 1961), где впервые была опубликована повесть О. «Будь здоров, школяр».

⁴ Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) — поэт; ему посвящены стихотворения О. «Первый гвоздь» и «Вселенский опыт говорит...».

⁵ Смеляков Ярослав Васильевич (1913–1972) — поэт; ему посвящено стихотворение О. «В детстве мне встретился как-то кузнечик...»; эпизод о его сложных отношениях с О. см.: *Огнев В.* Амнистия таланту. М.: Слово, 2001. С. 328. Луконин Михаил Кузьмич (1918–1976) — поэт; его мемуарное свидетельство см.: *Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 2. С. 273–274.*

и ответные токи от большинства слушавших, которое было настроено вроде меня, т. е. заранее настроено дружески и знало эти песни, сделали своё дело — атмосфера как-то удивительно переменялась, и к началу обсуждения стало ясно: «проработывать» Окуджаву не удастся. Хотя против него говорили глупости (дурак Ситковский, провокационно-двусмысленно — Коваленков, Солоухин, В. Лифшиц⁶), другие (Боков, Слуцкий, Наровчатов, Дик⁷ и пр.) хвалили Окуджаву так прямо и точно, что замысел организаторов был сорван. Всё кончилось триумфом Окуджавы. Чем-то это мне напомнило прекрасный фильм «12 рассерженных мужчин» — и это тоже могло быть сюжетом о победе поэта. По мере хода обсуждения Смеляков всё чаще стал спускаться в ресторан и к концу совершенно напился так, что жене пришлось его увести. /1, 558/

10 февраля 1962 г.

Самойлов⁸ хорошо назвал Окуджаву «поющим Ремарком». Они вместе пишут комедию для Малого театра⁹. /2, 588/

Давид САМОЙЛОВ:

21 октября 1962 г.

...Днём — в Шереметьеве¹⁰. Булат¹¹, которому поднадоели собственные песни. И всё же это новое искусство — све-

⁶ Упомянуты поэты и функционеры СП: Ситковский Аркадий Ильич (1901–1964); Коваленков Александр Александрович (1911–1971); Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997), активный участник позорного собрания московских писателей 31 окт. 1958 г., одоббившего исключение Б. Пастернака из Союза писателей; Лифшиц Владимир Александрович (1913–1978).

⁷ Упомянуты Боков Виктор Фёдорович (1914) — поэт; Наровчатов Сергей Сергеевич (1919–1981) — поэт (ему посвящено стихотворение О. «Колокол»; о нём см.: *Окуджава Б. Первое свидание // Дом на две улицы / Сост.: Г. Максимова и др. М.: Культура, 1994. С. 87–93*), Дик Иосиф Иванович (1922–1984) — прозаик.

⁸ Самойлов Давид Самойлович (1920–1990) — поэт; ему посвящено стихотворение О. «На углу у гастронома...».

⁹ О подобной пьесе нам ничего не известно. См. также сн. ²⁵.

¹⁰ Шереметьево — пос. в Подмоскowie, где Д. С. жил зимой на дачах «ЛГ». — В. Т. (Здесь и далее в записях Самойлова с такими инициалами приводятся коммент. В. Тумаркина при участии М. Ефремовой.) В то время там же жил и О. См. также запись Р. Орловой от 08.03.87 о знакомстве с О. в Шереметьеве.

¹¹ ...Впоследствии в поэме «Юлий Клоппус» (1979), вспоминая песенный репертуар послевоенных лет, Д. С. писал: «...Тогда мы много пели, но // Былым защитникам державы, // Нам не хватало Окуджавы». Б. Окуджаве посвящено стихотворение «Памфлет», опублик. в «Лит. газете» (1988. 14 дек.). — В. Т.

жее, но не крупное. Отвергая всё прежнее, оно отмечает и серьёзные критерии... /1, 306/

17 ноября 1962 г.

Вечер поэтов в зале Чайковского. Наибольший успех, конечно, у Булата. Но и у ничтожества Кобзева тоже. Долматовский читает стихи против Сталина. Хорош Тарковский¹². Он один. Меня никто не знал. Читал с успехом... /1, 310/

Владимир ЛЕВИ¹³

29 ноября 1962 г.

Встреча в Ленинской¹⁴ с редактором «Молодой гвардии». Толпа и милиционеры с тёткой у входа. Тип: «Окуджава выступил, сейчас будет выходить, Вознесенского¹⁵ нет, ну и всё». Наверху стоял, на спинках двух стульев... Рыжебородый поэт Ник. Панченко¹⁶: «Голова ты моя, голова, булава ты моя, булава». Художник Илья Глазунов: «Мой план — стать членом Союза художников». Спустившись вниз, за кулисами увидел Окуджаву: курчавая голова, огромный лоб, короткий нос, усики, синий пиджак, ковбойка, узкие брюки, грубые ботсы без шнурков. Краткие фразы — уверенным резковатым голосом, с живой жестикующей. Сначала с каким-то типом, потом окружили несколько дам, по их тону и узнал Окуджаву: «Нет, вы очень хорошо читали...» — «Сегодня просто не мог петь». (Его просили, но он сказал, что нездоров.) Дамы усадили Окуджаву за стол и заставили что-то им писать. Подбежали другие. «Вы уже опоз-

¹² Упомянуты Кобзев Игорь Иванович (1924–1986) — поэт, очеркист; Долматовский Евгений Аронович (1915–1994) — поэт-песенник; Тарковский Арсений Александрович (1932–1986) — поэт, переводчик; ему посвящены стихотворения О. «Друзья, не надейтесь на чудо...» и «Настольные лампы».

¹³ Леви Владимир Львович (1938) — психолог, врач; автор многих книг.

¹⁴ Так называемая Ленинская аудитория МГУ.

¹⁵ Вознесенский Андрей Андреевич (1933) — его воспоминания см.: Властитель чувств: Воспоминания // Вознесенский А. На виртуальном ветру. М.: Вагриус, 1998. С. 145–150.

¹⁶ Панченко Николай Васильевич (1924–2005) — поэт, один из инициаторов и редактор сб. «Тарусские страницы»; с О. был знаком ещё по работе в Калуге, рекомендовал О. при вступлении его в КПСС в 1956 г.

дали...» Потом вывалился народ, окружили одевающегося Окуджаву. «Смотри, вон Окуджава стоит»...

Курил и смотрел на окололитературных молодых. Сегодня какая-то особенная нервная решительность, признак усталости.

Почувствовал этот кусочек массы — молодого литературного потребителя. На сером промелькивают и умненькие физиономии. /59/

Давид САМОЙЛОВ:

1 декабря 1962 г.

...Хорошее выступление в Медицинском институте с Коржавиным, Турковым¹⁷, Булатом. Плохи, неприятны стихи Ник. Панченко... /1, 312/

21 декабря 1962 г.

...Смилым Мусиком Кагановым¹⁸ заезжали к Окуджавам... /1, 316/

19 октября 1963 г.

...Слушал песни Булата. Снова убедился, что это очень хорошо и намного выше всего интеллигентского фольклора. /1, 341/

12 ноября 1963 г.

Целый день в бегах. Вечер в «Современнике». Виделся с Булатом... /1, 342/

23 ноября 1963 г.

Несостоявшийся вечер в МОСХе¹⁹. Из МОСХа поехали к Силису и Лемпорту²⁰. Юра²¹ читал пародии. Булат спел несколько песен. Стихи его плохи... /1, 343/

¹⁷ Коржавин Наум Моисеевич (1925) — поэт; эмигрировал в 1973 г.; автор предисловия к 7-му изд. кн. О. «Проза и поэзия» (Frankfurt/Main: Посев, 1984; см. сн. ⁹⁹); ему посвящено стихотворение О. «Калужская фантазия»; его воспоминания см.: Булату это удалось // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова. Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 169—178; см. также сн. ¹⁷⁵. Турков Андрей Михайлович (1924) — критик.

¹⁸ Каганов Моисей Исаакович (1921) — физик, доктор физ.-мат. наук; друг Самойлова.

¹⁹ МОСХ — Московское отделение Союза художников СССР.

²⁰ Силис Николай Андреевич (1928), Лемпорт Владимир Сергеевич (1922—2001) — скульпторы-нонконформисты, работавшие в том числе и в соавторстве друг с другом, а также с В. Сидуром (о нём см. сн. ¹³¹).

²¹ Здесь и далее в записях Самойлова: Левитанский Юрий Давидович (1922—1996) — поэт, переводчик; долгое время был дружен с О.; ему посвящены песни О. «Весёлый барабанщик», «Чудесный вальс» и «Заезжий музыкант целуется с трубою...»; его мемуарные свидетельства см.: Левитанский Ю. «— Что же из этого следует? — Следует жить...» // Смена. Л., 1991. 11 дек.

27 декабря 1963 г.

Выступали с Булатом и Юрой в Музее изобразительных искусств. /1, 348/

20 февраля 1964 г.

В повести нужна мысль: идеал нужно искать в будущем, а не в прошлом. Напр<имер>, попытка вернуть к типу «комиссара Гражданской войны» — пустой романтизм и, в конечном счёте, бутафория, ложь. Идеальное есть в сегодняшнем типе человека. /1, 353/

Лев ЛЕВИЦКИЙ²²:

16 апреля 1964 г.

Только что вернулся с открытого партийного собрания Союза, на которое зачем-то по доброй воле потащился. Впрочем, оно было по-своему поучительным. Выступал заместитель министра иностранных дел Лапин²³. Уровень такой, что хоть плачь. Как будто выступает перед пенсионерами с начальным образованием или, как сказал Булат, перед дворниками. Штампованные фразы, разбавленные остротами самого дешёвого пошиба. Когда Лапин заговорил о том, что в китайской прессе серьёзно обсуждается вопрос, есть ли классовая борьба в семье, он сказал: «У нас этот вопрос решился бы довольно просто. Есть тёща, есть классовая борьба». Самое удивительное, что в ответ на этот перл раздалось несколько хлопков — совсем не иронических. А я, слушая это, от стыда голову в плечи вобрал. /53/

Давид САМОЙЛОВ:

28 апреля 1964 г.

Разговаривал в театре с Ю. Любимовым²⁴ о нашей с Булатом комедии²⁵... /1, 356/

²² Левицкий Лев Абелевич (1929–2005) — лит. критик.

²³ Лапин Сергей Георгиевич (1912–1990) — партийный функционер, с 1954 по 1965 г. на дипломатических постах, в 1970 г. поставлен руководить Гостелерадио; известен как реакционер и антисемит.

²⁴ Любимов Юрий Петрович (1917) — актёр, театральный режиссёр, педагог; нар. арт. России; с апреля 1964 г. главный режиссёр московского Театра драмы и комедии (на Таганке).

²⁵ Совместная пьеса Д. Самойлова и Б. Окуджавы так и не была поставлена. В архиве Д. С. она отсутствует. — В. Т.

9 мая 1964 г.

...Вечером — у Юры Левитанского. Звонили Булату в Ленинград, поздравили с днём рождения. /1, 356/

Константин СИМОНОВ²⁶:

14 мая 1964 г. (Из письма Р. Солнцеву²⁷)

...Ну, и наконец, хочу сказать тебе ещё одну неприятность: до каких пор ты, талантливый человек, будешь продолжать то

Фото М. Пазия

там, то здесь петь с чужого голоса? То непрожёванный Луговской появляется, то теперь вдруг, во сне Наташи²⁸, появляется вариация на тему, очевидно, слишком сильно запавшей тебе в память песенки Окуджавы, — не буду даже писать какой, сам знаешь. Нравится, ну и пой на здоровье, мне она тоже

нравится. А зачем волочь её ритмический и эмоциональный ход в свою, не имеющую никакого отношения к этому поэму? /452/

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ²⁹:

17 мая 1964 г.

От Булата Окуджавы (он теперь живёт в Ленинграде, женился там) получил письмо со стихами, которые он сочинил больше года назад, после моей статьи «Отцы и дети»³⁰ <...>; очень умные и смелые стихи, мне посвящены³¹. Думаю, что петь их нельзя, так как слишком длинны строки (размер киплингвской баллады).

²⁶ Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) — популярный поэт, прозик, функционер СП.

²⁷ Солнцев Роман Харисович (1939) — поэт, прозаик; живёт в Краснодаре.

²⁸ Речь идёт о поэме Солнцева «Пикассо, кочегарка и Наташа».

²⁹ Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978) — поэт, переводчик; рецензент первого московского сборника О.

³⁰ Статья Антокольского «Отцы и дети» была напечатана в «Литературной газете» 11 декабря 1962 года. — А. Т.

³¹ Стихотворение «Письмо Антокольскому» («Здравствуйте, Павел Григорьевич! Всем штормам вопреки...») впервые опубл. лишь в 1967 году: День поэзии 1967: Альм. М., 1967. С. 86; Стихи, стихи: Сб. М., 1967. С. 90–91; Окуджавы Б. Март великодушный. М.: Совет. писатель, 1967. С. 85–86.

В 47 г. Толя Тарасенков, царство ему небесное, подарил мне собственноручно переплетённую записную книжку: я использовал её, как институтка — альбом, чтобы другие записывали в ней стихи, мне посвящённые. Книжка почти заполнена. Кого только в ней нет! Вся современная молодая поэзия — от Недогонова и Гудзенко до Беллы и Булата Окуджавы³². /1; 161/

Борис КОТЛЯРОВ³³

15 июля 1964 г.

...А после войны — поэты, самые разные по складу своей лирической души, по строчечной сути... — все даже с некоторым удивлением и трогательностью говорили, что в нашем городе как-то по-особому слушают поэтов.

Несколько лет назад я шёл по площади Дзержинского с приехавшим в Харьков впервые поэтом Булатом Окуджавой, и он повторил ту же мысль, ещё и добавил несколько слов, которые, признаюсь, я не очень ожидал от него услышать, — слов о том, что не рабочий ли характер города накладывает отпечаток на отношение харьковских аудиторий к выступлениям поэтов. Это очень своеобразное отношение — в нём не только внимание, но одновременно как будто и оттенок ответственности за то, что слушают...

Серьёзность и искренность своих высказываний Окуджава подтвердил написанным вскоре стихотворением, где были такие строки:

И хворости мои, и горести,
Всё, что болело, всё, что жгло,
Вдруг потонуло в этом городе,
Вдруг отболело и прошло.

О Харьков, Харьков, твои улицы,
Они ясны и без огня... /206—207/

Давид САМОЙЛОВ:

25 октября 1964 г.

Поэтические книги, которые я прочёл за последнее время, свидетельствуют, что предыдущий период поэзии окончился. Потуги Слуцкого и его ретроспективный пафос — скучны и жалковаты. Булат неумён. Вознесенский холоден и паяц.

³² Вероятно, имеется в виду описанное выше стихотворение, поскольку иные посвящения Антокольскому нам не известны.

³³ Котляров Борис Иванович (1911—1989) — поэт, публицист; участник Отечественной войны; жил в Харькове.

Все они тшятся доказать, что что-то знают и стараются подмигнуть читателю.

Надо же ясно и прямо сказать, что мы ничего не знаем и в том равны с читателем.

Единственный способ писать стихи — это лечь на диван и прислушаться к тому, что происходит в тебе. И наиболее точно и просто изложить своё состояние. Оно и есть состояние человечества, если ты принадлежишь ему и не сбит с толку предубеждением, тщеславием или идеей субординации. /1, 361/

Юлий ДАНИЭЛЬ³⁴:

24 марта 1966 г. (Из письма жене и сыну из заключения)³⁵

В тюрьме я много пел — за шахматами, разгуливая по камере и просто лёжа на койке; пел Булата, Аллу, Лёшку и даже Высоцкого³⁶. Сейчас почти не поётся: и обстановка не та, и простужен я уже недели две. А между тем «нам песня строить и жить помогает». Опять (это уже было раз, я тебе говорил об этом, Лар³⁷) обретают «первозданный смысл», казалось бы, банальные и немудрёные слова. /36/

1 мая 1966 г.

...И вот ещё что: я не знаю, насколько это удобно, но может быть, кто-то из литераторов, принявших близко к сердцу всю нашу историю³⁸, захочет доставить мне радость и прислать са-

³⁴ Даниэль Юлий Маркович (1925–1988) — переводчик, поэт, прозаик; см. также сн. ³⁶; ему посвящено стихотворение О. «Не успел на жизнь обидеться...». О его встречах с О. см.: *Уварова-Даниэль И.* Рифмы судеб: Окуджаву и Даниэль // *Голос надежды*. Вып. 2. М., 2005. С. 43–57.

³⁵ Здесь и далее.

³⁶ Ю. Д. вспоминает знакомых, исполнявших под гитару песни на собственные или чужие стихи. Имена Б. Окуджавы и В. Высоцкого к тому времени уже были широко известны; с творчеством харьковского артиста Леонида Пугачёва и тёщи Ю. Д. Аллы Зиминой был знаком лишь узкий круг их друзей. — *А. Д.*

³⁷ Богораз Лариса Иосифовна (1929–2004) — филолог, правозащитник; в то время жена Даниэля. «Я несколько раз разговаривала с Булатом Шалвовичем по телефону. Если нужно было оказать поддержку какому-нибудь человеку или движению, он никогда не отказывал» (Вспоминая Булата / [Записала] И. Коломейская // *Сегодня*. 1999. 8 мая).

³⁸ Ю. Д. называет некоторых из тех, кто заступался за Синявского и Даниэля. Д. Самойлов, Б. Окуджаву, Б. Ахмадулина, Ю. Мориц, В. Корнилов подписали известное обращение 62 писателей, просивших отдать им Синявского и Даниэля на поруки (первые опубли. в «Белой книге» [о ней см. сн. ⁶⁴]; см.: *Цена метафоры*: Сб. / Сост. Е. Великанова. М.: Книга, 1989. С. 499–500); кроме того, В. Корнилов (вместе с Л. Чуковской) ещё до суда протестовал против газетной травли Синявского и Даниэля (Там же. С. 36–37). — *А. Д.* Синявский и Даниэль 14 февраля 1966 г. были осуждены соответственно на 7 и 5 лет лишения свободы за публикацию своих литературных произведений на Западе под псевдонимами.

мостоятельно или переслать через тебя или друзей свои книжки. В первую очередь это относится к Дэзику [Д. Самойлову]. Упаси боже, я не хочу никаких демонстративных жестов, просто мне очень не хватает современной литературы, особенно поэзии. Дэзика и Булата я хоть кое-что наизусть помню; но, к сожалению, мало. А вот Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Мориц, Корнилова — только строфы, строки, обрывки. А очень бы хотелось многое перечесть, послали бы они, а? Можно и без автографов. /51/

13 мая 1966 г.

...Вообще почти единственная моя забота — оказаться человеком (именно человеком, а не литератором), достойным происшедших событий. Я прекрасно понимаю, что они, эти события, очень скоро перестанут занимать людей, забудутся; но и это недалёкое забвение не даёт мне индульгенцию. Я теперь обречён быть порядочным.

Перечёл предыдущую тираду и обнаружил в ней неприглядную грусть об утраченных возможностях. Ах,

Как хорошо заботиться о малом,
Как просто быть активным либералом!
(муз. Окуджавы, слова мои)³⁹. /58/

7 августа 1966 г.

...А вот пластинка с песнями Окуджавы⁴⁰ — здесь, я, пожалуй, считаю себя вправе высказаться.

Конечно, мне было очень приятно услышать эти очень милые моему сердцу вещи: уже почти год я слышал их только в собственном убогом исполнении. Но я всё-таки никак не возьму в толк, зачем Булат разрешил этой пластинке появиться на белый свет? Зачем оркестр? Почему не гитара? Зачем актёрское исполнение? Почему не поэтическое? Ведь это же прежде всего стихи! Когда Булат Окуджава пел стихи под гитару, это было очень хорошим способом исполнения именно этих стихов. Неважно, хорош ли, плох ли голос поэта Б. Окуджавы, хо-

³⁹ Даниэль неоднократно обыгрывал в своих письмах различные строки О. (см. с. 109, 190, 251, 312, 387, 412, 429 цитируемого изд.; эти фрагменты в данный обзор не вошли).

⁴⁰ Речь идёт о гибкой пластинке из четырёх песен О. в исполнении Ю. Визбора, Е. Камбуровой, И. Кобзона и М. Кристалинской (1966), — единственного в то время издания подобного рода.

рошо ли, плохо ли он работает на гитаре — пение и гитара были составной частью поэзии. Я не хочу сказать — необходимой частью. Напротив, я убеждён в том, что стихи Булата можно просто читать. Но их нельзя просто петь. А когда ещё их поют не просто, а с многозначительными паузами, с интонационными подчёркиваниями, с придыханиями, с двумя-тремя «х» («Аххх, Арбат, мой Арбат...») — так от той прелести, которая есть в этих строчках, ни черта не остаётся. Мужское исполнение ещё туда-сюда, они стараются следовать за манерой Окуджавы, а уж женское... /85/

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ:

16 сентября 1966 г.

Уже давно написанная для «Комсомолки» статья о молодых поэтах претерпевает всякого рода колдовства в недрах редакции. <...>

Началось с того, что редакция без разговоров выкинула именно всех поэтов предшествующего поколения: Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину, Окуджаву⁴¹... Ссылаясь при этом на общее распоряжение Секретариата ЦК Комсомола, всё того же пресловутого Павлова⁴² — нигде, никогда не упоминать Евтушенко! Это тот самый Павлов, который в какой-то речи посулил Евтушенко, ехавшему в армию на Кавказ, пулю Мартынова. За ним водятся многие обмолвки такого рода... /2; 63–64/

⁴¹ Наиболее часто имя О. в 60-е гг. упоминалось в прессе именно в этом ряду поэтов; реже сюда включалась фамилия Р. Рождественского. Евтушенко Евгений Александрович (1933) — способствовал выходу первой книги О. в Москве; ему посвящены песни О. «Сентиментальный марш» и «Шарманка-шарлатанка»; его воспоминания см.: «Заходи — у меня есть джонджоли» // Встречи в зале ожидания. С. 49–54; Ахмадулина Белла Ахатовна — ей посвящены «Песенка о ночной Москве» О., а также ряд стихотворений; её воспоминания см.: *Ахмадулина Б.* Лицо посвящено Булату / Записал В. Куллэ // Лит. обозрение. 1998. № 3 (май — июнь). С. 18–20.

⁴² Павлов Сергей Павлович (1929) — с 1959 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1961 г. член ЦК КПСС; выпускник техникума механизации сельского хозяйства. Чуть раньше в речи на 4-м Всесоюзном совещании молодых писателей, в частности, говорил: «Во всяком половодье есть пена. Она присутствовала и в молодой литературе. Особенно в творчестве Евтушенко, Вознесенского, Окуджавы... Как метко сказал Леонид Соболев, “на переднем крае такие устанавливают вместо пулемётного гнезда ресторанный столик для кокетливой беседы за стаканом коктейля”» (*Павлов С.* Боевое пополнение литературы // Комсом. правда. 1963. 11 мая).

Давид САМОЙЛОВ:

3 декабря 1966 г.

Мы в Ярославле⁴³.

Булат с женой. Храмов с милой Люсей. Николаев с женой. Соболев, такой же неприкаянный, как и я⁴⁴.

4 декабря 1966 г.

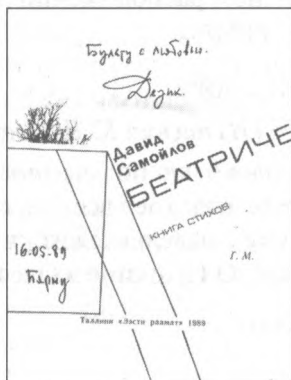
Выступали вчера и сегодня. Зал битком. Все хотят слушать Окуджаву.

Нас принимают неплохо. /2, 29/

5 декабря 1966 г.

Опять выступление.

Я читаю стихи Тютчева. Он не имеет успеха⁴⁵.

Копия из архива
М. Гизатулина

23 января 1967 г.

Казань. Выступление в драматическом театре. Я немного расшевелил публику. Булат выступал с успехом. /2, 30/

⁴³ Д. С. с группой поэтов ездил в Ярославскую область в рамках «Дня поэзии—1966». — В. Т.

⁴⁴ Упомянуты поэты: Храмов Евгений Львович (1932—2001); Николаев Александр Маркович (1925—1998[?]); Соболев Марк Андреевич (1918—1993). — В. Т. Воспоминания Храмова см.: Из «Записок десантника» // Голос надежды. Вып. 2. С. 10—20.

⁴⁵ По воспоминаниям Д. С., ему пришлось выступать после Б. Окуджавы, что было заведомо проигрышным вариантом. Он вышел, прочёл стихотворение и в ответ на жидкие аплодисменты сказал: «Вы аплодируете Тютчеву». Раздался смех, и контакт с залом был установлен. — В. Т.

Юлий ДАНИЭЛЬ:

28 января 1967 г.

...А что касается «самодеятельной» песни — я думаю, Борька [Золотаревский] прав: она — своеобразный экран общественных настроений, причём независимо оттого, лирическая она, гражданская или ещё какая. Часто (не очень часто) официоз признаёт её. Но очень важно различать, берёт ли он её на вооружение или вынужден мириться с нею. Пример первого отношения: рекламирование безвкусной «Бригантины»; пример второго: песни Окуджавы... /165–166/.

2 марта 1967 г.

Ещё раз о себе и о своём состоянии: все мои переживания, соображения и всяческие становления не мешают мне сейчас пребывать в отличном расположении духа, петь ребятам Окуджаву, трепаться... /184/

Татьяна ЦЯВЛОВСКАЯ⁴⁶:

12 мая 1967 г. (Из письма К. Шилову⁴⁷)

Прочитала только что полученное письмо Ваше. Отвечать буду потом — очень много дел всяких, самых неожиданных. Назову два. У меня уже с неделю лежит киносценарий Булата Окуджавы о Пушкине!.. О Пушкине в Одессе⁴⁸...

Натан ЭЙДЕЛЬМАН⁴⁹:

30 мая 1967 г.

...(за Лёвой Осповатом⁵⁰): Б. Окуджава сказал: «Все хотят, чтобы что-нибудь произошло, и все боятся, как бы чего-нибудь не случилось». /55/

⁴⁶ Цявловская Татьяна Григорьевна (1897–1978) — литературовед, пушкинист, член Пушкинской комиссии Академии наук; вдова профессора М. А. Цявловского.

⁴⁷ Шилов Константин Владимирович (1945) — литературовед, историк культуры.

⁴⁸ Речь идёт о сценарии, постановка которого предполагалась на Одесской киностудии (впервые: Окуджава Б., Арцимович О. Частная жизнь Александра Сергеевича, или Пушкин в Одессе // Киносценарии. 1995. № 4. С. 46–81). К. Шилов предполагает, что О. обратился к Цявловской по совету в «инстанциях» апробировать свой труд.

⁴⁹ Эйдельман Натан Яковлевич (1930–1989) — прозаик, историк; ему посвящено стихотворение О. «Лунин в Забайкалье».

⁵⁰ Осповат Лев Самойлович (1922) — литературовед, переводчик.

Татьяна ЦЯВЛОВСКАЯ:

2 июня 1967 г. (Из письма К. Шилову)

Был Булат Шалвович у меня (28 мая), поговорили...

Возилась я с отзывом чуть ли не три недели. Написала в конце концов решительно, но в мягкой форме («Берегите нас, поэтов, берегите нас...»).

Он сам считает очень плохим свой сценарий, заглавие — случайное. Он прочёл его через полгода после сдачи и ужаснулся. Это давняя работа (года два назад. Соавтор — жена⁵¹). Несколько правил. Занялся другими делами. Я: «Ваша пьеса идёт в Ленинграде⁵². Говорят, чудесный спектакль». — «Ужасный спектакль, ужасная пьеса. Не надо было мне драматургией заниматься».

На мои протесты, он сказал: «Нет, это совершенно трезвая оценка». Я похвалила его прозу в сценарии, которая остаётся недоступной зрителю. «Я Вашей прозы никогда не читала». — «Не читали?» Подарит книжку о войне, вышедшую во Франции (на французском языке).

Он прочёл мой отзыв⁵³... Сказал, что ни одного возражения у него нет, обрадовался хвале о Воронцове (сияя — «Получилось?» — «Да! Вы его портрет Лоуренса⁵⁴ знаете?» — «Знаю»). Спросил, получит ли он экземпляр отзыва. Я дала ему (Он: «Но он с подписью»...). Мне кажется, что он будет перерабатывать⁵⁵. Единственное, за что он вступился, — это... за устриц: «Пушкин просто пошутил». Пригласил меня на просмотр его фильма — военная комедия (с трагическим окончанием) — сегодня иду в Дом литераторов⁵⁶.

⁵¹ Арцимович Ольга Владимировна — вторая жена О.; физик по образованию.

⁵² Текст опубли.: Глоток свободы: Пьеса в 12 карт. с эпилогом. М.: ВУОАП, 1966. 96 л. См. рец.: *Сегеди И.* Прошлое — это сегодня // Нева. Л., 1967. № 8. С. 193—194.

⁵³ Полностью отзыв Цявловской на сценарий см. в ст.: *Шилов К.* «Найти мудрое решение»: Некоторые кинематогр. подходы к образу Пушкина в 60-е годы в оценках Т. Г. Цявловской // Киновед. записки. № 42. 1999. С. 259—279.

⁵⁴ «Портрет графа Воронцова» (одного из персонажей сценария) работы художника Т. Лоуренса.

⁵⁵ По свидетельству К. Шиловой, О. сценарий не дорабатывал и отказался от его дальнейшего продвижения.

⁵⁶ Речь идёт о премьере кф. «Женя, Женечка и «катюша»» (авт. сценария О. и В. Мотыль).

9 июня 1967 г. (Из письма К. Шилову)

Ну вот Вам новости последние. Фильм Окуджавы (военный), который я смотрела в ЦДЛ, — очарователен! Очень тонкий образ главного героя — вероятно, поэта, юноши, попавшего в армию, на войну, — и много весёлого, комедийного — на фоне висящей непрерывной опасности. Кончается трагически. Фильм имел колоссальный успех у переполненного зала. Но... его не разрешили (вчера звонил Окуджава) — «оскорбление Красной армии»... Непонятно! Ничего решительно оскорбительного нет.

Юлий ДАНИЭЛЬ:

12 июля 1967 г.

Те, кто слышат меня за дверью, наверно, думают, что я тронулся. Может, так и есть. Здесь этим никого не удивишь. Да, так вот, очень ко всей этой ситуации подходит песенка «Ваше величество, женщина». С неё я и начинаю обычно свои разговоры. Окуджавские песенки, кстати, оказались очень подходящими, они сопровождают меня с сентября 1965 г. Хороший он поэт. Был? Или — есть? Я что-то давно не читал и не слышал ничего нового. /226–227/

Татьяна ЦЯВЛОВСКАЯ:

9 августа 1967 г.

Посылаю Вам автограф⁵⁷ Булата Шалвовича Окуджавы (он вернул мне статью о Воронцовой⁵⁸ и приложил книжечку своих стихов)⁵⁹.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ:

21 августа 1967 г.

Проводы. Отправление. Поехали. — Вы едете до Белграда? Мы едем до Белграда. Мы едем в Стругу на ежегодные вечера поэзии. Стружские вечера.

Мы — это Сергей Наровчатов, Михаил Луконин, Булат Окуджава и я. Это официальный состав нашей делегации. <...>

⁵⁷ Авторизованная машинопись «Песенки о каплях датского короля» из этого кф., присланная с письмом О. от 08.06.67: «Уважаемая Татьяна Григорьевна! Письмо получил. Благодарю. Посылаю Вам свою песенку. Простите машинку за отсутствие “у”. <...> С уважением Б. Окуджава».

⁵⁸ Речь идёт о не опубликованной тогда статье Цявловской «Елизавета Ксавьеревна» на тему «любовь к Е. К. Воронцовой в судьбе и поэзии Пушкина».

⁵⁹ «Март великодушный» (см. сн. ³¹).

С Булатом нас связывают годы дружбы, общие пристрастия, общие дороги... <...>

23 августа 1967 г.

Ночью минуем Венгрию («А по пятам война грохочет вслед» — воспоминанья, воспоминанья), утром едем среди бесконечно солнечного, зелёного и голубого. И вот Белград постепенно проступает из этого солнца, из этой зелени, зноя и голубизны.

24 августа 1967 г.

Один день в Белграде, и самолётом — в Охрид. Здесь штаб-квартира Стружских вечеров. Сама же Струга километрах в двенадцати отсюда. Будем ездить туда и обратно дважды в день по дороге, идущей вдоль Охридского озера. <...>

Отель «Палас» наполнен поэтами, приехавшими из многих стран. <...>

25 августа 1967 г.

С утра едем в Стругу. Присутствуем на торжественном открытии мемориальной доски двум поэтам, трагически погибшим здесь в прошлом году, — Блаже Шчепановичу и Лазару Вучковичу. Читаются их стихи. Музыка, слёзы, траур.

Во второй половине дня открываются Стружские вечера. <...>

26 августа 1967 г.

Начал работу симпозиум — «Диалог о поэзии и будущем». От нас в нём примут участие Луконин и Наровчатов.

Вечером — «Мосты». Международный митинг поэтов.

Над рекою Чёрный Дрим, вытекающей из Охридского озера, неподалеку от её истока, — лёгкая арка моста, вся в огнях и дымящихся факелах. Здесь, на мосту, поэты читают стихи. А под мостом, по обе стороны, набережные, тоже освещённые огнями, заполнены народом, тысячами людей, стоящих плотно, один к одному. Даже непонятно, откуда столько людей набралось в этом небольшом, в сущности, городе.

Очень красиво. И страшновато.

— Страшновато! — говорит Булат. Он подходит к микрофону с гитарой. Берёт первые аккорды.

В поход на чужую страну собирался король...

Песня, которую я давно знаю и люблю, звучит здесь, словно дома, в Москве, и всё же как-то по-другому. После первой строфы вся эта масса людей на набережной начинает аплодировать в такт мелодии и уже до конца сопровождает песню своими аплодисментами.

28 августа 1967 г.

...Вечером — снова выступление и вручение премий.

Премию «Золотой венец Стружских вечеров поэзии 1967 года» получает Булат за стихотворение «Оловянный солдатик моего сына».

Ему вручают венец. Он волнуется, но держит себя отлично, кратко благодарит.

Земля гудит под соловьями,
под майским нежится дождём,
и лишь солдатик оловянный
на вечный подвиг осуждён...⁶⁰

Поздравляю тебя, Булат! Обнимаю. Я рад за тебя⁶¹. Всё приходит раньше или позже (не всё ли равно — раньше или позже!). Ведь мы не загадывали об этом, когда ехали с тобой, промёрзшие, по зимней смоленской дороге в Пушкинские горы и пели те первые песни. И ещё раньше, когда были удивлены и обрадованы самым первым из них. И когда пели шутя, переиначив одну из твоих песен: «Как трудно быть Булатом, Булатом!»

4 сентября 1967 г.

Нам предложили остаться ещё на десять дней — для выступлений. Едем по Македонии и выступаем. Скопле, Штип, Прилеп. В Штипе, в здании музея, при свечах, блистательно читал Луконин. В Прилепе — на могиле павших героев. Читаем без перевода. И требуют читать ещё и ещё. По пути в Белград заезжаем в Косово поле, устраиваем вечер в Приштине.

Два поэтических вечера в Белграде проходят при переполненном зале — как лучшие вечера в Москве.

Дмитрий КЛЕНОВСКИЙ⁶²:

15 апреля 1968 г., Бавария (из письма архиепископу Иоанну Шаховскому⁶³)

⁶⁰ Долгое время эта публикация первой строфы «Стихов об оловянном солдатике моего сына» оставалась в СССР единственной. Впервые полностью: Моск. комсомолец. 1985. 31 марта.

⁶¹ Об отношении к этому присуждению Луконина и Наровчатова см. свидетельство В. Корнилова в ст. «Воспоминаний писать не буду», публикуемой в наст. выпуске.

⁶² Кленовский (наст. фам. Крачковский) Дмитрий Иосифович (1893–1976) — поэт; эмигрант второй волны, проживал и умер в Германии.

⁶³ Архиепископ Иоанн Сан-Францисский, в миру Шаховской Дмитрий Алексеевич (1902–1989) — поэт; издатель; эмигрировал в 1921 г.; публиковался под псевдонимом Странник.

Недавно узнал, что выступавший в Мюнхене Булат Окуджава расспрашивал обо мне и пытался встретиться со мной, но из этого, к сожалению, ничего не получилось, так как обращался он к людям, не знавшим моего адреса. Но и без встречи известие это меня порадовало, так как свидетельствует, что мои просачивающиеся в СССР книги там читаются, притом даже поэтами, и заинтересовывают, так как иначе Окуджава не искал бы встречи со мной... /216/

Архиепископ ИОАНН ШАХОВСКОЙ:

19 апреля 1968 г., Сан-Франциско (из письма Д. Кленовскому)

Это хорошо характеризует Булата Окуджаву, — что искал встретиться с Вами, дорогой Дмитрий Иосифович. Если бы к его закавказскому имени Булат ещё добавить сербское имя Злата, то получилась бы очень синтетическая для современного мира пара супругов. Опасаюсь, что от них миру сему не вырваться до конца своего. Но в поэтическом видении мира Окуджавы нет ни «булата», ни «злата»; и это освежительно... Я убеждён, что он верует в Господа Бога (его мир — светлый, человечный...). Побольше бы таких поэтов в СССР, которые «понимали бы Кленовского»...

<...> «Берегите поэтов», — правильно сказал Окуджава. Если их немного и побалуют, вряд ли это сильно уравновесит всё то легкомысленное, что о них пишут (когда о них не молчат). /217–218/

Лев ЛЕВИЦКИЙ:

30 апреля 1968 г.

В субботу я получил извещение из Союза. Пригласили на встречу с судьёй на процессе Галанскова—Гинзбурга⁶⁴. Фамилия судьи — Миронов⁶⁵. Приглашение именное. Его получили все,

⁶⁴ Ю. Т. Галансков, А. И. Гинзбург, А. А. Добровольский и В. И. Лашкова обвинялись в составлении и распространении «Белой книги», посвящённой суду над писателями А. Д. Синявским и Ю. М. Даниэлем (см. сн. ³⁸), и 12 января 1968 г. были осуждены на различные сроки лишения свободы. Описываемая встреча состоялась в развитие постановления секретариата правления Московской писательской организации от 17 апреля, где было постановлено «запросить объяснения от членов Союза писателей СССР, связавших себя с делом <...> путём всяческих заявлений» (Лит. Россия. 1968. 1 мая). Воспоминания Александра Ильича Гинзбурга (1936–2002) см.: Булат и поступок // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы. М.: Соль, 2001. С. 121–123.

⁶⁵ Миронов Лев К[?].

подписавшие последнее письмо. Неподписавшие даже не были извещены об этой встрече. <...>

Посреди зала стоял огромный, во всю длину стол, покрытый зелёной материей. На нём графин с водой и листки бумаги. С обеих сторон стола три ряда скамеек. Не сговариваясь, по одну сторону уселись подписавшие письма⁶⁶, Тендряков, Булат⁶⁷; по другую, во втором ряду — члены секретариата и приглашённые ими: Сахнин, Чепурин, Корольков, Карелин. Впритык к столу: Тельпугов, Книпович, чуть подальше Наровчатов, Миша Львов, Кассиль, Алигер, Феликс Кузнецов⁶⁸. В торце, во главе стола — Ильин⁶⁹. И судья Миронов. Чуть выше среднего роста.

⁶⁶ Среди протестовавших против суда и приговора над авторами «Белой книги» были многие близкие О. писатели, в том числе москвичи В. Аксёнов, П. Антокольский, Б. Ахмадулина, Б. Балтер, В. Войнович, Ю. Домбровский, Ф. Искандер, Л. Копелев, Н. Коржавин, В. Корнилов, Ю. Левитанский, К. Паустовский, Д. Самойлов, Ф. Светов (а также художник Б. Биргер; о нём см. сн. ¹³⁴) и др. В числе подписантов был и сам Л. Левицкий.

⁶⁷ Тендряков Владимир Фёдорович (1923–1984) — прозаик. Ни его имени, ни имени О. не было среди подписей под многочисленными письмами в защиту подсудимых (см.: Процесс цепной реакции: Сб. документов / Сост. Г. Е. Брудерер. Frankfurt/Main: Посев, 1971. 488 с. Полный список наказанных «за политическую безответственность» писателей и выписку из соответствующего постановления секретариата правления Московской писательской организации от 20 мая 1968 г. см.: Инф. бюл. Секретариата правления СП СССР. 1968. № 6; То же: Галич А. Облака плывут, облака / Сост. А. Н. Костромин. М., 1999. С. 225–227). Возможно, О. был приглашён на эту встречу как «неблагонадёжный», подписавший письма в защиту осуждённых Синявского и Даниэля (см. сн. ³⁸), в поддержку А. Солженицына (см. сн. ¹⁰³), а также в связи с недавним делом о его «вызывающем» выступлении во время гастрольной поездки в Ульяновск (о нём см.: *Окуджава Б.* «...Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить...»: Разговор с поэтом о КГБ / [Беседовала] Н. Надеждина; Публ. док. подг. З. Водопьянова, А. Петров // Труд. 1993. 30 янв. С. 1, 3).

⁶⁸ Упомянуты Сахнин Аркадий Яковлевич (1910–1999) — прозаик; Чепурин Юлий Петрович (1914–2003) — драматург; Корольков Юрий Михайлович (1906–1981) — прозаик; Карелин Лазарь Викторович (1920–2005) — прозаик; Тельпугов Виктор Петрович (1917–1999) — прозаик; Книпович Евгения Фёдоровна (1898–1988) — критик, литературовед; Львов Михаил Давыдович (1916/17–1988) — поэт; Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) — прозаик; Алигер Маргарита Иосифовна (1915–1992) — поэт; Кузнецов Феликс Феодосьевич (1931) — критик, литературовед; в дальнейшем — следующий после Ильина (см. след. сн.) оргсекретарь Московской писательской организации, инициатор травли авторов альманаха «Метрополь» (о нём см. сн. ¹⁶⁷); чл.-кор. АН, директор ИМЛИ, дискредитировавший своё научное звание неуклюжими попытками защитить единичное авторство Шолохова в отношении романа «Тихий Дон».

⁶⁹ Ильин Виктор Николаевич (1927–1990) — функционер Московского отделения СП, генерал-лейтенант КГБ; в данном обзоре упоминается неоднократно.

Стройный. Со смазливym лицом. Чернявый. Не то казачьего, не то кавказского обличья. Ильин предупредил, что порядок встречи будет такой: сначала Миронов расскажет о суде, после чего можно задавать вопросы — непременно в письменном виде.

Говорил Миронов довольно гладко, без бумажек, заглядывая в принесённые им тетради только тогда, когда ему надо было справиться о чём-то. По всему чувствовалось, что язык у него развитее мозга — впрочем, что до мозга, то он по собственному наблюдению над теми, кого он судит, знает, что самое безопасное не включать его в работу. Он поставил себе рамки, за пределы которых дисциплинированно не выходил. И врал напропалую.

Имитируя задумчивость, он сказал, что давно хотел встретиться с разными группами людей, особенно с молодёжью, и рассказать правду о процессе, о котором ходят странные слухи и необоснованные предположения. Но существует юридическая этика: до тех пор пока не решён вопрос о кассации, он не считал возможным высказываться. Другое дело сейчас, когда Верховный суд РСФСР утвердил его, Миронова, приговор. (Я и не знал, что эти товарищи — такие скрупулёзные законники.) Теперь, продолжал он, руки у него развязаны, и он волен выступать в самых различных аудиториях. И жалеет лишь о том, что первая такая аудитория — писательская, поскольку чувствует свою неподготовленность. Он ведь не лектор, а тем более — не писатель. Я бы добавил: к сожалению, и не юрист, а наёмный оформитель палачества. <...>

Все присутствовавшие — и подписавшие письмо, и те, кто не имели к этому никакого отношения — были разочарованы до крайности. Доказательств вины подсудимых, ясных, точных, весомых, никто не получил. По мере того как судья талдычил одно и то же, по мере того как всё яснее становилось, что ничего существенного сказано не будет, атмосфера накалялась. Булат крикнул, что мы не дети и нечего обращаться с нами, как с детьми. И правда ведь. Нельзя же взрослых людей, кое-что повидавших на белом свете, кормить такой манной кашкой вранья. Если вы без вранья не можете обойтись, то врите хоть умело... /130, 131, 134/

Юлий ДАНИЭЛЬ:

17 июля 1968 г.

Соскучился я по гитаре. Сижу за машинкой, строчу, а сам мурлычу под нос всё, что знаю. У меня так, полосами: один день Окуджаву, другой — Высоцкого... /355/

Ярослав ГОЛОВАНОВ⁷⁰:

18–19 июля 1968 г.

...Гроб [с телом Паустовского. — *Сост.*] сначала отвезли в Лаврушинский, к нему домой. В среду, 17-го, в ЦДЛ — прощание. <...> Улицу Герцена всю загрохотали. Много писателей, видел Рослякова, Аксёнова, Рощина, Вознесенского, Коржавина, Твардовского, Окуджаву. <...> По залу прошёл ветер ропота, когда в конце своего выступления Кербабаяев назвал Паустовского Константином Павловичем. (В Тарусе, вспоминая этот эпизод, Окуджава сказал грустно: «Всё о наследниках престола думают...») <...>

Я решил съездить на похороны Паустовского в Тарусу, где никогда не был. <...> Люди расходились медленно, словно опять чего-то ждали. Какие-то робкие студенты спрашивали, можно ли почитать на могиле стихи. Господи, как же всех замордовали, что даже студенты спрашивают, можно ли на могиле писателя читать стихи! Встретил Окуджаву и Завальнюка⁷¹ <...> Маленькие поминки устроили на даче у критика Феликса Света⁷². Дождь кончился. Вокруг — радостная, умытая листва. Всем мешал мокрый припавший лёс. Маленькую девочку отправляли спать, а она не шла. Слуцкий грустно пил вино. Булат рассказывал мне об Австралии⁷³. Очень не хотелось уходить с этой террасы... /1, 330–335/

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ:

16 сентября 1968 г.

Синтетика — синтез — синтетично — всё это говорит о сочетании и совмещении разных слагаемых. <...> Что же касается моего личного искусства — поэзии и всего, что в н у - т р и поэзии, то здесь тоже чувствуется стремление — к синтезу, к синтетизму... Увы, как только производишь термин с окончанием «изм» — немедленно становится тошно, как будто ешь мыло. <...>

⁷⁰ Голованов Ярослав Кириллович (1932–2003) — прозаик.

⁷¹ Завальнюк Леонид Андреевич (1931) — прозаик, поэт.

⁷² Имеется в виду Светов Феликс Григорьевич (1927–2002), муж З. Крахмальниковой (о ней см. сн. ²⁰⁸); ему посвящена песня О. «Союз друзей».

⁷³ В начале года О. с Р. Рождественским посетил Австралию, где выступал в университетах.

17 сентября /2/

Есть ещё один термин, более привычный, и, очевидно, он ближе к моему случаю: *синкретизм*. У него богатое прошлое в истории культуры, в истории поэтики особенно. Явление Окуджавы, Новеллы Матвеевой⁷⁴ и других прямо сюда относится. Это люди по меньшей мере двух в равной степени сильных дарований — в области поэзии и музыки одинаково. Одновременное появление таких редких индивидуальностей, очевидно, не случайно, оно отвечает широко распространённой потребности.

Фото М. Пазия

Когда несколько лет тому назад я печатно назвал⁷⁵ Окуджаву современным рапсодом или трубадуром, дураки взъелись на меня. Очевидно, они считали, что «рапсод» и «трубадур» — величины несоизмеримые с нашей современностью, нечто вроде тиранов, богатырей, рыцарей. В их возражениях чулось: «Эх, куда хватил!» И это в высшей степени глупо, даже пошло. А прежде всего — не исторично. Всё написанное здесь я должен развить в статье и сесть за неё поскорее⁷⁶. /1; 174/

Юлий ДАНИЭЛЬ:

27 марта 1969 г.

А пластинку с Окуджавой тебе придётся увезти обратно, потому как этикетка не нравится⁷⁷. /455/

⁷⁴ Матвеева Новелла Николаевна — поэт, бард.

⁷⁵ Имеется в виду статья Антокольского «Отцы и дети». — А. Т. См. сн. ³⁰.

⁷⁶ Такой статьи Антокольский не написал. — А. Т.

⁷⁷ Речь идёт о пластинке песен Булата Окуджавы, которую привёз в Озёрный [место заключения] Александр Даниэль [сын писателя]. Но Ю. Д. не разрешили её получить, поскольку она была выпущена во Франции. — А. Д. Речь идёт о пластинке фирмы «Le Chant du Monde» (1968).

Юрий НАГИБИН⁷⁸:

3 октября 1969 г.

Позавчера выступал в Доме журналистов. Неожиданно приехал Булат Окуджава с неменяемым В. Максимовым⁷⁹. Булат облысел со лба как раз до середины темени. Довольно густые, короткие, курчавые волосы плотно облегали затылок. Анфас они образуют вокруг его головы какое-то подобие тёмного нимба. Булат избалован известностью, при этом неудовлетворён, замкнут и чёрств. Мне вспомнилось, как десять лет назад он плакал в коридоре Дома кино после провала своего первого публичного выступления. Тогда я пригласил его, устроил ему прекрасный дружеский вечер с шампанским и коньяком. Повидимому, он мне этого так и не простил. Во всяком случае, я всегда чувствовал в нём к себе что-то затаённо недоброе. Но не о том я хотел написать, а о том, что между двумя его выступлениями, как между двумя Геллиными⁸⁰ стихотворениями, поместилась вся моя жизнь. /243/

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

<Между ноябрём и 6 декабря> 1969 г.

Партсобрание в Союзе писателей. Занятный термин: «идеологическая диверсия». Бершадский продал в Конго банку чёрной икры. Булат давал интервью⁸¹ не тому, кому нужно. Ну какие же они «диверсанты»? Диверсия — это когда поезд под откос! В Союзе писателей гораздо больше дураков, чем в Союзе журналистов. /1, 383/

⁷⁸ Нагибин Юрий Маркович (1920–1994) — прозаик; ему посвящена ранняя песня О. «Неистов и упрям...».

⁷⁹ Максимов Владимир Емельянович (1930–1995) — прозаик, публицист; после эмиграции с 1974 по 1992 главный редактор журнала «Континент»; упомянут в раннем стихотворении «Песенка о Сокольниках», его дружба с О. закончилась по политическим мотивам. См.: Окуджава Б. Несколько сцен из провинциальной пьесы // Родина. 1991. № 4. С. 70–73; Максимов В. «Возьмёмся за руки, друзья!..» // Кн. обозрение. 1994. № 3 (21 янв.). С. 3; Окуджава Б. «Литературная газета», А. Удальцову. Без копии // Лит. газ. 1994. 15 июля. С. 3.

⁸⁰ Под именем Гелла в дневнике Нагибина значится Б. Ахмадулина, в то время его жена.

⁸¹ Возможно, имелось в виду какое-то интервью одной из западных русскоязычных радиостанций во время заграничной поездки.

Юлий ДАНИЭЛЬ:

10 января 1970 г.

Сообщение о романе⁸² Окуджавы опоздало: я его читал. И тоже нахожу его весьма интересным. Особенно здорово выбрана — во Времени — фигура рассказчика. Всё вместе: время и характер действия и время и позиция повествования — делает роман по-настоящему современным и серьёзным (несмотря на всяческие арабески, впрочем, большей частью остроумные). И тем не менее книга выиграла бы, будь Окуджава строже к историческим реалиям — или если бы он плюнул на них вообще. /547/

Раиса ОРЛОВА⁸³:

20 марта 1970 г.

У Евгения Евтушенко. Вознесенский, Аксёнов, Ахмадулина, Окуджава, Евгения Гинзбург⁸⁴ и мы со Львом⁸⁵. Аннемари⁸⁶ осталась в гостинице, болит голова⁸⁷.

Генрих⁸⁸: «Поймите, за проезд сюда, за встречи с друзьями я вынужден платить, вынужден встречаться с функционерами». — Кто, по-вашему, лучшие советские прозаики?

⁸² Бедный Авросимов: Роман / [Предисл. С. Баруздина] // Дружба нар. 1969. № 4. С. 107–141; № 5. С. 133–198; № 6. С. 103–168. Позднее, в книжном издании был назван «Глоток свободы» (М.: Политиздат, 1971).

⁸³ Орлова Раиса Давыдовна (1918–1989) — критик, литературовед, прозаик; с мужем Львом Копелевым (о нём см. сн. ⁸⁵) эмигрировала в 1980 г.; о них обоих написано стихотворение О. «Я в Кёльне живу. Возле Копелева...»

⁸⁴ Аксёнов Василий Павлович (1932) — прозаик, один из составителей альманаха «Метрополь» (см. сн. ¹⁶⁸); с 1980 г. в эмиграции; Гинзбург Евгения Семёновна (1906–1977) — автор книги воспоминаний о сталинских лагерях «Крутой маршрут. Хроника времён культа личности», распространявшейся тогда в самиздате; мать В. Аксёнова.

⁸⁵ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997), прозаик, переводчик, общественный деятель; ему, по всей вероятности, изначально посвящено стихотворение О. «Прощание с осенью», имеющее в первой публикации посвящение Л. К. (День поэзии. М., 1966. С. 126).

⁸⁶ Аннемари (по другим источникам — Анна Мари) — жена Генриха Бёлля (о нём см. сн. ⁸⁸).

⁸⁷ И далее — поздний коммент.: «Тогда в 1970 г. Евтушенко пригласил на ужин с Бёллем Аксёнова, Ахмадулину, Вознесенского, Таню Слуцкую, Окуджаву, а также Евгению Семёновну и нас» /Р. О., 341/.

⁸⁸ Бёль Генрих (1917–1985) — западногерманский писатель-гуманист, лауреат Нобелевской премии 1972 г.; во время Отечественной войны воевал на Восточном фронте, позже неоднократно бывал в СССР, много печатался по-русски и поддерживал гонимых здесь писателей; после встречи в аэропорту высланного в 1974 г. А. Солженицына стал в СССР персоной нон грата.

Евтушенко: «Платонов... — Потом добавляет. — Зощенко, Булгаков, Бабель, Домбровский».

Белла: «Только Платонов».

Аксёнов: «Проза Мандельштама».

Лев произносит тост: «Двести лет тому назад энциклопедисты верили, что если все станут грамотными, если будут хорошие дороги, по которым будут ходить удобные omnibuses, человечество будет счастливо. Сто лет назад наши основоположники верили, что если отменить частную собственность, то при паре, электричестве, железных дорогах не будет войн и все будут счастливы.

А сейчас мы знаем, что и завоевание космоса, и телевидение не устраняют войн и не приносят счастья.

Но и двести и сто лет назад существовали иррациональные ценности, их воплощает ваше ремесло, их воплощает творчество Генриха Бёлля».

Когда мы уже уходили, Белла Ахмадулина шепнула: «Скажите ему, чтобы он за нас молился».

Странно — за столом сидели люди с всемирной славой: Бёлль, Евгения Семёновна, Аксёнов, Евтушенко, Вознесенский, Окуджава...

Поэты начали читать свои стихи, Лев переводил для Генриха. Когда дошла очередь до хозяина дома, гости заторопились уходить.

...Ещё недавно они были друзьями, а сейчас их отношения далеки от строки из песни Окуджавы, посвящённой Ф. Светову:

Возьмёмся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке...

Они не держатся за руки. Они становятся друг другу всё более чужими...» /161/

Юрий СМЕРНОВ⁸⁹:

22 марта 1970 г. (Из письма М. Левину⁹⁰, Душанбе)

Вот уже десять дней, как я в Ялте⁹¹. Сажу за письменным столом по 10–12 часов в сутки. <...> Весной приеду в Душанбе

⁸⁹ Смирнов Юрий Александрович (1914–1987) — переводчик, тесно сотрудничавший с журналом «Памир».

⁹⁰ Левин Михаил (Минель) Иосифович (1925) — прозаик, поэт; секретарь правления Союза писателей Таджикистана, член редколлегии, затем главный редактор журнала «Памир»; с 1991 г. живёт в Рязани. Его воспоминания публикуются в следующем выпуске альманаха.

⁹¹ В доме творчества писателей.

вместе с Булатом Окуджавой. Я столько рассказывал ему о Таджикистане, что он просто бредит этой поездкой⁹². /191/

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

<1 или 2 июля> 1970 г.

Юбилей журнала «Юность». Сидели своей компанией: Орлов, Ося, Горин, Розовский, Арканов, Зерч, Вознесенский⁹³. Долго беседовал с Булатом. Мне стыдно было признаться ему, что я до сих пор не прочёл его романа. Он может так понять, что я его не люблю, а я его люблю. /2, 28/

<Между 9 августа и 10 сентября> 1970 г.

Авиационный завод «Прогресс» в Арсеньеве. <...> Выступали в огромном сборочном цеху, где стояли четыре вертолёт Ми-24, а для нас построили сцену. Когда подошло время объявлять Роберта, я сказал:

— Товарищи, вы, наверное, читали, что недавно в Югославии наши поэты Булат Окуджава и Роберт Рождественский⁹⁴ были награждены памятными медалями... /2, 33/

Семидесятые

Лев ЛЕВИЦКИЙ:

10 мая 1971 г.

...Вчера смотрел «Белорусский вокзал». <...> Песня о том, что, добиваясь победы, за ценой не постоим, хоть её и написал любимый мной Булат, огорчила меня. Не в цене ли всё дело? Чего стоит победа, если ради её завоевания угроблены тысячи

⁹² По свидетельству родственницы писателя В. И. Сипавиной, совместная с О. поездка в Таджикистан состоялась. В тот год, когда писалось цит. письмо, О. публиковался в Душанбе в качестве прозаика и переводчика стихов таджикского поэта Аминджона Шукухи (*Окуджава Б. Тайные агенты*: Отр. из романа «Старинный водевиль» // Памир. Душанбе, 1970. № 4. С. 24–37; *Шукухи А. Из лирической тетради*: «Неужто, воля, твой огонь угас...»; Сель / Пер. О. // Памир. 1970. № 8. С. 185–188).

⁹³ В. В. Орлов, И. А. Герасимов, Г. И. Горин, М. Г. Розовский, А. М. Арканов, Ю. Л. Зерчанинов, А. А. Вознесенский. — Я. Г. Орлов Владимир Викторович (1936) — прозаик; Герасимов Иосиф Абрамович (1922–1991) — прозаик, драматург; Горин Григорий Израилевич (1940–2000) — прозаик, драматург; Зерчанинов Юрий Леонидович — журналист, сотрудник журнала «Юность».

⁹⁴ Рождественский Роберт Иванович (1932–1994) — поэт.

тех, кто мог бы жить и жить? Ведь даже в последние месяцы войны, когда исход её уже не оставлял ни малейших сомнений, Сталин не берёт жизни подвластных ему людей. /213/

Давид САМОЙЛОВ:

18 февраля 1972 г.

У нас обедал Кома⁹⁵.

Долгий, хороший разговор.

Потом поехали с ним и с Галей⁹⁶ к Копелевым. Там — Бёлль.

Смотреть на него — одно удовольствие. Он с мужеством и с юмором выдержал двухчасовую «пресс-конференцию», где с вопросами о свободе печати на него насквалили, почему-то похоже петушась, русские кавказцы — Булат Окуджава и Фазиль Искандер⁹⁷. /2, 62/

*Фото
В. Крохина*

Раиса ОРЛОВА:

18 февраля 1972 г.

А. и Г.⁹⁸ приехали к нам из редакции «Иностранной литературы» обедать. Они довольны, что у нас никакой торжественности, что мы их не «принимаем», а просто вместе обедаем. Потом

⁹⁵ Кома — Иванов Вяч. Всеволодович (1929), критик, литературовед, переводчик; зять Копелевых.

⁹⁶ Медведева Галина Ивановна — жена Самойлова.

⁹⁷ Искандер Фазиль Абдулович (1929) — поэт, прозаик; ему посвящены песня О. «Быстро молодость проходит, дни счастливые крадут...» и стихотворение «Жизнь как будто ничего...», его воспоминания см.: «Будут петь его лучшие песни...» // Встречи в зале ожидания. С. 179–182.

⁹⁸ Генрих Бёлль и его жена Аннемари.

Генрих с Л. [Копелевым. — *Сост.*] пошли серьёзно, без помех разговаривать в парк.

Вечером собралось почти тридцать человек. И возникло подобие пресс-конференции. Его посадили за стол, остальные разместились на стульях, на диване, на полу. И опять вопросы превращаются в споры. Некоторые очень страстно, напористо наседают на него, — почему на Западе бунтуют молодые? Ведь у них там есть свобода слова, свобода печати, свобода собраний; чего им ещё недостаёт?

Он старается объяснить относительность свободы. «У нас по-настоящему свободные журналисты остались едва ли только на телевидении. Те, кто в газетах, зависят в большинстве своём от издателей, от редакторов, от их партийных покровителей». И снова — беды Африки, Латинской Америки, Азии. Минутами — будто разговор глухонемых. Я слышу мало, отрывками, сную между комнатой и кухней. /163/

Лев ЛЕВИЦКИЙ:

24 марта 1972 г.

...На партсобрании (нам, беспартийным, не положено знать, что там говорится, но слухами земля полнится) в Союзе <...> жучили Булата. Его книга тоже вышла в закордонии. Случилось это, правда, несколько лет назад⁹⁹. Но инквизиторы нападают на жертву не в ту самую минуту, когда обнаружена её провинность, а когда это успешнее всего может послужить высоким педагогическим целям. Чтобы другим неповадно было. При исключении Галича¹⁰⁰ из Литфонда Булат голосовал против. Да ещё произнёс при этом соответствующие слова¹⁰¹. Ему этого не забыли. Ильин потребовал его к себе. Бить себя кулаком

⁹⁹ В 1970 г. у О. в эмигрантском издательстве «Посев» в виде двухтомника вышли переиздания двух его книг, напечатанных там впервые в 1964 и 1968 гг. (Проза и поэзия: Будь здоров, школяр; Промоксис; Стихи и песни. 320 с.; Два романа: Бедный Авросимов; Фотограф Жора. 432 с.). Повесть «Фотограф Жора», названная издателями романом, в России до сих пор не опубликована. О. в 1993 г. в интервью журналу «Библиография» (1994. № 3): «Эта вещь недописана, недоделана — мне она не нравится <...> Это вещь слабая — не стоило её публиковать».

¹⁰⁰ Галич Александр Аркадьевич (1918–1977) — драматург, автор-исполнитель песен, публицист, правозащитник; исключён из Союза писателей СССР в декабре 1971 г., эмигрировал в июне 1974-го.

¹⁰¹ О. не присутствовал на исключении Галича из СП (из Литфонда тот был исключён попутно, автоматически), поэтому, видимо, автор имеет в виду слова, сказанные публично, но в иной обстановке, и пересказанные ему третьим лицом.

в грудь и посыпать главу свою пеплом Булат, естественно, отказался. Это вина номер 1. Есть и вина номер 2. Ильин предупредил Булата, что разговор у них сугубо конфиденциальный и, следовательно, тс-тс, ни-ни. Но не прошло и двух дней, как заграничные радиостанции, вещающие на русском языке, передали то, что происходило в кабинете у Ильина. Последний всё сделал, чтобы великая тайна не вышла за стены его кабинета, а она была разглашена. Следовательно... Виктор Полторацкий¹⁰², выслушав это сообщение, назвал Булата последним подонком. По-моему, он совершенно прав. Если сам Полторацкий — мораль, то Булат, как его абсолютнейший антипод, полное поправление её. Булат повинен ещё в одном прегрешении¹⁰³. Ему позвонил наш-ихний Дин Рид и сказал, что хотел бы встретиться с ним. Этот американский бард написал открытое письмо Солженицыну¹⁰⁴, которое было напечатано в «Литературке». Свободно разъезжающий по миру певец, поющий всё, что ему заблагорассудится, поучает зажатого в тиски русского писателя, как ему надлежит вести себя. Одного факта, что «Литературка» предоставила площадь этому поющему автору для нанесения удара по Солженицыну, вполне достаточно, чтобы уразуметь, что это за птица. Прочитав его литгазетное изделие, ясно видишь, что птица эта — гусь лапчатый. Впрочем, стоп. Нехорошо сравнивать вокального холуя с добропорядочной домашней птицей, состоящей к тому же в близком родстве с царственными лебедями. /260/

8 июня 1972 г.

В прошлый четверг Булата исключили из партии¹⁰⁵. Затянулась эта история несколько месяцев назад. Где-то там, на Западе, издали его книгу, в которую вошло всё то, что не печаталось

¹⁰² Полторацкий Виктор Васильевич (1907–1982) — поэт, прозаик, очеркист.

¹⁰³ Мысль в публикации не закончена. Возможно, О. отказался от встречи с «уважаемым гостем» страны. Рид Дин (1938–1986) — американский исполнитель «песен протеста», отказавшийся от гражданства США и переселившийся в ГДР; выступал с «антибуржуазными» политическими заявлениями, чрезвычайно пропагандировался в «странах соцлагеря», в среде либеральной интеллигенции уважением не пользовался.

¹⁰⁴ Солженицын Александр Исаевич (1918) — прозаик, публицист, лауреат Нобелевской премии (1970); в 1967 в письме к IV съезду писателей требовал отменить цензуру; исключён из СП в 1969 г., в 1974-м выдворен из СССР; в 1976–1994 гг. жил в США; см. также сн. ¹¹⁰.

¹⁰⁵ Партком Московского отделения Союза писателей РСФСР принял решение об исключении О. из членов КПСС «за антипартийное поведение» 1 июня. См. откл. эмигрантской прессы: Булат Окуджава исключён из КПСС и из московской секции; Судьба Б. Окуджавы / Ред. // Рус. мысль. Париж, 1972. 8 июня. С. 1; а также сн. ¹⁰⁹.

у нас. Как водится в таких случаях, какой-то советолог написал к книге соответствующее предисловие¹⁰⁶, а тамошние газеты отрецензировали книгу¹⁰⁷. Булата вызвали в Союз. Уговаривали его написать письмо-отповедь автору вступительной статьи и газетным рецензентам. Булат на это сказал, что готов написать подобное письмо. При условии, что он упомянет и тех отечественных молодцов, которые травят его, мешая нормально работать и существовать. Это условие не было принято. Мы — это мы. Они — это они. Булат на уступки не пошёл¹⁰⁸, и его, как когда-то говорили, вычистили. Руководители в своём репертуаре. Им нужны не инициативные люди, а холуи и шестёрки. /270/

Александр ГЛАДКОВ:

2 июля 1973 г.

...У меня Боря Слуцкий. Интересные рассказы о разном. Всё-таки Боря — это человек, битком набитый «информацией». <...> У Окуджавы все дела в порядке. /1, 617/

23 июля 1973 г.

...Вчера встретил в ЦДЛ Б. Окуджаву. Как всегда, очень тепло с ним здороваемся. Спрашиваю, не выходит ли у него чего-

¹⁰⁶ По свидетельству О. поводом послужила фраза Н. Тарасовой из предисловия к первому изданию 1964 года (см. сн. ⁹⁹): «Коммунисты обманули мальчиков, отравили их воевать, а сами отсиживались в тылу» (подробнее авт. версию о поводе и процедуре исключения см.: *Окуджаву Б.* «...Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить...»). К приведённой О. фразе наиболее близка такая из предисловия: «Повесть эта — <...> достойный памятник павшим на полях сражений российским детям, преступно спровоцированным советской властью идти добровольцами на фронт, в то время как тысячи здоровых и взрослых мужчин, прикрываясь “бронёй”, отлично отсиживались в своих эвакуированных за Урал партийных и иных учреждений» (перепечатку см.: *Тарасова Н.* Булат Окуджаву — современный баян // *Голос надежды*. [Вып. 1]. С. 242–249; Там же на с. 249–269 собраны многочисленные отклики эмигрантской прессы на это предисловие Тарасовой).

¹⁰⁷ Таким «свежим» поводом, если бы он был, могла послужить только рец. на кн. «Два романа»: *Перелешин В.* Новая книга о Декабристах // *Новое рус. слово*. Нью-Йорк, 1972. 13 февр. С. 5. Однако данное издание выходило без предисловия. См. также сн. ¹⁵².

¹⁰⁸ Позднее такое письмо всё-таки было написано: *Окуджаву Б.* В редакцию «Литературной газеты» // *Лит. газ.* 1972. 29 нояб. С. 9. Об этой публикации см. у В. Сидура от 26.04.85; о сожалениях О. по этому поводу см. далее в записях Н. Эйдельмана от 07.10.77 и 04.01.78, а также в соотв. комментарии Ю. Эйдельман (сн. ¹⁵²). Перепечатку текста письма см. в наст. вып. в обзоре: «Биографические статьи в справочниках: Предыстория и современность».

нибудь новенькое. Он даже руками замахал: «Нет, нет! Что вы!...» Это было на ходу, в проходном зале между холлом и буфетом.

Вечером «Немецкая волна» сообщила, что он исключён из партии, но это неверно. Он не исключён¹⁰⁹. Об этом мне говорил Б. Слуцкий, а уж он знает. /1, 619/

20 сентября 1973 г.

...Солженицын назвал более десятка имён представителей «молодой русской прозы», которые, с разными «но», всё же пишут хорошо и честно. Это: Абрамов <...> Окуджава <...>¹¹⁰ Я не со всем списком согласен, но он характерен. /1, 626/

21 декабря 1973 г.

Утром позвонил Саша Кушнер <...> Условились, что пообедаем вместе. <...> Днём после лавки еду в ЦДЛ. Сначала в ресторане народа мало <...> Сидим с Окуджавой и Ваншенкиным¹¹¹. Потом Сашу увлекает Андрей Битов¹¹² <...>

Окуджава пишет мюзикл на сюжет своей повести о слежке за Львом Толстым¹¹³. /1, 645/

¹⁰⁹ Точнее: решение парткома Московского отделения СП РСФСР не было утверждено вышестоящей инстанцией по конъюнктурным соображениям (подробнее см.: Окуджава Б. «Совесть, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство...» / Беседу вёл Л. Сидоровский // Смена. СПб., 1992. 10 марта).

¹¹⁰ «...Со всеми этими оговорками вот ядро современной русской прозы, как я его вижу: Абрамов, Астафьев, Белов, Быков, Владимов, Войнович, Максимов, Можаев, Носов, Окуджава, Солоухин, Тендряков, Трифонов, Шукшин» (Интервью... агентству «Ассошиэйтед Пресс» и газете «Монд»: М., 23 авг. 1973 // Солженицын А. Бодался телёнок с дубом: Очерки лит. жизни. Paris: Ymca Press, 1975. С. 592).

¹¹¹ Кушнер Александр Семёнович (1936) — поэт; ему посвящено стихотворение О. «Хочу воскресить своих предков...», см. также стихотворение о нём «Ленинград»; его воспоминания см.: Несколько слов о Булате // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века. С. 70–72. Ваншенкин Константин Яковлевич (1925) — поэт; ему посвящена поэма О. «Жизнь охотника»; его воспоминания см.: В Тарханы! Точный ход; Кто сочиняет анекдоты // Ваншенкин К. Писательский клуб. М.: Вагриус, 1998. С. 302–306, 431; «Привет, это Булат!» // Встречи в зале ожидания. С. 113–123.

¹¹² Битов Андрей Георгиевич (1937) — прозаик.

¹¹³ Идея написать мюзикл по повести Б. Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» не осуществилась. Книга была издана в 1975 г. — С. III. Данный комментарий ошибочен. В действительности впервые повесть была опублик.: Дружба нар. 1971. № 12. С. 88–199; также О. была написана пьеса «Мерси, или Старинный водевиль», поставленная Ленинградским театром музыкальной комедии в 1974 г.; большинство песен к спектаклю опублик.: Окуджава Б. Милости судьбы: Новая кн. стихотворений. М.: Моск. рабочий, 1993. С. 146–165.

Давид САМОЙЛОВ:

6 января 1974 г.

Приезжала Маро Маркарян¹¹⁴. Юра Левитанский и Булат Окуджава.

Б. увлечён автомобилизмом. Мил, серьёзен. Стихов, говорит, не пишет. /2, 68/

Игорь ДЕДКОВ¹¹⁵

24 марта 1974 г., <Кострома>

Вечером — вечер поэзии в филармонии. Окуджава. Также М. Квливидзе¹¹⁶, Е. Храмов, А. Николаев. Два поэта, один стихотворец-профессионал (Е. Храмов) и стихотворец-комиссар (А. Николаев): кожаная куртка, осуществляет присмотр и уравнивает своей идейностью «безыдейность» Окуджавы (т. е. другую идейность).

«Молитва Франсуа Вийона», «Моцарт», «Полночный троллейбус», «Лёнька Королёв», песня из «Белого солнца пустыни», «Капли датского короля» (читал), «Вы слышите, грохочут сапоги». На душе было печально, многое старое поднимается, да и новое с горечью. Знаю, ездит, читает, поёт: от Костромы до Австрии. Но трогает до слёз. Особенно «Вийон». /159/

Лев ЛЕВИЦКИЙ:

5 июля 1974 г.

...Завтра Боре Балтеру¹¹⁷ было бы 55. <...>

Сколько добра Боря сделал разным людям. Без него вряд ли попали бы в «Тарусские страницы» Булат и Володя Максимов. Как никто другой из нашей литературной братии, он помогал своим товарищам чем только мог. Уверен, что все, кто хоть немножко были знакомы с ним, любили его. Было за что. /347/

¹¹⁴ Маркарян Маро Егишевна (1915–1999) — армянский поэт.

¹¹⁵ Дедков Игорь Александрович (1934–1994) — критик, публицист.

¹¹⁶ Квливидзе Михаил (Миха) Георгиевич (1925) — грузинский поэт, стихи которого переводил О.; был дружен с ним, ему посвящена «Грузинская песня» О.

¹¹⁷ Балтер Борис Исаакович (1919–1974) — прозаик, известен повестью «До свидания, мальчики», впервые опубл. в сб. «Тарусские страницы» под загл. «Трое из одного города»; был дружен с О., ему посвящены стихотворения О. «До свидания, мальчики» и «На смерть Бориса Балтера».

Раиса ОРЛОВА:

В 1974 году я обратилась ко многим писателям с вопросом: «Какое место в вашей жизни имела американская литература?»

Многие из отвечавших писали о Фолкнере:

... *Булат Окуджав*

«Прошёл через увлечение О'Генри, Лондоном, Драйзером, Хемингуэем, Апдайком. Они все очень основательно во мне побушевали, но со временем потускнели, остались Сетон-Томпсон, Фолкнер, Вулф». /136–137/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

3 января 1975 г. Дубулты

Недельный «Новый год», чудное пение Окуджавы («Император», «Страна дураков», «Господа юнкера»¹¹⁸). Мотор — Миша Козаков; заводной, талантливый; необыкновенное чтение «Руслана и Людмилы»; Бродского («Постум», «Фауст», американских стихов). Рассказы Ю. Эдлisa¹¹⁹. Любовь сына Щёлокова¹²⁰ к 1-й московской валютчице Нонне — его отправили секретарём в Австралию. Рассказ Жукова, как Сталин его вызвал командовать Парадом Победы, и Жуков в Манеже неожиданно видел попытки Сталина влезть на лошадь и понял, что Сталин ему не простит. Бросил: «Принимай парад!» *Хотел на белом коне!*

Когда Жукова сняли, он сразу развёлся с женой и ушёл к своей Галине.

Молотов любил есть рыбные консервы из коробки, один за столом.

¹¹⁸ Среди упомянутых — новые песни «Не прячьте Ваши денежки...» из тф. «Приключения Буратино» (Беларусьфильм, 1975) и «Господа юнкера» из кф. «На ясный огонь» (Мосфильм, 1975; Песня датировалась автором тем же годом).

¹¹⁹ Козаков Михаил Михайлович (1934) — актёр театра и кино, тещ, режиссёр; ему посвящено стихотворение «Приносит письма письмоносец...»; его воспоминания см.: *Козаков М. О поэтах и поэзии // Три Михаила — Три Козаковы: Жизнь трёх поколений. М.: Ругена, 1999. С. 480–492. Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) — поэт, лауреат Нобелевской премии; эмигрировал в 1974 г. в США; ему посвящено стихотворение «На странную музыку сумрак горазд...». Эдлис Юлиу (Юлий Филиппович; 1929) — драматург, прозаик; его воспоминания см.: Четверо в дублёнках и другие фигуранты: Свидетельства очевидца; Записки недотёпы. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2003. С. 18–30 и др.*

¹²⁰ Щёлоков Виктор Анисимович (1910–1984) — в 1968–1982 министр внутренних дел СССР; уличённый в злоупотреблениях служебным положением и лишённый звания и наград, покончил жизнь самоубийством; его сын Игорь, выпускник МГИМО, до 1982 г. член бюро ЦК ВЛКСМ.

Прекрасные прозаические новеллы Окуджавы: а) о том, как его разоблачали в Лефортове б) о птичьем семействе, которое он зазвал к себе и познакомил с американцем в) как в Калужской губернии ему, учителю, объявили тему «Частная жизнь Александра I»¹²¹, как он приударял за красивой, преглупой и прелебной ученицей — а она мечтала идти в кино, и он подумал — как грустно: Тамара Сёмина¹²². /112–113/

9 января 1975 г.

Прощание; замерзающее море; последний вечер Окуджавы, «Возьмёмся за руки, друзья...» /113/

Лев ЛЕВИЦКИЙ:

19 апреля 1976 г.

...Общими усилиями удалось убедить Рекемчука провести панихиду [по А. К. Гладкову. — *Сост.*] в нашем клубе. <...> Администраторы клуба были против панихиды по своим причинам. В субботу намечен был вечер Булата¹²³, выручка за который должна уйти в фонд пятилетки. Цедеэловские дамы всплескивали руками и, изображая на своём лице брезгливый ужас, твердили: «Похороны, гроб, венки, а рядом живая писательская очередь — нет, это невозможно». <...>

Подъехали к Союзу. Внести гроб было некому, и мы обратились за подмогой к мальчикам, стоявшим в очереди за билетами на Окуджаву. Часам к 12 стали приходить люди... /375, 378/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

10 октября 1976 г.

Чудный вечер у Б. Окуджавы. Юлик¹²⁴ и я. «Мансарда». Булат дарит мне солдатскую пряжку, пуговицу и пластинку; исполняет «Я пишу исторический роман» и читает ещё не сделанную песню о том, что надеется войти в кабинеты начальни-

¹²¹ Возможно, ошибка: осенью следующего года О. опубликовал рассказ «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова» (Лит. газ. 1976. 27 окт. С. 7).

¹²² Сёмина Тамара Петровна — киноактриса, нар. арт. России.

¹²³ 17 апреля.

¹²⁴ Здесь и далее у Эйдельмана: Крелин Юлий Зусманович (1929) — врач; прозаик; его воспоминания см.: Кепка Окуджавы // Крелин Ю. Извивы памяти: Врачеб. свидетельство. М.: Захаров, 2003. С. 207–210 и др.

ков — Юры, Беллы, Фазиля¹²⁵. Оля¹²⁶ спрашивает, исторический ли роман написал Булат? Ощущение таланта; вот я в него влюблён!¹²⁷ /136/

25 ноября 1976 г.

...Мысль Оли Окуджавы, что всё у меня выходит слишком просто¹²⁸. /139/

Нина ГОРДОН¹²⁹:

2 февраля 1977 г.

В машине — туда и обратно — [К. Симонов] «пускал музыку», записанную на плёнку песню Окуджавы «Бери шинель, по-

¹²⁵ В песне О. «Кабинеты моих друзей» упомянуты Юрий Левитанский, Белла Ахмадулина и Фазиль Искандер, его «литературные друзья».

¹²⁶ Оля, Ольга — здесь и далее: Ольга Арцимович (см. сн. ⁵¹).

¹²⁷ Из этой дневниковой записи видно главное в отношении Натана к Булату: удивительная нежность, бережность, деликатность, я бы сказала, трепетность. Натан считал, что Булата легко уязвить, огорчить. Он никогда не позволял себе обращаться к нему хоть с какой-то просьбой. Как мы ни стремились лишний раз послушать Булата, Натан ни за что не соглашался позвонить ему с просьбой о билетах, если нельзя было их купить. Когда Натан написал книгу о Пушкине для Политиздата «Большой Жанно» в несвойственном ему беллетристическом жанре, редактор издательства Алла Пастухова прозорливо полагала, что книгу ждут неприятности, и хотела избежать их, предварив повествование предисловием Окуджавы. Думаю, она договорилась об этом с Булатом, но требовалось, чтобы Натан сам ему позвонил с этой просьбой. Натан наотрез отказался. «Он же прекрасно к Вам относится, всегда тепло о Вас говорит, он не откажет Вам». «То-то и оно, что не откажет, — хмуро сказал мне Натан, когда я присоединилась к уговорам Аллы, — вероятно, он в самом деле ко мне неплохо относится. А если он занят? Или у него нет настроения? Да просто не хочет? Я себе никогда не прощу, что причинил ему неудобство». Так и вышла книга без предисловия Булата и приняла свою хулу. Всякая встреча с Булатом была для Натана радостным событием, хотя виделись они редко, чаще перезванивались. Однажды, узнав о сугубо личных переживаниях Булата, Натан впал в неистовство и кричал мне: «Как они смеют его мучить! Он наше национальное достояние!» Слушать Булата Натан мог бесконечно. Помню, мы однажды были у него дома и он спел новую песню «Все они красавцы, все они поэты...» [«Батальное полотно»]. Натан впал в шенячий восторг и попросил спеть второй раз. Растроганный Булат сказал: «Я посвящу её тебе». Когда стихи были опубликованы, там стояло посвящение Ахмадулиной. Я расстроилась, Натан надо мной смеялся: «Какая ты тщеславная, тебе бы только моё имя увидеть! А мне радостно, что у Булата появилось желание связать эти прекрасные строки со мной, это я буду помнить всегда» (но, по-моему, он тоже огорчился). /Ю. Э., 136–137/.

¹²⁸ Она говорила о том, что, когда Натан рассказывает о своих архивных находках, то получается очень просто: «пришёл, сел и нашёл новый документ». — Ю. Э.

¹²⁹ Гордон Нина Павловна (1944–1979) — многолетний литсекретарь К. Симонова.

шли домой...»¹³⁰ Очень ему нравится эта песня — и слова, и музыка. Мне тоже. /334/

Вадим СИДУР¹³¹:

25 июля 1977 г., Москва (Из письма К. Аймермахеру).

...Между всеми этими делами, работой в Алабине и мастерской, ухитряемся ещё вести светскую жизнь. Когда Фриц

Портрет работы Б. Биргера

Плайтген¹³² покидал Москву, на теплоходе «Максим Горький» был устроен приём по этому поводу. Т. к. теплоход плыл по Москве-реке, никто из гостей не смог сбежать до самого конца этих торжественных проводов. Погода была жуткая. Беспрерывно лил отвратительный холодный дождь. Присутствовавшие на этом ковчеге довольно чётко разделились на чистых и нечистых. Окуджава, Войнович, Искандер¹³³, Биргер¹³⁴, Дорис¹³⁵ и мы

¹³¹ Сидур Вадим Абрамович (1924–1986) — скульптор-нонконформист, участник Великой Отечественной войны, был тяжело ранен.

¹³² Плайтген (Pleitgen) Фриц Фердинанд (1938) — журналист, общественный деятель, в 1970–1977 гг. корреспондент государственных программ *ARD* и *WDR* западногерманского радио- и телевидения в СССР, позже — в ГДР и США. В 1988–1993 гг. главный редактор, а в 1994–1995 гг. директор *WDR*. С 1995 г. интendant (управляющий) *WDR*, а также директор *ARD*. Одновременно председатель влиятельного Копелевского форума и Фонда им. Л. Копелева. — *В. В.*

¹³³ С упомянутыми писателями Сидур был дружен. В его мастерскую они приходили ещё в 1950–1960-е гг. — *В. В.* Войнович Владимир Николаевич (1932) — прозаик; в 1974 г. исключён из СП, в 1980 г. эмигрировал; ему посвящено стихотворение О. «О фантазии на темы...».

¹³⁴ Биргер Борис Георгиевич (1923–2001) — художник-нонконформист, участник Великой Отечественной войны, член МОССХ с 1954 г. (в 1968–1974 гг. был исключён из союза), его произведения неоднократно подвергались официальной критике; с 1990 г. жил в ФРГ. — *В. В.* Был дружен с О., в 1978 г. написал его портрет (см. ил.).

¹³⁵ Шенк (Schenk) Дорис (1937) — в то время советник по науке посольства ФРГ в Москве. Сейчас референт Восточно-европейского отдела Немецкого научно-исследовательского общества (*DFG*). Очень много сделала для развития культурных и научных связей между ФРГ и Россией. — *В. В.*

с Юлей¹³⁶, захватив тарелки и бутылки, спустились в очень уютный салон, расположенный на носу теплохода. Мрак за окнами и овальный стол посередине салона живо напомнили нам подвал и те времена, когда многие из вышеперечисленных собирались там за таким же овальным столом. Несколько позже к присутствующим присоединился Р. Медведев¹³⁷. Дополняла и украшала компанию наша общая приятельница Акелай Зель¹³⁸. Сам посол¹³⁹ в конце концов удостоил наш салон своим посещением. Демократичный, как Дж. Крамер¹⁴⁰, он выпил с присутствующими водки и с каждым побеседовал. /106–107/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

27 июля 1977 г. Ленинград

...Песня Окуджавы. «Она нам сестра, мы её восхищённые братья (торопливые судьи)»... Но трудно поверить, что жизнь коротка... /153/

12–14 сентября 1977 г. Коктебель

...Рассказ Борина о выборах в правление ССП. Евтушенко дал отвод Ардаматскому: приняли Шолохова, как немосквича — отвергли. Крик «Окуджаву!» Окуджава вышел и чётко сказал, что как член партии он подчиняется партдисциплине, а партгруппа его не выдвинула. Михалков¹⁴¹ выражает удовлетворение; Булат сверкнул глазом — «А я не для того, чтобы доставить Вам удовольствие». /156/

¹³⁶ Жена Вадима Сидура Юлия Нельская в 1960–1970-х гг. работала учительницей французского языка и была классным руководителем в московской специальной средней школе № 18. — В. В.

¹³⁷ Медведев Рой Александрович (1925) — писатель, историк; участник диссидентского движения.

¹³⁸ Зель (Sell) Акелай — переводчица посольства ФРГ в Москве. Увлекалась изобразительным искусством, сама пыталась рисовать, и в итоге объявила себя художником. — В. В.

¹³⁹ Век Ханс-Георг (Dr. Hans-Georg Wiek; 1928) — посол ФРГ в СССР с июня 1977 по 1980 г.

¹⁴⁰ Западногерманский галерист. — В. В.

¹⁴¹ Михалков Сергей Владимирович (1913) — поэт, автор трёх редакций гимнов СССР и России; функционер, в 1970–1990 гг. был председателем правления СП СССР.

Валентин КУРБАТОВ¹⁴²:

23 сентября 1977 г. (Из письма В. Астафьеву¹⁴³).

Огромное спасибо за книгу! Я как раз сейчас опять поминую «Царь-рыбу» в новом сочинении, которое ещё Бог весть как напишется и кому подойдёт — речь в нём пойдёт о «медленной» прозе, и рядом с Вами будут стоять, как это ни покажется причудливо, Булат Окуджава с «Путешествием дилетантов» и Георгий Семёнов¹⁴⁴ с «Вольной натаской». Сейчас объяснять ничего не стану, да и не смогу — в двух словах. Может быть, ещё и не выйдет ничего, но смысл простой, что понемногу утверждается несуетливая проза, которая решается всякое предложение договорить до конца, хотя читатель торопится и уверен, что схватит мир скорее, чем невыносимо подробный писатель, пока не начинает замечать своего перестроившегося зрения, выравниваемого дыхания и усложнившихся отношений со временем, в котором, как он считал, ему все понятно.

Пишу без литературоведческих оглядок и даже и не статью, а просто запись мимолётных мыслей и переживаний. На Западе это называется «эссе». У нас не называется никак и не принимается. Но раз хочется написать — напишу¹⁴⁵. /82/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

7 октября 1977 г.

Вчера с Юликом у Окуджавы: он унижен старым покаянием¹⁴⁶ и всё время возвращается к старой теме — как бы отомстить, но самому не погореть (и на эту тему сочиняет повесть из 1812 г., — где помещик тщательно продумывает безжалостное убийство Наполеона, и кончается безумным покушением на первого попавшегося француза)¹⁴⁷. Окуджавская мысль (всё

¹⁴² Курбатов Валентин Яковлевич (1939) — критик, литературовед; живёт в г. Пскове.

¹⁴³ Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) — прозаик; ему посвящены стихотворения О. «Ворон над Перedelкином чёрную глотку рвёт...» и «В день свадьбы золотой» (в собрание «Новой 6-ки поэта» не вошло); его отклик на смерть О. см.: *Астафьев В. Поэт поёт для вечности* // Спец. вып. [Лит. газ.]. 1997. [21 июля]. С. 3.

¹⁴⁴ Семёнов Георгий Витальевич (1931–1992) — прозаик.

¹⁴⁵ См.: *Курбатов В. Даль свободного романа* // Лит. обозрение. 1978. № 3. Об О.: С. 19–23.

¹⁴⁶ См. см. ¹⁰⁸ о его письме в «Литгазету» 1972 г.

¹⁴⁷ По-видимому, первоначальный замысел романа «Свидание с Бонапартом» (сент. 1979 — февр. 1983).

из «гордой серии») — что дворянство не погибло: само ушло! (стихи... про «обосранное пространство»¹⁴⁸). Разговоры Юлика и Булата об Ильине: даже такой шеф устроил бы... /158/

20 октября 1977 г.

...Рождественский, А. Вознесенский, Окуджава, Высоцкий, М. Сергеев, Сулейменов, Коротич — в Париж¹⁴⁹. Мне стыдно моей зависти. /158/

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

<Поздняя запись о событиях 1977 года>

Понял, что с игровым кино мне не везёт: как и предыдущий сценарий — «Кузнецы грома», как и последующий — «Контакт», сценарий «Мы идём за солнцем» не был поставлен. Из Лиссабона уже через три недели после моего возвращения в Москву — 27 мая 1977 г. — пришла «Программа сотрудничества в области культуры и науки между СССР и Португалией», в которой параграф 22 был посвящён фильму о Магеллане. Станислав Иосифович Ростозкий, большой начальник на студии им. Горького, обещал мне, что фильм вот-вот запустят в производство. Помню, я даже уговаривал Булата Окуджаву написать для него песню... /2, 286/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

4 января 1978 г.

У Булата Окуджавы: Англия, Белфаст, палата общин, Вильсон, фотоальбомы — особенно Александра Фёдоровна, её

¹⁴⁸ Возможно, имеется в виду четверостишие: «Чтобы известным стать, // не надобно горенье, // а надо обосрать // известное творенье» (впервые в ст.: Окуджава Б. «Только Бог когда-нибудь скажет, кто первый, а кто последний» // Веч. клуб. 1992. 21 марта. С. 4; в собрание «Новой 6-ки поэта» не вошло).

¹⁴⁹ Упомянуты: Высоцкий Владимир Семёнович (1938–1980) — бард, поэт, актёр театра и кино; Сергеев Марк Давидович (1926–1997) — иркутский поэт; Сулейменов Олжас Омарович (1936) — казахский поэт; Коротич Виталий Алексеевич (1936) — украинский поэт и переводчик. Имеется в виду предстоящее выступление советских поэтов в Париже. Запись Э. ставит под сомнение версию О. (см.: Голос надежды. Вып. 2. С. 132) о том, что Владимир Высоцкий попал в число участников этого выступления экспромтом; при показе по советскому телевидению сюжета об этом событии его фамилию не упомянули, но он был назван в газетной публикации: Советские поэты во Франции / Р. Рождественский, Л. Робель, Б. Окуджава и др.; [Записал] Л. Замойский // Лит. газ. 1977. № 46 (16 нояб.). С. 15. В число участников выступления входил также армянский поэт Р. Н. Давоян.

взгляд с корабля на русский берег¹⁵⁰. У Окуджавы совсем другой взгляд на вещи: рассматривание лиц на старом альбоме; маленький снимок одного бала около 1900 г.: «все умерли!» Присматривается к темам около 1900 г. Но — внутри элемент старого унижения. Чаковский¹⁵¹ — на «ты» — в Париже: «Вот видишь, я оказался прав»¹⁵². Окуджава резко отвечал на бодрое письмо школьников, приглашавших «ударить по нытикам и мещанам». Основная идея его ответа — ищите мещанина в себе, и особенно нечему радоваться... /162–163/

Майкл ФРЕЙН¹⁵³

13 апреля 1978 г. (Из письма Дж. Робертсу)¹⁵⁴

Мы сказали Косорукову¹⁵⁵, что хотели бы встретиться с Аксёновым, Окуджавой, Искандером и Войновичем. <...> Нам сказали, что Аксёнова мы можем как-нибудь встретить на обеде в британском посольстве. Косоруков категорически отказался помочь нам познакомиться с Войновичем, поскольку тот исключён из Союза. Окуджава оказался нездоров. На другие просьбы вообще не последовало никакой реакции. Мы напомним

¹⁵⁰ Имеются в виду рассказы о посещении О. Великобритании с выступлениями в ноябре 1977 г.

¹⁵¹ Чаковский Александр Борисович (1913–1994) — прозаик; в 1962–1988 гг. главный редактор «Литературной газеты».

¹⁵² У Окуджавы вышла книга на Западе, и от него требовали осуждения издателей, грозя всякими карами за непослушание. В конце концов Булат Шалвович написал очень сдержанное, краткое письмо, опубликованное в «ЛГ», где признавал, что никому не давал разрешения на издание. Он сразу же начал переживать из-за того, что его принудили к такому поступку, видел в нём попрание своего достоинства и осуждал себя, что не смог сопротивляться, не устоял, сдался. — Ю. Э. Подробный рассказ О. об этой истории и об участии в ней Чаковского см.: Окуджава Б. «...Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить...»; Окуджава Б. «Совесь, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство...». Ср. также рассказ А. Гладилина об этом: Хроника времён Анатолия Гладилина / Беседу вёл В. Прокофьев // Труд. 2001. 4 апр.

¹⁵³ Фрейн Майкл (1933) — английский прозаик, драматург, переводчик; его пьеса под русским названием «Театр» широко ставилась в театрах СССР. Речь в письме идёт о его (совместной с писателями К. Томалин и М. Дэвисом) официальном визите в нашу страну в марте–апреле 1978 г.

¹⁵⁴ Робертс Джон — в 1973–1993 гг. директор Ассоциации «Великобритания–СССР», в те дни также находился в Москве; сопредседатель попечительского совета Библиотеки иностранной литературы (Москва).

¹⁵⁵ Косоруков Александр Александрович (1931) — литературовед, переводчик; с 1953 г. на должностях в области по «культурным связям с заграницей»; в 1967–1987 гг. председатель Иностранной комиссии СП СССР.

нили о них Мельникову¹⁵⁶ во время поездки, и перед нашим отъездом за обедом в писательском клубе он сказал, что договорился о нашей встрече с Искандером. Искандер, когда мы увиделись с ним вечером, рассказал, что у него сложилось чёткое впечатление, будто Мельников хотел, чтобы он отказался¹⁵⁷. /305/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

17 сентября 1978 г.

Вечер у Козакова; артист Косталевский (Анненков)¹⁵⁸ + Булат с Олей. Рассказы, трёп — советский¹⁵⁹ вечер в лучшем виде! Булат, который кается, что не помнит ни стиха — и просит Ваншенкина почитать. Хвалит переводы Ю. Мориц¹⁶⁰ из Вергилия. О Высоцком: человек не своей жизни (его общество). Только в Париже — близки. Таксисты не отзываются на призыв Булата — но при виде Высоцкого — тут же, тут же...¹⁶¹ Булат с ужасом вспоминает вечер у каких-то «богачей». Разговор был славный — о Лермонтове, в частности. Наедине с тобою, брат... Булат жалуется, что видит себя со стороны — пьяным... Его первые стихи напечатал Андроников в 1945 г.¹⁶² Затем — в журнале

¹⁵⁶ Мельников Анатолий Сергеевич (1933) — прозаик, переводчик; в то время сотрудник Британского отдела Иностранной комиссии; ездил в Великобританию в качестве «опекуна» писателей. Дж. Робертс пишет о нём: «Складывалось впечатление, что его больше интересуют магазины, а не литературные дела».

¹⁵⁷ В тот же вечер нас с Майклом Дэвисом принимал совершенно здоровый Окуджава. — *Прим. Дж. Р.* В его книге есть такой эпизод: «Рассказывая об этой поездке в Москву, Ленинград и Ереван, Майкл Дэвис жалел, что большинство встреч с русскими писателями носили формальный характер, кроме одной — когда его пригласили на ужин в честь моего дня рождения, устроенный Окуджавой и его женой. Там был ещё Давид Боровский из Театра на Таганке...» /202/.

¹⁵⁸ Верно: Костоловский Игорь Матвеевич (1948) — актёр театра и кино, исполнитель роли декабриста Анненкова в кф. «Звезда пленительного счастья», в котором звучит «Песенка кавалергардов» О. на музыку И. Шварца.

¹⁵⁹ Вероятно, опечатка: *светский*?

¹⁶⁰ Мориц Юнна Петровна — поэт, переводчик; ей посвящено стихотворение О. «Среди терни и незабудок...».

¹⁶¹ Имеется в виду эпизод, когда О. не смог уговорить ни одного из скучающих у Театра на Таганке таксистов ехать на короткое расстояние, но на голос подошедшего Высоцкого они кинулись сделать это наперебой (его рассказ см.: Портрет — из воспоминаний: Булат Окуджава о Владимире Высоцком / Беседу вела А. Алова // Комсом. правда. Вильнюс, 1987. 9 апр.).

¹⁶² Первые публикации О. были в ежедневной армейской газете Закавказского фронта «Боец РККА» от 15 и 24 июля 1945 г. под псевдонимом А. Долженов. В 1997 году О. рассказал: «Кто бы меня напечатал? Сына врагов народа. <...> Это благодаря Андроникову вышло. Он у них там литературой заведовал. Ну, потом уж под своим именем печатали...» (*Босенко В.* Поэт начинался так... // Лит. вестн. 1999. Апр.). Андроников Ираклий Луарсабович (1908–1990) — литературовед, мастер устного рассказа, нар. арт. СССР; во время Отечественной войны — армейский журналист, с 1943 по 1945 гг. работал в газете «Боец РККА».

Заря Востока¹⁶³ — 200 р.; Бродский искал Булата во Франции, чуть не встретились в Англии. Рассказ Булата, как он волновался, видя в Калуге первого писателя в жизни — Мишу Львова¹⁶⁴ и как тот рассеял волнение вопросом о какой-то девице. /178/

Юрий НАГИБИН:

17 октября 1978 г.

...Одиннадцать лет назад <...> я был на пороге новой жизни: только что освободился от Геллы, сблизился и расстался с Аллой, не ведая, что это моя судьба. Мне нужно было пройти через Любанчика и весь тусклый разгул, чтобы раз и навсегда соединиться с собой окончательным. И как всё изменилось за эти одиннадцать лет! Не стало мамы и Я. С., Антокольских и Правдиных, уехали Кауль и Мурад с Шушей, исчезли из моей жизни Россельсы, Галя Нейгауз, Окуджава, Салтыков, Левитанский, почти исчезла Лена и многие, многие другие. /361–362/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

Двадцатые числа октября 1978 г.

...Порадовался за Б. Окуджаву «Путешествие дилетантов» в 9 № ДН¹⁶⁵ — грустно, иронично: бегство, прекрасные разговоры Лавинии о любви, Тифлис — «эхма, сказал ямщик с яростью и отчаянием, но из-за сильного ветра донеслось только «чаяние»». /180/

¹⁶³ Первые публикации О. в Москве (после калужских) были в газетах и журналах: «Комсомольская правда» (1957. 22 апр. и 1 мая); «Молодая гвардия» (1957. № 4); «Знамя» (1957. № 9); «Литературная газета» (1959. 29 окт.) и др. Возможно, имеется в виду рассказ О. об истории публикации в номере журнала «Звезда Востока» (1967. № 3. С. 102–106), гонорары от которого направлялись в фонд разрушенного землетрясением Ташкента; тогда цензуру неожиданно легко прошли произведения, которые авторам долгое время не удавалось напечатать в других изданиях; у О. там опубликованы стихотворения: «Размышления возле дома, где жил Тициан Табидзе» («Берегите нас, поэтов, берегите нас...»); «Мгновенно слово. Короток век...»; «Есть армия врагов...»; «Баллада о пшене» («Фронтная дорога тряская...»); «Одна морковь с заброшенного огорода» («Мы сидим, пехотные ребята...»); «Я никогда не витал, не витал...»; «Двадцатый век, ты — странный человек!...».

¹⁶⁴ Львов М. Д. — см. сн. ⁶⁸.

¹⁶⁵ В журнале «Дружба народов» впервые была опубликована вторая книга романа «Путешествие дилетантов» (1978. № 9. С. 69–120; № 10. С. 66–120). Первая книга опубликована там же. 1976. № 8. С. 98–157; № 9. С. 31–162.

Игорь ДЕДКОВ:

30 ноября 1978 г.

...В какой-то миг на сегодняшней прогулке, пролетая над ноябрьскими лужами, я подумал, что мы все, снующие в этих вечерних сумерках, ничего не можем, и даже немислимая, кажется, война тотчас предстанет мыслимой, если того захотят управляющие. Мы живём и надеемся на жизнь, исходим из этой надежды, но призрачность этого покоя, самой возможности жить, иногда становится пугающе ясной. И сопровождается эта ясность чувством бессилия и беспомощности. Прямо по Окуджаве. /229/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

2 февраля 1979 г.

Разговор с Окуджавой. Говорю, что — убил Павла. — Не ты первый. — Не я последний. /187/

Валентин КУРБАТОВ:

6 февраля 1979 г. (Из письма В. Астафьеву).

Написал было статью о нарциссизме современной прозы¹⁶⁶, мучился над ней, времени потратил уйму, а оказалось, что имена избрал не те — Катаев¹⁶⁷, Окуджаву, Аксёнов, Битов. Все как на подбор из неприступных то с одной стороны, то с другой, и ещё этот чёртов «Метрополь»¹⁶⁸. И теперь уж неизвестно, когда выпадет возможность над статьёй поработать, а не над цветными стекляшками рецензий. /98/

Давид САМОЙЛОВ:

Первая половина февраля 1979 г. (Из письма Л. Чуковской¹⁶⁹).

...В первом номере «Дружбы народов» очень хороший рассказ Фазиля Искандера из серии «Сандро из Чегема». Проза Окуджавы¹⁷⁰ показалась мне жеманной. /Переписка, 108/

¹⁶⁶ См.: Курбатов В. В жанре жизни // Дружба народов. 1980. № 6. Об О. см.: С. 239.

¹⁶⁷ Катаев Валентин Петрович (1897–1986) — прозаик; функционер СП.

¹⁶⁸ «Метрополь» — неподцензурный литературный альманах, вышедший в конце 1978 г. сначала в самиздате, затем факсимильно в ФРГ (1979) и позже типографским способом в США. В СССР впервые: М.: Текст, 1991. Аксёнов и Битов были среди его составителей и участников. См. также сн. ¹⁷⁸.

¹⁶⁹ Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996) — литературовед, прозаик, публицист; правозащитник.

¹⁷⁰ См.: Окуджаву Б. Отдельные неудачи среди сплошных удач: Рассказ // Дружба нар. 1979. № 1. С. 109–117.

3 мая 1979 г. <Москва¹⁷¹>

1-го были дома. <...> Потом у Юры — Булат. На следующий день похмельная тоска.

2-го утром заходил Булат.

Последние мои стихи ему понравились. Сам стихов почти не пишет.

Артистичен и утрясен, по крайней мере внешне. Вальжен и немного важен. /2, 125/

18 мая 1979 г. <Москва>

Пел у нас чудесный Юлик Ким¹⁷². Глинки, соседи Антоновы, Лукин¹⁷³.

Зашёл важный Окуджава /2, 126/.

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

29 мая 1979 г.

Длинный рассказ Булата о Штатах¹⁷⁴: его покупки: шарики, искусственный шахматист «Борис». Атака на него Марка Поповского и защита Коржавина¹⁷⁵. Два дня с ним, с Бродским.

¹⁷¹ С мая 1976 г. Самойлов с семьёй постоянно проживали в г. Пярну (Эстония).

¹⁷² Ким Юлий Черсанович (1936) — бард, поэт, драматург; ему посвящены стихотворения О. «Ну чем тебе потрафить, мой кузнецик?...» и «Вот приходит Юлик Ким и смешное напевает...», а также ст.: *Окуджава Б.* Запоздалый комплимент // Лит. газ. 1985. 3 апр. С. 8; его мемуарные свидетельства и отклики на смерть О. см.: *Ким Ю.* Ответный комплимент // Авт. песня. 1994. № 2 [май]. С. 3; *Ким Ю.* Дорогой наш Булат // Вагант-Москва. 1997. № 4–6 (апр. — июнь). С. 2–3; *Ким Ю.* Душа в заветной лире // Новая газ. 1997. 16–22 июня (№ 24). С. 1, 13.

¹⁷³ Вероятно, Глинка Ирина Глебовна, скульптор, дочь поэта-эмигранта Г. Глинка, с кем-то из родственников; а также: семья Антонова Сергея Петровича (1915–1995), прозаика и драматурга, активного участника позорного собрания московских писателей 31 окт. 1958 г., одобрявшего исключение Б. Пастернака из Союза писателей, московского соседа Самойлова по дому № 5 в Астраханском пер.; О. подписал его некролог (Лит. газ. 1995. 17 мая. С. 4); Лукин Владимир Петрович (1937) — дипломат, доктор истор. наук; однокашник по МГПИ и друг Ю. Кима.

¹⁷⁴ О. выступал в университетах США в начале марта 1979 г.

¹⁷⁵ Поповский Марк Александрович (1922–2004) — журналист, автор научно-популярных и биографических книг; эмигрировал в 1979 г. Имеется в виду дискуссия в нью-йоркской русскоязычной газете «Новое рус. слово» по поводу предстоящего приезда О., в процессе которой Поповский высказывал мысль о том, что благонадёжных советских поэтов присылают в Америку в качестве агитаторов: *Поповский М.* Поговорим о странностях любви // 1979. 15 марта. С. 3; *Коржавин Н.* Тем самым // 8 апр. С. 2; *Поповский М.* Ещё раз о странностях любви // 14 апр. С. 3; *Парамонов Б.* Сколько стоит билет на Окуджаву? // 18 апр. С. 3.

Вместо лекций о советской литературе — рассказ о своей жизни. Его тянет — отсюда — к современному мемуарному письму. Очень богаты, высокооплачиваемы — но устаёшь от улыбок. Везде улыбки и наивность. /197/

Юрий НАГИБИН:

26 июня 1979 г.

Какой жалкий фарс — приезд Елены В.! И ведь этой трепачке удалось обмануть всех: и осторожного, испытанного в обманах всех родов, прожжённого Феликса Кузнецова, и холодного проницательного Булата (он всё же был обманут меньше других), и многдумного Трифонова¹⁷⁶, и меня, что не трудно, но, по чести, я всё время подозревал липу. Это было какое-то животное чувство, а не мозговое понимание. Так же инстинктивно я не взлюбил Бобчина. И тут попадание. Но как роскошно — в смысле драматургии — был обставлен финал её вояжа. В последнее, буквально самое последнее мгновение, когда багаж уже уходил, таможенницу осенило свыше, и она устроила грандиозный шмон, не побоявшись задержать отлёт самолёта. Добыча была что надо: рукопись Феликса, иконка за два рубля, какие-то письма. На самом деле, всё это выведенного яйца не стоит, но ведь у нас мало что делается всерьёз, таможенники притворялись, будто ими изъята диссидентская рукопись, икона Феофана Грека и тайные послания сионских мудрецов. Погорели блистательные планы Е. Так ей и надо. Сколько форса было в Ирвайне, как презрительно обрезала она добродушного Мунира, и при этом всё делала плохо, нечётко, необязательно...¹⁷⁷ /366—367/

Раиса ОРЛОВА, Лев КОПЕЛЕВ:

26 июля 1979 г., вечером. <Из совместного дневника>.

Приём у Майи и Василия Аксёновых.

Собрались все «метропольцы»¹⁷⁸. Мы рассказывали Бёллю историю этого необычного издания: без цензуры, самодельный, но отнюдь не диссидентский сборник. Редакторы даже

¹⁷⁶Трифонов Юрий Валентинович (1925—1981) — прозаик; ему посвящена песня О. «Пожелание друзьям».

¹⁷⁷Видимо, в этом фрагменте речь идёт о поездках названных в нём писателей в США. О. выступал в Ирвайнском ун-те (Лос-Анжелес, США) 4 марта 1979 г.

¹⁷⁸Участники альманаха «Метрополь» (о нём см. сн. ¹⁶⁸). О. не входил в число его авторов.

Приезд
Г. Бёлля.
Фото
В. Плотникова

и не пригласили тех, кто официально считается отщепенцами, вроде нас. И тем не менее, сборник, перепечатанный в пяти экземплярах, запретили, участников ругали, двух молодых литераторов не приняли в Союз писателей.

Один из гостей Бёллю: «Союз писателей нас не защищает, он превратился в бюрократическую организацию. Надо создавать новую, лучше всего ПЕН-клуб».

Г. слушает внимательно. «Должно быть не менее двадцати членов-учредителей; нужно подумать, не вызовет ли это репрессии, ведь у вас боятся всяких новых организаций»¹⁷⁹. Обещает поговорить с секретарём и с председателем ПЕН-клуба — шведом. Но предупреждает, что секретарь — англичанин Притчет — очень благосклонно относится к СП. Он не уверен, что это будет легко осуществить. Но он сделает всё, что в его силах /177/.

Давид САМОЙЛОВ:

7 мая 1980 г. (Общий дневник)

Булат Окуджава весь построен на неточности слова. Точно его состояние. Поэтому его песни невозможны в другом исполнении. /2, 296/

¹⁷⁹ О последовавших вслед за выпуском альманаха в самиздат репрессиях см., например: *Ерофеев Вик.* Десять лет спустя: Лит. альм. «Метрополь». М.: Текст, 1991.

Лев КОПЕЛЕВ:

8 мая 1980 г.

...Провожали нас уже начиная с конца октября. Дружеские застолья устраивали на квартире Окуджавы, Самойлова, нашей дочери Светланы, нашей дочери Лены и, конечно, у нас. /17/

8 мая 1980 г. (Письмо к А. Д. Сахарову¹⁸⁰)

Москве «рассудку вопреки, наперекор стихиям»... Булат Окуджава недавно сочинил такое четверостишие:

Друзья, не надейтесь на чудо,
Не верьте в заморский Сезам;
Нам плакать и плакать, покуда
Москва не поверит слезам¹⁸¹. /18/

Марк ХАРИТОНОВ¹⁸²:

30 октября 1980 г.

...Рая [Орлова] пригласила меня поехать с ними — к Светлане¹⁸³, на их проводы. Было много знаменитостей: Битов, Ахмадулина, которую я видел впервые (с Борисом Мессерером¹⁸⁴, её нынешним мужем, очень симпатичным человеком), Окуджава, Войнович, Даниэль. Читали стихи на плёнку. Белла производит, конечно, чарующее впечатление: и сама по себе, и чтение. Хотя смысла стихов я, как часто бывает, на слух не улавливал; возможно, при чтении глазами я бы не был от них в особом восторге. Окуджава пел («Все разъехались давным-давно, даже у Эрнста в окне темно, лишь Юра Васильев да Боря Мессерер только и остались в СССР», как «строят кабинеты для моих друзей» и др.)... Он много весь этот вечер рассказывал о своих американских впечатлениях, восхищённо. «Преступность? — Разговоры! Я проходил к себе в отель в час ночи совершенно спокойно.

¹⁸⁰ Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) — правозащитник, лауреат Нобелевской премии; знаменитый физик, «отец советской атомной бомбы».

¹⁸¹ Приведённое стихотворение с посвящением А. Тарковскому впервые было опубликовано в кн.: Окуджава Б. Милости судьбы. С. 15. В собрании стихотворений «Новой библиотеки поэта» (СПб., 2001) не датировано и располагается в конце раздела «Шестидесятые».

¹⁸² Харитонов Марк Сергеевич (1937) — прозаик.

¹⁸³ Иванова Светлана Леонидовна — с конца 80-х фотохудожник; дочь Р. Орловой от первого брака, жена Вяч. Иванова (см. запись Л. Копелева от 08.05.80).

¹⁸⁴ Мессерер Борис Асафович (1933) — театральный художник; нар. художник России; наряду с его коллегой Юрием Васильевичем Васильевым (1925–1990) упомянут в песенке О. «Все поразъехались давным-давно...», приведённой в той же записи с искажениями.

У знакомых профессоров дом в глухом лесу, вот-вот, кажется, выйдут индейцы. Они уезжают на месяц и запирают стеклянную дверь на ключ. Эмма Коржавин живёт прекрасно»... И т. п. Как-то мне это даже не понравилось. Поминали Трифонова, который что-то писал о «бездуховности» Америки, её телевидения и пр. «Трифонов негодяй, — сказал Окуджава. — Я ему говорил про это: что ты пишешь? Он отвечал: я так ощущаю». <...>

(Занятно: Окуджава упомянул в песне Беллу — это уже факт литературы независимо от достоинств песни. Я могу писать мемуары об этом вечере, пересказывать разговоры, слова — когда-нибудь их опубликуют и будут читать с жадностью: не ради меня, а ради этих имён.) /108/

Восьмидесятые

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

16 марта 1981 г. <Ленинград>

...Утром — с Ирой Рецептер — на телецентре — фильмы Славы Виноградова¹⁸⁵. Потрясающий, безрадостный Высоцкий; о Пушкине (Булат Окуджава). «Я помню чудное мгновенье» — кульминационная улыбка Булата. Затем — в гостинице *toujours* [фр. — как всегда]; сон; лекция в экскурсбюро; я в редком ударе, отвечаю на вопросы 2,5 часа — про всё (даже не помню). Затем у Сени Ланды¹⁸⁶. Пиршество духа, спор об Окуджаве и Высоцком, о жизни. /223/

Сарра БАБЁНЫШЕВА¹⁸⁷:

Апрель 1981 г. (Из письма Копелевым).

...Из интересных происшествий нашей жизни — был концерт Окуджавы¹⁸⁸. Он дал нам четыре билета на сцену, и шли мои ребята по списку «гости Окуджавы». Они говорят, что это

¹⁸⁵ Виноградов Владислав Борисович (1938) — кинооператор, режиссёр-документалист, нар. арт. России. Автор телефильмов «Наш Пушкин» (1979) и «Я помню чудное мгновенье» (1980) с участием О.; для последней же картины был снят известный сюжет с Высоцким, который в неё не попал и подпольно демонстрировался режиссёром на показах «для своих». В 1984 г. снял телефильм «Мои современники», центральной фигурой которого стал О.; на ЦТ картина была показана только в 1987 г.

¹⁸⁶ Ланда Семён Семёнович (1926—1990) — научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде; доктор исторических наук.

¹⁸⁷ Бабёнышева Сарра Эммануиловна — критик, литературовед; правозащитник.

¹⁸⁸ Повтор творческого вечера О. в ЦДЛ, организованного 14 апреля Центральным телевидением.

было удивительное и радостное и печальное событие. Открывал вечер Александр Иванов¹⁸⁹ и запальчиво говорил о том, что из русской литературы сейчас злостно стараются вычеркнуть всё не «истинно русское». Что ж, тогда бы мы лишились негра Пушкина, не лишённого шотландской крови Лермонтова, украинца-хохла Гоголя, и подумайте, нет, вы подумайте, немца, нет, более того, немецкого еврея — Афанасия Фета.

А потом говорил о Булате как о русском поэте, поэзия которого отличается одним чрезвычайно важным качеством — благородством. Поэзия и личность. А потом пел Булат. Читали посвящённые ему стихи Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский и Юнна Мориц. Пели Никитины, подтанцовывал Эльдар Рязанов, ведущий вечер.

И когда Булат отвечал на вопросы, он раздражённо отбрасывал всё то, что относилось к его интимным отношениям в литературе: «Кого из поэтов он любит и т. д.». Он со вкусом сказал о Бунине и об Юрии Скоппе¹⁹⁰ — человеку, который, встречая его, улыбается и нежно жмёт ему руку. И вдруг он узнаёт, что этот нежный Скопп написал разгромную рецензию на его роман. А ведь, улыбаясь, ни словечка не сказал — думал, что всё останется в тайне. Но он прочёл эту рецензию. И когда ему по-

¹⁸⁹ Иванов Александр Александрович (1936–1996) — поэт-пародист, публицист; автор нескольких пародий на стихи О.; ему посвящена «Автопародия на несуществующие стихи» О. («Мы убили комара...»).

¹⁹⁰ Верно: Скоп Юрий Сергеевич (1936) — прозаик.

слали записку «Хорошо, что мерзавца вы назвали мерзавцем», он не без удовольствия ответил: «Я его мерзавцем не называл».

В общем, печально было, что все постарели, прекрасно было, что пел Булат, и всё, что он говорил, и вечер весь оставлял это чувство благородства и поэтому гнева на ложь, пошлость и т. д.
/ Орлова, Копелев-2, 187–188/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

25 июля 1981 г.

...Памяти Высоцкого¹⁹¹. Оцепление. Нет выхода из метро. Списывают паспорт одного юнца, заводящего магнитофон. Другой приходит — его окружают — даже без желания пройти в театр. Бабы — чаво? чаво? Армянин: «Вот бы всех в совхоз». — «Наш Ленин — Высоцкий...» Затем — спектакль. Я рядом с Любимовым. Он пьёт валокордин. Много плачу: 1) когда Булат «О Володе Высоцком»¹⁹² 2) «Волки», «Кони» 3) «Банька» — дуэт с Золотухиным. Приёмы: 1) Гамлет со вставленным голосом Высоцкого 2) «Где мои семнадцать лет?» 3) отрывки из обличительных фельетонов — и даже стихов — «о вздохе облегчения» 4) поют его песни — неровно, под пьянь... Снова — Гамлет. Конец: «Кони»... гитара... 5 минут овация. А снаружи — всё стоит оцепление. /230/

31 октября 1981 г.

Последний вечер «Высоцкого»¹⁹³. Запрет. Обсуждение. Любимов говорит, что — уйдёт. Разные речи: Ахмадулина — о мерзавцах из министерства культуры и ЦК; Филатов¹⁹⁴ (возражая Шифферсу¹⁹⁵, который говорил, что всё бесполезно): если не поможешь женщине, на которую напали — безнравственность; а если на 100 напали 3, и не отбить, — преступление! Все

¹⁹¹ Показ подготовленного, но не принятого вышестоящими инстанциями спектакля Ю. Любимова по творчеству Высоцкого в Театре на Таганке, «конспиративно» названный «вечером памяти».

¹⁹² Фонограмму этой песни, включённой в спектакль «Владимир Высоцкий», О. специально записал в театре.

¹⁹³ Следующий прогон спектакля — последняя попытка сдачи его сокращённой редакции.

¹⁹⁴ Филатов Леонид Алексеевич (1946–2003) — актёр театра на Таганке; поэт, драматург; ему посвящена песня «Пиратская лирическая», которую он исполнил в кф. «Из жизни начальника уголовного розыска».

¹⁹⁵ Шифферс Евгений Львович (1934–1997) — режиссёр, религиозный философ; как актёр снимался с Высоцким в кф. «Интервенция» (1968).

говорят об отставке. Резкие речи Карякина¹⁹⁶, самого Булата (который смешит разговором, что специально так улучшился) — все спрашивают, есть ли кто из начальства? И смеясь — есть! есть! Атмосфера бунта... /238/

1 ноября 1981 г.

Вечер у Булата: он 15-го во Францию. Я: о Павле I, Александре I, Карамзине. Булат прекрасно комментирует: например, сцена Пушкина с Карамзиным — он считает, что Карамзин заговорил о своём, об истории, но — глаза... Булат жил Арбат 43, магазин «Свет» («Лёнька Королёв»), учился в школе № 69. За границей впервые — в 1966 г.: когда Евтушенко сказал Ильину, что Окуджаву ждут — и он скажет, что это Ильин задержал...¹⁹⁷ На вечере 1961 г. вопрос о «пошляке Окуджаве». Евтушенко прочитал — буря в зале; говорит — что это любимый поэт космонавтов. Придумал. Но Евтушенко и Вознесенский — не свои, приспособленцы, прохиндеи *etc.* Булат о войне 1812-го, о совместном движении русских и французов по дороге к Москве — один офицер дарит бурку Мюрату и получает взамен часы. Этюд Булата: Наполеон на Арбате. Рассказывает, что многие разочаровываются его внешностью — «ждали блондина», «а мы швейцару...» Оказывается, 754-я школа прислала дерзкое письмо — и Булат хочет отвечать. Я смягчаю, как могу¹⁹⁸. /238/

5 марта 1982 г.

...Затем вечер. Ах, Булат, мой Булат — ты моя религия... Даже мой портрет есть — и он дарит свой («Натану с любо-

¹⁹⁶ Карякин Юрий Фёдорович (1930) — литературовед, публицист; ему посвящено стихотворение О. «Ну что, генералиссимус прекрасный...»; его воспоминания см.: За книгой Окуджавы // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века. С. 100–107.

¹⁹⁷ Впервые О. выехал в 1964 году в Польшу ([Рубр. «Факты. События»] // Польша. Варшава, 1964. № 11. С. 5). Речь у Э. идёт о первой поездке в капиталистическую страну — Швецию. Евтушенко (Указ. соч. С. 50) неверно датирует этот случай 1962-м.

¹⁹⁸ Ученики 754-й школы, где Натан постоянно выступал, пригласили Окуджаву на вечер, на что тот ответил отказом. Ребята жаловались Н. Э., а потом написали довольно дерзкое письмо самому Б. Ш. Натан вообще-то слегка порицал Б. Ш. за то, что не откликнулся на просьбу ребят, но, когда прочитал их письмо, всерьёз рассердился на них, хотя перед Окуджавой постарался оправдать этот поступок. — Ю. Э.

вью»). О чём? Да о чём — не? 1) о его болезни — ему лучше, даже едет в Берлин; 2) стихи — не пойму, кажется повторением — но мучительно хороши: Арбатский эмигрант, поздний Рим¹⁹⁹; 3) спрашиваю — кем бы был, если бы не арест родителей? — оказывается, очень бурно сочинял; 4) тбилисский друг в ЦК — плачет после каждой песни: «Вешать их надо!»; 5) разговор о детях: Буля²⁰⁰ приходит, импровизирует; 6) разговор о Польше: самоупоеание Модзелевского²⁰¹ — теперь всё в порядке! 7) рассказ о покровительнице-дарительнице г-же Мартини, владелице ресторана «Распутин»²⁰², замка, Фоли-Бержер²⁰³ *etc.*; но у неё не нашлось грушевой водки²⁰⁴ /251/

Давид САМОЙЛОВ:

25 октября — 4 ноября 1982 г.

Был в Москве. <...>

29-го в «Сов<етском> писателе» юбилей (50 лет) Вити Фогельсона²⁰⁵. Сто человек народа. Витя мельком признался, что всё это ему не нужно. Но наружно держался весело. Произносились разные речи, совершался капустник. Душой танцев был Левитанский.

Я уехал с Булатом довольно рано от надорванности, тоски и нежелания напиться. /2, 180/

¹⁹⁹ Имеются в виду новые песни «Плач по Арбату» («Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант...») и «Римская империя времени упадка...».

²⁰⁰ Буля, Булат, сын Б. Ш. Окуджавы. — Ю. Э.

²⁰¹ И Натан, и Б. Ш. близко к сердцу принимали польские дела и при каждой встрече вели долгие разговоры на эту тему. — Ю. Э. Модзелевский Кароль (1937) — польский историк средневековья, профессор; дважды был осуждён по политическим обвинениям (1965 и 1968); в 80-х гг. — со дня создания — был связан с независимым профсоюзом «Солидарность»; ему — наряду с его коллегами А. Михником и Я. Куронем — посвящена песня О. «Мастер Гриша».

²⁰² Мартини (по мужу) Елена Афанасьевна, эмигрировала во Францию из белорусского г. Белостока; в 1980-е хозяйка дорогого парижского ресторана «Распутин»; дружила с советскими писателями, актёрами.

²⁰³ «Фоли-Бержер» — известное парижское кабаре.

²⁰⁴ О том, что грушевая водка была любимым напитком О. см.: Цветков В. И. Чаепитие с бумажным солдатом из Протопоповского переулка // Голос надежды. [Вып. 1]. С. 49.

²⁰⁵ Фогельсон Виктор Сергеевич (1932–1995) — редактор; редактировал все сборники О., вышедшие в издательстве «Советский писатель»; ему посвящена песня О. «Витя, сыграй на гитаре...».

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

11 ноября 1982 г.

Сообщение о смерти Брежнева, траур, ощущение истории; 12-го похороны отца Борина, Бориса Соломоновича; рабочий просмотр «Нас венчали...»²⁰⁶. /275/

Марк ХАРИТОНОВ:

9 декабря 1982 г.

...Приезжал Женя Попов²⁰⁷, как всегда, очень содержательно с ним поговорил... <...> О молодёжных ансамблях, для которых имена Окуджавы, Высоцкого, даже западных ку-миров — пустые звуки. Они живут на другой планете. Мы не можем знать жизнь, потому что этих жизней бесчисленное множество. /165/

Юрий НАГИБИН:

10 декабря 1982 г.

...Потом смотрели «Позднюю встречу», которая всем понравилась. Мне же больше всего понравились песни Сергеевой. Странно, почему она так и не завоевала популярности, ну, хотя бы на уровне Визбора? До чего же таинственен секрет успеха! Ясно лишь одно — необходим привкус дешёвки. Ведь Ахмадулина покорила аудиторию не стихами, действительно, прекрасными, а ломаньем, лестью, игрок в беззащитность и незаземлённость. И Женька, и Андрей, и покойный Саша [Галич], и Высоцкий. Любопытно, что несравненно превосходящий и Сашу, и Высоцкого Булат не достиг уровня их популярности, а нежная, странная Новелла Матвеева прошла и во все стороны... /459/

²⁰⁶ Кинофильм «Нас венчали не в церкви...» Сценарий А. Свободина и Н. Эйдемана. Режиссёр Борис Токарев (дебют). Музыка И. Шварца. Песня на слова Б. Окуджавы. Исаак Иосифович Шварц [(1923)], композитор, постоянно живущий в Сиверском. Он писал музыку к кинофильму «Нас венчали не в церкви» (его музыка и песня Б. Окуджавы примиряли нас с неудавшимся фильмом). — Ю. Э.

²⁰⁷ Попов Евгений Анатольевич (1946) — прозаик, один из составителей альманаха «Метрополь» (см. сн. ¹⁶⁸).

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

Конец декабря 1982 г.

...Встреча с Булатом — он мне об США. Просил за Зою Крахмальникову²⁰⁸; не любит «Бориса Годунова» (просмотр на Таганке *etc.*). /278/

Татьяна ЮРЬЕВА²⁰⁹:

26 января 1983 г.

Таня Борисова рассказала о выставке памятников Высоцкому в Театре на Таганке. <...>

Сам спектакль «Владимир Высоцкий» показался ей затянутым и несколько беспомощным. Выступления Любимова, Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы, Можаева²¹⁰ и Карякина чередовались с самим представлением. По словам Тани, единственно подлинным был всё-таки голос Высоцкого, а остальное — на потребу дня. /14/

Игорь ДЕДКОВ:

6 февраля 1983 г.

...Остальное — старое. Материал Пржиалковского о Высоцком для «Молодого ленинца» окончательно похоронен. Разговоры Аркадия с работниками отдела пропаганды и агитации обкома... показали, что для них до сего дня имена не только Высоцкого, но и Окуджавы, и Ахматовой, и Пастернака, и Булгакова — имена вредных людей, которых лучше не упоминать.

²⁰⁸ Крахмальникова Зоя Александровна — литературовед, религиозная писательница, публицист; правозащитник; в 1982 год находилась в заключении за издание и распространение (вместе с мужем; см. сн. ⁷²) христианских сборников «Надежда»; ей посвящена песня О. «Прощание с новогодней ёлкой»; её воспоминания см.: Крахмальникова З. Не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открыта // Спец. вып. [Лит. газ.]. С. 11; «Я плачу, молюсь и спасаюсь» // Истина и жизнь. 1999. № 12. С. 4–15. Видимо, имеется в виду одно из писем О. в её защиту. О газетной полемике, связанной с её именем и подписанием последнего в жизни О. коллективного письма см.: Удальцов А. Я не знаю, кто хочет нас уесть // Коммерсантъ. 1998. 19 февр.; Графова Л. Нам надоело присутствовать на собственных похоронах // Новая газ. 2 марта; Пациент скорее мёртв, чем жив / Ред. // Изв. 4 марта; Крахмальникова З. Чья же грязная рука напечатала святое для нас имя? // Независимая газ. 20 марта; Ответ Зое Крахмальниковой / Ред. // Независимая газ. 21 марта.

²⁰⁹ Юрьева Татьяна (псевдоним) — тележурналист.

²¹⁰ Можаев Борис Андреевич (1923–1996) — прозаик, публицист.

В материале Аркадия стихотворение Ахматовой было перечёркнуто не в московской цензуре, а в костромском обкоме. Про авторов высказываний о Высоцком, собранных Аркадием по московским журналам и газетам: Крымова, Карякин, Вознесенский, Любимов и т. д. — было сказано, что это всё одна компания. И эти трусливые болваны учат людей, как жить... /402/

Татьяна ЮРЬЕВА:

2 апреля 1983 г.

Была у Юрия Кузнецова и Булата Окуджавы, записывая их воспоминания о Сергее Наровчатове. <...>

У Окуджавы сидели в большой комнате. Под столом лежал чёрный пудель. Никакого напряжения в разговоре, и говорить с ним было очень, очень приятно. /20/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

6 мая 1983 г.

Фазиль и Тоня, Рассадины, Неля, Булат с женою, Володя Рецептер²¹¹: весело, пьяновато. Фазиль — прочёл стихотворение о светлячке; Булат (нашлась гитара) — Портленд. А. П. Чехов²¹² *etc. etc.* ... Прелесть, душевное вдохновение. /282/

Карл АЙМЕРМАХЕР²¹³:

10 мая 1983 г. (Из письма В. Сидуру).

...Вчера позвонил Klaus Bednarz²¹⁴ и сказал, что получил ваше и моё письма. Он мне тоже сказал, что обязательно придет

²¹¹ Упомянуты: Искандер (здесь и далее у Эйдельмана; о нём см. сн. *); его жена Искандер Антонина Михайловна; Рассадин Станислав Борисович (1935) — критик; работал с О. в изд-ве «Молодая гвардия» и «Литгазете» (ему посвящены стихотворения «Мой мальчик, нанося обиды...» и «Джазисты», его воспоминания см.: Архипелаг Булат // Встречи в зале ожидания. С. 159–168); его жена Алина; Неля — Пашенко Нинель Тихоновна, канд. физико-математических наук, друг семьи Эйдельманов; Рецептер Владимир Эммануилович (1935) — писатель, актёр, режиссёр; засл. арт. России.

²¹² Имеются в виду новые песни «Пиратская лирическая» («В ночь перед бурей на мачте горят святого Эльма свечи...») и «Антон Палыч Чехов однажды заметил...».

²¹³ Аймермахер Карл (1938) — профессор славистики, до 2003 г. директор Семинара славистики и Института русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана Рурского университета в г. Бохум (ФРГ). — В. В.

²¹⁴ Беднарц (Bednarz) Клаус (1942) — авторитетный немецкий журналист, телеведущий. Корреспондент государственных радио- и телевизионных программ *ART* и *WDR* в Москве в 1977–1982 гг. Автор нескольких книг и телефильмов об СССР и России. — В. В.

Булат, если нам удастся пригласить его к нам, когда он будет в Дортмунде по поводу встречи между немецкими и русскими писателями, которую я организую. Надеюсь, что Булат вообще приедет, и нам повезёт, чтобы его к нам пригласить. Klaus сказал, что если Булат будет, мы пригласим и Wolf'a Biegmann'a²¹⁵. /603²¹⁶/

Вадим СИДУР:

23 мая 1983 г. Москва. (Из письма К. Аймермахеру).

...Специфика включения определённых фотографий и их расположение²¹⁷ диктовалось в значительной степени тем, что художник, произведения которого представляются на суд зрителя, никогда из своей страны не выезжал, лишён возможности показать свои вещи, находящиеся у него в мастерской, поэтому зрителю даётся возможность более подробно познакомиться с его личностью, с его жизнью и творчеством. Нам кажется, что не нужно говорить ни Булату, ни другим советским о нашем каталоге и о включённых в него фотографиях, хотя тот факт, что выставка предстоит, не тайна, и об этом можно говорить сколько угодно. <...>

Опять о каталоге. Фотографии, которые мы тебе послали, мы отдавали очень хорошему ретушёру. Надеюсь, что её работа не будет видна при печати. Кроме того, Эдик²¹⁸ потерял многие важные негативы (старые), где я, Булат и Левитанский втроём, Юнна Мориц около своего портрета, и пришлось репродуцировать или с очень плохих отпечатков, или из журнала, как Юнну. После этого ретушировать и только тогда они стали пригодны. В них даже есть своеобразное обаяние снимков «ретро»²¹⁹. /612, 614/

²¹⁵ Бирман (Biegmann) Вольф (1936) — немецкий поэт и бард. Его иногда сравнивают с Булатом Окуджавой при всей непохожести стихов и стиля их исполнения, имея в виду скорее схожесть самого явления бардовской поэзии в тоталитарных Советском Союзе и ГДР. В 1976 г. В. Бирман выехал с концертами в Западную Германию, и когда находился там, узнал, что лишен восточно-германскими властями гражданства. — В. В.

²¹⁶ И в письме от 15 мая 1983 г. — о том же: «С Клаусом скоро увидимся в Дортмунде (или у нас с Булатом)» /605/. Данными о поездке в Германию в это время мы не располагаем.

²¹⁷ Речь идёт о составлении каталога для издания на Западе.

²¹⁸ Гладков Эдуард Николаевич (1939) — профессиональный фотограф. — В. В. Здесь и далее у Сидура.

²¹⁹ И далее о том же в письме от 24 июня 1983 г.: «...Поэтому даны, на мой взгляд, совершенно необходимые фрагменты деревянных скульптур (тем более что полностью эти скульптуры представлены в развороте, "интерьере", где им соответствует тройной портрет Окуджавы, меня и Левитанского)» /632/.

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

3 сентября 1983 г.

...У Окуджавы — и затем в «Прагу»²²⁰: Розов, Бакланов, Винокуров²²¹, Окуджава + Ольга, из Лос-Анджелеса Терри. Гости — за дружбу, тёплую обстановку: в центре разговора — что *эти люди* не собрались бы за одним столом. И Джерри²²² религиозен (хочет увидеть мою верующую дочь) — он заставляет меня дважды пожимать руку Солоухину. (А Бакланов — только что хвалил Чака²²³). А Булат говорит о «Детях Арбата»²²⁴ и об арбатстве и нации бахарах — «арбатец» (арбатство²²⁵). И разговор с Булатом о фильме Асановой²²⁶ «Пацаны», о прекрасной финальной песне, сочинённой ребятами. И разговоры о моей «поездке» в США и непоездке. /286–287/

²²⁰ В это время Натан с матерью жил в Доме творчества в Перedelкине, а я рядом снимала дачу по соседству с Городничскими. В этот вечер, не помню кто и по какому поводу, собирал гостей в ресторане «Прага». Кажется, это Булат по поводу приезда общего друга Терри Эммонса. Думаю, так и есть, потому что из женщин присутствовала только Оля Окуджава. <...> О посиделках в ресторане Натан ничего не рассказывал, только отметил мимоходом, что собралась странная, разношёрстная компания, и подивился тому, как это Булату удаётся сохранять хорошие отношения со столь разными людьми? Если бы речь шла о ком-то другом, то, может быть, в словах Натана таилось бы осуждение, но Булата он буквально боготворил, и ничто в нём не могло вызвать у Натана ни сомнений, ни укора... /Ю. Э., 287–288/. Terrence Emmons (1937), историк, профессор Станфордского университета, по собственному признанию, никогда не проживал в Лос-Анджелесе и не имеет отношения к этому вечеру. Возможно, в тексте публикации опечатка; речь идёт о некоем Джерри (см. сн. ²²²).

²²¹ Розов Виктор Сергеевич (1913–2004) — драматург; Бакланов Григорий Яковлевич (1923) — прозаик; с 1986 по 1993 г. главный редактор журнала «Знамя», в котором в это время неоднократно печатался О.; Винокуров Евгений Михайлович (1925–1993) — поэт.

²²² Возможно, Mikkelsen Gerald — профессор Канзасского университета, пушкинист, переводчик Распутина, в круг его интересов входит современная русская поэзия (см. также сн. ²²⁰.)

²²³ Чаковского. О нём см. сн. ¹⁵¹.

²²⁴ Роман А. Рыбакова «Дети Арбата» был опубликован в 1987 г. и явился одним из символов Перестройки. Отзыв О. о нём опубл.: [Из письма А. Рыбакову] // Огонёк. 1987. № 27 (4–11 июля). С. 5.

²²⁵ Песня О. «Надпись на камне» (1982) имеет посвящение «учащимся 33-й московской школы, придумавшим слово “арбатство”».

²²⁶ Асанова Динара Кулдашевна (1942–1985) — кинорежиссёр, в её фильмах «Ключ без права передачи», «Беда», «Милый, дорогой, любимый, единственный» звучали песни О.; см. также о ней: Окуджава Б. Составителю сборника // Динара Асанова: У меня нет времени говорить неправду / Сост. Ф. Гукасян. Л., 1989. С. 376–378.

<3 сентября 1983 г.>

Вечер: о Булате; его нервное настроение. Печаль.

Поиски сюжета в 18–19 вв.²²⁷: 1. Тараканова. 2. Треволгин. 3. может быть, из ЦГАЛИ, т. 60 или 61 — странные osoby. 4. Кречетов. 5. Саблуков. 6. Записки француза (детектив). 7. Шервуд. 8. Путешествие Павла (Разумовский). 9. Фёдор Кузьмич Овчаров. 10. Елизавета Алексеевна — Охотников. 11. «Слово и дело». /287/

Александр БОРЩАГОВСКИЙ²²⁸

Сентябрь 1983 г. (Из письма В. Курбатову).

Огорчил меня Окуджава. Новый его роман²²⁹ показался скучным и хаотичным. Как-то мне неинтересно постигать мир глазами и разумом этой многоглаголющей Варвары — у неё и любовь, да и жизнь настолько умственны, что кажутся уже и не жизнью, а только авторским умыслом и натяжкой. Много в романе вычура (в слове), много кокетства, всё как-то заволокла розовая рясочка, не болотная, но тоже неподвижная, стоячая, пока сам не тронешь пальцем её поверхность. И о святынях надо с большей определённой, не в маске, не в полумаске даже, а с лицом открытым, пусть даже гневным. Много литературной прелести, многое изяшно, как всё, к чему прикасается Булат, что-то от версальских картинок Бенуа, — но как-то не лепится это к грозовому времени. /159/

Татьяна ЮРЬЕВА:

19 ноября 1983 г.

...По слухам, на Политбюро ставился вопрос об увеличении арестов. Недавно кто-то мне рассказывал, что Окуджава тоже считает, что может начаться 1937 год. Утешает лишь то, что ничто не повторяется дословно. /34/

²²⁷ В тот же вечер он по просьбе Булата набросал ряд тем для возможной будущей книги Булата, а потом в течение нескольких дней, уже в архиве, выискивал интересные сюжеты и занёс их в отдельный блокнот /Ю. Э., 288/. Частично содержание этого блокнота раскрывается в ст.: *Скарлыгина Е.* Булат Окуджава и Натан Эйдельман: поэзия истории. (В печати).

²²⁸ Борщаговский Александр Михайлович (1913–2006) — прозаик, критик.

²²⁹ «Свидание с Бонапартом». — Г. С. Впервые: Свидание с Бонапартом // Дружба нар. 1983. № 7. С. 95–142; № 8. С. 94–128; № 9. С. 96–153. (Варвара — персонаж романа.)

Давид САМОЙЛОВ:

4 декабря 1983 г. <Москва>

Целый день люди. Левитанский. Сильно постаревший, подсохший Булат Окуджава. Мягко. Дружествен... /2, 194/

20 декабря 1983 г. <Ленинград>

...По телефону перезвонился с Булатом. Он тоже здесь²³⁰. /2, 195/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

6 апреля 1984 г.

Булат в Доме Герцена²³¹ (я же читаю «Москва и Петербург»)... /309/

Давид САМОЙЛОВ:

7 апреля 1984 г. <Москва>

...Обедал у Окуджавы, мило и кратко. Мы быстро устали друг от друга... /2, 202/

Карл АЙМЕРМАХЕР:

1 мая 1984 г. (Из письма В. Сидуру).

...Среди посетителей был и Lars Kleberg²³² (Stockholm), который был у вас в мастерской с Левитанским и Окуджавой. /753/

Татьяна ЮРЬЕВА:

9 мая 1984 г.

Окуджаве 60 лет. Не верится, так и должно быть, просто отсчёт другой. Раньше они ломали шапки перед другими, теперь мы перед ними. /52/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

21 мая 1984 г. Ачерцени — Гошаванк.

...Разговор втроем — Фазиль, Ким, аз... О том, уменьшилась ли популярность Окуджавы? Молодёжь меньше волнуется

²³⁰ 21 декабря с группой писателей О. выступал в окружном Доме офицеров на устном выпуске «Литгазеты».

²³¹ Вероятно, вечер с Н. Эйдельманом и А. Рыбаковым, посвящённый улице Арбат.

²³² Клеберг Ларс — одно время занимал должность атташе по культуре посольства Швеции в СССР.

вообще... Ким возражает — спартаковцы²³³, панки; спартаковцы шли бить фашистов — избивали двух чиновников в белых рубашках и чёрных галстуках. О крестьянах. О молодом парне, который уже в 20 лет пишет замечательные песни. А я говорю, что дело в читателях²³⁴. /310/

Марк ХАРИТОНОВ:

27 мая 1984 г.

...Заехал к Сидуру, отвёз ему перевод... Рассказал, как Евтушенко в одном разговоре у Окуджавы стал вдруг ругать Даниэля, сидевшего в это время: нет, русский писатель так бы не поступил. И: русский, русский. Сидур заметил, что человек в тюрьме, нельзя о нём так говорить. Евтушенко в ответ: это всё сидурость, ложный гуманизм. А на другое утро явился в мастерскую, заключил Сидура против желания в объятия и стал говорить: «Ты меня прости, я на магнитофон говорил, там сидели два таких типа, всё записывали, а мне надо лететь в Чили, меня могли не пустить». «Какой мерзавец! Я тоже знал этих типов, но меня он на разговор перед ними вытянул. А самому надо лететь в Чили». /195/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

15 июня 1984 г.

...Вечером: ДК Горбунова. Вечер — 60-летие Булата. Воодушевление — присутствующие поздравляют друг друга «с праздничком» — триумф и печаль; Никитины²³⁵ — «Рио-Рита»; Берковский²³⁶ — «Божественная суббота» (торжественных невзгод); Вероника Долина²³⁷ вдруг поёт песню — «не Вам посвящается,

²³³ Фанаты-болельщики «Спартака».

²³⁴ Любимая мысль Натана, что сначала должны появиться гениальные читатели, а потом уже появятся гениальные писатели. — Ю. Э.

²³⁵ Никитин Сергей Яковлевич (1944) — композитор и исполнитель авторских песен; ему посвящено стихотворение «Знаком он по песенке старой...») и Никитина Татьяна Хашимовна — исполнитель песен; выступают в дуэте, в том числе и с исполнением песен О.; о них см.: Окуджава Б. «Мы поём стихи» // Изв. М., 1985. 27 июля; их воспоминания см.: «К чему нам быть на “ты”, к чему...» // Встречи в зале ожидания. С. 107–112.

²³⁶ Берковский Виктор Семёнович (1932–2005) — композитор и исполнитель авторских песен; автор ряда произведений на стихи О.; его отклик на кончину О. см.: Берковский В. Прощальный венок Окуджаве // Нев. время. СПб., 1997. 18 июня.

²³⁷ Долина Вероника Аркадьевна — автор-исполнитель песен; см. о ней: Окуджава Б. Познакомьтесь: Вероника Долина // Аврора. Л., 1982. № 9. С. 120–121; об О. см.: Долина В. Конец эпохи. Створки закрываются / Беседу вёл А. Чепалов // Труд. 1998. 16 июня.

ДК Горбунова
15 июля 1984 г.
Фото Г. Шакина

но всё равно Вам». Об историке Натане Эйдельмане. Об алеутах и обэриутах. Городницкий²³⁸ — хорошо говорит — «Атланты»; Вад. Никитин («Каддиши» *a la* Галич)²³⁹ — Валя Никулин²⁴⁰ — сначала ломался; потом — пел Булата («Арбат») — потом замечательно читал «На фоне Пушкина». Затем — блистательный Ким (о Лицее; о Высоцком и Окуджаве); девочка спела песню «Песню нашего короля пойте, кавалеры». Затем — сам Булат, в костюме, сухой джентльмен: Антон Павлович Чехов... Генерал и лейтенант... скрипач, что на флейте играл: и вдруг скрипка и фортепиано (сын). А дальше — овация больше, чем «другому грузину». *За сценой*. Дружба, энтузиазм. Я цитирую Щедрина: «В литературу по протекции...» и — ещё культурную личность *etc.* Да, ещё всех смешит печальный Жванецкий²⁴¹ (он говорит, что я <больше> известен, чем мои герои). А затем — Ким: «За-чем былое ворошить...» Гениальная, быстрая песня о Капнисте. Джоан Афферика²⁴² — рассказывает, как Булат не захотел ехать

²³⁸ Городницкий Александр Моисеевич (1933) — автор-исполнитель песен; академик РАЕН; его воспоминания см.: *Городницкий А.* «...Нам не хватало Окуджавы» // Голос надежды. Вып. 2. С. 70—88.

²³⁹ Запись содержит ряд ошибок. В описываемом вечере принимал участие бард Егоров Вадим Владимирович (1947), который пел свою песню «Кадаши», названную по имени московского района и никак не связанную с поэмой А. Галича «Кадиш». Татьяна и Сергей Никитины упомянуты Эйдельманом выше.

²⁴⁰ Никулин Валентин Юрьевич (1932—2005) — актёр театра и кино, исполнитель стихов и песен О.; Ему посвящено стихотворение «Романс» («В Иерусалиме первый снег...»).

²⁴¹ Жванецкий Михаил Михайлович (1934) — писатель-сатирик.

²⁴² Афферика Джоан (в ином произношении — Эфферика) — историк и переводчица из США.

в библиотеку Конгресса на выступление, хотя «другие поползли бы на коленях...» В 2 часа ночи Булат увозит нас — мрак, дождь, своего рода безмятежное счастье — смотр сил, но...²⁴³ /312—313/

Вадим СИДУР:

15 декабря 1984 г. (Из письма К. Аймермахеру).

...Ну а теперь о выставке Эдика. Помещение, в котором она должна была размещаться и размещается сейчас, представляет собой три небольших комнаты. Название выставки «Встречи». Эдик предполагал в первой комнате поместить фотографии из цикла «Деревня», во второй — «Город», а в третьей — «Скульптор Вадим Сидур». <...>

Утром, за день до открытия выставки (13 дек.), на выставку пришли две женщины: одна — представитель городского управления культуры, а вторая — цензуры (Главлит). Собственно, это была та комиссия, в полномочия которой входило разрешить ли или не разрешить представленную на их просмотр экспозицию. <...> Примерно часа через два после ухода первой комиссии, состоящей из двух женщин, на выставке Эдика появились два молодых человека в штатском, явно из органов, хотя сказали они, что из Министерства культуры. <...> ...На следующее утро пришёл представитель Горкома партии, курирующий Горком графиков... с ним снова явилась женщина из Отдела культуры Моссовета и ещё какие-то люди. <...> О чём там они говорили и совещались, нам неизвестно, но в конце концов они вынесли следующее решение: раздел выставки «Скульптор Вадим Сидур» ликвидировать вообще. Из всех фотографий оставить: портрет с кошкой, памятники Варге, Тамму и Фрумкину, а также

²⁴³ В 1984-м в клубе им. Горбунова необыкновенно тепло праздновали 60-летие Булата. Вечер был подготовлен друзьями и поклонниками, ведь власти и прочие официальные лица ещё не очень-то признавали Булата. Зал был переполнен молодыми людьми. Незадолго до этого Натан сцепился с одним знакомым, снисходительно заметившим, что эпоха Окуджавы закончилась и молодёжь его просто не знает. Теперь Натан оглядывал зал и повторял: «Какой же дурак Н.! Посмотри на эти лица! Они же его боготворят!» Действительно, было ясно, что наш замечательный поэт, которого мы полюбили в далёкие годы за негромкий голос, поющий о любви, потерях, надеждах, несложившихся судьбах, о не вернувшихся с войны, — пел без пафоса, надрыва — наш Поэт был и сегодня на пике славы /Ю. Э., 136—137/. Подробно об этом вечере см.: Крылов А. Шестидесятилетие: Из кн. «Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ»; Шакин Г. Двадцать лет тому.... Фотохроника одного дня // Голос надежды. Вып. 2. С. 357—372.

две «Структуры». Но обязательно снять надписи с указанием, что это портрет скульптора Сидура, названия памятников, «Структур» и фамилию их автора. Для того, чтобы не бросалось в глаза, что таблички с названиями сняты только с фотографий, относящихся ко мне, они приняли соломоново решение снять все названия фотографий вообще. Поэтому портрет Окуджавы и врача-писателя Юлия Крелина также оказались безымянными. /835/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

12 февраля 1985 г.

Вечер Окуджавы в Союзе художников. Утром — его звонок: негде побриться²⁴⁴. Потом вместе обедаем. Он «репетирует». Стихи о министерстве писателей²⁴⁵ (кстати, рассказать ему надо, что Адоскину и Юрскому²⁴⁶ запрещают чтение его текстов к 40-летию войны). Гнусность юбилейности: 1) запрет не-русских лиц в издании о героизме разных народов, 2) нет евреев, 3) запрет Окуджавы, 4) запрет темы смерти!!! 5) Стаднюк о 1941-м, что и это победа.

Окуджава всегда остр, яростен, интересен. Написал рассказ о войне, стихи. Наталья Горлинка²⁴⁷. Концерт — король! Атмосфера поэзии, что бы ни читал: Божественную субботу, брата Гиви, Арбатский двор; пение всё тех же, вперемежку с другими. Временами забывает! Хуже — песня о Высоцком и войне, но — до слёз 1-я песня о Высоцком. Говорит, что жил в доме № 43 с 1924 по 1941-й; вдруг запел строки — *«ищет новых потерь просвещённый наш мир»*²⁴⁸. /323—324/

²⁴⁴ Хочет для этого заехать к нам, но не приезжает. — Ю. Э.

²⁴⁵ См.: «Век двадцатый явился спасателем...». Впервые опубли.: Стрелец. Париж; М.; Нью-Йорк, 1987. № 1. С. 13.

²⁴⁶ Адоскин Анатолий Михайлович (1927) — актёр театра и кино, чтец; нар. арт. России. Юрский Сергей Юрьевич (1935) — артист театра и кино, режиссёр, нар. арт. России, писатель.

²⁴⁷ Верно: Горленко Наталья Викторовна — историк, переводчик, автор и исполнитель песен на стихи Г. Лорки; её воспоминания см., например: *Горленко Н. Нас с Булатом метель закружила* / [Беседовал] Ф. Медведев // Мир новостей. 2004. 24 авг. (№ 35). С. 28—29; *Ради любви к Булату я бросила мужа* / [Беседовала] А. Велигжанина // Комсом. правда. 2004. 3—10 сент. С. 50.

²⁴⁸ Из сравнительно новых на тот момент стихотворений и песен здесь упомянуты: «Памяти брата моего Гиви» («На откосе, на обрыве...»), «Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве» («Упрямо я твержу с давнишних пор...») и новая редакция «[Второго] послевоенного танго» («Слетались девочки в наш двор...»).

Татьяна ЮРЬЕВА:

18 марта 1985 г.

Празднование 50-летия Сергея Юрского в Доме актёра. <...>

Булат Окуджава спел: «Не покупается доброе имя, талант и любовь...»²⁴⁹, и зал отчётливо завибрировал. /80–81/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

23 апреля 1985 г.

С утра — Булат; плохо выглядит, грустен, разывается «между чувством и долгом» — стремится к Н<аталье²⁵⁰> и считает годы. Читает 3 стихотворения — в том числе об иркутской гостинице и о сыне и трубаче... «Нечто среднее между песней и судьбой»²⁵¹. Говорим о Тютчеве. Затем — во Внуково, к Фазилю и ангелочку Сандрику²⁵². Шкляревский²⁵³ — «Булат, ты с гитарой?»; в доме все болеют за Карпова²⁵⁴; надежды, надежды <...>

Фазиль — стихи о вине *etc.* Булат — о ФРГ, о Володе [Войновиче], о его вилле, работе — перезвон со всеми *etc.* /330/

Вадим СИДУР:

26 апреля 1985 г. (Из письма К. Аймермахеру).

...Каждая ситуация, подобная сложившейся теперь, требует всегда одного и того же финала: покаяния тех, на кого в данный момент оказывается давление. Такое покаяние обычно называют «отпором идеологическим врагам», после чего ты из опалы попадаешь в фавору, тебе оказываются всяческие милости и даже почести. К сожалению, этот путь прошли многие, начиная с гениального Шостаковича, Пастернака и кончая нашими знакомыми: Окуджавой, Войновичем, Немухиным. /874/

²⁴⁹ Песенка черепахи Тортиллы из цикла «Приключения Буратино».

²⁵⁰ См. сн. ²⁴⁷.

²⁵¹ Упомянуты стихотворение «Мне не в радость этот номер...» и песня «В день рождения подарок преподнёс я сам себе...» (оба впервые опублик.: Юность. 1986. № 1. С. 19–20).

²⁵² Сандрик (1983) — сын Искандера.

²⁵³ Шкляревский Игорь Иванович (1938) — поэт.

²⁵⁴ Карпов Владимир Васильевич (1922) — Герой Советского Союза; военный прозаик; в 1981–1986 гг. главный редактор журнала «Новый мир», первый секретарь Союза писателей СССР в 1986–1991 гг. (одновременно с ним в правление СП был заочно избран О.); экспромт О. к его 60-летию «Я вижу в том признак великой судьбы...», а также обстоятельства его создания см. в кн.: Карпов В. Жили-были писатели в Переделкино... М.: Вече, 2002. С. 327–331.

Валентин КУРБАТОВ:

Май 1985 г. (Из письма А. Борщаговскому).

Я что-то опять закомплексован, от тоски не могу отделаться. Окуджава не могу начать²⁵⁵ целый месяц — ни строки не выходит. Посижу-посижу за столом, да так и встану ни с чем. /225/

Михаил АРШАНСКИЙ²⁵⁶:

11 июня 1985 г., пос. Комарово. (Из письма Копелевым).

Четвёртого апреля в Ленинграде был Окуджава²⁵⁷. Из множества поданных ему записок была и такая: «Как Вы относитесь к тому, что на ветровых стёклах автомобилей появляются портреты Сталина?» Булат ответил: «С отвращением!» /Орлова, Копелев-2, 300/

Валентин КУРБАТОВ:

Июнь 1985 г. (Из письма А. Борщаговскому).

...Я съездил и показал Окуджаве своё послесловие на его «Путешествие...». Сочинилось что-то капризное, раздражённое на Отечество, на тоску его власти и власть тоски, а про книжку только вроде бочком, хотя я и не очень вижу, что и как. /231/

25 июня 1985 г. (Из письма В. Астафьеву).

Я тут в конце мая ездил в Москву: надо было показать Окуджаве послесловие, которое я сочинил к его старому роману «Путешествие дилетантов»... /209/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

26–28 июня 1985 г. Дача.

...Рассказ: Абашидзе²⁵⁸ — Окуджава: Ок. поёт вольные песни — Аб. смущён, но грузин берёт верх: твой отец²⁵⁹ с Орджоникидзе русских привели! /330/

²⁵⁵ Имеется в виду послесловие к переизданию романа «Путешествие дилетантов». Опул. под загл. «За шлагбаумами» в кн.: Окуджава Б. Путешествие дилетантов. М.: Изв., 1986. С. 534–555. (Б-ка «Дружбы нар.»).

²⁵⁶ Аршанский Михаил (1913–1988) — инженер-связист, однополчанин и друг Л. Копелева. — *Коммент. авт.*

²⁵⁷ В этот день он выступал в Ленинградском госуниверситете им. А. А. Жданова.

²⁵⁸ Абашидзе Ираклий Виссарионович (1909–1992) — грузинский поэт.

²⁵⁹ Отец Окуджавы Шалва Степанович (1901–1938), большевик, боролся за установление советской власти в меньшевистской Грузии.

1 июля 1985 г.

...Адомишин²⁶⁰ чтит Пушкина, хотя и не слишком интеллигентен, но дружит со Смаховым, Булатом *etc.* /331/

7 августа 1985 г.

...Ночью — бастует Би-би-си; поют Высоцкого и Окуджаву. /333/

22–24 августа 1985 г.

...Разговор с Булатом — ему кажется медленным и «польским» Ян Кросс²⁶¹; статья Рассадина — о Давыдове, против Лебедева²⁶², об отношении к документу нашей эпохи. /334–335/

27 сентября 1985 г.

Гульрипши с 22-го. Перед тем, как всегда, сдан ряд работ («Раевский», «Азадовский»). Перед тем — прощание с внуками и другими предками. Перед тем — встреча с Окуджавой, он мне показывает текст Стрекотина²⁶³ — о расстреле Николая II. У него кризис домашности: «Если Олю очень любить — всё хорошо; если не очень — деспот». /336/

Юрий НАГИБИН:

2 ноября 1985 г.

Вчера ездили во Внешторгбанк. Столкнулись на улице с Окуджавой: доброе улыбающееся лицо, хорошие прозрачные глаза. Мы поцеловались, обменялись несколькими ничего не значащими фразами, но ощущение чего-то очень хорошего

²⁶⁰ Верно: Адамишин Анатолий Леонидович (1934) — дипломат, в то время зав. отделом МИД СССР.

²⁶¹ Кросс Ян (Ян Янович, 1920) — народный поэт Эстонии.

²⁶² Лебедев Александр Александрович (1928–2002) — критик, литературовед. Речь идёт о ст.: Рассадина С. Удовольствие от подлинности // Вопр. лит. 1985. № 8. С. 20–63. В ней, в частности, цитируется одна из ст. Эйдельмана, содержатся теоретические рассуждения о соотношении факта и вымысла в исторической прозе, а также критика кн.: Лебедев А. Грибоедов: Факты и гипотезы. М., 1980 («объединила в себе все... оттенки нынешних нападок на Тынянова», «категоричность, исключая иные толкования», «щедрая размашистость железной концепции, которой ради себя ничего не жаль» и пр.).

²⁶³ Стрекотин Андрей Андреевич — один из двух братьев-красноармейцев из внешней охраны Ипатьевского дома, участник расстрела семьи Николая II в июле 1918 г.; по одной из версий, вместе с братом участвовал в спасении царевича Алексея Романова. Видимо, имеется в виду текст его показаний (не опубл.).

не покидает меня до сих пор. Была связь между нами, и сохранилась память о том четвертьвековой давности времени. Я только сейчас начинаю понимать, как хороши были шестидесятые годы... /566/

<Ноябрь, после 4-го> 1985 г.

Для бездарных писателей у нас рай на земле, талантливых ждёт царствие небесное. Как, оказывается, все чтили, любили, ценили несчастного спившегося Юрия Казакова, которого даже Делегатом съезда не выбирали (не назначали), хотя там полно было ничтожеств. Ныне кажется, что Трифонов был вторым Шолоховым. А его почти всегда ругали, издавали скупое, и жил он за счёт заграницы и некоторого пиетета к его революционным предкам. То же самое разыграют в свой час с бедным Окуджавой и, противно думать, со мной. Хотя я едва ли вызову такое умиление — имущества больно много оставляю, да и жил размахисто, сволочь такая. А Булат превратился в окурочек. Это мимикрия, он стал хорошо издаваться, ездит за бугор то и дело, его признание всё растёт, и чтобы его не кусали, он прикинулся совершенным дохляком-оборванцем. Вот то, чего я никогда не умел. /567–568/

Вадим СИДУР:

29 декабря 1985 г. (Из письма К. Аймермахеру).

...Как вы знаете, в Москве проходил съезд писателей РСФСР. «Литературную газету» с кратким изложением выступлений мы для вас сохранили, но пока не посылаем. Возможно, она у вас уже есть. Коротко остановимся на докладе С. Михалкова²⁶⁴, который можно охарактеризовать как примирительный по отношению к различным враждующим группировкам. В числе прочих он назвал и отметил как положительных: Ю. Мориц, В. Маканина, Ю. Кима, Б. Окуджаву и всех других, кого только возможно. Не названными остались только А. Битов, что понятно, М. Рошин, что не совсем понятно, и Ф. Искандер. /945/

²⁶⁴Об О.: «Эстрадная, тихая, книжная поэзия — мы всё реже вспоминаем об их разграничительных эпитетах, которые только мешают понять самобытность, скажем, таких личностей, как А. Жигулин, А. Вознесенский, В. Шефнер, Р. Рождественский, А. Кушнер, Ю. Кузнецов, Б. Окуджава» (Задачи партии — задачи литературы: Докл. председателя правления СП РСФСР С. В. Михалкова // Лит. газ. 1985. 18 дек. С. 2).

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

2 марта 1986 г.

...У Булата — его анти-депрессинг; стихи о собачке (*a la* «Собачье сердце» Булгакова)²⁶⁵; неважные стихи о Сталине²⁶⁶. Мужественное, достойное письмо — с просьбой вернуть Любимова²⁶⁷. /341/

Фото Л. Шиловой

Раиса ОРЛОВА:

7 мая 1986 г.

...В этой же поездке, когда очередной владелец очередного книжного магазина, где нам предстояло выступать, вёз нас из Швебиш-Халль в Крайльсхайм, включил Окуджаву. Передать, что это такое, вдруг в чужой стране и на чужой стороне мы слышим песни — про многие помним, как и где услышали впервые, — закроешь глаза и видишь автора, и тысячи мелочей, каждая песня со своими воспоминаниями. Уже в Кёльне получили письмо (вместе с кассетой), что этот кусок пути для него, водителя, владельца книжной лавки, «незабываем», наверное, мы и подпевали и шептали, подсказывали слова. /332—333/

Лев КОПЕЛЕВ:

19 июня 1986 г.

...За завтраком Рая пересказывает, а то и «зачитывает» отрывки из прочитанного накануне. Сегодня, например, к кофе была полностью прочитана статья Н. Крымовой об Окуджаве («Дружба народов»)²⁶⁸, отличная, по-настоящему растрогавшая и взволновавшая нас, умная, добрая, тонкая, насквозь — ш а — такая «поэма в прозе»... /335/

²⁶⁵ Стихотворение «Собачка» впервые было опубликовано в журн.: Библиогр. 1994. № 2 (март — апр.). С. 64.

²⁶⁶ К этому времени на выступлениях О. впервые стал читать следующие анти-сталинские стихи: «Ну что, генералиссимус прекрасный...», «Убили моего отца...»; в конце марта — «Стоит задремать немного...» и Письмо к маме («Ты сидишь на нарах посреди Москвы...»).

²⁶⁷ Любимов с 1984 г. находился в эмиграции и был лишён советского гражданства. По-видимому, речь идёт о письме О. руководству государства.

²⁶⁸ См.: Крымова Н. Свидание с Окуджавой // Дружба народов. 1986. № 5. С. 260—264.

17 июля 1986 г.

...Рая с утра уже читала стихи Булата Окуджавы и позвонила Аннемари — вчера была годовщина смерти Генриха. Рая с Карлом-Хайнцем поехали, навестили Аннемари и могилу. /346/

Татьяна ЮРЬЕВА:

27 октября 1986 г.

После окончания вечера Искандера в ЦДЛ попала в маленькую комнату за сценой с неубранной посудой. Там, кроме Искандера, были Б. Окуджава и Б. Ахмадулина. Абхазец, грузин и татарка — виднейшие представители русской культуры, что вселяет в душу уверенность и надежду. /124/

Валентин КУРБАТОВ:

<Конец> ноября 1986 г. (Из письма А. Борщаговскому).

А тридцать-то седьмой год всё растёт: вот и у Окуджавы в «Дружбе народов» (№ 10²⁶⁹), и у Высоцкого (там же), и у Соболева «Якорей не бросать». Глядишь, так по маковой росинке (хотя «Покаяние» Абуладзе — это уже не росинка), слово по слову, всё и скажется и можно будет родную историю из потёмков возвращать. /276/

Раиса ОРЛОВА:

23 ноября 1986 г.

В ноябре 1976 года был в Кёльне знаменитый концерт Вольфа Бирмана²⁷⁰, после которого его лишили гражданства ГДР. <...> Ему 15 ноября исполнилось 50 лет и десять лет с того концерта. <...> Он устроил нечто вроде международного фестиваля бардов, с огромным преобладанием испаноязычных (был ещё один турок и одна прекрасная шведка²⁷¹). Пригласили и Окуджаву, но... [его не пустили²⁷²]. Бирман очень жалел. /359–360/

²⁶⁹ В № 10 журнала «Дружба народов» (С. 42–47) был впервые опубликован рассказ О. «Девушка моей мечты» о временах возвращения его матери из лагерей.

²⁷⁰ О нём в связи с О. см. письмо К. Аймермахера от 10.05.83 и соотв. сн. ²¹⁵.

²⁷¹ Видимо, имеется в виду Андерсон Кристина — шведская исполнительница песен О.

²⁷² Так в публикации. По-видимому, здесь и везде — комментарии авторов или публикаторов.

Татьяна ЮРЬЕВА:

18 декабря 1986 г.

В редакции «Литературки» слушала Окуджаву. Он прочёл свой новый рассказ из автобиографической серии, над которой сейчас работает. Рассказ средненький, местами забавный. Затем он стал читать стихи, большая часть которых была резко антисталинского звучания. И только после этого песни — немного старых и много новых.

Стихи в общем неплохи, рассказ так себе, а песни просто-таки вынимают душу. Когда Окуджава спотыкался, зал тут же подхватывал их чуть ли не хором.

30 декабря 1986 г.

Целый день снимали на квартире у Искандера. Окуджава вёл себя очень жёстко: ничего общего с лирическим героем своих песен. Остальные были, видимо, в своём репертуаре. Темпераментный и взвинченный Михаил Козаков, недовольный чем-то Хута²⁷³, ласковая Белла Ахмадулина и наш герой с дрожащими как в лихорадке губами. Трудный день... /127—128/

Райса ОРЛОВА:

8 марта 1987 г.

Мы давно знали, что Булат приезжает в Испанию²⁷⁴, и наши испанские приятели обещали нам позвонить, когда он будет. Мы долго разговаривали с ним по телефону.

Условились, что когда он поедет из Парижа в Берлин²⁷⁵, то мы подсядем к нему в поезд. Мы предложили по тому сценарию, что мы сядем в хвостовой вагон в поезд Париж — Москва, а он к нам придет, но он решительно запротестовал: «Я один в двухместном купе, сядете ко мне». Мы так и поступили, поехали в Аахен и проехали с ним на восток полтора часа. Из Ганновера надо было возвращаться, позже уже не было обратного поезда. Он мало изменился, разве что похудел. Грустен. Из близких упомянул только Булатика, который очень серьёзно занимается музыкой, композиторством, «больше ничего, кроме музыки, знать не хочет».

²⁷³ Гагуа Хута Лаврентьевич (1935) — поэт; ныне проживает в Финляндии.

²⁷⁴ Поездка О. в Испанию состоялась в середине января 1987 г.

²⁷⁵ В Западном Берлине в начале марта О. участвовал (в частности, с Э. Климовым, А. Адамовичем и В. Распутиным) в мероприятиях Недели советской культуры.

Прочитал нам стихи о Сталине, которые он «жарит со всех трибун»²⁷⁶, но их пока не публикуют. Прочитав, махнул рукой «агитка!», что, в общем, верно, но побольше бы таких агиток... А тому, что нам обоим очень понравился его рассказ «Девушка моей мечты»²⁷⁷, обрадовался. «Я давно не пишу. Ни прозы, ни стихов, ни песен...»

Про надежды: «Три группы интеллигенции. Небольшая — в полной эйфории, мол, уже живём в другом обществе. Другая — побольше — ничего нет, потому что ничего быть не может... И мы — нас большинство — открылась небольшая щель, — впрочем, её размера никто не знает, — и надо сделать каждому всё, что возможно. Не преувеличивая возможности, но и не преуменьшая их...»

В другом месте разговора, когда мы спросили про Дзэика [Самойлова], «Мы редко видимся, он приезжает в Москву. — Сам прервал себя: — А вы помните, что мы у него познакомились той зимой шереметьевской 1961 года?.. (Ещё бы нам не помнить...) Так вот, мы с Дзэиком, что называется, “вышли в люди”».

«Лёва, ты первый из-за границы позвонил в Горький Андрею Дмитриевичу»²⁷⁸, потом кто-то из Израйля, а потом позвонил я. А в Москву только раз позвонил, но их так замучили посетители и зарубежные, и отечественные, что я и не пытался увидеться...»

Расспрашивал мало, слушал, когда Лев развивал свои общие теории, как мне показалось, без особого интереса, а человечески шло от него к нам сильное излучение тепла. Явно искренне, и это было самым радостным. Никаких особых фактов он не сообщил, только оттенки настроений. Возвращается из Берлина, а потом у него поездка в Париж на какую-то конференцию²⁷⁹. Был на форуме. «Они сначала сделали так же, как

²⁷⁶ К тому времени к ранее написанным (см. сн. ²⁴⁸) добавились «антисталинские» стихотворения «Сталин Пушкина листал...» и «Собрался к маме — умерла...». Стихи этого «цикла» автор действительно читал на всех своих выступлениях.

²⁷⁷ См. сн. ²⁶⁹.

²⁷⁸ Телефон на горьковской квартире Сахарова был установлен только 14 декабря 1986 г., а 22 декабря он уже направился из ссылки в Москву.

²⁷⁹ 26 и 27 марта состоялась встреча советских и французских писателей «Диалог литераторов в канун XXI века», организованная ассоциацией «Франция—СССР» и СП. Параллельно на VII Парижском салоне книги в Гран Пале (конец марта) впервые участвовала делегация советских писателей: кроме О., О. Чиладзе, Ф. Чуев, В. Гусев, М. Залите, Р. Киреев, И. Драч, А. Афанасьев и др. (см.: *Привалов К.* Диалог в Париже // Лит. газ. 1987. 1 апр. С. 7; 6 мая. С. 11).

раньше, по их номенклатурным правилам, а потом спохватились, что надо тех звать, кого за границей знают, вот меня и позвали на второй день...»²⁸⁰ /390—392/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

26 апреля 1987 г.

Вечером Булат, Оля, Джоан²⁸¹. /378/

Давид САМОЙЛОВ:

27 апреля 1987 г.

Вчера слушал Северянина в исполнении Софьи Блюхер²⁸². Недостаток вкуса тут сработал. Северянин звучит свежо, талантливо.

Блюхер читала замечательное письмо Булата о Северянине, адресованное ей²⁸³, где Окуджава выглядит зрелым, самостоятельным, великодушным художником. /2, 232/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

8 мая 1987 г.

...Затем — у Феликса²⁸⁴. <...> Одни глаза, очнулся. Начал говорить — «Не успел... написать статью, книгу *etc.* Затем — о Рыбакове, о некоторой бессмысленности любимого им *Булата* — Ты прозрачен асфальт». «От любви твоей...» Вспомнил юность, болтовню, шахматы, поездки, обсуждения; Булата — он «эмблема»²⁸⁵. /379/

²⁸⁰ Интернациональный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества» состоялся в Москве в конце февраля. Выступление О. на нём см.: Лит. обозрение. 1987. № 5. С. 9.

²⁸¹ Дж. Афферики. О ней см. сн. ²⁴².

²⁸² Блюхер Софья Давыдовна — актриса, педагог; с 1952 по 1984 гг. играла на сцене Русского драматического театра в Таллине; лауреат премии И. Северянина 1997 г.

²⁸³ В настоящее время известна лишь запись О. в книге почётных гостей домика Игоря Северянина в эстонском посёлке Тойла, впервые опубл. в ст.: *Кривошеев Е.* «Я Россию люблю — свой родительский дом...» // Аврора. Л., 1987. № 5. С. 81.

²⁸⁴ Арский [Феликс Наумович (1929—1987), однокурсник и друг Н. Э.] умирал от рака печени... — Ю. Э.

²⁸⁵ И далее, запись от 16 мая 1987 г.: «1.30 умер Феликс Арский. Хорошо, что последний разговор — о шахматах, о “Детях Арбата”, о “прозрачном асфальте”, “от любви твоей”» /380/.

Давид САМОЙЛОВ:

12 августа 1987 г.

Вечер Гердта²⁸⁶ с моим участием. Люди, побывавшие на его вечерах, утверждают, что он говорит одно и то же. Замечательная роль.

3. прочитал мне прекрасное стихотворение Булата о бабке и прабабке²⁸⁷. /2, 238/

29 октября 1987 г. <Москва>

12-го. На открытии сезона в ВТО. Много остроумного. <...> Отвёз меня туда и обратно сердитый Окуджава... /2, 239/

5 марта 1988 г. <Москва, в больнице>

...Днём болтали с Булатом. Он лежит в ста шагах от меня по длинному коридору. Со мной он приветлив. А вообще нелюдим, сторонится общения. Слава искажает характер почти любого...

10 марта 1988 г. <Москва, в больнице>

...Булат печален, нелюдим. Все ему надоели... /2, 246/

11 марта 1988 г. <Москва, в больнице>

...Вечером болтал с Булатом и Олей.

15 марта 1988 г. <Москва, в больнице>

Читаю разное. Булата, выписанного из больницы, просил сочинить четверостишие. Сочинили вдвоём:

Гляжу я в окно.
В окне Пироговка.
Хоть старость говно,
Но это неловко. /2, 247/

Игорь ДЕДКОВ:

22 марта 1988 г.

Всё отлетает назад и уменьшается. Если мы помним что-то вдвоём, то мы друг другу поможем. А если никого уже не осталось, кроме тебя, от того далёкого дня в кабинете директора библиотеки, когда среди белого дня, посреди работы, мы слу-

²⁸⁶ Гердт Зиновий Ефимович (1916–1996) — актёр, нар. арт. СССР.

²⁸⁷ Стихотворение О. «Хочу воскресить своих предков...» в то время ещё не было опубликовано. Оно напечатано в журнале «Огонёк» (1988, № 19) и в книге «Стихотворения» в серии «Новая библиотека поэта» (СПб., 2001), датировано 1988 г. — В. Т.

шали Окуджаву, и это было открытие, московская новость, дунновение дерзкой свободы.

Сегодня Тома сказала, что хоронили Андрея Селивёрстовича Морозова, директора библиотеки в ту пору, когда я появился в Костроме. А плёнки с Окуджавой привёз тогда Коля Попов, методист библиотеки, и его тоже нет, и очень давно.

Теперь я сижу на даче Цека, вечер, и «Маяк» передаёт Окуджаву. И Окуджавы давно много, почти сколько хочешь, он победил, и вроде бы мы победили, наше строптивое поколение.

Но полной веры в победу нет. Нам бы её пораньше. (Нет, ты скажи: нам бы её подарили пораньше. Наша заслуга только в том, что не всё растеряли, не всё разменяли. И кое-какие силы сохранились.) /510/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

11 мая 1988 г.

...15–17 ч. в журнале «Театр» с Любимовым. Губенко²⁸⁸ благородно объявляет Ю. П. основоположником и говорит, что театр — его. У Губенко не было квартиры, он спал в чулане (вместе со Славиной), затем повысился до кабинета парторга рядом с сейфом. Любимов поселил его у мамы, потом выбил ему квартиру на Фрунзенской набережной, где он и сейчас. Когда Любимов уехал, Н. — «Ну, на белом коне он в Москву не въедет». Булат — «Вы предпочли бы белый костёр?» Андропов помог ему прокатить Высоцкого в 1981 г. — «Почему ко мне?». /410/

Наталья ШМЕЛЬКОВА²⁸⁹:

28 июня 1988 г.

Ерофеев²⁹⁰ сообщил приятную новость: его публикация «Петушков» в «Вести»²⁹¹ признана лучшей, он получит за неё денежную премию. Даже показал протокол собрания, который принёс ему Давыдов.

²⁸⁸ Губенко Николай Николаевич (1941) — актёр театра и кино, кинорежиссёр, нар. арт. России; после смерти А. Эфроса в условиях эмиграции Любимова возглавил Театр на Таганке (1987–1989); позднее — инициатор раздела этого театра на два.

²⁸⁹ Шмелькова Наталья Александровна — коллекционер современной живописи; литератор.

²⁹⁰ Ерофеев Венедикт Васильевич (1938–1990) — писатель, автор повести «Москва — Петушки» (1969), долгое время известной в СССР по самиздату и тамиздату.

²⁹¹ Весть: Проза; Поэзия; Драматургия. Альм. М.: Совет. писатель, 1989.

Из протокола собрания экспериментальной группы «Весть»:

Присутствовали: Каверин В. А., Окуджава Б. Ш., Самойлов Д. С., Искандер Ф. А., Сухареv Д. А., Гутман Л. Н., Давыдов А. Д., Евграфов Г. Р., Ефремов Г. И., Калугин И. А.

Отсутствовали по уважительным причинам: Быков В. В., Межелайтис Э. Б., Черниченко Ю.

Обсуждался окончательный состав первого сборника «Весть». Состав сборника одобрен.

Решение: установить денежную премию за лучшую публикацию в сборнике «Весть» и вручить её В. В. Ерофееву за повесть «Москва – Петушки».

7 апреля 1988 г. Переделкино. /147/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

13 августа 1988 г.

Одухотворяющий телевечер Булата и Медведева²⁹². Свободный человек! Андрей Битов — из США — о Сталине, «главном писателе» (а Булат — о растворении его в крови); о Пушкине и Толстом <...>. /418–419/

6 ноября 1988 г.

Анджей и Кристина Вайда, Окуджава, Юлики, Рубановы²⁹³... /425/

18 ноября 1988 г.

Путь в Швейцарию из Бутырок. <...> Швейцария, огни Женевы. Встреча Лиды (Лики), Армана²⁹⁴; быстрый проезд по Женеве... /426/

Давид САМОЙЛОВ:

1988 г. (Общий дневник)

Каламбуры

«Буля мглою небо кроет...» (О Булате Окуджаве)... /2, 326/

²⁹² Медведев Феликс Николаевич — журналист; в то время обладатель коллекции поэтических книг и автографов; одно время вёл телепрограмму «Зелёная лампа». В этот день вышла в эфир передача с участием О., где он, в частности, спел сравнительно новую песню «На Сретенке ночной...».

²⁹³ Вайда Анджей (1926) — выдающийся польский кинорежиссёр, и его жена; Ю. Крелин с женой — кинокритиком Польской Лидией Ивановной (1947–2001); Рубанова Ирина Ивановна — кинокритик, и её муж Пажитнов Леонид Николаевич (1930–1997) — критик, литературовед.

²⁹⁴ Мы познакомились в Москве через Окуджаву с русской женщиной Ликой Брон, вышедшей много лет назад замуж за француза Армана и преподававшей русский язык в Женевском университете, она с мужем и с подругой Наташей были основными гидами Натана в Женеве. — Ю. Э.

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

28 января 1989 г.

...Звонок Окуджаве: ему было плохо, бежал домой — «на инфаркт»: стенокардия — от психологических моментов, мои предчувствия, пожелания. /434/

Давид САМОЙЛОВ:

15 февраля 1989 г. (Из письма Л. Чуковской).

...Как уже сказал, стараюсь читать побольше. Но и стихи. Читаю Володю [Корнилова], Чичибабина, Окуджаву. /Переписка, 250/

4 июня 1989 г.

...Письма от Булата и Лидии Корнеевны... /2, 266/

Натан ЭЙДЕЛЬМАН:

23–25 июля 1989 г.

У Булата — Ольгин день²⁹⁵, его хорошая форма, ему нравится происходящее — проснулись. Толкуем о стачках — умысел Горбачёва?.. /458/

Начало августа 1989 г.

...У Булата: он пишет автобиоироман²⁹⁶ и им захвачен: обрёл спокойствие! /459/

Наталья ШМЕЛЬКОВА:

10 ноября 1989 г.

На соседской машине Веня, Галя²⁹⁷ и я едем в Москву. В ЦДЛ, по случаю выхода «Вести», устраивается банкет. Ерофеев очень просит, чтобы я не уезжала домой, а поехала вместе с ними в Дом литераторов. В последний момент, сославшись на мигрень, отказалась, чтобы не омрачать Гале праздник своим присутствием.

²⁹⁵ День рождения жены.

²⁹⁶ Автобиографический роман «Упразднённый театр», согласно авторской датировке, начат в 1989 году. Однако до того, согласно изначальному замыслу, он начинался с событий конца 1950-х; впоследствии начало романа было опубл. как отдельная повесть (см.: Подозрительный инструмент // Окуджаву Б. Заезжий музыкант: Проза. М.: Олимп — ППП, 1993. С. 260–301). Она датирована автором 1988 годом.

²⁹⁷ Жена В. В. Ерофеева.

11 ноября 1989 г.

Утром звонит Галя. «Мальчик²⁹⁸ очень просит, чтобы ты его навестила». Приезжаю. После банкета Веня в чудовищном состоянии. С трудом что-то рассказывает мне о вчерашнем знакомстве с Булатом Окуджавой, который поднял тост за его здоровье... /265–266/

Давид САМОЙЛОВ:

10 ноября 1989 г. <Москва>

Выступал на вечере памяти Слуцкого. Потом банкет, устроенный молодыми по поводу выхода «Вести».

Познакомился с Ерофеевым. Это красивый и очень большой человек.

Булат. Черниченко²⁹⁹.

Хороший вечер.

11 ноября 1989 г. <Москва>

Утром зашёл Булат. Говорили о его прозе. Рассказывал о новой вещи... /2, 275/

1 февраля 1990 г.

Саша³⁰⁰ сообщил по телефону от имени Булата, что я принят в ПЕН-клуб³⁰¹. /2, 280/

Девяностые

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

8 октября 1991 г.

Булат Окуджава рассказывает:

— Гулял, встретил Егора Исаева³⁰². Он спрашивает: «Ты не устал от славы?» Я как-то растерялся, стал объяснять, что слава, вообще говоря, вещь посмертная. Мои слова он пропустил мимо ушей и сказал убеждённо: «А я устал!». /3, 171/

²⁹⁸ Домашнее прозвище В. В. Ерофеева.

²⁹⁹ Черниченко Юрий Дмитриевич (1929) — очеркист, публицист.

³⁰⁰ Александр Давыдов, сын Д. Самойлова (1953).

³⁰¹ О. с 1989 г. был членом исполкома Русского ПЕН-центра.

³⁰² Исаев Егор Александрович (1926) — поэт; функционер СП.

Татьяна ЮРЬЕВА:

4 декабря 1991 г.

Звоню Окуджаве с некоторым содроганием. Уж больно он неконтактный человек, но такова профессия! /225/

24 декабря 1991 г.

Брала видеокамеру на Шаболовке³⁰³. Я присматриваюсь к ней, пока не понимая её очарования. Но старожилы говорят, что летом и осенью здесь будет замечательно. Съёмка Окуджавы прошла легко. Он был мил до чрезвычайности. /226/

24 февраля 1992 г.

Посмотрела по телевизору вечер Окуджавы из ЦДЛ, это зрелище оказалось для меня печальным. Не было у него прежней силы и уверенности. На сцене стоял согбенный старик. /229/

30 мая 1992 г.

...Сейчас читаю «Путешествие дилетантов» Окуджавы, странная и невнятная книга. /235/

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

<До 15 марта> 1993 г.

Булат Окуджава рассказывал мне, что в его даче живёт мышонок, который вместе с ним смотрит телепередачи³⁰⁴. /3, 194/

<Между 16 марта и 20 апреля> 1993 г.

День рождения Льва Разгона³⁰⁵ отмечали у меня на даче в узком кругу: Лев с дочерью Натальей, Юра Давыдов с женой³⁰⁶, Булат Окуджава и я. Лев утверждал, что партократы нынешние очень похожи на партократов 1930-х годов, а я говорил, что нынешние страшнее. Те были фанатиками, они верили (не важно, во что), а нынешние ни во что не верят. Булат меня поддержал. /3, 195/

³⁰³Телестудия третьего (образовательного) канала ТВ.

³⁰⁴Эта история позднее стала рассказом «Мышка». Впервые опублик. в подборке «автобиографических анекдотов»: Лит. газ. 1996. 23 окт. С. 3.

³⁰⁵Разгон Лев Эммануилович (1908–1999) — критик, прозаик; его отклики на кончину О. см.: *Разгон Л.* Он пел о том, о чём должен думать каждый // Моск. новости. 1997. 15–22 июня (№ 24). С. 2; Он остался победителем // Рус. мысль. 1997. 19–25 июня. С. 17. Стихи О. о нём — см.: «Песенка Льва Разгона» и «Прощание с Л. Разгоном».

³⁰⁶Давыдов Юрий Владимирович (1924–2002), прозаик, автор исторических романов (ему посвящено стихотворение О. «Нужны ли гусару сомнения...»), и его жена Тарошина Бронислава Дмитриевна, критик.

Татьяна ЮРЬЕВА:

10 мая 1993 г.

Была на презентации книги³⁰⁷ Окуджавы. Вечер был так себе, не очень-то он был подготовлен. Камбурова, Никитины, Макаревич, Качан спели его песни. Виртуозно сыграл на гитаре кинорежиссёр Пётр Тодоровский. Крутили отрывки из фильмов, где есть песни Окуджавы.

Открыл вечер мрачный Говорухин³⁰⁸. А потом, страшно волнуясь, сумбурно говорила актриса Тамара Сёмина, учившаяся у Окуджавы в Калуге в вечерней школе. Сам Окуджава охотно вспоминал юношеские проказы. Ему на будущий год — 70 лет. Зал встал, приветствуя *своего* поэта. /253/

Валентин КУРБАТОВ:

15 октября 1993 г., г. Чусовой (Из письма В. Астафьеву).

Бедный Сергей Палыч Залыгин вымечтал поездку на теплоходе в Святую Землю, где надеется собрать Вас, Валентина Григорьевича, Окуджаву, Нагибина, Белова³⁰⁹... Я уж и разочаровывать его не стал, что такой корабль переломится и затонет ещё в порту, не успев отойти от причала. /326—327/

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

<Между 3 и 24 октября> 1993 г.

В Театре Вахтангова вечер в честь 500-летия Арбата. Поехали с Булатом. Он всячески сторонился своей причастности к этому празднику, ещё раз доказав мне, насколько он скромный человек. Категорически лишён пустозвонства. /3, 205/

³⁰⁷ Милости судьбы. М.: Моск. рабочий, 1993.

³⁰⁸ Камбурова Елена Антоновна — певица, нар. арт. России; начинала с песен О., проявила себя как последовательный пропагандист бардовской и поэтической песни; ей посвящено стихотворение «Памяти Обуховой»; её воспоминания см.: Камбурова Е. Он защищал нас от грубости и невежества // Голос надежды. Вып. 2. С. 5—9. Макаревич Андрей Вадимович (1953) — автор-исполнитель песен, засл. арт. России, бессменный руководитель рок-ансамбля «Машина времени». Качан Владимир Андреевич (1947) — актёр театра и кино, автор-исполнитель песен на стихи Л. Филатова и др. Тодоровский Пётр Ефимович (1925) — кинорежиссёр, нар. арт. России; соавтор О. по фильму «Верность»; его воспоминания см.: Тодоровский П. Мы работали и были счастливы // Встречи в зале ожидания. С. 55—57. Говорухин Станислав Сергеевич (1936) — кинорежиссёр, драматург, с 1993 г. — депутат Госдумы.

³⁰⁹ Распутин Валентин Григорьевич (1937); Белов Василий Иванович (1932) — прозаики-«деревенщики», публицисты реакционного толка.

<Между 28 ноября и 23 декабря> 1993 г.

Булат говорит:

— Вот написал первый том мемуаров, напечатал в «Знамени»³¹⁰, а дальше не пишется и не знаю, нужно ли. Нет уверенности. Но главное — не пишется... Может быть всё и закончится детством и отрочеством... /3, 208/

Марк ХАРИТОНОВ:

<29 декабря 1993 г.>

Д. Галковский³¹¹. Я не читал целиком его «Бесконечный тупик», да в полном объёме его никто ещё, кажется, не читал. <...> Взрыв бурных чувств вызвали скандальные разносы, которые он учинил массе знаменитостей, от Гоголя и Чехова до Платонова и Солженицына, Окуджавы и Высоцкого. Вот на это многие попались, кинувшись защищать святые имена. /343/

Александр БОРЩАГОВСКИЙ:

Январь 1994 г. (Из письма В. Курбатову).

К моему 80-летию Залыгин³¹² сумел сделать мне внушительный подарок: включил в число литераторов, приглашённых в некий круиз, именуемый «культурной миссией», — в трёхнедельное плавание по Средиземному морю, с остановкой по 2-3 дня в Греции, Египте, Израиле и Турции. Радость эта не из лёгких, вернее, не по возрасту — этот марафон удобнее для сорока- или пятидесятилетних. Бригаду литературную подобрали будь здоров — Астафьев, Залыгин, А. Битов, Окуджава, Ма-

Александр Борщаговский
записки
баловня
судьбы

Дорогой Булат Иванович!

Осталось лишь, чтобы эта
скромная, но обязательная
книжка попала к Вам
без помех.

Дружески,
сердечно!

Александр
Борщаговский

16.5.94

Москва
Самостоятель. писатель
1991

ИЗДА-
ТЕЛЬ-
СТВО
И В
НИИ
РАС-
СЫ-
ЛНИ
АВТ
ОБ
УЧ-
Н.А.
ОБ-
О
АВТ
ОБ
ОБ
ОБ
ОБ

³¹⁰ Первая книга романа «Упразднённый театр» впервые опублик.: Знамя. 1993. № 9. С. 4—55; № 10. С. 77—125. О. отказался от планов написать вторую книгу.

³¹¹ Галковский Дмитрий Евгеньевич (1960) — критик; упомянутая книга печаталась в отрывках в периодике, полностью опублик. в 1997 г.

³¹² Залыгин Сергей Павлович (1913—2000) — прозаик, публицист; главный редактор журнала «Новый мир» с 1986 по 1997 г.

канин, Лихоносов, Солоухин, Потанин, Олеся Николаева, Архангельский, Чухонцев, Роднянская³¹³ и т. д.

О поездке этой не расскажешь в письме; самое удивительное в том, что, где бы мы ни оказались — у Стены Плача, у пирамид, на Акрополе, — странным образом улетучивалось чувство новизны, всё казалось хорошо знакомым, уже виданным, почти привычным. Причин может быть много: «зачитанность», стёртость сознания, усталость, всё, вплоть до неготовности (личной) культуры воспринять, потребить этот обвальный, водопадный поток. А может быть, интерес к людям вокруг, поглотивший всё другое?

Среди людей первое место — Виктору Петровичу. Мы всё это время провели в одной каюте и в одном двухместном купе из Москвы в Одессу и обратно... /445/

Валентин КУРБАТОВ:

Январь 1994 г. (Из письма А. Борщаговскому).

...Я был тоже приглашён Сергеем Павловичем на корабль в поездку, которую Вы так хорошо описали. Но я позволил себе сразу усомниться в реальности плана, который вынашивал Сергей Павлович, что, собрав под одной крышей Астафьева и Распутина, Окуджаву и Нагибина, он сумеет снять то разрушительное напряжение, которое уже разорвало Союз³¹⁴. Идея говорила о добром сердце Сергея Павловича и его святом романтизме, но не сулила успеха и, кажется, такова и была. Во всяком случае, как я понял по обмолвкам Астафьева, Лихоносова и Потанина, никакого конструктивного диалога не было. /446/

Виктор АСТАФЬЕВ:

22 февраля 1994 г., <с. Овсянка> (Из письма В. Курбатову).

Съездил я в конце ноября — начале декабря по морям и странам в опчестве, названном «Культурная миссия России», и было нас 520 душ, в том числе более 20 писателей —

³¹³Маканин Владимир Семёнович (1937) — прозаик; Лихоносов Виктор Иванович (1936) — прозаик; Потанин Виктор Фёдорович (1937) — прозаик; Николаева Олеся Александровна — поэт, прозаик, дочь поэта Николаева (см. сн. “); Архангельский Александр Николаевич (1962) — критик, литературовед; Роднянская Ирина Бенционовна — критик, автор заметки об О. в «Краткой литературной энциклопедии» (1968).

³¹⁴Имеется в виду разделение Союза писателей СССР на несколько союзов.

Солоухин, Залыгин, Розов, Окуджава, Чухонцев и два Вити были — Лихоносов и Потанин, а со мною дак и три, был Ваня Завражин из Липецка, большой знаток поэзии, и Миша Кураев³¹⁵ из Петербурга был, очень это хороший писатель и человек. В каюте со мной зимогорил Александр Михайлович Борщаговский, сперва он угнетал меня многословием и перечислением друзей во всём мире, а потом иссяк и всё пошло нормально. <...> Побывали мы в Греции, Египте, Израиле и Турции. Посещение Иерусалима, Вифлеема, гроба Господня, Назарета и места Крещения Христа на Иордане произвело на меня успокаивающее, благотворное действие... /328—329/

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

<Декабрь, после 17> 1995 г.

— Солженицын идеализирует Россию, — говорит Булат. — Большевики точно нащупали её слабости. Ведь лозунг «Грабь награбленное!» — это лозунг Пугачёва, он всегда был близок России...

Потом о разном говорили. Булат считает, что критиковать бездарных писателей — без толку. Надо критиковать их редакторов, тех, кто выпускает бездарные книги. Хорошо сказал: «Наше искусство находится на ресторанном уровне». /3, 232/

Татьяна ЮРЬЕВА:

19 декабря 1994 г.

...Недавно объявили, что Букер в этом году получил Окуджава³¹⁶. Это справедливо и нет. Человек, спору нет, он замечательный. И писатель хороший. Но премированная вещь, по мнению авторитетных людей, очень слабая. /296/

Марк ХАРИТОНОВ:

11 августа 1996 г.

...Поехал в Переделкино — у Светланы³¹⁷ была выставка в Доме-музее Чуковского. <...> Потом посидели с музейной компанией в небольшом домике возле музея. Кома упомянул слова Окуджавы, приходившего на выставку: «Здесь хоть уви-

³¹⁵Завражин Иван Сергеевич (1941—2005) — поэт; Кураев Михаил Николаевич (1939) — прозаик.

³¹⁶Международную Букеровскую премию в 1994 г. (за 1993) получил роман «Упразднённый театр».

³¹⁷См. сн. ¹⁸³.

дишься с людьми». Я стал расспрашивать, что это значит: мне казалось, что жизнь в Переделкине — возможность для сплошного, ежедневного общения. Меня заверили, что это давно уже не так. /381/

Татьяна ЮРЬЕВА:

19 августа 1996 г.

...И сегодня ночью Булат Окуджава попал в реанимацию Института Склифосовского. По последним сведениям, ему стало лучше. Ну дай-то Бог! Невыносимо думать, что с Окуджавой может случиться что-нибудь ужасное. Живите, пожалуйста, Булат Шалвович! /346/

29 августа 1996 г.

Плохое настроение не на пустом месте. Снисла от чтения опуса некоего А. Кондратова «Здравствуй, ад!», от просмотра выступления Б. Окуджавы — меня почему-то покорило его наигранный артистизм... /347/

12 июня 1997 г.

Только что передали, что Булат Окуджава попал в реанимацию в Париже и его состояние крайне тяжелое. Тревожно.

13 июня 1997 г.

Вчера в Париже умер Булат Шалвович Окуджава. Я узнала об этом утром, когда мне позвонили со студии. Говорят, что его организм полностью утратил иммунитет и поэтому не мог сопротивляться инфекции.

Посмотрела в новостях сюжеты, связанные со смертью Окуджавы. Что-то не то. Чета Липкиных³¹⁸ сокрушается, что он больше не придёт к ним и не спросит: как дела? Господи, и это говорят о человеке, который определил эпоху! Его голос, его интонация, его песни — да только при них и можно было жить в нашей стране! /369—370/

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

13 июня 1997 г.

Вчера в Париже умер Булат Окуджава. Гигантская потеря для русской поэзии, вообще для литературы.

³¹⁸ Липкин Семён Израилевич (1911—2001) и Лиснянская Инна Львовна — поэты, переводчики, супруги; в знак протеста против исключения из СП Е. Попова и В. Ерофеева за участие в альманахе «Метрополь» (см. сн. ¹⁶⁸) в 1979 г. добровольно вышли из его состава; Лиснянской посвящено стихотворение «В альбом...».

Мы познакомились в Ленинграде в 1962-м. Там тогда проходили Дни журнала «Юность». Булат жил в Питере где-то на окраине, у него был огород, картошку выращивал. Он был очень беден, ходил в чёрном свитере и чёрных брюках с пузырями на коленках. А в стране не было магнитофона, на котором не были бы записаны его песни, он пел по всему СССР. Если бы не за песню даже, а за каждую бобину с плёнкой ему платили бы копейку, он был бы очень богатым человеком. Тогда на вечерах «Юности» выступали совсем молодые Белла, Вася Аксёнов, Гриша Горин. Я читал отрывки из «Заводной обезьяны». Булат пел песни под гитару. Однажды в каком-то огромном ДК мы с ним во время антракта прохаживались в фойе, когда к нам подскочили какие-то девчонки, сверкая глазами, кричали ему в лицо: «Как вам не стыдно! Вы развращаете нашу молодёжь!!» Булат спокойно тихим голосом стал им что-то объяснять, оправдываться. Они перебивали, не слушали его. Я еле утащил его за кулисы...

Все эти годы мы встречались от случая к случаю, а потом судьба свела нас в Переделкине.

Лёлька [моя дочь — Я. Г.] принесла с новогоднего праздника коробку с конфетами в виде большого пластмассового колокольчика, а когда съела конфеты, сказала, что этот беззвучный колокольчик надо подарить дяде Булату, поскольку видела у него коллекцию колокольчиков. Булат растрогался и подарил ей настоящий, который умеет звонить. Он висит у меня в Переделкине при входе и сигналил, когда кто-то входит в дом.

Перед отъездом во Францию он вдруг позвонил мне по телефону, начал расспрашивать, как я живу. Мы, бывало, перезванивались, но никогда раньше он меня так не расспрашивал, ведь близкими друзьями мы не были... Я люблю его книги и его песни. Песни прошли со мной через всю мою взрослую жизнь. Помню, на Памире я пел его песни, чтобы не заснул на горной дороге усталый шофёр... Господи, сколько ещё всякого я знаю и помню о нём!.. Строки из его песен становились газетными заголовками. Я вырезал их и дарил ему. У него была целая папочка моих вырезок... Он был очень хороший человек. Настоящий. Сознание, что его нет и не будет, угнетает. /3, 267–269/

<Июнь, после 13-го> 1997 г.

Я не помню, чтобы Булат хохотал, но он замечательно улыбался... /3, 269/

Татьяна ЮРЬЕВА:

16 июня 1997 г.

Глядя на сюжет в «Итогах»³¹⁹, где показывали прощание с покойным Булатом Окуджавой в Париже, я вдруг поняла, что непосредственный показ события по телевидению снижает его ценность, так как все кому не лень превращаются в принудительных зевак. /370/

Марк ХАРИТОНОВ:

18 июня 1997 г.

Умер Лёва Копелев. Совсем недавно я поздравлял его с 85-летием. Кому сейчас послать телеграмму соболезнования? По ТВ показывали панихиду по Окуджаве. На Арбате стояли в очереди под дождём три часа. С ним я не был так близко знаком. А до них ушёл ещё и Синявский. Что-то густо пошло... /391/

Прощание на Арбате
Фото Д. Азарова

Татьяна ЮРЬЕВА:

19 июня 1997 г.

Сегодня хоронят Окуджаву. Вчера, сидя в зрительном зале Вахтанговского театра, слушая его песни и следя за потоком людей, пришедших проститься с ним, я ощущала во всём происходившем фальшивую ноту, которая оскорбляла внутреннее чутьё.

Окуджаву лежал в дорогом гробу, в котором ныне хоронят убитых мафиози. Рядом с вдовой сидела Наина Ельцина³²⁰. Проститься с Окуджавой пришли *первые вице-премьеры*. /370/

29 июня 1997 г.

Под утро сон об Окуджаве. Я кому-то рассказываю о своих (не слишком приятных) впечатлениях от общения с ним. И ви-

³¹⁹ Недельная новостная передача канала НТВ.

³²⁰ Ельцина Наина Иосифовна — супруга первого Президента России Б. Н. Ельцина.

жу, что Окуджава сидит рядом за столом, тяжело склонив голову. Мне тут же становится неловко за свои слова. /371/

Ярослав ГОЛОВАНОВ:

<Между 21 января и 3 февраля> 1999 г.

Мне стихи Высоцкого нравятся больше его песен. Перманентную истерию его песен с этим раскатистым рычанием я принять не могу. Наверное, я слишком люблю Булата. /3, 307–308/

<Между августом и 7 сентября> 1999 г.

Юра Давыдов вспоминает Булата:

— Я поехал с какой-то политесной писательской делегацией в Берлин вместе с Булатом. Я спрашиваю: «Зачем согласился ехать?» А он мне в ответ: «Мне шланг для огорода нужно купить...» Купил шланг и сразу уехал в Москву.

Давыдов сидел с Булатом на заседании ПЕН-клуба. Зашёл разговор о задолженностях по членским взносам, и какая-то дама пошла по рядам со списком должников. Булат посмотрел список и говорит чуть слышно на ухо даме:

— Здесь фамилия Дудинцева³²¹. Не беспокойте его... Он тяжело болен... Сколько он должен? Я заплачу...

Тихонько достал деньги и заплатил. /3, 329–330/

Кирилл КОВАЛЬДЖИ³²²:

25 марта <1999 г. >.

Звонила Оля Окуджава, благодарила за стихи о Булате³²³ (ей прочёл Разгон по телефону). Был на вечере памяти Ильи Кричевского³²⁴. И то, и другое связалось мыслью об условностях. Оля в Париже крестила умирающего Булата (мне Федотов³²⁵ сказал, что Булат был без сознания) и нарекла его Иоанном.

³²¹ Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918–1998) — прозаик, автор знаменитых романов «Не хлебом единым» и «Белые одежды», символизирующих Оттепель и Перестройку.

³²² Ковальджи Кирилл Владимирович (1930) — поэт.

³²³ См.: Ковальджи К. «...Пьяные монтеры, слесаря...» // Лит. вести. № 36. 1999. Апр.

³²⁴ Один из трёх юношей, погибших во время путча в августе 1991 г.

³²⁵ Федотов Михаил Александрович (1949) — в то время постоянный представитель России при ЮНЕСКО, у которого О. останавливался во время своего последнего пребывания в Париже, организатор нескольких выступлений поэта там; упоминается в стихотворении «Впечатление»; его воспоминания см.: Первый и последний // Лит. обозрение. 1998. № 3 (май–июнь). С. 35–38; Последние дни Булата Окуджавы в Париже / [Беседовал] Ю. Коваленко // Изв. 1997. 18 июня.

Последнее меня удивило: неужто можно помыслить, что Богу в таком исключительном случае важно, есть ли имя в святцах или нет? К тому же для православных русских, грузин, румын — у церкви разные списки имён! А когда хоронили Илью Кричевского, раввин Зиновий Коган столкнулся с дилеммой: была Суббота! Он решился (нарушил!) и сотворил обряд погребения... /122/

Источники обзора:

Аймермахер К. — см.: Сидур В., Аймермахер К.

Антокольский П. 1) Из дневников / Вступ. заметка, публ. и коммент. А. Тоома // *Вопр. лит.* 1986. № 12. С. 157–180; 2) *Дневник: 1964–1968* / Предисл. и коммент. А. Тоома. СПб.: Изд-во «Пушк. фонда», 2002.

Астафьев В., Курбатов В. Крест бесконечный: Письма из глубины России / Сост. Г. Сапронов. Иркутск: Сапронов, 2002.

Борщаговский А., Курбатов В. Уходящие острова: Эпистоляр. беседы в контексте времени и судьбы / Сост. Г. Сапронов. Иркутск: Сапронов, 2005.

Гладков А. — 1) Гладков А. «Я не признаю истории без подробностей...»: Из дневниковых записей 1945–1973) / Предисл. и публ. С. Шумихина // *In memoriam: Ист. сб. памяти А. И. Добкина* / Сост. В. Е. Аллой, Т. Б. Притыкина. СПб.: Феникс-Atheneum, 2000. С. 528–647; 2) *Богомоллов Н.* К истории первой книги Александра Галича // Богомоллов Н. От Пушкина до Кибирова: Ст. о рус. поэзии. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 359–381; Примеч.: С. 583–589.

Голованов Я. Записки вашего современника: В 3 т. М.: Доброе слово, 2001.

Гордон Н. П. Из дневниковых записей // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Совет. писатель, 1984. С. 307–337.

Даниэль Ю. «Я всё сбиваюсь на литературу...»: Письма из заключения; Стихи / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Даниэль. М.: О-во «Мемориал»: Звенья, 2000.

Дедков И. Дневник 1953–1994 / Сост. и авт. примеч. Т. Дедкова. М.: Прогресс-Плеяда, 2005.

Кленовский Д. — см. *Шаховской И. С.-Ф., архиеп.* Переписка с Кленовским.

Ковальджи К. Обратный отсчёт: Новая кн. Стихи, проза. М.: Кн. сад, 2003.

Копелев Л. — см.: Орлова Р., Копелев Л.

Котляров Б. Раскрытый дневник. Киев: Дніпро, 1971.

Курбатов В. — см.: Борщаговский А., Курбатов В.; а также: Астафьев В., Курбатов В. (соответственно).

Леви В. Левитация: [Из дневников] / Публ. и предисл. Н. Белюшиной // Столица. 1994. № 31 (авг.). С. 59–63.

Левитанский Ю. Турнир поэтов: Из запис. книжки участника // Юность. 1968. № 1. С. 109–110.

Левицкий Л. Утешение цирюльника: Дневник 1963–1977 // СПб.: Изд-во С. Ходова, 2005.

Нагибин Ю. Дневник. М.: Кн. сад, 1996.

Орлова Р., Копелев Л. 1) Мы жили в Москве: 1956–1980. Ann Arbor: Ardis, 1988; 2) Мы жили в Кёльне [записи с 1986 г.]. М.: Фортуна Лимитед, 2003.

Самойлов Д. Подённые записи: В 2 т. / Коммент. В. Тумаркина при участии М. Ефремовой. М.: Время, 2002.

Самойлов Д., Чуковская Л. Переписка 1971–1990. М.: Новое лит. обозрение, 2004.

Сидур В., Аймермахер К. «О деталях поговорим при свидании...»: Переписка / Сост., подгот. текста и коммент. В. Воловникова. М.: РОССПЭН, 2004.

Симонов К. — см. в ст.: Солнцев Р. «С товарищеским приветом — К. С.» // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Совет. писатель, 1984. С. 443–459.

Смирнов Ю. — см.: Левин М. С нами в строю // Памир. 1987. № 6. С. 187–192.

Шаховской И. С.-Ф., архиеп. Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж: [Б. и.], 1981.

Фрейн М. — см.: Робертс Дж. Говорите прямо в канделябр: Культур. связи между Британией и Россией в 1973–2000 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Харитонов М. Стенография конца века. М.: Новое лит. обозрение, 2002.

Цявловская Т. — см.: Шилов К. Татьяна Григорьевна, Александр Сергеевич и Булат Шалвович // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова. Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 183–192.

Шмелькова Н. Последние дни Венедикта Ерофеева: Дневники. М.: Вагриус, 2002.

Эйдельман Ю. Дневники Натана Эйдельмана. М.: Материк, 2003.

Юрьева Т. Дневник культурной девушки. М.: РГГУ, 2003.

*Подготовка к печати, вступительная заметка
и комментарии А. КРЫЛОВА*

Кирилл АНДРЕЕВ

КАЖДЫЙ ПИШЕТ, КАК ОН ДЫШИТ?
*Биографические статьи в справочниках:
неутешительные итоги*

Ведущий у микрофона не может просто объявлять: «А сейчас мы вам поставим диск с песней Окуджавы», при этом он и об Окуджаве ничего не знает...

Из интервью проф. МГУ А. Шереля

Начнём с предыстории.

Первая коротенькая справочка об Окуджаве появилась в двухтомном «Энциклопедическом словаре», который вышел летом 1964 года¹. Вот её полный текст:

ОКУДЖАВА, Булат Шалвович (р. 1924), рус. сов. поэт. Чл. КПСС с 1955. Сб. «Лирика» (1956), «Острова. Лирика» (1959), повесть «Будь здоров, школяр» (1961). Сочиняет музыку к своим стихам и исполняет их в сопровождении гитары. Некоторые стихи и песни О., выражающие настроение душевного надлома, подверглись критике.

Эту справку можно расценить как государственное прощение поэту: мол, ошибался, но теперь осознал, и потому
д о п у щ е н.

В 1968 году вышла пятая книга восьмитомной «Краткой литературной энциклопедии»², в которую входила буква О, и в частности небольшая — в двадцать пять строк — заметка критика И. Роднянской о Булате Окуджаве:

ОКУДЖАВА, Булат Шалвович (р. 9.V.1924, Москва) — рус. сов. поэт. Чл. Коммунистич. партии с 1955. Род. в семье парт. работника. В 1942

¹ Энциклопедический словарь: В 2 т. / Гл. ред. Б. А. Введенский. М.: Совет. энцикл., 1964. Т. 2. С. 130.

² Краткая литературная энциклопедия: В 8(9) т. / Гл. ред. А. А. Сурков. Т. 5. М.: Совет. энцикл., 1968. С. 414.

добровольцем ушёл на фронт. Окончил Тбилисский университет (1950). Работал учителем. Начал печататься в 1953. В 1956 в Калуге опубликован первый сб. «Лирика», куда вошла также поэма о К. Э. Циолковском «Весна в Октябре». Затем опубликованы сб-ки «Острова» (1959), «Весёлый барабанщик» (1964), «По дороге к Тинатин» (1964), «Март великодушный» (1967). О. известен как автор и исполнитель лирич. песен. Значит. часть его стихов и песен рождена впечатлениями военных лет. Их лирич. герой — юноша, сформированный войной. В своей лирике О. романтически преобразует мир будничной Москвы, мир детства. Один из осн. мотивов поэзии О. — доброе отношение к людям («Ленинградская музыка», «В городском саду», «Песенка о художнике Пиросмани» и др.). Для стихов О. характерно слияние разговорной и песенной интонаций, прозаизмов и патетики. О. принадлежит повесть «Будь здоров, школяр!» (1961), построенная как запись ежедневных фронтовых впечатлений юноши-солдата. Повесть критиковали в печати за инфантильную психологию главного героя. Книжка «Фронт приходит к нам» (1965) написана для детей.

Заключалась заметка списком литературы из четырёх наименований. Две из перечисленных публикаций содержали идеологическую критику повести о школяре.

И ещё почти десятилетие отечественные читатели должны были довольствоваться лишь такой скудной официальной информацией о поэте, поскольку данное развёрнутое поминание в советских справочных изданиях оставалось единственным.

Однако именно «КЛЭ» и открыла счёт неточностям: название первой повести Окуджавы было напечатано здесь ошибочно — с восклицательным знаком. И поныне эта ошибка проходит через множество статей — и в прессе, и в справочной литературе.

В так называемый Застой была напечатана и ещё одна биографическая справка о писателе, знаменательная не своим мизерным для многотомника объёмом, а самим источником публикации. Появилась она на с. 365 очередного, 18 тома **«Большой советской энциклопедии»**. Дата выхода этого тома в свет (1974) удачно для Окуджавы совпала с периодом его очередного примирения с властями (года за два до этого заметку могли и вовсе выбросить). Потому о его творчестве здесь сказано нейтрально:

ОКУДЖАВА Булат Шалвович (р. 9.5.1924, Москва) русский советский поэт. Член КПСС с 1955. Окончил Тбилисский университет (1950). Участник Великой Отечественной войны. Печатается с 1953. Основные мотивы лирики (сборники «Острова», 1959; «Весёлый барабанщик», 1964; «Март великодушный», 1967 и др.) — фронтовые впечатления, романтика повседневных отношений. Стиху О. свойствен слав патетических и разговорных интонаций. Автор и исполнитель лирических песен. Выступает как прозаик (повесть о П. И. Пестеле «Глоток свободы», 1971 под назв. «Бедный Авросимов», 1969; сатирическая повесть из эпохи середины 19 в. «Мерси, или Похождения Шипова», 1971, и др.) и киносценарист.

Заметим, что пресловутая повесть о школяре даже не упомянута, нет в списке литературы и ни одной разгромной рецензии на неё. И вообще список этот довольно объективен — в нём названы четыре статьи 1968—1969 годов: Г. Красухина и С. Куняева в «Вопросах литературы», В. Соловьёва в «Звезде» и Г. Шторма в «Литературке».

1. Ещё к истории вопроса

С Перестройкой положение стало меняться. И первыми, как и в жизни тех лет, оказались кинематографисты. В 1986 году заметка об Окуджаве была включена в однотомное (в отличие от старого двухтомника) переиздание «**Кинословаря**»³. Специфика требовала и соответствующего содержания. Кроме уже известного, здесь сообщалось:

ОКУДЖАВА Булат Шалвович (р. 9.5.1924), сов. сценарист, поэт, прозаик. <...> Сп. ф. «Верность» (1965, с П. Е. Тодоровским), «Женя, Женечка и «катюша»» (1967, с В. Я. Мотылём). Автор лирич. песен, в т. ч. и к картинам («Белое солнце пустыни», «Белорусский вокзал», «Ключ без права передачи» и др.).

Следующая словарная статья об Окуджаве появилась в «**Советском энциклопедическом словаре**». (Словарь печатался и раньше, до Перестройки, но нашему поэту места в нём не находилось: Булат Шалвович, как уже было сказано, долго оставался фигурой умолчания.) Для ясности надо заметить, что этот тысяче-страничный том несколько лет выходил под одним и тем же номером издания. При этом книга постоянно совершенствова-

³ Кино: Энцикл. слов. / Гл. ред. С. И. Юткевич. М.: Совет. энцикл., 1986. С. 304.

лась и дополнялась. Так что тома разных лет выпуска отличаются номерами заводов (то есть тиражей) внутри одного издания. Так вот Окуджава впервые удостоился быть включённым в словник 4-го завода 4-го издания (тем не менее названного «стереотипным») — в 1987 году⁴. Здесь ему уделили девять строк, что на общем фоне выглядело довольно значительно. Для сравнения: «деятелю рос. рев. движения», члену КПСС с 1899 года Глафире Ивановне Окуловой, справка о которой расположена по соседству, было отведено меньше — шесть строк. (Следует сказать, что подобные подсчёты в то время всё ещё продолжали иметь чрезвычайно важный смысл: советская власть строго следила за иерархией своих «замечательных людей».)

Новая заметка содержала информацию, чуть дополнявшую предыдущие словари:

ОКУДЖАВА Булат Шалвович (р. 1924), рус. сов. писатель. Чл. КПСС с 1955. В стихах и песнях, исполняемых самим автором, — совр. настроения, доверит. интонация, сочетание бытового и высокого (сб. «Арбат, мой Арбат», 1976). Ист. ром. «Бедный Авросимов» («Глоток свободы», 1969) о П. И. Пестеле, «Путешествие дилетантов» (1976–78), «Свидание с Бонапартом» (1983).

Все последующие годы почти вплоть до конца 90-х этот текст переиздавался с несущественным изменением — в один прекрасный момент в конце было добавлено всего лишь одно слово: *Рассказы*.

(Кроме того, на протяжении полутора десятков лет эта коротенькая справочка служила первоисточником для других энциклопедических словарей⁵. До сих пор выходят словари с иными, но такими же мизерными справками, практически ничего не дающими современному читателю, — разве что возможность освежить в памяти даты жизни писателя. О них на современном этапе уже нет смысла вести речь.)

⁴ Советский энцикл. словарь. М.: Совет. энцикл., 1987. С. 924.

⁵ См., например: Большой энциклопедический словарь: В 2 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Совет. энцикл., 1991; Всемирный биографический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. П. Горкин. М.: Большая Рос. энцикл., 1998; Биографический энциклопедический словарь / Сост. Н. М. Ланда. М.: БРЭ, 2000; и т. п.

Возвращаясь к прижизненным публикациям, отметим справочник **«Писатели Москвы» Е. П. Ионова и С. П. Колова**⁶, изданный в том же 1987 году в столице. Справка об Окуджаве на этот раз занимала полстраницы, но состояла в основном из библиографии его произведений по разделам поэзии, прозы, драматургии и поэтическим переводам. Содержательная же часть была хоть и чрезвычайно скудной, но опять частично новой для рядового читателя:

...Поэт, прозаик, драматург. Член КПСС с 1956 г. <...> Участник Великой Отечественной войны. Награждён орденом Дружбы народов. Член СП СССР с 1961 г.

К вопросу о разночтении в годе вступления Окуджавы в КПСС (1955 и 1956) мы ещё вернёмся, а сейчас только скажем, что орден получен поэтом не в военное время (как может показаться из нехронологического повествования в заметке), а в связи с юбилеем Союза писателей осенью 1984 года.

В 1990-м подоспел **«Музыкальный энциклопедический словарь»** под редакцией **Г. В. Келдыша**⁷, в короткой справочке об Окуджаве признавший наконец его причастность к этому роду искусств. В словаре, в частности, говорилось:

Песни О. (исполняемые под собств. аккомпанемент на гитаре) отмечены простотой и естественностью интонации, в них своеобразно преломляются черты искусства шансонье, но в осн. развиваются традиции рус. романсной лирики, что особенно ощущается в мелодике.

А теперь — ещё о нескольких его прижизненных биографиях, но увидевших свет уже в иную эпоху.

2. В начале свободы печати

В 90-х годах — с крушением коммунистической идеологии — в России стали популярны справочники **«Кто есть кто»**, до того весьма распространённые на Западе. Первой в этом ряду оказалась напечатанной отечественная книга 1993 года **«Кто есть кто в России и ближнем зарубежье»**⁸. Здесь впервые,

⁶ Писатели Москвы: Биобиблиогр. справ. / Сост.: Е. П. Ионов, С. П. Колов. М.: Моск. рабочий, 1987. С. 336.

⁷ Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Совет. энцикл., 1990. С. 394. Переиздан репринтно в 2003 г. под назв. «Музыка. Энциклопедия».

⁸ Кто есть кто в России и ближнем зарубежье: Справ. М.: Новое время: Всё для вас, 1993. С. 475–476.

хотя и неточно, было сказано о калужском периоде, о первых шагах в оттепельной столице.

К этому времени у нас на родине опять стало возможным говорить о сталинских преступлениях, и соответственно биографические материалы о поэте пополнились сведениями о его репрессированных родителях — А. С. Налбандян и Ш. С. Окуджаве. Здесь же впервые приведены сведения и о семье: «жена, Ольга Владимировна, физик по образованию; сын — музыкант, композитор⁹». Правда, ставит в тупик фраза:

Последние годы целиком посвятил себя творчеству.

Впрочем, если речь в ней идёт о *последних* тридцати с лишком годах (после увольнения из «Литгазеты» в 1961-м), то фраза вполне верна.

Были переизданы в России и два западных справочника. В первом — «Кто есть кто в России и бывшем СССР», подготовленном Дж. Вронской и В. Чугуевым¹⁰, — довольно торопливом, содержалась очень скудная и отрывочная информация о персонажах. Порой она была вовсе не достоверной («Ушёл на фронт... в 1941») и даже выдавала непонимание авторами, оторванными от описываемого ими СССР, реальностей советской жизни («первый кумир послесталинского молодёжного поколения», «записи его песен распространялись через чёрный рынок», «на самом верху было принято решение позволить ему общаться с публикой»).

Зато во втором — довольно авторитетном у славистов — «Лексиконе русской литературы XX века» В. Казака¹¹ была помещена подробная объёмная статья, где впервые появились ссылки на зарубежные («тамиздатские») статьи и книги об Окуджаве; говорилось о попытке исключить его из партии в 1972 году и о написанном им в связи с этим «вынужденным заявлением»

⁹ Речь явно идёт о младшем, Антоне (Булате Булатовиче). Как справедливо заметил И. Раскин в ст. «Игорь Окуджава» (Раскин И. Грузия, ты в сердце моём. М.: Грааль, 2002. С. 36–38), поэт не любил упоминать о своём старшем сыне. Как, впрочем, практически нет упоминаний в его автобиографической прозе и интервью о брате Викторе. Тем не менее такова была его воля, и в этом обзоре не место для анализа этой ситуации.

¹⁰ Вронская Дж., Чугуев В. Кто есть кто в России и бывшем СССР / Пер. с англ. М.: Терра, 1994. С. 392.

¹¹ Казак В. Лексикон русской литературы XX века / Пер. с нем. [по изд. 1992 г.]. М.: Культура, 1996. С. 294–295.

в «Литературную газету»; о его подписях под коллективными письмами в защиту гонимых коллег; сообщалось также о выборе его в 1986 году в члены Правления СП. Обширными, более свободными и точными были здесь оценки основных тем, мотивов и образов поэзии и прозы.

Довольно подробной биобиблиографической справкой была снабжена библиография Окуджавы, изданная **И. В. Ханукаевой** в тот же период в справочнике «Русские писатели. Поэты»¹². Однако этот текст имел уклон именно в сторону о п у б л и к о в а н н о г о. Вместе с тем и там содержались новые для читателя сведения биографического характера. Например:

Булат Шалвович Окуджава (печатался также за подписью А. Долженов) <...>

В школьные годы с 14-летнего возраста был статистом и рабочим сцены в театре, работал слесарем, в начале Великой Отечественной войны токарем на оборонном заводе. <...>

По пьесе О. «Глоток свободы» (1966), а также повестям «Будь злов, школяр» и «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» поставлены драматические спектакли. <...>

О. занимался также переводами произведений поэтов народов СССР и зарубежных стран.

О. входит в состав исполкома русского ПЕН-центра, является членом Совета общества «Мемориал» и членом учредительного совета газеты «Московские новости».

Награждён... Почётной медалью Советского фонда мира. В 1990 г. О. присвоена почётная степень Доктора гуманитарных наук Норвичского университета. Творчество О. отмечено Государственной премией СССР 1991 г.

И — новые ошибки. Например, было сказано, что поэт, в частности, работал «в одной из средних школ г. Калуги» и что там же он был «литературным сотрудником областных газет “Знамя” и “Молодой ленинец”». По правде сказать, Окуджава после Шамордина и Высокиничей в областном центре успел поработать как раз не в одной школе, а как минимум в двух и был сотрудником исключительно «Молодого ленинца», а в «Знамени» не *сотрудничал*, а всего-то печатал свои стихи.

Мы обращаем внимание читателя на эти неловкие формулировки отнюдь не для того, чтобы уличить Ханукаеву в незнании. В 1994-м этих «мелочей» достоверно не знал никто. (Не исключено, что часть сведений сообщил автору в той или иной

¹² Рус. писатели. Поэты: (Совет. период). Библиогр. указ. Т. 16. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1994. С. 180–275.

форме сам Окуджава, но он мог не помнить подробностей или посчитать их несущественными.) Главное сейчас в том, что в следующем тысячелетии неточная информация продолжает кочевать из справочника в справочник.

3. На печальном рубеже «1997»

В этом году, ещё при жизни поэта, вышел справочник **В. Агеносова и К. Анкудинова «Современные русские поэты»**¹³. Согласно аннотации, он был предназначен для школ, гимназий и лицеев «с углублённым изучением литературы», но о творческой биографии БО, на наш взгляд, из него нельзя было почерпнуть ничего *углублённого*. Впрочем, нет — среди школярского перечисления персонажей *поэтических произведений, ориентированных на слово*, была одна свежая интерпретация. Из этой книги мы узнали, что героем «Грузинской песни» является *з е м л е д е л е ц, живущий «на земле этой вечной»*.

Первым творческо-биографическим очерком, вышедшим после смерти Окуджавы, явилась обширная статья **Н. Н. Какшто** в двухтомном биобиблиографическом словаре «**Русские писатели. XX век**»¹⁴. Статья отличается от предыдущих большим объёмом. Форма повествования («О. считает...») свидетельствует о том, что писалась она тоже ещё при жизни поэта. И это наложило свой отпечаток на текст: в нём больше лестных оценок творчества, чем фактов биографии. В общем, написано с любовью. Но не только: во всём видна эрудиция автора и знание окуджавоведческой литературы того времени.

Но кто больше всех делает, тот больше и ошибается, — такова доля первопроходца. Конечно, нам — через десятилетие-другое — критиковать пионеров с позиций современных знаний намного легче, но не сказать о неточностях и ошибках с л о в а р н о й статьи нельзя: ей будут пользоваться ещё долго.

Какшто пишет, что в Москве «О. работает в издательствах, редакциях журналов и газет». Это обобщение верно не во всём: он не работал ни в одном журнале, служил в издательстве «Молодая гвардия», которое часто путают с одноимённым

¹³ Агеносов В., Анкудинов К. Современные русские поэты: Справ. М.: Мегатрон, 1997. С. 74–76. Переиздан с добавлением множества стихотворных текстов: Современные русские поэты: Справ.-антология. 1998. С. 223–230.

¹⁴ Русские писатели: XX век. Биобиблиогр. слов.: В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. Н. Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. С. 133–137.

журналом, и действительно в двух (если считать месяц в «Комсомолке») газетах.

В качестве называвшихся Окуджавой его литературных учителей наряду с Л. Толстым, Б. Пастернаком, Т. Манном и Э.-Т. Гофманом — фигурирует П. Беранже. Но Беранже (вкупе с Ф. Вийоном), насколько нам известно, Окуджава называл лишь однажды — в ответ на прямой вопрос о влиянии на его творчество песенной поэзии Вертинского, и то в этой беседе было сказано всего лишь о «*каком-то* влиянии»¹⁵. В действительности в этом ряду стоят ещё Бунин, Багрицкий, Заболоцкий, Ахматова. А вот о не упомянутых в разбираемой статье учителях Киплинге и Набокове поэт говорил неоднократно.

Нужно также сказать, что Сергей Мятлев из романа «Путешествие дилетантов» не является историческим лицом — он всего лишь однофамилец реального поэта (об истории этого персонажа Окуджава рассказывал не раз, в том числе письменно).

На фоне подробного анализа трёх романов четвёртый — «Похождения Шипова...» — не упомянут вовсе, даже в сравнительно большом списке литературы. Кстати, этому роману не везло и в дальнейшем: его не заметили и многие другие авторы-последователи. Видимо, при написании своих сочинений они во многом опирались не на собственное знание предмета, а на статью Н. Н. Кякшто.

И т. д.

По всей вероятности, при жизни поэта создавался и справочник **«Писатели Москвы — участники Великой Отечественной войны»**¹⁶, подписанный в печать в конце 1997 года. Он вышел мизерным тиражом 560 экземпляров и потому мало известен. Статья об Окуджаве здесь очень мала, тем не менее она, кроме сравнительно подробной и почти точной библиографической справки, в силу профиля издания содержит некоторые сведения о его военном прошлом:

...С 1942 — миномётчик отдельной миномётной батареи на Северо-Кавказском фронте, с 1943 — радист в составе 126-й артбригады РКК. В

¹⁵ См. (по библиографии) в неоднократно перепечатывавшемся интервью Л. Сидоровского. Также нам встретилось единичное упоминание в этом качестве Г. Державина (*Окуджава Б. Сквозь время слышать слово / Беседу вела И. Фридкина // Заря Востока. Тбилиси, 1983. 12 февр.*).

¹⁶ «Писатели Москвы — участники Великой Отечественной войны» / Сост.: М. Е. Баранов и др.; Обществ. ред. совет. М.: 4-й филиал Воениздата, 1997. С. 325–326.

декабре 1942 ранен. Уволен из армии в 1945 в звании рядового. Награждён орденами: Отечественной войны 1-й ст.¹⁷, «Дружбы народов», медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и др.

Справедливости ради следует сказать, что сведения эти не вполне достоверны. Факты, к примеру, свидетельствуют о том, что будущий поэт был демобилизован не по окончании войны (у И. Ханукаевой в этой связи тоже фигурирует 1945 год), а ещё весной 1944-го. Впрочем, даже и эту, и другие даты трудно считать окончательно установленными, поскольку степень путаницы в документации военных времён всегда очень высока. Перемещения отдельных военнослужащих и целых подразделений из части в часть иногда происходили с такой стремительностью, что при существовавшей спешке порой не были зафиксированы на бумаге. А память человеческая (основываясь именно на ней, Окуджава, как выясняется, заполнял многие анкеты) очевидно несовершенна.

4. Кое-что об авторстве

На этом закончим с предысторией вопроса и перейдём к сути обзора — к словарным статьям последних лет.

Ещё одна статья об Окуджаве обнаружена нами в справочнике «Кто есть кто в современном мире» под редакцией С. М. Семёнова¹⁸. Здесь «почему-то», как и в очерке Ханукаевой, упор сделан на публикации писателя. И более: когда речь заходит о зарубежных книгах, упоминаются исключительно те, что вышли на русском языке.

Ларчик открывается просто: при ближайшем рассмотрении статья (за исключением изменений редакторского плана) оказалась практически идентичной вступительному тексту А. Е. Крылова и В. Ш. Юровского к отечественной библиографии Окуджавы, обнародованному тремя годами раньше в справочнике «50 российских бардов»¹⁹. В издании Се-

¹⁷ Следует отметить, что в 1975 г. орденами Отечественной войны были награждены все её ветераны, дожившие до тридцатилетия Победы.

¹⁸ Кто есть кто в современном мире / Гл. ред. С. М. Семёнов. Вып. IV. Т. 2. М.: Междунар. объедин. биогр. центр, 2002. С. 361–362.

¹⁹ 50 российских бардов: Справ. / Сост. Р. А. Шипов. М.: Кн. магазин «Москва», 2000. С. 298–299; *То же [без подп.]*: Окуджава Булат Шалвович // Кто есть кто в современном мире / Гл. ред. С. М. Семёнов. Вып. IV. Т. 2. М.: Междунар. объедин. биогр. центр, 2002. С. 361–362.

мёнова на обороте титульного листа скрупулёзно перечислен авторский коллектив, среди которого фамилии Крылова и Юровского не значатся; более того, сами они не передавали свой текст издательству «Международный объединённый биографический центр», поскольку а) не было соответствующего обращения его представителей и б) со времени первой публикации авторы обнаружили данные, позволяющие исправить и уточнить некоторые детали биографии. Таким образом, можно констатировать, что указанное издательство и главный редактор справочника Семёнов перевели «свою» статью об Окуджаве в разряд банального плагиата. Оригинальна в этом, мягко говоря, «приватизированном» тексте лишь концовка:

Булат Окуджава, не написавший ни одного прямо антисоветского текста, не участвовавший активно в правозащитном движении, будучи фронтовиком и членом КПСС, так и не стал частью официального советского литературного пантеона. Небольшие стихотворения, культивирующие общечеловеческие ценности и вечные истины, напетые негромким и чуть глуховатым голосом под аккомпанемент гитары, заглушили песни советских композиторов, агитирующих за коммунистическое завтра. Если судить по первому пику широкой известности и популярности в самых разных кругах общества, именно Булат Окуджава был Первым бардом.

Что же касается непосредственно биографических фактов статьи, то и здесь они в части дат 1940—1950-х годов грешат общей для всех изданий начала нового века приблизительностью, вызванной отсутствием достоверной информации.

Процитированный финал, безусловно, справедлив. Но если Крылов и Юровский писали предисловие к библиографии, то для семёновского словаря с громким названием «Кто есть кто в современном мире» такой с п е ц и ф и ч е с к о й справки явно мало.

То же можно сказать и в отношении статьи в «энциклопедическом» (согласно названию) словаре-справочнике С. Чупринина «Новая Россия: мир литературы»²⁰, наполовину состоящей из перечисления изданий, в том числе и вышедших вторично. Но зато у Чупринина приводится довольно подробный список «общественных нагрузок» и литературных премий писателя:

...Был членом правления СП СССР (1986—91), сопредседателем Содружества союзов писателей (с 1993), председателем комиссии по

²⁰ Чупринин С. И. Новая Россия: мир литературы: Энцикл. слов.-справ.: В 2 т. СПб.: Пропаганда, 2003. Т. 2. С. 161—162.

лит. наследию А. Галича (с 1988), членом исполкома Русского ПЕН-центра (с 1989), членом редсовета сб-ка «Весть» (М. «Книжная палата», 1989), Координационного совета движения «Апрель» (с 1990), редсоветов ж-лов: «Юность», «Элита», «Витрина», «Читающая Россия» (с 1997), был членом редколлегии изд-ва «Московский рабочий», обществ. советов «ЛГ» (с 1990), ж-ла «Знамя», газ. «Вечерний клуб», членом совета попечителей фонда «Знамя», редколлегии газ. «Лит. новости» (с 1992), затем «Лит. вести» (с 1995), ж-лов «Континент», «Рус. богатство» (1991–95), биогр. словаря «Русские писатели. 1800–1917», альм. «Кольцо А» (с 1994), был членом Антидиффамационной лиги (с 1993), Независимой академии эстетики и свободных искусств (с 1995), Президиума комиссии по Гос. премиям при Президенте РФ (в апреле 1996 заявил о своём выходе из Президиума в знак протеста против назначения Н. Егорова председателем комиссии), комиссии по помилованию при Президенте РФ, Совета по культуре и искусству при Президенте РФ (с 1996). Академик РАЕН (с 1995).

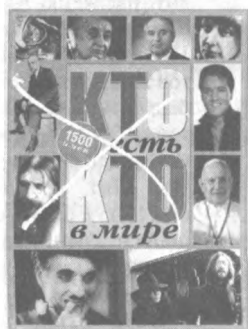
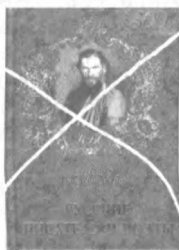
<...> Гос. премия СССР (1991), премии им. А. Д. Сахарова «За мужество в литературе», «Золотой венец» Стружского фестиваля поэзии (Македония²¹), Буковская премия за 1993, премии ж-лов «Огонёк» (1989), «Звезда» (1996), премия «За честь и достоинство таланта» (1997, посмертно). Почётный доктор Норвичского ун-та (США). Пенсия Президента РФ (с 1995). Почётный гражданин г. Калуга (1996).

Для восстановления «первоавторства» требуется добавить, что в основе цитируемого фрагмента лежат данные, задолго до того опубликованные в Интернете под коллективным псевдонимом В. Аллюров. (Под ним, кстати, скрыты тот же В. Юровский и ещё один постоянный автор нашего альманаха В. Альтшуллер). А если добавить сюда членство Окуджавы в Совете общества «Мемориал» и в учредительном совете газеты «Московские новости», Почётную медаль Советского фонда мира, отмеченные ещё И. Ханукаевой, а также итальянскую премию «Золотая гитара» (1985), загадочную болгарскую премию «Пеньо Пенев» (1990), участие в жюри Букера (1992) и малую планету, носящую его имя, то список этот и вовсе приблизится к полноте.

5. Это сладкое слово халтура

Конечно, статус словарной статьи для справочника, а тем более для энциклопедии, накладывает на автора обязательство в с е с т о р о н н е осветить жизнь и творчество персонажа, опираться лишь на тщательно выверенные данные, а также избежать полемических оценок. Однако этому критерию отвеча-

²¹ 1967.

ют только редкие опубликованные на сегодняшний момент материалы. Иногда статьи, призванные быть объективными и эталонными, походят на совсем обычные журналистские эссе с перечислением образов и цитат. Именно по этой причине мы исключаем из обзора статью, написанную для *Детской энциклопедии* издательства «Аванта+» Еленой Тахо-Годи²². Не спасает положение и крохотная, практически пустая заметочка в справочной книге того же многотомника²³. Будем считать, что в данном случае детям не повезло.

Практически нулевую информацию, несмотря на гораздо больший объём, даёт и соответствующая статья в дополненном переиздании справочника *«Кумиры советской эстрады»*, который написан исследователем русской песни Борисом Савченко²⁴.

Чтобы не увеличивать чрезмерно объём обзора, мы в дальнейшем не станем вдаваться в полемику по поводу оценок творчества, поскольку они всё-таки ещё несут в себе элемент субъективности. Так что далее позволим себе говорить лишь о непреложном — о биографических сведениях: датах, событиях, книгах и т. п.

Но в то же время нельзя не сказать, что сомнительными на сегодняшний день представляются попытки «периодизации» такого, например, рода (у Савченко):

Первые его песни... Потом появились темы...

²² См.: *Энциклопедия для детей*. Т. 9. Рус. лит. Ч. II. XX в. / Гл. ред. М. Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 1999. С. 466–467; *То же*. — 2000.

²³ См.: Т. 23. 2003. С. 402.

²⁴ См.: Савченко Б. *Кумиры советской эстрады*. М.: Алгоритм, 2000. С. 214–215.

Во-первых, хронология песенных произведений раннего периода творчества Окуджавы ещё окончательно не прояснена, чтобы можно было делать такие утверждения²⁵. Во-вторых, такие авторы не всегда владеют и сравнительно точной информацией (тем более, когда они даже не поинтересовались последними данными исследователей на сей счёт). «Часовые любви», к примеру, которых Савченко относит ко второй категории (*потом*), написаны определённо раньше «Песенки о Лёньке Королёве», упомянутой им как пример одной из *первых*. Таким образом, процитированный текст и ему подобные скорее всего отражают последовательность узнавания песен самими авторами статей.

Статья в справочнике «**Великие музыканты XX века**»²⁶ страдает пороком совсем иного свойства. Автор-составитель книги **Д. Е. Сидорович** счёл (сочла?) возможным при написании словарной статьи опереться и с к л ю ч и т е л ь н о на воспоминания друзей и коллег поэта — В. Мотыля и (в основном) З. Казбек-Казиева, опубликованные в журнале «Литературное обозрение» (1998. № 3). Читателей этого выпуска нашего альманаха мы отсылаем к его разделу «Урал, 1964». Материалы, в нём опубликованные, наглядно показывают, насколько опасен такой подход при написании биографий. Достаточно сказать, что и Сидорович, идя по этому пути, невольно допускает целый ряд фактических и хронологических ошибок, в том числе искажает в с е даты, касающиеся репрессий в отношении матери поэта Ашхен Степановны. (В действительности она была арестована в 1939 году, отбывала срок в Карлаге, впервые ос-

²⁵ На сегодняшний день лучше всего использовать (с некоторыми новейшими поправками) систему датировки И. М. Зимина, подготовленную при живейшем участии Окуджавы в 1984 году (в самиздатской кн.: *Окуджава Б. Песни*. М.: КСП, 1984). Избранное из этого свода песен (с минимальными авторскими поправками датировок) опубликовано с предисловием М. Баранова в сб.: *Я выбираю свободу* / В. Высоцкий, А. Галич, Б. Окуджава. Кемерово, 1990. С. 245–360.

²⁶ *Великие музыканты XX века* / Авт.-сост. Д. Е. Сидорович. М.: Мартин, 2003. С. 252–255.

вобождена в 1946-м²⁷ и направлена «на вечное поселение» в Красноярский край в 1949-м²⁸.)

Однако если статья в предыдущем справочнике построена на мемуарах близких Окуджаве людей, то в основу статей в книгах С. Истомина и Д. Денисенко «Самые знаменитые барды России», а также «Досье на звёзд» Ф. Раззакова лёг набор, как говорят, всего чего ни попадя — вплоть до малокомпетентных газетных заметок²⁹. Весь их эклектизм — результат обычной компьютерной компиляции отсканированных и почерпнутых из Интернета текстов — без разбора и без какого бы то ни было предварительного анализа. Поэтому и останавливаться на этих опусах тоже не имеет смысла.

Абсолютно прав А. Шерель, с эпиграфа из интервью которого мы начали этот обзор: надо говорить о том, что знаешь. Однако ляпнуть что-то у радиомикрофона — это полбеды: слово вылетело воробьём, и поймать для цитаты его довольно трудновато. Не то в письменном тексте...

Обратимся к статье самого Шереля в энциклопедии, впервые вышедшей под названием «Эстрада России. XX век» и впоследствии чуть переименованной другим издательством³⁰. Вроде бы и военные даты удачно в ней обозначены, и о темах в поэзии сказано, и о функции мелодии в песнях...

Но использовать её в работе тоже не рекомендуем. Здесь с потолка берётся год публичного дебюта Окуджавы в ленинградском Доме кино; К. Паустовский представлен не как идейный вдохновитель, неформальный, так сказать, патрон или ку-

²⁷ В этом же выпуске альманаха публикуется отзыв Н. Богомолова на диссертацию О. М. Розенблюм, во многом посвящённую вопросам биографии Окуджавы (с самой работой можно ознакомиться в диссертационном зале РГБ). В параграфе 4.5.2 автор диссертации, в частности, неосознанно совмещает две даты: освобождения А. С. из лагеря и (используя детали рассказов «Девушка моей мечты» и «Нечаянная радость») её встречи со старшим сыном; и таким образом датирует оба этих события весной 1947 года. Меж тем, вероятно, они отстояли друг от друга во времени. Возможно, ошибся и сам писатель. Однако в любом случае эту ошибку нельзя считать таковой: он создавал художественное произведение.

²⁸ Согласно автобиографии А. С. Налбандян 1959 г. из собрания М. Р. Гизатулина.

²⁹ Истомин С., Денисенко Д. Самые знаменитые барды России. М.: Вече, 2002. С. 31–54; Раззаков Ф. Досье на звёзд. М.: ЭКСМО-пресс, 1999. С. 181–200.

³⁰ Эстрада России. XX век: Лексикон / Отв. ред. Е. Д. Уварова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 414–415; То же [без изм.] // Эстрада в России. XX век: Энцикл. М.: Олма-Пресс, 2004. С. 464.

ратор «Тарусских страниц», а как их составитель; последний роман Окуджавы преподнесён как сборник «автобиографических рассказов и повестей», да плюс к этому с диковинным заглавием «Запрещённый театр» (такое дважды в пределах пяти строк)... Кстати, о списке литературы. Не анализируя источников, приведённых «Краткой литературной энциклопедией» в махровом 1968-м, автор статьи переписывает их, «не замечая» смены эпох, в свой текст. И добавляет ссылки на собственное интервью с Окуджавой да на пару случайных статей и сборников. При этом одну из книг он датирует годом её п е р е издания. Иными словами, вопрос отбора не стоял: взято то, что попало под руку. А чего не хватило — досочинено: другую книгу Шерель просто п р и д у м ы в а е т («Сочинения. Стихи и проза. СПб., 1998»).

И — ещё о двух изданиях, в которых статьи об Окуджаве (а значит, вполне возможно, что и другие) ни под каким видом не пригодны к использованию. О них даже сложно сказать как об ошибочных. Для их характеристики больше подходит типично советское, возникшее на заре той власти слово *халтура*.

Первого места в этом списке достойно упоминание «**Краткого биографического словаря**» С. И. Хозиевой³¹. По количеству неверной информации на единицу объёма окуджавская справка (она занимает менее чем полторы полосы малого формата, включая портрет) — безусловный лидер.

Из этого опуса читатель прочтёт про невесть откуда взявшуюся в названии фильма (девушку, что ли?) *Катюшу* и с удивлением узнает, что Окуджава закончил-таки школу в 1941-м (не экстерном после войны), а его первая книга стихов, оказывается, вышла в Калужской области (не в Калуге), и что «вся страна» уже в 1957-м запела его песни, да ещё те, что были написаны годом-двумя спустя... Читатель даже сможет на минуту усомниться в своих арифметических способностях, увидев, что 1937–7=1924:

Окуджава Булат Шалвович (1924–1997)... Родился... в семье партийного работника, репрессированного в 1937, когда сыну было 7 лет.

Словарь давно и справедливо заслужил уничижительную критику³². И вот в 2002-м вышло второе издание, «исправленное

³¹ Русские писатели и поэты: Крат. биогр. словарь / Авт.-сост. С. И. Хозиева. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999. С. 363–364; *То же*. — 2000.

³² См., например: *Фоняков И.* В бане с Вячеславом Ивановым // Лит. курьер. СПб., 2000. Апр. (№ 3).

и дополненное». В статье об Окуджаве, как оказалось, ничто из приведённого выше исправлено не было, но механическое дополнение появилось. Во фразе про один роман добавилось и про другой, пропущенный ранее. И получилось:

Окуджава обращается к исторической прозе: в 1969 были напечатаны романы «Бедный Авросимов» («Глоток свободы», 1971) и «*Мерси, или Похождения Шипова*» (1971)³³.

Что ж, вполне в духе уже перечисленного. Жаль, опять не повезло тому же «Шипову»: он оказался напечатанным за два года до... своего появления на свет. Вот такое «исправление» наоборот. Тем не менее словарь всё распродаётся, ширится, «дополняясь и исправляясь» в том же роде и виде³⁴.

Неизвестный автор справочника «**Кто есть кто в мире**» под редакцией Г. П. Шалаевой³⁵ уступает Хозиевой в относительных показателях, но вырывается вперёд по количеству «фантазий». Всевозможные ошибки Хозиевой и других «предшественников» заимствованы, вплоть до *Катюши*, которой, правда, восстановили кавычки. Но это ещё цветики. Отца Окуджавы этот аноним отправляет с семьёй не в Нижний Тагил, а почему-то в Магнитогорск, да и ещё на непонятную должность «парторг ЦК» (читатель этого выпуска уже знает, что такие партработники были не «сами по себе», а посылались на крупные стройки, то есть такая должность могла именоваться только вкупе с названием предприятия, иначе она абсурдно напоминает руководителя парторганизации внутри самого Центрального Комитета). Окуджава-младший после ареста родителей волей того же автора «отправлен в детский дом» (на самом деле это не удалось даже «сталинским соколам»). Действие многострадального «Шипова», по мнению Г. П. Шалаевой и К°, как и романа «Бедный Авросимов», ни много ни мало «концентрируется вокруг восстания декабристов». Сообщается и о некоем дотоле не известном фильме по сценарию Окуджавы, который якобы снят Э. Рязановым. А ярлык «для неуспевающих студентов» песенному творчеству поэта якобы присвоил... сам «прославлен-

³³ Русские писатели и поэты: Крат. биогр. словарь / Авт.-сост. С. И. Хозиева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 369–371. Курсивом мы выделили это самое дополнение.

³⁴ См. ещё одно переиздание — 2004 г.

³⁵ Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г. П. Шалаева. М.: Филолог. о-во «Слово»: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. С. 1064–1066; *То же*. — 2004.

ный Вергинский» (который, кстати, умер в 1957-м, когда такого понятия как *песни Окуджавы* не было в широком обиходе).

Как говорится, слышим звон, но не ведаем, с какой стороны. Всё это выглядело бы довольно смешно. Кабы не было так грустно.

В статье помимо этого неверно — с большим опозданием — сообщается время проникновения песен Окуджавы за рубеж, а заканчивается она очередной выдумкой: «гроб с телом поэта встречали в Москве тысячи людей». Безусловно, в действительности речь должна идти здесь не о встрече, а о прощании с поэтом в помещении Театра им. Вахтангова на Арбате.

Акцентируем внимание читателей на том, что всё это предлагает нам издательство со словом *образование* в названии!

6. Игры псевдопатриотов

В статье из лексикона В. Огрызко «Русские писатели. Современная эпоха»³⁶ изложение биографических сведений до 1961 года можно считать образцовым, поскольку автор вслед за В. Казаком обходит все возможные хронологические подводные камни, о которых мы уже говорили и ещё скажем.

Правда, здесь есть и неверные данные. Вопреки написанному в этом лексиконе, под именами «Бедный Авросимов» и «Глоток свободы» публиковался один и тот же роман; сборник, за который поэт получил Госпремию, называется не «Посвящается всем», а «Посвящается вам». А фильм «Женя, Женечка и «катюша»» является вовсе не экранизацией окуджавской повести о школяре, а оригинальным произведением с отличным от неё сюжетом.

Но вот когда Огрызко переходит к гражданской позиции Окуджавы и связанным с ней событиям, начинаются массовые подтасовки и тенденциозные оценки. Окуджава не просто «подписывал письма в защиту Ю. Даниэля и А. Синявского, печатался за границей» (если уж разговор зашёл о коллективных письмах 60-х годов, то надо было при такой урезанной информации либо написать *письмо* в единственном числе, либо, как это делают другие, добавить о такой же петиции в защиту А. Солженицына), — он, дескать, «не раз бравировал своей не-

³⁶ Огрызко В. Русские писатели. Современная эпоха: Лексикон. Эскиз будущей энцикл. М.: Лит. Россия, 2004. С. 357–358.

зависимостью». Ах, раз ты такой независимый, говорит логика изложения, вот тебе:

Однако все эти поступки, как правило, сходили ему с рук. Может, потому, что, когда надо, он умел каяться, в частности, в ноябре 1972 года напечатав покаянное заявление в «Литгазете».

(Кстати, чтобы и нам не показаться голословными, приведём полный текст пресловутого — отнюдь не покаянного! — письма, которого явно не читал В. Огрызко:

В редакцию «Литературной газеты»

В течение ряда лет некоторые печатные органы за рубежом делают попытки использовать моё имя в своих далеко не бескорыстных целях.

В связи с этим считаю необходимым сделать следующее заявление:

Критика моих отдельных произведений, касающаяся их содержания или литературных качеств, никогда не давала реального повода считать меня политически скомпрометированным, и поэтому любые печатные поползновения истолковать моё творчество во враждебном для нас духе и приспособить моё имя к интересам, не имеющим ничего общего с литературными, считаю абсолютно несостоятельными и оставляю таковые целиком на совести их авторов.

Б. Окуджава

18.XI.72)³⁷

Но для Огрызко мало. Он вольно излагает рассказ Окуджавы об исключении его из партии, что и повлекло за собой это письмо-заявление. Манипулирует читательским восприятием он опять же просто — вставляет в свою статью пару слов, призванных поставить эту окуджавскую «версию» об исключении из КПСС под сомнение:

Правда, сам Окуджава уже в 1998 году эту историю интерпретировал по-другому. По его версии, в 1971 году партком Московской писательской организации исключил Окуджаву из партии по требованию одного из секретарей горкома КПСС за частые публикации на Западе и за предисловие какого-то эмигранта, обрутавшего нашу партию. Целый год Окуджаву никто не издавал, а поскольку кормить семью надо было, он по совету В. Максимова принёс в «Литгазету» к А. Чаковскому письмо общего характера. После чего Окуджаву тут же восстановили в партии и вновь стали всюду публиковать.

Вроде бы формально и не соврал, но раз «Окуджава... интерпретировал по-другому», значит — должен сделать вывод неискущённый читатель — есть версия и правдивая! Но увы, под-

³⁷ Лит. газ. 1972. 29 нояб. С. 9. (Об этом письме, в частности, читайте также обзор «В зеркале дневниковых записей и писем современников» в этом же выпуске. — *Ред.*)

крепить эту мысль автору словаря нечем. Однако дело сделано: сомнение у читателя зародилось; как говорят, «осадок остался». И ещё — заметьте: «пересказ» построен так, что не всем ясно, кому принадлежит последнее утверждение о *тут же*. Может быть, это поэт так закончил свой рассказ о тех событиях? Нет, это опять говорит «от себя» лукавый автор-«критик». И на следующей странице... сам себя опровергает, приводя довольно полный список книжек Окуджавы: с 1972-го по 1976-й календарные годы — н и о д н о й к н и г и.

Может, *повсюду* — это имеется в виду в периодике? Да нет (см. библиографию Ханукаевой), первая подборка — в апреле 1975-го в «Дружбе народов». До этого года писатель отлучён даже от ежегодного «Дня поэзии». И это расценить всего лишь как п р о с т у ю подтасовку, предпринятую Огрызко, уже сложно.

Пойдём дальше. Перечисляя исторические романы Окуджавы, автор отмечает, что «все эти сочинения вызвали у критиков неоднозначные оценки». Однако приводит он только две оценки — естественно обе отрицательные. И естественно, история с самой большой из статей антиокуджависта Бушина просто-напросто переврана:

Самого Окуджаву буквально взбесила статья В. Бушина в 1979 году в журнале «Москва», не оставившая камня на камне от романа «Путешествие дилетантов». Окуджава в публичных выступлениях утверждал, будто статью «писал не Бушин, а целая бригада. Он только дал своё имя. Это не литературно-критическая статья, а политический донос, написанный по заданию редакции «Москвы»». Позже Окуджава добавил, что бушинская статья — «это не критика, а политический бандитизм», цель которого — якобы перевести гнев высокого начальства с романа Пикуля «У последней черты» на Окуджаву.

Вроде бы опять верный набор слов, но стоят-то они почему-то снова не в том порядке. Из двух приводимых цитат в обширной базе высказываний поэта нам удалось найти только выражения *политический донос* и *литературный бандитизм* (а не их гибрид). И то и другое действительно применено к статье Бушина. Что до остального... Думается, В. Огрызко не может предъявить первоисточник этих «цитат», и они нуждаются в приставке *псевдо*³⁸. А вот образец р е а л ь н о г о, почти

³⁸ Когда альманах уже был готов к печати, нашёлся хотя не п е р в о-источник, но источник этих псевдоцитат: книга самого Бушина «Гении и прохиндеи». В связи с этим нам придётся вернуться к этому вопросу в ближайшем выпуске альманаха. — Ред.

стандартного ответа писателя на записки из зала по поводу этой специфической «критики»:

...Если говорить серьёзно, журналу «Москва» для того, чтобы заступиться за раскритикованного в «Правде» их автора Пикюля, понадобилось срочно найти «не их» автора и в противовес этому ударить по нему. Но когда бьют за литературные прегрешения — ну бог с ними, но когда пытаются доказать в статье, что я скрытый диссидент, антипатриот и вообще грузин, который не должен заниматься русской историей... Смешно, понимаете. Смешно.

То есть не бесился, а смеялся. И вовсе не Окуджава написал донос на Бушина, а Бушин на него, не Окуджава апеллировал к «высокому начальству», а... В общем, как в известном анекдоте: да, всё точно: украли, правда не моя жена, а у неё, и не сумку, а шапку.

Поэт действительно часто рассказывал на своих выступлениях эту историю про публикацию в «Москве». И действительно со смехом. Признавая некоторые свои стилистические погрешности, он остроумно высмеивал другие претензии критика, сделавшего себе имя на творчестве «русскоязычного» грузина. И даже в ответ на одно из абсурдных обвинений в переиздании романа сочинил пародийную сноску про пистолет лефоше³⁹.

Ну и как мог автор т а к о й статьи о «не их» писателе обойтись без стандартного для самоназванных «патриотов» обвинения! Огрызко пишет:

К сожалению, в последние годы жизни писатель занял крайне ультралиберальные позиции по отношению и к истории своей страны, и к драматическим событиям постперестроечного периода. Так, он был одним из немногих литераторов, кто подписал «расстрельное» письмо, призывая власть в октябре 1993 года подавить оппозицию в крови. В интервью газете «Подмосковье» писатель признался: «Я смотрел расстрел Белого дома как финал увлекательного детектива — с наслаждением». После этого заявления, естественно, от Окуджавы тут же отшатнулось значительное количество поклонников его ранних песен.

Простим полемисту очередные передержки, а именно очередное лукавство при написании оборота *был одним из немногих* (этот документ известен под неофициальным названием «Письмо сорока двух», а много это или немного — пусть решит читатель). Пропустим привычный для такого рода литературы

³⁹ «Официально пистолет лефоше создан в 1853 году, но один из первых образцов его был подарен князю Мятлеву самим изобретателем ещё в 1849-м» (Окуджава Б. Путешествие дилетантов. М., 1980. С. 333).

эпитет *расстрельное* и несоответствующее содержанию *подавить... в крови*⁴⁰. Бог с ним. Оставим на совести автора результаты подсчёта *отшатнувшихся*...

Однако придётся ещё раз повторить для тех, кому жалко расстаться с фикцией: т а к о й цитаты про *расстрел* и *финал* уж точно не с у - щ е - с т в у - е т, как не было и интервью «Подмосковью». Но придумали эту фальшивку действительно в этой газете. (Не станем вновь вскрывать механизм этого вранья, просто отошлём желающих к книге, где эта история изложена подробно с иллюстрациями⁴¹.) Казалось бы: добросовестный критик просто обязан проверить свою же отсылку. Опубликована библиография Окуджавы, и нет ничего проще — найти в ней публикацию «Подмосковья», взять газету, сверить цитату с первоисточником... Но ведь и первоисточник тоже надо искать в библиотеке по ссылке. А это трудоёмко. Гораздо легче поверить на слово. Особенно в то, чему очень хочется верить. В итоге — опять наговор.

Видимо, хватит примеров. Тенденциозность и лживость статьи Огрызко видна достаточно рельефно. Это при том, что автор в предисловии ставит себе в заслугу свободу от пресловутой групповщины. Ан не получилось свободы.

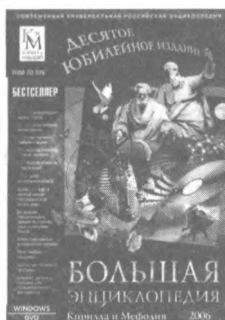
7. О хорошем и о об объективном

Даже в этом обширном обзоре нам не удалось отразить всех мелких ошибок в датах (выход на экраны фильмов, первые публикации и т. д.). Практически не получилось уделить внимание и п о л н о т е информации в разбираемых статьях. Тем более о *хорошем* хотелось написать побольше. Но — увы.

Поверьте, не наша вина в том, что эта часть обзора будет такой маленькой. Это не от поговорки «хорошего помаленьку». Просто т а к с л о ж и л о с ь. И ситуация с достойными справочниками (извините, но о вкусе апельсина мы здесь судим лишь по одной его дольке), видимо, отражает наше время, — когда профессионализм и знание предмета не востребованы, и места специалистов по большей части занимают люди предпримчивые и самоуверенные, не более.

⁴⁰ Ср.: Писатели требуют от правительства решительных действий / А. Адамович, А. Ананьев, А. Анфиногенов и др., всего 42 подп. // Изв. М., 1993. 5 окт. С. 3.

⁴¹ См.: *Крылов А.* Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ. М.: Булат, 2005. С. 140–151, [182, 184–185].

По большому счёту, для пользования мы можем рекомендовать практически лишь два издания.

Одним из биографических текстов, выгодно отличающихся на общем фоне, является работа **С. С. Бойко и В. А. Зайцева** в словаре «**Русские писатели XX века**» 2000 года издания⁴². Она написана учёными, известными своими исследованиями в области окуджавоведения, и оттого, видимо, возможные претензии к ним минимальны.

К сожалению, и в этот в целом достойный текст, содержащий взвешенный и всесторонний анализ творчества писателя и барда, вкралась ошибка. Это из него Огрызко переписал, будто сценарий фильма про Женю, Женечку и «катюшу» написан по повести о школяре. В свою очередь ошибка эта, возможно, возникла из неверного понимания авторами справедливого утверждения Н. Н. Какшто, которая писала: «В основе повести, а затем и киносценария... лежит тема преодоления “школярства”, взросления героя на войне». Какие-то переклички между этими двумя произведениями, конечно, есть. Но не более чем переклички.

И другое издание, которое мы можем поставить в тот же ряд, — мультимедийная «**Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия**», выходящая на CD и DVD⁴³. Здесь статья об Окуджаве принадлежит уже одной **Светлане Бойко**, автору первой в России диссертации о его творчестве.

⁴² Рус. писатели XX в.: Биогр. слов. / Гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М.: БРЭ: Рандеву-АМ, 2000. С. 514–516.

⁴³ Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. 9-е изд. с изм. и доп. М.: Кирилл и Мефодий, 2005; 10-е изд. 2006.

О киноработах писателя в ней не сказано, и таким образом ошибка, связывающая повесть и фильм, исправлена. Может, стоит сказать ещё лишь об одной закравшейся в обе статьи малозначительной неточности. Обсуждение песенного творчества Окуджавы на секции Союза писателей, о котором сказано в обеих статьях, состоялось не в 1962-м, а аккурат в канун этого года, но всё же ещё в 1961-м⁴⁴.

Правда, остаются некоторые сомнения. Например, Бойко в статье для Кирилла и Мефодия пишет:

Во время учёбы в университете стал одним из инициаторов литературного кружка, многие члены которого были репрессированы в апреле 1948.

Речь идёт о кружке «Соломенная лампа», который собирался дома у Булата. Но имеем ли мы право говорить о его личной *инициативе*? И стоит ли писать о *многих* репрессированных членах кружка, если в нём, по доступным на сегодня сведениям, было всего несколько членов? Или — какие у нас вообще основания связывать репрессии 1948 года с этим кружком, давно к тому времени распавшимся?..

Впрочем, эти сомнения, как и остальное, что далее будет сказано в этой главке, относятся к вопросам пока риторическим и дискуссионным. Нижеследующее тоже касается в с е х авторов биографий без исключения и критике, на наш взгляд, не подлежаит.

А именно. В этом обзоре мы уже не раз касались спорности датировки событий 1940—1950-х годов. Эти периоды жизни Окуджавы пока действительно мало изучены, и публикуемые во многих источниках даты основываются на поздних высказываниях самого Булата Шалвовича, поэтому нуждаются в дальнейших изысканиях. Стоит хотя бы сказать, что поиск в Интернете некоторых наименований боевых частей Красной Армии, которые поэт называет в своих интервью и анкетах, указывает... исключительно на эти самые — окуджавские — источники. Другие части никогда в Закавказье, где проходил службу Окуджава, не дислоцировались. Это заставляет задуматься: а точно ли он помнил их номера и названия, и стоит ли за ним повторять их в с п р а в о ч н о й литературе?

⁴⁴ Об этом см. у А. Гладкова в упоминавшейся выше подборке дневниковых записей. — *Ред.*

В вопросе выяснения таких «мелочей» мы должны надеяться на исследователей биографии поэта — уже известного читателям М. Р. Гизатулина⁴⁵ и только вступающей на этот путь О. М. Розенблюм, упомянутой выше⁴⁶.

Впрочем, иногда и сами исследователи могут вносить путаницу и уводить читателя от истины. И даже в датировке более поздних — послевоенных — событий. Не оспаривая общей ценности работы О. Розенблюм, в качестве примера остановимся на упомянутой в ней дате вступления Окуджавы в КПСС. Сам он многократно рассказывал, что толчком к его вступлению в партию явился её XX съезд, на котором впервые было сказано о преступлениях, творимых её именем. (Как известно, этот съезд прошёл в феврале 1956-го.) Не будучи знакомой с некоторыми ритуалами советской эпохи и используя отнюдь не первичные документы, О. Розенблюм, основываясь на «учётной карточке» поэта из архива Союза писателей СССР (№ 1256), в мягких формулировках пытается о п р о в е р г н у т ь эту информацию, указывая на внесённую туда дату — 1955.

На самом деле достаточно было заметить разночтения в этой дате из официальных источников, на что мы выше уже обращали внимание читателя. (Более того, дата 1955 присутствует в б о л ь ш и н с т в е прижизненных словарей.) Заметить, усомниться и... изучить процедуру вступления в КПСС. В те времена вступлению в правящую (и единственную) партию предшествовало обязательное годовое пребывание в звании «кандидата в члены». В 1955-м, после реабилитации обоих родителей Окуджава стал партийным «кандидатом», а после XX съезда — написал заявление, получил новые рекомендации и 9 сентября 1956-го, согласно выписке из протокола партийного собрания, вошёл в число полноправных членов этой организации⁴⁷. А так как «кандидатский» стаж — в случае прохождения процедуры до конца — включался в «общий» партстаж, то формально верны обе даты, и обе они вполне могли фигурировать

⁴⁵ См. его работы в наших альманахах, а также брошюру: *Гизатулин М.* Его университеты. М.: ЮПАПС, 2003. 52 с.

⁴⁶ См. сн. ²⁷.

⁴⁷ Об этом свидетельствуют копии названных документов, также хранящихся в личном собрании М. Р. Гизатулина. (См. его статью «Два старых солдата. Булат Окуджава и Николай Панченко» в настоящем выпуске, где опубликован текст одной из рекомендаций. — *Ред.*)

в этом качестве и в документах, и в газетных врезках, и в энциклопедических статьях.

Как бы то ни было, надо сознавать, что даже после изучения всех возможных государственных и местных архивов (не только военных) нельзя ожидать, что будут однозначно — с точностью до месяца — установлены такие даты, как, например, переезды Окуджавы из города в город, поскольку они скорее всего происходили не одномоментно.

8. Памятка будущим авторам

И в заключение обратим внимание на типичные ошибки и разночтения, требующие, как выясняется, особо осмотрительного подхода.

Поскольку справочная литература (любого качества) в наши дни пользуется повседневным спросом и продаётся очень хорошо, легко предвидеть, что подобные издания будут множиться и множиться. А следовательно факты будут вновь интерпретироваться новыми авторами — хотя бы для того, чтобы уйти от уже опубликованных формулировок. Но в рассматриваемом нами жанре как раз изменение формулировки вполне может лишить её адекватности. И посему, воспользовавшись печальным опытом предшественников, попробуем подстелить соломки тем, кто рискует вскоре поскользнуться в борьбе с уже опробованными граблями.

О том, что авторы переписывают друг у друга оценки произведений, не читая их самих, мы здесь говорили не раз. Вот ещё пример — из **«Школьного биографического словаря»**, составленного А. П. Горкиным⁴⁸. Перечисляя произведения писателя, неизвестный автор упоминает «рассказы, освещающие различные периоды драматической отечественной истории середины XX в.». Написавший это знал об *исторической прозе* Окуджавы; слышал, видимо, и о его *рассказах*. Вот и хитро (как ему, вероятно, казалось) отделался общей формулировкой. Но называть историческими сочинения, *освещающие* перипетии жизни самого автора (а рассказы у БШ такие все, кроме одного), мог только не выдавший их в глаза. В качестве альтернативы надо было бы признать, что в с я литература, действие в которой происходит в России, *освещает различные периоды* её истории.

⁴⁸ Школьный биографический словарь / Сост. и гл. ред. А. П. Горкин. М.: РОС-МЭН, 2002. С. 387–388.

Сам по себе примечателен факт помещения имени Окуджавы в словник справочника «Кто есть кто в российской истории(!)» А. Шикмана⁴⁹. Интересующая нас статья в нём показательна в нескольких планах.

Как известно, Окуджава написал и опубликовал четыре исторических романа. И до справочника Шикмана встречались ряды, где были перечислены три из них, а вместо недостающего стояло обесмысленное в этой ситуации «и др.». Наш автор (скорее всего, по привычному шаблону) пошёл дальше: и др. стоит у него после... исчерпывающего списка. Такое же положение дел и с перечислением пяти из «многочисленных», по Шикману, поэтических книг, которое заканчивается похоже: и *мн. др.* Но на самом деле — это у антипода Окуджавы Куняева *многочисленные* и *мн. др.*, а ему самому удалось издать всего 12 оригинальных сборников, из которых до пресловутой Перестройки — только 7.

В другом словаре говорится, например, о «множестве неологизмов», рождённых поэтом, но в качестве примера приведён лишь один, да и тот — *арбатство* — заимствованный, о чём сказано в эпиграфе к стихотворению-«источнику».

Но вернёмся к книге А. Шикмана. Общая беда подавляющего числа авторов, редакций периодики и книгоиздателей — игнорирование ГОСТов при описании печатных источников. Это всегда порождает у пользователя излишние вопросы. Здесь и это пренебрежение общепринятым тоже доведено до предела: запятая между заголовком и подзаголовком книги «Капли датского короля» вполне позволяет принять ссылку на неё за два разных сборника.

И ещё один пример небрежности из того же словаря-справочника:

С конца 1956 стал исполнять под гитару свои песни...

Очевидно, автор хотел сказать, что в 1956-м для Окуджавы, по его собственной оценке, настал новый период: он стал писать по-новому, а чуть позже начал исполнять несколько своих стихотворений под гитару — сначала в узком дружеском кругу, а затем и публично. Известно также, что при этом первую песню (и только её) из этого периода автор условно датировал самым концом 1956-го — её появление связано с приез-

⁴⁹ Шикман А. Кто есть кто в российской истории: Биогр. слов.-справ. М.: Вагриус, 2003. С. 416–417.

дом в Москву Ива Монтана⁵⁰. Следовательно дата 1956 здесь не совсем корректна. По меньшей мере это — 1957. (Хотя, если отбросить самооценку, по многим свидетельствам, поэт и задолго до того напевал свои стихи под аккомпанемент гитары.)

К названной примыкает ещё одна общая тенденция — стремление (осознанное или от той же небрежности) к необоснованному обобщению. «Его обвиняли в пошлости и прогоняли со сцены» (К° Шалаевой). Допустим даже — *прогнали*, а не «ушёл со сцены, растерянный, но живой». Однако по сути речь должна идти о е д и н с т в е н н о м случае — о выступлении в московском Доме кино, известном из ироничного и многократно повторенного рассказа самого Окуджавы. Но откуда даже это знать халтурщикам, если их «перьями» движет его величество листаж! Так что подобный приём перефразировок с целью ухода от плагиата, как видим, отнюдь не ведёт к положительному результату.

Распространены и другие способы отхода от устоявшихся формулировок, приводящие к искажению смысла. К примеру, Шерель пишет, что Окуджава «родился и вырос... в семье репрессированных». *Вырос* — допустим (хотя — с мамой за колючей проволокой, что ли?), но уж *родился* он в полной и благополучной семье. Сообщение С. Чуприна, что будущий поэт «родился в семье... партработника (расстрелянного)» по той же причине вызывает у читающего это внутренний протест. Видимо, всё-таки «впоследствии расстрелянного» или же «расстрелянного в 1937 году», — поскольку Булат прожил при живом отце почти до 13 лет.

Тему неточностей в цитатах мы тоже уже частично затрагивали. Однако не грех сказать о них ещё раз. Кроме искажённых заглавий («Будь здоров, школяр!» с восклицательным знаком — повсеместно; *Катюша* — немного реже; «Запрещённый театр» у Шереля), встречается цитирование по памяти отдельных стихотворных строк (например, у Кякшто). У неё же — неверное заглавие «Искусство кройки и *шитья*». Ещё в одной коротенькой заметке из словаря А. Шукина «Знаменитые россияне»⁵¹, поми-

⁵⁰ (Об этом подробно в статье А. Кулагина «На Тверском бульваре. О первой песне “нового” Окуджавы», помещённой на страницах этого же альманаха. — *Ред.*) Сам приезд и выступления французского певца состоялись в декабре 1956-го.

⁵¹ Шукин А. Н. Знаменитые россияне: Биогр. слов.-справ. М.: Просвещение: Учеб. лит., 1996. С. 174.

мо небольшого стандартного набора ошибок, находим и такое название: «Бедный Амвросиемов». Эти ошибки, как и названные выше, трудно не отнести за счёт небрежности авторов.

Также Окуджаве частенько приписывают несуществующие ц и к л ы стихов: например, «Житейские мелочи» у Кякшто. С этим термином вообще, как нам кажется, следовало бы обращаться поосторожней. Поскольку, во-первых, далеко не всякое заглавие стихотворной подборки в журнале или книге равносильно названию цикла. Что же касается такой подборки в «Знамени»-1995, то она называлась «Житейские печали». А во-вторых, надо иметь в виду, что распространённым способом (в числе прочих) проталкивания в печать текста, сомнительного с точки зрения цензуры, как раз и было во времена Советов — включение его в какой-нибудь искусственно созданный для этого цикл. О природе Подмосковья, например. Окуджава таким способом тоже пользовался.

Мало какие ошибки остаются не воспроизведёнными биографами-последователями. Вот и несуществующие «Житейские мелочи» наряду с прочими неточностями перекачовали в словарь Елены Абрамовских «100 поэтов XIX–XX веков»⁵². Не обошлось и без собственных оплошностей: к примеру, стихотворение «Арбатское вдохновение...» в этой книге тоже возведено в ранг цикла.

9. И уж совсем чуть-чуть об авторской песне

И наконец следует ещё раз сказать о хронологической путанице. Но иного, чем было сказано выше, рода. Она часто происходит, когда авторы справочников берутся определить место Окуджавы в ряду создателей авторской песни. К примеру, мол, сначала был Окуджава, а... «вскоре к нему присоединился А. Галич, чуть позже Ю. Ким, а затем и В. Высоцкий» (К° Шалаевой). Шерель называет Визбора, Кима, Якушеву — «последователями Окуджавы». Агеносов и Анкудинов идут дальше: «О. нельзя отнести к представителям т. н. авторской (“бардовской”) песни, хотя он и оказал огромное влияние на многих представителей авторской песни последующих поколений, в частности на Ю. Кима и Б. Гребенщикова».

⁵² Абрамовских Е. 100 поэтов XIX–XX веков. Челябинск: Урал LTD, 2000. С. 128–129.

Для того чтобы высказываться на эту частную тему, нужно быть осторожным в формулировках и знать как минимум две вещи:

а) Окуджава не был хронологически первым в когорте бардов. Или точнее — тех, кого принято было таковыми называть в советской России. До него писали неподцензурные песни и публично с ними выступали Анчаров, те же Визбор, Ким, Якушева... Другие вошли в эту реку одновременно с Окуджавой. Высоцкий и Галич — именно в этом порядке! — запели уж совсем поздно: в конце 1961-го и 1962-го соответственно. Первым или, пользуясь песенным образом Вадима Егорова, в о ж а к о м Окуджаву называют в том смысле, что он показал п у т ь, по которому после появления его поющей поэзии в море *самодельной* (по устоявшейся терминологии фольклористов) песни стал возникать и развиваться материк, превратившийся в песню *авторскую* (по современной терминологии)⁵³. Так что, видимо, не *последователи* в первую очередь, а — к о л л е г и. Хотя в чём-то они и последователи тоже. Как в чём-то Окуджава — и х последователь;

б) это сейчас, когда в первую очередь с упразднением политической цензуры все песенные жанры и направления практически смешались меж собой, можно говорить о другой ипостаси авторской песни — жанре звучащей поэзии. Вкраплениями она существовала во все времена в том же море *самодельного* сочинительства. А в те годы, в которые формировался термин *авторская песня*, полунезависимо от тоталитарного государства существовала — она сама. И отдельно от неё — другой, более поздний в н е з а к о н н ы й песенный материк — *русский рок*, ярким представителем которого явился, например, названный Гребеншиков. И даже э т и направления — на беглый сегодняшний взгляд вроде бы родственники — п р о т и в о с т о я л и друг другу.

Итого.

1. Не все словарные статьи удалось упомянуть даже в сносках.

2. Анализ показал, что в научной и учебной литературе допустимо использование только тех современных творчески-биографических очерков об Окуджаве, которые написаны С. С. Бойко и В. А. Зайцевым. (Мы намеренно исключили

⁵³ Подробнее об этом читайте: *Соколова И.* Авторская песня: от поэзии к фольклору. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. С. 150–193.

из обзора добротную и подробную работу М. Гизатулина и В. Юровского, опубликованную в 2003 году в сборнике «Встречи в зале ожидания»⁵⁴. Во-первых, она написана в ином жанре, а во-вторых, редакция альманаха предполагает посвятить хронике жизни поэта отдельный материал.)

3. Главный печальный результат нашего чтения состоит в том, что все перечисленные искажения плавно перетекают не только из справочника в справочник. Но и на страницы всевозможных статей, предисловий и во всяческие справки об авторе в сборниках и антологиях — тоже. И того пуще: они естественно и свободно проникают в школьные учебники и хрестоматии. И этот снежный ком всё растёт и растёт... Например, в двух сборниках серии «Антология сатиры и юмора России XX века» (гл. ред. проекта и составитель серии Ю. Кушак) издательства «ЭКСМО» даже даты смерти поэта обозначены — разные.

Конечно всех будущих ошибок не упредить, и всё же закончить свой обзор позвольте пожеланием главным редакторам — привлекать к написанию биографических справочных статей авторов компетентных, а самим авторам пожелаем внимания и удачи.

⁵⁴ Хроника жизни и творчества / Сост.: М. Р. Гизатулин, В. Ш. Юровский // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова. Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 12–21.

А. АЛЬТШУЛЛЕР

ЛЬВА ШИЛОВА ВНОВЬ ОБОКРАЛИ¹

И не только его

Пусть простит меня редакция альманаха, поручившая мне оповестить свою аудиторию о долгожданном нотном издании Окуджавы, поскольку рецензия не получилась: рецензировать оказалось нечего.

Поясню.

Открывая книгу «Всё громче музыка любви»², давний любитель песен под гитару попадает в состояние, которое принято обозначать иностранным словом *дежавю*: всё кажется ему знакомым — и приёмы нотной записи, и набор сочинений, и даже их количество (103). При ближайшем рассмотрении означенный любитель удивится, что всё перечисленное соответствует сборнику «Песни Булата Окуджавы»³, выпущенному в 1989 году Львом Алексеевичем Шиловым, собирателем и литературоведом, членом редколлегии и автором первых альманахов «Голос надежды».

¹ Постоянным читателям нашего альманаха нет надобности пояснять слово вновь, а тех, кто увидел наш сборник впервые, мы адресуем к первым двум выпускам, — не пожалеете.

² Окуджава Б. Всё громче музыка любви: Музыка и стихи... / Сост. Ф. И. Такун. М.: Современ. музыка, 2005. 240 с. (Обл.).

³ Окуджава Б. Песни...: Мелодии и тексты / Сост. Л. Шилов. М.: Музыка, 1989. 224 с.: ил.

«Чего бы вы хотели, — вопросом на вопрос ответит любой непредвзятый, но не слишком искушённый читатель, — песни-то принадлежат Мастеру, и с какой стати они после физической смерти автора должны поменять мелодии?! Да и что плохого в том, что наконец-то переиздали такой нужный и ныне совершенно недоступный сборник?»

Для начала соглашусь и с нужностью, и с недоступностью. (Про долгожданность, как про первое по важности обстоятельство, заметьте, я сказал первым — ещё в начале своих заметок!) А уж затем постепенно отвечу на оба правомерных читательских вопроса.

А начну так. Просматривая новую книгу, получаешь ложное впечатление, что Булат Шалвович за последнее почти десятилетие своей жизни ни одной песни не сочинил. Исписался? Да нет же, сочинил! И какие эпохальные: возьмём, к примеру, «На Сретенке ночной...» и «Отъезд». Но их издатели не заметили?

При этом речь ведь не идёт о репродукции: «Современная музыка» претендует на то, что представляет нам *н о в у ю* книгу — и составил её некто Ф. И. Такун (запомните это имя, он далеко пойдёт!).

И раз моя заметка печатается в разделе рецензий, я всё-таки обязан отметить работу этого составителя. Поверхностный анализ показал, какую титаническую работу провернул этот человек:

— тщательно рассортировал песни, содержащиеся в книге Шилова, по алфавиту заглавий. (Пусть в авторской песне заголовки чаще всего не играют никакой роли и нужны только для нотных сборников — не начинать же ноты с трёх звёздочек! Для того и снабжают сборники алфавитными указателями первых строк. Ну да ладно, простим!)

— изменил название этого самого вспомогательного указателя: у Шилова был «Алфавитный указатель строк», а у Ф. И. Такуна стал — «Список произведений по алфавиту (по первой строке)». (И неважно, что не *список*, а именно *указатель*, поскольку содержит ссылки на номера страниц книги, — главное: сделано *п о - с в о е м у*.)

Тщательный анализ, к сожалению, ничего более из внесённого новым составителем не выявил. Так что *мародёрство*, извините за термин, налицо.

Что касается убранных из книги всяческих сопутствующих и пояснительных текстов, то, возможно, и не Такуном

проделана эта «нужная» работа, а — издательством «Современная музыка», чей копирайт стоит на обороте титульного листа и которое решило сделать книжку поскромнее. А уж ответственность за опечатки (они, поверьте, здесь есть, и даже в нотах) — тем более на совести редактора А. Т. Шершунова... Впрочем, нет! Редактировать-то было нечего — надо было только аккуратно сверить тексты с первоисточником. Значит — вина на корректоре. Но таковой вовсе не значится в выходных данных (как и наша редакция, «Современная музыка» на нём сэкономила). А на нет никакой суд не ответит.

«Позвольте, но и в предыдущей книге был копирайт издательства, и именно — “Музыки”! Так откуда вам, ехидный рецензент, знать: может, первое издательство является преемником второго?! Тогда оно в полном праве переиздать свою же книгу!» — вновь придерётся ко мне грамотный читатель. Отвечаю: насчёт преемничества не знаю и знать не желаю. И вообще не хочу вдаваться в юридические тонкости, поскольку точно знаю другое: денежные вопросы сами по себе, но на и м я составителя никто прав не отменял. Эти права (и другие, в частности, права нотировщика) даже имеют в законе определённое название — *смежные*.

Кстати, раз мы уже дважды заговаривали о нотировке, поясню для неспециалистов: записать о д и н а к о в о авторскую песню двум разным музыкантам — невозможно. А как же определить, кто скрупулёзно записывал ноты песен для сборника? Заглянуть в предыдущий (скромно назовём его прототипом).

Вывод. И на нотировщике тоже сэкономили — взяли что «плохо лежит»⁴! (Наше издательство «Булат» сразу предупреждает авторов: наши книги убыточные и потому безгонорарные, но мы — так, дилетанты, самодеятельность, мелочь пузатая... А «СМ»⁵ ведь — солидное издательство, «головное», как сказали

⁴ Справедливости ради надо добавить, что сэкономили (типографской краски хотя бы) и на авторе фотографий, воспроизведённых на первой и четвёртой сторонах обложки. Но такое сейчас повсеместно, хотя и не в наших традициях. — *Ред.*

⁵ Такую аббревиатуру и соответствующую товарную марку имело издательство «Советская музыка», которое в связи с обесмысливанием прилагательного в попытках было переименовано в «Музыку». Необходимость в новом переименовании, видимо, возникла в связи с «возвращением традиций» и товарного знака. Рассказать особо о том, что такое *товарный знак* применительно к нашей теме нас, вероятно, ещё вынудят. — *Ред.*

бы раньше...) Так что вновь нашему альманаху приходится восстанавливать справедливость:

*Музыкальный материал публикуемых песен
записан Александром Колмановским
в новой редакции с участием автора*

Такой информацией заканчивается сборник «Песни Булата Окуджавы», подготовленный Л. А. Шиловым со товарищи⁶. Такая же надпись (уж первые две её строки — точно) должна была содержаться в рецензируемой сегодня книге.

И главное, что ещё там должно было значиться:

*Составитель Лев Шиллов
(при участии Ф. И. Такуна)*

Правда, не известно, нужно ли покойному Льву Алексеевичу такое посмертное соавторство, ухудшающее книгу?..

Стоп, зачем же я ради красивого словесного штампа вру сам себе! Любому ясно, что **н е н у ж н о**. Ни Шиллову, ни читателям. Ведь как-никак расположение песен в сборнике-прототипе имело большой смысл: оно было приближено к хронологическому...

Так что лучше «Современной музыке» при новом, стереотипном переиздании написать так:

(при навредившем участии Ф. И. Такуна)

Заранее приношу свои искренние извинения Ф. И. Такуну за неоднократное неверное склонение его (её) фамилии, если он (она) в действительности окажется дамой.

⁶ О трудной истории создания этого сборника см.: *Шиллов Л.* Как мы делали книжку с нотами / Публ. Е. Азимовой // *Голос надежды*. Вып. 2. М., 2005. С. 58—69.

Татьяна СУББОТИНА

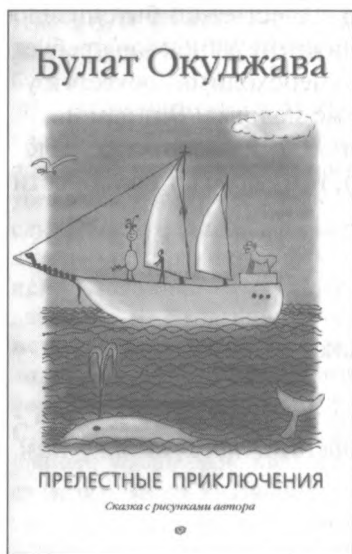
НОВЫЕ СТАРЫЕ, НО ПРЕЛЕСТНЫЕ¹

Об этой книжке «Голос надежды» уже писал², и пересказывать её содержание нужды нет.

«В Чехии и Польше, в Грузии и Израиле и даже в далёкой Японии дети и взрослые знают Добрую Змею, Морского Гридига и даже Приставучего КаруДа...» Это из предисловия. Однако — устами писавшего бы мёд пить, поскольку верится в сказанное с трудом. Взрослые и дети знают, но, к сожалению,

очень и очень немногие. Потому что издавалась эта книга в названных странах только по одному разу (может, где-то два?), да и то мизерными тиражами. Так что «...Знают так же [в этом случае пишется отдельно, кстати. — Т. С.] хорошо, как, скажем, Маленького принца Сент-Экзюпери или Чайку по имени Джонатан Ричарда Баха», — это, скорее, наши общие с издателем мечты, а не суровая реальность.

«Философская сказка-притча Булата Окуджавы, — продолжает безымянный автор предисловия, — с прелестными авторскими иллюстрациями издаётся теперь

¹ Окуджава Б. Прелестные приключения: Сказка / Рис. авт. М.: Вадим Синема, 2005. 80 с. (Переплёт). На титульном листе присутствует также марка «Фонда Булата Окуджавы».

² Кондратова Т. И. «...И наша жизнь будет иметь смысл»: О дет. кн. Б. Окуджавы «Прелест. приключения» // Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 285–297.

и в России. Впервые». Но, слава богу, опять неточно: в России не впервые³, и с авторскими иллюстрациями не впервые. Но на родине с авторскими картинками — да, это так, впервые.

А если уж соблюдать аптекарскую точность, то к странам, где увидела свет эта книга, надо добавить ещё и Англию (там, как в советской Грузии и в Израиле, тоже по-русски, но тоже очень давно⁴).

На этот раз объявленный тираж впечатляет — 100 000 экземпляров! (Сегодня и детективы не издают в России такими тиражами, а ведь это — самый востребованный жанр.) Значит, есть шанс (если, конечно, издательство сумеет распродать тираж), что наконец и впрямь о героях Окуджавы узнают наши дети. Как говорят, «широкие слои».

Опять же — кому это будет доступно по цене. Например, на презентации «Прелестных приключений» в Московском доме книги на Новом Арбате 8 октября ими торговали по 135 рублей. Для небольшой книжечки многовато. Я слышала мнение, что можно было бы печатать её не на дорогой мелованной бумаге и не в переплёте, а в обложке. Это существенно бы снизило стоимость. Но таков сегодняшний книжный рынок: он требует именно твёрдого переплёта, а для него необходима соответствующая толщина, то есть, например, та же меловка. Вот вам и...

Правда, есть выход: кто доберётся до издательства, телефон которого есть в книге (925-52-43), тому повезёт приобрести сказку всего за 85.

Я так и сделала.

И перечитала книжку.

И опять с удовольствием!

И ещё раз порадовалась: вот какой у нас писатель — и нам, и детям.

Глядишь, через эту сказку наши дети добредут до нас и х песен. Прямо как в стихотворении: *посвящается нам*. Всем, кто захочет приобщиться.

³ См.: Окуджава Б. Прелестные приключения / Худож. И. Волкова. М.: Лайда, 1993. 32 с. (Обл.).

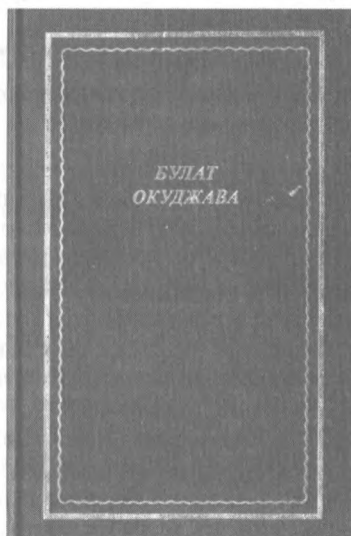
⁴ Прелестные приключения / Рис. придумал авт.; Улучшили рис. худож. Эристави и Мирзашвили. Тбилиси: Накадули, 1971. 35с.; То же / Рис. авт. Тель-Авив, 1975. 32 с. Израильское издание полностью факсимильно воспроизведено в составе кн.: Гасс Б. Задуй мне свечу. Лондон: [Б. и.], 1984. С. 223—253.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ТЕКСТОВ Б. ОКУДЖАВЫ, НЕ ВОШЕДШИХ В ЕГО СОБРАНИЕ

За почти десятилетие, прошедшее со дня смерти поэта, его семья не обнародовала практически ни одной новой для читателя строчки из его наследия. Абсолютное большинство поэтических публикаций Б. Ш. Окуджавы, предпринятых за этот период, сделаны людьми, которые волею судьбы (или автора) стали обладателями его малоизвестных текстов. И в первую очередь это относится к его друзьям и адресатам.

Настоящий список составили источники песен и стихотворений Окуджавы, не вошедших в его собрание: Стихотворения / Сост. и подгот. текста В. Н. Сажина и Д. В. Сажина; Вступ. ст. Л. С. Дубшана и В. Н. Сажина; Примеч. В. Н. Сажина. СПб.: Академ. проект, 2001. 712 с. (Новая б-ка поэта).

Мы благодарны В. Н. Сажину за то, что он счёл нашу библиографию произведений Б. Ш. Окуджавы (Лит. обозрение. 1997. № 3. С. 52–63) достойной для использования при подготовке упомянутого собрания. Мы убеждены в том, что лишь досадная случайность не позволила составителю упомянуть в книге о факте такого использования. Мы также благодарны А. В. Кулагину, который заметил и обнародовал этот факт (Кулагин А. В. Барды и филологи // Новое лит. обозрение. [Вып.] 54. 2002. С. 353–354). Автор обзора на одном примере убедительно показал, что составитель книги в «Новой библиотеке поэта», к сожалению, не учёл специфики той нашей публикации: она (в отличие, например, от известной библиографии И. В. Ханукаевой) описывала лишь те произведения из периодики, которые не входили в прижизненные авторские сборники; из-за этого В. Сажиным были пропущены

первые публикации многих стихотворений Окуджавы последнего пятилетия, не учтённые нами в связи с поставленными задачами. (По тому же принципу построен и настоящий список: из всей подборки нами описывается лишь произведение, соответствующее заявленной теме библиографии.)

Одновременно мы приносим извинения В. Сажину и другим пользователям нашей библиографии, опубликованной в журнале «Литературное обозрение», за то, что по техническим причинам она лишилась описания двух поэтических публикаций Окуджавы (п. 1.2.10 и 1.2.12). Из-за этого три текста поэта не вошли в самое полное на сегодняшний день его собрание и до сего времени оказались вне поля научного окуджавоведения. К тому же за последнее время нами были обнаружены стихотворения, до того не известные (п. 1.2.11 и 1.4.6). Биографом Окуджавы М. Гизатулиным также найдена никому не известная публикация 1958 года в калужской газете «Молодой ленинец» (п. 1.2.7).

Открывает нынешний список подраздел 1.1, в который вошли три песенных цикла, два из которых сознательно не включены составителем в сборник «Стихотворения» по необъяснённым причинам (см. указ. соч. с. 605). Тбилисские публикации 1945–1946 годов (п. 1.2.1–1.2.6) также остались за пределами собрания по его решению.

Для включения в основные разделы настоящего списка мы руководствовались полнотой, а также доступностью источника, остальные описания помещены в разделе «Повторные публикации». При первом упоминании текста его заголовок дополнен первой строкой (если они не совпадают). Стихи и песни, которые прозвучали в фильмах (кф. «Храни меня, мой талисман», тф. «Кортик» и др.) или были записаны в авторском исполнении на выступлениях, но не были опубликованы на общедоступных носителях, нами не рассматривались.

1. Публикации в книгах и периодике

1.1. Включённые в авторские сборники песни к спектаклям и кинофильмам

1.1.1. «Соломенная шляпка»: Худож. фильм: Пролог («Мы — артисты, менестрели, барды и поэты...»); Обращение к автору («Назад тому сто лет...»); Песенка человека, решившегося жениться («Женюсь! Какие могут быть игрушки?...»); Песенка о несостоявшихся надеждах («Один корнет задумал славу...»); Песенка о соломенной шляпке («Соломенная шляпка золотая...»); Песенка обманутого мужа («Не ждешь подвоха...»); «А время счёт ведет подробный...» // *Окуджава Б. Милости судьбы: Новая кн. стихотворений.* — М.: Моск. рабочий, 1993. — С. 138–145.

1.2.2. «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»: Спектакль: Пролог («Итак, старинный водевиль...»); Дуэт Муратова и экомки («Богиня моя и царевна...»); Плач Шипова («А вот каморочка грошовая, трёхногая кровать...»); Песня Потапа («Кровь кипит, края

играют...»); Печаль вдовы («Я ночью помолиться...»); Откровения жандарма Муратова («В ясный полдень и в потёмках...»); Откровения Шипова («А помнишь ли, Мишка Шипов, как ты князя ублажал?...»); Песня Шипова («Не к добру все эти сласти, и покой не к добру...»); Песня жандарма Муратова («Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?...»); Реплика жандарма Кобеляцкого («Шум погони, ветра свист...»); Бравая песня Гироза («Идти по следу, чужому следу...»); Хор возмущения Шиповым («Предатель, подлец и мерзавец...»); Хор в честь Шипова («Ну надо же, ну надо же, какой талант отменный!...»); Танго Шипова («Сначала блюдо поднимаешь над собою...»); Песенка Шипова («Робкая серая мышка...»); Эпилог («Смахнули мокрой тряпочкой с времен минувших пыль...») // Там же. — С. 146–165.

1.1.3. «Золотой ключик»: Мюзикл: Песенка фонарщиков («Мы люди неплохие...»); Первая песня лягушек («Невелик наш пруд, и негде разгуляться в нём волне...»); Песня папы Карло («Из пахучих завитушек, стружек и колечек...»); Первая песенка Буратино («От безделья мы взлетаем...»); Песня Карабаса и кукол («Сияет театральный купол...»); Первая песенка Пьеро («О, если б из пламени в страшную полночь...»); Куплеты Карабаса («Считайте меня подлым!...»); Поле чудес («Не прячьте ваши денежки по банкам и углам!...»); Дуэт лисы Алисы и кота Базилио («Пока живут на свете хвостуны...»); Песня Мальвины («Ах, если б Карабас, вставая, чистил зубы...»); Песенка протеста Буратино («Какой несчастный случай...»); Вторая песня Пьеро («Утром на зорьке, ранней порой...»); Песенка таинственных существ над спиленным деревом («Месяца в небе серп золотой...»); Песенка Дуремара («Я — великий Дуремар...»); Песенка Тортиллы («Стать богачем иной норовит...»); Вторая песня лягушек («Одиноким Буратино шел по делу, может быть...»); Песня пуделя Артемона («Пойми меня правильно, мальчик...»); Вторая песенка Буратино («И у нас будет праздник, и это случится, случится...»); Третья песенка Буратино («Дважды два — четыре, дважды два — четыре...»); Хор кукол («У Карабаса страшный бас...»); Песенка Джузеппе («Я обошел весь белый свет!...») // Там же. — С. 166–186.

1.2. Прочие прижизненные и факсимильные

1.2.1. До свиданья, сыны!.. («Посидим под деревом, братцы...») // Боец РККА. — Тбилиси: Закавказ. фронт, 1945. — 15 июля. — (Подп.: А. Долженов); См. также 1.5.5, 1.5.6.

1.2.2. Мы встречали («Вы слышали? Не слышали?») // Там же. — 24 июля. — (Подп.: А. Долженов); См. также 1.5.5, 1.5.6.

1.2.3. Девушке-солдату («Я тебе руки не протянул...») // Там же. — 9 авг.; См. также 1.5.5.

1.2.4. Не позабыть жестоких дней («Мы вспоминали на заре...»); В край родимый... («Помнишь, ветер дым распушивал...») // Там же. — 2 сент.; См. также 1.5.5, 1.5.6.

1.2.5. Кавалерист («Мать не пустила за ворота...») // Ленин. знамя. — Тбилиси: Воен. округ, 1945. — 12 дек.; *См. также* 1.5.5.

1.2.6. Декабрьская полночь («Морозной дымкою окутанный...») // Там же. — 1946. — 1 янв.; *См. также* 1.5.5.

1.2.7. «День знойный и расслабленный...» // Там же. — Калуга, 1958. — 13 авг.

1.2.8. Далёким москвичам («По Сокольниках октябрь пробирается поздний...») // Юность. — 1965. — № 1. — С. 107; нот. — (Землякам на Кубу).

1.2.9. «Чтобы известным стать...» // Веч. клуб. — 1992. — 21 марта. — С. 4. — В ст.: *Окуджава Б.* «Только Бог когда-нибудь скажет, кто первый, а кто последний»: Шестидесятники: продолжение разговора.

1.2.10. «Фазиль, нас мало. Боже мой, утраты...»; Воспоминание («Сухие ветки хрустнули...») // Огонёк. — 1994. — № 15–16 (май). — С. 12. — В подборке: Какие марши грустные играет наш оркестр.

1.2.11. «Провозглашай, а там посмотрим...»; Сан-Франциско («По улице Эллис гуляю...»); Париж («Я захожу в Тати...»); «Прошлое я уважаю, нынешнее ценю...»; «Когда бы вы знали, что жизнь коротка...»; «Бороться за свои права сверчок природой не обучен...»; «Когда мы все фронтовики уйдём навеки в тишину...» // Рус. мысль. — Париж; М., 1995. — 16–22 марта. — С. 10.

1.2.12. В день свадьбы золотой («...»); [В. Астафьеву] // Лит. газ. — 1995. — 25 окт. (№ 43). — С. 3.

1.2.13. Последняя тетрадь: Итоги («В двадцать четвертом родился я...»); «Когда петух над Марбургским собором...» [Факс.]: Стихи / Р[ишина] И. [Послел.] // Спец. вып. [Лит. газ.]. — 1997. — [21 июля]. — С. 2.

1.2.14. «Библиотека ЦДЛ — явление высокой пробы...» // Тайны винтовой лестницы: Кн. о б-ке Центр. Дома лит. — М.: Ключ, 1998¹. — С. 129.

1.2.15. «Я тебе завидую, Арканов...»: [Факс.] // *Арканов А.* Стишки и песенки. — М.: Подкова, 2000. — С. 7; *То же*. — М.: Авантитул: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — С. 7.

1.3. Восходящие к авторским рукописям и фонограммам

1.3.1. «Старались — не дышали...» / [По рукописи из арх. авт.]; Без подп. // Урал. — Екатеринбург, 1995. — № 6. — С. 108. — В ст.: *Горленко Н.* Наедине с Айседорой; *То же [с вар.]* // Окуджава Б. Путешествие дилетантов; Свидание с Бонапартом: Романы. — М.: Эксмо, 2004. — С. 5–6. — В предисл.: *Курбатов В.* Крик в ночи.

1.3.2. Впечатление («Вниз поглядишь — там вздыхает Париж...») // Рус. мысль. — Париж; М.: 1997. — 19–25 июня. — С. 17.

1.3.3. «Как капитан на капитанском мостике...»; «За что мы боролись в искусстве — всё наше, всё в целости!..»: [К десятилетию моск. театра «Современник»]; «Я поеду в электричке общим классом...» / Под-

¹ Книга готовилась при жизни О.

гот. А. Петраков; [По авт. фонограммам] // Вагант-Москва. — 1997. — № 4—6 (апр. — июнь). — С. 18, 19, 20.

1.3.4. Песенка Жени Альбац («Зачем мне ваши индульгенции?..») / [По рукописи из арх. авт.] // Общ. газ. — 1997. — 17—23 июля (№ 28). — С. 16. — В интервью: *Окуджава Б.* Последняя встреча / [Беседала] Е. Альбац; [Из воспом.].

1.3.5. «Здравствуйте, слоны!..» (Здравствуйте, слоны!) / [По авт. фонограмме] // Большой секрет для маленькой компании: Авт. песни для детей / Сост. Т. Я. Цыганова. — М.: Музыка, 1997. — С. 40.

1.3.6. «Ой ты гой еси, Харитонов сын...» : [В. Х. Смольянинову] / [По рукописи из арх. авт.] // Звезда. — СПб., 1998. — № 5. — С. 155. — В ст.: *Живописцева И. В.* Живые картины: (Из воспом. о Гале, о Булате и о себе); *См. также* № 1.4.2.

1.3.7. Жерех (1. «На отмели песчаной у Чардыма...»; 2. «Юра жереха подсёк...»; 3. «Жара. И жор у жереха неважный...») // Саратов. вести. — 2001. — 16 авг.

1.3.8. «Я дачу попросил у Мосгорисполкома...»; «*Марья Петровна идёт за селёдкой...*»² / [По авт. фонограммам] // Новое лит. обозрение. — № 53. — 2002. — С. 422, 423. — В рец.: *Каганович В. И.* [Стихотворения / Сост. и подгот. текста В. Н. Сажина и Д. В. Сажина. СПб., 2001].

1.3.9. [К 60-летию В. Карпова]: «Я вижу в том признак великой судьбы...» / [По рукописи из арх. авт.] // *Карпов В.* Жили-были писатели в Переделкино... — М.: Вече, 2002. — С. 327. — В гл.: Булат Шалвович Окуджава.

1.3.10. А. Чубайсу в день рождения («Надо помнить: день рождения...») / [По рукописи из арх. авт.] // Комсом. правда. — 2003. — 3 дек. — С. 10. — В ст.: *Волков А.* «Пусть останется меж нами добрых “Жаворонков” крик...».

1.3.11. «Год двадцать первый — такой боевой...» / [По авт. фонограмме] // Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. — Вып. 2. — М.: Булат, 2005. — С. 205. — В ст.: *Гизатулин М.* Только лица остаются.

1.3.12. Стихи об озорстве («Пожалуйста, не разоряйте гнезда галочки...») / [По авт. фонограммам] // Голос надежды: Новое о Булате. — Вып. 3. — М.: Булат, 2006. — С. 231—233. — В ст.: *Кулагин А.* Стихи об озорстве.

1.3.13. Байкал («Осушить не хватит силы...») / [По авт. фонограмме и авторизов. машинописи] // Голос надежды: Новое о Булате. — Вып. 3. — М.: Булат, 2006. — С. 237—239. — В ст.: *Свиридов С.* Байкал.

1.3.14. Дверь, которая ушла в тайгу («Глухарь токует на току...») / [По авт. фонограмме] // Голос надежды: Новое о Булате. — Вып. 3. — М.: Булат, 2006. — С. 251—252. — В ст.: *Новиков Вл.* Дверь, которая не выдержала смысловой нагрузки.

² Стихотворение С. Ломинадзе. Приписано О. ошибочно.

1.4. Прочие (в т. ч. по не известным нам первоисточникам)

1.4.1. «Укрепляйте организм, пейте больше рому...» // Экран и сцена. — 1993. — 11–18 марта (№ 9). — В ст.: *Тимофеева И.* А всё-таки жаль...

1.4.2. «Однажды Тирли-Тирли-Тирли-Тирли...»³; «Ой ты гой еси, Харитонов сын...»⁴; «Мне законы не писаны...»; «В холостяцком быту...» // *Живописцева И. В.* Опали, как листва, десятилетия...: Воспоминания. — СПб.: Б. и., 1998. — С. 9, 15, 40.

1.4.3. Первое стихотворение Окуджавы: «Слышал, немец прёт на нас...» // Комсом. правда в Москве. — 1999. — 8 мая. — С. 5.

1.4.4. «Что бы я ни твердил...» // Вопр. лит. — 1999. — Вып. I (январь — февраль). — С. 57–58. — В ст.: *Абуашвили А.* Два истока: (Заметки о лирике и прозе Булата Окуджавы); *То же* // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Булата Окуджавы. 19–21 нояб. 1999 г., Переделкино. — М.: Соль, 2001. — С. 133. — В ст.: *Ломинадзе С. В.* «...И из собственной судьбы я выдёргивал по нитке» — грузинская нить.

1.4.5. «Обсуждали донос и стукачество...»; [Песенка Льва Разгона] («Я забежал на улочку...»); Тост Приставкина («Это наши маленькие праздники...»); «Он долго спал в больничной койке...» // *Приставкин А.* Заезжий музыкант: [Фрагм. кн. «Долина смертной тени»] // Труд. — 1999. — 23 окт.; *То же* // *Приставкин А.* Долина смертной тени: Роман-исслед. — Дружба нар. — 1999. — № 12. — С. 134, 136, 138; *То же* // *Приставкин А.* Долина смертной тени: Роман-исслед. — М.: Текст, 2002. — С. 453–454, 459–460, 463, 464.

1.4.6. Я руки тяну вам вослед...: [Для] кф. «Капитан Фракасс»⁵ // *Шварц И.* Песни и романсы из кинофильмов: Для голоса и фортепиано. — СПб.: Композитор, 2003. — С. 215–230.

1.5. Повторные публикации

1.5.1. «Обсуждали донос и стукачество...» // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР): Сб. ст. / Сост. Фонд Г. Бёлля. — М.: Рудомино, 1994. — С. 141. — В ст.: *Приставкин А.* Об анкетах, и не только о них; *См. также* № 1.4.5, 1.5.2, 1.5.3.

1.5.2. Происшествие с Л. Разгоном («Я забежал на улочку...»); «Обсуждали донос и стукачество...»: Стихи // Моск. комсомолец. — 1997. — 19 июня. — В ст.: [*Приставкин А.*] Все громче музыка печали... / [Материалы подгот. А. Ковалева, Н. Дардыкина]; *См. также* № 1.4.5.

1.5.3. «Обсуждали донос и стукачество...»; Тост Приставкина («Это наши маленькие праздники...») // Спец. вып. [Лит. газ.]. —

³ Авторство текста категорически подтверждается воспоминаниями В. Войновича и Н. Панченко.

⁴ По авт. рукописи. См. № 1.3.6.

⁵ В тексте ошибочно: *Из кф...*

1997. — [21 июля]. — С. 28–29. — В ст.: *Приставкин А.* Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь; *См. также* № 1.4.5.

1.5.4. «Когда петух над Марбургским собором...» // *Культура*. — 1997. — 24 июля (№ 28). — С. 6. — В ст.: *Медовой И.* Сорок дней: Последнее путешествие Булата; *То же* // *Огонёк*. — 1998. — № 24 (июнь). — С. 43; Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Булата Окуджавы. 19–21 нояб. 1999 г., Переделкино. — М.: Соль, 2001. — С. 72. — В ст.: *Кархофф Б.* Булат Окуджава в Марбурге.

1.5.5. До свиданья, сыны!; Мы встречали⁶; Девушке-солдату; Не позабыть жестоких дней; В край родимый; Кавалерист; Декабрьская полночь / [Из газет 1945–1946 гг.] // *Лит. вести*. — 1999. — Апр. (№ 36). — С. 6–7.

1.5.6. До свидания, сыны; Не позабыть жестоких дней; В край родимый...: Стихи / Из фронтовых газ. 1945 г. // *Страж Балтики*. — Калининград, 1999. — 7 мая.

1.6. Фрагменты (цитаты из неизданного)

1.6.1. «И хворости мои, и горести...» // *Котляров Б.* Раскрытый дневник. — Киев: Дніпро, 1971. — С. 207; *То же* // *Голос надежды: Новое о Булате*. — Вып. 3. — М.: Булат, 2006. — С. 393. — В ст.: В зеркале дневниковых записей и писем современников: (Обзор опубл.)

1.6.2. «Ах, сколько бы ни бродил я по свету...» // *Лит. обозрение*. — 1998. — № 3 (май — июнь). — С. 40. — В ст.: *Некрасов Вс.* Окуджава; *То же* // *Старое лит. обозрение*. — 2001. — № 2. — С. 134.

1.6.3. «Сердце своё, как в заброшенном доме окно...» // *Комсом. правда*. — 1999. — 25 февр. — С. 5. — В интервью: *Леонтьева В.* Моей руки просили Булат Окуджава и пленный немец: Мы встретились через 40 лет / [Беседовала] С. Шайдакова.

1.6.4. «...Я всё неспроста это, милая, высказал...»: [Сокр. ред. стихотворения «К нам дни одинаково были неласковы...»] / [По памяти К. М. Маркман] // *Гизатулин М.* Его университеты. — М.: ЮПАПС, 2003. — С. 20; *См. также* № 3.2.3.

1.6.5. «Как страшно в обличье крысином...»: [Песня крысы Шушары для мюзикла «Золотой ключик»] // *Крылов А. Е.* Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ. — М.: Булат, 2005. — С. 23–24.

1.6.6. «Пускай нам также служат строфы...» // *Новые Изв.* — 2006. — 10–16 марта (№ 40). — С. 21. В ст.: *Войнович В.* Жизнь и необычайные приключения писателя Владимира Войновича (рассказанные им самим); Гл. 53. Мартин Иден и Ваня-дурачок.

⁶ Первые два стихотворения впервые были опубликованы под псевдонимом А. Долженов, а остальные — под фамилией автора. В данной публикации под псевдонимом ошибочно напечатаны все стихотворения.

1.7. Dubia

1.7.1. «С утра торчим на поле...»; «Цыплёнок маленький...»; «Я есть открытый рецензент...»; «Балалайка пела, пела...» / Публ. и предисл. А. К. и М. Г. // *Голос надежды: Новое о Булате*. — Вып. 3. — М.: Булат, 2006. — С. 100–102.

2. Публикации на LP и CD⁷

2.1. На грампластинках

2.1.1. Вёрсты («Вёрсты, вёрсты, так далеки, так нележки...») из кф. «Последние залпы» / [Муз.] М. Вайнберга; Исп. М. Кристалинская // Вайнберг М. [Песни]. — М.: Мелодия, 1965. — 43590.

2.1.2. Старый клоун («Цирк давно опустел, тишиною закован...») из кф. «Юрий Никулин» / В соавт. с Ю. Никулиным; [Муз.] М. Мееровича; Исп. Ю. Никулин. — М.: Мелодия, 1971. — Д 00030009-10; *То же*. — 1971. — ГД 0002361-2; 1976. — С90 05447-8.

2.1.3. Любовь («Синева, блеск воды, нет ни дней, ни часов, ни минут...») / Исп. А. Градский, Песня о дружбе («Ну и денёк, честное слово...») / [Муз.] А. Градский; Исп. А. Градский, З. Харабадзе // Романс о влюблённых⁸: Муз. композиция по мотивам кф. — М.: Мелодия, 1974. — М62 36787-8; *То же*. — 1976. — С90 05447-8.

2.1.4. «Лошадь устала, растерян ездок...»; «Вертись, вертись, веретено...» / [Муз.] И. Егикова // Кругозор. — 1984. — № 6. — Грп. 8.

2.1.5. Первое ранение («Я надышался властью окопным зельем...»); [Стихи] / Исп. авт. // Окуджава Б. Песни и стихи о войне. — М.: Мелодия, 1985. — М40 46401 009.

2.2. На компакт-дисках

2.2.1. Вёрсты («Вёрсты, вёрсты, так далеки, так нележки...») из кф. «Последние залпы» / Исп. В. Куценко; «Блиндажи той войны все травой заросли...» из кф. «Вторая весна» / Исп. М. Пахоменко // Песни из кинофильмов на стихи Булата Окуджавы. — Диск 1. Опять весна на белом свете. — М.: L-Junction, 1997. — LJ CD 019-1.

2.2.2. Песенка мушкетеров («Слава — отрава, да честь дорога...»); «Лакей кружится...»; Наш городок Парижу не уступит («Для тех, кто здесь рожден, кто этот воздух любит...») из тф. «Соломенная шляпка» // Там же. — Диск 3. Часовые любви. — М.: L-Junction, 1997. — LJ CD 026-1.

⁷ В данный раздел включены произведения, тексты которых не публиковались на бумажных носителях.

⁸ По свидетельству А. Градского, композитора кф., авторство О. сомнительно; вероятно, в крайнем случае речь может идти о со-авторстве. (См. также № 2.2.6.)

2.2.3. Вёрсты («Вёрсты, вёрсты, так далеки, так нележки...») из кф. «Последние залпы» / Исп. В. Куценко; «Блиндажи той войны все травой заросли...» из кф. «Вторая весна» / Исп. М. Пахоменко; Пионерская песня 20-х годов («Что легенды нам о боге?..») из кф. «Бронзовая птица» // Песни из кинофильмов на стихи Булата Окуджавы. — М.: АРК-Систем Рекордз, 2004. — Ч. 1. До свидания, мальчики... — ARK CD 013.

2.2.4. Старый клоун («Цирк давно опустел, тишиною закован...») из кф. «Юрий Никулин» / В соавт. с Ю. Никулиным; [Муз.] М. Мееровича; Исп. Ю. Никулин; «В переулке музыка слышна...» из кф. «Кража»; Нас море ждет («Рыбак, рыбак, сквозь шторм и мрак смотри, брат, молодо...») из кф. «Шурка выбирает море»; Песня беспризорника («У Курского вокзала стою я, молодой...») из кф. «Кортик»; Песенка чечётчника («Я не богат, червонцу рад...») из кф. «Последнее лето детства» // Там же. — Ч. 2. Пожелания друзьям. — ARK CD 014.

2.2.5. Песенка мушкетеров («Слава — отрава, да честь дорога...»); «Лакей кружится...»; Наш городок Парижу не уступит («Для тех, кто здесь рожден, кто этот воздух любит...»); Песенка гвардейцев («Жулики, насильники, пройдохи...»); Романс («Я вспоминаю дивную страну...») из тф. «Соломенная шляпка» // Там же. — Ч. 3. Часовые любви. — ARK CD 015.

2.2.6. Вёрсты («Вёрсты, вёрсты, так далеки, так нележки...») из кф. «Последние залпы» / Исп. В. Куценко; «Блиндажи той войны все травой заросли...» из кф. «Вторая весна» / Исп. М. Пахоменко; Пионерская песня 20-х годов («Что легенды нам о боге?..») из кф. «Бронзовая птица»; Старый клоун («Цирк давно опустел, тишиною закован...») из кф. «Юрий Никулин» / В соавт. с Ю. Никулиным; [Муз.] М. Мееровича; Исп. Ю. Никулин; «В переулке музыка слышна...» из кф. «Кража»; Нас море ждет («Рыбак, рыбак, сквозь шторм и мрак смотри, брат, молодо...») из кф. «Шурка выбирает море»; Песня беспризорника («У Курского вокзала стою я, молодой...») из кф. «Кортик»; Песенка чечётчника («Я не богат, червонцу рад...») из кф. «Последнее лето детства»; Песенка мушкетеров («Слава — отрава, да честь дорога...»); «Лакей кружится...»; Наш городок Парижу не уступит («Для тех, кто здесь рожден, кто этот воздух любит...»); Песенка гвардейцев («Жулики, насильники, пройдохи...»); Романс («Я вспоминаю дивную страну...») из тф. «Соломенная шляпка»; Любовь («Синева, блеск воды, нет ни дней, ни часов, ни минут...») / Исп. А. Градский; Песня о дружбе («Ну и денёк, честное слово...»); из кф. «Романс о влюблённых»; Песенка об Одессе («Пускай спадет с моей судьбы годов завеса») из кф. «Цепная реакция»; Песня Леандра («Я руки тяну вам вослед...»); Скорлупка («Ах, как летят за днями дни, вся наша жизнь скорлупка...») из кф. «Капитан Фракасс»: [Тексты] // Там же. — Ч. 4. Приложение. Стихи и песни. — ARK CD 016.

3. На правах рукописи⁹

3.1. Прижизненный самиздат

3.1.1. «Тула славится пряниками...»; Старый лев в передвижном зверинце («Ему корону прочат, а он с тоски б запил...»); «Как капитан на капитанском мостике...»; «Воды! Ты моею была водою...»; «Тоскуем по женщинам. Вот ведь!...»; «В нашем доме будет праздник...»; «Горит сирени пламень синий...»; Я люблю («Я надышался властью окопным зельем...») / [По авт. фонограммам] // Окуджава Б. Собрание соч.: [В 11 т.]. Т. 1. Стихотворения / Предисл. Г. Белой; Послесл., сост. и примеч. В. Юровского и Д. Соколова; Ред. 3 разд. В. Щербакова; Крат. биогр. справка И. Зимина. — М.: Изд. Клуба самодеят. песни, 1984. — С. 348–354, 356.

3.1.2. Из тф. «Соломенная шляпка»: Песенка слуги Феликса («Слава — отрава, да честь дорога...»); Романс («Я вспоминаю дивную страну...»); Песенка горожанина («Для тех, кто здесь рожден, кто это воздух любит...»); «А время счёт ведет подробный...»; Песня гвардейцев («Жулики, насильники, пройдохи...») // Окуджава Б. Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 2. Песни / Предисл. Е. Камбуровой; Послесл. и сост. Д. Соколова и В. Акелькина; Нот. расшифровка А. Тропышко; Ред. осн. разд.: Н. Богомолов, И. Зимин, А. Крылов. — М.: Изд. Клуба самодеят. песни, 1984. — С. 194, 197–200.

3.2. Диссертации

3.2.1. «Я как видно только для того стал поэтом...»: Фрагм. стихотворения «Солнце становится...»; «Мне именно хочется жить. Ну когда вы такое видели?..»: [Фрагм.]; Если... то! («Если лето в окошко не светит...») / По автографам из арх. Ф. М. Тер-Микаэляна // Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы: (Опыт реконструкции биографии): Дис. канд. филол. наук. — М.: РГГУ, 2004. — С. 165–170.

3.2.2. Матери («Посмотрели глаза устало...»): [Фрагм.] / По списку Ф. М. Тер-Микаэляна из его арх. // Там же. — С. 168–169.

3.2.3. «Я ведь тоже москвич, я такой же москвич, как и вы»: [Фрагм.]; «Площадь словно звонкий бубен...»: [Фрагм.]; «Я живу на старой голубятне...»; «К нам дни одинаково были неласковы...»; «Напрасно, может быть, и зря...»; «Ты потихонечку вошла бы...»; «Во сне зеленеют далёкие земли...» / Восстановлены по памяти Ф. М. Тер-Микаэляном и К. М. Маркман // Там же. — С. 161, 210–217.

Составили А. Е. Крылов, В. Ш. Юровский

⁹ В дополнение к разделам 1.1–1.4.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

АБЕЛЬСКАЯ Раиса Шолемовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мультимедиа технологий Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ), главный редактор межвузовского студенческого журнала «Universum» при Совете ректоров Свердловской области (Екатеринбург). Тема диссертации — «Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности» (2003). Воспоминания публиковались в журнале «Universum», для настоящего издания дополнены.

АЛЕКСАНДРОВА Мария Александровна — кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

АЛЬТШУЛЛЕР Александр Маркович (1972) — журналист, автор нескольких статей об авторской песне, опубликованных в «Журналисте», ежегоднике «Мир Высоцкого» и в Интернете.

АНДРЕЕВ Кирилл Евгеньевич (1972) — журналист, автор ряда статей по вопросам авторской песни.

БАРАНОВ Михаил Олегович (1945) — архивист авторской песни, журналист и фотограф, составитель нескольких поэтических сборников. Окончил «поющий педагогический» институт (МГПИ им. Ленина) по специальности «Преподаватель русского языка и литературы». В начале 80-х стал первым директором официального КСП в Москве.

БОГОМОЛОВ Николай Алексеевич (1950) — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературно-художественной критики факультета журналистики МГУ. Специализируется по истории русской поэзии начала XX века, читал спецкурс по авторской песне, в том числе по творчеству Высоцкого. Имеет ряд публикаций по авторской песне.

ГЕЛЬФОНД Мария Марковна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ГИЗАТУЛИН Марат Рустамович (1960) — исследователь творчества и биограф Булата Окуджавы; предприниматель. Один из основа-

телей и первый директор народного музея Окуджавы в Переделкине. Председатель Клуба друзей Булата; издатель альманаха «Голос надежды».

ГРУЗМАН Вячеслав Моисеевич (1941). Окончил Уральский политехнический, инженер-металлург. Зав. кафедрой в Нижне-Тагильском технологическом институте (филиал Уральского государственного технического университета); доктор технических наук, профессор. Имеет более 50 изобретений и около 200 научных публикаций, монографию.

ДАГУРОВ Владимир Геннадьевич (1940) — поэт, прозаик, автор 25 книг. Кандидат медицинских наук. Преподавал в Первом московском медицинском институте им. Сеченова, работал редактором в центральных газетах и журналах.

ЕРМАКОВ Александр Дмитриевич (1923) — журналист, многолетний редактор газеты «Тагильский рабочий». Ныне на пенсии, живёт в Екатеринбурге, руководит пресс-центром городского совета ветеранов.

КОРНИЛОВ Владимир Николаевич (1928–2002) — поэт и прозаик; участник альманаха «Тарусские страницы». В 1977 году исключён из Союза писателей СССР, после чего издавался в самиздате и за рубежом.

КОСТРОМИН Александр Николаевич (1951) — историограф авторской песни, автор ряда статей, в том числе о творчестве Окуджавы; составитель наиболее авторитетных на сегодняшний день сборников стихов и песен Галича. Художественный руководитель Центра авторской песни, ведущий преподаватель гитарной школы.

КРЫЛОВ Андрей Евгеньевич (1955) — литературовед, историограф, библиограф авторской песни. В 1979–1985 годах — главный редактор самиздатской газеты «Менестрель». Текстолог и составитель нескольких сборников В. Высоцкого и воспоминаний о нём, альманаха «Мир Высоцкого» (1996–2002) и других сборников. Автор трёх книг и ряда публикаций и статей о творчестве Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича.

КУЛАГИН Анатолий Валентинович (1958) — доктор филологических наук, профессор Коломенского пединститута; тема докторской диссертации — «Эволюция литературного творчества В. С. Высоцкого» (1999). Автор трёх книг о творчестве В. С. Высоцкого, а также многих статей об авторской песне.

ЛЕОНОВИЧ Владимир Николаевич (1933) — поэт, переводчик; в 50-х одновременно с Окуджавой посещал литобъединение «Магистраль». Живёт в Москве и Костроме.

МАРЬЯСИН Илья Лазаревич (1923) — в 30-е жил с родителями в Нижнем Тагиле, прошёл войну артиллеристом, окончил Химико-

технологический институт им. Менделеева в Москве, работал в Ангарске, учился в аспирантуре и проживал в Москве; с 1988 года живёт в Израиле.

МЕНАБДЕ Манана Ивановна — певица, актриса, художник; выпускница ГИТИСа. В её концертных программах — грузинские и русские народные песни, романсы на стихи грузинских поэтов, песни собственного сочинения, а также А. Вертинского, Б. Окуджавы. С 1991 г. проживает в Германии.

МЕЛЕШЕНКО (ШАМИНА) Ольга Николаевна — по специальности инженер-нормировщик, ныне на пенсии; жила в Нижнем Тагиле, где некоторое время училась в одном классе с Окуджавой, сейчас проживает в Челябинске.

МИНЕРАЛОВ Юрий Иванович (1948) — доктор филологических наук, профессор Литинститута им. М. Горького; исследователь русской песни; поэт.

НИКИТСКИЙ Яков Викторович (1956) — москвич, выпускник Московского института тонкой химической технологии. Работал на Апелевском заводе грампластинок, имеет публикации в журнале «Мелодия» о записях современных народных песен.

НОВИКОВ Владимир Иванович (1948) — доктор филологических наук, профессор кафедры критики факультета журналистики МГУ; прозаик. Автор нескольких книг о В. Высоцком и многих публикаций о звучащей поэзии, автор-составитель сборника «Авторская песня» для средней школы.

СВИРИДОВ Станислав Витальевич (1969) — кандидат филологических наук; тема диссертации — «Структура художественного пространства в поэзии Высоцкого» (2003). Доцент кафедры истории русской литературы Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград). Автор ряда работ о творчестве В. Высоцкого, А. Галича и А. Башлачёва, а также теоретических разработок в области звучащей поэзии.

СУББОТИНА Татьяна Евгеньевна — инженер-экономист, многодетная мать; автор нескольких статей об авторской песне.

ЮРОВСКИЙ Виктор Шлёмович (1946) — библиограф, составитель ряда сборников авторской песни. Специализируется на творчестве Б. Окуджавы, М. Анчарова, В. Высоцкого. Автор статей по темам, связанным с авторской песней, опубликованных в журнале «Библиография», «Литературной газете» и сборниках.

ЯМБУРГ Евгений Александрович (1951) — член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, заслуженный учитель РФ, в течение тридцати лет возглавляет Центр образования 109 г. Москвы.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- А. К. (97–102), (178–198)
Абашидзе И. В. 450
Абдулов А. Г. 95
Абдулов В. О. 48, 49
Абельская Р. Ш. (58–64), 243,
319, (336–358), 372–375, 521
Абрамов Ф. А. 416
Абрамовских Е. 502
Абуладзе Т. Е. 454
Авдеева В. Л. 283
Авлонин А. Н. 140, 141, 144, 157
Аверинцев С. С. 325
Агеносов В. В. 359, 481, 502
Агранович Е. Д. 234, 336
Адамишин А. Л. 451
Адамович А. М. 455, 495
Адов И. 188
Адоскин А. М. 448
Азаров А. Я. 55
Азаров Д. 470
Азимова Е. В. 508
Аида 191
Аймермахер К. 421, (440, 441,
444), 447, 449, 452, 454,
472, 473
Акелькин В. И. 310
Аксаков С. А. 278
Аксёнов В. Н. 294
Аксёнов В. П. 116, 404, 406, 409,
410, 425, 428, 430, 469
Аксёнова М. Д. 486
Аксёнова Майя 430
Александр I 436
Александра Фёдоровна 424
Александрова М. А. (306–309), 521
Алексеев В. П. 25, 26
Алексеева Л. Ф. 308
Алексей Романов, царевич 451
Алёшин Л. И. 89
Алешковский Юз 341
Алигер М. И. 404
Алла 427
Аллой В. Е. 472
Алжуров В. — см. Альтшуллер В. Б.,
Юровский В. Ш.
Алова А. 426
Альтшуллер А. М. (505–508), 521
Альтшуллер В. Б. 310, 485
Ананьев А. А. 495
Андерсон К. 454
Андреев 198
Андреев К. Е. (122–136), 168,
(474–504), 521
Андреев Ю. А. 39–41, 43
Андроников И. Л. 426
Андропов Ю. В. 459
Анисимов 149
Анкудинов К. 481, 502
Антокольские 427
Антокольский П. Г. 33, 340, 381,
(392, 393), (396), 404, (406,
407), 472

* В Именной указатель не включены: Б. Ш. Окуджава; персонажи художественных произведений, в том числе и реальные; различные мифические персонажи; фамилии, упоминаемые в полных названиях учреждений и организаций; а также фамилии из библиографического списка.

- Антон — см. Окуджава Б. Б.
 Антонов С. П. 429
 Антоновы 429
 Анфиногенов А. З. 495
 Анциферов Н. С. 26, 27
 Анчаров М. Л. 503, 523
 Аня 184
 Апдайк Дж. 418
 Арбузов А. Н. 369
 Арбузова Е. Н. 49
 Ардаматский В. И. 422
 Арканов А. М. 411
 Арман 460
 Армани Д. 75
 Аронов А. Я. 311
 Арский Ф. Н. 457
 Архангельский А. Н. 466
 Арцимович О. В. 28, 45, 50, 72,
 87, 104, 115, 118, 120, 128, 130,
 131, 161, 163, 197, 215–217,
 220, 284, 295–300, 301, 306,
 398, 399, 420, 426, 442, 457,
 458, 461, 471, 479
 Аршанский М. (450)
 Асанова Д. К. 83, 442
 Асеев Н. Н. 11, 381, 382
 Астафьев В. П. 218, 416,
 423, 428, 450, 464–466,
 (467, 468), 472
 Астафьева Н. Г. 27
 Афанасьев А. 456
 Афанасьев К. М. 155, 157
 Аффрика Дж. 446, 457
 Ахмадулина Б. А. 11, 12, 70, 72,
 73, 87, 166, 276, 297, 306, 361,
 375, 393–396, 406, 408–410,
 420, 427, 432–435, 438, 439,
 454, 455, 469
 Ахматова А. А. 6, 7, 19, 38, 337,
 362, 365, 367, 381, 439, 440, 482
 Бабель И. Э. 20, 69, 337, 410
 Бабёнышева С. Э. (433, 434)
 Бабушкин Н. 277
 Багаутдинова Т. А. 163, 166–168,
 172, 176, 200, 201, 226
 Багов С. 273
 Багрицкий Э. Г. 338, 345, 346, 482
 Байрон Дж. 364
 Бак Д. П. 378
 Бакланов Г. Я. 285, 442
 Балаян Р. Г. 87, 94
 Балтер Б. И. 404, 417
 Барабанова А. В. 287
 Баранов М. Е. 482
 Баранов М. О. 8, (39–57), 67,
 (83–96), 299, 312, 360, 487, 521
 Баратынский Е. А. 254
 Баринов В. 273
 Баруздин С. А. 35, 409
 Батюшков К. Н. 333, 334
 Бах И. С. 334
 Бах Р. 509
 Бахтин М. М. 308, 317, 328
 Башлачёв А. Н. 523
 Беднарц (Bednarz) К. 440, 441
 Бежков В. 167
 Безрукова О. 275
 Белавин Л. И. 131
 Белая Г. А. 307, 317, 325, 372
 Бельнский И. Л. 384
 Белинский В. Г. 220
 Белла — см. Ахмадулина Б. А.
 Бёлль А. 409, 412, 454
 Бёлль Г. 409, 410, 412, 413, 430,
 431, 454
 Белов В. И. 416, 464
 Белюшина Н. 473
 Бем А. 283
 Бенуа А. Н. 443
 Беранже П.-Ж. 482
 Берестов В. Д. 72
 Берия Л. П. 112
 Берковский В. С. 44, 45, 50, 274,
 277, 336, 445
 Бершадский Р. Ю. 408
 Биргер Б. Г. 404, 421
 Бирман (Biermann) В. 441, 454
 Битов А. Г. 306, 416, 428, 432,
 452, 460, 465
 Бичевская Ж. В. 304
 Блантер М. И. 318, 319
 Блок А. А. 9, 33, 179, 248, 308,
 317, 350, 361, 362, 367, 369,
 374, 375, 381

- Блюмкин Я. Г. 121
Блюхер Г. Л. 220
Блюхер С. Д. 457
Бобчин 430
Боголюбов К. 204
Богомолов Н. А. 143, 236,
(376–384), 472, 488, 521
Богораз Л. И. 394
Бойко С. С. 309, 326, 372, 496,
497, 503
Боков В. Ф. 388
Бондарев Ю. В. 69, 93, 217, 218
Борец Е. 301
Борин Б. С. 438
Борин Ю. Б. 422, 438
Борисов О. И. 48
Борисова М. И. 27
Борисова Т. 439
Боровский Д. Л. 426
Бородин А. П. 284
Борок А. 277
Бортник И. С. 273
Борш Н. Ф. 170, 171
Боршаговский А. М. (443), 450,
454, (465, 466), 472, 467, 472
Босенко В. И. 287, 307, 426
Боташев Н. С. 167, 200, 202,
203, 205
Бочаров С. Г. 330
Брежнев Л. И. 438
Бродский И. А. 12, 68, 308, 361,
367, 418, 427, 429
Бройтман С. Н. 308, 325
Брокгауз Ф. А. 343
Брон Л. 460
Брудерер Г. Е. 404
Брянский С. 188
Бубликова Ю. 268
Буковский В. К. 68
Булгаков М. А. 66, 367, 370, 410,
439, 453
Бунин И. А. 434, 482
Бурлюк Д. Д. 11
Бутман И. 301
Бушин В. С. 493, 494
Быков В. В. 416, 460
Быстрицкая Э. А. 285
Бэлза С. И. 285
Бялосинская Н. С. 257
Вайда А. 460
Вайда К. 460
Вайнберг М. С. 93, 287
Валевский А. Л. 384
Валерия 282
Ваншенкин К. Я. 306, 416, 426
Ваншенкина Г. К. 296
Варга Е. С. 447
Васильев В. В. 285
Васильев П. Н. 33
Васильев Ю. 273
Васильев Ю. В. 432
Васильчиков С. А. 141
Введенский Б. А. 464
Вегин П. В. 36
Век Х.-Г. 422
Велигжанина А. 448
Великанова Е. М. 394
Венгеров В. Я. 87, 95
Вергилий М. П. 426
Версаче Д. 75
Вертинский А. Н. 7, 179, 365,
482, 491, 523
Ветлова Е. 291
Ветлутин В. 31, 169, 176, 227, 228
Видгоф Л. М. 332
Визбор Ю. И. 39, 41, 283, 319,
336, 395, 438, 502, 503
Вийон Ф. 337, 350, 482
Вилкомир Л. В. 178, 181, 182, 198
Вилкул Н. 260, 264
Вильсон Г. 424
Виноградов В. Б. 89, 91, 433
Виноградов М. В. 311
Винокуров Е. М. 28, 65, 442
Виньяр М. 278
Вихорев В. И. 40
Владимиров С. 372, 375
Владимирцева А. 167
Владимов Г. Н. 416
Власов Г. 135, 136
Водопьянова З. 404
Вознесенский А. А. 361, 389, 393,
395, 396, 406, 409–411, 424,
434, 436, 438–440, 452

- Войнович В. Н. 68, 69, 404, 416,
 421, 425, 432, 449
 Волгин И. Л. 168, 170
 Волков А. М. 217
 Волкова Е. 269
 Волкова И. 510
 Воловик А. 30
 Воловников В. (421, 422, 440,
 441), 473
 Волошина М. С. 13
 Волчкова А. 273
 Воробьев В. Е. 91
 Воронцова Е. К. 400
 Вронская Дж. 479
 Вулф Т. 418
 Вучкович Л. 401
 Высоцкий В. С. 17, 37, 39–41, 43,
 46–49, 63, 72, 98, 231, 234,
 248, 282, 304, 307, 313, 319,
 323, 341, 342, 359–364,
 366–373, 394, 405, 424, 426,
 433, 435, 438–440, 446, 448,
 451, 454, 459, 465, 471, 487,
 502, 503, 521–524
 Вяткин Г. 242
 Гаврилов Л. Н. 26, 27
 Гаврилова К. 268
 Гагуа Х. Л. 455
 Гайсина Ю. 269
 Галансков Ю. Т. 403
 Галина 418
 Галина (подруга А. М.
 Лыткиной) 187–189
 Галина Иосифовна 204
 Галич А. А. 39, 40, 42, 43, 48, 49,
 68, 91, 307, 313, 323, 324, 341,
 342, 359–363, 365, 368, 369,
 371, 372, 404, 413, 438, 446,
 485, 487, 502, 503, 522–524
 Галич А. Н. 42
 Галковский Д. Е. 465
 Галя (жена В. Ерофеева) 461, 462
 Галя — см. Смольянинова Г. В.
 Гандлевский С. М. 68
 Ганин В. 275
 Ганчук В. 24
 Гаранян Г. А. 285
 Гарусси Я. 278
 Гаспаров М. Л. 247, 248
 Гасс Б. Л. 510
 Гдалин М. 156
 Гевиксман В. А. 85, 287, 288
 Гелла — см. Ахмадулина Б. А.
 Гельфонд М. М. 308, (325–335), 522
 Герасимов И. А. 411
 Гербер А. Е. 373
 Гердт З. Е. 72, 257, 295, 458
 Герман П. Н. 345
 Герра Р. 473
 Герштейн Л. 105
 Гёте И.-В. 78
 Гизатулин М. Р. 6, 17, 99, 100,
 106, 109, (137–162), 172, 177,
 224, 233, 310, 397, 488, 498,
 504, 512, 522
 Гилберт У. 41
 Гинзбург 105
 Гинзбург А. И. 403
 Гинзбург В. А. 49
 Гинзбург Е. С. 409, 410
 Гладилин А. Т. 425
 Гладков А. К. 386, (387, 388, 415,
 416), 419, 472, 497
 Гладков Э. Н. 441, 447
 Глазунов И. С. 389
 Глебов Е. А. 287
 Глинка Г. А. 429
 Глинка И. Г. 429
 Глинки 429
 Гнутов В. 198
 Говорухин С. С. 116, 464
 Гоголь Н. В. 220, 320, 331,
 434, 465
 Голованов Я. К. 386, (406, 408,
 411, 424, 462–465, 468, 469,
 471), 472
 Головня В. 284
 Голышев С. 275
 Гонтарь Г. Б. 308
 Горбачев М. С. 218, 461
 Горбовский Г. Я. 25
 Гордон А. 69
 Гордон Н. П. (420, 421), 472
 Горин Г. И. 298, 299, 411, 469

- Горкин А. П. 477, 499
 Горленко Н. В. 291, 448, 449
 Городницкие 442
 Городницкий А. М. 273, 336, 442, 446
 Горский Ю. 280
 Горький М. 218
 Горьков А. В. 222, 226
 Горюнов Д. П. 150
 Гофман Э.-Т. 482
 Гофф И. А. 245
 Градский А. Б. 290
 Грасс Г. 283
 Графова Л. И. 439
 Гребенщиков Б. Б. 502, 503
 Грек Ф. 430
 Гришашвили И. Г. 71
 Григорьев А. А. 308
 Грингольц И. 343, 356, 357
 Грицюк Н. Д. 170
 Гришин В. В. 47
 Гройсман Я. И. 390, 473, 504
 Грузман В. М. 189, 190, (207–221), 225–227, 230, 522
 Грюбель Р. 363
 Губенко Н. Н. 459
 Гудзенко С. П. 393
 Гудова Н. А. 229
 Гудсон 181
 Гукасян Ф. 442
 Гумилёв Н. С. 33, 336, 338, 351, 354, 381
 Гусев В. 456
 Гусев Д. 260, 261, 267
 Гусилетова О. 273
 Гутман Л. Н. 460
 Д'Актиль А. А. 374
 Давлетшина А. 271
 Давоян Р. Н. 424
 Давыдов А. Д. 459, 460, 462
 Давыдов Д. В. 84, 348, 349, 375
 Давыдов Ю. В. 451, 463, 471
 Дагуров В. Г. (21–38), 168–170, 172, 173, 227, 228, 240, 522
 Дагуров Г. В. 33
 Даль О. И. 94
 Даниэль А. Ю. 394, 407, 472
 Даниэль Ю. М. (394–396, 398, 400), 403, 404, (405, 407, 409), 432, 445, 472, 491
 Данте А. 326
 Дворников Е. 55
 Дедков И. А. 68, (417, 428, 439, 440, 458, 459), 472
 Дедков Т. 472
 Дельвиг А. А. 84
 Демидов 203
 Денисенко Д. 488
 Державин Г. Р. 12, 482
 Дзержинский Ф. Э. 121
 Дижур Б. А. 28
 Дик И. И. 388
 Диккенс Ч. 343
 Дмитриев О. М. 32
 Добкин А. И. 472
 Добровольский А. А. 403
 Добронравов Н. Н. 244, 245
 Долженов А. (псевдоним Б. Окуджавы) 426, 480
 Долин О. В. 273
 Долина В. А. 43, 45, 61, 62, 274, 445
 Долинин А. 338, 340, 341, 353
 Долматовский Е. А. 244, 245, 389
 Долуханян А. П. 321
 Дольский А. А. 30, 43, 48
 Домбровский Ю. И. 115, 404, 410
 Донцова Д. А. 220
 Доризо Н. К. 22
 Дорофешина Н. 275
 Достоевский Ф. М. 14, 19, 328
 Драйзер Т. 418
 Драч И. Ф. 456
 Дриз О. О. 278
 Дробиз Г. Ф. 30
 Дубшан Л. С. 307, 323, 325, 511
 Дудин М. А. 22, 25
 Дудинцев В. Д. 471
 Дулов А. А. 273
 Дунаевский И. О. 314
 Дурнова Т. 278
 Дуров Л. К. 48
 Дымшиц В. 341, 353, 356
 Дэвис М. 425, 426

- Евграфов Г. Р. 460
 Евладов П. 169, 172, 176
 Евсеев М. 273
 Евтушенко Е. А. 11, 19, 65, 68, 116, 166, 180, 215, 395, 396, 409, 422, 436, 438, 445
 Егоров В. В. 446, 503
 Егоров Н. 485
 Елена В. 430
 Елизавета Алексеевна 443
 Ельцин Б. Н. 119, 470
 Ельцина Н. И. 470
 Еремеев К. 275
 Еремеева Е. 267
 Ермаков А. Д. 164, 165, 167, (199–206), 226, 230, 522
 Ермаков П. З. 202
 Ерофеев Вен. В. 459–462, 473
 Ерофеев Вик. В. 431, 468
 Есенин С. А. 6, 7, 11, 175, 179, 315, 360, 364, 367, 369
 Ефимов А. 277
 Ефимов Ф. А. 89
 Ефремов Г. И. 460
 Ефремова М. 388, 473
 Ефрон И. А. 343
 Жаров В. 151
 Жвакина Т. 277
 Жванецкий М. М. 446
 Жемчугов И. Ф. 207–209
 Женя 62, 63
 Женя — см. Мильвицкая Е. М.
 Живописцева И. В. 97, 98, 100, 158, 159, 237, 310, 340, 381
 Жигулин А. В. 452
 Жолковский А. К. 314, 330
 Жуков Г. К. 203, 418
 Жулёв М. 275
 Журавлёв В. А. 144
 Журавлёв Д. Н. 294, 295
 Журавлёв И. 140
 Журавлёва Н. Д. 295
 Журбин А. Б. 86, 287
 Забелло В. 243
 Заболоцкий Н. А. 12, 249, 337, 482
 Завальнюк Л. А. 406
 Завражин И. С. 467
 Зайцев В. А. 313, 337, 359, 383, 496, 503
 Зайчик И. 290
 Залите М. 456
 Залыгин С. П. 464–467
 Замойский Л. 424
 Зарифуллин П. 280
 Засядко П. Л. 89, 91
 Заячковский М. Н. 314
 Зель (Sell) А. 422
 Зернов К. 136
 Зерчанинов Ю. Л. 411
 Зимин И. М. 310, 487
 Зими́на А. Г. 394
 Златопольский Ю. 278
 Злотников Н. М. 216
 Золотаревский Б. 398
 Золотухин В. С. 273, 435
 Зонов Л. Д. 169, 170, 173, 174, 176, 228
 Зошенко М. М. 278, 365, 410
 Зырянов В. 275
 Зырянов Ю. 200
 Зюганов Г. А. 19
 Иванов А. А. 89, 434
 Иванов А. С. 218
 Иванов В. И. 489
 Иванов Вяч. В. 412, 432
 Иванов Ю. Г. 245
 Иванова С. Л. 432, 467
 Игорьь, Игоруша — см. Окуджава И. Б.
 Ильин В. Н. 404, 405, 413, 424, 436
 Ильина Е. 277
 Ильф И. А. 364
 Иоанн 471
 Иоанн Сан-Францисский, архиеп. 402, (403), 472, 473
 Ионов Е. П. 478
 Исаев Е. А. 462
 Исаковский М. В. 374
 Исетский А. 204
 Искандер А. М. 440
 Искандер А. Ф. 449
 Искандер Ф. А. 69, 285, 404, 412, 420, 421, 425, 426, 428, 440, 444, 449, 452, 454, 455, 460

- Истомин С. 488
 Кабаков И. Д. 210
 Каверин В. А. 460
 Каганов М. И. 390
 Казак В. 479, 491
 Казаков Ю. П. 452
 Казакова Г. 275
 Казбек-Казиев З. А. 487
 Калугин И. А. 460
 Камбурова Е. А. 274, 303, 395, 464
 Камянов В. И. 111
 Канэ М. А. 283
 Каплан Л. Л. 130
 Капнист В. В. 446
 Капутикян С. Б. 36
 Карамзин Н. М. 110, 436
 Карамзины 202
 Кардин В. 181
 Карелин Л. В. 404
 Каримов И. М. 48, 195
 Карлин В. С. 209, 210, 212, 215
 Кармазины О. В. и М. В. 258
 Карпов В. В. 449
 Каршин А. 242
 Корякин Ю. Ф. 306, 436, 439, 440
 Кассиль Л. А. 278, 404
 Катаев В. П. 428
 Катя 79
 Кауль 427
 Качан В. А. 86, 94, 273, 464
 Качанко П. Ф. 122, 129, 173, 224, 230
 Кашежева И. И. 25–27
 Квливидзе М. Г. 38, 417
 Кедров К. А. 162
 Келдыш Г. В. 478
 Кеосашвили И. 95
 Кербабаяев Б. М. 406
 Кешман Лена 119
 Кибилов Т. Ю. 472
 Кикабидзе В. К. 271
 Ким Ю. Ч. 39, 91, 213, 273, 277, 429, 444–446, 452, 502, 503
 Кинер Б. Г. 273
 Киплинг Р. 336–358, 482
 Кирамова А. 265
 Киреев Р. Т. 456
 Киреева А. Б. 25, 27
 Кирпиков А. Н. 166, 167, 200
 Клеберг Л. 444
 Клейнер Р. А. 295
 Кленовский Д. И. (402, 403), 472, 473
 Климов Э. Г. 455
 Клячкин Е. И. 40, 320
 Кнабе Г. С. 307, 318, 344
 Книпович Е. Ф. 404
 Кобенков А. 243
 Кобзев И. И. 389
 Кобзон И. Д. 395
 Кобликов В. В. 139
 Ковалёв И. 265
 Коваленко А. А. 230
 Коваленко О. 278
 Коваленко Ю. 471
 Коваленков А. А. 388
 Ковальджи К. В. (471, 472)
 Коверда И. Т. 124, 164, 166–168, 172, 176, 200, 215, 230
 Коган З., рав. 472
 Коган П. Л. 285
 Козаков М. М. 95, (294, 295), 318, 418, 426, 455
 Козлов И. И. 243
 Козлова А. 262
 Колбин Г. В. 230
 Колганов В. 273
 Колмановский А. Э. 508
 Колов С. П. 478
 Коломейская И. 394
 Колпашников А. 291
 Кома — см. Иванов Вяч. В
 Комиссаров А. 262
 Комшилов В. И. 128, 129, 167, 226
 Кондратов А. 468
 Кондратова Т. И. 509
 Копелев Л. З. 404, 409, 410, 412, 413, 421, (430–432), 435, 450, (453, 454), 456, 470, 472, 473
 Копелевы 433, 450
 Коржавин Н. М. 390, 404, 406, 429, 433

- Корнилов В. Н. (6–20), 394, 395, 404, 461, 582
 Корнилова Г. П. 390, 473, 504
 Корогодский З. Я. 90, 96
 Корольков Ю. М. 404
 Коротич В. А. 218, 424
 Коряков О. 204
 Косарев А. В. 151
 Косоруков А. А. 425
 Костенко А. 286
 Костолевский И. М. 426
 Костромин А. Н. (6–20), 404, 522
 Костромин В. И. 103
 Котляров Б. И. (393), 473
 Кочерян С. А. 294
 Кочетов В. А. 215
 Крамер Дж. 422
 Красухин Г. Г. 16, 372, 476
 Крахмальникова З. А. 439
 Крейтан (Попов) Г. 381
 Крейтнер Н. Г. 48–50
 Крелин Ю. З. 419, 423, 424, 460
 Кренкель Л. Э. 397
 Кречетов 442
 Кривошеев Е. 457
 Кривошеин М. 242
 Кристалинская М. В. 395
 Кричевский И. 471, 472
 Кросс Я. Я. 451
 Кротов Я. 134, 136, 168
 Крохин В. 412
 Крошилов В. 26
 Крылов А. Е. 43, 129, (163–177), 190, 211, (222–230), 257, 289, 290, 310, 311, 361, 363, 364, (385–473), 447, 483, 484, 495, (511–520), 522
 Крымова Н. А. 440, 453
 Кудряшов О. Л. 90
 Кузнецов Ф. Ф. 404, 430
 Кузнецов Ю. П. 440, 452
 Кузьмин Г. М. 103
 Кузьмичёва М. 135, 136
 Кукин Ю. А. 40, 320, 336
 Кулагин А. В. (231–236), 306, 307, (310–324), 359, 501, 511, 523
 Куллэ В. А. 396
 Куняев С. Ю. 16, 17, 476, 500
 Куприн А. И. 278
 Кураев М. Н. 467
 Курбатов В. Я. (423, 428), 443, (450, 454, 464), 465, (466), 472
 Куронь Я. 437
 Кушак Ю. Н. 504
 Кушнер А. С. 25, 361, 416, 452
 Кюстин А. де 110
 Какшто Н. Н. 308, 481, 482, 496, 501, 502
 Лаврентьев М. А. 31
 Ланда М. 279
 Ланда Н. М. 477
 Ланда С. С. 433
 Лапин С. Г. 391
 Лаптиева И. 275
 Ларина К. (293–305)
 Ларина Т. 301
 Лашкова В. И. 403
 Лебедев А. А. 451
 Лебедев-Кумач В. И. 374
 Левашов В. С. 50, 86, 287
 Леви В. Л. (389, 390), 473
 Левин Г. М. 65, 66
 Левин М. И. 410, 473
 Левитанский Ю. Д. 18, 24, 58–60, 243, 257, 324, 375, 390–392, (400–402), 404, 417, 420, 427, 429, 437, 441, 444, 473
 Левицкий Л. А. 386, (391, 403–405, 411–415, 417, 419), 473
 Лейбсон В. И. 39
 Лель К. 282
 Лёлька 469
 Лёля (тётя Лёля) 293
 Лемпорт В. С. 390
 Лена 427
 Ленин В. И. 110, 148, 435
 Леонович В. Н. (65–73), 523
 Леонтьева В. М. (293, 294)
 Лермонтов М. Ю. 9–11, 20, 278, 307, 334, 364, 426, 434
 Лившиц Б. Я. 112
 Лившиц И. Л. 104, 106, 107, 110
 Лившиц Н. Я. 112

- Лигачёв Е. К. 217
 Линдгрэн А. 283
 Линёв И. Л. 294
 Липкин С. И. 468
 Лиснянская И. Л. 13, 468
 Лисогорский Н. М. 88
 Лисочкин И. Б. 188, 231
 Лисянский М. С. 24, 314
 Литвинова М. Н. 200, 226
 Лифшиц В. А. 388
 Лихачёв Д. С. 285
 Лихоносов В. И. 466, 467
 Лондон Дж. 418
 Лорес Ю. Л. 43, 273
 Лорка Г. 448
 Лотман Ю. М. 373
 Лоуренс Т. 399
 Луговской В. А. 209, 338, 381, 382, 392
 Луговской И. С. 242, 243
 Лукин В. П. 429
 Луконин М. К. 17, 18, 387, 400–402
 Лундстрем О. Л. 285
 Луспекаев П. Б. 94
 Луферов В. А. 273
 Лыткина А. М. (178–198)
 Львов В. 311
 Львов М. Д. 144, 404, 427
 Львовский М. Г. 198
 Любанчик 427
 Любимов Ю. П. 391, 435, 439, 440, 453, 459
 Любимова Е. 266
 Люсик — см. Лившиц И. Л.
 Люся — см. Кренкель Л. Э.
 М. Г. (97–102)
 Мадора-Эйдельман Ю. М. — см. Эйдельман Ю. М.
 Майорова О. 261
 Маканин В. С. 452, 465
 Макаревич А. В. (300–305), 464
 Максимов В. Е. 116, 408, 416, 417, 492
 Максимова Г. 388
 Максимова Е. С. 285
 Малахов А. 264
 Малой Я. 282
 Малыгина Н. М. 308
 Мальцев Л. 130
 Мальцев С. 154–156
 Мандельштам Н. Я. 327
 Мандельштам О. Э. 69, 121, 325–335, 362, 365, 367, 410
 Манн Т. 482
 Маринина А. Б. 220
 Маркарян М. Е. 417
 Маркман К. М. 379
 Марков Г. М. 87
 Марран 343
 Мартини Е. А. 437
 Мартынов Л. Н. 337
 Мартынов Н. С. 396
 Маршак С. Я. 278, 336
 Марьев Б. М. 30, 34
 Марьясин А. И. 112
 Марьясин И. Л. (103–121), 523
 Марьясин Л. М. 103–106
 Матвеева Н. Н. 39, 40, 336, 407, 438
 Матевосян Г. И. 36
 Матова А. 286
 Маяковский В. В. 11, 66, 233, 234, 236, 280, 315, 345, 362, 364, 369, 371, 381
 Медведев Р. А. 422
 Медведев Ф. Н. 448, 460
 Медведева Г. И. 412
 Меерович М. А. 287
 Межевич Д. Е. 273
 Межелайтис Э. Б. 460
 Межиров А. П. 62, 63, 324
 Мелентьев С. П. 199, 200
 Мелентьев Ю. С. 199
 Мелешенко (Шамина) О. Н. (122–136), 163, 167, 168, 172, 177, 523
 Мельников А. С. 426
 Менабде М. И. (74–82), 523
 Мень А. В. (о. Александр) 71
 Меринов М. И. 129
 Мерперт Е. 263
 Мессерер Б. А. 306, 432
 Мизитова С. 226

- Миллер-Будницкая Р. 354
 Мильвицкая Е. М. 105, 113, 118–120
 Минералов Ю. И. 345, (372–375), 523
 Минков М. А. 86
 Мирзашвили Т. 510
 Миронов Л. К. 403–405
 Мирский Д. П. 338, 339, 343, 345
 Митрофанова М. 275
 Митта А. Н. 290
 Митяев О. Г. 57
 Михайлов 181
 Михайлов Д. К. 190
 Михайлов М. Н. 19
 Михалков С. В. 422, 452
 Михальский В. В. 285
 Михеев В. М. 242
 Михник А. 437
 Мицуёси Н. 308
 Мнацаканян М. 36
 Модзелевский К. 437
 Можаев Б. А. 416, 439
 Моисеев И. А. 285
 Мокроносов Г. В. 205, 206
 Молотов В. М. 218, 419
 Молчанов-Сибирский И. И. 243
 Мольер Ж.-Б. 370
 Монтан И. 7, 311, 313, 383, 501
 Мориц Ю. П. 394, 395, 426, 434, 441, 452
 Морозов А. С. 459
 Московский 149
 Мотыль В. Я. 55, 84, 86, 87, 94, 399, 476, 487
 Моцарт В.-А. 18, 78, 334
 Мошков М. 244
 Мунир 430
 Мурад 427
 Мылов И. 279
 Мюрат И. 436
 Мятлев И. П. 375
 Набоков В. В. 364, 367, 482
 Нагибин Ю. М. 115, 386, (408, 427, 430, 438, 451, 452), 473, 464, 466
 Надежда Николаевна 184
 Надеждина Н. 404
 Назарова В. К. 131
 Накрап П. 242
 Налбандян А. С. 108, 115, 121, 172, 183, 186–194, 196, 198, 210, 216, 224, 479, 487, 488
 Налбандян М. В. 191
 Наполеон Бонапарт 436
 Наровчатова С. С. 18, 388, 400, 401, 404, 440
 Наташа 460
 Недогонов А. И. 393
 Неизвестный Э. И. 28
 Нейгауз Г. 427
 Нельская Ю. 422
 Немухин В. Н. 449
 Непомнящих В. 243
 Никита 226
 Никитин С. Я. 45, 283, 298, 434, 435, 464
 Никитина Т. Х. 298, 434, 435, 464
 Никитский Я. В. (287–292), 523
 Николаев А. М. 397, 416
 Николаев П. А. 496
 Николаева О. А. 466
 Николай II 451
 Никольская Т. Л. 380
 Никулин В. Ю. 46, 105, 446
 Никулин Ю. В. 295
 Новиков Вл. И. (251–255), 306, 307, (359–371), 372, 523
 Новожилов И. Г. 199
 Новосёлов В. 204
 Нонна 418
 Норштейн Ю. Б. 296
 Носов Е. И. 416
 Оборин А. 242
 Образцов С. В. 313
 Образцова Е. В. 285
 Овчаренко Ф. 30
 Овчаров Ф. К. 443
 О’Генри 418
 Огнев В. Ф. 387
 Огрызко В. В. 491–494, 496
 Окуджава Б. Б. (Антон) 90, 128, 174, 437, 455, 479

- Окуджава В. Ш. 15, 161, 172, 187, 190, 192, 277, 479
 Окуджава И. Б. 158, 190, 193, 479
 Окуджава Н. Г. 223, 224
 Окуджава О. —
 см. Арцимович О. В.
 Окуджава О. С. 70, 78
 Окуджава Ш. С. 30, 103–106, 120, 171, 172, 174, 178, 181–183, 186, 188, 189, 203, 206, 208, 209, 212, 214, 222, 224, 274, 450, 479
 Окулова Г. И. 477
 Ольга, Оля — см. Арцимович О. В.
 Ольхон А. С. 242, 243
 Оношкович-Яцына А. И. 336, 338, 345–348, 350, 355, 356, 358
 Орджоникидзе Г. К. 450
 Орлов 181
 Орлов В. В. 411
 Орлов С. С. 22, 25, 144
 Орлова Р. Д. 387, 388, (409, 412, 413, 418, 430, 431), 432, 435, 450, (453–457), 472, 473
 Оскоцкий В. Д. 308
 Осповат Л. С. 398
 Островой С. Г. 24, 324
 Островский А. Н. 314
 Островский Я. И. 181
 Оттен Н. Д. 188
 Павел I 214, 436, 443
 Павлов 150, 155
 Павлов С. П. 396
 Падве Е. М. 91
 Пажитнов Л. Н. 460
 Пазий М. 59
 Панкин Б. Д. 150, 151, 154, 155
 Панфилов Г. А. 205
 Панфилов Е. А. 205
 Панфилова И. П. 230
 Панченко Н. В. 4, 137–139, 141–151, 153–162, 389, 390, 498
 Паперный З. С. 100, 337, 372
 Пармонов Б. М. 429
 Пастернак Б. Л. 7, 9, 11, 14, 15, 66, 70, 337, 350, 365, 367, 375, 381, 439, 449, 482
 Пастухова А. 420
 Пастухова А. Я. 274
 Паустовский К. Г. 278, 337, 340, 404, 406, 488
 Пахмутова А. Н. 244
 Пашенко Н. Т. 440
 Перелешин В. 415
 Пестель П. И. 475, 477
 Петраков А. Е. 232, 310, 337
 Петров А. 404
 Петров Е. П. 364
 Петров Н. А. 285
 Петрова Н. 226
 Петрова Ф. 286
 Петровский М. С. 372, 374
 Петрушанская Е. М. 308
 Пешкова М. (293–300)
 Пикуль В. С. 493, 494
 Пирогова В. И. 127, 129, 131
 Пислегина А. В. 171, 173, 177, 178
 Плайтген (Pleitgen) Ф. 421
 Платонов А. П. 66, 73, 410, 465
 Платонов О. А. 281
 Плотников В. Ф. 431
 Поводов С. 275
 Пожарский А. 277
 Пожлаков С. И. 287
 Поздняев М. К. 59
 Полежаев А. И. 365
 Полонская Е. Г. 342, 345, 346, 355
 Полоскин Б. П. 40
 Полторацкий В. В. 414
 Польская Л. И. 460
 Поляков И. 279
 Полякова С. В. 331
 Померанц Г. С. 325
 Попов Е. А. 438, 468
 Попов Н. 459
 Поповский М. А. 429
 Постовалов С. О. 149
 Потанин В. Ф. 466, 467
 Правдины 427

- Пржиалковский А. 439, 440
 Привалов К. 456
 Приставкин А. И. 69
 Притчет 431
 Притыкин Т. Б. 472
 Прокофьев А. А. 345, 346
 Прокофьев В. 425
 Просвирнов М. 140
 Простаков Н. Г. 283
 Прохоров А. М. 477
 Пугачёв Е. И. 116, 467
 Пугачёв Л. 394
 Пугачёва А. Б. 7
 Путина Л. А. 296
 Путренко Т. 119
 Пушкин А. С. 10, 59, 67, 78, 84,
 87, 166, 248, 249, 278, 294, 303,
 307, 315, 334, 337, 350,
 364–367, 398–400, 433, 434,
 436, 451, 460, 472, 473
 Радзинский Э. С. 285
 Разгон Л. Э. 463, 471
 Разгон Н. Л. 463
 Раззаков Ф. И. 488
 Разумовский М. 443
 Райзер А. А. 283
 Райхельгауз И. Л. 298
 Раскин И. З. 479
 Распутин В. Г. 218, 455, 464, 466
 Рассадин С. Б. 311, 323, 440, 451
 Рассадина А. 440
 Рахманинов С. С. 284
 Рейн Е. Б. 306
 Рекемчук А. Е. 419
 Ремарк Э. М. 388
 Рембо А. 364
 Реутский П. 243
 Рецептер В. Э. 440
 Рецептер И. В. 433
 Рид Д. 414
 Ришина И. И. 16, 111, 311
 Робель Л. 424
 Робертс Дж. 425, 426, 473
 Рогозин Д. О. 282
 Роднянская И. Б. 466, 474
 Рождественский Р. И. 25–27,
 166, 396, 406, 411, 424, 452
 Розанова М. В. 323
 Розенблюм О. М. 143, 323,
 326, 376, 377, 379, 382, 384,
 488, 498
 Розентулер И. 278
 Розенштейн Д. Б. 215, 216
 Розов В. С. 442, 467
 Розовский М. Г. 270, 411
 Рокфеллер Н. 116
 Романов А. 282
 Романовы 181
 Росляков В. П. 406
 Россельс В. М. 427
 Россинский В. С. 46, 56
 Ростоцкий С. И. 424
 Ротару С. М. 275
 Рошин М. М. 406, 452
 Рубанова И. И. 460
 Румянцев А. 243
 Румянцева Н. 143
 Русакова М. 259, 262
 Рыбаков А. Н. 85, 444, 457
 Рыбников А. Л. 90, 287 288
 Рязанов Э. А. 108, 295, 434, 490
 Ряшенцев Ю. Е. 24
 Савченко Б. А. 486, 487
 Сажин В. Н. 169, 316, 326,
 343, 511
 Сажин Д. В. 511
 Салливан А. 341
 Салтыков А. А. 427
 Салтыков-Щедрин М. Е. 446
 Самойлов Г. 282
 Самойлов Д. С. 16, 17, 68, 324,
 375, (388–394), 395, (397), 404,
 (412, 417, 428, 429, 431), 432,
 (437, 444), 456, (457, 458,
 460–462), 473
 Сапронов Г. 443, 472
 Саркисова С. С. 191
 Сарнов Б. М. 72
 Сахаров А. Д. 8, 432, 456, 485
 Сахнин А. Я. 404
 Сачков 149
 Сачков Д. 140
 Сашенька — См. Марьясин А. И.

- Свалов В. М. 175, 176, 205, 226, 227
 Светлов М. А. 337
 Светов Ф. Г. 404, 406, 410
 Свиридов С. В. 98, (237–250), 524
 Свободин А. П. 438
 Севак П. 36
 Севастьянов В. И. 19, 116
 Северянин И. В. 243, 457
 Сегеди И. 399
 Сельвинский И. Л. 381, 382
 Семёнов Г. В. 423
 Семёнов С. М. 483, 484
 Сёмина Т. П. 419, 464
 Сенкевич Ю. А. 48
 Сент-Экзюпери А. де 509
 Сергеев М. Д. 243, 424
 Сергеева 438
 Сетон-Томпсон Э. 418
 Сивко Е. 277
 Сидельников Н. Н. 287
 Сидоров Е. Ю. 61–64
 Сидорович Д. Е. 487
 Сидоровский Л. 416, 482
 Сидур В. А. 390, 415, (421, 422), 440, (441), 444, 445, (447–449, 452), 472, 473
 Сикорский В. В. 241
 Силис Н. А. 390
 Сима 184
 Сименон Ж. 283
 Симонов К. М. 7, 15, 19, 337, 338, 340, (392), 420, 472, 473
 Синицын И. 140–142
 Синявский А. Д. 323, 394, 403, 404, 470, 491
 Сипавина В. И. 411
 Сиркес П. 198
 Ситковский А. И. 388
 Скареднов А. Т. 127, 130
 Скарлыгина Е. Ю. 443
 Скатов Н. Н. 481
 Скоп Ю. С. 434
 Скуратов М. 242
 Славина З. А. 459
 Слуцкая Т. Б. 409
 Слуцкий Б. А. 10, 12, 14, 15, 28, 337, 387, 388, 393, 406, 415, 416, 462
 Смеляков Я. В. 337, 387, 388
 Смехов В. Б. 451
 Смирнов С. В. 88
 Смирнов С. С. 19
 Смирнов Ю. А. (410, 411), 473
 Смирнова А. И. 309
 Смит Дж. 248
 Смоленский Б. М. 234
 Смольянинов Г. В. 97, 98
 Смольянинова Г. В. 97, 98, 145, 158, 160, 161, 187, 189
 Смольянины В. Х. и К. И. 98
 Соболев А. П. 454
 Соболев Л. С. 396
 Соболев М. А. 397
 Соколова И. А. 234, 324, 336, 503
 Солдатенко В. 140
 Солженицын А. И. 18, 19, 116, 404, 409, 414, 416, 465, 467, 491
 Солнцев Р. Х. 392, 473
 Соловьёв В. И. 476
 Соловьёв С. А. 95
 Соломонов Ю. 19
 Солоухин В. А. 388, 416, 442, 466, 467
 Сорокин Л. Л. 34
 Соснора В. А. 22, 25, 361
 Сотников А. 125
 Софья Алексеевна 234
 Сохор А. Н. 374
 Спасский Б. В. 15
 Стаднюк И. Ф. 448
 Сталин И. В. 22, 23, 67, 110, 208, 212, 217, 389, 418, 450, 453, 456, 460
 Стариков В. Б. 270
 Стариков Д. 180
 Старцева Л. 204
 Старчик П. П. 8
 Степанцов М. В. 243
 Странник — см. Иоанн С.-Ф.
 Стрекотин А. А. 451
 Струве 202
 Стругацкий А. Н. 48

- Стругацкий Б. Н. 119
 Субботина Т. Е. (509, 510), 523
 Сулейменов О. О. 424
 Сурков А. А. 464
 Суханов А. А. 43
 Сухарев Д. А. 59, 460
 Сухих И. Н. 326
 Сушкова О. 69
 Табидзе Г. В. 70, 78
 Табидзе Т. Ю. 70
 Такун Ф. И. 505, 506, 508
 Тамара Александровна 184
 Тамм И. Е. 447
 Тарасенков А. К. 381, 393
 Тарасова Н. Б. 415
 Таривердиев М. Л. 277
 Тарковский Арс. А. 361, 389, 432
 Тарошина Б. Д. 463
 Татаринова И. 163
 Тахо-Годи Е. А. 486
 Твардовский А. Т. 243, 406
 Тельпугов В. П. 404
 Гендряков В. Ф. 218, 404, 416
 Тер-Акопян А. К. 36, 38
 Терёб А. 200
 Тер-Микаэлян Ф. М. 379
 Тимирязев К. А. 89
 Тихонов Е. 140
 Тихонов Н. С. 337, 340
 Товстоногов Г. А. 91
 Тодоровский П. Е. 55, 87, 93,
 198, 285, 464, 476
 Токарев Б. В. 438
 Толстой А. Н. 69
 Толстой Л. Н. 10, 278, 416, 460, 482
 Тома 459
 Томалин К. 425
 Томенчук Л. Я. 248
 Тоом А. Л. 392, 407, 472
 Третьяковский В. К. 45
 Трефолев Л. Н. 375
 Трифонов Ю. В. 416, 430, 433, 452
 Трубицына Р. 154, 156, 157
 Трус Л. С. 308, 309
 Грушкина А. 275
 Грушнович Я. А. 19
 Губовлев В. 200
 Туликов С. С. 286
 Тумаркин В. 388, 391, 397, 473
 Турков А. М. 390
 Турчинский Л. М. 381
 Тынянов Ю. Н. 253, 309, 369,
 370, 376, 451
 Тырин Ю. Л. 361
 Тюпа В. И. 307
 Тютчев Ф. И. 7, 397, 449
 Уайльд О. 340
 Уварова Е. Д. 488
 Уварова Н. 323
 Уварова С. В. 309
 Уварова-Даниэль И. П. 394
 Удальцов А. П. 408, 439
 Ульянов М. А. 48
 Уолтер Д. 285
 Ургант Н. Н. 94
 Уряшев А. 200
 Усова Н. Т. 144
 Усок И. 181
 Устинов В. В. 281
 Утёсов Л. О. 282
 Фасюра Т. 273
 Фатьянов А. И. 318, 319
 Федотов М. А. 471
 Фейхтвангер Л. 14
 Феофилактов Ю. П. 215, 216
 Фет А. А. 434
 Филатов Л. А. 85, 89, 435
 Филиппов С. Н. 73
 Филипчук А. В. 181
 Филозов А. Л. 273
 Фирсов В. И. 62
 Фиш Г. С. 345, 347, 350
 Флекхауз В. 283
 Фогельсон В. С. 437
 Фокина А. 263
 Фолкнер У. 418
 Фомина О. А. 248
 Фоняков И. О. 25, 489
 Фрадков М. Е. 276
 Фрейн М. (425), 473
 Фридкина И. 482
 Фридлянд В. 279
 Фроман М. 353, 355, 356
 Фрумкин А. Н. 447

- Фрумкин В. А. 43
 Хаазен Й. 280, 284
 Хайкин С. 181, 183
 Хайт Ю. А. 345
 Ханукаева И. В. 169, 480, 483, 485, 493, 511
 Харитонов М. С. 385, (432, 433, 438, 445, 465, 467, 468, 470), 473
 Хармс Д. 278, 365
 Хемингуэй Э. 418
 Хлебников В. В. 367
 Ходасевич В. Ф. 365
 Ходорковский М. Б. 280
 Хозиева С. И. 489, 490
 Хомчик Г. В. 273
 Храмов Е. Л. 168, 311, 397, 417
 Хренов Ю. А. 166, 167, 176, 200, 201, 205
 Хромов И. В. 212
 Хромченко Я. Б. 190
 Царёв Б. Е. 25, 27
 Цветаева М. И. 360, 367
 Цветков В. И. 437
 Цветков И. А. 287
 Цейтлин Б. И. 272
 Циолковский К. Э. 475
 Цитриняк М. Г. 273
 Цхакая П. 224
 Цыбулевский А. С. 66, 381
 Цявловская Т. Г. (398–400), 473
 Цявловский М. А. 398
 Чайковский П. И. 284
 Чайковский Р. Р. 372
 Чаковский А. Б. 425, 442, 492
 Чангмарин Х. Ф. 28, 29
 Чебриков В. М. 68
 Чева М. 136
 Чевардин Е. Ю. 178, 190, 191
 Чевардин И. Ю. 178, 190
 Чевардин М. В. 171, 174, 178, 181, 183, 184, 190, 195, 210, 211
 Чевардин Ю. М. 174, 176, 178, 179, 183, 190, 195, 196, 228
 Чевардина Е. Л. 178, 190, 195, 196, 228
 Чевардина Л. В. 178, 183, 184, 190, 191, 193–197, 210–212, 215
 Чевардины 171, 173, 176, 178, 182, 189, 192, 197, 210–212, 215, 226, 227, 229
 Чепалов А. 445
 Чепурин Ю. П. 404
 Черемных Н. А. 212, 214
 Черниченко Ю. Д. 69, 460, 462
 Чернов Ю. 273
 Чернявский К. 381
 Чехов А. П. 10, 278, 465
 Чечет В. 283
 Чиладзе О. 456
 Чистяков В. П. 287
 Чичибабин Б. А. 461
 Чубайс А. Б. 208
 Чугуев В. 479
 Чугунова А. 283
 Чудакова М. О. 337, 342, 344, 355
 Чуев Ф. И. 456
 Чуковская Л. К. 15, 394, 428, 461, 473
 Чуковский К. И. 227, 247, 278
 Чупринин С. И. 484, 501
 Чухонцев О. Г. 466, 467
 Шакин Г. К. 84, 446, 447
 Шалаева Г. П. 490, 501, 502
 Шамина О. Н. —
 см. Мелешенко О. Н.
 Шандра В. А. 199
 Шанель К. 75
 Шаов Т. С. 273
 Шаповалов В. В. 273
 Шароев С. 181, 186
 Шахбазов Н. Г. 381
 Шаховской Д. А. —
 см. Иоанн С.-Ф.
 Шварц А. И. 294
 Шварц Е. Л. 278, 294
 Шварц И. И. 50, 55, 85, 86, 90, 94, 287, 426, 438
 Шварц Л. А. 287–290
 Шедвиговский И. Д. 138–140
 Шенк (Schenk) Д. 421
 Шерель А. А. 474, 488, 501, 502
 Шершунов А. Т. 507
 Шефнер В. С. 452

- Шикман А. 500
 Шилов К. В. 398–400, 473
 Шилов Л. А. 6, 31, 34, 72, 73, 227, 247, 256, 258, 259, 375, 505, 506, 508
 Шилова Н. Г. 227
 Шипов Р. А. 483
 Шиффер К. 74–76, 78, 80
 Шифферс Е. Л. 435
 Шишло А. 284
 Шкловский В. Б. 337
 Шкляревский И. И. 449
 Шмелькова Н. А. (459, 461, 462), 473
 Шнитке А. Г. 283
 Шолик А. 277
 Шолохов М. А. 202, 404, 422, 452
 Шостакович Д. Д. 449
 Шпилёв П. 140, 144
 Штайнер О. 283
 Шторм Г. П. 476
 Шуберт Ф. 334
 Шуклина В. П. 130, 131
 Шукухи А. 411
 Шукшин В. М. 416
 Шульга В. 273
 Шумихин С. 416, 472
 Шуша 427
 Шчепанович Б. 401
 Щедрина Н. М. 309
 Щёлоков В. А. 418
 Щёлоков И. В. 418
 Щеначёва М. 266
 Щербаков Д. А. 273
 Щербаков М. К. 57
 Щипачёв С. П. 319
 Шукин А. Н. 501
 Щуко В. А. 293
 Щуровский Ю. С. 287
 Эбралидзе Е. 269
 Эдлис Ю. Ф. 418
 Эйдельман (Мадора) Ю. М. 386, 415, (420, 425, 436–438, 442, 443, 445, 447, 448, 460), 473
 Эйдельман Н. Я. 256, 257, 361, 386, (398), 415, (418–430, 433, 435–440, 442, 444, 445–451, 453, 457, 459–461), 473
 Эльснер В. Ю. 381
 Эммонс Т. 442
 Энтин Ю. С. 288
 Эренбург И. Г. 6, 216
 Эристави Д. 510
 Эфрос А. В. 459
 Юровский В. Ш. (39–57), 232, (270–286), (293–305), 385, 483–485, 504, (511–520), 524
 Юрский С. Ю. 273, 285, 294, 448, 449
 Юрьева Т. (439, 440, 443, 444, 449, 455, 464, 467, 468, 470, 471), 473
 Юткевич С. И. 476
 Я. С. 427
 Языков Н. М. 334
 Яковлев А. Н. 69
 Якушева А. А. 502, 503
 Ямбург Е. А. (256–259), 523
 Янковский О. И. 294
 Ярмольник Л. И. 302
 Яцюк Т. 278
 Яшин А. Я. 22
 Naazen Jo — см. Хаазен Йо
 Mikkelsen G. 442
 Terrence E. — см. Эммонс Т.
 Wieck Hans-Georg — см. Век Х.-Г.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

✓ <i>От редакции</i>	3
----------------------------	---

✓ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Владимир Корнилов. Воспоминаний писать не буду.

Подготовил и прокомментировал А. Костромин 6

Владимир Дагуров. Один поэт на свете жил 21

Михаил Баранов. «Здесь всё правильно».

Записал и прокомментировал В. Юровский 39

Раиса Абельская. Как я поступала в Литинститут 58

✓ «ПО ЧЕРТЕЖАМ СВОЕЙ ДУШИ»

Владимир Леонович. Как дромадер через пески 65

Манана Менабде. 1993, Поезд Берлин–Лейпциг.

«Надежды маленький оркестрик...» 74

✓ ПУБЛИКАЦИИ

Михаил Баранов. Булат Окуджава: Моя жизнь в искусстве кино.

Две беседы 83

Dubia. Публикация и предисловие А. К. и М. Г. 97

Илья Марьясин. Переписка с Булатом 103

Дорогая Лёля. Встреча через шестьдесят лет.

Подготовил Кирилл Андреев 122

Марат Гизатулин. «Два старых солдатаика».

Булат Окуджава и Николай Панченко 137

✓ УРАЛ, 1964

Андрей Крылов. В поисках одной даты.

По материалам нижнетагильской прессы 163

Анна Лыткина. Несостоявшийся приезд в 1962-м.

Из писем к Чевардиным (1961–1965) 178

Александр Ермаков. Радость общения с земляком	199
Вячеслав Грузман. Человек живёт, пока живы люди	207
Воротяся из Тагила	222

✓ СТРОКА ИЗ СТАРОГО СТИХА СЛЫВЁТ НЕНАСТОЯЩЕЙ

А. Кулагин. Стихи об озорстве	231
Станислав Свиридов. Байкал и окрестности	237
Владимир Новиков. Дверь, которая не выдержала смысловой нагрузки	251

✓ ГАЛЕРЕЯ «ГОЛОСА НАДЕЖДЫ»

Евгений Ямбург. Школяры рисуют Окуджаву. <i>(Педагогический проект длиной почти в четверть века)</i>	256
Рисунки учеников 109-й московской школы	230

✓ ОКУДЖАВА СЕГОДНЯ

Без комментариев. По материалам Интернета-2005. <i>Подготовил В. Юровский</i>	270
Яков Никитский. В кадре и за кадром. <i>«Песни из кинофильмов на стихи Б. Окуджавы»</i>	287
Гости радио «Эхо Москвы» о Булате Окуджаве (Обзор материалов 2004–2005 гг.). Подготовил В. Юровский	293

✓ ШТУДИИ

Мария Александрова. Три дня в мире Булата Окуджавы	306
А. Кулагин. «На Тверском бульваре». <i>О первой песне «нового» Окуджавы</i>	310
Мария Гельфонд. Мандельштам и Окуджава: мир и лирический герой	325
Раиса Абельская. «Не бродяги, не пропойцы, за столом семи морей...»: (Окуджава, Киплинг, Гумилёв и другие)	336

✓ КОНТЕКСТ

Вл. Новиков. «...Всё дал — кто песню дал». <i>Дар и жертва в поэзии и судьбах Булата Окуджавы,</i> <i>Владимира Высоцкого и Александра Галича</i>	359
--	-----

✓ ДИССЕРТАЦИИ

- Ю. И. Минералов.** Р. Абельская. «Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности»372
- Н. А. Богомолов.** О. Розенблюм. «Раннее творчество Булата Окуджавы (Опыт реконструкции биографии)»376

✓ КРУГ ЧТЕНИЯ

- В зеркале дневниковых записей и писем современников**
(Обзор опубликованного). Подготовка к печати, вступительная заметка и комментарии А. Крылова385
- Кирилл Андреев.** Каждый пишет, как он дышит?
Биографические статьи в справочниках: неутешительные итоги474
- А. Альтшуллер.** Льва Шилова вновь обокрали.
И не только его505
- Татьяна Субботина.** Новые старые, но прелестные509

✓ СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Библиографический список текстов Б. Окуджавы, не вошедших в его собрание. Составили А. Е. Крылов и В. Ш. Юровский**511
- Наши авторы**521
- Именной указатель**524

Голос надежды *Новое о Булате*

Сборник

Научное издание

Составитель А. Е. Крылов
Редактор И. А. Соколова
Отв. за выпуск М. Р. Гизатулин

Компьютерная вёрстка Д. Дзюба

При перепечатке разрешение правообладателей
и ссылка на «Голос надежды» — обязательны

Мнения авторов сборника могут не совпадать с мнением редколлегии

Ваших отзывов ждут по адресу:
115409, Москва, пр. Маршала Жукова, 39
ЗАО «ЮПАПС»
Тел. (495) 220.22.35
E-mail: mgizatulin@yandex.ru

Подписано в печать 15.08.06.
Формат 60 х 90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34
Тираж 2 000 экз. Заказ № 0621200.

ООО «Профорбита»
115409, Москва, пр. Маршала Жукова, 39

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ОШИБОК, ЗАМЕЧЕННЫХ В ВЫПУСКЕ 2

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
98	17 снизу	И часть Салалак...	И часть Сололак...
112	3—5 снизу	По-видимому, имеются в виду Боярский Михаил Сергеевич — актёр кино, народный артист РФ, и его отец Боярский Сергей Александрович, театральный актёр.	Боярский Михаил Сергеевич — актёр кино, народный артист РФ; Боярский Александр Сергеевич (1938—1980) — его сводный брат, актёр; работал в театрах Ленинграда и Риги; погиб на гастролях в Болгарии во время морского купания в шторм.
130	1 сверху	1962 г.	1964 г.
138	5 сверху	Машиностроитель- ный комбинат	Металлургический комбинат
282	10 снизу	...и А. Адова	...и И. Адова
408	5 снизу	«Ловля карасей в Грузии»	«Ловля пескарей в Грузии»
448	17 снизу	Как надо издавать Булата Окуджаву:	Как не надо издавать Булата Окуджаву:

Редакция и редколлегия альманаха «Голос надежды» представляют своим читателям его третий выпуск, посвящённый материалам и событиям окуджавоведения 2005 года. Он традиционно открывается разделом «Из воспоминаний». А под шапкой «Урал, 1964» по тематическому принципу объединены материалы, касающиеся приезда уже известного поэта Булата Окуджавы в Нижний Тагил, где был арестован, а затем расстрелян его отец и где он сам прожил с 1934 по начало 1937 года. «Уральский» раздел, а также ряд других статей выпуска наглядно показывают, насколько ненадёжна человеческая память и как опасны бывают мемуары в качестве единственной опоры для выводов биографов.

Тему Тагила и 1937 года предваряет раздел «Публикации», куда, кроме двух интервью и архивных документов семьи Смольяниновых-Живописцевых, включены письма Окуджавы к друзьям его ранних школьных лет. Раздел «Штудии» на этот раз рассказывает о третьей переделкинской международной конференции филологов, посвящённой творчеству писателя. Другой раздел, появившихся впервые, назван цитатой из окуджавской песни: «Строка из старого стиха слывёт ненастоящей». Известные в области авторской песни учёные задаются вопросом: почему Булат Шалвович сам не опубликовал — ни в периодике, ни в сборниках — три стихотворения, взятые нами из фонограммы одного его выступления 1961 года?